ПРИКАМСКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

Общество в эпоху трансформаций:
проблемы и поиск решений в сфере безопасности

Материалы
Всероссийской с международным участием
студенческой научно-практической конференции

г. Пермь, 23 апреля 2026 г.

Общественный совет при Управлении МВД России по г. Перми
Региональная общественная организация
«Молодежная ассоциация юристов Пермского края»
АНО ВПО «Прикамский социальный институт»
ООО «ТелекомПлюс»

ОБЩЕСТВО В ЭПОХУ ТРАНСФОРМАЦИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПОИСК РЕШЕНИЙ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Материалы Всероссийской с международным участием студенческой научно-практической конференции, посвященной 25-летию Прикамского социального института (Пермь, 23 апреля 2026 г.)

Пермь
2026

УДК 340:330:316.7:159.9
ББК 67+65.2/4-98+71+88
О-28

О-28 **Общество** в эпоху трансформаций: проблемы и поиск решений в сфере безопасности: материалы Всероссийской с международным участием студенческой научно-практической конференции, посвященной 25-летию Прикамского социального института (Пермь, 23 апреля 2026 г.) / отв. ред. канд. ист. наук, проректор по науч. работе Н. В. Голохвастова ; Прикам. соц. ин-т. Электронные данные. – Пермь, 2026. 5,90 Мб ; 563 с. – Режим доступа: https://www.psi.perm.ru/images/library/VSNPK-bezopasnost-obshestvo-2026.pdf – Заглавие с экрана.
ISBN 978-5-91091-102-8

В настоящий сборник включены материалы Всероссийской с международным участием студенческой научно-практической конференции, которая состоялась в рамках реализации общевузовского научного направления «Национальная безопасность: стратегические приоритеты и система обеспечения», развивающего междисциплинарный, комплексный подход к исследованиям проблем социальной безопасности в условиях современного общественного развития. Статьи студентов из образовательных организаций России и ближнего зарубежья, входящие в сборник, посвящены правовым, экономическим, социокультурным, психологическим аспектам безопасности личности, общества, государства.

УДК 340:330:316.7:159.9
ББК 67+65.2/4-98+71+88

Редакционная коллегия:
А. Л. Лядова, В. В. Пискунова,
Я. В. Субботина, И. В. Царенко

Печатается по решению научно-методического совета
АНО ВПО «Прикамский социальный институт»

ISBN 978-5-91091-102-8

© Коллектив авторов, 2026
© АНО ВПО «Прикамский социальный институт», 2026

1. ОБЩЕСТВО В ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 347

Элиана Эдуардовна Акбашева
4-й курс, напр. «Юриспруденция»,
Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Пермь, Россия,
eliana.akbasheva@yandex.ru
Научный руководитель: О. В. Мальцев, канд. экон. наук, доцент,
SPIN-код: 6074-4159, https://orcid.org/0009-0009-0290-3645

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ И ИСПОЛНЕНИИ СМАРТ-КОНТРАКТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье исследуются проблемы защиты прав потребителей при заключении и исполнении смарт-контрактов как одного из ключевых инструментов цифровой экономики. Анализируются понятие и правовая природа смарт-контрактов, специфические риски для граждан-потребителей (регуляторный, риск непонимания условий, расхождение кода и текста на естественном языке, включение несправедливых условий, операционный риск). На основе обзора российского законодательства (ст. 160, 309, 434 ГК РФ), зарубежного опыта и складывающейся судебной практики выявлены пробелы, создающие угрозы экономической безопасности потребителей. Предлагаются конкретные меры по минимизации рисков, включая обязательное дублирование условий на естественном языке, механизм ex-ante контроля и ограничение суммы сделок. Результаты исследования подтверждают необходимость совершенствования законодательства для баланса инноваций и защиты прав граждан в условиях цифровизации.

Ключевые слова: смарт-контракт; защита прав потребителей; цифровая экономика; блокчейн; экономическая безопасность; цифровой рубль

Eliana E. Akbasheva
Student of the Perm Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Perm, Russia, eliana.akbasheva@yandex.ru
Supervisor: O. V. Malcsev, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, SPIN-code: 6074-4159, https://orcid.org/0009-0009-0290-3645

PROBLEMS OF CONSUMER RIGHTS PROTECTION IN THE CONCLUSION AND EXECUTION OF SMART CONTRACTS UNDER THE CONDITIONS OF THE DIGITAL ECONOMY

Abstract. The article examines the problems of protecting consumer rights in the conclusion and execution of smart contracts as a key tool of the digital economy. The concept and legal nature of smart contracts are analyzed, as well as specific risks for citizen-consumers (regulatory, misunderstanding of terms, discrepancy between code and natural language text, inclusion of unfair terms, operational risk). Based on the review of Russian legislation (Articles 160, 309, 434 of the Civil Code of the Russian Federation), foreign experience, and emerging judicial practice, gaps are identified that create threats to the economic security of consumers. Specific measures to minimize risks are proposed, including mandatory duplication of terms in natural language, an ex-ante control mechanism, and transaction amount limits. The research results confirm the need to improve legislation to balance innovation and the protection of citizens' rights in the context of digitalization.

Keywords: smart contract; consumer rights protection; digital economy; blockchain; economic security; digital ruble

В условиях активного внедрения цифровых технологий в экономику Российской Федерации особую актуальность приобретает вопрос защиты прав потребителей [1, с. 206] при использовании смарт-контрактов. С сентября 2026 г. начинается масштабное внедрение цифрового рубля, где смарт-контракты станут инструментом автоматического исполнения обязательств по сделкам [2]. Это открывает новые возможности для бизнеса и граждан, но одновременно создаёт специфические риски для неквалифицированных потребителей, не обладающих глубокими знаниями в области программирования и блокчейна. Проблема заключается в том, что традиционные механизмы закона РФ «О защите прав потребителей» не в полной мере учитывают особенности автоматического испол-

нения обязательств через программный код[1]. Цель настоящей статьи – выявить ключевые риски для потребителей и предложить направления их минимизации для обеспечения экономической безопасности граждан в цифровой среде [3, с. 450–453].

Смарт-контракт представляет собой программный код, размещённый в распределенном реестре (блокчейне), который автоматически исполняет предусмотренные условия сделки при наступлении определённых событий [4, с. 114]. В отличие от традиционного договора, смарт-контракт не имеет материальной формы и не требует дополнительного волеизъявления сторон после запуска. Его правовая природа в российском законодательстве определяется через нормы Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)[2]: письменная форма сделки считается соблюденной при использовании электронных средств (ст. 160 ГК РФ), а исполнение обязательств может происходить автоматически при наступлении обстоятельств с помощью информационных технологий (ст. 309 ГК РФ). Договор в электронной форме приравнивается к письменному (ст. 434 ГК РФ). Таким образом, смарт-контракт выступает не самостоятельным видом договора, а способом его заключения и исполнения в цифровой среде [5, с. 110–112]. Он применяется в финансовых услугах, логистике, торговле цифровыми активами и даже в повседневных сделках с использованием цифрового рубля.

Однако для потребителей – граждан, приобретающих товары, работы или услуги для личных нужд, – использование смарт-контрактов несет ряд специфических рисков [6, с. 184–186], которые выходят за рамки стандартной защиты по закону «О защите прав потребителей». Во-первых, регуляторный риск, связанный с отсутствием детального позитивного регулирования. Хотя изменения в ГК РФ 2019–2020 гг. легализовали автоматическое исполнение, специальных норм о правах потребителей в смарт-контрактах до сих пор нет[3]. Это приводит к неопределённости, особенно в трансграничных сделках, где применимое право может не учитывать российские гарантии.

---

[1] О защите прав потребителей (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2026) : закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026) // Ведомости СНД и ВС РФ. 09.04.1992. № 15. Ст. 766.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собр. законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

[3] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 20.01.2026) // Там же. 03.08.2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

Во-вторых, существует риск непонимания условий. Потребитель, не владеющий навыками программирования, не может самостоятельно проверить код смарт-контракта. Даже если платформа предоставляет описание на естественном языке, оно может не совпадать с фактическим исполнением. Это создает ситуацию, когда гражданин соглашается с условиями, которые не в полной мере осознает.

В-третьих, риск расхождения между кодом и текстом договора на естественном языке. Ошибка программиста или умысел разработчика может привести к тому, что автоматическое исполнение пойдёт вразрез с ожиданиями потребителя. В таком случае возникает вопрос: какой вариант имеет приоритет – код или описание?

В-четвёртых, риск включения несправедливых договорных условий. Из-за неизменяемости блокчейна оспорить или изменить такие условия после запуска контракта технически сложно, хотя суд может признать их недействительными [7, с. 92–93].

В-пятых, операционный риск включает ошибки в коде, проблемы с оракулами (внешними источниками данных) и технические сбои, приводящие к финансовым потерям потребителя.

Анализ судебной практики подтверждает наличие указанных проблем.

В деле № А55-7445/2022 истец оплатил стоимость автомобиля, полагая, что размещённое продавцом предложение, содержащее все существенные условия (марку, VIN-номер и цену), представляет собой публичную оферту, а оплата – её акцепт. Однако продавец вернул денежные средства, расценив платёж как ошибочный, и отказался от исполнения сделки[1].

Судебные инстанции отказали в удовлетворении требований истца. В качестве оснований было указано, что представленные скриншоты не содержат необходимых реквизитов (даты, времени, сведений о лице, сделавшем скриншот, и технических средствах), а также не подтверждают направленность волеизъявления ответчика именно на заключение договора с данным истцом. Суд пришёл к выводу, что договор между сторонами заключён не был, в том числе с использованием технологии смарт-контракта.

[1] Постановление Арбитражного суда Самарской области по делу № А55-7445/2022 от 18.05.2023. URL: https://kad.arbitr.ru (номер дела А55-7445/2022) (дата обращения: 19.04.2026).

В деле СИП-467/2024 Сбербанк не смог запатентовать систему с использованием смарт-контракта, поскольку суд квалифицировал её как способ хозяйственной деятельности, а не техническое решение[1].

Зарубежный опыт правового регулирования смарт-контрактов представляет значительный интерес.

В Китайской Народной Республике отсутствует официальное законодательное определение смарт-контракта. Тем не менее китайское договорное право допускает широкое использование цифровых технологий для заключения и исполнения традиционных договоров. Данная возможность закреплена в Законе об электронной подписи, Законе об электронной коммерции и Гражданском кодексе КНР.

В настоящее время смарт-контракты активно применяются в Китае как на платформе государственной цифровой валюты (цифровой юань), так и на частных блокчейн-системах. Они используются в финансовых услугах [8, с. 215–216], розничной торговле, в том числе при покупке автомобилей.

В Республике Беларусь смарт-контракт получил прямое законодательное закрепление в Декрете Президента № 8 от 21 декабря 2017 г. «О развитии цифровой экономики»[2]. Согласно данному нормативному акту смарт-контракт представляет собой программный код, предназначенный для работы в блокчейне или иной распределённой информационной системе в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок либо иных юридически значимых действий.

В России с запуском цифрового рубля в 2026 г. смарт-контракты станут массовым инструментом (платформа Банка России позволит создавать их для маркировки средств и автоматических платежей). Это усиливает риски для потребителей, особенно в сделках на небольшие суммы, где судебная защита экономически нецелесообразна.

Для минимизации рисков представляется обоснованным ввести следующие меры:

---

[1] Решение Суда по интеллектуальным правам по делу № СИП-467/2024 от 10.02.2025. URL: https://base.garant.ru/411504643/ (дата обращения: 19.04.2026).

[2] О развитии цифровой экономики : Декрет № 8 от 21.12.2017 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 27.12.2017. 1/17415 URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700008 (дата обращения: 19.04.2026).

– обязательное дублирование всех условий смарт-контракта на естественном языке с возможностью сохранения и печати;

– применение принципа толкования *contra proferentem*: при расхождении приоритет отдается варианту, наиболее благоприятному для потребителя;

– внедрение механизма предварительного (*ex-ante*) контроля типовых смарт-контрактов уполномоченным органом (например, Роспотребнадзором) с предоставлением налоговых льгот разработчикам;

– установление лимита суммы сделки для потребителей (например, эквивалент 1000 долл. США), чтобы ограничить потенциальные потери;

– введение технического требования к платформам о наличии «аварийной кнопки» или возможности приостановки исполнения по решению суда.

Предложенные меры не препятствуют развитию цифровой экономики, а создают условия доверия потребителей. Без них внедрение смарт-контрактов может привести к росту споров и снижению экономической безопасности граждан. Совершенствование законодательства в этой сфере станет важным фактором устойчивого социально-экономического развития России в условиях цифровых трансформаций.

Таким образом, проблемы защиты прав потребителей при использовании смарт-контрактов носят системный характер и требуют оперативного правового реагирования. Анализ рисков и зарубежного опыта показывает, что баланс между инновациями и защитой граждан возможен через комбинацию технических, процессуальных и регуляторных решений. Реализация предложенных мер позволит потребителям уверенно участвовать в цифровом обороте, минимизируя угрозы экономической безопасности. Дальнейшее развитие судебной практики и внесение изменений в закон «О защите прав потребителей» и ГК РФ станут ключевыми шагами на этом пути.

Список источников

1. Мальцев О. В., Мишланова Е. В. Актуальные аспекты признания и защиты цифровых прав в Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление в России: состояние, проблемы и перспективы : материалы 19-й Всерос. науч.-практ. конф. Пермь, 2025. С. 206–212.

2. Цифровой рубль // Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/dig_ruble/ (дата обращения: 19.04.2026).

3. Информационные технологии в юридической деятельности: правовая информатика, информационное и цифровое право : учебник / под. ред. В. А. Вайпана. М. : Юстицинформ, 2026. 752 с. URL: https://book.ru/book/962392 (дата обращения: 19.04.2026).

4. Дашин А. В. Смарт-контракты как новая форма исполнения обязательств: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 5. С. 112–125.

5. Богданова Е. Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // Lex russica. 2019. № 7. С. 108–118.

6. Чирков А. В. Регулирование рисков потребителя при заключении и исполнении смарт-контракта // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 11. С. 180–189. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.180-189.

7. Шатковская Т. В., Евстафьева А. А. Правовое регулирование изменения и расторжения смарт-контракта по законодательству РФ // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 85–94.

8. Вишневский А. А. Современное банковское право: Банковско-клиентские отношения: сравнительно-правовые очерки. М. : Статут, 2013. 349 с.

УДК 347.73

Кристина Андреевна Алферова[1]
Вера Витальевна Галич[2]
[1, 2] *2-й курс, напр. «Юриспруденция», Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия*
[1] *c.aalferova@gmail.com*
[2] *wera.galitch@yandex.ru*
Научный руководитель: Д. А. Карамышев, канд. юрид. наук, преподаватель кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой, SPIN-код: 2503-8110, https://orcid.org/0000-0002-1597-1614

АДАПТАЦИЯ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ К ИЗМЕНЕНИЯМ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В 2026 ГОДУ

Аннотация. Статья посвящена анализу ключевых налоговых изменений, вступающих в силу в 2026 г. на основании федерального закона № 425-ФЗ. В работе рассматриваются структурные сдвиги в налоговом администрировании, включая уточнение механизмов правопреемства в рамках Единого налогового счета (ЕНС) и детализацию очередности взыскания задолженности. Особое внимание уделяется существенному повышению ставки НДС (до 22 %) и снижению пороговых значений выручки для освобождения от налога. Отдельно проанализированы новации в налогообложении игорного бизнеса (введение гл. 25.5 Налогового кодекса РФ) и расширение критериев признания сделок контролируемыми. В заключение оцениваются переходные положения, направленные на снижение адаптационной нагрузки на налогоплательщиков в условиях модернизации фискальной системы.

Ключевые слова: федеральный закон № 425-ФЗ; налоговые изменения 2026; НДС; Единый налоговый счет (ЕНС); правопреемство; налог на игорный бизнес; контролируемые сделки; упрощённая система налогообложения (УСН); администрирование налогов

Kristina A. Alferova[1]
Vera V. Galich[2]
[1, 2] *Students of the Saratov State Law Academy, Saratov, Russia*
[1] *c.aalferova@gmail.com*
[2] *wera.galitch@yandex.ru*

Supervisor: D. A. Karamyshev, Candidate of Juridical Sciences,
Lecturer at the Department of Financial, Banking and Customs
Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva,
SPIN-code: 2503-8110, https://orcid.org/0000-0002-1597-1614

ADAPTATION OF TAXPAYERS TO CHANGES IN TAX LEGISLATION IN 2026

Abstract. The article is devoted to the analysis of key tax changes coming into force in 2026 on the basis of Federal Law No. 425-FZ. The work examines structural shifts in tax administration, including the refinement of the mechanisms of succession within the framework of the Unified Tax Account (UTA) and the detailing of the priority of debt collection. Special attention is paid to the significant increase in the VAT rate to 22 % and the reduction of the revenue thresholds for tax exemption. The novelties in the taxation of gambling businesses (the introduction of Chapter 25.5 of the Tax Code of the Russian Federation) and the expansion of the criteria for recognizing transactions as controlled are also analyzed. Finally, the article evaluates the transitional provisions aimed at reducing the adaptation burden on taxpayers in the context of the modernization of the fiscal system.

Keywords: Federal Law No. 425-FZ; tax changes 2026; VAT; Unified Tax Account (ETA); succession; tax on gambling

Принятие федерального закона № 425-ФЗ знаменует новый этап в развитии налоговой системы, внося структурные изменения в механизмы администрирования и правового регулирования фискальных обязательств уже в 2026 г.[1]. Актуальность анализа данных нововведений обусловлена не только календарным переходом к новому периоду, но и качественным изменением подходов к взаимодействию государства и налогоплательщиков. В отличие от предшествующих этапов реформирования, характеризовавшихся преимущественно корректировкой ставок или расширением базы, изменения 2026 г. затрагивают принципы исчисления и взыскания. В этой связи адаптация к новому правовому режиму становится не просто исполнением предписаний, а фактором экономической устойчивости хозяйствующих субъектов в текущем налоговом периоде.

[1] О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации : федер. закон от 28.11.2025 № 425-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511280017 (дата обращения: 04.04.2026).

Реформа коснулась и единого налогового счета (далее также – ЕНС) – нового способа учёта (инструмента) исполнения совокупной обязанности в налоговых органах, введённого для упрощения процесса уплаты налогов для налогоплательщиков [1, с. 102]. Законодатель уточнил механизмы правопреемства и очерёдность взыскания, которые вступили в силу с 1 января 2026 г. Нормы, дополняющие ст. 46 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ), формализуют механизм перехода налоговой обязанности: обращение взыскания на средства правопреемника осуществляется строго в пределах отрицательного сальдо его ЕНС. Это устраняет правовую неопределённость, возникавшую ранее при реорганизации юридических лиц, когда общие положения о правопреемстве вступали в противоречие с цифровизацией функционирования ЕНС. Кроме того, детализированная очерёдность взыскания задолженности, которая охватывала счета в рублях, валюте, драгоценных металлах и счета цифрового рубля, направлена на то, чтобы предоставить налогоплательщикам прогнозируемый алгоритм списания средств, снижая риск кассовых разрывов.

Наиболее значимые поправки для широкого круга налогоплательщиков связаны с изменениями элементов налогообложения по налогу на добавленную стоимость. Но Конституционный Суд Российской Федерации указывал, что размер ставки НДС, как и иные параметры налогообложения у стороны гражданско-правового договора, не может быть по собственному усмотрению изменён налогоплательщиком и не является условием договора, о котором между сторонами должно быть достигнуто соглашение при его заключении[1]. Ключевым фактом выступает увеличение базовой ставки с 20 до 22 %, применяемой в отношении товаров (работ или услуг), отгруженных с 1 января 2026 г. Параллельно с повышением ставки происходит расширение круга плательщиков за счёт снижения пороговых значений выручки для применения освобождения от НДС. Установленные в ст. 145 НК РФ пороги составляют 20 млн руб. за 2025 г. и 15 млн руб. за 2026 г., что

[1] По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 424 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 1 статьи 168 Налогового кодекса Российской Федерации, подпункта «а» пункта 1 статьи 1 Федерального закона от 31 июля 2020 года № 265-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой публичного акционерного общества «Банк ВТБ» : постановление Конституционного Суда РФ от 25.11.2025 № 41-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_519609/ (дата обращения: 04.04.2026).

свидетельствует о курсе на вовлечение в систему НДС субъектов малого предпринимательства уже в этом году. Данная тенденция требует от налогоплательщиков, применяющих упрощенную систему налогообложения (УСН), постоянного мониторинга уровня доходов для своевременного перехода к исполнению обязанностей плательщика НДС. Налоговая политика на период 2026–2028 гг. будет по-прежнему ориентирована на достижение следующих приоритетов: повышение справедливости налогообложения, усиление стимулирующей роли налоговой системы, а также оптимизация налогового администрирования с целью снижения нагрузки на плательщиков и увеличения поступлений [2, с. 156].

В развитие этих изменений скорректированы требования к оформлению счетов-фактур. Пунктом 10 ст. 2 закона № 425-ФЗ ст. 169 НК РФ дополнена требованием об указании в счёте-фактуре порядкового номера и даты счёта-фактуры, выставленного при получении оплаты (частичной оплаты) в счёт предстоящих поставок. В связи с этим постановлением Правительства РФ от 23.01.2026 № 26 внесены изменения в формы счёта-фактуры, книги покупок и книги продаж[1]. При этом до вступления постановления в силу (с 1 апреля 2026 г.) ФНС России рекомендовала руководствоваться письмом «О разъяснении изменений в порядке исчисления и уплаты налогов на имущество организаций»[2].

Новацией, не имеющей прецедентов, является введение главы 25.5 НК РФ, регламентирующей налог на игорный бизнес, что повлекло за собой признание утратившей силу прежней главы 29. Речь идет о полной перестройке системы налогообложения отрасли. Законодатель устанавливает дифференциацию объектов: для казино и залов игровых автоматов объектами остаются игровые столы и автоматы, тогда как для букмекерских контор и тотализаторов налоговой базой становится валовый доход − разница между принятыми ставками и выплаченными выигрышами. Ставки налога установлены в постоянной сумме: 250 тыс. руб. за один игровой

[1] О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 26 дек. 2011 г. № 1137 : постановление Правительства РФ от 23.01.2026 № 26 // Федер. налоговая служба : офиц. сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs/16598585/ (дата обращения: 04.04. 2026).

[2] О разъяснении изменений в порядке исчисления и уплаты налогов на имущество организаций : письмо ФНС России от 18.03.2026 № БС-36-21/2057@ // Федер. налоговая служба : офиц. сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs/16610804/ (дата обращения: 03.04.2026).

стол и 15 000 руб. за один игровой автомат, причём наличие более одного игрового поля на столе увеличивает ставку кратно. Для букмекерских контор ставка определена в размере 7 % от налоговой базы. Существенным административным аспектом выступает требование о регистрации каждого объекта в налоговом органе не позднее чем за пять дней до его установки, при этом объекты, зарегистрированные по правилам прежней главы, с 1 января 2026 г. считаются закрытыми, что требует от организаций игорного бизнеса перерегистрации[1]. ФНС России письмом от 26.01.2026 направила рекомендуемые формы налоговой декларации по налогу на игорный бизнес, которые применяются начиная с отчетности за январь 2026 г.[2]. Отечественный рынок азартных игр постоянно изменяется, следовательно, налогообложение с него является перспективным источником доходной части бюджетной системы России. В свою очередь, твёрдая ставка обеспечивает стабильный денежный поток в доходную часть казны [3, с. 166].

Также расширяются критерии признания сделок контролируемыми. Статья 105.14 НК РФ дополнена новым основанием: таковыми признаются сделки с лицами, зарегистрированными или являющимися налоговыми резидентами государств, в которых установлена ставка налога на прибыль организаций, равная 15 % или ниже. Примечательно, что Минфин России отказался от практики составления формального списка таких государств, возложив на налогоплательщика обязанность самостоятельно определять статус контрагента на основе нормативных актов иностранного государства. Данный подход повышает степень юридической ответственности бизнеса за должную осмотрительность при выборе контрагентов и требует внедрения механизмов мониторинга налогового законодательства стран-партнеров.

Анализ переходных положений закона № 425-ФЗ позволяет сказать, что одной из ключевых целей законодателя являлась минимизация негативных последствий, связанных с необходимостью адап-

[1] О рекомендованных формах документов, используемых при регистрации объектов налогообложения налогом на игорный бизнес : письмо ФНС России от 10.02.2026 № СД-36-3/993@ // Федер. налоговая служба : офиц. сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs/16603634/ (дата обращения: 04.04.2026).

[2] О рекомендуемой форме по налоговой декларации по налогу на игорный бизнес : письмо ФНС России от 26.01.2026 № СД-36-3/458@ // Федер. налоговая служба : офиц. сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs/16598585/ (дата обращения: 04.04. 2026).

тации налогоплательщиков к новым нормам и снижение уровня адаптационного стресса. К числу таких смягчающих мер относятся: освобождение от ответственности за непредставление декларации по НДС в 2026 г. для налогоплательщиков УСН, впервые столкнувшихся с обязанностью исчислять этот налог; а также признание безнадежной к взысканию и списание задолженности физических лиц, если по состоянию на 1 мая 2026 г. сумма такой задолженности в совокупности не превышает 500 руб. (или сумма задолженности, не учитываемая в совокупной обязанности, не превышает 10 тыс. руб.). Законодатель демонстрирует баланс между фискальной целью и необходимостью сохранения платежеспособности налогоплательщиков в период реформ.

Таким образом, налоговые изменения 2026 г. представляют собой комплексную модернизацию фискальной системы, требующую от налогоплательщиков оперативной адаптации. Наиболее существенные риски связаны с повышением ставки НДС до 22 % и снижением порогов освобождения, что влечет необходимость пересмотра договорной и учетной политики. Введение новой главы по налогу на игорный бизнес знаменует собой полную перестройку налогообложения в этой сфере. Но смягчающие переходные положения демонстрируют понимание законодателем необходимости предоставления налогоплательщикам адаптационного периода, в рамках которого приоритетом выступает сохранение экономической стабильности при одновременном ужесточении фискальных параметров.

Список источников

1. Васильева Е. Г. Единый налоговый счет, единый налоговый платеж как инновационная модель исполнения совокупной налоговой обязанности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 4 (259). С. 101–112.

2. Гончаренко Л. И., Адвокатова А. С. Основные направления налоговой политики на 2026–2028 гг.: новые тренды и меры реализации национальных целей // Экономика. Налоги. Право. 2026. № 1. С. 154–170. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-nalogovoy-politiki-na-2026-2028-gg-novye-trendy-i-mery-realizatsii-natsionalnyh-tseley (дата обращения: 06.04.2026).

3. Сергеев Л. И., Николенко П. В. Налогообложение игорного бизнеса в России в период экономического кризиса: региональный аспект // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2025. № 2 (111). С. 153–169.

УДК 340

Павел Владимирович Ананьев
1-й курс, напр. «Юриспруденция», Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Пермь, Россия, pahskaa12@yandex.ru
Научный руководитель: М. Г. Свирин, канд. полит. наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, SPIN-код: 2683-4713

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПОНЯТИЕ И ПОДХОДЫ К ЕГО ТРАКТОВКЕ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация. В статье рассматриваются основные теоретические подходы к трактовке категории «национальная безопасность» в современной российской политической и юридической науке. Анализируется эволюция понятия с 1990-х гг. до настоящего времени. Исследуются ключевые теоретические подходы и их отражение в современных научных дискуссиях и государственных документах. Обосновывается неразрывная связь национальной безопасности с социальной безопасностью личности и общества.

Ключевые слова: национальная безопасность; политическая наука; стратегия национальной безопасности; национальные интересы; государственная безопасность

Pavel V. Ananyev
Cadet of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Russia, Perm, pahskaa12@yandex.ru
Supervisor: M. G. Svirin, Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, SPIN-code: 2683-4713

NATIONAL SECURITY: DEFINITION AND APPROACHES TO ITS INTERPRETATION IN CONTEMPORARY RUSSIAN POLITICAL AND LEGAL RESEARCHES

Abstract. The article examines the main theoretical approaches to the interpretation of the category of “national security” in contemporary Russian political and legal science. The evolution of the concept from the 1990s to the present

is analyzed, with particular attention paid to the provisions of the 2021 National Security Strategy. Key theoretical approaches (realist, neoliberal, constructivist) and their reflection in current scientific discussions and official documents are identified. The inextricable link between national security and the social security of the individual and society is substantiated.

Keywords: national security; political science; national security strategy; national interests; state security

Нормативное определение понятия национальной безопасности закреплено в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. Национальная безопасность в этом документе трактуется как «состояние защищённости национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, её независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны»[1].

Следует отметить, что действующая Стратегия национальной безопасности 2021 г. представляет собой качественно новый этап в развитии представлений о содержании национальной безопасности. Она основана на понимании неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости национальной безопасности и социально-экономического развития страны. В документе значительно расширен перечень угроз. Так, помимо традиционных военных и экономических, особое внимание уделяется информационным и киберугрозам, дестабилизирующему воздействию на общество, угрозам духовной безопасности, включая попытки фальсификации истории и разрушения традиционных ценностей.

Тематика национальной безопасности широко представлена в современной российской науке. По состоянию на апрель 2024 г. российский индекс научного цитирования содержит данные о том, что за период с 1992 по 2026 г. в Российской Федерации было опубликовано около 2000 книг, посвященных проблемам национальной безопасности или отдельным ее аспектам, более 11 500

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

научных статей и защищено 660 кандидатских и докторских диссертаций по политологии, юриспруденции, экономике, социологии, философии и фармацевтике.

Приступая к рассмотрению понятия национальной безопасности, важно различать собственно национальную безопасность и смежные научные категории. Так, понятие *государственная безопасность* обычно фокусирует внимание на защите конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности государства, оно выступает составной частью понятия национальной безопасности [1, с. 187–188]. Термин о*бщественная безопасность* охватывает защиту материальных и духовных ценностей общества, правопорядок и общественное спокойствие [1, с. 855]. Термин *национальная безопасность* представляет собой комплексное понятие, которое объединяет в единую систему безопасность государства, общества и личности. По мнению отечественных исследователей В. Н. Казакова и П. В. Шамарова, в России концепция национальной безопасности приобрела интегративный характер, объединяющий либерально-демократический и общественно-государственный подходы, в настоящее время она направлена на обеспечение безопасности и личности, и общества, и государства [2, с. 48].

Следует отметить, что применительно к условиям современной России национальная безопасность – это не просто состояние защищённости, а динамический процесс, который нацелен на сохранение цивилизационной идентичности и суверенитета, где ключевым фактором выступает социальное благополучие граждан.

За последнее время в политической и правовой науке современной России сформировалось несколько теоретических подходов к интерпретации понятия национальной безопасности. Они во многом восходят к классическим подходам, которые сложились в теории международных отношений. Так, первый вариант получил условное название *реалистического подхода.* Он требует рассматривать феномен национальную безопасность прежде всего через призму военной мощи, геополитического влияния и защиты суверенитета от внешних угроз. В рамках этого подхода государство выступает главным действующим лицом обеспечения национальной безопасности, которое оперирует преимущественно силовыми ресурсами. Примером использования такого подхода может служить коллективная монография «Безопасность в геополитике: тео-

ретические и методологические аспекты» (2017) [3]. Отметим, что в тексте Стратегии национальной безопасности 2021 г. реалистический подход проявляется в акценте на укрепление обороноспособности, защиту суверенитета и территориальной целостности, а также противодействие попыткам внешнего давления.

Второй подход к пониманию национальной безопасности получил название *неолиберальный (институциональный)*. Здесь значительное внимание уделяется роли и месту международных институтов, правовых режимов и экономической взаимозависимости в обеспечении национальной безопасности. Безопасность трактуется не как игра с нулевой суммой, а как результат сотрудничества и соблюдения общих для всех участников международных отношений норм и правил. В современных российских дискуссиях данный подход находит отражение в признании важности международного сотрудничества в борьбе с терроризмом, киберугрозами и иными международными вызовами, при этом делаются оговорки о приоритете национальных интересов. Примером использования данного подхода может служить монография «Национальная безопасность России: институциональный контекст и человеческое измерение» (2010) [4].

Конструктивистский подход рассматривает национальную безопасность в контексте сохранения социальной и культурной идентичности, подчёркивает значение норм, ценностей и идеологий в формировании представлений о безопасности. Проявления такого подхода прослеживаются, например, в монографии М. С. Топчиева «Национальная идентичность в обеспечении социетальной безопасности российского общества» [5]. Добавим, что в Стратегии национальной безопасности 2021 г. конструктивистский подход ярко выражен в разделах о защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти как стратегических национальных приоритетов.

Как подчёркивает российский политолог О. А. Хлопов, каждый из этих подходов сочетает в себе богатые эмпирические детали и представления о природе и угрозах национальной безопасности, политики и эксперты могут использовать различные теории для анализа современных проблем [6, с. 188].

В современной российской политической науке всё большее признание получает тезис о том, что национальная безопасность не может быть сведена исключительно к военно-политическим аспек-

там. Социальная безопасность – обеспечение занятости, социальная защита, качество образования, здравоохранение, правопорядок – рассматривается как неотъемлемая составляющая национальной безопасности. Стратегия национальной безопасности 2021 г. прямо закрепляет, что национальная безопасность обеспечивает «достойные качество и уровень жизни граждан» и «гражданский мир и согласие в стране».

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в российской науке выделяются три основных теоретических подхода к трактовке национальной безопасности: реалистический (акцент на суверенитете и силовых ресурсах), неолиберальный, или институциональный (роль институтов и взаимозависимости), и конструктивистский (идентичность и ценности). Во-вторых, доминирующей тенденцией последнего десятилетия является интегративный подход, объединяющий все три парадигмы. Именно он получил закрепление в Стратегии национальной безопасности 2021 г.

Список источников

1. Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. М. : Юристь, 2001. 1272 с.

2. Казаков В. Н., Шамаров П. В. Национальная безопасность: теоретико-правовой анализ // Вестник Академии права и управления. 2017. № 1 (46). С. 48–53.

3. Безопасность в геополитике: теоретические и методологические аспекты : монография / В. С. Артамонов, Г. К. Артамонова, В. Н. Лукин, И. А. Малый и др. ; Мин-во Рос. Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. Иваново : МЧС России, 2017. 261 с.

4. Иззатдуст Э. С. Национальная безопасность России: институциональный контекст и человеческое измерение / Акад. управления. МВД России. М. : Academia, 2010. 255 с.

5. Топчиев М. С. Национальная идентичность в обеспечении социетальной безопасности российского общества : монография. М. : Сфера, 2025. 161 с.

6. Хлопов О. А. Концепция национальной безопасности в основных парадигмах теории международных отношений: реализм, либерализм, конструктивизм // Теории и проблемы политических исследований. 2023. Т. 12, № 1А. С. 179–190.

УДК 334.025

Данил Дмитриевич Баженов
1-й курс, напр. «Юриспруденция», Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Пермь, Россия, dencilor@gmail.com
Научный руководитель: О. С. Олесиюк, канд. экон. наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, SPIN-код: 5569-7962, https://orcid.org/0000-0002-2492-3286

К ВОПРОСУ О ФИНАНСИРОВАНИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. Данная работа посвящена анализу состояния финансирования системы исполнения наказаний (далее – СИН) в России, изучению его источников, устойчивости, влияния на результативность работы учреждений и ряду проблем. Выдвинута гипотеза о том, что недостаточность финансовых ресурсов, поступающих в органы СИН, может негативно повлиять на качественную работу исправительных учреждений. В качестве методов исследования использованы анализ, синтез, обобщение.

Ключевые слова: финансирование системы исполнения наказаний; учреждения; проблемы

Danil D. Bazhenov
Student of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia, dencilor@gmail.com
Supervisor: O. S. Olesiyuk, Candidate of Economic Sciences, Senior Lecturer at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, SPIN-code: 5569-7962, https://orcid.org/0000-0002-2492-3286

ON THE ISSUE OF FINANCING THE PENAL SYSTEM: PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

Abstract. This work is devoted to the analysis of the state of financing of the penitentiary system in Russia, the study of its sources, sustainability, impact on the effectiveness of institutions and a number of problems. It is hypothesized

that the lack of financial resources coming to the INS authorities may negatively affect the quality of work of correctional institutions. The research methods used are analysis, synthesis, and generalization.
Keywords: financing of the penitentiary system; institutions; problems

Распределение государственных финансов по сей день остаётся одной из важнейших экономических, социальных и управленческих проблем. Бюджетные организации играют важную роль в обеспечении деятельности здравоохранения, образования, социальных и других культурно значимых отраслей. Эффективное финансирование, необходимое этим организациям, напрямую влияет на качество предоставляемых услуг и удовлетворение потребностей населения.

Если говорить о правоохранительных структурах, то для поддержания порядка в стране и создания условий, в которых люди могли бы жить без ограничений и безопасно, очень важно, чтобы их источники финансирования были устойчивые, что позволило бы им максимально эффективно реализовывать свои функции в нынешних условиях.

Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН) также берётся в счёт, ведь она играет важную роль в обеспечении законности и безопасности в обществе. Помимо выполнения функций наказания, пенитенциарные заведения занимаются адаптацией осуждённых к жизни на свободе, что оказывает существенное влияние на сокращение числа преступлений и защиту населения. Для успешного осуществления этих задач необходимо адекватное финансовое обеспечение.

В текущей экономической ситуации система исполнения наказаний (СИН) сталкивается с рядом трудностей. В их числе недостаточное бюджетное финансирование, вследствие чего остаётся пока недостижимым приведение условий содержания спецконтингента в соответствие с требованиями законодательства [1], низкий уровень инвестиционной привлекательности учреждений данной системы, что отрицательно влияет на трудовую занятость осуждённых [2] и др. Всё это непосредственно влияет на функционирование уголовно-исполнительной системы (УИС).

В настоящей работе авторы проводят анализ финансирования Федеральной службы исполнения наказаний: его источников, полноты финансового обеспечения, их стабильности, а также влияния

на результативность работы учреждений УИС. Выдвинута гипотеза о том, что недостаточность финансовых ресурсов, поступающих в органы СИН, может негативно отразиться на функционировании исправительных учреждений.

В качестве методов исследования использованы анализ, синтез, обобщение.

Основным источников финансирования уголовно-исполнительной системы являются государственные средства. Объём выделяемых из государственного бюджета средств не статичен и зависит от экономической ситуации в стране и целей, определяемых Правительством Российской Федерации. Другими словами, государство может выделять меньше денег или больше на спецучреждения, что делает их зависимыми от бюджета.

Существует также дифференциация в финансировании данных учреждений на региональном уровне, определяемая экономическим положением конкретного субъекта Российской Федерации. Так, в ряде регионов из бюджетов выделяются дополнительные средства на проекты реабилитации отбывающих наказание, в то время как учреждения других территорий работают в условиях недостатка финансирования.

Финансирование, связанное с реализацией государственных программ, может быть нестабильным и зависеть от политической ситуации. Это создаёт трудности в долгосрочном планировании и реализации данных программ.

Хозяйственная деятельность ряда уголовно-исправительных учреждений приносит дополнительный доход. Тем не менее даже эти средства часто оказываются недостаточными для полного покрытия всех нужд учреждений. Более того, такая модель вызывает определённые противоречия: с одной стороны, она способствует вовлечению осуждённых в трудовую деятельность, а с другой – существует риск, что исправительные учреждения могут использовать эту практику в ущерб целям ресоциализации, ориентируясь преимущественно на увеличение собственной прибыли.

Проведём анализ источников финансирования в аспекте их устойчивости.

В экономическом плане. Поскольку, как указывалось ранее, рассматриваемая система финансируется из средств федерального бюджета, объём выделяемых средств напрямую зависит от экономической ситуации в государстве. Так, спад в экономике неизбеж-

но ведёт в секвестированию бюджета ФСИН, что, как следствие, негативно сказывается и на работе учреждений данной системы, и на условиях содержания заключённых. Подъём экономики, напротив, позволяет улучшать условия содержания осуждённых, труда сотрудников, реализовывать долгосрочные проекты.

По части политической турбулентности. Политические сдвиги и перемены могут существенно влиять на государственную политику, в том числе на финансирование УИС. Смена власти, например, может привести к пересмотру действующих государственных инициатив и изменению распределения бюджетных средств. Вследствие этого Федеральная служба исполнения наказаний может оказаться в центре внимания нового руководства или же отойти на второй план.

В контексте диспропорции в распределении средств. Действующая модель финансирования нередко приводит к неравномерному распределению ресурсов между различными региональными подразделениями и учреждениями УИС, что создаёт существенный разрыв в уровне и качестве предоставляемых услуг. Например, значительная доля финансовых ресурсов может направляться в территориальные управления Федеральной службы исполнения наказаний, что приводит к недостаточному финансированию их филиалов.

Рассмотрим влияние финансирования на качество предоставляемых услуг.

Финансовые ограничения оказывают прямое влияние на условия пребывания заключённых в местах лишения свободы. Дефицит бюджетных средств приводит к ограниченному доступу к медицинской помощи, неудовлетворительным жилищным условиям. Подобные обстоятельства, в свою очередь, оказывают отрицательное воздействие на физическое и эмоциональное благополучие осуждённых. Достаточное же финансирование позволяет улучшить инфраструктуру, закупить необходимое оборудование и повысить квалификацию персонала. Это, в свою очередь, создаёт более безопасную и достойную для жизни среду для осуждённых, улучшает условия их содержания, а также запускает программы профессиональной подготовки сотрудников.

Эффективность программ, направленных на реабилитацию и ресоциализацию лиц, находящихся в заключении, напрямую связана с объёмом выделяемых финансовых ресурсов: от этого зависят

возможности учреждений по обучению и трудоустройству осуждённых и их поддержка после отбытия наказания, что, в свою очередь, влияет на поведение данных лиц в обществе и способствует снижению совершения ими правонарушений.

Недостаточность финансирования ФСИН также отрицательно сказывается на кадровом обеспечении, так как неконкурентный уровень заработной платы сотрудников является препятствием для привлечения квалифицированных специалистов. В результате кадровый дефицит вызывает негативные последствия в работе системы в целом. Напротив, достаточное и стабильное финансовое обеспечение уголовно-исполнительной системы позволит решить проблему «кадрового голода», повысив престиж службы, что увеличит эффективность деятельности УИС.

Также рассмотрим меры, которые позволят добиться максимальной отдачи от финансирования уголовно-исполнительной системы.

Повышение экономичности бюджетных расходов в уголовно-исполнительной системе возможно благодаря интеграции современных технологий. Внедрение таких решений, как автоматизированный документооборот, информационные системы для управления ресурсами, телемедицина, онлайн-обучение персонала и энергосберегающие технологии, позволит не только оптимизировать затраты, но и значительно улучшить операционную деятельность учреждений УИС [3]. В результате будет создана более безопасная и прогрессивная среда как для осуждённых, так и для сотрудников.

Другой способ – сделать расходование бюджетных средств в уголовно-исполнительной системе более прозрачным. Для достижения этого необходимо:

- создать общедоступные реестры расходов;
- внедрить электронные системы для закупок;
- проводить регулярные независимые проверки и мониторинг;
- наладить каналы обратной связи с общественностью;
- обучать персонал и развивать внутренний контроль;
- публиковать отчеты о работе учреждений УИС;
- сотрудничать с НКО.

Эти меры помогут бороться с коррупцией, будут способствовать повышению доверия граждан и обеспечению более эффективного использования бюджетных средств, что положительно скажется на финансировании ФСИН.

Эффективное управление бюджетом реабилитации заключённых напрямую зависит от постоянной оценки результативности социальных программ и инициатив. Проведение системного анализа реализованных мероприятий позволяет выявлять и распространять положительный опыт. Впоследствии это позволит сэкономить бюджетные средства. Полученная информация о положительных практиках может лечь в основу финансового обоснования для привлечения бюджетных средств с систему исполнения наказаний.

Подводя итог, можно прийти к заключению, что финансовое обеспечение пенитенциарной системы представляет собой важную задачу, эффективность решения которой обусловлена различными факторами. От того, насколько достаточно и стабильно финансирование данной системы, зависят санитарные условия содержания спецконтингента, их трудовая деятельность и, следовательно, их последующие реабилитация и интеграция в общество. В этой связи вопросу финансирования системы исполнения наказаний требуется уделять особое внимание, что позволит не только улучшить условия для осуждённых, но и сделать саму систему более эффективной, с учетом имеющегося у неё потенциала [4].

Список источников

1. Пешкова (Белогорцева) Х. В. Бюджетные расходы Российского государства на финансовое обеспечение уголовно-исполнительной системы в бюджетном процессе // Журнал юридических исследований. 2023. Т. 8, № 3. С. 17–21. EDN QELPOG.

2. Огаркова Н. О. Повышение инвестиционной привлекательности производственных подразделений Уголовно-исполнительной системы // Управление, экономика и право: проблемы, исследования, результаты : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2021. С. 173–176.

3. Загарских В. В. Вопросы развития приносящей доход деятельности уголовно-исполнительной системы // Вопросы современной науки и практики. 2022. № 2 (7). С. 66–72.

4. Олесиюк О. С. Использование ресурсного потенциала учреждений системы исполнения наказаний в контексте социально-экономического развития внегородских территорий региона // Экономика, предпринимательство и право. 2026. Т. 16, № 1. С. 267–276. DOI: 10.18334/epp.16.1.124302. EDN JOMWMS.

УДК 343.85

Мария Дмитриевна Богданова[1]
Анастасия Витальевна Масютина[2]
[1, 2] *2-й курс, напр. «Судебная и прокурорская деятельность»,*
Институт прокуратуры Саратовской государственной
юридической академии, Саратов, Россия
[1] *mb0541084@gmail.com*
[2] *nastya6359@bk.ru*
Научный руководитель: П. В. Ересько, канд. пед. наук, доцент
кафедры информационного права и цифровых технологий,
SPIN-код: 4599-1671

ЦИФРОВОЙ ПРОФИЛЬ ГРАЖДАНИНА КАК НОВЫЙ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы административно-правового регулирования института цифрового профиля гражданина и Единой биометрической системы (ЕБС) в контексте перехода к модели «невидимого государства». Авторы анализируют правовую природу цифрового профиля, определяя его как функциональный заменитель паспорта, однако лишенный статуса документа строгой отчетности.

Ключевые слова: цифровой профиль; Единая биометрическая система (ЕБС); идентификация личности; биометрические персональные данные; цифровое право; информационная безопасность

Maria D. Bogdanova[1]
Anastasia V. Masyutina[2]
[1, 2] *Students of the Institute of the Prosecutor's Office,*
Saratov State Law Academy, Saratov, Russia
[1] *mb0541084@gmail.com*
[2] *nastya6359@bk.ru*
Supervisor: P. V. Eresko, Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor at the Department of Information Law and Digital
Technologies, SPIN-code: 4599-1671

THE DIGITAL CITIZEN PROFILE AS A NEW LEGAL IDENTITY REGIME

Abstract. The article discusses the current problems of administrative and legal regulation of the institution of a citizen's digital profile and the Unified Biometric System (UBS) in the context of the transition to the “invisible state” model. The authors analyze the legal nature of the digital profile, defining it as a functional substitute for a passport, but without the status of a strict reporting document.

Keywords: digital profile; Unified Biometric System (UBS); personal identification; biometric personal data; digital law; information security

Актуальность темы исследования обусловлена внедрением в России с 2023 г. Единой биометрической системы (ЕБС) и нормативным закреплением возможности использования «цифрового профиля» для совершения юридически значимых действий без предъявления паспорта. Государство движется к модели «невидимого государства»: гражданин подтверждает личность лицом или голосом. Однако административное право пока не готово к таким вызовам. Остаются неясными: правовой статус биометрических данных, порядок их защиты и механизм обжалования ошибочной идентификации [1, с. 98]. Цель статьи – выявить пробелы в административном регулировании цифрового профиля и предложить пути их устранения.

В соответствии с федеральным законом «О персональных данных»[1] биометрия относится к специальным категориям данных. Цифровой профиль представляет собой совокупность сведений о гражданине, хранящихся в ЕБС и позволяющих однозначно идентифицировать его при оказании государственных и коммерческих услуг[2]. Следует согласиться с мнением исследователей о необходимости проводить чёткое различие между электронной подписью и цифровым удостоверением личности как формой идентификации [2, с. 31].

С административно-правовой точки зрения цифровой профиль выполняет функцию удостоверения личности, то есть замещает паспорт в ряде процедур: получение справок, нотариальные действия, банковские операции. Однако, в отличие от паспорта, биометрия не является документом строгой отчетности, а её подтверждение происходит в удалённом режиме.

---

[1] О персональных данных (ред. от 08.08.2024) : федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

[2] О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части использования биометрических персональных данных : федер. закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ // Там же. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 16.

Одной из центральных проблем, возникающих при внедрении цифрового профиля, является коллизия между декларируемой добровольностью и скрытым принуждением. Формально закон закрепляет добровольный порядок сбора биометрии[1]. Однако на практике возникает эффект «принудительной добровольности»: многие МФЦ и банки отказывают в услуге без биометрии, ссылаясь на внутренние регламенты. Например, гражданин желает получить кредит или справку о несудимости дистанционно. Ему сообщают, что без цифрового профиля операция невозможна или ее выполнение займет в 3 раза больше времени. Суды пока не выработали единой позиции относительно того, является ли такое условие дискриминацией или правомерным требованием безопасности.

Не менее значимыми представляются риски ошибочной идентификации и неопределенность в вопросе возложения административной ответственности. Технические сбои в ЕБС уже фиксировались (например, сбой в 2024 г. в трех регионах, когда система не узнавала граждан). В юридической литературе высказываются обоснованные опасения относительно правовых рисков цифрового профилирования, связанных с расширением доступа третьих лиц к основным персональным данным граждан в рамках экспериментальных правовых режимов [3, с. 9]. Возникает вопрос: кто несет административную ответственность за отказ в предоставлении госуслуги из-за ошибки биометрии?

Согласно ст. 5.63 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) (нарушение порядка предоставления госуслуг) ответственность несет должностное лицо МФЦ или ведомства. Но если отказ автоматический, сгенерированный системой, – привлечь некого. Предлагается ввести состав: «Неправомерный отказ в предоставлении услуги по причине технической ошибки биометрической идентификации» с возложением ответственности на оператора ЕБС (юрлицо).

Анализ судебной практики позволяет наглядно проиллюстрировать существующие пробелы в законодательстве.

Пример 1 (отказ суда защитить гражданина)

Гражданин С. обратился в суд с жалобой на отказ МФЦ выдать паспорт по биометрии из-за того, что «система не распознала лицо

[1] О персональных данных : федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 7 июля 2025 г.). Ст. 9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

из-за очков». Суд указал, что биометрия – дополнительный способ идентификации, и гражданин обязан предъявить паспорт, если техника дала сбой. Отказ признан правомерным.

Пример 2 (компенсация морального вреда)

Жительница г. Казани не могла получить запись к врачу через портал Госуслуг три недели – система ошибочно считала её «заблокированным пользователем» после сбоя биометрии. Суд взыскал с оператора ЕБС 10 тыс. руб. компенсации, признав, что административный регламент не предусматривал процедуру ручного разблокирования.

Пример 3 (из реальной судебной практики)

Фабула дела. Истица ФИО3 обратилась в суд с иском к ФИО2 о защите персональных данных. В июне 2023 г. ответчик без согласия истца сфотографировала её на городском мероприятии («Артдворы» в г. Тольятти), а затем опубликовала фотографии и оскорбительные комментарии в сообществе «Центральный район Тольятти» в социальной сети «ВКонтакте». В комментариях третьи лица также распространяли порочащие сведения о профессиональной деятельности истца (директора школы), называли её «стервой», обвиняли в преследовании учителей и связях с политической партией. Истец своего согласия на обработку и распространение персональных данных не давала.

Решение суда. Центральный районный суд г. Тольятти 7 ноября 2023 г. удовлетворил иск в полном объёме[1]. Суд обязал ответчика прекратить распространение персональных данных (фотографий и комментариев) и удалить их из паблика «ВКонтакте». Также с ответчика взыскана компенсация морального вреда в размере 50 тыс. руб. Суд руководствовался ст. 152.1 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) (охрана изображения гражданина), ст. 3 и 9 федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» (обязательность согласия на обработку и распространение), а также ст. 151 ГК РФ (компенсация морального вреда). Суд подчеркнул, что даже размещение фотографии, сделанной в общественном месте, требует согласия, если изображение является основным объектом использования, а комментарии содержат порочащие утверждения о фактах.

[1] Решение Центрального районного суда г. Тольятти по делу № 2-345/2023 (о защите персональных данных и компенсации морального вреда).

Комментарий автора. Данное дело показывает, что даже обычные фотографии, опубликованные без согласия, являются персональными данными и защищаются законом. Если же речь идёт о биометрических данных в цифровом профиле (например, запись голоса или сканер лица), то риск злоупотреблений ещё выше. Суд в данном деле подтвердил: отсутствие письменного согласия субъекта – достаточное основание для привлечения к ответственности и удаления информации. Однако в случае с цифровым профилем возникает вопрос: кто будет отвечать, если данные распространились не от конкретного человека, а из государственной системы? Пока ответа в судебной практике нет.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что внедрение цифрового профиля происходит быстрее, чем формирование необходимой нормативной базы. Главными проблемами на сегодня являются: во-первых, отсутствие чётко прописанной процедуры обжалования сбоев при биометрической идентификации; во-вторых, неопределённость с тем, кто именно должен нести юридическую ответственность за ошибки в работе ЕБС.

Для решения указанных проблем предлагается следующее.

1. Законодательно закрепить правило, согласно которому при первом отказе системы гражданину обязаны предложить альтернативную ручную проверку личности (например, через оператора).

2. Ввести в КоАП РФ новую норму, устанавливающую ответственность юридических лиц – операторов биометрических систем – за технические сбои, повлёкшие необоснованный отказ в предоставлении госуслуги. Штрафные санкции целесообразно установить в диапазоне от 100 до 500 тыс. руб.

3. Разработать административную процедуру «временной верификации»: если биометрия не сработала три раза подряд, гражданин вправе потребовать идентификации через видеосвязь с уполномоченным сотрудником.

Таким образом, цифровой профиль, безусловно, делает взаимодействие с государством удобнее, однако одновременно порождает и новые уязвимости для граждан. Административно-правовая система пока не готова к массовому использованию биометрии: отсутствуют гарантии защиты от сбоев, механизмы оперативного восстановления прав и чёткие критерии добровольности. Пока эти пробелы не устранены, граждане фактически вынуждены всегда иметь при себе паспорт – на случай, если «цифра» подведёт. Без

внесения предложенных изменений говорить о полноценной замене традиционного удостоверения личности биометрией преждевременно.

Список источников

1. Орлова Е. Р., Голоманчук А. В. Отдельные вопросы внедрения цифрового профиля гражданина // Системный анализ в медицине и биологии. 2024. Т. 74, № 2. С. 96–105.

2. Гадыльшина З. Н., Какохо Т. Г. Правовые основы цифрового удостоверения гражданина // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2024. Т. 12, № 3. С. 25–34.

3. Степанов О. А., Басангов Д. А. О правовых особенностях и рисках реализации цифрового профилирования // Российская юстиция. 2024. № 1. С. 8–11.

УДК 347.9

Анастасия Дмитриевна Бузова
1-й курс, напр. «Юриспруденция», Прикамский социальный институт, Пермь, Россия, buzovaa97@yandex.ru
Научный руководитель: И. В. Царенко, канд. экон. наук, зав. кафедрой публичного и частного права,
SPIN-код: 6433-0847, https://orcid.org/0000-0002-8115-9982

ЮРИДИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу современных тенденций развития юридического документооборота в условиях цифровой трансформации общественных отношений. Рассматриваются ключевые проблемы перехода от традиционной бумажной формы документов к электронным форматам, вопросы юридической силы электронных документов и электронных подписей. Особое внимание уделяется аспектам информационной безопасности, организации хранения и обработки юридически значимой информации, а также необходимости совершенствования нормативного регулирования. На основе проанализированного материала формулируются предложения по повышению эффективности и безопасности юридического документооборота в цифровой среде.

Ключевые слова: юридический документооборот; электронный документ; электронная подпись; цифровая трансформация; информационная безопасность; правовое регулирование

Anastasia D. Buzova
Student of the Prikamsky Social Institute, Perm, Russia, buzovaa97@yandex.ru
Supervisor: I. V. Tsarenko, Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of Public and Private Law,
SPIN-code: 6433-0847, https://orcid.org/0000-0002-8115-9982

LEGAL DOCUMENT FLOW IN THE DIGITAL TRANSFORMATION ERA: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND SECURITY ENSURING

Abstract. The article is devoted to the analysis of modern trends in the development of legal document flow in the context of digital transformation of social relations. The paper examines key problems of the transition from traditional paper documents to electronic formats, the issues of legal force of electronic documents and electronic signatures. Special attention is paid to information security, organization of storage and processing of legally significant information, as well as to the need to improve legal regulation. Based on the conducted analysis, the author formulates proposals aimed at increasing the efficiency and security of legal document flow in the digital environment.

Keywords: legal document flow; electronic document; electronic signature; digital transformation; information security; legal regulation

В современных реалиях развитие цифровых технологий существенно изменяет способы создания, передачи и хранения юридически значимой информации, что приводит к трансформации традиционного юридического документооборота [1, с. 29]. Так, бумажные носители постепенно уступают место электронным документам, создаваемым и обрабатываемым в специализированных информационных системах, корпоративных порталах и государственных платформах [2, с. 44]. Кроме того, это позволяет ускорить деловые процессы, снизить издержки на хранение и пересылку документов, однако одновременно порождает новые риски и правовые вопросы, связанные с доказательственной силой и безопасностью таких документов [3, с. 79].

В нашей статье под юридическим документооборотом в широком смысле понимается совокупность процессов создания, регистрации, согласования, подписания, передачи, хранения и уничтожения документов, имеющих юридическое значение для участников гражданского оборота, органов государственной власти и иных субъектов права. А цифровизация этих процессов предполагает перевод значительной части операций в электронную форму, что порождает цифровой юридический документооборот как сложную систему, включающую технологическую, правовую, организационную, процессуальную составляющие [1, с. 29]. В результате этого меняется не только техническая сторона работы с документами, но и юридическое содержание доказательств, которые могут быть использованы в случае спора [4].

Необходимо отметить, что ключевым элементом электронного юридического документооборота выступает электронный документ, который должен обладать признаками юридической значимости, сопоставимыми с традиционным бумажным носителем [3, с. 79]. Для признания электронной формы документа допустимым

доказательством важны соблюдение установленных формальных требований, наличие квалифицированной электронной подписи уполномоченного лица, а также обеспечение целостности и неизменности информации. Так, на практике это требует не только применения соответствующих программно-технических средств, но и выстраивания внутриорганизационных регламентов, определяющих порядок работы с электронными документами [1, с. 31].

Кроме того, отдельную группу проблем составляет обеспечение доказательственной силы электронных документов в судебных и административных процедурах, ведь суду необходимо иметь возможность проверить подлинность электронного документа, установить лицо, его подписавшее, а также убедиться в отсутствии несанкционированных изменений после момента подписания. Важную роль здесь играют как правовые нормы, регламентирующие использование электронных подписей, так и экспертные методики анализа электронных следов, журналов событий и технических логов [1, с. 30].

Не менее важным вопросом является информационная безопасность юридического документооборота, так как утечка, искажение или уничтожение юридически значимых данных может повлечь серьёзные последствия для участников оборота. Таким образом, при организации электронного документооборота необходимо предусматривать многоуровневую систему защиты, а именно: разграничение прав доступа, резервное копирование, шифрование каналов связи и данных аудита действий пользователей. Иначе нарушение указанных требований не только ставит под угрозу конфиденциальность информации, но и способно поставить под сомнение надёжность документальных доказательств [1, с. 30].

Еще один немаловажный момент связан с тем, что цифровая трансформация юридического документооборота сопровождается необходимостью адаптации нормативного регулирования, которое должно обеспечить баланс между удобством использования электронных технологий и надёжной защитой прав участников. Необходимо уточнение терминологии, связанной с электронными документами и подписями, установление единых требований к форматам, структуре и длительности хранения электронных юридически значимых документов [4, с. 134]. Важно также учесть вопросы взаимодействия различных информационных систем, в том числе государственных и корпоративных, чтобы обеспечить взаимное признание документов и исключить дублирование операций.

Также особое значение приобретает подготовка кадров, способных грамотно работать с системами электронного документооборота и понимать юридические последствия электронных действий, ведь юристу, вовлечённому в сопровождение документооборота, необходимо ориентироваться не только в нормах права, но и в основных принципах функционирования информационных систем, правилах использования электронных подписей и рисках, связанных с информационной безопасностью. Такое междисциплинарное знание становится обязательным условием эффективной юридической практики в цифровую эпоху.

На наш взгляд, в перспективе можно ожидать дальнейшей интеграции юридического документооборота с государственными и корпоративными цифровыми платформами, расширения использования смарт-контрактов и иных автоматизированных механизмов фиксации юридически значимых действий. Всё это создаёт предпосылки для повышения прозрачности и предсказуемости взаимодействия между субъектами права, но одновременно требует постоянного обновления правового регулирования и развития правоприменительной практики, иначе ускоряющееся технологическое развитие может опережать правовую систему, создавая правовые пробелы и зоны неопределённости [1].

Таким образом, юридический документооборот в условиях цифровой трансформации представляет собой динамично развивающуюся систему, в которой технические и правовые аспекты тесно взаимосвязаны, а повышение эффективности и безопасности электронного документооборота возможно при условии комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, развитие организационных регламентов, внедрение современных средств защиты информации и подготовку специалистов нового формата. Только при таком подходе электронные документы смогут надёжно выполнять свою функцию носителей юридически значимой информации и служить устойчивой основой для защиты прав и законных интересов участников гражданского оборота.

Список источников

1. Морозова О. Г., Стэллман И. Ю. Цифровая трансформация юридического документооборота: безопасность, юридическая значимость электронных доказательств и интеграция с аналитическими платформами // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2025. № 2. С. 28–33. DOI: 10.31429/20785836-17-2-28-33. EDN GMTGWP.

2. Самогин А. С., Воронцова Н. В. Перспективы применения цифровых технологий в юридической деятельности // Современное право. 2020. № 5. С. 44–48. DOI: 10.25799/NI.2020.58.18.018. EDN OFVUJB.

3. Чертков Н. Н. Понятие юридического документа в контексте современной теории права и цифровизации // Юридическая наука. 2025. № 6. С. 75–80. EDN ZEDRYI.

4. Шатковская Т. В., Гончаров Е. И. Электронный документооборот в судебной системе Российской Федерации: проблемы и перспективы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 2. С. 131–135. DOI: 10.22394/2074-7306-2021-1-2-131-135. EDN EVJWPH.

УДК 343.98

Фаина Артуровна Гаджиева
3-й курс, напр. «Юриспруденция»,
Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний,
Пермь, Россия, fainagadzieva191@gmail.com
Научный руководитель: О. А. Крайнова, канд. юрид. наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
майор внутренней службы

РАСКРЫТИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ЭЛЕКТРОННЫМ СЛЕДАМ

Аннотация. Статья посвящена изучению роста количества IT-преступлений и роли электронных следов в их расследовании. Определяются понятия следа в криминалистике (материальный и идеальный), электронного следа как уникального вида с механизмом трансформации данных на цифровых носителях (компьютеры, сети, видеокамеры). Анализируются виды передачи информации в соответствии с федеральным законом № 126-ФЗ «О связи», проблемы изъятия следов из-за нехватки IT-специалистов и пробелов в законодательстве (ст. 164.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ, ст. 83 Уголовно-исполнительного кодекса РФ). Предлагаются меры: организация курсов повышения квалификации, доработка норм для профильных экспертов, адаптация методик к виртуальным преступлениям. Особо рассмотрено применение электронного следа в УИС для фиксации доказательств (запечатление, координация, трансформация, хранение). Сделан вывод о необходимости развития экспертизы и правовой базы необходимо для эффективного противодействия киберпреступности.

Ключевые слова: электронный след; IT-преступность; киберпреступления; криминалистика; материальные следы; виртуальные следы; судебная экспертиза; Уголовно-процессуальный кодекс РФ; Уголовно-исполнительный кодекс РФ; изъятие следов; IT-специалисты; телекоммуникационные сети; видеонаблюдение; уголовно-исполнительная система; расследование преступлений

Faina A. Gadzieva
Student of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service
of Russia, Perm, Russia, fainagadzieva191@gmail.com
Supervisor: O. A. Krainova, Candidate of Juridical Sciences,
Associate Professor at the Department of Criminal Procedure
and Criminology, Major of the Internal Service

SOLVING MODERN CRIMES USING ELECTRONIC TRACES

Abstract. The article is devoted to the growth of IT-crime and the role of electronic traces in their investigation. It defines the concept of a trace in criminology (material and ideal), and an electronic trace as a unique type with a mechanism for transforming data on digital media (computers, networks, and video cameras). The article analyzes the types of information transfer under Federal Law No. 126-FZ "On Communications" and the problems of removing traces due to a lack of IT specialists and gaps in legislation (Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Article 164.1, and Penal Code of the Russian Federation, Article 83). Measures are proposed: qualification courses, refinement of regulations for specialized experts, adaptation of methods to virtual crimes. The use of the UIS for fixing evidence (imprinting, coordination, transformation, storage) is particularly considered. Conclusion: the development of expertise and the legal framework is necessary for effective counteraction to cybercrime.

Keywords: electronic trace; IT-crime; cybercrime; forensic science; material traces; virtual traces; forensic examination; Criminal Procedure Code of the Russian Federation; Criminal Procedure Code of the Russian Federation; seizure of traces; IT specialists; telecommunication networks; video surveillance; penal system; crime investigation

В современном мире происходит увеличение количества противоправных действий, совершаемых с помощью информационных технологий. Специальные знания в области компьютерной информации злоумышленники применяют для осуществления противоправных действий.

С каждым годом возрастает уровень IT-преступности. Появляются новые способы совершения преступлений посредством информационных технологий и сети Интернет. Несмотря на то что преступления совершаются виртуально, специалисты могут отследить и выявить следы преступлений. Для того чтобы осмыслить термин «электронный след», необходимо определить общее понятие следа.

В криминалистике под следом понимают изменения материальной ситуации, которые отражают события правонарушения. В науке следы разделили на виды: материальные и идеальные. К материальным следам относят такие отражения события, которые запечатлены в сознании людей. Под материальными следами понимают отпечатки на материальных носителях [1].

В научных кругах идут споры о принадлежности электронных следов к тому или иному виду. Разрабатываются методики раскрытия и расследования преступлений, связанных с ЭВМ. Затруднение разработки способов и методов раскрытия возникает из-за того, что сам след имеет специфический состав как отпечаток совершенного противоправного действия. Доказано, что основу цифрового следа составляют компоненты цифровых технологий. Иными словами, его механизм следообразования не похож на уже известные виды образования следов. Механизм образования электронного следа позволяет производить трансформацию информации и ее передачу на указанный цифровой носитель [2].

Изучение следов данных преступлений позволяет сделать вывод о том, что произошел глобальный прогресс, заключающийся в развитии судебной экспертизы, а именно выявлении новых видов преступлений с особенными виртуальными следами. Отчасти данный вид следов можно отнести к следам материального характера, ведь они отображены только в памяти компьютера и его сетевых сервисах. Наяву данные следы отсутствуют. В реальной жизни можно отследить только последствия совершения преступлений с помощью применения современных технологий.

Выявляют несколько видов передачи информации через телекоммуникационные сети. В федеральном законе от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» указаны следующие виды передачи: телефонный, телеграфный, факсимильная передача данных и прочие виды документальных сообщений, в том числе обмен информацией между компьютерами, телевидение, звуковое и другие виды радио- и проводного вещания. Стоит помнить о том, что системы могут содержать и поддерживать сразу несколько видов таких каналов связи и передачи информации.

Поскольку электронные следы представляют собой сложную систему их образования, при их изъятии необходимо обладать специальными навыками. В данном случае возникает проблема, которая заключается в том, что в правоохранительных органах отсутствуют IT-специалисты или их численность ограничена. Для решения данной проблемы необходимо разрабатывать специальные курсы повышения квалификаций. В их рамках должны быть изучены новые методы и способы отслеживания и изъятия следов преступления в виртуальном пространстве. Необходимо помнить о том, что должны разрабатываться методы расследования, которые соответствуют современным способам совершения преступлений [3].

Необходимо также указать и тот факт, что настоящее законодательство устарело и требует внесения изменений. На законодательном уровне не урегулирован вопрос порядка изъятия и фиксации электронных следов.

В нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) указана только та информация, которая разрешает изымать информационные носители или производить их копирование. Но стоит заметить, что информация о лицах, которые должны совершать данные действия, отсутствует. В ст. 164.1 УПК РФ отмечено, что это должно быть лицо, которое уполномочено производить данные действия. Некоторые авторы, изучающие этот вопрос, считают, что в законодательстве должно быть чёткое указание на то, что специалисту необходимо иметь специальную профильную подготовку в сфере компьютерной техники. Малограмотный специалист может повредить изымаемые электронные следы или вовсе не сможет их распознать.

Электронным следом некоторые ученые считают информацию, которая осталась на электронных носителях. К таким можно отнести видеокамеры. В широком применении видеокамеры используют в системе исполнения уголовных наказаний. Учреждения уголовно-исполнительной системы, в которых содержатся осуждённые, обвиняемые или подозреваемые, оснащены специальными техническими устройствами, которые фиксируют ту или иную информацию. Согласно ст. 83 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации администрация исправительных учреждений вправе использовать аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля для предупреждения побегов и других преступлений, нарушений установленного порядка отбывания наказания и в целях получения необходимой информации о поведении осуждённых. Другими словами, можно сделать вывод о том, что данные средства при совершении преступления на территории учреждения уголовно-исполнительной системы будут иметь доказательственную базу в виде электронного следа, который был зафиксирован электронными и техническими средствами. Стоит учитывать тот факт, что в данном случае электронные следы также будут иметь свою специфику образования, а также структурные особенности, соотносимые с конкретными действиями: запечатлеть, координировать, трансформировать и хранить. Такая информация является электронным следом и считается уже готовым носителем доказательственной информации.

Список источников

1. Агибалов В. Ю. Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе. М. : Юрлитинформ, 2012. 152 с.

2. Колиев В. В. Современные возможности раскрытия и расследования преступлений по электронным следам // Аграрное и земельное право. 2023. № 4 (220). С. 196–199. DOI: 10.47643/1815-1329_2023_4_196.

3. Таршева М. Н., Матросова Л. Д. Проблемные вопросы раскрытия и расследования преступлений в сфере информационных технологий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 4 (101). С. 242–249.

УДК 347.1

Елизавета Александровна Дрёмина
4-й курс, напр. «Юриспруденция», Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Пермь, Россия,
elizaveta.dremina@yandex.ru
Научный руководитель: И. Ю. Мирских, канд. юрид. наук, доцент юридического факультета,
SPIN-код: 7828-7807, https://orcid.org/0000-0001-7278-8843

К ВОПРОСУ О РЕГУЛИРОВАНИИ ИСПОЛНЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. Статья посвящена проблемам правового регулирования исполнения гражданско-правовых обязательств в современных условиях. Особое внимание уделяется выявлению основных пробелов в законодательстве и выработке предложений по их устранению с учетом цифровизации гражданского оборота и экономических вызовов.

Ключевые слова: исполнение обязательств; надлежащее исполнение; невозможность исполнения; обеспечение исполнения; цифровизация гражданского права; электронное исполнение

Elizaveta A. Dremina
Student of the Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Perm, Russia,
elizaveta.dremina@yandex.ru
Supervisor: I. Yu. Mirskikh, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Law Department,
SPIN-code: 7828-7807, https://orcid.org/0000-0001-7278-8843

ON THE ISSUE OF REGULATION OF PERFORMANCE OF CIVIL LAW OBLIGATIONS

Abstract. This article is devoted to the problems of legal regulation of the performance of civil law obligations in modern conditions. Special attention is paid to identifying the main gaps in the legislation and developing proposals for their elimination, taking into account the digitalization of civil turnover and economic challenges.

Keywords: performance of obligations; proper performance; impossibility of performance; securing performance; digitalization of civil law; electronic performance

Исполнение гражданско-правовых обязательств составляет основу гражданского оборота, поскольку именно через надлежащее выполнение обязанностей реализуются права кредиторов и обеспечивается стабильность экономических отношений. Несмотря на достаточно подробную регламентацию данного института в гл. 22 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), практика показывает, что существующие нормы далеко не всегда справляются с вызовами современного оборота. В условиях цифровизации договорных отношений, внешнеэкономических ограничений и усложнения конструкций сделок возникают пробелы, которые приводят к спорам и снижению эффективности правового регулирования [1, с. 501].

Исполнение обязательства традиционно определяется как совершение должником действий (или воздержание от них), предусмотренных условиями обязательства, законом или иными правовыми актами. Согласно ст. 309 ГК РФ[1] исполнение должно быть надлежащим: в установленный срок, в надлежащем месте, надлежащим способом и надлежащим предметом. Принцип реального исполнения (ст. 396 ГК РФ) дополняет этот подход, требуя, чтобы должник по общему правилу исполнил обязательство в натуре, а не ограничился возмещением убытков.

Следует отметить, что исполнение обязательства представляет собой не одномоментный акт прекращения гражданско-правового обязательства (п. 1 ст. 408 ГК РФ), а динамический правовой процесс, в котором, помимо кредитора и должника, могут участвовать третьи лица. При этом законодателем не всегда проводится последовательное разграничение между категориями «исполнение обязательства» и «реализация обязанности», что порождает терминологическую неопределенность и коллизии в правоприменительной практике.

Особое значение при оценке действий должника в нестандартных (исключительных) условиях приобретают общеправовые принципы добросовестности и разумности (п. 3 ст. 1, ст. 10, п. 2 ст. 6 ГК РФ).

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая : федер. закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) // Российская газета. 28.11.2001. № 233.

Анализ правоприменительной практики и доктринальных источников позволяет выявить ряд системных проблем, снижающих эффективность института исполнения обязательств. Во-первых, неопределенность условий надлежащего исполнения при множественности лиц и участии третьих лиц. Положения ст. 313 и 314 ГК РФ предоставляют третьему лицу возможность исполнить обязательство за должника. Однако на практике сохраняется правовая неопределённость относительно случаев, в которых кредитор обязан принять такое исполнение, а также оснований, по которым кредитор вправе отказаться от принятия исполнения, предложенного третьим лицом. Суды нередко сталкиваются с ситуациями, когда третье лицо, не имеющее прямого интереса, пытается вмешаться в отношения, что приводит к отказам в принятии исполнения и последующим искам.

Во-вторых, остро стоит вопрос о расширении понятия невозможности исполнения. Действующая редакция ст. 416 ГК РФ учитывает лишь фактическую и юридическую невозможность. Экономическая невозможность (когда исполнение стало чрезмерно обременительным из-за резкого изменения обстоятельств, санкций или инфляции) законодательно не урегулирована должным образом. Это приводит к тому, что стороны вынуждены расторгать договоры через суд, теряя время и ресурсы. В условиях внешнеэкономического давления 2022–2025 гг. такие случаи участились, однако судебная практика остаётся противоречивой [2, с. 155].

В-третьих, проблемным остается применение норм о способах обеспечения исполнения обязательств после реформы 2015 г. Введение обеспечительного платежа расширило инструментарий, однако на практике возникают коллизии с нормами о залоге и задатке. Например, вопрос о возможности освобождения заложенного имущества от ареста при использовании обеспечительного платежа до сих пор решается неоднозначно. Кроме того, недостаточно урегулированы вопросы добросовестности третьих лиц при интервенции в обязательственные отношения.

В-четвёртых, цифровизация создает новые вызовы. Электронные документы, смарт-контракты на основе блокчейна и исполнение через цифровые платформы не имеют детальной нормативной базы в ГК РФ.

Хотя федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи»[1] частично урегулировал вопросы формы юридически значимых электронных документов, отсутствие в гражданском законодательстве специальных норм, регламентирующих порядок исполнения обязательств в электронной форме, порождает правовую неопределённость. Следствием этого является формирование судебной практики, в которой действия сторон, совершённые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, не признаются надлежащим исполнением.

Наряду с этим серьёзной проблемой правоприменения остаётся низкая эффективность института принудительного исполнения судебных актов, осуществляемого Федеральной службой судебных приставов. Данные статистики свидетельствуют о том, что значительная часть возбуждённых исполнительных производств оканчивается без фактического удовлетворения требований взыскателя. Такое положение дел подрывает доверие участников к стабильности гражданского оборота и гарантиям судебной защиты нарушенных прав.

Для решения выявленных проблем представляется необходимым комплексный подход, включающий как законодательную, так и правоприменительную составляющую. Прежде всего, следует дополнить ст. 416 ГК РФ нормой об экономической невозможности исполнения как самостоятельном основании прекращения обязательства. При этом важно установить критерий: существенное изменение обстоятельств, которое делает исполнение чрезмерно обременительным и не соответствующим разумным ожиданиям сторон на момент заключения договора. Аналогичный подход уже существует в ряде европейских кодификаций и мог бы быть адаптирован к российским реалиям с учётом позиции Конституционного Суда РФ по вопросам баланса интересов сторон [3, с. 107].

Также необходимо внести изменения в ст. 313 ГК РФ, чётко закрепив право кредитора отказаться от исполнения третьим лицом только при наличии существенных оснований (например, если такое исполнение нарушает личный характер обязательства или создаёт риск некачественного результата). Это снизит количество споров и повысит предсказуемость отношений.

[1] Об электронной подписи : федер. закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2011. № 15. Ст. 2036.

Для цифровизации исполнения обязательств целесообразно ввести в ГК РФ отдельную статью, регулирующую особенности надлежащего исполнения в электронной форме. В ней следует предусмотреть презумпцию действительности электронного исполнения при использовании квалифицированной электронной подписи и соответствия требованиям платформы (при ее наличии). Одновременно рекомендуется разработать рекомендации Пленума Верховного Суда РФ по оценке смарт-контрактов [4, с. 173].

Наконец, для повышения эффективности исполнительного производства следует внести поправки в федеральный закон «Об исполнительном производстве», предусмотрев обязательное использование цифровых сервисов (личный кабинет на Госуслугах) и расширение полномочий приставов по доступу к цифровым активам должника. Кроме того, полезным было бы ввести институт медиации на стадии исполнительного производства как обязательный этап перед принудительными мерами в определённых категориях дел [5, с. 40].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что институт гражданско-правовых обязательств нуждается в модернизации. Основными проблемами остаются неопределённость правового регулирования участия третьих лиц, отсутствие нормативного закрепления экономической невозможности исполнения, пробелы в регулировании электронной формы исполнения обязательств, а также низкая эффективность механизмов принудительного исполнения.

Список источников

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 2-е изд. М. : Статут, 2011. 848 с.

2. Вильданова М. М. Особенности обеспечения исполнения гражданско-правовых обязательств в Российской Федерации // Научный вестник. 2021. № 4. С. 154–161.

3. Агибалова Е. Н. Проблемы развития гражданского законодательства в условиях цифровой экономики // Вестник гражданского права. 2026. № 1. С. 106–113.

4. Одинцов С. В. Смарт-контракт: доктринальные и правоприменительные аспекты признания заключенным и действительным // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2026. С. 172–179.

5. Маркин П. В. Присуждение к исполнению обязательства в натуре // Право и политика. 2023. № 7. С. 38–50.

УДК 347.73

Дарья Ивановна Евдокимова[1]
Ульяна Руслановна Шахова[2]
[1, 2] *2-й курс, напр. «Юриспруденция», Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия*
[1] *evdokimovadar@mail.ru*
[2] *Zefirka57@yandex.ru*
Научный руководитель: Д. А. Карамышев, канд. юрид. наук, преподаватель кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой, SPIN-код: 2503-8110, https://orcid.org/0000-0002-1597-1614

ПОРЯДОК СБОРА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В НАЛОГОВОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические вопросы, связанные со сбором доказательств в налоговом процессе. Подчеркивается, что Налоговый кодекс РФ не содержит чётких правил для процедур доказывания, что является причиной противоречивой судебной практики. Особое внимание уделяется вопросам допустимости доказательств, соблюдения сроков и интеграции цифровых инструментов.

Ключевые слова: доказывание; цифровые доказательства; налоговый спор; налогоплательщик; цифровые ресурсы

Daria I. Evdokimova[1]
Ulyana R. Shakhova[2]
[1,2] *Students of the Saratov State Law Academy, Saratov, Russia*
[1] *evdokimovadar@mail.ru*
[2] *Zefirka57@yandex.ru*
Supervisor: D. A. Karamyshev, Candidate of Legal Sciences, Lecturer at the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva, SPIN-code: 2503-8110, https://orcid.org/0000-0002-1597-1614

PROCEDURE FOR COLLECTING EVIDENCE IN TAX PROCEEDINGS

Abstract. This article examines the theoretical and practical issues related to the collection of evidence in tax proceedings. It emphasizes that the Tax Code of the Russian Federation does not contain clear rules for evidentiary proce-

dures, which leads to contradictory judicial practice. Special attention is paid to the admissibility of evidence, compliance with deadlines, and the integration of digital tools.

Keywords: evidence; digital evidence; tax dispute; taxpaye; digital resources

В современной юридической практике вопросы доказательств и процесса их представления в налоговых спорах имеют первостепенное значение. По мнению М. Ю. Березина, оценка доказательств является одной из стадий налогового процесса [1, с. 86]. Процедура сбора доказательств, будучи ключевым элементом процесса, в значительной степени определяет легитимность дальнейших действий налоговых органов. Несмотря на то что Налоговый кодекс РФ[1] (далее – НК РФ) содержит отдельные нормы, касающиеся налоговых проверок и их результатов, в налоговом процессе отсутствует единая системная процедура доказывания. Имеющиеся нормы не образуют целостный правовой институт, что приводит к противоречивой судебной практике по аналогичным делам. Это обстоятельство подчеркивает острую потребность в глубоком теоретическом анализе вопросов сбора доказательств в рамках налогового процесса. По мнению С. Д. Ушакова и В. В. Никитина, под доказыванием понимается нормативно урегулированная деятельность уполномоченных субъектов, осуществляемая в соответствии с положениями НК РФ [2, с. 155]. Целью данной деятельности является систематический сбор, всесторонняя проверка и объективная оценка фактических обстоятельств, касающихся виновного противоправного деяния, за которое предусмотрена юридическая ответственность согласно законодательству о налогах и сборах. В своей статье С. Д. Ушаков и В. В. Никитина утверждают, что главная проблема в процессе доказывания по налоговым спорам заключается в отсутствии в НК РФ чёткой регламентации процедур сбора, верификации и оценки доказательств, относящихся к налоговым правонарушениям [2, с. 155].

Для каждого доказательства установлены конкретные критерии оценки, включающие его относимость, допустимость, достоверность и достаточность. Все собранные доказательства, рассматриваемые вместе, должны быть неоспоримо достоверными, исчерпы-

[1] Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 28 ноября 2025 г.) // Собр. законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824; 2025. № 48. Ст. 7236.

вающими и достаточными для квалификации и урегулирования налогового спора. По мнению И. В. Дементьева, налоговое судопроизводство как процессуальный механизм по сравнению с гражданским и уголовным находится на начальном этапе своего становления [3, с. 86]. Их ключевая функция заключается в разрешении правовых конфликтов и вынесении окончательных правоприменительных документов. Сравнительный анализ этих процессуальных механизмов выявляет, что уголовная и гражданская юрисдикции обладают наиболее проработанными процедурами. Напротив, налоговое судопроизводство находится на начальном этапе своего становления. Теоретические основы доказательственной деятельности и процесса доказывания ещё не получили должного развития.

Допустимость доказательств является фундаментальным условием их сбора, так как именно соблюдение установленной процессуальной формы при формировании доказательственной базы часто становится источником острых разногласий между налоговыми органами и налогоплательщиками. Суд не принимает доказательства при недостоверности заключения эксперта, нарушении ст. 96 НК РФ, ошибках в протоколах или получении их неуполномоченным лицом. Спорной является и практика рассмотрения вышестоящим налоговым органом доказательств при обжаловании – это считается процедурным нарушением. Исследование судебной практики И. В. Дементьева показало, что суды расходятся во мнениях относительно доказательств, полученных налоговой инспекцией после окончания проверки: часть судов их не принимает, тогда как другие считают допустимыми [3, с. 82]. К. Е. Ворочай и Н. А. Кравченко отмечают, что у налогового органа и налогоплательщика существует фактическое право предоставлять суду в качестве доказательства документы, которые ранее не были представлены налоговому органу [4, с. 132]. Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в абзаце 3 п. 78 Постановления от 30.07.2013 г. № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации» разъяснил судам, что «по общему правилу сбор и раскрытие доказательств осуществляются как налоговым органом, так и налогоплательщиком на стадии проведения мероприятий налогового контроля и в ходе досудебного разрешения спора». Так, например, в определении от 09.03.2017 № 305-КГ17-

1991 Верховный Суд подтвердил, что непредставление документов в налоговый орган без уважительных причин, с направлением их сразу в суд, является злоупотреблением права. Также существует множество примеров отрицательной арбитражной практики, где налоговые органы потерпели неудачу из-за недостаточности или недопустимости предоставленных доказательств. Как отмечает Д. А. Карамышев, данные из системы «Платон» одни суды считают прямым доказательством, другие – сомнительным из-за технических особенностей (постановление Президиума ВАС № 15574/09[2]) [5, с. 137].

Современный этап развития налогового законодательства и практики отмечен стремительным внедрением цифровых решений. Ю. Белякова подчеркивает, что Федеральная налоговая служба России занимает передовые позиции в мире по использованию цифровых технологий [6, с. 19]. Ее программные комплексы, в частности «АСК НДС-3» и АИС «Налог-3», создают огромные массивы данных, которые теперь являются ключевым источником доказательственной информации. Понятие «цифровой след», обозначающее сохранение информации в базах данных в результате использования электронных устройств, прочно вошло в научный оборот. Ю. М. Белякова выделяет следующие виды цифровых доказательств, применяемых в налоговых спорах: совпадение IP-адресов организаций, банковские выписки по счетам контрагентов, данные из системы Центрального банка Российской Федерации «Знай своего клиента» и т. д. [6, с. 20]. Также Д. А. Карамышев и В. Ю. Миронов уделяют особое внимание информационным платформам «Риски», «Честный знак» и «Меркурий», выполняющим важную функцию в доказывании налоговых правонарушений [7, с. 49].

Важной вехой в развитии практики использования цифровых доказательств стало определение Верховного Суда РФ от 07.02.2023, которое признало допустимыми доказательствами незаверенные скриншоты электронной переписки. Данное решение поставило точку в многолетнем споре и подтвердило тенденцию к либерализации требований к форме цифровых доказательств. Наряду с преимуществами, цифровизация ставит перед обществом

[1] Определение Верховного Суда РФ от 09.03.2017 № 305-КГ17-199 по делу № А40211438/2015. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[2] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда от 9 марта 2010 г. № 15574/09 // Вестник ВАС РФ. 2010. № 6.

новые вызовы. В контексте изучения процессуальных аспектов налоговых расследований особую актуальность приобретает вопрос унификации подходов налоговых органов и Следственного комитета РФ к оценке выполнения налоговых обязательств. Авторы акцентируют внимание на том, что данные, полученные в ходе налоговых процедур, могут служить основой для квалификации преступлений, что обусловливает потребность в выработке единых стандартов сбора доказательственной базы.

Исследование научной литературы выявило существенные недостатки в законодательстве, регулирующем сбор доказательств. Так, Н. В. Князева подчеркивает, что налоговый процесс нуждается в улучшении правил распределения бремени доказывания и оценке доказательств на досудебной стадии [8, с. 236]. Также утверждаются формы документов, фиксирующих действия налоговых органов. Тем не менее в текущих налоговых и судебных разбирательствах выявляется немало пробелов. Например, стоит рассмотреть возможность и порядок назначения повторной или дополнительной экспертизы по инициативе налогоплательщика, если он не согласен с выводами эксперта.

Также важно отметить, что НК РФ недостаточно регулирует процесс доказывания и предлагает включить в него чёткие нормы, понятия и требования к доказательствам. В качестве перспективного пути развития института собирания доказательств юристами рассматривается создание единых стандартов с опорой как на отечественный, так и на зарубежный опыт. Учёные единодушны во мнении о необходимости совершенствования процессуальной регламентации сбора доказательств ввиду противоречивой практики и цифровой трансформации налоговых отношений.

Список источников

1. Березин М. Ю. Оценка доказательств в налоговом процессе // Хозяйство и право. 2019. № 5 (508). С. 86–92.

2. Ушаков С. Д., Никитин В. В. Актуальные проблемы доказывания в налоговых спорах // Сб. тр. XX Всерос. декабрьских юридических чтений в Костроме. Кострома : Костром. гос. ун-т, 2024. С. 154–158.

3. Дементьев И. В. Доказательства и доказывание в налоговом процессе // Журнал российского права. 2011. № 1 (169). С. 82–88.

4. Ворочай К. Е., Кравченко Н. А. Проблемы доказывания в спорах, вытекающих из налоговых правоотношений: судебная практика и пути законодательного совершенствования // Вестник экономики и права. 2025. № 106. С. 129–136.

5. Карамышев Д. А. Институт налоговых споров : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2025.

6. Белякова Ю. М. Цифровые следы как источник доказательства в налоговом праве // Цифровые технологии и право. 2025. Т. 1, № 4. С. 19–24.

7. Карамышев Д. А., Миронов В. Ю. Понятие, виды и роль налоговых информационных ресурсов в выявлении и доказывании нарушений налогового законодательства // Российский юридический журнал. 2023. № 1. С. 49–51.

8. Князева Н. В. Налоговое право. Порядок сбора доказательств в налоговом процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 3. С. 234–238.

УДК 323.2

Анастасия Александровна Евстигнеева
Рядовой внутренней службы, Пермский институт
Федеральной службы исполнения наказаний России, Пермь, Россия,
yevstigneeva06@bk.ru
Научный руководитель: М. Р. Гиляzетдинов, старший
преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового регулирования этнополитических отношений в Российской Федерации. Актуальность изучаемой темы обусловлена тем, что Россия является многонациональной страной, а правовое регулирование обеспечивает безопасность социальных связей в стране между разными этническими группами и народами страны.

Ключевые слова: этнополитические отношения; ценности государства; социальные конфликты; традиции; языки; вопросы регулирования; общественные отношения

Anastasia A. Evstigneeva
Private of the Internal Service, Perm Institute
Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia,
yevstigneeva06@bk.ru
Supervisor: M. R. Gilyazetdinov,
Senior Lecturer at the Department of State and Legal Disciplines

ISSUES OF LEGAL REGULATION OF ETHNO-POLITICAL RELATIONS IN RUSSIA

Abstract. The article examines issues regarding the legal regulation of ethnopolitical relations in the Russian Federation. The relevance of the topic stems from the fact that Russia is a multi-ethnic country, and legal regulation ensures the security of social ties among the nation's various ethnic groups and peoples.

Keywords: ethnopolitical relations; state values; social conflicts; traditions; languages; issues of regulation; social relations

Актуальность темы вопросов регулирования этнополитических отношений в России обусловлена множеством факторов. В первую очередь Россия славится своим многонациональным характером, о чём нам говорит преамбула в Конституции РФ[1]. По данным статистики 2026 г., в Пермском крае проживают представители более 120 народов: башкиры, татары, поляки, чуваши, белорусы, немцы, русские, узбеки и т. д. Также рост миграционных процессов в России актуализирует вопросы, касающиеся толерантных отношений и коммуникации в обществе [1]. Многие люди интересуются своими этническими корнями, традициями, культурой, языком, что является естественным стремлением. Однако иногда этот интерес может перерастать в этнический национализм, когда человек ставит интересы и права своей нации выше интересов и прав других этнических групп. Это может приводить к межнациональным конфликтам в экономической, политической и социальной сфере, а иногда и к более тяжёлым последствиям, таким как терроризм, экстремизм и возрастание национальной напряжённости [2].

Также одним из факторов, определяющих актуальность исследуемой темы, является вхождение в состав России новых территорий, таких как Республика Крым и город федерального значения Севастополь в 2014 г.[2], Донецкая и Луганская народные республики, Запорожская и Херсонская области в 2022 г.[3], что ставит вопрос об укреплении общероссийской гражданской идентичности.

Таким образом, изучаемая тема является актуальной, так как связана с сохранением территориальной целостности государства, его суверенитета и общественных отношений для всех народов, проживающих в Российской Федерации.

---

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 15.03.2026).

[2] О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя : Федер. конституц. закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ (ред. от 30.11.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618/ (дата обращения: 10.03.2026).

[3] О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/news/o_prinyatii_v_rossiyskuyu_federatsiyu_donetskoy_narodnoy_respubliki_luganskoy_narodnoy_respubliki_za_101022/ (дата обращения: 10.02.2026).

Главной задачей государства на сегодняшний день выступает сохранение в стране интересов народов в разных аспектах общественных отношений. Для этого необходимо обеспечение правовой и материальной составляющей с целью развития добровольного, равноправного и взаимовыгодного сотрудничества. Вопросы этнополитических отношений в стране регулируются на каждом уровне государственной власти [3].

Если мы обратимся к Конституции РФ, то заметим, что в её преамбуле подчёркнуто, что Россия является многонациональным государством, что закрепляет принцип единства в стране. Статья 5 Конституции устанавливат равноправие всех народов по социальному, политическому и экономическому статусу, ни один народ не выделяется как преобладающий в чём-то. Это означает и то, что каждый народ имеет право на сохранение своей культуры, языка, вероисповедания и т. д. Статьи 13 и 29 Конституции РФ защищают общество от экстремизма и дискриминации: они прямо запрещают создавать организации и вести от их лица пропаганду, если их деятельность или лозунги провоцируют социальные, расовые, национальные или религиозные конфликты.

Статьи 19, 26 и 68 Конституции РФ определяют для всех этнических групп равные права и обязанности, закрепляют право каждого человека принадлежать к той или иной национальности, пользоваться своим языком, соблюдать свои традиции, если они не противоречат законодательству. При этом нельзя принудить человека к национальной принадлежности.

Статьи 68, 69, 71 и 72 гарантируют каждому народу право изучать и сохранять свои традиции, культуру и родной язык. Отдельное внимание в них уделяется государственной поддержке и защите прав малых народов на основе международных норм.

Российская Конституция закладывает основу демократической системы, провозглашая равенство всех граждан перед законом. Важнейшая роль в тексте документа отведена стабилизации межэтнических отношений: целый ряд статей направлен на предупреждение конфликтов и поддержание согласия в многонациональном обществе.

Также можно сказать, что нормы Конституции поддерживают федеральные законы: так, федеральный закон от 17.06.1996 № 74-

ФЗ «О национально-культурной автономии»[1] устанавливает право граждан на самостоятельное определение своей этнической общности. В свою очередь, федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации»[2] направлен на охрану культурной самобытности народов Росии, на сбережение традиций и ценностей всех этнических общностей страны.

В сфере вопросов регулирования этнополитических отношений была утверждена Стратегия до 2036 г.[3], которая подчёркивает государственную национальную политику. Она утверждает несколько принципов для достижения поставленных целей и решения вопросов. Эти принципы направлены на укрепление в российском обществе гражданской идентичности с учётом культурного многообразия страны. Культура страны складывается на основе языков, традиций, единой истории народов. Также Стратегия направлена на предотвращение экстремизма, который может возникнуть на почве этнополитических отношений. В контексте эффективной координации поставленных целей и задач Стратегия подчёркивает важность взаимодействия органов государственной власти и органов субъектов РФ с институтами гражданского общества при реализации национальной политики государства [4].

Рассмотренные выше меры и инструменты, применяемые в контексте решения вопросов, связанных с регулированием этнополитических отношений, можно разделить две группы. Первая группа нацелена на поддержание и сохранение этнополитических связей и защиту их от вмешательства. Вторая группа – на защиту народов от экстремизма, терроризма и различных этнических конфликтов. Для реализации дальнейшего успешного регулирования необходимо полное содействие и взаимодействие всех органов государственной власти. Без их эффективной координации будет невозможно достигать поставленных целей в контексте этнополитических отноше-

[1] О национально-культурной автономии : федер. закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10722/ (дата обращения: 14.03.2026).

[2] О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации : федер. закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429409/ (дата обращения: 14.03.2026).

[3] О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года : указ Президента РФ от 25.11.2025 № 858. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_519680/ (дата обращения: 16.03.2026).

ний. Также с развитием и быстрым изменением общественных отношений необходимо постоянное обновление правовой базы, что позволит своевременно реагировать на предпосылки возникновения любых конфликтов и минимизировать их риски.

Список источников

1. Русские, таджики, украинцы, немцы: какие народы населяют Пермский край // URA.RU. URL: https://ura.news/news/1053059175 (дата обращения: 15.03.2026).

2. Ботаниев И. В. Этнополитика в России: историко-правовой анализ : монография. СПб. :Астернон, 2020. 162 с.

3. Правовое регулирование межнациональных отношений в Российской Федерации: проблемы теории и практики : науч.-практ. пособие / Л. В. Андриченко, А. Е. Постников, Л. Н. Васильева и др. М. : НОРМА, 2022. 296 с.

4. Васильева Л. Н. Российская идентичность: правовые условия формирования // Журнал российского права. 2015. № 2. С. 16–25. DOI: 10.12737/7540

УДК 347.4

Дмитрий Алексеевич Жуков
2-й курс, напр. «Юриспруденция», Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Пермь, Россия, zhkvdima@yandex.ru
Научный руководитель: И. Ю. Мирских, канд. юрид. наук, доцент юридического факультета,
SPIN-код: 7828-7807, https://orcid.org/0000-0001-7278-8843

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ДОГОВОРА ФРАХТОВАНИЯ ОТ СМЕЖНЫХ ДОГОВОРОВ

Аннотация. В статье анализируются различные подходы к определению правовой природы договора фрахтования. Рассматриваются вопросы, связанные с уточнением квалифицирующих признаков договора фрахтования. Сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: договор фрахтования; предмет договора; фрахтователь

Dmitry A. Zhukov
Student of the Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Perm, Russia
Supervisor: I. Yu. Mirskikh, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Law Department,
SPIN-code: 7828-7807, https://orcid.org/0000-0001-7278-8843

LEGAL PROBLEMS OF DISTINGUISHING CHARTERING CONTRACT FROM RELATED CONTRACTS

Abstract. The article analyzes various approaches to determining the legal nature of a chartering contract. The issues of clarifying the qualifying features of the chartering agreement are being considered. Proposals have been formulated to improve the current legislation

Keywords: chartering contract; subject of the agreement; charterer

В соответствии с дефиницией, закрепленной в ст. 787 Гражданского кодекса Российской Федерации[1] (далее – ГК РФ), договор фрахтования (чартер) представляет собой соглашение, в силу которого одна сторона (фрахтовщик) принимает на себя обязательство предоставить другой стороне (фрахтователю) за установленную плату всю или часть вместимости одного либо нескольких транспортных средств на один или несколько рейсов в целях осуществления перевозки грузов, пассажиров и багажа.

В современной отечественной цивилистической доктрине правовая природа договора фрахтования остаётся предметом острых дискуссий [1, с. 205; 2, с. 103; 3, с. 93]. В науке гражданского права обозначилось несколько концептуальных подходов к её определению.

1. *Транспортная концепция.* Ряд исследователей (в частности, Е. В. Вавилина) квалифицируют фрахтование исключительно как разновидность договора перевозки. В качестве основного аргумента обозначается тот факт, что право владения и пользования транспортным средством как вещью не переходит от фрахтовщика к фрахтователю [4, с. 56].

2. *Арендная концепция.* Противоположная позиция, разделяемая Ю. Н. Игнатовой, базируется на конструкции договора аренды. Автор апеллирует к диспозиции ст. 787 ГК РФ, которая прямо указывает на «предоставление вместимости» транспортного средства, что, по их мнению, свидетельствует о наличии признаков имущественного найма [5, с. 30].

3. *Концепция самостоятельного договора.* Особняком стоит позиция В. В. Витрянского, который отстаивает самостоятельную правовую природу данного института. Согласно точке зрения исследователя, договор фрахтования не может быть редуцирован ни к перевозке, ни к аренде ввиду специфики его субъектно-объектного состава и содержания обязательств [6, с. 508].

Несмотря на полярность взглядов, учёные констатируют наличие общих черт у рассматриваемых договорных конструкций, выражающихся в изменении пространственного положения объекта договора. Так, О. С. Юренкова обоснованно отмечает, что основ-

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации : федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

ной целью договора фрахтования выступает оказание транспортной услуги, а не передача имущества [8, с. 172]. Например, при фрахтовании легкового такси правовым интересом пассажира является перемещение в пространстве (достижение пункта назначения), а не извлечение полезных свойств из транспортного средства как материального объекта.

Таким образом, можно прийти выводу, что проблема отраслевой квалификации договора фрахтования не находит единообразного разрешения в науке. В контексте поиска разграничительных критериев особого внимания заслуживает позиция К. М. Арсланова, выделяющего в качестве ключевого квалифицирующего признака, отграничивающего фрахтование от аренды, «рейсовость», то есть строгую привязку к маршруту и графику следования [9, с. 5].

Резюмируя вышеизложенное, можно прийти к выводу, что договор фрахтования не подлежит отождествлению ни с классическим договором возмездного оказания услуг, ни с договором аренды транспортного средства, поскольку обладает уникальным предметом, специфической целью и самостоятельными квалифицирующими признаками [10, с. 30].

Отсутствие доктринального консенсуса относительно правовой природы фрахтования свидетельствует о наличии пробелов в праве. В связи с этим представляется целесообразным реформирование действующего гражданского законодательства – в частности, уточнение положений статьи 787 и смежных норм главы 40 ГК РФ «Перевозка» – в целях более чёткой нормативной дифференциации указанных гражданско-правовых обязательств и устранения правовой неопределённости.

Список источников

1. Курышева И. А., Шалашников Г. В. Проблемные вопросы договора фрахтования // Современные проблемы права, экономики и управления. 2019. № 2. С. 202–210.

2. Кутуев А. К. Некоторые особенности договора фрахтования по законодательству РФ // Шаг в науку. 2021. № 2. С. 102–105.

3. Тихомирова И. Ю. К вопросу о правовой природе договора фрахтования // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 62-16. С. 92–95.

4. Вавилина Е. В. Аренда транспортных средств. Саратов : СГАП, 2001. 116 с.

5. Игнатова Ю. Н. Договор аренды транспортного средства с экипажем // Юрист. 2014. № 15. С. 28–32.

6. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. М. : Статут, 2011. 786 с.
7. Нургалиев А. В. Правовая природа договора фрахтования // Вестник науки. 2025. Т. 11, № 11 (92). С. 235–242.
8. Юренкова О. С. К вопросу о правовой природе договора фрахтования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 2 (16). С. 169–174.
9. Арсланов К. М О соотношении ст. 632 и ст. 787 Гражданского кодекса РФ // Транспортное право. 2018. № 1. С. 3–6.
10. Филимонов Г. В. Предмет договора фрахтования: теория и практика // Транспортное право. 2021. № 4. С. 29–32.

УДК 347.1

Артём Александрович Зайчиков
2-й курс, напр. «Юриспруденция», Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Пермь, Россия, artem.zaychikov06@mail.ru
Научный руководитель: И. Ю. Мирских, канд. юрид. наук, доцент юридического факультета,
SPIN-код: 7828-7807, https://orcid.org/0000-0001-7278-8843

ЦИФРОВАЯ СДЕЛКА: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ

Аннотация. Статья посвящена анализу преимуществ и недостатков цифровой сделки, их влияния на гражданские правоотношения. Особое внимание уделяется способам минимизации вреда при заключении цифровой сделки и его устранения.

Ключевые слова: электронная сделка; электронная подпись; цифровизация гражданского оборота; добровольное волеизъявление

Artem A. Zaychikov
Student of the Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economynand Public Administration, Perm, Russia, artem.zaychikov06@mail.ru
Supervisor: I. Yu. Mirskikh, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Law Department,
SPIN-code: 7828-7807, https://orcid.org/0000-0001-7278-8843

DIGITAL TRANSACTION: ADVANTAGES AND DISADVANTAGES

Abstract. This article analyses to the advantages and disadvantages of a digital transaction and their impact on civil law relations. Special attention is paid to the ways to minimize and eliminate harm when concluding a digital transaction.

Keywords: electronic transaction; electronic signature; digitalization of civil turnover; voluntary expression of will

Цифровое развитие, или информатизация, – процесс, затрагивающий значительное количество сфер жизнедеятельности человека: экономика, образование, здравоохранение, культура, а также

право. Важность регулирования вопросов информатизации подчёркивается в указе Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»[1]. В этом правовом документе обозначены следующие задачи: создание условий для получения доступной информации, её законный сбор и защита интересов в информационном пространстве. В результате цифровой трансформации возникли новые сложности, связанные с внедрёнными технологиями.

Одним из институтов, которые подверглись изменениям, связанным с обновлением гражданского права, являются сделки: из-за переноса объектов гражданских прав из материального мира в виртуальное пространство появился новый подвид письменной формы сделки – электронная сделка. В действующем законодательстве под электронной сделкой понимается сделка, совершённая в электронном виде или с помощью технологий, которые могут воссоздать на материальном объекте в исходной форме суть сделки[2]. Внедрение этой формы сделок дало ряд преимуществ.

Удобство. Под этим преимуществом подразумевается, что обе стороны могут находиться в разных местах и оформить сделку в дистанционном режиме.

Оформление. Уменьшается время оформления документов, а также становится необязательным посещение многофункционального центра или офиса Росреестра.

Снижение затрат. Благодаря нахождению сделки в виртуальном мире сокращаются расходы на дополнительные материалы: бумагу, канцелярию, оргтехнику [1, с. 1343].

Однако, несмотря на очевидные преимущества, электронные сделки породили ряд проблем.

Отсутствие правовых документов, регулирующих совершение сделки в электронной форме. Из-за отсутствия специализированных норм возникают трудности с происхождением и пониманием определения сделок, совершаемых в цифровой среде [2, с. 52].

---

[1] О Стратегии развития информационного общества в Российской Феде рации на 2017–2030 годы : указ Президента РФ от 09.05.2017 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2017. № 203 (ч. I). Ст. 2901.

[2] О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ // Там же. 2019. № 12. Ст. 1224.

Наличие полномочий у лица для ведения и совершения сделки. Если одна из сторон действует через представителя, его полномочия должны быть оформлены надлежащим образом, иначе сделка становится недействительной.

Подписание документов электронной подписью или с помощью смс-сообщения (цифровым кодом). Недостаток состоит в том, что лица, которым не принадлежит устройство, аккаунт, могут возложить на лицо, которому принадлежит устройство, аккаунт, обязанности [3, с. 170].

Так, например, ООО «Хоум Кредит энд Финанс Банк» обратилось к Л. Говоренко с исковым заявлением о взыскании задолженности по кредитному договору. В свою очередь, Л. Говоренко подала встречный иск, в котором указала, что договор ею не заключался, что кто-то воспользовался ее личными данными для получения кредита. Суд принял во внимание данные банка о том, что ранее Л. Говоренко уже являлась заемщиком банка, неоднократно заключала кредитные договоры в данной кредитной организации. Суд удовлетворил требования банка, а Л. Говоренко отказал. Однако в схожем гражданском деле по исковому заявлению ООО «Хоум Кредит энд Финанс Банк» к М. Мороз суд принял сторону заёмщика. В удовлетворении исковых требований банка о взыскании задолженности по кредитному договору, заключенному дистанционным образом, суд отказал. Он аргументировал своё решение тем, что из материалов дела «невозможно точно установить факт волеизъявления М. Мороз на заключение кредитного договора, установить личность лица, направившего СМС-код» [4, с. 45]. Данные примеры подтверждают, что судебная практика является неоднородной, и для преодоления разногласий, возникающих при принятии судебного решения, требуется развитие российской законодательной базы и создание специализированных нормативных правовых актов.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что традиционные гражданско-правовые институты и механизмы не срабатывают при создании информационных правоотношений. Они требуют дополнений, которые не будут менять сущность установленных временем конструкций, при этом смогут облегчить регулирование развивающегося направления. Этого мнения придерживается и А. А. Алексеенко, которая предлагает конкретизировать условия для составления цифровых сделок и электронных подписей,

приемлемые для реализации в гражданских правоотношениях, и интегрировать обеспечивающие безопасность методы идентификации, основанные на последних криптографических методах [5, с. 191].

Список источников

1. Вышегородцева Т. С., Гончарова С. Г. Особенности заключения договора в электронной форме // Весенние дни науки: сб. докл. Междунар. конф. студентов и молодых ученых УрФУ. Екатеринбург, 2022. С. 1342–1344.

2. Викторова Н. А. Электронная форма сделок преимущества и недостатки // Символ науки. 2023. С. 51–53.

3. Аникин Ю. В. Проблемы заключения договоров в электронной форме // Молодой учёный. 2023. № 46 (493). С. 169–171.

4. Абрамян С. К. Проблемные вопросы электронной формы заключения гражданско-правовых договоров: теория и судебная практика // Право и экономика. 2025. № 1. С. 41–46.

5. Алексеенко А. А. Проблемы регулирования договорных отношений в условиях цифровизации: новые вызовы и решения // Вестник науки. 2025. № 12 (93). С. 188–193.

УДК 343.140.02

***Алёна Андреевна Замолуева*[1]**
***Анастасия Игоревна Мандрыкина*[2]**
[1,2] 3-й курс, напр. «Юриспруденция», Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, al_zam16@mail.ru
Научный руководитель: М. А. Баранова, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса,
SPIN-код: 5717-3594, https://orcid.org/0000-0003-0159-7542

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ ДАННЫХ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье анализируются проблемы доказательственного значения данных, полученных с помощью систем искусственного интеллекта, в уголовном судопроизводстве России. Авторы рассматривают правовой вакуум в регулировании использования ИИ, риски искажения информации алгоритмами, отсутствие прозрачности их работы. На основе судебной практики и зарубежного опыта обосновывается необходимость законодательного закрепления верификации алгоритмов, введения «паспорта алгоритмической прозрачности».

Ключевые слова: искусственный интеллект; уголовный процесс; доказывание; биометрическая идентификация; допустимость доказательств

Alena A. Zamolueva
Anastasia I. Mandrykina
Students of Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, al_zam16@mail.ru
Supervisor: M. A. Baranova Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Criminal Process,
SPIN-code: 5717-3594, https://orcid.org/0000-0003-0159-7542

PROBLEMS OF EVIDENCE VALUE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE DATA IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The problems of the evidentiary value of data obtained using artificial intelligence systems in Russian criminal proceedings are analyzed in the article. The authors examine the legal vacuum in regulating the use of AI, the risks of information distortion by algorithms, the lack of transparency in their

operation. Based on judicial practice and foreign experience, the article argues for the need to legislate the verification of algorithms, introduce an “algorithmic transparency passport”.

Keywords: artificial intelligence; criminal proceedings; proof; biometric identification; admissibility of evidence

Цифровая трансформация уголовного судопроизводства обусловливает переход от теоретического обсуждения возможностей ИИ к их применению в доказывании. Несмотря на отсутствие в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК РФ) профильных норм, регулирующих использование интеллектуальных систем, правовой вакуум восполняется стихийным внедрением алгоритмов в следственную и судебную практику. Данный факт требует переосмысления фундаментальных категорий процесса, так как использование ИИ в сфере доказывания существенно влияет на процедуры сбора и оценки сведений по делу.

Вместе с тем возникает вопрос о подходе к таким новациям, а именно: обращение к искусственному интеллекту как к помощнику, способному с высокой степенью точности анализировать большие объёмы информации и выявлять закономерности, часто ускользающие от человеческого взгляда, или же выход на качественно иной уровень обработки данных, влекущий за собой выделение новых видов доказательств и субъектов доказывания, представленных нейросетями и роботизированными системами, способными обеспечить всесторонний объективный подход к решению задач процесса доказывания. Главная сложность заключается в том, как интегрировать результаты работы «чёрного ящика» алгоритма в строгую систему доказательств, чтобы они отвечали критериям допустимости и надежности, не подменяя при этом внутреннее убеждение следователя и судьи.

Проблема доказательственного значения данных ИИ сопряжена с риском их искажения при алгоритмической обработке, поскольку любое преобразование нейросетью несёт угрозу модификации исходных сведений, что снижает достоверность результата. Оценка допустимости и относимости полученной информации требует осведомлённости о составе обучающих выборок и источниках данных. Для обеспечения справедливости субъект доказывания и иные участники должны иметь реальную возможность проследить логику алгоритма и верифицировать итоги вычислений; без подобной прозрачности доверие к «машинным» выводам невозможно, тем

более что современные технологии неспособны к оценочной деятельности на уровне человеческого восприятия, свойственного, в частности, суду присяжных. Поскольку математический метод, полноценно замещающий когнитивную функцию в данной области, не разработан, признание ИИ самостоятельным процессуальным субъектом преждевременно.

Однако элементы ИИ уже активно внедряются в следственную практику в качестве источников доказательственной информации. Ярким примером использования ИИ-идентификации служит уголовное дело, рассмотренное Фрунзенским районным судом г. Санкт-Петербурга [1]. Триггером для пресечения преступления послужило оповещение системы распознавания лиц, установленной в гипермаркете, которая опознала вошедших граждан как лиц, ранее совершавших хищения. Показания оператора видеонаблюдения свелись к трансляции «машинного вывода» системы. Таким образом, первичным источником осведомлённости правоохранительных органов стали не фактические действия лиц в момент нахождения в магазине, а алгоритмическая сверка их биометрии с базой данных «неблагонадежных лиц».

Примером также служит деятельность ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Кабардино-Балкарской Республике. В рамках одного из уголовных дел ключевое доказательственное значение приобрели данные интеллектуальной системы распознавания личности СКДЛ «Синергет», установленной на контрольно-пропускном пункте, которая на основе нейросетей автоматически идентифицировала лица проходящих людей, сверяла их с базой данных и фиксировала точное время перемещения в электронном «Журнале КПП». В ходе расследования был составлен протокол осмотра персонального компьютера, где зафиксированы сведения о проходе Свидетеля № 2 и гражданина Н., а сами цифровые файлы были приобщены к делу как вещественные доказательства [2]. Так, алгоритм выполнил функцию свидетеля, который «увидел» и «запомнил» юридически значимые факты, а суд принял эти данные как объективную истину.

И именно здесь прослеживается главная проблема доказательственного значения информации, сформированной ИИ: если показания человека можно получить в ходе допроса, то логика работы системы «Синергет» остается для участников процесса закрытым «чёрным ящиком». В свою очередь, проверка объективности добывания сведений подобными системами нормативно не закреплена и

на практике никак не осуществляется. Применение интеллектуальных систем в доказывании вступает в противоречие с принципом свободы оценки доказательств [3]. Данный постулат исключает наличие заранее установленной силы доказательств, в то время как «машинные выводы» часто воспринимаются правоприменителем как объективная и безошибочная истина, не подлежащая критическому анализу. Подобная цифровизация процесса подменяет когнитивную деятельность судьи математическим расчетом вероятности, что недопустимо, так как алгоритм не обладает правосознанием и неспособен учитывать уникальные нюансы конкретного дела.

Рассматривая проблему доказательственного значения ИИ, необходимо учитывать международный опыт определения биометрической идентификации. Так, в законе ЕС об искусственном интеллекте (AI Act)[1] под ней понимается автоматизированное распознавание физических и поведенческих черт человека путем их сопоставления с базой данных, часто без согласия субъекта. В России аналогичный правовой фундамент заложен в федеральном законе № 572-ФЗ, который относит изображение лица к физиологическим характеристикам, позволяющим установить личность[2]. Однако если указанный закон регулирует лишь порядок хранения и обработки этих сведений, то в рамках уголовного судопроизводства на первый план выходит нерешенный вопрос их верификации. Из этого обстоятельства закономерно вытекает вопрос об ответственности за ошибки, допущенные «машиной» при сборе необходимой для формирования линии доказывания информации, существенно влияющей на окончательное решение суда и в конечном итоге на судьбу обвиняемого, а также лиц, пострадавших от совершённого преступления, и, наконец, тех, кто принимал непосредственное участие в расследовании, поскольку за разработкой, обучением, а также реализацией потенциала таких технологий могут стоять разные люди.

---

[1] Artificial Intelligence Act. European Commission. Project. [Закон об искусственном интеллекте. Европейская комиссия. Проект]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1623335154975&uri =CELEX%3A52021PC0206 (дата обращения: 10.04.2026).

[2] Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : федер. закон от 29 дек. 2022 г. № 572-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2 янв. 2023 г. № 1 (ч. I). Ст. 19.

Ярким примером подобной ошибки выступает дело Цветкова, задержанного по подозрению в серии убийств, совершенных 20 лет назад. Поводом к задержанию стало выявленное искусственным интеллектом 55-процентное сходство между фотороботом предполагаемого преступника и внешностью, как позже выяснилось, незаконно обвинённого гражданина. Цветкову вменяли статью за убийство, и ему могло грозить лишение свободы вплоть до пожизненного заключения. Гражданин пробыл в СИЗО 10 месяцев, а факты дела дошли до Президента Российской Федерации. Уголовное преследование Цветкова было прекращено, также были принесены официальные извинения от лица прокуратуры и Следственного комитета за моральный вред, причиненный гражданину государством [4]. Таким образом, погрешность, допущенная «машиной», способна повлечь за собой серьезные последствия, такие как неправомерное ограничение прав человека, а именно лишение его свободы, которое при следующей подобной ошибке может обернуться реальным сроком.

Для минимизации рисков необоснованного ограничения прав граждан целесообразно дополнить ст. 87 УПК РФ частью второй со следующим содержанием: «при проверке доказательства, полученного с использованием систем ИИ, подлежит обязательной верификации алгоритм обработки исходных данных и репрезентативность обучающей выборки. К материалам уголовного дела в обязательном порядке приобщается технический паспорт (протокол) алгоритмической прозрачности использованной системы, содержащий сведения о допустимой погрешности и источниках данных, на которых производилось обучение алгоритма. Результаты работы интеллектуальных систем не имеют заранее установленной силы и оцениваются в совокупности с иными доказательствами по правилам статьи 17 настоящего Кодекса». Ввиду ограниченного количества специалистов, способных удостоверить полученные соответствующим образом доказательства, необходимо закрепить также возможность удалённой проверки.

Несмотря на то что в Российской Федерации уже действуют профильные технические стандарты (например, ГОСТ Р 59276–2020)[1], регламентирующие методы тестирования систем искусст-

[1] ГОСТ Р 59276–2020. Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия. Общие положения // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200177291 (дата обращения: 11.04.2026).

венного интеллекта на надежность и прозрачность, данные нормы остаются исключительно в технической плоскости и фактически «не видны» судье в рамках уголовного процесса. Для преодоления этого разрыва предлагается внедрение «паспорта алгоритмической прозрачности» – процессуального документа, который должен содержать сведения о допустимой погрешности системы, источниках данных, на которых проводилось обучение нейросети, и дате последнего обновления базы.

Подобная инициатива позволит перевести данные ИИ из категории цифровых логов в верифицируемые технические средства, по аналогии с приборами измерения в метрологии. Закрепление такого требования в УПК РФ даст стороне защиты инструмент для оспаривания: привлеченный специалист сможет аргументированно заявить в суде о недостоверности идентификации, если, например, погрешность системы превышает допустимые пределы или если алгоритм не проходил обязательную перепроверку в связи с устареванием обучающей выборки.

В настоящий момент из-за неопределённости правового статуса ИИ последний не может быть признан субъектом. Существует также риск алгоритмической предвзятости, когда ошибки в обучающих выборках приводят к дискриминации или необоснованному обвинительному уклону [5]. Наконец, массовое распространение технологий генерации контента размывает критерии подлинности любых цифровых улик, требуя разработки принципиально новых криминалистических протоколов для подтверждения аутентичности материалов.

Таким образом, с одной стороны, ИИ фактически детерминирует направление расследования, а с другой – оценка допустимости и достоверности его результатов невозможна без верификации поисково-аналитических алгоритмов и репрезентативности обучающих выборок. Процессуальная непрозрачность данных процессов обусловливает проблему распределённой ответственности за «машинную ошибку». Ввиду множественности субъектов жизненного цикла ИИ установление виновного при искажении доказательственной базы затруднено, что создаёт угрозу правам участников процесса и легитимности судебного акта. В этой связи необходима объективная оценка соответствующих сведений в совокупности с иными доказательствами на всех стадиях процесса, причём их достоверность и законность получения подлежат проверке в законодательно регламентированном порядке.

Список источников

1. Приговор по делу № 1-161/2021 (1-993/2020). URL: https://actofact.ru/case-78RS0023-1-161-2021-1-993-2020-2020-11-03-2-0/ (дата обращения: 01.03.2026).

2. Приговор по делу № 1-38/2023 (1-170/2022;1-927/2021). URL: https://actofact.ru/case-07RS0001-1-170-2022-1-927-2021-2021-07-14-2-0/ (дата обращения: 01.03.2026).

3. Романенков А. В. Использование искусственного интелекта в уголовном процессе Российской Федерации // Вестник Академии права и управления. 2025. № 2 (83). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-ugolovnom-protsesse-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 12.04.2026).

4. СК прекратил дело ученого, арестованного с помощью ИИ по делу 20-летней давности. 2024 // Официальный сайт информационного агентства ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/20121671 (дата обращения: 15.03.2026).

5. Чурикова А. Ю. Перспективы применения системы управления уголовно-процессуальными рисками в условиях цифровизации // Вестник СГЮА. 2023. № 5 (154). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-primeneniya-sistemy-upravleniya-ugolovno-protsessualnymi-riskami-v-usloviyah-tsifrovizatsii (дата обращения: 12.04.2026).

УДК 343.85:316.772.5

Анастасия Павловна Игнатьева
3-й курс, напр. «Юриспруденция», Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Пермь, Россия, annnstasiia@mail.ru
Научный руководитель: Л. М. Фетищева, начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики, канд. юрид. наук, доцент, полковник внутренней службы

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ И ЭКСТРЕМИСТСКИХ ДЕЙСТВИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЧЕРЕЗ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. Цифровизация радикально изменила способы вербовки и пропаганды террористических и экстремистских организаций, сделав их деятельность более скрытной и эффективной – особенно в отношении несовершеннолетних. Ключевые угрозы связаны с использованием мультимедийного контента, зашифрованных мессенджеров и игровых механик для вовлечения подростков в противоправные действия. Для противодействия требуется комплексный подход, сочетающий законодательные меры, технологические решения (в том числе на базе ИИ), профилактическую работу с молодёжью и межведомственное взаимодействие на национальном и международном уровнях.

Ключевые слова: цифровизация; экстремизм; терроризм; вербовка; интернет; несовершеннолетние; противодействие; профилактика; пропаганда; кибербезопасность

Anastasia P. Ignatieva
Student of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia, annnstasiia@mail.ru
Supervisor: L. M. Fetishcheva, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Colonel of Internal Service

TRANSFORMATION OF TERRORIST AND EXTREMIST ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: INVOLVEMENT OF MINORS THROUGH THE INTERNET

Abstract. Digitalization has radically changed the ways in which terrorist and extremist organizations recruit and propagate, making their activities more covert and effective, especially when targeting minors. Key threats involve the use of multimedia content, encrypted messaging apps, and game mechanics to lure teenagers into illegal activities. Countering these threats requires a comprehensive approach that combines legislative measures, technological solutions (including AI-based solutions), preventive work with young people, and interagency cooperation at the national and international levels.

Keywords: digitalization; extremism; terrorism; recruitment; the Internet; minors; counteraction; prevention; propaganda; cybersecurity

Современный этап развития общества характеризуется стремительной цифровизацией всех сфер жизни, что, помимо очевидных преимуществ, порождает новые угрозы, в том числе в области противодействия терроризму и экстремизму. Террористические и экстремистские организации активно адаптируются к цифровой среде, трансформируя свои методы вербовки, пропаганды и координации противоправной деятельности.

Ключевым фактором, способствующим этой трансформации, является глобальный охват интернета и доступность современных телекоммуникационных технологий. Исследования подтверждают, что распространение воинствующего экстремистского контента и вербовка новых сторонников стали возможны именно благодаря цифровым платформам. Например, известность и влияние террористической группировки ИГИЛ* (*«Исламское государство» – организация признана террористической и запрещена в Российской Федерации) во многом были обусловлены активным использованием интернета и широкополосной связи для продвижения своей идеологии и привлечения внимания мировых СМИ [1].

Террористические организации радикально изменили форматы пропагандистских материалов, перейдя от традиционных текстовых листовок к комплексным мультимедийным продуктам. Современные материалы включают:

– профессионально смонтированные видео;
– интерактивные инфографики;
– мемы, адаптированные под алгоритмы социальных сетей;
– прямые трансляции и подкасты, создающие эффект непосредственного участия.

Такой подход позволяет значительно повысить вовлечённость целевой аудитории за счёт визуального воздействия и эмоциональной подачи. Микротаргетирование контента даёт возможность персонализировать пропаганду, направляя её на уязвимые группы населения, в том числе несовершеннолетних.

Особую опасность представляет использование цифровых технологий для обхода систем модерации контента на платформах. Экстремистские группы применяют следующие методы:

– мессенджеры со сквозным шифрованием (например, Telegram, Signal) для устойчивой коммуникации, недоступной для мониторинга;

– техники цифровой стеганографии для маскировки запрещённых материалов под легальный контент;

– самоуничтожающиеся сообщения, затрудняющие сбор цифровых доказательств.

Эти технологии создают серьёзные сложности для правоохранительных органов в процессе документирования и пресечения противоправной деятельности.

Цифровые платформы также используются для организации конкретных противоправных действий. Так, зафиксированы случаи, когда подростки под руководством кураторов совершали преступления (например, поджоги базовых станций сотовой связи) через закрытые чат-боты. Следствие установило, что в некоторых случаях вербовка осуществлялась иностранными спецслужбами [2]. Другие распространённые схемы включают:

– склонение подростков к преступлениям под видом игровых заданий;

– предложение участия в сомнительных акциях с обещанием материального вознаграждения или виртуальной валюты, сопровождаемое запросом персональных данных и платёжной информации [3];

– распространение этнической вражды и организация нападений, фиксируемых на видео и публикуемых в сети [2].

Уязвимость несовершеннолетних к экстремистской пропаганде в интернете обусловлена рядом факторов:

– несформированностью мировоззрения и критического мышления;

– стремлением к принадлежности к группе;

– повышенной восприимчивостью к игровым и интерактивным форматам;

– недостатком знаний о рисках в цифровой среде;

– ощущением анонимности и безнаказанности в сети.

Статистические данные подтверждают тревожную динамику распространения экстремистских и террористических проявлений среди молодёжи:

– рост преступлений террористической направленности на 55,9 % (всего 3714 случаев в 2024 г.);

– увеличение экстремистских преступлений на 28,3 % (1719 случаев);

– рост числа несовершеннолетних, совершивших преступления экстремистского характера, на 86,5 % (с 52 до 97);

– повышение количества подростков, причастных к преступлениям террористического характера, на 122,7 % (с 44 до 98);

– скачок числа тяжких преступлений, совершённых несовершеннолетними, на 40,4 % [4].

Для противодействия этим угрозам в России реализуется комплекс мер:

– создано специализированное подразделение МВД («киберполиция») для расследования преступлений в цифровой среде[1];

– внесены законодательные изменения, в частности, в ч. 2 ст. 150 Уголовного кодекса РФ добавлен квалифицирующий признак «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть “Интернет”)» [5];

– реализуется Стратегия противодействия экстремизму (указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124);

– действует постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) о судебной практике применения законодательства в отношении несовершеннолетних.

Важную роль играют технологические решения, позволяющие выявлять и пресекать противоправную активность:

– системы на базе искусственного интеллекта для анализа больших объёмов данных и выявления подозрительного контента [6];

– инструменты для мониторинга социальных графов и изучения профилей пользователей;

[1] Об утверждении Положения об Управлении по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 29.12.2022 № 1110. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– ПО для деанонимизации участников закрытых чатов;

– автоматические системы блокировки ресурсов с экстремистским контентом.

Для повышения эффективности противодействия необходимо развивать профилактические меры:

– информировать подростков и их родителей о рисках и методах защиты в интернете;

– внедрять образовательные программы по медиаграмотности и критическому мышлению в школах и вузах;

– развивать позитивный контент, формирующий здоровые ценности у молодёжи;

– создавать онлайн-площадки психологической поддержки для подростков, столкнувшихся с давлением в сети;

– организовывать профилактические беседы с участием психологов и сотрудников правоохранительных органов [7].

Ключевым условием успеха является межведомственное взаимодействие:

– правоохранительных органов;

– образовательных учреждений;

– общественных организаций;

– IT-компаний;

– специалистов в области психологии и педагогики;

– представителей СМИ.

Также важно развивать международное сотрудничество в сфере кибербезопасности, поскольку кибертерроризм представляет собой глобальную угрозу, превосходящую по уровню опасности многие другие формы терроризма [8]. Совместные операции по деплатформингу экстремистского контента демонстрируют эффективность межгосударственных альянсов и подтверждают необходимость институционализации глобальных механизмов противодействия кибертерроризму.

Таким образом, цифровизация кардинально изменила ландшафт террористической и экстремистской деятельности, потребовав пересмотра подходов к противодействию этим угрозам. Только комплексный подход, сочетающий правовые, технологические, профилактические и международные меры, позволит эффективно противостоять трансформации террористических и экстремистских действий в цифровой среде.

Список источников

1. Садыкова Р. Е. Вопросы кибербезопасности в решении глобальных задач ООН по борьбе с терроризмом // Политическая наука. 2024. № 3. С. 46–60.

2. Демина А. В., Маторина Ю. Н. Вопросы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений экстремистской направленности с использованием интернет-технологий в условиях новых вызовов // Теория и практика правоохранительной деятельности. 2025. № 2 (59). С. 90–96.

3. Цифровой капкан: как Интернет используется для вовлечения молодежи в экстремистскую и иную противоправную деятельность / Администрация Ольского муниципального округа Магаданской области. 2026. URL: https://admola.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_31.html (дата обращения: 14.04.2026).

4. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2024 года // Мин-во внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения: 22.03.2026).

5. Жоков Д. В. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и правонарушений экстремистской направленности с использованием современных интернет-технологий // Современный ученый. 2023. № 4. С. 297–301.

6. Кайназарова Д. Б., Калиев А. А. К вопросу выявления и расследования террористических и экстремистских преступлений в сети интернет // Құқық қорғау органдары академиясының жаршысы. 2023. № 4. С. 2–5.

7. Методические рекомендации для студентов ФГБОУ ВО «НГПУ» по подготовке и оформлению курсовых работ (проектов) и выпускных квалификационных работ. Новосибирск : НГПУ, 2022. 10 с.

8. Кобец П. Н. Кибертерроризм – как важнейшая угроза национальной безопасности Российской Федерации и основы его предупреждения // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2022. № 1 (37). С. 23–28. DOI: 10.37468/2307-1400-2022-1-23-28

УДК 347.12

Кирилл Александрович Кибкало
4-й курс, напр. «Юриспруденция», Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, kibkalo.ka@edu.spbstu.ru
Научный руководитель: Н. Б. Кирсанова, старший преподаватель, Высшая школа юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Scopus ID: 57218921465; Author ID: 1067740

ПРИЗНАНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ СПОСОБ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Аннотация. Статья посвящена анализу требования о признании права собственности в системе способов защиты гражданских прав. Рассматривается теоретическая природа права собственности и его значение как одного из базовых институтов гражданского права. Особое внимание уделяется проблеме разграничения случаев, когда требование о признании права собственности выступает самостоятельным способом защиты, и ситуаций, в которых оно фактически подменяет иные вещно-правовые способы защиты, включая виндикационные и негаторные требования. На основе анализа судебной практики формулируются критерии, позволяющие определить пределы допустимого применения данного способа защиты и обеспечить единообразие правоприменения.

Ключевые слова: право собственности; признание права собственности; способы защиты гражданских прав; вещно-правовые способы защиты; виндикационный иск; негаторный иск; судебная практика; гражданское право

Kirill A. Kibkalo
Student of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia, kibkalo.ka@edu.spbstu.ru
Supervisor: N. B. Kirsanova, Senior Lecturer, Higher School of Law and Legal and Technical Expertise, Scopus ID: 57218921465; Author ID: 1067740

RECOGNITION OF OWNERSHIP RIGHTS AS AN INDEPENDENT WAY OF PROTECTING CIVIL RIGHTS: LEGAL NATURE AND JUDICIAL PRACTICE

Abstract. This article analyzes the requirement for recognition of ownership rights in the system of civil rights protection. It examines the theoretical nature of ownership rights and their significance as one of the fundamental institutions of civil law. Particular attention is paid to the problem of distinguishing between cases where the claim for recognition of ownership is an independent means of protection and situations where it actually replaces other property law means of protection, including vindicatory and negatory claims. Based on an analysis of doctrinal approaches and judicial practice, criteria are formulated to determine the limits of the permissible application of this means of protection and to ensure uniformity in the application of the law.

Keywords: property rights; recognition of property rights; means of protecting civil rights; property rights protection measures; vindication claim; negatory claim; judicial practice; civil law

Согласно теории Джона Локка [1] человек по факту своего рождения обладает естественными правами на жизнь, свободу и собственность. В данной философской мысли отражается понимание собственности как результата вложенного в вещь человеческого труда. Вопрос собственности в таком смысле полностью выходит из прикладной деятельности индивида, которая дает продолжение личности в конкретной вещи. Следует отметить, что неодушевленная вещь, находящаяся во владении, пользовании и распоряжении, напрямую показывает не просто экономическое отношение к вещи, а саму природу проявления воли. Смежная философская линия наблюдается у Фридриха Гегеля [2], в которой он буквально пишет, что собственность является первой формой объективирования свободы. В этом смысле вопрос собственности выходит за рамки исключительно прикладной деятельности индивида и приобретает более глубокое значение, связанное с продолжением личности в создаваемых ею объектах.

Право собственности является одним из базовых институтов гражданского права. Именно это право позволяет самостоятельно, без влияния третьих лиц приобрести, например, квартиру, заехать в нее, сделать в ней ремонт или сдать в аренду другим людям. С каждым днём отношения в сфере собственности усложняются. В современных условиях развивается система государственной регист-

рации недвижимости, увеличивается число недвижимости, а вместе с тем и количество собственников. Поэтому сейчас не редки случаи, когда фактическое владение и запись в реестре не совпадают, что требует от собственника защиты законных гражданских прав, которые полностью прописаны в ст. 12 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). В данной работе рассматривается конкретный способ защиты – признание права.

При несоответствии данных собственнику приходится подавать иск о признании права, который предназначен для устранения неопределённости и фиксации юридического факта владения имуществом. В этой связи возникает вопрос о правовой природе данного иска: в каких случаях он является самостоятельным требованием защиты прав, а в каких фактически представляет собой иные вещно-правовые иски.

В данной статье будет проведен анализ института иска о признании права собственности. Для достижения цели будут поставлены следующие задачи:

1) рассмотрение нормативной базы и судебной практики;

2) формирование разграничений признания права и иных способов защиты.

В ст. 12 ГК РФ[1] признание права стоит наравне с иными способами защиты, таким образом законодатель подтверждает, что требование о признании права собственности относится к самостоятельному способу защиты. В общем учении о защите гражданских прав такой способ защиты направлен не на принудительное исполнение обязанности ответчиком, а на устранение состояния правовой неопределённости, препятствующего нормальному осуществлению субъективного права [3]. Поэтому признание права имеет преимущественно декларативный характер: речь идет о судебной констатации наличия или отсутствия права [4].

Иск о признании права собственности является установительным иском, направленным на констатацию факта наличия права. В решении суда тут никаких «приказов» не даётся – просто удостоверяется наличие права. Решение по такому иску не требует от ответчика вернуть вещь или устранить препятствия. Как правило, истец приносит в суд разные доказательства своего права – договоры, свидетельские

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. действующая). Ст. 12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

показания, даже фото и перечень вложенных улучшений на участке. Основанием для иска служит то, что это право уже есть (или имело место), и именно поэтому оно подпадает под защиту ст. 12 ГК[1]. Разграничение иска о признании права собственности с виндикационным и негаторным исками должно проводиться не только по формулировке требования, но и по характеру нарушенного правомочия собственника. В литературе справедливо подчеркивается, что право собственности не сводится к абстрактному титулу, а раскрывается через связь лица с вещью и возможность осуществления принадлежащих ему правомочий [5]. Поэтому, если имущество находится во владении другого лица, надлежащим способом защиты является виндикационный иск. Если же собственник сохраняет владение, но сталкивается с препятствиями в пользовании вещью, применяется негаторный иск. Иск о признании права собственности, напротив, уместен тогда, когда спор связан прежде всего с юридической неопределённостью принадлежности права, а не с фактическим возвратом вещи или устранением препятствий в пользовании.

В научной литературе отсутствует единый подход. Отметим несколько основных позиций. Согласно одной из них иск о признании права является самостоятельным способом защиты. Такой позиции придерживаются К. А. Горбатов и М. Ш. Мазанев [6, с. 146–147], считающие, что этот иск нужен там, где нельзя применить виндикацию или негатор – он защищает именно собственника, пока тот остаётся без своего имущества. Иными словами, по их мнению, признание – это полноценный вещный иск (хотя и без возврата вещи). Е. А. Суханов дополняет данную позицию уточнением о том, что для такого иска важно соответствующее оформление в реестре, но при этом именно признание позволяет исправить ошибку в записях [4].

С другой стороны, ряд учёных рассматривает иск о признании как способ защитить интерес. По мнению С. А. Красновой, такой иск скорее охраняет не само право, а правовой интерес в его определённости [6, с. 147]. Иск не всегда подразумевает спор с конкретным лицом, а служит для уверенности, что юридически всё прописано верно. Большинство исследователей считают иск о признании нужным и полезным способом разрешения жизненных ситуаций. Без него нельзя «юридически объяснить ряд конкретных случаев», когда собственник по разным причинам лишён владения, но по-прежнему хочет обозначить своё право.

Важные указания в рассматриваемом контексте содержит постановление Пленума ВС РФ и ВАС РФ № 10/22 от 29.04.2010[1]. Так, в п. 58 постановления прямо отмечено, что иск о признании может быть предъявлен лицом, считающим себя собственником имущества, которое находится в его владении, но формально записано за другим лицом. П. 59 указывает, что иск о признании права подлежит удовлетворению в случае представления истцом доказательств возникновения у него соответствующего права. В то же время Пленум отмечает, что если фактически спор идёт о границах участка или иных вопросах, не связанных с принадлежностью права, то иск о признании права собственника неуместен.

Отказ в удовлетворении иска возможен при неправильном выборе способа защиты. Если иск о признании фактически дублирует требование виндикации или негатора, суд может в нём отказать. Например, если спор по существу сводится к тому, что имущество у ответчика, то иск о признании является нецелесообразным, поскольку должен применяться виндикационный иск (требование о возврате имущества). Аналогично в ситуации, когда требуется устранить препятствия для пользования, надлежащим средством будет негаторный иск, а не просто признание права. Судебная практика (в том числе высших судов) нередко указывает, что неправильный выбор способа защиты – основание для отказа. Например, при споре о границах участка иск о признании не может быть удовлетворён.

Иск о признании права собственности следует считать самостоятельным способом защиты при условии правильного предмета иска, а именно когда истец считает себя собственником и действительно обосновывает свои права на имущество [7]. Если же речь идёт о возвращении вещи или устранении препятствий, надлежит применять виндикационный или негаторный иск. Собственно, корректное разграничение подходов и формулирование критериев применимости каждого способа защиты – главная задача для практики и теории. Уточнение этих критериев в литературе и судебных разъяснениях позволит повысить эффективность защиты права собственности и согласованность доктрины с правоприменением.

[1] О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав : постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29.04.2010. П. 58–59. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список источников

1. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения : в 3 т. Т. 3. М. : Мысль, 1988. С. 137–405.

2. Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем. ; авт. вступ. ст. и прим. В. С. Нерсесянц. М. : Мысль, 1990. 524 с.

3. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав / науч. ред. В. С. Ем. 2-е изд., стер. М. : Статут, 2001. 411 с. (Классика российской цивилистики.)

4. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019. 464 с.

5. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. 6-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2023. 895 с.

6. Зверева А. Особенности иска о признании вещных прав // Молодой ученый. 2018. № 45 (231). С. 146–148. URL: https://moluch.ru/archive/231/53671/ (дата обращения: 13.02.2026).

7. Иск о признании права собственности // Династия юристов : сайт. URL: https://dinurist.ru/articles/14-isk-o-priznanii-prava-sobstvennosti (дата обращения: 13.02.2026).

УДК 342.7:004.056.5

Максим Алексеевич Кинев
4-й курс, напр. «Государственное и муниципальное управление», Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Пермь, Россия, maks.kinev.04@mail.ru
Научный руководитель: Т. Ю. Шестова, д-р ист. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В УСЛОВИЯХ УТЕЧЕК ИНФОРМАЦИИ ИЗ ГОСОРГАНОВ И КОМПАНИЙ

Аннотация. Статья посвящена изучению проблем правовой защиты персональных данных в условиях массовых утечек информации из государственных органов и коммерческих организаций. Рассматриваются динамика утечек персональных данных в 2024–2026 гг., изменения в законодательстве об административной и уголовной ответственности, а также правоприменительная практика и причины низкой эффективности штрафных санкций.

Ключевые слова: персональные данные; утечка информации; информационная безопасность; правовая защита; административная ответственность; уголовная ответственность; судебная практика

Maxim A. Kinev
Student of the Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Perm, Russia, maks.kinev.04@mail.ru
Supervisor: T. Yu. Shestova, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Public and Municipal Administration

PROBLEMS OF LEGAL PROTECTION OF PERSONAL DATA IN THE CONTEXT OF INFORMATION LEAKS FROM GOVERNMENT AGENCIES AND COMPANIES

Abstract. This article is devoted to the problems of legal protection of personal data in the context of massive information leaks from government agencies and commercial organizations. The dynamics of personal data leaks in 2024-2026, changes in legislation on administrative and criminal liability are considered, as well as law enforcement practice and the reasons for the low effectiveness of penalties are analyzed.

Keywords: personal data; information leakage; information security; legal protection; administrative responsibility; criminal liability; judicial practice

Современный этап цифровой трансформации общества привёл к тому, что персональные данные стали одним из наиболее ценных ресурсов. Их утечка создаёт прямые угрозы безопасности личности, общества и государства. В России в 2024–2026 гг. проблема приобрела системный характер: объёмы украденных данных выросли в десятки раз, а законодатель ответил самыми масштабными за последние годы изменениями в Кодекс РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и Уголовный кодекс (далее – УК РФ) Российской Федерации. Однако правоприменительная практика остаётся крайне мягкой, что ставит под сомнение эффективность новых норм. Цель данной статьи – проанализировать динамику утечек персональных данных в 2024–2026 гг., оценить изменения законодательства и выявить причины низкой эффективности штрафов, а также предложить пути усиления ответственности.

По данным компаний в сфере кибербезопасности, в 2025 г. из российских организаций утекло почти 1,8 петабайта информации, что в 17 раз больше, чем в 2023 г. При этом количество инцидентов сократилось на 23 % по сравнению с 2024-м [1], что говорит о росте целевых атак, направленных на сбор максимальных объёмов данных. Главный тревожный тренд – смещение фокуса злоумышленников на государственные сервисы: в топ-5 самых крупных утечек года вошли данные четырех госсервисов, на которые приходится около 600 млн строк [2].

Для иллюстрации проблемы рассмотрим три показательных случая. В 2025 г. у «Почты России» в открытом доступе оказалось 26 млн строк с именами, адресами и номерами телефонов клиентов из-за некорректного доступа со стороны сотрудника, однако суд назначил штраф всего в 150 тыс. руб. по ч. 1 ст. 13.11 КоАП РФ [3]. Другой пример – осуждение заведующего отделением горбольницы в Башкортостане, который сфотографировал результаты медицинского осмотра несовершеннолетней из ЕГИСЗ и переслал знакомому; он был осуждён по ст. 137 и 272 УК РФ – суд назначил наказание в виде 10 месяцев ограничения свободы, штрафа 100 тыс. руб. и конфискации телефона [4]. Не менее показательный случай произошел летом 2025 г. Из информационной системы персональных данных (ИСПД) одной из популярных онлайн-школ утекло около

полумиллиона строк с персональными данными клиентов – фамилиями, именами, номерами телефонов, адресами электронных почт, а также корпоративные адреса электронных почт с данными сотрудников уже самой онлайн-школы. Все эти данные позже были размещены в Telegram-канале злоумышленников. Несмотря на колоссальный масштаб утерянных данных, суд назначил штраф в размере 400 тыс. руб. [5].

Однако наблюдается и положительная динамика. Благодаря введению ст. 272.1 УК РФ удалось добиться прекращения работы крупных Telegram-ботов «Глаз Бога» и Userbox, занимавшихся так называемым «пробивом» данных [6].

30 мая 2025 г. вступили в силу масштабные поправки в ст. 13.11 КоАП РФ. За первую утечку обычных персональных данных для юридических лиц установлен штраф от 3 до 5 млн руб., а за утечку специальных категорий, таких как биометрия, здоровье, расовая принадлежность, – от 10 до 20 млн руб. уже за первый раз. За повторную утечку, если скомпрометированы данные более 1000 лиц или более 10 000 идентификаторов, предусмотрен оборотный штраф до 3 % годовой выручки, но не менее 20 млн и не более 500 млн руб. Кроме того, за несвоевременное уведомление Роскомнадзора об утечке налагается штраф от 1 до 3 млн руб.[1] С 9 декабря 2024 г. действует ст. 272.1 УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность за незаконные сбор, хранение, использование и передачу персональных данных с максимальным наказанием в виде лишения свободы до 4 лет[2].

Несмотря на внешне суровые санкции, реальные штрафы остаются символическими. В 2025 г. Роскомнадзор составил протоколы по шести делам об утечках, и общая сумма штрафов составила всего 570 тыс. руб., в то время как в среднем по стране этот показатель равен 95 тыс. [7]. Так, РЖД и «Почта России» были оштрафованы на 150 тыс. руб. каждая, а компания «Изумруд» – на 75 тыс. руб. Для сравнения: средний штраф за утечку персональных данных в мире в 2025 г. составил 4,26 млн долл. (около 380 млн руб.) [8]. Таким образом, российские суды назначают наказания, которые несо-

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 31 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2026) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч.1). Ст. 1.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Там же. 1996. № 25. Ст. 2954.

измеримы с масштабом ущерба и не выполняют превентивной функции, а бизнес продолжает считать, что дешевле заплатить небольшой штраф, чем вкладываться в дорогостоящие системы защиты данных.

Для реального изменения ситуации необходимо сформировать единообразную судебную практику, ориентируя суды на применение не минимальных, а средних и максимальных штрафов, предусмотренных новым законодательством, включая оборотные. Целесообразно ввести обязательную публикацию решений о крупных утечках с указанием названия компании и суммы штрафа, чтобы репутационные потери стали дополнительным сдерживающим фактором. Также требуется разработать методику расчёта реального ущерба от утечек персональных данных для потерпевших, чтобы они могли требовать компенсации в гражданском порядке.

Проблема утечек персональных данных в России достигла критического масштаба, особенно в государственном секторе. Законодательство 2024–2026 гг. сделало важный шаг вперёд, введя высокие штрафы и уголовную ответственность. Однако на практике правоприменение остаётся крайне мягким: штрафы в разы ниже предусмотренных законом и не останавливают нарушителей. Только изменение судебной практики в контексте введения реально ощутимых санкций создаст экономическую мотивацию для бизнеса и госорганов инвестировать средства в защиту персональных данных.

Список источников

1. ТАСС : офиц. сайт. URL: https://tass.ru/ekonomika/26703955 (дата обращения: 05.04.2026).

2. РБК : офиц. сайт. URL: https://amp.rbc.ru/rbcnews/rbcfreenews/6980d4c89a794781848ce080 (дата обращения: 03.04.2026).

3. Anti-Walware : офиц. сайт. URL: https://www.anti-malware.ru/news/2025-12-03-121598/48276 (дата обращения: 05.04.2026).

4. Vademec.ru : офиц. сайт. URL: https://vademec.ru/news/2025/02/04/v-bashkirii-vracha-osudili-za-utechku-personalnykh-dannykh-patsienta-iz-egisz/ (дата обращения: 05.04.2026).

5. Российская газета : офиц. сайт. URL: https://rg.ru/2026/03/24/ukradennye-imena.html (дата обращения: 05.04.2026).

6. РБК : офиц. сайт. URL: https://amp.rbc.ru/rbcnews/rbcfreenews/690d499d9a7947658ab0f160 (дата обращения 04.04.2026).
7. ТАСС : офиц. сайт. URL: https://tass.ru/ekonomika/26266511 (дата обращения: 06.04.2026).
8. Anti-Walware : офиц. сайт. URL: https://www.anti-malware.ru/news/2026-01-28-111332/48844 (дата обращения: 07.04.2026).

УДК 342.9:004

Олег Олегович Колесников
3-й курс, напр. «Юриспруденция», Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России, Пермь, Россия,
oleglolkolesnikov@yandex.ru
Научный руководитель: С. В. Молчанова, доцент юридического факультета

ПРОБЛЕМАТИКА ИСКЛЮЧЕНИЯ ЛОСКУТНОЙ АВТОМАТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ЦИФРОВЫХ СЕРВИСОВ В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНОСТРАННОМУ ВЛИЯНИЮ

Аннотация: Статья посвящена проблеме использования иностранных мессенджеров в качестве инструмента коммуникации и потенциальной аутентификации в государственных цифровых сервисах.

Ключевые слова: цифровой суверенитет; экономическая безопасность; иностранное программное обеспечение; мессенджеры; ЕСИА; национальный мессенджер; лоскутная автоматизация; утечка персональных данных

Oleg O. Kolesnikov
Student of the Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Perm, Russia,
oleglolkolesnikov@yandex.ru
Supervisor: S. V. Molchanova, Associate Professor of the Faculty of Law

THE PROBLEM OF ELIMINATING PATCHWORK AUTOMATION OF SOCIAL DIGITAL SERVICES IN THE CONTEXT OF COUNTERING FOREIGN INFLUENCE

Abstract. The article is devoted to the problem of using foreign messengers as a communication tool and potential authentication mechanism in state digital services.

Keywords: digital sovereignty; economic security; foreign software; messengers; ESIA (Unified Identification and Authentication System); national messenger; patchwork automation; personal data leakage

В условиях глобальной цифровой трансформации вопрос обеспечения цифрового суверенитета приобретает для Российской Федерации первостепенное значение. «Цифровой суверенитет является одним из ключевых факторов экономической безопасности страны, предполагающим как наличие государственных компьютерных сетей, так и способность их программного обеспечения противостоять кибератакам» [1, с. 101–107].

Одним из наиболее уязвимых сегментов цифровой инфраструктуры остаются сервисы обмена мгновенными сообщениями – мессенджеры. По данным РОЦИТ, в настоящее время около 80 % россиян используют WhatsApp, а порядка 60 % – Telegram, что делает сегмент мессенджеров одним из наименее импортозамещенных в России. При этом большинство популярных платформ имеют иностранную юрисдикцию и не в полной мере соблюдают требования российского законодательства [2, с. 374–387].

Ключевая проблема иностранных мессенджеров заключается в систематическом неисполнении ими требований российского законодательства. Заместитель председателя Общественного совета при Минцифры Рифат Сабитов отметил: «Компании вроде Telegram и WhatsApp игнорируют требования российских надзорных органов, но охотно сотрудничают со спецслужбами западных государств. Это двойные стандарты, которые создают угрозу суверенитету и безопасности граждан»»[1]. Показательным примером игнорирования требований правоохранительных органов является дело № 7-52/2025, рассмотренное Верховным Судом Республики Башкортостан 17 марта 2025 г. Гражданин был обвинён в размещении комментариев экстремистской направленности в Telegram-чате. Несмотря на проведённую прокурорскую проверку и оперативно-розыскные мероприятия, суд был вынужден прекратить производство по делу в связи с недоказанностью вины, поскольку установить принадлежность идентификатора пользователя (ID) конкретному лицу не представилось возможным. Сотрудник ФСБ России по Республике Башкортостан в судебном заседании пояснил, что компания Telegram Messenger Inc. не взаимодействует с российскими правоохранительными органами, за исключением дел о терроризме

[1] Решение Верховного Суда Республики Башкортостан от 17.03.2025 № 7-52/2025 по делу об административном правонарушении // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: https://sudact.ru/regular/doc/dUYgY4Pr8iUR/ (дата обращения: 10.04.2026).

(ст. 205 Уголовного кодекса РФ). Данное дело наглядно демонстрирует необходимость осуществления соответствующих мер в отношении компании.

Проблема не ограничивается неисполнением законодательства. Иностранные мессенджеры активно используются злоумышленниками для совершения преступлений. По данным МВД, только за полгода через мессенджеры было совершено не менее 142 тыс. преступлений, включая мошенничество, вербовку граждан украинскими спецслужбами и распространение запрещённой информации [3].

Экономические последствия столь же масштабны. Как заявил Рифат Сабитов, «только за пять месяцев 2025 г. ущерб от преступлений с использованием иностранных мессенджеров превысил 85 миллиардов рублей». Эти средства могли бы быть направлены на развитие социальной сферы и экономики, но вместо этого становятся доходами преступных групп.

Эксперты сходятся во мнении, что мессенджеры стали не просто каналом связи, а катализатором и множителем угроз, инструментом для организации массовых беспорядков и дестабилизации. В различных странах мира мессенджеры неоднократно использовались для реализации подобных сценариев.

Использование иностранных мессенджеров создает серьёзные риски для персональных данных граждан. По данным Threat Intelligence, суммарный объем утечек за 2025 г. превысил 767 млн строк с данными российских пользователей – против 457 млн строк в 2024 г. При этом значительная часть утечек распространяется именно через Telegram-каналы. В 1-м квартале 2026 г. в открытом доступе оказались 111,2 млн строк пользовательских данных, включая ФИО, адреса проживания, пароли, даты рождения, паспортные данные и телефонные номера.

Федеральный закон № 149-ФЗ, дополненный положениями об идентификации пользователей мессенджеров, не содержит механизмов принуждения иностранных платформ к исполнению российских требований, если они не имеют физического присутствия на территории РФ[1].

[1] Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.04.2026).

Более того, отсутствует норма, обязывающая операторов социальных платформ обеспечивать доступ через ЕСИА[1]. В контексте мессенджеров это означает, что граждане вынуждены использовать зарубежные сервисы без гарантий защиты их персональных данных и без возможности единой аутентификации. Существующие риски усугубляются тем, что популярные мессенджеры занимают доминирующее положение на рынке и, как отмечает депутат Антон Горелкин, «не склонны приземляться и соблюдать наше законодательство». Ситуацию необходимо менять, и создание национального мессенджера представляется логичным выходом из сложившейся ситуации.

В ответ на вызовы цифровой эпохи в России был создан национальный мессенджер MAX. В июне 2025 г. Президент В. В. Путин подписал указ о создании цифрового национального многофункционального сервиса, объединяющего функции мессенджера и сервисов госуслуг[2].

Ключевой особенностью новой платформы является её тесная интеграция с порталом «Госуслуги» и системой ЕСИА. Пользователи смогут подписывать документы с использованием усиленной электронной подписи, получать доступ к персональным данным из цифровых документов, подтверждать возраст, получать социальные льготы и осуществлять иные значимые действия.

В декабре 2025 г. Президент заявил о достижении Россией полного цифрового суверенитета, подчеркнув ключевую роль национального мессенджера MAX: «С появлением национального мессенджера MAX Россия получила полный цифровой суверенитет и вошла в число стран, которые полностью контролируют свою цифровую инфраструктуру».

С точки зрения цифрового суверенитета использование национального мессенджера, интегрированного с ЕСИА, позволяет решить *ключевые задачи*.

---

[1] О государственной информационной системе «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере» : постановление Правительства РФ от 29.12.2023 № 2386 (ред. от 12.09.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312290113 (дата обращения: 10.04.2026).

[2] О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 24.06.2025 № 156-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506240021 (дата обращения: 10.04.2026).

Снижение зависимости от СМС-канала. Использование защищённого канала мессенджера, интегрированного с ЕСИА, создаёт сложную двухфакторную систему аутентификации, существенно затрудняющую перехват учётных данных методами социальной инженерии.

Мгновенное информирование о действиях с учётной записью. Интеграция с государственной системой позволяет оперативно уведомлять граждан о любых попытках доступа к их аккаунту или совершении действий от их имени.

Удобный интерфейс для всех категорий граждан. Единое приложение, совмещающее функции мессенджера и доступа к госуслугам, особенно актуально для пожилых граждан, которым сложно осваивать множество ведомственных порталов.

Контроль над инфраструктурой. Данные пользователей хранятся на территории РФ, а доступ к ним регулируется российским законодательством, что исключает риск их передачи третьим лицам.

Стоит учитывать, что полный отказ от иностранных мессенджеров в краткосрочной перспективе невозможен в силу их доминирования на рынке. Как показывает практика, после ограничения голосовых звонков в Telegram и WhatsApp четверть компаний столкнулась с тем, что клиенты неохотно переходят на новые платформы.

Тем не менее, как отмечают эксперты РОЦИТ, появление серьёзного российского конкурента предостерегает иностранные мессенджеры игнорировать российские законы. Конкуренция на рынке мессенджеров, безусловно, сохранится, и в долгосрочной перспективе выиграют те сервисы, которые смогут предложить пользователям оптимальное сочетание безопасности и удобства.

На основе изложенного представляется необходимым внести изменения в федеральный закон № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», установив требование об обязательном использовании ЕСИА при авторизации в указанных сервисах[1].

Реализация предложенных мер позволит не только преодолеть «лоскутную автоматизацию» социальных цифровых сервисов, но и обеспечить подлинный цифровой суверенитет России в условиях геополитических трансформаций.

---

[1] Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг : федер. закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.04.2026).

Список источников

1. Чередниченко А. С. Цифровой суверенитет как фактор экономической безопасности России // Вести Автомобильно-дорожного института. 2025. № 2(53). С. 101–107.

2. Кибербезопасность и сохранение цифрового суверенитета экономики / У. Е. Панина, М. А. Цукахина, М. М. Хажоков и др. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). 2025. № 07 (211). С. 374–387. URL: http://ej.kubagro.ru/2025/07/pdf/30.pdf (дата обращения: 10.04.2026).

3. МВД: За первые шесть месяцев 2025 года в стране зафиксировано свыше 142 тыс. правонарушений, связанных с использованием мессенджеров // Взгляд. 15.08.2025. URL: https://vz.ru/news/2025/8/15/1301451.html (дата обращения: 10.04.2026).

УДК 341.41/.46

Алёна Артемовна Колодяжная
3-й курс, напр. «Юриспруденция», Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия
aalleennaakk2015@gmail.com
Научный руководитель: Е. В. Голубев, преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ КАК МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Аннотация. В статье рассматривается феномен киберпреступности как глобальной угрозы, которая в силу трансграничного характера и масштаба последствий приобретает признаки международного преступления. Автор анализирует эволюцию понятия, приводит статистические данные, иллюстрирующие масштаб и экономические последствия киберпреступлений. Центральной проблемой исследования является отсутствие единой правовой квалификации киберпреступлений на международном уровне.

Ключевые слова: киберпреступность; международное преступление; трансграничная преступность; цифровое пространство; международное право

Alena A. Kolodyazhnaya
Student of the Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia, aalleennaakk2015@gmail.com
Supervisor: E. V. Golubev, Lecturer at the Department of Civil and Business Law, Russian State Academy of Intellectual Property

CYBERCRIME AS AN INTERNATIONAL CRIME

Abstract. This article examines the phenomenon of cybercrime as a global threat, which, due to its cross-border nature and the scale of its consequences, acquires the characteristics of an international crime. The author analyzes the evolution of the concept and provides statistical data illustrating the scale and economic consequences of cybercrime. The central problem of the study is the lack of a unified legal definition of cybercrime at the international level.

Keywords: cybercrime; international crime; cross-border crime; digital space; international law

В современном мире более 83 % населения планеты ежедневно пользуются интернетом [1]. Процесс цифровизации проникает во все сферы человеческой деятельности, обеспечивая новые возможности и повышая уровень комфорта в повседневной жизни. Вместе с тем наблюдается тенденция к росту числа правонарушений, непосредственно связанных с развитием цифровых технологий – так называемых киберпреступлений, которые выходят за пределы одного государства и требуют комплексного международного реагирования.

Понятие «киберпреступность» появилось в конце 1970-х гг., когда с развитием компьютеров и сетевых систем стали возникать новые виды преступлений, связанные с использованием информационных технологий [2]. В современном мире под «киберпреступлением» понимают любое противоправное деяние, осуществляемое с применением компьютерных систем или сетей (внутри них) либо направленное против их целостности, конфиденциальности или доступности [3].

С течением времени стало очевидно, что киберпреступления затрагивают не только частную жизнь, но и интересы множества стран. За последние годы наблюдается стремительный рост числа инцидентов, связанных с киберпреступностью, что подчеркивает масштаб и глобальную значимость данной проблемы. Например, в США за 2024 г. Федеральное бюро расследований зафиксировало более 859 тыс. жалоб, связанных киберпреступлениями. Суммарный материальный ущерб от этих деяний превысил 16 млрд долл. [4]. Российская Федерация также столкнулась с серьезной угрозой: за первые девять месяцев 2025 г. в стране выявили более 675 тыс. преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), что составляет 38 % от общего числа правонарушений [5].

Эти показатели наглядно демонстрируют не только серьёзность и масштабность угрозы, но и необходимость скоординированных международных усилий для противодействия «вирусам» цифрового пространства, защиты критической инфраструктуры и обеспечения безопасности пользователей во всем мире.[1]

[1] О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации : федер. закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ (ред. от 07.04.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Из-за своей трансграничной природы и внушительных масштабов подобные преступления позволяют рассматривать их как деяния, обладающие признаками международных преступлений. К числу таких деяний можно отнести: атаки на критическую инфраструктуру, распространение вредоносного программного обеспечения, использование киберпространства для террористической и экстремистской деятельности и др.

Несмотря на предпринимаемые государствами усилия по адаптации к современным мировым тенденциям развития, процесс интегрирования и обеспечения соответствия новым реалиям протекает с определёнными ограничениями и остаётся не полностью реализованным. Рассмотрим несколько выявленных нами проблем в сфере киберпреступности в рамках международного преступления, а также проанализируем возможные пути решения.

Изучив научную литературу, можно отметить, что на данный момент отсутствует чёткая классификация киберпреступлений, что может негативно сказаться на эффективном международном сотрудничестве, оценке угроз и разработке стратегий, а также совершенствовании законодательства. В настоящее время выделяют три основные классификации киберпреступлений; исследуем подробнее каждую из них. Первая классификация была разработана в рамках Будапештской конвенции о киберпреступности в 2001 г., где правоведы выделили четыре группы киберпреступлений.

1. Преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем.
2. Компьютерные преступления, связанные с мошенничеством.
3. Преступления, связанные с контентом.
4. Преступления, связанные с нарушением авторских прав и смежных прав [6].

Данная классификация получила наибольшее признание среди исследователей и широко применяется на практике, а её основные положения закреплены в законодательстве многих государств, однако она не отражает нынешних масштабов и разнообразия видов киберпреступлений. Критики отмечают, что конвенция фокусируется на конкретных материальных преступлениях (незаконный доступ, перехват, подделка), что может не охватывать новые или более сложные формы киберпреступности [7]. Также стоит отметить, что вышеизложенная классификация не рассматривает уголовные преступления, связанные с криптовалютами, хотя сейчас

данная сфера довольно популярна и с каждым годом становится всё больше случаев, связанных с отмыванием денег через криптовалюты, мошенничеством с инвестициями в криптовалюты.

Вторая классификация представлена в Докладе Отдела ООН UNODC (Управление ООН по наркотикам и преступности) за 2019 г., где основное внимание уделяется категоризации киберпреступлений, базирующейся на анализе целевых стратегий и операционных методов, применяемых преступниками.

1. Киберпреступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем (перехват данных, компьютерный саботаж, несанкционированный доступ, вредоносное ПО).

2. Киберпреступления в сфере финансов и мошенничества (фишинг и подделка, вымогательство).

3. Кража личных данных и мошенничество с личностью (незаконное получение персональной информации для дальнейшего использования).

4. Киберпреступления, связанные с контентом (угрозы и домогательства) [8].

В рамках данной классификации нами были отмечены следующие недостатки: размытая граница между киберпреступностью и обычной преступностью; построение основы на анализе статистики и оперативных данных, из-за чего могут возникать трудности с правовой точки зрения; вариативность подходов и трудность в формировании единой позиции, что связано с различными взглядами экспертов внутри ООН.

Особое внимание уделим третьей классификации киберпреступлений, предложенной Международным союзом электросвязи (МСЭ), так как, на наш взгляд, она является наиболее верной как с правовой, так и с практической точки зрения.

1. Киберпреступления, использующие информационно-коммуникационные технологии (ICT-enabled): против личности (фишинг, кибербуллинг, кража личных данных), против финансовой системы (онлайн-мошенничество, кража кредитных карт, криптовалютные преступления), против интеллектуальной собственности (пиратство, распространение подделок), в сфере бизнеса, управления (кибершпионаж, корпоративный шпионаж), дезинформация (фейковые новости, манипуляции общественным мнением).

2. Киберпреступления, затрагивающие информационно-коммуникационные технологии (ICT-dependent): нарушение систем и данных (вредоносное ПО, DDoS-атаки, взлом, несанкционированный доступ), нарушение инфраструктуры (атаки на критически важные объекты), преступления с использованием сетей [9].

Классификация, сформулированная МСЭ, характеризуется применением многоаспектного подхода, который подразумевает выявление основных угроз и динамики развития, а не ориентирован на создание единой, строго структурированной классификации.

Основная сложность квалификации киберпреступлений в качестве международных преступлений состоит в соотношении формы и содержания. Необходимо сопоставлять формальные признаки киберпреступлений с их действительной общественной угрозой и масштабом трансграничных последствий. В связи с этим возникает необходимость переосмысления традиционных категорий в контексте цифровой реальности.

Следствием этого становится неоднозначная ситуация, при которой масштабная кибератака на государственные системы, повлекшая катастрофические последствия, рискует получить ту же квалификацию, что и рядовое мошенничество в сети [10]. Подобный подход не только занижает реальную степень общественной опасности деяния, но и лишает международное сообщество должных правовых оснований для привлечения виновных к ответственности.

Исследование показало, что современное международное право находится в состоянии кризиса, не успевая подстраиваться под стремительную цифровую трансформацию. Чтобы противостоять трансграничной киберпреступности, нужно выработать единую международную классификацию таких преступлений и механизмы оперативного взаимодействия между странами.

Список источников

1. Mediascope: более 80% россиян выходят в интернет ежедневно. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7672756#:~:text=Хотя%20бы%20раз%20в%20месяц,выходят%20в%20сеть%20каждый%20день (дата обращения: 30.11.2025).

2. Киберпреступность: история развития, проблемы практики расследования. URL: https://www.computer-museum.ru/articles/materialy-mezhdunarodnoy-konferentsii-sorucom-2014/629/ (дата обращения: 30.11.2025).

3. О принятии Конвенции ООН против киберпреступности. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1989289/?TSPD_101_R0=08765fb

817ab200037d6893312a21a13c9c24d4754c90c2e6220fd86b9e0a5105d361b2f5924bbd2083d2f4d32143000caa145978cc1382090b7d1e6e02d2429cb99e30cebd0d3b0456dad643b40fa144cd34a695ec14bae80746ffeca23b069 (дата обращения: 30.11.2025).

4. FBI 2024 IC3 Report: Phishing Soars, Ransomware Batters Critical Infrastructure as Cyber Losses Climb. URL: https://www-levelblue-com.translate.goog/blogs/levelblue-blog/fbi-2024-ic3-report-phishing-soars-ransomware-batters-critical-infrastructure-as-cyber-losses-climb?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sge (дата обращения: 15.02.2026).

5. В России зафиксировали снижение числа IT-преступлений в 2025 году. URL: https://secpost.ru/v-rossii-zafiksirovali-snizhenie-chisla-it-prestuplenij-v-2025-godu#:~:text=В%202025%20году%20в%20России%20было%20зарегистрировано%20675%2C4%20тыс. (дата обращения: 10.02.2026).

6. Council of Europe Convention on Cybercrime URL: https://www.congress.gov/treaty-document/108th-congress/11/document-text (дата обращения: 10.12.2025).

7. Confusion & Contradiction in the UN 'Cybercrime' Convention. URL: https://www-lawfaremedia-org.translate.goog/article/confusion---contradiction-in-the-un--cybercrime--convention?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sge (дата обращения: 11.12.2025).

8. Основные виды киберпреступности. URL: https://www.unodc.org/documents/e4j/Cybercrime/Cybercrime_Module_2_General_Types_of_Cybercrime_RU.pdf (дата обращения: 11.12.2025).

9. Рекомендация МСЭ-Т Q.5054 «Ориентированная на потребителя платформа для борьбы с использованием контрафактных и похищенных мобильных устройств информационно-коммуникационных технологий». URL: https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=https://www.itu.int/rec/dologin_pub.asp%3Flang%3Df%26id%3DT-REC-Q.5054-202502-I!!PDF-R%26type%3Ditems&ved=2ahUKEwi_h--H3sSRAxXdKhAIHeuWCu0QFnoECBoQAQ&usg=AOvVaw1zSdt4eViBYVFJkfD0DmVm (дата обращения: 11.12.2025);

10. Кибератаки на критическую информационную инфраструктуру. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Кибератаки_на_критическую_информационную_инфраструктуру (дата обращения: 16.04.2026).

УДК 342

Ольга Александровна Косенко
2-й курс, напр. «Юриспруденция», Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Пермь, Россия, olgakosenko011@gmail.com
Научный руководитель: М. Р. Гиляzетдинов, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, SPIN-код: 8985-5030

ДОВЕРИЕ ОБЩЕСТВА К ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию доверия общества к законодательной власти как необходимого условия обеспечения социальной безопасности. Анализируется понятие и структура доверия к власти, рассматриваются факторы, влияющие на уровень доверия граждан к законодательным органам, а также последствия снижения доверия для социальной безопасности государства. Автором обосновывается взаимосвязь между качеством законодательной деятельности и степенью доверия общества, предлагаются направления совершенствования механизмов взаимодействия законодательной власти и гражданского общества.

Ключевые слова: доверие; законодательная власть; социальная безопасность; правовое государство; легитимность; гражданское общество; правосознание; обратная связь

Olga A. Kosenko
Student of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia, olgakosenko011@gmail.com
Supervisor: M. R. Gilyazetdinov, Senior Lecturer at the Department of State and Legal Disciplines, SPIN-code: 8985-5030

PUBLIC TRUST IN LEGISLATIVE AUTHORITY AS A CONDITION FOR SOCIAL SECURITY

Abstract. This article is devoted to the study of public trust in the legislative branch as a necessary condition for ensuring social security. The concept and structure of trust in the government are analyzed, and the factors influencing the level of citizens' trust in the legislative bodies are considered, as well as the consequences of a decrease in trust for the social security of the state. The au-

thor substantiates the relationship between the quality of legislative activity and the degree of public trust, and suggests ways to improve the mechanisms of interaction between the legislative branch and civil society.
Keywords: trust; legislative branch; social security; rule of law; legitimacy; civil society; legal consciousness; feedback

В системе факторов, обеспечивающих социальную безопасность современного государства, особое место занимает доверие общества к институтам публичной власти, прежде всего к законодательной ветви. Именно законодательная власть формирует нормативную базу, определяющую правила поведения всех субъектов общественных отношений, распределение ресурсов, механизмы защиты прав и свобод граждан. Без доверия к тому, кто создает законы, невозможно ни эффективное правоприменение, ни добровольное соблюдение правовых предписаний, ни устойчивое развитие общества в целом [1].

Доверие к законодательной власти представляет собой сложный социально-психологический и политико-правовой феномен. В юридической науке под ним понимается убеждённость граждан в том, что законодательные органы действуют в интересах общества, принимают справедливые и обоснованные законы, а также способны эффективно реагировать на возникающие вызовы и угрозы. Доверие включает в себя несколько взаимосвязанных компонентов: когнитивный (знание о деятельности законодательной власти), эмоциональный (чувство удовлетворённости или неудовлетворённости) и поведенческий (готовность подчиняться законам и поддерживать законодательные инициативы).

Современное состояние доверия российского общества к законодательной власти вызывает обоснованную тревогу. Согласно данным социологических опросов, проводимых ведущими исследовательскими центрами, уровень доверия к Федеральному Собранию РФ и законодательным собраниям субъектов Федерации остается стабильно низким на протяжении последних лет [2; 3]. Причины этого явления многообразны и носят системный характер. В их числе: разрыв между декларируемыми целями законодательной деятельности и реальными результатами; низкое качество принимаемых законов, их противоречивость и частое изменение; недостаточная прозрачность законодательного процесса; слабая вовлечённость граждан и институтов гражданского общества в обсуждение законопроектов; а также высокий уровень коррупции в органах власти.

Низкий уровень доверия к законодательной власти создаёт серьёзные угрозы социальной безопасности. Во-первых, снижается легитимность принимаемых законов: если граждане не верят в честность и компетентность законодателей, они не будут добровольно соблюдать установленные ими правила. Это приводит к росту правового нигилизма, уклонению от исполнения обязанностей, а в крайних формах – к открытому неповиновению власти. Во-вторых, ослабляется обратная связь между обществом и государством. Когда граждане не доверяют законодателям, они перестают направлять им свои предложения, участвовать в публичных слушаниях, общественных экспертизах законопроектов. Важным направлением является также работа по формированию правовой культуры и правосознания граждан. Недоверие к власти часто является следствием не только реальных недостатков работы законодателей, но и непонимания гражданами сути законодательного процесса, сложности и противоречивости современного законодательства.

В Российской Федерации в последние годы предпринимаются определённые шаги по укреплению доверия к законодательной власти [4]. Созданы и функционируют общественные советы при законодательных органах, практикуются нулевые чтения законопроектов с участием экспертов и общественности, развиваются механизмы общественного контроля, реализуются парламентские часы и правительственные часы с участием представителей общественности. В Государственной Думе активно используется автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности, которая делает законотворческий процесс более прозрачным. Однако, как показывает анализ, эти механизмы не всегда работают в полную силу, а уровень доверия населения остается недостаточно высоким.

Таким образом, доверие общества к законодательной власти является не просто желательным, а необходимым условием социальной безопасности. Без этого доверия невозможно создание качественного, легитимного и эффективного законодательства, а без качественного законодательства невозможно обеспечение защищенности личности, общества и государства от многочисленных угроз. Укрепление доверия требует системной и последовательной работы по повышению качества законодательной деятельности, обеспечению прозрачности законодательного процесса, расширению участия гражданского общества и формированию правовой культуры.

Только при соблюдении этих условий законодательная власть сможет в полной мере реализовать свое предназначение – служить интересам общества и обеспечивать его безопасное развитие.

Список источников

1. Конева Н. С. Категории доверия и недоверия в российской правовой доктрине публичной власти // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 4 (43). С. 64– 69.

2. Деятельность государственных институтов. Рейтинги // ВЦИОМ: сайт. URL: https://wciom.ru/ratings/ (дата обращения: 10.03.2026).

3. Вдовиченко Л. Н. Доверие как важный фактор социальной стабильности // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 2. С. 64–72. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-2-64-72.

4. Доверие как критический фактор достижения стратегических целей социально-экономического и политического развития государства : материалы заседания Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 13 ноября 2020 года. М., 2021. URL: http://council.gov.ru/media/files/9SKbz9PvGjZBTHsE8TX3QnAmD9N3b3cf.pdf (дата обращения: 10.03.2026).

УДК 347.64

Валерия Вячеславовна Кравцова
2-й курс, напр. «Юриспруденция», Прикамский социальный институт, Пермь, Россия, lerochka-kravtsova@inbox.ru
Научный руководитель: Д. В. Головкина, канд. юрид. наук, доцент кафедры публичного и частного права

ОПЕКА И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО В РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Статья посвящена современному состоянию института опеки и попечительства в Российской Федерации. Приводятся статистические данные о количестве детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, взятых под опеку. Рассматриваются основные положения российского права об опеке и попечительстве, обращается внимание на последние изменения в законодательстве. Выявляются важнейшие проблемы в сфере опеки и попечительства, требующие эффективных решений.

Ключевые слова: опека; попечительство; опекун; подопечный; дети-сироты; инвалиды; недееспособные

Valeria V. Kravtsova
Student of the Prikamsky Social Institute, Perm, Russia, lerochka-kravtsova@inbox.ru
Supervisor: D. V. Golovkina, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Department of Department of Public and Private Law

GUARDIANSHIP AND CUSTODY IN RUSSIA: SOCIAL AND LEGAL ASPECTS

Abstract. This article examines the current state of guardianship and trusteeship in the Russian Federation. It provides statistical data on the number of orphans, children left without parental care, and children taken into guardianship. It examines the key provisions of Russian guardianship and trusteeship law, focusing on recent legislative changes. It identifies key issues in the field of guardianship and trusteeship that require effective solutions.

Keywords: guardianship; trusteeship; guardian; ward; orphans; disabled persons; incapacitated persons

Институт опеки и попечительства направлен на защиту прав несовершеннолетних, оставшихся без родителей, а также недееспособных и ограниченно дееспособных граждан. Социальная значимость темы сохраняется в связи с большим числом детей без попечения и возрастает на фоне трансформации семейных ценностей [1].

По данным Министерства просвещения Российской Федерации на конец 2025 г., общая численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, составила 317 052 человека (снижение на 6,8 % по сравнению с 2024 г.). В организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывается 26 406 человек [2].

В 2025 г. выявлено 34 678 детей, оставшихся без попечения родителей (на 12,4 % меньше, чем в 2024 г.). Из них 22 090 чел. – социальные сироты, имеющие живых родителей [3].

Из выявленных вновь в 2025 г. детей-сирот и детей без попечения родителей под предварительную опеку взято более 19 тыс. детей [4].

Несмотря на принятие в 2008 г. федерального закона № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (далее – ФЗ № 48)[1] и последующее внесение изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) на практике сохраняется целый ряд проблем, требующих решения. Всё вышесказанное обусловливает необходимость комплексного исследования данных институтов.

Важно отметить, что история развития законодательства об опеке и попечительстве в России насчитывает несколько столетий и включает досоветский, советский и современный периоды.

Ещё реформы Петра I (в частности, Указ о единонаследии 1714 г.) обязали наследника недвижимости заботиться о младших членах семьи. При Екатерине II (1775–1785 гг.) введено различие между опекой (до 14 лет) и попечительством (14–21 год). Свод законов Российской империи 1832 г. закрепил опеку над детьми, но с сохранением сословного принципа.

После 1917 г. опека утратила сословность и стала общегосударственной. Кодекс РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. впервые в советском

[1] Об опеке и попечительстве : федер. закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 29.09.2025) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2008. № 17. Ст. 1755.

государстве ввёл раздел об опекунском праве. Кодекс о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. сделал приоритетом воспитание и защиту личности ребёнка. Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 г. закрепил обязанности опекунов по воспитанию и ввёл обязательное согласие опекуна [5].

Сегодня нормы об опеке и попечительстве содержатся в Семейном кодексе Российской Федерации (гл. 18)[1], ГК РФ (ст. 31–40)[2], в уже упомянутом ФЗ № 48 (в редакции 2025 г.), который систематизировал работу органов опеки, а также в других федеральных законах и законах субъектов Российской Федерации [6; 7].

Порядок установления, изменения и прекращения опеки и попечительства регулируется ФЗ № 48 и ГК РФ. Опека устанавливается для малолетних детей до 14 лет и недееспособных граждан (опекун сам совершает все юридические действия); попечительство – для 14–18-летних и ограниченно дееспособных (попечитель лишь помогает и даёт согласие на сделки).

В процессе установления опеки органы опеки выявляют нуждающихся, подбирают кандидата на роль опекуна (при этом производится оценка его личности, здоровья, жилья) и в течение 15 рабочих дней с момента подачи всех документов издают акт о назначении опекуна либо акт, содержащий мотивированный отказ. Приоритет отдается близким родственникам.

Согласно последним изменениям законодательства при достижении 14 лет опека автоматически трансформируется в попечительство без дополнительных решений – бывший опекун просто меняет статус. Смена опекуна/попечителя происходит при его освобождении/отстранении либо по его заявлению.

Опека/попечительство автоматически прекращается при достижении гражданином 18 лет, вступлении в брак, эмансипации либо смерти опекуна/подопечного, а также по решению органа опеки – при истечении срока акта, возвращении ребёнка родителям, усыновлении.

---

[1] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) // Собр. законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Там же. 1994. № 32. Ст. 3301.

Опекун/попечитель вправе отказаться от закрепленных за ним обязанностей по уважительным причинам. Принудительное освобождение возможно при конфликте интересов с подопечным, а отстранение – за ненадлежащее исполнение, корысть, оставление без надзора [6].

В 2025 г. в законодательство об опеке и попечительстве был внесен ряд значимых изменений:

– 01.04.2025 – расширен перечень лиц, имеющих право на бесплатную юридическую помощь по вопросам опеки (изменения в федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 324-ФЗ)[1];

– 29.09.2025 приняты изменения в ст. 25 ФЗ № 48: срок представления ежегодных отчётов опекунов, если обязанности таковых возложены на образовательные, медицинские и социальные организации, перенесён с 1 февраля на 1 апреля года, следующего за отчётным.

Распоряжением Правительства Российской Федерации № 1217-р от 16.05.2025 была утверждена Концепция реформирования системы опеки в отношении несовершеннолетних[2], нацеленная на трансформацию описываемой системы в целях решения существующих проблем в сфере опеки и попечительства.

Рассмотрим более подробно ключевые вызовы в этой сфере.

Нечёткость правового регулирования, в том числе: неясный статус патронажа (размытая ответственность помощника позволяет мошенникам получать доступ к имуществу дееспособных, но уязвимых людей без реального контроля за качеством ухода); разграничение полномочий органов опеки и суда (бюрократическая «война юрисдикций» затягивает изъятие подопечного из опасной среды, чиновники перекладывают ответственность друг на друга); несовершенство предварительной опеки («пробный период» без полноценной проверки опекуна и психологической подготовки ведёт к повторной травме ребёнка при возврате в детдом или к эмо-

[1] О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации : федер. закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 04.11.2025) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6725.

[2] Об утверждении Концепции совершенствования деятельности органов опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан : распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 мая 2025 г. № 1217-р. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411927094/ (дата обращения: 02.03.2026).

циональному отвержению) и мн. др. Исследователи отмечают противоречия и несогласованность между нормами Семейного кодекса, Гражданского кодекса и ФЗ № 48 [7].

Имущественные споры: сложности с защитой прав подопечных при сделках с недвижимостью.

Слабый контроль за опекунами: недостаточный мониторинг условий проживания и воспитания подопечных; формальные проверки не предотвращают скрытое насилие, присвоение средств и изоляцию подопечных – детей, пожилых, инвалидов.

Формализм органов опеки: приоритет отчётности над реальными интересами ребёнка.

Кадровый дефицит в органах опеки: высокая нагрузка на сотрудников, недостаточность психологической подготовки.

Таким образом, эволюция института опеки и попечительства в России прошла путь от сословного регулирования петровской эпохи к общегосударственной системе советского периода и, наконец, к современной гражданско-правовой модели, закреплённой в ГК РФ и федеральном законе № 48-ФЗ. Сегодня процедуры установления, изменения и прекращения опеки детально регламентированы, однако правоприменительная практика остаётся несовершенной, что говорит и о несовершенстве действующего законодательства.

Хотя численность выявляемых детей, подлежащих опеке/попечительству, ежегодно снижается, система продолжает сталкиваться с серьёзными вызовами, основные из которых связаны, как отмечалось выше, с пробелами в законодательстве и отсутствием эффективной защиты интересов подопечных, слабым контролем за опекунами, формализмом органов опеки.

Принятая в 2025 г. Концепция реформирования системы опеки направлена на преодоление этих проблем, но её эффективность будет зависеть от последовательной реализации и усиления межведомственного взаимодействия. Защита прав и интересов наиболее уязвимых категорий граждан остаётся приоритетной задачей, требующей как совершенствования социального законодательства, так и изменения правоприменительной практики в социальной сфере.

Список источников

1. Филиппов П. М., Назарова А. С. Семейные ценности в российском праве и проблема сиротства: прошлое, настоящее и будущее // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. № 13(3). С. 58–73. DOI: 10.21869/2223-1501-2023-13-3-58-73.

2. Поддержка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Минпросвещения РФ : офиц. сайт. URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/orphans?ysclid=mta4eehmf8471312087 (дата обращения: 02.03.2026).

3. Опубликованы данные за 2025 год о выявлении и устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка : офиц. сайт. URL: https://deti.gov.ru/Press-Centr/news/1720?ysclid=mta3qzft8d773324877(дата обращения: 02.03.2026).

4. В 2025 году в России выявили 35 тысяч детей без попечения родителей // Правмир : сайт. URL: https://www.pravmir.ru/v-2025-godu-v-rossii-vyyavili-35-tysyach-detej-bez-popecheniya-roditelej/ (дата обращения: 02.03.2026).

5. Окунева Ю. Ю. История развития института опеки и попечительства в России // Вестник магистратуры. 2016. № 11-2 (62). С. 180–181. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-instituta-opeki-i-popechitelstva-v-rossii/viewer (дата обращения: 02.03.2026).

6. Пшеничникова И. В. Порядок установления и прекращения опеки над недееспособными лицами // Science Time. 2020. № 3 (75). С. 27–29. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/poryadok-ustanovleniya-i-prekrascheniya-opeki-nad-nedeesposobnymi-litsami/viewer (дата обращения: 02.03.2026).

7. Парий-Сергеенко Е. П. Проблемы правового регулирования института опеки и попечительства // Эпомен. 2022. № 68. С. 260–268. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-instituta-opeki-i-popechitelstva/viewer (дата обращения: 02.03.2026).

УДК 347.6

Юрий Дмитриевич Лавочкин
3-й курс, напр. «Юриспруденция», Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Пермь, Россия, lavnat07@mail.ru
Научный руководитель: Н. В. Лавочкина, преподаватель юридического факультета, SPIN-код: 5304-3153

ВНЕДРЕНИЕ НАСЛЕДСТВЕННОГО ДОГОВОРА В РОССИЙСКУЮ ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ КАК ИНСТРУМЕНТ УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию института наследственного договора в контексте обеспечения национальной безопасности России. В работе проводится сравнение с законодательством Германии, делается вывод, что институциональная гибкость наследственного права является необходимым условием экономической стабильности, сохранения имущества и защиты прав граждан в контексте современных геополитических вызовов.

Ключевые слова: наследственный договор; наследование; национальная безопасность; договорные конструкции; реформа гражданского законодательства

Yuri D. Lavochkin
Student of the Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Perm, Russia, lavnat07@mail.ru
Supervisor: N. V. Lavochkina, Lecturer at the Law Faculty, SPIN-code: 5304-3153

INTRODUCTION OF THE INHERITANCE CONTRACT INTO THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM AS A TOOL FOR STRENGTHENING NATIONAL SECURITY

Abstract. The article is devoted to the study of the institution of the inheritance contract in the context of ensuring Russia's national security. The paper compares it with German legislation and concludes that the institutional flexibility of inheritance law is a necessary condition for economic stability, the pres-

ervation of the national property complex, and the protection of citizens' rights in the face of modern geopolitical challenges.
Keywords: inheritance contract; inheritance; national security; contractual structures; reform of civil legislation

Удовлетворённость граждан защитой их прав, включая право наследования, является гарантией доверия и стабильности любого государства. Право наследования выступает производным от права частной собственности, гарантирует гражданам непрерывность имущественных отношений и социальную стабильность. Растущая потребность в упорядочении механизмов сохранности наследственной массы вызвана несколькими факторами: ростом стоимости наследственного имущества (недвижимость, бизнес, ценные бумаги), повышением рисков противоправных посягательств, недостаточной информированностью граждан о способах защиты наследственных прав (завещание, наследственный договор, совместные завещания супругов). В 2018–2019 гг. российское гражданское право получило новое направление наследования – наследственный договор как третье основание наследования. Его появление было закреплено введением ст. 1140.1 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)[1]. Этот вид наследования, в отличие от завещания, характеризуется двусторонностью, предполагая взаимные права и обязанности сторон. Современное развитие института наследственного договора России связано с заимствованием отдельных правовых концепций из зарубежного законодательства, в частности из немецкого. В отличие от российского права, германское законодательство после принятия Германского гражданского уложения (далее – ГГУ, Уложение) восходит к классической модели наследования, основанной на планировании судьбы наследственного имущества. Германское законодательство выделяло характерные черты наследственного договора: впервые было дано его определение, установлено обязательное нотариальное удостоверение и наличие согласия всех участников соглашения, сохранение действия договора даже в случае отказа одного из наследников от своей доли в наследстве, установление для наследников определенных гарантий стабильности [1, с. 85]. По российскому законодательству договор заключается с любым из лиц, которые могут призываться к насле-

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 3) от 28.10.2001 № 146-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2001 № 49. Ст. 4552.

дованию в порядке ст. 1116 ГК РФ, включая субъектов РФ. Германская модель устанавливает возможность заключения договора между супругами, лицами, вступающими в брак. Возможно заключение договора с третьими лицами, но при личном участии наследодателя (§ 2274 ГГУ)[1].

К особенностям отечественного наследственного договора следует отнести: приоритет наследственного договора над завещанием, в частности, «правила об отмене и изменении завещания не применяются к наследственному договору». Наследственный договор, в отличие от завещания, регулирует отношения сторон до открытия наследства (при жизни наследодателя), то есть по договору на будущего наследника или наследников могут быть возложены конкретные обязанности имущественного или неимущественного характера, исполняемые им в период жизни наследодателя. Здесь усматривается схожесть с завещательным отказом или завещательным возложением, однако следует отметить, что указанные завещательные распоряжения прописываются только в завещании и начинают действовать после смерти наследодателя. Это главное отличие данной конструкции от завещания, которое может содержать лишь распоряжения, исполняемые после смерти. Неисполнение этих обязанностей при жизни наследодателя является основанием для отстранения наследника от наследования по требованию заинтересованных лиц или исполнителя договора (п. 5 ст. 1140.1 ГК РФ). Это мощный инструмент контроля для наследодателя за действиями лиц, призываемых к наследованию. Также важное отличие состоит в том, что действительным будет являться не тот договор, который был составлен ближе к моменту смерти, а самый первый.

Вместе с тем встает вопрос о нарушении принципа свободы договора, так как волеизъявление сторон ограничено интересами третьих лиц, круг которых закреплен законодателем. В случае составления завещания, при наличии наследственного договора, приоритет будет отдан наследственному договору. По немецкой модели помимо взаимного наследования после пережившего супруга допускается подназначение наследников, или, так же, как в российском законодательстве, возложение на наследника какой-либо

[1] Германское гражданское уложение 18 августа 1896 г. // Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. 2015. С. VIII–XIX, 1-715.

имущественной или неимущественной обязанности § 2278 ГГУ. Способ принятия наследства простой – подтверждение факта выполнения условий договора. Наследственный договор, как и завещание, должен соответствовать требованиям формы, а именно в соответствии со ст. 1140 ГК РФ устанавливается обязательная нотариальная форма, подписи обеих сторон заверяются нотариусом, в противном случае он признается ничтожным (п. 3 ст. 163, ст. 165 ГК РФ). Заключение наследственного договора в закрытой форме не допускается. При удостоверении договора, как утверждает Е. В. Киселева, обязательно проводится видеофиксация, если стороны не заявили письменное возражение против этого [2, с. 74]. Это является дополнительной гарантией добровольности и понимания сути сделки. Германская модель, как и российская, предусматривает нотариальную или судебную форму для наследственного договора и оформляется в виде протокола с участием сторон [1, с. 480]. По мнению Е. В. Кобчиковой, суть договора заключается именно в том, что наследник обязуется совершать определённые действия при жизни наследодателя (уход, выплаты и т. д.) в обмен на право получить имущество после смерти. Поэтому договор является возмездным [3, с. 74]. Иной позиции придерживается А. И. Пожилых: по её мнению, наследственный договор является безвозмездным, так как взаимных прав и обязанностей не возникает [1, с. 86]. Наследодатель, заключив договор, имеет право распоряжаться своим имуществом без согласия наследника по договору. Такое распоряжение имуществом является нарушением обязательства со стороны наследодателя. В этом случае наследник по договору, чьё право оказалось нарушенным, имеет право требовать возмещения убытков. Возмещение убытков является основным способом защиты нарушенного права. При этом необходимо доказать размер реального ущерба (стоимость утраченного имущества на момент открытия наследства или совершения сделки наследодателем) и упущенной выгоды в соответствии со ст. 15 ГК РФ [3, с. 74].

Допускаются иные способы защиты прав наследников в соответствии со ст. 12 ГК РФ, такие как: признание недействительным наследственного договора, присуждение к исполнению обязанности в натуре, взыскание неустойки, если это предусмотрено договором и пр. По германскому праву для завещателя также предусматривается возможность распорядиться имуществом, однако при

условии непричинения при совершении сделки ущерба наследнику, в противном случае последний вправе требовать возврата имущества [1, с. 86]. Таким образом, немецкое законодательство, в отличие от российского, гарантирует защиту наследников от недобросовестных действий наследодателя.

В заключение отметим, что наследственный договор в России – это новый, но ещё не до конца отлаженный правовой институт. Его дальнейшее развитие будет зависеть от судебной практики, которая должна выработать подходы к правовому регулированию и защите прав сторон. Данный институт нуждается в существенном реформировании, а именно: в целях защиты прав наследников предлагается внести дополнения в ст. 1140.1 ГК РФ, установив для наследодателя возможность расторгнуть наследственный договор только в судебном порядке, или ограничить возможность такого расторжения. Развитие правовых механизмов в этой сфере напрямую влияет на восприятие гражданами справедливости и защищённости, а значит, на оценку состояния национальной безопасности страны.

Список источников

1. Пожилых А. И. История наследственного договора. History of inheritance agreement // Уральский журнал правовых исследований. 2020. № 5. С. 84–88.

2. Киселева Е. В. Особенности регулирования института наследственного договора в Российском праве // Юридические исследования. 2024. № 7. С.70–78.

3. Кобчикова Е. В. Наследственный договор как новый институт Российского гражданского права // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 1. С. 72–75.

УДК 343.3

Анастасия Максимовна Лоскутова
3-й курс, напр. «Юриспруденция», Прикамский социальный институт, Пермь, Россия, A.Loskut0va@yandex.ru
Научный руководитель: И. В. Царенко, канд. экон. наук, зав. кафедрой публичного и частного права

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ДОКАЗЫВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем квалификации и доказывания преступлений экстремистской и террористической направленности, совершаемых с использованием цифровых технологий. Раскрываются особенности правовой оценки деяний, совершаемых в сети Интернет, трудности установления субъекта и умысла, вопросы собирания и закрепления цифровых доказательств. Предлагаются направления совершенствования уголовного законодательства и практики расследования указанных преступлений с учётом роста роли цифровой среды в общественных отношениях.

Ключевые слова: экстремизм; терроризм; цифровая трансформация; квалификация преступлений; цифровые доказательства; безопасность

Anastasia M. Loskutova
Student of the Prikamsky Social Institute, Perm, Russia, A.Loskut0va@yandex.ru
Supervisor: I. V. Tsarenko, Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of Public and Private Law

CURRENT CHALLENGES OF QUALIFYING AND PROVING EXTREMIST AND TERRORIST CRIMES IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY

Abstract. The article analyzes the problems of qualifying and proving extremist and terrorist crimes committed with the use of digital technologies. It reveals the specific features of legal assessment of acts committed on the Internet, the difficulties of identifying the perpetrator and establishing intent, as well as issues of collecting and securing digital evidence. The paper proposes direc-

tions for improving criminal legislation and investigative practice in view of the growing role of the digital environment in social relations.
Keywords: extremism; terrorism; digital transformation; criminal qualification; digital evidence; security

На сегодняшний день современная цифровая среда радикально изменила формы коммуникации и хранения информации, что неизбежно сказалось на характере преступлений экстремистской и террористической направленности. Если ранее ключевыми каналами распространения радикальных идей были печатные издания, очные собрания и иные традиционные формы общения, то сегодня основное пространство их циркуляции смещается в социальные сети, мессенджеры, видеохостинги и иные интернет-платформы. Всё это усиливает латентность таких деяний, усложняет их обнаружение, оценку общественной опасности и последующую квалификацию по нормам уголовного закона [1; 2].

Необходимо отметить, что существующие нормативные определения экстремизма и терроризма в российском праве остаются предметом дискуссий в теории и практике, поскольку единообразное понимание указанных категорий до сих пор не сформировано. Многоплановость проявлений экстремистской активности и многообразие террористических угроз приводят к пересечению признаков различных составов преступлений, что особенно заметно в цифровой среде [3]. Одни и те же действия пользователя в сети, например публикация материалов с признаками призывов к насилию, могут по-разному оцениваться в зависимости от контекста, аудитории, мотивов и последствий.

Кроме того, отдельные трудности возникают при разграничении административных правонарушений и преступлений экстремистской направленности, совершаемых посредством сети Интернет. Ведь публичное размещение радикальных высказываний без прямого побуждения к насилию и конкретным действиям может влечь административную ответственность, тогда как аналогичные публикации, сопровождающиеся адресными призывами к совершению противоправных деяний, образуют уже уголовно наказуемый экстремизм или терроризм. Неоднозначность критериев такого разграничения снижает предсказуемость правоприменения и порождает риски как необоснованной криминализации, так и, напротив, недооценки общественной опасности деяния [4].

На наш взгляд, цифровой формат коммуникации усиливает проблему установления личности субъекта преступления, поскольку пользователи активно используют анонимизацию, поддельные аккаунты, VPN-сервисы и иные технические средства сокрытия идентификационных данных. Даже при получении информации от владельцев интернет-ресурсов или операторов связи нередко сложно доказать, что конкретное сообщение размещено именно обвиняемым, а не иным лицом, имевшим доступ к устройству или аккаунту. Всё это требует от следственных органов более тщательного анализа совокупности цифровых следов, включая IP-адреса, данные устройств, временные метки и характер сетевой активности [1; 5; 6].

Также существенную специфику представляет собой доказывание умысла и целевой направленности деяний экстремистского и террористического характера в онлайн-пространстве, так как суду необходимо не только установить факт распространения материалов, но и убедительно показать, что автор осознавал их содержание, предвидел возможные последствия и желал либо сознательно допускал их наступление. Для этого исследуются контекст публикаций, их систематичность, реакция аудитории, наличие контактов с уже установленными участниками запрещённых организаций и иные обстоятельства, позволяющие сделать вывод о мотивации и целях лица [1].

Не менее значимым блоком проблем являются вопросы собирания, фиксации и оценки цифровых доказательств, выступающих основным источником информации по делам указанной категории. В отличие от традиционных вещественных доказательств, цифровые следы легко изменяются, удаляются или фальсифицируются, причём нередко без видимых следов вмешательства. Это обусловливает необходимость оперативного реагирования следственных органов, своевременного изъятия информации с серверов, устройств и облачных сервисов, а также привлечения специалистов в области цифровой криминалистики.

Таким образом, практика показывает, что удаление постов, комментариев или переписок в мессенджерах способно лишить следствие ключевых элементов доказательственной базы, если своевременно не были приняты меры по их фиксации, и даже при формальном наличии копий информации стороны процесса могут оспаривать их достоверность, указывая на возможность редактиро-

вания, подмены или технических сбоев. В этой связи особую роль приобретает грамотное документирование действий следователя и эксперта, использование сертифицированного программного обеспечения и соблюдение методик, обеспечивающих прослеживаемость цепочки хранения цифровых доказательств [1; 6].

Поэтому решение обозначенных проблем требует комплексной модернизации уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также смежных нормативных актов, регулирующих обращение цифровой информации. Например, представляется целесообразным уточнить терминологический аппарат, применяемый к экстремистским и террористическим преступлениям, с учётом специфики их совершения в сети Интернет и иных информационно-телекоммуникационных сетях. Кроме того, в дополнительном регулировании нуждаются вопросы проведения оперативно-розыскных мероприятий в виртуальной среде, доступа к данным, хранящимся у иностранных сервис-провайдеров, и порядка взаимодействия компетентных органов различных государств [1; 5].

Важным направлением является повышение профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, судей и экспертов, сталкивающихся с расследованием и рассмотрением дел данной категории, например: освоение современных технологий, понимание механизмов функционирования социальных сетей и мессенджеров, навыки анализа больших массивов данных существенно повышают качество расследования и снижает риск процессуальных ошибок. Поэтому создание специализированных подразделений и центров компетенций по цифровой криминалистике может стать эффективным ответом на возрастающие вызовы цифровой эпохи [5].

Наконец, эффективность противодействия экстремизму и терроризму в цифровой среде во многом зависит от международного сотрудничества, поскольку значительная часть информационных ресурсов и технологических платформ имеет трансграничный характер. Обмен данными, совместные операции, унификация подходов к квалификации отдельных деяний и признанию цифровых доказательств способны повысить результативность расследования и предупреждения таких преступлений. Ведь в условиях глобализированного информационного пространства изолированная деятельность правоохранительных органов неизбежно оказывается недостаточной [2; 5].

Таким образом, цифровая трансформация общества стала фактором, одновременно расширяющим возможности для распространения экстремистских и террористических идей и усложняющим деятельность правоохранительных органов по их выявлению, квалификации и доказыванию, а наличие пробелов и коллизий в правовом регулировании, отсутствие единообразных подходов к оценке цифровых материалов, а также технические сложности работы с доказательствами обусловливают необходимость комплексных реформ. Сочетание законодательных изменений, развития правоприменительной практики, повышения квалификации специалистов и укрепления международного взаимодействия представляется ключевым условием обеспечения безопасности личности, общества и государства в условиях цифровой эпохи.

Список источников

1. Клычев Р. А. Проблемы квалификации преступлений экстремистской направленности в социальных сетях и мессенджерах // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. Т. 21, № 1. С. 135–140. DOI: 10.33693/2541- 8025-2025-21-1-135-140. EDN: BAWOWY

2. Васнецова А. С. Актуальные вопросы деятельности органов прокуратуры в сфере противодействия экстремизму и направления ее совершенствования // Вопросы безопасности. 2024. № 3. DOI: 10.25136/24097543.2024.3.71733 EDN: GWNAFJ.

3. Разумных К. А. Соотношение преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, с преступлением, предусмотренным ст. 280 УК РФ // Вестник магистратуры. 2024. № 1-3 (148). С. 81–83.

4. Алпатов Г. А. Проблемные вопросы квалификации преступлений экстремистской направленности // Молодой ученый. 2025. № 22 (573). С. 313–315. URL: https://moluch.ru/archive/573/126073 (дата обращения: 26.02.2026).

5. Таршева М. Н., Толкунова Н. Н. Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений террористического характера в цифровую эпоху // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. № 1. С. 194–207.

6. Беспрозваннова С. С. Актуальные проблемы расследования экстремистских преступлений, совершаемых в глобальной сети интернет // Интернет-конференция Сибирского юридического университета. URL: https://conf.siblu.ru/aktualnye-problemy-rassledovaniya-ekstremistskih-prestupleniy-sovershaemyh-v-globalnoy-seti-internet (дата обращения: 26.02.2026).

УДК 347.78

Всеволод Олегович Лушников
3-й курс, напр. «Юриспруденция», Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Пермь, Россия, lushnikov.seva@mail.ru
Научный руководитель: О. В. Мальцев, канд. экон. наук, доцент юридического факультета, SPIN-код: 6074-4159, https://orcid.org/0009-0009-0290-3645

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ОХРАНЕ ИДЕЙ И IT-РАЗРАБОТОК В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В эпоху цифровой экономики особое значение приобретают вопросы, связанные с охраной идей и разработок в IT-сфере. В статье рассматриваются вопросы правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности в сфере цифровых технологий. Выявлены основные проблемы правового регулирования и предложены пути их решения.

Ключевые слова: результаты интеллектуальной деятельности; ноу-хау; идеи; IT-разработки

Vsevolod O. Lushnikov
Student of the Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Perm, Russia, lushnikov.seva@mail.ru
Supervisor: O. V. Maltsev, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Law Department, SPIN-code: 6074-4159, https://orcid.org/0009-0009-0290-3645

ON THE ISSUE OF LEGAL PROTECTION OF IDEAS AND IT DEVELOPMENTS IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Abstract. In the era of the digital economy, issues related to the protection of ideas and developments in the IT field are of particular importance. The article discusses the issues of legal protection of the results of intellectual activity in the field of digital technologies. The main problems of legal regulation are identified and ways to solve them are proposed.

Keywords: results of intellectual activity; know-how; ideas; IT developments

В современных условиях приоритетной государственной задачей является обеспечение технологического суверенитета, а также импортозамещения программного обеспечения, поэтому вопросы, связанные с охраной IT-разработок, приобретают первоочередное значение.

Однако, несмотря на очевидную потенциальную коммерческую ценность идей в области цифровых технологий, действующее национальное и международное законодательство не признает идеи объектами интеллектуальной собственности, что влечет невозможность установления авторских и исключительных прав на подобного рода разработки [1, с. 68].

Сложности в области охраны прав IT-специалистов вызывает и невозможность патентования IT-решений в качестве изобретений и полезных моделей, хотя именно патентование позволило бы максимально гарантировать права авторов разработок в сфере IT [2, с. 78].

Идеи законом не охраняются. Охране только подлежат конкретная форма выражения идеи (программный код, дизайн, описанный алгоритм) [3, с. 86; 4, с. 17] или техническое решение.

В области IT-технологий охраняются:

– программы для ЭВМ как объекты авторского права (литературные произведения)

– базы данных как объекты смежных прав

– дизайн интерфейса как объекты права авторского (произведения) или патентного (промышленные образцы)

– логотипы, доменные имена как средства индивидуализации (товарные знаки) [5, с. 75].

Программа для ЭВМ, по сути, приравнивается к литературному произведению и охраняются в силу факта ее создания. Законом предусмотрена возможность регистрации программы в Роспатенте, которая не является обязательной [6, с. 186], но гарантирует дополнительную защиту.

В соответствии со ст. 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации[1] (далее – ГК РФ) база как объект смежных прав данных «это объективная форма предоставления и систематизации мате-

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : федер. закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2006. № 52. Ч. 1. Ст. 5496.

риалов, доступных для поиска и обработки с использованием компьютерных технологий».

При желании база данных может быть зарегистрирована в Роспатенте, что позволит подтвердить разработчику подтвердить свои права при возникновении спора в суде.

Внешний вид (дизайн) приложений может охраняться в качестве произведения или промышленного образца. При этом охрана в качестве промышленного образца является предпочтительной, так как предоставляется больше гарантий.

Целый ряд проблем возникает в связи со сложностью охраны IT-разработок, созданных в порядке выполнения служебного задания. Они расцениваются как служебные произведения и исключительные права на них принадлежат работодателю, что не всегда представляется разумным и справедливым.

В сфере IT большинство разработок создается в рамках трудовых отношений. Основной проблемой выступает доказывание факта создания в процессе выполнения трудовых обязанностей или служебного задания. По общему правилу исключительные права на служебные произведения принадлежат работодателю, что дает ему возможность использовать результат интеллектуальной деятельности любым не противоречащим закону способом, в том числе для извлечения прибыли. Поэтому для IT-компаний (работодателей) крайне важно максимально подробно указывать в трудовом договоре или служебном задании работника его обязанности, а также конкретные права на соответствующий объект. Наличие некоторых расплывчатых формулировок о РИД в трудовом договоре дает основание суду признать исключительные права на IT-разработки за работником. Необходимо законодательно предусмотреть размер вознаграждения и необходимость включения выплаты авторского вознаграждения в состав заработной платы работника.

Вопрос о возможности предоставления результатов интеллектуальной деятельности, созданных искусственным интеллектом, является дискуссионным. Однако действующее законодательство исходит из необходимости создания подобных объектов именно с помощью творческого труда человека, а не машины. Усугубляет ситуацию и активное использование искусственного интеллекта для создания программ для ЭВМ и баз данных, которые сами по себе охраняются авторским правом при условии, что созданы творческим трудом человека, а не нейросетями.

Программа для ЭВМ или база данных, созданная нейросетью не охраняется авторским правом, а следовательно, переходит в общественное достояние, что допускает ее свободное использование третьими лицами.

Для разрешения указанной проблемы многие исследователи предлагают внести изменения в ГК РФ и признать результат, созданный с использованием систем искусственного интеллекта, новым объектом смежных прав.

При этом в качестве обладателя исключительного права рассматривается пользователь искусственного интеллекта или его работодатель, личные неимущественные права в отношении подобных сгенерированных ИИ объектов не возникают.

Высокоэффективным правовым режимом защиты IT-решений, не подпадающих под критерии патентоспособности или авторского права, выступает институт секрета производства (ноу-хау) (ст. 1465 ГК РФ). Информационный актив, обладающий потенциальной или действительной коммерческой ценностью в силу его неизвестности третьим лицам, подлежит защите.

Однако легитимация данного статуса детерминирует комплекс императивных обязанностей правообладателя по введению режима коммерческой тайны (ФЗ № 98-ФЗ)[1]. Это требует локального нормотворчества (утверждение перечня конфиденциальной информации, принятие Положения о коммерческой тайне), а также строгого договорного оформления обязательств о неразглашении. Интеграция условий о конфиденциальности в трудовые договоры с разработчиками и гражданско-правовые контракты с инвесторами и контрагентами выступает критически важным превентивным инструментом на стадии предпроектных переговоров для защиты стартап-идей от недобросовестного заимствования.

На основании проведенного исследования можно прийти к следующим выводам: охрана идей и разработок в IT-сфере приобретает особую важность в условиях цифровизации. Тем не менее действующее законодательство об интеллектуальной собственности обнаруживает ряд существенных недостатков и пробелов и требует системной модернизации для обеспечения баланса интересов авторов, инвесторов и общества.

[1] О коммерческой тайне : федер. закон от 29 июля 2004 года № 98-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федераци. 2004. № 32. Ст. 3283.

Список источников

1. Титова Н. С. Критерии охраноспособности объектов авторского права // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2025. № 4. С. 65–72.

2. Черникова А. Е. Проблемы патентования компьютерных программ в Российской Федерации // Право как искусство добра и справедливости. 2021. № 2. С. 77–81.

3. Кучина А. С. Интеллектуальные права на программное обеспечение в цифровую эпоху // ИС. Промышленная собственность. 2026. № 1. С. 85–91.

4. Право и виртуальное пространство : монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М. : Проспект, 2025. 175 с.

5. Яковлев Н. Ю. Развитие подходов к патентоспособности софтверных технических решений в США // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2024. № 4. С. 70–78.

6. Находкин А. А. Особенности правового статуса программ для ЭВМ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 11. С. 184–188.

УДК 343.35

Виктория Леонидовна Лямина
1-й курс, «Юриспруденция», Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Пермь, Россия, Viktorialamina302@gmail.com
Научный руководитель: А. Н. Троицкий, преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики

КОРРУПЦИЯ В УИС РФ: ПРИЧИНЫ, ПРОЯВЛЕНИЯ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем коррупционной преступности в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации. Рассматриваются ключевые факторы, детерминирующие коррупционные проявления в деятельности учреждений ФСИН России, анализируются основные формы коррупционного поведения сотрудников, а также существующие правовые, организационные и профилактические меры противодействия данному негативному явлению.

Ключевые слова: коррупция; противодействие коррупции; уголовно-исполнительная система; должностные преступления; антикоррупционная политика

Viktoria L. Lyamina
Student of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia, Viktorialamina302@gmail.com
Supervisor: A. N. Troitsky, Lecturer at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics

CORRUPTION IN THE PENITENTIARY SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: CAUSES, MANIFESTATIONS, AND COUNTERMEASURES

Abstract. This article is devoted to the study of corruption-related crimes in the penal system of the Russian Federation. It examines the key factors determining manifestations of corruption in the activities of the Federal Penitentiary Service of Russia, analyzes the main forms of corrupt behavior among employees, and highlights existing legal, organizational, and preventive measures to counter this negative phenomenon.

Keywords: corruption; anti-corruption; penal system; official misconduct; anti-corruption policy

Проблема коррупции в правоохранительных органах России сохраняет острую актуальность, и уголовно-исполнительная система (далее – УИС) не является исключением. Специфика её функционирования – закрытость учреждений, ограниченный внешний контроль, особый контингент и значительные материальные потоки – создаёт благоприятные условия для возникновения и укоренения коррупционных отношений. Подобные проявления дезорганизуют работу исправительных учреждений, подрывают авторитет государственной власти и дискредитируют саму идею правосудия и исправления осуждённых. Исследователи справедливо отмечают, что традиционно невысокий имидж уголовно-исполнительной системы в значительной степени обусловлен высокой коррумпированностью отдельных сотрудников [1, с. 24].

Для понимания природы коррупционной преступности в уголовно-исполнительной системе необходимо комплексное исследование факторов, детерминирующих данное негативное явление. Эти факторы могут быть классифицированы по различным основаниям, однако наиболее продуктивным представляется их деление на социально-экономические, организационно-управленческие и психологические (субъективные) детерминанты.

Одной из фундаментальных причин коррупционного поведения сотрудников УИС выступает низкий уровень материального обеспечения и социальной защищённости персонала. Дисбаланс между объёмом обязанностей, высокой ответственностью, сложными и опасными условиями службы, с одной стороны, и низким денежным довольствием – с другой формирует мощный стимул для поиска незаконных источников дохода. Как отмечается в исследованиях, денежное содержание значительной части сотрудников, особенно младшего и среднего начальствующего состава, с учётом инфляции и роста стоимости жизни, не обеспечивает достойного существования, что объективно способствует мотивации к совершению коррупционных преступлений [2, с. 34].

Следующую группу образуют организационно-управленческие и правовые факторы. Уголовно-исполнительная система традиционно отличается высокой закрытостью, а механизмы внешнего контроля остаются недостаточно эффективными. Серьёзной про-

блемой является и организация внутреннего контроля: выявлением коррупционных преступлений занимается Управление собственной безопасности ФСИН, которое, будучи ведомственным подразделением, объективно ограничено в возможностях [3, с. 69]. Проведение проверок сторонними органами требует согласования с руководством, что позволяет сокрыть или уничтожить доказательства противоправной деятельности. По оценкам экспертов, значительная часть прокурорских работников признаёт эффективность противодействия коррупции в сфере исполнения наказаний недостаточной.

К числу коррупциогенных факторов относится также несовершенство нормативно-правовой базы, наличие пробелов и коллизий, допускающих неоднозначное толкование норм. Сюда же следует отнести недостатки кадровой работы: упущения при отборе кандидатов, формализм аттестаций и служебных проверок, слабую ротацию кадров.

Третью группу составляют психологические и нравственно-этические факторы. Специфика службы в УИС сопряжена с постоянным стрессом и эмоциональным напряжением, что ведёт к профессиональной деформации и выгоранию. В коллективах нередко наблюдаются низкая правовая культура, правовой нигилизм и циничное отношение к антикоррупционным запретам. Подобные деформации создают психологическую основу для оправдания противоправного поведения и формирования круговой поруки.

Коррупционные проявления в УИС отличаются разнообразием, обусловленным многогранностью функций системы. Наиболее распространённой и опасной формой выступает взяточничество. Оно охватывает как законные действия (ускорение процедуры УДО, предоставление свиданий), так и заведомо незаконные (пронос запрещённых предметов, попустительство нарушениям режима, необоснованные поощрения либо сокрытие проступков). Размеры взяток варьируются от незначительных сумм до весьма крупных, особенно при решении вопросов об изменении вида учреждения или досрочном освобождении.

Другой распространенной формой является хищение бюджетных средств, выделяемых на нужды уголовно-исполнительной системы, и злоупотребления в сфере государственных закупок. Данный вид коррупционных проявлений, как правило, характерен для руководящего звена территориальных органов и центрального ап-

парата ФСИН. В результате подобных преступных действий государству может быть причинен ущерб, исчисляемый миллиардами рублей.

Другой распространённой формой выступает хищение бюджетных средств и злоупотребления в сфере госзакупок, характерные для руководящего звена территориальных органов и центрального аппарата ФСИН. Ущерб от подобных действий может исчисляться миллиардами рублей.

Третье направление – использование служебного положения для извлечения выгод, не связанных напрямую со взяткой: незаконная эксплуатация труда осуждённых, использование производственных мощностей учреждений в интересах аффилированных структур, неправомерное распоряжение имуществом. Характерный пример – задержание в ноябре 2025 г. руководителей регионального управления ФСИН по Челябинской области, подозреваемых в использовании производства и труда осуждённых для личного обогащения [4].

Противодействие коррупции в УИС требует комплексного подхода. Существующая система мер включает правовые, организационные, профилактические и воспитательные компоненты.

Правовую основу противодействия коррупции в УИС составляет обширный массив законодательных и подзаконных нормативных правовых актов.

Организационные меры реализуются через деятельность Управления собственной безопасности ФСИН и его территориальных органов, инспекций по личному составу, а также комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов. Ключевыми элементами выступают служебные проверки по фактам коррупции, контроль за доходами и расходами сотрудников, обязательное уведомление о склонении к правонарушениям.

Профилактическая работа включает антикоррупционные занятия с личным составом, разъяснение законодательства и информирование об ответственности. В территориальных органах на постоянной основе проводятся мероприятия с участием представителей прокуратуры и иных правоохранительных структур.

Вместе с тем, несмотря на предпринимаемые усилия, эффективность существующей системы противодействия коррупции в УИС не может быть признана достаточной. Анализ текущей ситуации

позволяет сформулировать ряд предложений, направленных на совершенствование антикоррупционной деятельности в рассматриваемой сфере.

Первоочередной мерой должно стать улучшение материального и правового положения сотрудников уголовно-исполнительной системы. Речь идёт о поэтапном повышении денежного содержания, расширении социальных гарантий и решении жилищных проблем. Без устранения этих базовых предпосылок любые ведомственные антикоррупционные программы останутся малоэффективными, поскольку у персонала сохранится мотивация к поиску нелегальных источников дохода.

Второе направление связано с кадровым отбором и профессиональной подготовкой. Антикоррупционные установки и нравственные ориентиры необходимо закладывать ещё в период обучения в образовательных учреждениях ФСИН и последовательно укреплять в процессе служебной деятельности.

Третье направление предполагает расширение использования современных технических средств контроля – систем видеонаблюдения и автоматизированных информационных баз. Их применение сокращает возможности для злоупотреблений и повышает прозрачность функционирования учреждений.

Наконец, необходимо усиление внешнего надзора со стороны прокуратуры, правозащитных организаций и общественных наблюдательных комиссий. Рост открытости системы закономерно сужает пространство для коррупционных схем.

Список источников

1. Волкова В. В., Ильин Б. В. Коррупционные проявления в УИС // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 5. С. 22–27.

2. Ковалев О. Г., Иконников Д. С., Семенова Н. В. Организационно-правовые и психологические вопросы профилактики коррупции в уголовно-исполнительной системе // Юридическая наука и практика. 2024. № 3. С. 31–39.

3. Резник Ж. Я. Состояние коррупционной преступности в сфере уголовно-исполнительной системы: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2019. 198 с.

4. Трех руководителей ГУФСИН по Челябинской области задержали за взятки // ТАСС : информ. агентство России. 2025. 14 ноября. URL: https://tass.ru/proisshestviya/25623901 (дата обращения: 12.04.2026).

УДК 347.73

Владимир Александрович Макеев
1-й курс магистратуры, напр. «Юрист в бюджетно-налоговой, таможенной и иных сферах финансовой деятельности»,
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, Vovamakeev.04@list.ru
Научный руководитель: О. Ю. Бакаева, д-р юрид. наук, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой,
SPIN-код: 4530-6392, AuthorID: 267366

НЕОБОСНОВАННАЯ НАЛОГОВАЯ ВЫГОДА КАК ФАКТОР РИСКА ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА В ЭПОХУ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье анализируется феномен необоснованной налоговой выгоды в контексте угроз экономической безопасности государства. Цель работы – выявить правовую природу данного явления, оценить эффективность действующих механизмов противодействия и обозначить перспективные направления совершенствования налогового администрирования. На основе исследования нормативных положений, в частности ст. 54.1 Налогового кодекса РФ, материалов судебной практики и доктринальных источников выделены ключевые признаки необоснованной налоговой выгоды, проанализирована эволюция подходов от судебной доктрины к законодательной антиуклонительной норме, рассмотрена роль цифровых инструментов контроля.

Ключевые слова: налоговая выгода; необоснованная налоговая выгода; экономическая безопасность; налоговый контроль; антиуклонительная норма; ст. 54.1 Налогового кодекса РФ; дробление бизнеса

Vladimir A. Makeev
Master's Student of the Saratov State Law Academy
Saratov, Russia, Vovamakeev.04@list.ru
Supervisor: O. Yu. Bakaeva, Doctor of Law, Professor at the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina I. Khimicheva,
SPIN-code: 4530-6392, AuthorID: 267366

UNJUSTIFIED TAX BENEFIT AS A RISK FACTOR FOR THE ECONOMIC SECURITY OF THE STATE IN THE ERA OF SOCIAL TRANSFORMATION

Abstract. The article analyzes the phenomenon of unjustified tax benefits in the context of threats to the state's economic security. The purpose of the work is to identify the legal nature of this phenomenon, assess the effectiveness of existing counteraction mechanisms, and identify promising areas for improving tax administration. Based on a study of regulatory provisions, particularly Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation, court practice materials, and doctrinal sources, the article identifies key features of unjustified tax benefits, analyzes the evolution of approaches from judicial doctrine to legislative anti-evasion norms, and examines the role of digital control tools.

Keywords: tax benefit; unjustified tax benefit; economic security; tax control; anti-avoidance rule; Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation; business fragmentation

В условиях непрерывной трансформации общественных отношений, усложнения хозяйственных связей и возрастающей мобильности капитала обеспечение экономической безопасности государства требует особого внимания к устойчивости бюджетной системы. Одним из наиболее значимых дестабилизирующих факторов выступает практика получения необоснованной налоговой выгоды, которая не только влечёт прямые фискальные потери, но и негативно влияет на конкурентную среду, подрывая доверие к институтам налогового администрирования [1, с. 111–112]. Под необоснованной налоговой выгодой в правовой доктрине понимается уменьшение налоговых обязательств, полученное в результате учета операций, не имеющих реального экономического содержания, либо искажения информации о фактах хозяйственной жизни с целью минимизации налогов.

Формирование правового инструментария для противодействия подобным явлениям прошло в отечественной юриспруденции путь от судебной доктрины к законодательной антиуклонительной норме [2, с. 40–42]. Долгое время основным ориентиром для правоприменителя служило постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком

налоговой выгоды»[1], закрепившее критерии оценки добросовестности налогоплательщика через призму доктрин деловой цели, приоритета существа над формой и реальности хозяйственных операций. Однако в 2017 г. законодатель предпринял шаг по формализации противоуклонительного регулирования, введя в Налоговый кодекс (далее – НК РФ) ст. 54.1 «Пределы осуществления прав по исчислению налоговой базы и (или) суммы налога, сбора, страховых взносов»[2]. Данная норма, по сути, инкорпорировала ключевые положения судебной доктрины, придав им характер прямого законодательного запрета на злоупотребление правом.

В свою очередь, анализ судебной практики последних лет показывает, что высшие судебные инстанции не рассматривают ст. 54.1 НК РФ как нечто принципиально новое, отличной от предшествующей доктрины. Напротив, в мотивировочной части определений Верховного Суда РФ стандартной стала формулировка, отсылающая одновременно к положениям ст. 54.1 НК РФ и к разъяснениям, содержащимся в Постановлении № 53, что отражает преемственность правовых позиций. Другими словами, законодательное закрепление антиуклонительного правила не устранило потребность в судебном усмотрении, а лишь установило рамки для оценки действий налогоплательщика.

В контексте экономической безопасности государства необоснованная налоговая выгода представляет собой не просто отдельное правонарушение, а системную угрозу, масштаб которой оценивается в сотни миллиардов рублей ежегодно[3]. Бюджет теряет не только напрямую. Честные компании, платящие всё, проигрывают тем, кто работает в «серую». Это размывает дисциплину, портит деловой климат и в итоге заставляет государство производить постоянное инспектирование уже всех, включая законопослушных.

---

[1] Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.10.2006 № 53. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63894/ (дата обращения: 17.04.2026).

[2] Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.10.2006 № 53. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63894/ (дата обращения: 17.04.2026).

[3] «О направлении обзора судебной практики, связанной с обжалованием налогоплательщиками ненормативных актов налоговых органов… : письмо ФНС России от 11.08.2017 № СА-4-7/15895@. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_256250/ (дата обращения: 17.04.2026).

Выявление необоснованной налоговой выгоды позволяет выделить три типичных схемы. Первая – фирмы-«однодневки», созданные только для имитации документооборота без реальной деятельности. Вторая – искусственное дробление бизнеса ради спецрежимов и ухода от НДС и налога на прибыль. Третья – ценовые манипуляции между взаимозависимыми лицами для смещения прибыли туда, где ставки ниже. Суды неизменно подчеркивают: формально правильные документы не спасают, если нет фактического движения товара и разумной деловой цели операции.

Качественному изменению структуры налогового контроля способствовало внедрение цифровых технологий. Автоматизированная система контроля за возмещением НДС (АСК «НДС-2», а впоследствии и АСК «НДС-3» с элементами ИИ) позволила в режиме реального времени выявлять налоговые разрывы, сопоставлять сведения о контрагентах, анализировать IP-адреса, с которых осуществляется сдача отчетности, и восстанавливать цепочки движения денежных средств. Немаловажным нововведением с 2023 г. является институт единого налогового счета, что позволило повысить прозрачность налоговых обязательств для контролирующих органов, существенно снизило возможности для применения теневых схем. Тем не менее цифровизация контроля не является панацеей: она порождает новые вызовы, связанные с использованием криптовалют, сложных трансграничных структур, что впоследствии используется для сокрытия реальных бенефициаров.

Ключевая проблема применения ст. 54.1 НК РФ – это допустимость налоговой реконструкции, то есть расчета реальных обязательств исходя из подлинного содержания операций, а не фиктивного документооборота [3, с. 76–78]. Прямого указания в законе нет, но Конституционный Суд РФ и суды исходят из того, что доначисления не могут быть произвольными и должны основываться на фактических обстоятельствах. Реконструкция обеспечивает соразмерность фискальных требований и защиту от избыточного налогового бремени [4, с. 12–13].

Подводя итог, следует подчеркнуть, что противодействие необоснованной налоговой выгоде не должно превращаться в кампанию по борьбе с предпринимательством как таковым. Основная цель государства состоит в создании среды, в которой добросовестное поведение становится экономически рациональным выбором.

Только в этом случае можно рассчитывать на укрепление экономической безопасности страны в условиях социально-экономической трансформации.

Список источников

1. Демин А. В. Диспозитивность в налоговом праве : монография. М. : Проспект, 2020. 182 с. URL: https://elibrary.ru/zdefkh (дата обращения: 17.04.2026).

2. Демин А. В., Молина А. Ю. Необоснованная налоговая выгода: от судебной доктрины к антиуклонительной норме // Юридический вестник Самарского университета. 2022. № 4. С. 37–45. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neobosnovannaya-nalogovaya-vygoda-ot-sudebnoy-doktriny-k-antiuklonitelnoy-norme (дата обращения: 17.04.2026).

3. Тимофеев Е. В., Серебряков А. В. Механизмы налоговой оптимизации: практика применения положений статьи 54.1 НК РФ // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 11. С.72–79. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44269078 (дата обращения: 17.04.2026).

4. Сафонов В. Н. Баланс публичных и частных интересов в конституционных судебных доктринах (сравнительно-правовой аспект) // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 3. С. 10–13. URL: https://elibrary.ru/cosvov (дата обращения: 17.04.2026).

УДК 349

Екатерина Олеговна Моисеева
5-й курс, напр. «Судебная и прокурорская деятельность»,
Институт прокуратуры Саратовской государственной
юридической академии, Саратов, Россия,
katya.moiseeva.99.99@mail.ru
Научный руководитель: П. В. Ересько, канд. пед. наук,
доцент кафедры информационного права и цифровых технологий,
SPIN-код: 4599-1671

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Аннотация. Статья посвящена анализу понятия и структуры «информационная безопасность» на основе действующего законодательства, правоприменительной практики, теоретических положений, а также актуальных изменений нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: информационная безопасность; национальная безопасность; Доктрина информационной безопасности; цифровизация; цифровые технологии

Ekaterina Olegovna Moiseeva
Student of the Saratov State Law Academy, Saratov, Russia,
katya.moiseeva.99.99@mail.ru
Supervisor: P. V. Eresko, Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor at the Department of Information Law and Digital Technologies, SPIN-code: 4599-1671

INFORMATION SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONDITIONS OF MODERN GEOPOLITICAL CHALLENGES

Abstract. The article is devoted to the analysis of the concept and structure of “information security” on the basis of the current legislation, law enforcement practice, theoretical provisions, as well as current changes in the regulatory framework.

Keywords: information security; national security; information security Doctrine; digitalization; digital technologies

В современных условиях активной цифровизации всех сфер жизни информационно-телекоммуникационные технологии стали неотъемлемой частью управленческих процессов, экономической деятельности, социальных коммуникаций и оборонного потенциала страны. Однако вместе с повсеместным внедрением цифровых технологий возникает острая необходимость их защиты, здесь главенствующую роль играет информационная безопасность.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации[1] в числе стратегических национальных приоритетов выделено развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия, особенно несовершеннолетних – в силу неустойчивости их психического развития, обеспечение информационной, государственной и общественной безопасности. Одними из факторов, обосновывающих приоритетность информационной безопасности, являются обострение геополитической ситуации по отношению к Российской Федерации, особенно в связи с проведением Россией специальной военной операции на территории Украины, а также рост киберпреступности как угрозы информационной безопасности общества и государства [1, с. 78]. Начиная с 2022 г. против российского государства осуществляется беспрецедентная медиакоммуникационная агрессия, характеризующаяся распространением огромного количества фейков в сети Интернет, дискредитацией органов государственной власти, попытками дестабилизации общественно-политической обстановки. Поэтому встаёт острая необходимость формирования цифровых компетенций у различных специалистов для обеспечения информационной безопасности [2, с. 57; 3, с. 6].

С 2009 г., когда была принята Стратегия национальной безопасности на период до 2020 г., понятие национальной безопасности приобрело конституционно-правовое значение. Хотя Конституция Российской Федерации[2] не закрепляет определения национальной

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, от 4 окт. 2022 г. № 5–ФКЗ, от 4 окт. 2022 г. № 6-ФКЗ, от 4 окт. 2022 г. № 7-ФКЗ, от 4 окт. 2022 г. № 8-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 06.10.2022).

безопасности, отдельные ее элементы (охрана государственного суверенитета, прав и свобод личности) возведены в ранг конституционных ценностей.

Действующая Стратегия национальной безопасности[1], принятая в 2021 г., отразила существенную эскалацию межгосударственных конфликтов и обострение международных отношений. В ней появились упоминания о повышении устойчивости экономики в условиях геополитической напряженности, беспрецедентного санкционного давления, необходимости укрепления роли России как одного из влиятельных центров современного мира. Это подтверждает справедливость высказывания И. Г. Сагиряна и А. С. Петренко о том, что национальная безопасность является динамической характеристикой общества, изменяющейся под влиянием конкретных тенденций развития общественных отношений [4, с. 37]. Особое значение в новой Стратегии придается информационной безопасности, которая структурно выступает в качестве одной из составляющих национальной безопасности в целом. В документе впервые фигурирует упоминание искусственного интеллекта, что отражает влияние процессов цифровизации на формирование новых информационных угроз. В этой связи учёные обращают внимание на необходимость правового обеспечения безопасности информационного пространства Российской Федерации в сфере искусственного интеллекта [5, с. 70]. В настоящее время на уровне федерального законодательства понятие «информационная безопасность» не определено, хотя ранее действовавшее законодательство содержало общую дефиницию безопасности. Отсутствие легального определения создает определённые сложности для правоприменения и теоретического осмысления данного феномена.

Действующая Доктрина информационной безопасности Российской Федерации[2] определяет информационную безопасность как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

[2] Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 5 дек. 2016 г. № 646 // Там же. 2016. № 50. Ст. 7074.

гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства».

В научной литературе представлены различные подходы к определению информационной безопасности. А. Д. Чесноков дефинирует её через сущность, заключающуюся в формировании активной защиты приоритетных интересов, связанных с использованием информационных ресурсов [6, с. 478]. В. Н. Ясенев акцентирует внимание на невозможности нанесения вреда свойствам объекта безопасности, обусловливаемым информацией и информационной структурой, включая защиту от несанкционированных изменений, сохранность данных, надежность работы компьютеров, сохранение тайны переписки [7, с. 8]. Д. Ш. Цырендоржиева и О. М. Манужева рассматривают информационную безопасность как устойчивое состояние информационной сферы, обеспечивающее целостность и защиту объектов при наличии неблагоприятных воздействий [8, с. 31].

Приведённые определения имеют существенный недостаток – информационная безопасность вновь рассматривается как статичное состояние. Такой подход вступает в определённое противоречие с одной из ее основных характеристик – динамичностью. Информационная безопасность является частью системы национальной безопасности, при этом сама представляет собой систему, которая характеризуется многомерностью, динамичностью и постоянной изменчивостью. Информационная система как предмет правового обеспечения представляет определенную сложность.

На наш взгляд, информационная безопасность является открытой динамичной системой общественных отношений. Открытость этой системы обусловлена тем, что информационная безопасность не может иметь постоянный, неизменный характер.

Структура информационной безопасности включает в себя три основных элемента.

1. Общественные отношения, обеспечивающие реализацию права на информацию и охрану информации от неправомерного доступа. Данная группа отношений связана с реализацией конституционного права граждан свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, а также с обеспечением тайны переписки, телефонных переговоров и иных сообщений.

2. Общественные отношения, обеспечивающие безопасность информационных ресурсов. Эта группа охватывает отношения по поводу защиты информации от неправомерного уничтожения, модификации, блокирования, копирования, предоставления, распространения, а также иных неправомерных действий.

3. Общественные отношения, обеспечивающие безопасность использования информационно-телекоммуникационных технологий. Данная группа отношений связана с функционированием информационных систем, сетей связи, обеспечением их устойчивости и защищённости от внешних деструктивных воздействий [9, с. 427].

В сфере информационной безопасности выделяются два основных аспекта: защита самой информации (частной, государственной) и защита от информации, способной причинить вред интересам личности, общества и государства. Второй аспект приобретает особое значение в контексте информационных войн, представляющих собой негативное воздействие на индивидуальное и общественное сознание, компьютерные сети и другие источники информации.

Для достижения баланса интересов личности, общества и государства в цифровом пространстве требуется формирование комплексной системы обеспечения информационной безопасности личности, содержащей правовые и технические средства защиты [10, с. 426].

Подводя итоги, на основе проведенного анализа предложим авторское определение информационной безопасности как состояния защищённости информации и соответствующей инфраструктуры от случайного или преднамеренного воздействия естественного или искусственного характера, способного причинить ущерб охраняемым законом отношениям, а также субъектам, эту информацию использующим. Данное определение, в отличие от доктринального, акцентирует внимание на необходимости защиты не только интересов личности, общества и государства, но и непосредственно информации и информационной инфраструктуры. Кроме того, оно учитывает как случайный, так и преднамеренный характер угроз, а также естественную и искусственную природу воздействий.

Список источников

1. Ересько П. В. Киберпреступность как угроза информационной безопасности общества и государства // Труды XV Евразийского научного форума (Санкт-Петербург, 30 ноября – 1 декабря 2023 г.). СПб. : Ун-т при МПА ЕврАзЭС, 2024. С. 77–81.

2. Ересько П. В. Формирование цифровых компетенций в профессиональной деятельности юриста для обеспечения информационной безопасности // Образование. Технологии. Качество: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 24–25 марта 2023 г.). Саратов : Перо, 2023. С. 56–60.

3. Ересько П. В. Модернизация образования в условиях цифровой трансформации органов прокуратуры // Текущие вызовы в подготовке кадров. Обучение специалистов по современным направлениям информационных технологий, кибербезопасности и ИКТ-электроники, актуальным для экономики данных : сб. науч. тр. (Тверь, 16–17 мая 2024 г.). Тверь: Твер. гос. ун-т, 2024. С. 5–8.

4. Сагирян И. Г., Петренко А. С. Эволюция концепта «национальная безопасность» в трех редакциях стратегии национальной безопасности // Правовой порядок и правовые ценности. 2025. № 3 (1). С. 35–45.

5. Ересько П. В. Правовое обеспечение безопасности информационного пространства Российской Федерации в сфере искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 10 (122). С. 69–76.

6. Чесноков А. Д. Информационная безопасность // StedNet. 2022. № 1. С. 478–489.

7. Ясенев В. Н. Информационная безопасность в экономических системах. Нижний Новгород : ННГУ, 2006. 253 с.

8. Цырендоржиева Д. Ш., Манжуева О. М. Феномен информационной безопасности : монография. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2020. 308 с.

9. Ефремова М. А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2017. 427 с.

10. Ересько П. В. Правовые проблемы обеспечения информационной безопасности личности в цифровом пространстве // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право». 2025. № 4. С. 424–436.

УДК 347.7

Ольга Андреевна Орлова[1]
Анфиса Михайловна Менькова[2]
[1, 2] *2-й курс, напр. «Юриспруденция», Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия*
[1] *orlovaoa3103@mail.ru*
[2] *menkova.fisa@mail.ru*
Научный руководитель: Д. А. Карамышев, канд. юрид. наук, преподаватель кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой, SPIN-код: 2503-8110, https://orcid.org/0000-0002-1597-1614

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем адаптации налоговой системы Российской Федерации к условиям цифровой трансформации экономики, в том числе выявлению несоответствия между действующими налоговыми нормами и современными социально-экономическими условиями. Предметом исследования являются процессы цифровизации налоговых правоотношений (внедрение информационных систем, автоматизация процедур) и связанные с ними проблемы: сложности идентификации цифровых субъектов, определение налоговой юрисдикции при трансграничных операциях и распространённые схемы уклонения от налогов. В рамках работы предлагаются меры по совершенствованию налогового регулирования – от внедрения принципа «места потребления» до развития международного сотрудничества, – направленные на создание прозрачной и устойчивой фискальной системы в эпоху цифровизации.

Ключевые слова: налогообложение; налоговая система; цифровизация налоговых правоотношений; цифровая трансформация экономики; уклонение от уплаты налогов; налоговое администрирование

Olga A. Orlova[1]
Anfisa M. Menkova[2]
[1,2] *Students of the Saratov State Law Academy, Saratov, Russia*
[1] *orlovaoa3103@mail.ru*
[2] *menkova.fisa@mail.ru*

Supervisor: D. A. Karamyshev, Candidate of Legal Sciences,
Lecturer at the Department of Financial, Banking, and Customs
Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva,
SPIN-code: 2503-8110, https://orcid.org/0000-0002-1597-1614

CURRENT TAXATION ISSUES IN THE CONTEXT OF DIGITAL ECONOMIC TRANSFORMATION

Abstract. This article analyzes the challenges of adapting the Russian tax system to the digital transformation of the economy, including identifying the discrepancy between current tax regulations and contemporary socioeconomic conditions. The research focuses on the digitalization of tax relations (implementation of information systems, automation of procedures) and related issues, including the complexities of identifying digital entities, determining tax jurisdiction in cross-border transactions, and common tax evasion schemes. The paper proposes measures to improve tax regulation – from the implementation of the "place of consumption" principle to the development of international cooperation – aimed at creating a transparent and sustainable fiscal system in the era of digitalization.

Keywords: taxation; tax system; digitalization of tax relations; digital transformation of the economy; tax evasion; tax administration

Современные условия изменения налоговой системы отражают экономические приоритеты и политические цели страны. Налогообложение представляет собой неотъемлемый элемент функционирования государства, выступающий ключевым механизмом формирования доходной части бюджета и обеспечивающий стабильность финансовой структуры государственной системы. Современные условия цифровой трансформации, бесспорно, облегчают жизнь гражданам, но вместе с тем порождают ряд проблем. Каждый год цифровая трансформация экономики радикально меняет способы ведения бизнеса, способствуя изменениям в бизнес-моделях и инструментах. Действующие законы часто не соответствуют динамике быстроразвивающихся цифровых технологий в экономической сфере, что приводит к правовой неоднозначности и дисбалансу между действующими нормами и текущими социально-экономическими условиями. Актуальные проблемы налогообложения в эпоху цифровой трансформации требуют современного подхода со стороны законодательства, а также повышения эффективности фискальной политики.

Под цифровизацией налоговых правоотношений понимают процесс создания, внедрения, применения и совершенствования цифровых технологий и информационных систем, влияющих на трансформацию состава и содержания налоговых правоотношений, а также на совершенствование и автоматизацию реализации субъективных прав и юридических обязанностей участников соответствующих правоотношений [1, с. 9].

Текущие условия налогообложения, обеспечивающие разнообразие цифровых сервисов и товаров, усложняют получение и обработку данных о прибыли. С помощью современных технологий появилась возможность точно зафиксировать объёмы реализации, количество операций и установить настоящий уровень дохода, что обеспечивает налоговый орган дополнительными данными для выявления незаконной налоговой оптимизации. Так, например, в 2024 г. ФНС России выявила схему уклонения от налогов в деятельности кадрового агентства «Лидер Групп», которое предоставляло персонал крупным торговым сетям, логистическим и промышленным предприятиям. Агентство использовало «технические компании» для получения неправомерных вычетов по НДС.

После выездной проверки ФНС России доначислила агентству более 159 млн руб. налогов и назначила штраф в размере 38,5 млн руб. Суд поддержал решение ФНС. При анализе справок 2-НДФЛ выяснилось, что большинство работников переоформлялись из одной «технической» организации в другую. Это делалось для снижения налоговых выплат и вывода части средств из официального оборота [2].

Идентификация и налогообложение цифровых субъектов создаёт трудности в работе с цифровыми компаниями, поскольку они часто работают без постоянного физического присутствия на территории государства, что усложняет определение налоговой юрисдикции и приводит к уменьшению налогооблагаемой базы, снижению поступлений в бюджет. Ключевая проблема здесь – устаревшее определение «постоянного представительства» (ПП), требующее физического присутствия поставщика услуг, что не соответствует современным цифровым бизнес-моделям [3, с. 56]. Для обеспечения эффективности работы налогообложения требуется чёткая идентификация всех участников цифровой экономики, которая реализуется:

– через функционирование портала «Госуслуги», включая личный кабинет налогоплательщика;

– внедрение аналитических систем на основе алгоритмов и баз данных, позволяющих сопоставлять официально зарегистрированные данные с поведением в интернете.

Налоговое регулирование цифровых субъектов обусловлено межгосударственным масштабом операций и трудностями в установлении точной налоговой базы. Основные направления включают[1]:

– установление места нахождения налогового резидента и определение источника дохода, в особенности при предоставлении сервисов за пределами страны;

– обложение цифровых услуг НДС или НДФЛ по месту фактического потребления, независимо от юрисдикции продавца – принцип «места потребления»;

– разработка специальных налоговых режимов и взносов, ориентированных на финансовый контроль и борьбу с уходом от уплаты налогов;

– обеспечение автоматизированного обмена данными между налоговыми службами для отслеживания и документального подтверждения цифровой активности.

Перспективы дальнейшего развития лежат в плоскости сбалансированного подхода, сочетающего технологические инновации с совершенствованием нормативной базы, развитием международного сотрудничества и внедрением защитных механизмов для добросовестных налогоплательщиков. Реализация предложенных мер позволит минимизировать фискальные потери, снизить административные издержки бизнеса и создать более прозрачную и справедливую налоговую систему, соответствующую вызовам цифровой эпохи [4, с. 7].

Огромной проблемой для налогообложения при цифровизации экономической системы считается возрастание налоговых рисков, возникающих ввиду уклонения от уплаты налогов налогоплательщиками [5, с. 215].

Уклонение от уплаты налогов – это серьёзное правонарушение, которое влечёт за собой финансовые и юридические последствия как для физических лиц, так и для организаций[2]. Уплата налогов

[1] Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. (ред. от 28.11.2025) // Собр. законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824 (ред. от 23.03.2026).

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Там же. 1996. № 25. Ст. 2954.

строго контролируется и регулируется Налоговым кодексом Российской Федерации, Уголовным кодексом Российской Федерации, Конституцией Российской Федерации. Широкое распространение получили схемы уклонения от налоговых платежей с применением офшорных юрисдикций и создания промежуточных компаний-посредников. Цифровые технологии позволяют быстро менять местоположение серверов и операций, усложняя контроль над налоговыми обязательствами. Государство строго контролирует своевременную уплату налогов и аналогично строго наказывает за уклонение от их уплаты.

Правоведы указывают на трансформацию финансового права в целом под воздействием информационных технологий [6, с. 23].

Переходя к налогообложению трансграничных операций, следует отметить, стандартные налоговые подходы направлены на территориальное присутствие лиц, облагающих налоговыми платежами, тогда как современные цифровые технологии сегодня действуют в масштабах всего мира. Это вызывает необходимость заключения международных соглашений и единообразия регулирования. Трансграничные операции представляют собой международные сделки, связанные с перемещением товаров, услуг, капиталов и трудовых ресурсов через границы разных государств. Налоговое регулирование подобных действий осуществляется на основе международных соглашений и внутреннего налогового законодательства каждой из стран-участниц. Цифровые технологии сегодня функционируют в масштабах всего мира, главная трудность – определение страны, которой следует начислять налог на прибыль, полученный в результате трансграничных сделок. При этом учитываются местоположение налогового резидента, источник дохода и точка реального использования товаров или услуг. Такой дисбаланс требует разработки международных договорённостей и выстраивания единого регуляторного подхода.

Цифровая трансформация экономики создаёт принципиально новые вызовы для системы налогообложения Российской Федерации. Несмотря на определённые успехи последних лет, налоговая система остаётся недостаточно адаптированной к современным реалиям. Поэтому необходимо согласиться с тем, что информационные технологии являются драйвером роста эффективности налогового администрирования [7, с. 48].

Представляются целесообразными следующие пути решения выявленных проблем:

– создание принципиально новых технологий налогового администрирования для предотвращения уклонения от налогов;

– обеспечение автоматизированного обмена данными между налоговыми службами для отслеживания и документального подтверждения цифровой активности;

– реализация принципа «места потребления» при налогообложении цифровых услуг (обложение НДС или НДФЛ по месту фактического потребления);

– заключение международных соглашений для унификации регулирования трансграничных операций;

– повышение налоговой и цифровой грамотности населения через образовательные программы и популяризацию электронных сервисов ФНС России.

Подводя итог, можно отметить, что для эффективной интеграции налоговой системы Российской Федерации в цифровую экономику необходим системный подход, включающий совершенствование законодательства, внедрение передовых технологий контроля, международное сотрудничество и работу с населением. Только так можно обеспечить прозрачность, справедливость и устойчивость фискальной политики в эпоху цифровизации.

Список источников

1. Изотов А. В. Налоговые правоотношения в условиях цифровизации: современное состояние и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.

2. Отдел без кадров: вскрыты массовые схемы ухода от налогов агентствами по подбору персонала // Официальный сайт газеты «Известия». URL: https://iz.ru/1934946/vladimir-gavrilov/otdel-bez-kadrov-vskryty-massovye-skhemy-uhoda-ot-nalogov-agentstvami-po-podboru-personala (дата обращения: 22.03.2026).

3. Закиров В. Д. Проблемы и перспективы налогообложения цифровых товаров и услуг налогом на добавленную стоимость // SAF. 2025. № 3. С. 55–62.

4. Осипов В. С., Гуляев А. Н. Цифровой налоговый контроль в России: достижения, риски и перспективы фискальной эффективности // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17, № 3. https://esj.today/PDF/70ECVN325.pdf (дата обращения: 15.03.2026).

5. Жегульская Е. П. Проблемы налогообложения в цифровой экономике // Скиф. 2020. № 12 (52). С. 214–217.
6. Беликов Е. Г. Тенденции социально и инновационно-направленного развития налогового законодательства в условиях цифровой экономики // Налоги. 2019. № 4. С. 23–26.
7. Миронов В. Ю., Карамышев Д. А. Понятие, виды и роль налоговых информационных ресурсов в выявлении и доказывании нарушений налогового законодательства // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2023. № 2. С. 46–54.

УДК 342.7-053.2:349.7:004.738.5

Яна Анатольевна Прилепа
1-й курс, напр. «Экономика», Краснодарский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Краснодар, Россия, y4na.prilepa@yandex.ru
Научный руководитель: А. В. Дудченко, канд. юрид. наук, доцент кафедры корпоративного и государственного управления, SPIN-код: 6787-2310, https://orcid.org/0000-0002-4944-3764

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу механизмов обеспечения безопасности детей в цифровой среде и поиску баланса между защитой прав несовершеннолетних и стимулированием их всестороннего развития. В работе классифицированы ключевые информационные угрозы и проведена оценка эффективности действующего российского законодательства. В результате предложены рекомендации по совершенствованию нормативной базы в сфере защиты прав детей в сети Интернет.

Ключевые слова: цифровая среда; киберугрозы; цифровая безопасность; права ребёнка; кибербуллинг; онлайн-груминг; кибермошенничество

Yana A. Prilepa
Student of the Krasnodar Branch of the Plekhanov Russian University of Economics, Krasnodar, Russia, y4na.prilepa@yandex.ru
Supervisor: A. V. Dudchenko, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Corporate and Public Administration, SPIN-code: 6787-2310, https://orcid.org/0000-0002-4944-3764

TO THE QUESTION OF THE CRIME SUBJECT PROVIDED FOR IN ARTICLE 228 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. This article is devoted to the analysis of mechanisms for ensuring the safety of children in the digital environment and the search for a balance between protecting the rights of minors and stimulating their comprehensive development. The paper classifies key information threats and analyzes the ef-

fectiveness of current Russian legislation. As a result of the work, recommendations are proposed for improving the regulatory framework in the field of protection of children's rights on the Internet.

This article is devoted to the problems existing in the definition of the subject of article 228 of the Criminal Code, its legislative consolidation. The issues of clarifying the corpus delicti provided for by this article are considered.

Keywords: digital environment; cyber threts; digital security; child rights; cyberbullying; online grooming; online fraud

Вследствие повсеместного распространения сети Интернет и информационных технологий возникает потребность в обеспечении безопасности в цифровом пространстве несовершеннолетних групп лиц. С одной стороны, быстрое развитие технологий открывает новые перспективы и возможности для процесса обучения и личностного развития. С другой стороны, возрастает число онлайн-угроз, таких как деструктивный контент, кибербуллинг, онлайн-груминг, предоставляющих риски для благополучия ребёнка.

Цифровая трансформация – это динамичный процесс фундаментального изменения, эволюции современного общества с внедрением цифровых технологий в различные сферы человеческой жизни. Цифровая трансформация повлекла за собой возникновение так называемого феномена «цифрового детства», суть которого состоит в том, что сеть Интернет, гаджеты и виртуальная реальность для современного ребёнка являются «естественной средой обитания». В этом контексте правовой и социальный статус несовершеннолетнего меняется, и он становится полноценным участником цифрового мира – цифровым гражданином, обладающим полноправной субъектностью.

Приобретая статус цифрового гражданина, несовершеннолетние сталкиваются с новыми вызовами: с необходимостью соблюдения цифровой этики и управления своей приватностью, а также пониманием правовых последствий своих действий. Это требует от государства и мирового сообщества в целом создания новой правовой системы гарантий, способствующей обеспечению баланса между защитой наиболее уязвимых пользователей цифровой среды – детей – и стимулированием их всестороннего развития в глобальном информационном пространстве.

Несовершеннолетние пользователи часто недооценивают важность конфиденциальности, однако каждое совершённое в сети Интернет действие формирует так называемый «цифровой след». Под

этим термином необходимо понимать совокупность данных, генерируемых пользователем в результате его активности в цифровой среде и обладающих свойством долгосрочного или постоянного сохранения [1, с. 166]. В дальнейшем этот накопленный объём информации может представлять собой значительный источник потенциальных репутационных угроз или стать инструментом для шантажа и манипуляций, проводимых киберпреступниками в сети.

Недостаток критического мышления и способности к осознанному совершению своих действий, а также отсутствие должного понимания цифровых рисков делает несовершеннолетних пользователей наиболее уязвимыми, в большей степени подверженными широкому спектру киберугроз. Одним из наиболее серьёзных рисков является деструктивный контент, специфика которого заключается в неявном, но существенном влиянии на формирование системы ценностей у ребёнка. Вредная информация часто преподносится в качестве развлекательного контента, что затрудняет её оперативное выявление с помощью технических средств мониторинга. Большую опасность для детей представляют также коммуникационные риски, такие как *кибербуллинг* – травля в сети – и *онлайн-груминг* – манипулятивное злоупотребление доверием ребёнка в целях его последующей эксплуатации. Такие угрозы сложно пресечь из-за их высокой латентности и трансграничного характера сети Интернет, размывающего пределы национальных юрисдикций [2].

Источником угроз также может неосознанно становится сам ребёнок, желая получить внимание и популярность и испытывая при этом ложное чувство безопасности. Такое явление называется овершерингом; его специфика заключается в том, что избыточная открытость несовершеннолетнего в сети формирует негативный «цифровой след», который становится базой для посягательств киберпреступников в долгосрочной перспективе. Помимо того, большую опасность представляют алгоритмические риски. Под их влиянием дети утрачивают когнитивную самостоятельность, фактически трансформируясь из полноправного субъекта права в объект коммерческой и информационной эксплуатации.

27 июля 2006 г. был принят федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который заложил основы современного правового регулиро-

вания информационных отношений в России[1]. Он не содержал норм, которые напрямую были направлены на защиту детей в сети Интернет, а регулировал общие вопросы цифровых правоотношений. Однако при этом принципы, заложенные в данном федеральном законе, впоследствии стали основой для развития российского законодательства в сфере обеспечения безопасности несовершеннолетних в онлайн-среде [3].

29 декабря 2010 г. был принят федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», он стал первым правовым документом, регулирующим отношения в сфере защиты несовершеннолетних от вредоносного контента[2]. Одним из ключевых позднее стал федеральный закон № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию” и отдельные законодательные акты Российской Федерации», который создал систему блокировки запрещённого контента путём введения единого реестра доменных имён и URL-адресов, уточнил и расширил перечень запрещённой информации, представляющей особую опасность для детей, установил единые правила возрастной маркировки, регламентировал экспертизу информационной продукции[3].

Российское законодательство в сфере защиты прав детей в сети Интернет опирается также на концептуальные нормативные акты. Распоряжение Правительства РФ от 2 декабря 2015 г. № 2471-р утвердило Концепцию информационной безопасности детей, основная идея которой заключается в обеспечении баланса между защитой детей от вредной информации и формированием у них навыков грамотного и ответственного самостоятельного использования информационных технологий[4]. Данный документ утратил силу с 28 апреля 2023 г. в связи с утверждением распоряжением Правительства РФ № 1105-р новой

[1] Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

[2] О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : федер. закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 12.06.2024) // Там же. 2011. № 1. Ст. 48.

[3] О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» : федер. закон от 28.07.2012 № 139-ФЗ // Там же. 2012. № 31. Ст. 4328.

[4] Об утверждении Концепции информационной безопасности детей : распоряжение Правительства РФ от 02.12.2015 № 2471-р // Там же. 2015. № 50. Ст. 7188. (Утратило силу.)

Концепции информационной безопасности детей, которая, в отличие от предыдущей, основана на более жёсткой защите и противодействии распространению деструктивного контента; в новом документе также был расширен перечень конкретных киберугроз и предложен соответствующий комплекс мер защиты[1].

В целом в России сформирована многоуровневая законодательная база в сфере защиты детей в сети Интернет. Однако наличие развитой системы нормативных актов создаёт лишь необходимую правовую основу, практическая реализация которой не всегда бывает эффективна. Для существенного повышения безопасности необходимо на законодательном уровне конкретизировать и закрепить в Уголовном кодексе РФ и Кодексе РФ об административных правонарушениях специфические составы правонарушений в цифровой среде с использованием терминологии, адаптированной к нормам государственного языка. Также требуется внедрение правовых стандартов «этичного алгоритма», которые бы исключали манипулятивное удержание внимания несовершеннолетних и ограждали их от вовлечения в потребление деструктивного контента. Важно упростить процедуру удаления персональных данных и контента, созданного детьми в период их правовой незрелости. Помимо того, эффективное регулирование безопасности детей должно быть дополнено внедрением мер по повышению цифровой грамотности несовершеннолетних в рамках общего образования, так как осознанное поведение пользователя является первичным фильтром безопасности.

Список источников

1. Старовойтов О. М. Становление и развитие международной защиты прав ребёнка // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1998. № 5: Специальный выпуск к 50-летию Всеобщей декларации прав человека. С. 51–58. URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/30501 (дата обращения: 16.02.2006).

2. Чеботарева А. А. Научные подходы к классификации киберугроз правам несовершеннолетних // Государство и право. 2022. № 5.

3. Фролов Р. Н., Колкарева И. Н. Этические и правовые риски применения искусственного интеллекта на современном этапе развития // Аграрное и земельное право. 2025. № 4. С. 206–208.

[1] Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации и признании утратившим силу распоряжения Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2015 г. № 2471-р : распоряжение Правительства РФ от 28.04.2023 № 1105-р // Собр. законодательства Российской Федерации. 2023. № 19. Ст. 3468.

УДК 343.85

Сергей Александрович Рудов
2-й курс, напр. «Юриспруденция», Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Пермь, Россия, Krasnyy.ponmidor@mail.ru
Научный руководитель: А. Н. Троицкий, преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики

ДРОППЕРСТВО: ЛОВУШКА ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы дропперства как современной социально-кибернетической угрозы. Оно представляет собой деятельность, в которую преступники вовлекают несовершеннолетних, используя в качестве «дропов» посредников для легализации незаконных доходов. Рассматриваются способы вовлечения несовершеннолетних в мошеннические схемы, связанные с обналичиванием, переводами или отмыванием денежных средств, полученных незаконным путем, а таже виды дропперства и меры ответственности за вовлечение несовершеннолетних в деятельность дропперов.

Ключевые слова: дропперство; несовершеннолетние; дропы-транзитники; дропы-заливщики; дропы-обнальщики; ответственность

Sergey A. Rudov
Student of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia, Krasnyy.ponmidor@mail.ru
Supervisor: A. N. Troitsky, Lecturer at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics

DROPPERY: JUVENILE TRAP

Abstract. This article is devoted to the study of the problem of droppery as a modern socio-cybernetic threat in which criminals involve minors, using intermediaries as “drops” to legalize illegal income. The article discusses the issues of ways to involve minors in fraudulent schemes related to cashing, transfers or money laundering obtained illegally, as well as the types of droppery and measures of responsibility for involving minors in the activities of droppers.

Keywords: droppery; minors; drop-transit; drop-flood; drop-cash; responsibility

Цифровой мир, стремительно развиваясь, влечет за собой не только технологические прорывы, но и новые формы киберпреступности, которые особенно привлекательны для молодёжной

аудитории. Среди них выделяется дропперство – скрытая, но крайне опасная тенденция. Она заключается в том, что преступники эксплуатируют несовершеннолетних, используя их в качестве «дропов» (посредников) для легализации незаконных доходов. Предлагая лёгкие деньги, злоумышленники убеждают подростков предоставить реквизиты своих банковских карт или принять посылку, тем самым, часто без их полного понимания, втягивают несовершеннолетних в цепочку отмывания денежных средств.

Задача дроппера – получить денежные средства от жертвы обманным путем, после чего он передает эти денежные средства мошенникам и получает за это вознаграждение. Выделяют несколько способов работы дропперов. Дропы-заливщики – это лица, которые принимают деньги наличными от преступников и зачисляют их на свой личный банковский счет либо отправляют другим участникам преступной сети. Дропы-транзитники – люди, которые получают переводы преступных денежных средств на свои банковские карты и переправляют их на электронные кошельки, другие счета. Дропы-обнальщики – это люди, которые обналичивают денежные средства через банкоматы и передают их преступникам. Дропперы – это не организаторы преступлений, они являются посредниками в мошеннических схемах. Чаще всего преступники вводят несовершеннолетних в заблуждение, и они становятся соучастниками преступной схемы.

В Российской Федерации ответственность за вовлечение несовершеннолетних в деятельность дропперов подпадает под действие как уголовного, так и гражданского права. С 2025 г. вступили в силу обновлённые законодательные инициативы, призванные усилить защиту подростков от манипуляций и участия в мошеннических схемах, а также ужесточить санкции в отношении лиц, причастных к организации или содействию подобным операциям. Уголовная ответственность за участие в дропперстве наступает с 16 лет. В этом возрасте подростки могут быть обвинены по статьям Уголовного кодекса РФ, связанным с мошенничеством (ст. 159), легализацией доходов, полученных преступным путем (ст. 174), и незаконной банковской деятельностью (ст. 172). Для тех, кто младше 16 лет, ответственность за их действия в рамках дропперства ложится на плечи родителей или законных представителей (согласно ст. 1072 Гражданского кодекса (далее – ГК РФ)). Кроме того, любой владелец карты, задействованной в подобных операциях, будет обязан компенсировать ущерб потерпевшему, так как это считается неосновательным обогащением (ст. 1102 ГК РФ) [1, с. 165].

Почему несовершеннолетний становится дроппером? Этому способствует ряд факторов: доверчивость, незнание законодательства, отсутствие финансовой грамотности, желание заработать «быстрые» и «лёгкие» деньги, быть финансово независимым, давление преступников. Мошенники вовлекают несовершеннолетних в мошеннические схемы через онлайн-игры, предложения курьерской деятельности, удалённой работы, закрытые чаты и т. д. [2]

Если рассматривать дропперство в нашем регионе, то мы увидим следующую картину. В Пермском крае растёт уровень преступности среди несовершеннолетних, включая вовлечение подростков в схемы дропперства. По статистическим данным на март 2026 г., преступность среди несовершеннолетних возросла за год на 7,8 %. Следственным комитетом Пермского края в суд за два месяца 2026 г. направлено 13 уголовных дел, в 9 из них обвиняемые – несовершеннолетние [3].

Таким образом, дропперство можно охарактеризовать как своего рода «ловушку», поскольку оно апеллирует к юношеским стремлениям к независимости, признанию и социальной интеграции, предлагая иллюзию лёгкого заработка. Понимание сути дропперства и умение вовремя выявить признаки опасной схемы помогут сохранить безопасность и финансовую независимость. Важно (особенно для подростков) быть бдительными и осторожными в выборе работодателей и способов дополнительного дохода, ведь наша информационная безопасность зависит только от нас.

Список источников

1. Алекса А. В. Актуальные вопросы борьбы с дистанционным мошенничеством // Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности : сб. материалов Межрег. науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Симферополь, 2024. С. 164–172. EDN: SCAMEG

2. Ахатова А. М. Дроп как соучастник преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: проблемы уголовно-правовой оценки и правоприменения // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2024. № 6. С. 1075–1083. DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-6-1075-1083. EDN: MRJWBE

3. «Я хотел сделать деньги». Двум миллионам россиян грозит уголовное дело за дропперство. Что известно о новом законе? // Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/articles/2025/07/07/droppers/ (дата обращения: 25.03.2026).

УДК 347.1

Ксения Дмитриевна Сединина
3-й курс, напр. «Юриспруденция», Прикамский социальный институт, Пермь, Россия, kbudko50@gmail.com
Научный руководитель: И. Ю. Мирских, канд. юрид. наук, доцент юридического факультета, SPIN-код: 7828-7807, https://orcid.org/0000-0001-7278-8843

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования искусственного интеллекта, включая определение его правового статуса, вопросы распределения ответственности за действия автономных систем, регулирование обработки персональных данных и интеллектуальной собственности на произведения, созданные с помощью искусственного интеллекта. На основе анализа российского законодательства и зарубежного опыта (ЕС, США) выявлены ключевые правовые дилеммы и предложены направления совершенствования нормативной базы, учитывающие специфику современных технологий и необходимость баланса между инновационным развитием и защитой прав граждан.

Ключевые слова: искусственный интеллект; правосубъектность; квазисубъектность

Ksenia D. Sedinina
Student of the Prikamsky Social Institute, Perm, Russia, kbudko50@gmail.com
Supervisor: I. Yu. Mirskikh, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Law Department, SPIN-code: 7828-7807, https://orcid.org/0000-0001-7278-8843

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract. The article examines current issues of legal regulation of artificial intelligence, including determining its legal status, issues of responsibility allocation for the actions of autonomous systems, regulation of personal data processing and intellectual property for works created using artificial intelligence. Based on the analysis of Russian legislation and foreign experience (EU, USA),

key legal dilemmas have been identified and directions for improving the regulatory framework have been proposed, taking into account the specifics of modern technologies and the need for a balance between innovative development and the protection of citizens' rights.

Keywords: artificial intelligence; legal personality; quasi-subjectivity

Развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) выступает катализатором глубоких социально-экономических трансформаций, детерминируя новые векторы автоматизации и алгоритмизации процессов принятия решений. Вместе с тем темпы технологического прогресса существенно опережают формирование релевантных регуляторных механизмов, что порождает комплекс системных вызовов для национальных и международных правопорядков. Фундаментальная теоретико-правовая дилемма сводится к определению отраслевой принадлежности ИИ: подлежит ли он квалификации исключительно как объект гражданских прав (вещь, инструмент) либо объективируется необходимость конструирования правовой фикции квазисубъектности? Состояние регуляторной неопределённости негативно сказывается на институтах юридической ответственности, правосубъектности, охраны персональных данных и права интеллектуальной собственности. Настоящее исследование посвящено доктринальному анализу указанных правовых коллизий и оценке перспективных векторов развития нормативно-правовой базы.

В современных правовых системах ИИ рассматривается преимущественно как объект права – инструмент, созданный человеком для выполнения определённых функций. Однако с развитием автономных систем, способных к самообучению и принятию решений без прямого участия человека, возникает вопрос о необходимости признания ИИ субъектом права или введения новой категории – «электронное лицо». В российской доктрине и законодательстве этот вопрос остаётся открытым. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 г.[1] и федеральный закон № 258-ФЗ об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в РФ[2] не содержат определения правосубъектно-

[1] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

[2] Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации : федер. закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ // Там же. 2020. № 31. Ст. 5017.

сти ИИ. Это создаёт правовую неопределённость: кто несёт ответственность за вред, причинённый автономным ИИ, – разработчик, владелец, оператор или сама система? Дискуссия о введении концепции «электронного лица» по аналогии с юридическим лицом пока не нашла нормативного закрепления, что затрудняет применение традиционных институтов гражданского и уголовного права к новым технологическим реалиям.

Одним из наиболее острых вопросов является распределение гражданско-правовой ответственности за вред, причинённый решениями ИИ. Институт деликтоспособности в российском праве не адаптирован к ситуациям, когда ущерб возникает в результате автономного действия системы, не предусмотренного её создателем (проблема «чёрного ящика») [1, с. 79; 2, с. 36]. Статьи 1064 и 1079 Гражданского кодекса РФ[1] (далее – ГК РФ) могут применяться лишь по аналогии, но не решают проблему распределения ответственности в сложной цепи «разработчик – производитель – владелец – пользователь». В зарубежной практике также отсутствует единообразие: в ЕС обсуждается введение строгой ответственности для операторов высокорисковых систем[2], а в США преобладает подход, ориентированный на договорное регулирование и страхование рисков. Необходимость создания новых моделей ответственности обусловлена тем, что традиционные подходы не учитывают специфику автономных алгоритмов и их непредсказуемость.

Машинное обучение требует обработки огромных массивов данных, что вступает в противоречие с принципами минимизации и целеполагания, заложенными в российском федеральном законе № 152-ФЗ «О персональных данных»[3]. Использование обезличенных данных не всегда решает проблему, поскольку современные технологии позволяют проводить деанонимизацию. В ЕС аналогичный конфликт возникает между требованиями Artificial

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : федер. закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2006. № 52. Ч. 1. Ст. 5496.

[2] О режиме гражданской ответственности, возникающей при использовании технологии искусственного интеллекта : Резолюция Европарламента 2020 года по вопросам гражданской ответственности за использование ИИ № 2020/2014 (INL) // Official Journal of the European Union.2020. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2020-0178_EN.html (дата обращения: 18.04.2026).

[3] О персональных данных : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 7 июля 2025 г.) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3451.

Intellegence Act[1] о хранении логов для систем высокого риска и принципом минимизации данных из GDPR. Это создаёт дополнительные сложности для разработчиков и операторов ИИ-систем, работающих на международном рынке, и требует поиска баланса между инновациями и защитой прав граждан [3, с. 450].

Статья 1228 ГК РФ признаёт автором произведения только гражданина, творческим трудом которого оно создано. Это исключает возможность признания авторских прав за ИИ. Вопрос о правовом статусе объектов, сгенерированных ИИ автономно (без творческого вклада человека), остаётся открытым: кому принадлежат права – разработчику алгоритма, пользователю, давшему задание, или объект находится в общественном достоянии? В мировой практике также нет единого подхода: некоторые юрисдикции рассматривают возможность введения специальных режимов охраны для произведений, созданных с помощью ИИ, однако большинство стран придерживается традиционного антропоцентрического подхода [4, с. 17].

Европейский союз реализует риск-ориентированную модель регулирования (AI Act), предусматривающую классификацию систем ИИ по уровням риска: от запрещённых (социальный рейтинг) до минимального риска (большинство приложений). Для систем высокого риска устанавливаются строгие требования по прозрачности, качеству данных, кибербезопасности и человеческому надзору. Экстерриториальность AI Act создаёт коллизии с национальными законодательствами третьих стран. В США преобладает рыночно-ориентированный подход с акцентом на саморегулирование и отраслевые стандарты. Россия придерживается экспериментальной модели, ориентированной на создание «регуляторных песочниц» для апробации технологий.

Таким образом, правовое регулирование искусственного интеллекта находится в стадии активного формирования во всех юрисдикциях. Ключевыми нерешёнными вопросами остаются определение правового статуса искусственного интеллекта, создание адекватной модели ответственности за причинённый им вред, а также адаптация режимов интеллектуальной собственности и персональных данных к новой технологической реальности.

[1] Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 года // Official Journal of the European Union OJ L. 2024. 12 July. URL: https://eur-lex.europa.eu/homepage.html (дата обращения: 18.04.2026).

Список источников

1. Ляшко Ю. О., Проваткина В. Е., Волошина Т. В. Искусственный интеллект как субъект права: деликтоспособность искусственного интеллекта // Право и управление. 2025. № 5. С. 78–83.

2. Ивлиев Г. П., Егорова М. А. Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 6. С. 32–46.

3. Прокопьев Н. А. Глобальные системы поставок искусственного интеллекта: сравнительный анализ экосистем искусственного интеллекта США, ЕС и Китая // Экономика и предпринимательство. 2025. № 12-2 (185). С. 449–456.

4. Василевская Л. Ю. «Искусственный интеллект» и технологии «искусственного интеллекта»: общее и особенное в гражданско-правовой регламентации // Хозяйство и право. 2021. № 11. С. 3–19.

УДК 327

Василий Михайлович Семенов[1]
Вероника Михайловна Семенова[2]
[1, 2] *3-й курс, напр. «Правовое обеспечение национальной безопасности», Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Россия, vm172043@mail.ru*
Научный руководитель: С. Е. Сычев, канд. пед. наук, зав. кафедрой теории, истории государства и права социально-экономических дисциплин

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ ПОНЯТИЯ «НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»: АНАЛИЗ ТРЕХ ВЕРСИЙ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (2009, 2015 И 2021 ГГ.)

Аннотация. В статье проведен сравнительно-правовой анализ эволюции понятия «национальная безопасность» в редакциях Стратегии 2009, 2015 и 2021 гг. Рассмотрены факторы трансформации дефиниции (терроризм, санкции, инфовойны) и переход к приоритету защиты национальных интересов и традиционных ценностей. Сделан вывод, что современный подход ориентирован на обеспечение аксиологического суверенитета России в условиях формирования многополярного мира.

Ключевые слова: национальная безопасность; Стратегия национальной безопасности; национальные интересы; эволюция понятий; государственный суверенитет; социально-экономическое развитие; информационная война

Vasily M. Semyonov[1]
Veronika M. Semenova[2]
[1,2] *Students of the St. Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), St. Petersburg, Russia, vm172043@mail.ru*
Supervisor: S. E. Sychev, Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Department of Theory, History of State and Law of Socio-economic Disciplines

THE EVOLUTION OF THE CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF THE CONCEPT OF "NATIONAL SECURITY": AN ANALYSIS OF THREE VERSIONS OF THE NATIONAL SECURITY STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION (2009, 2015 AND 2021)

Abstract. The article provides a comparative legal analysis of the evolution of the concept of "national security" in the editions of the Strategy of 2009, 2015 and 2021. The factors of transformation of the definition (terrorism, sanctions, information wars) and the transition to the priority of protecting national interests and traditional values are considered. It is concluded that the modern approach is focused on ensuring the axiological sovereignty of Russia in the context of the formation of a multipolar world.

Keywords: national security; National security strategy; national interests; evolution of concepts; state sovereignty; socio-economic development; information warfare

Исторически термин «национальная безопасность» в западноевропейской практике отражал внешнеполитическую и оборонно-наступательную стратегию. В то же время в СССР данный концепт имел выраженный идеологический характер, фокусируясь на защите социалистических ценностей. Так, несмотря на тождественный характер, существовало некоторое различие в приоритетах – акцент на внутренних интересах в советской модели против фокуса на внешних угрозах в западной, что было обусловлено длительным периодом конфронтации между двумя идеологическими лагерями[1].

С началом распада СССР в российском научном и политическом дискурсе произошла фундаментальная переоценка концепции безопасности. Термин «национальная безопасность» получил законодательное закрепление, что сигнализировало о признании стратегической актуальности защиты национальных интересов в контексте формирования информационной эпохи.

Развитие и конкретизация данного понятия в России произошли с принятием Концепции национальной безопасности РФ в 1997 г. В Конституции РФ отсутствует прямое законодательное определение. Тем не менее положение ст. 79.1, инкорпорированное по итогам общероссийского голосования, может быть интерпретировано как

[1] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 23 февр. 1996 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

устанавливающее одну из фундаментальных основ обеспечения суверенитета и, следовательно, способствующее достижению такой цели безопасности, как поддержание международного мира и невмешательство во внутренние дела государства[1].

Очевидно, что Стратегия 2009 г. явилась стратегическим и правовым ответом на актуальные вызовы, стоящие перед государством и обществом на тот период. Она аккумулировала в себе реакцию на значительные потрясения и трансформации, пережитые страной на начальных этапах своего постсоветского становления. В данном нормативно-правовом акте национальная безопасность трактовалась как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз…». Центральным концептом данной редакции Стратегии стало понятие «состояние защищённости», обусловленное комплексом вызовов, с которыми страна столкнулась с начала 2000-х гг.[2]

В первую очередь речь идет о волне крупномасштабных террористических актов, охвативших страну на рубеже тысячелетий. К числу наиболее резонансных и трагических событий этого периода, происходивших на фоне и как следствие обострения ситуации в Северо-Кавказском регионе, следует отнести: взрыв у станции метро «Белорусская» в Москве (2001 г.); захват заложников в Театральном центре на Дубровке (2002 г.); теракт в Грозном, в результате которого погиб первый Президент А. А. Кадыров (2004 г.); захват заложников в школе № 1 г. Беслана (2004 г.); подрывы поезда «Невский экспресс» в Новгородской области (2007 и 2009 гг.). За сухим перечислением фактом стоит куда более трагическая судьба сотней людей, ставших жертвами целенаправленных действий, целью которых является устрашение общества и дестабилизация политической системы страны [1, с. 228].

В контексте необходимости стабилизации внутриполитической и экономической ситуации в стране РФ был инициирован комплекс стратегических мер. Так, в 2001 г. лидеры России и Китая инициировали создание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) с целью

[1] Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[2] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 (утратил силу). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

консолидации усилий по обеспечению суверенитета и территориальной целостности государств-членов в условиях нарастающих глобализационных вызовов и экспансионистской политики Североатлантического альянса. В 2002 г. Россия предприняла шаги по урегулированию взаимоотношений с НАТО, кульминацией которых стало подписание декларативного договора «Отношения России – НАТО: новое качество».

Таким образом, Стратегия национальной безопасности 2009 г. явилась системным ответом России на совокупность факторов, детерминирующих состояние безопасности. Планируемый период её реализации охватывал промежуток до 2020 г., однако динамичное изменение геополитической обстановки и трансформация внутренних приоритетов обусловили необходимость её корректировки. Как следствие, в 2015 г. была разработана новая редакция, в которой произошло концептуальное расширение понятия «национальная безопасность», акцентирующее внимание на императиве обеспечения суверенного развития, территориальной целостности, всестороннего совершенствования всех сфер.

При сравнении определений Стратегии 2009 г. и редакции 2015 г. выявляются как общие концептуальные подходы, так и существенные уточнения. В формулировке понятия национальной безопасности, представленной в Стратегии 2015 г., сохраняется основополагающий концепт «состояния защищенности». Однако в этой редакции акцент смещается на аспекты государственной целостности и независимости, в отличие от приоритета обороны, характерного для Стратегии 2009 г. Более того, формулировка, использованная в определении Стратегии 2015 г., повышает степень гарантированности достижения заявленных целей, заменяя потенциальную возможность («позволяет обеспечить») на императивную реализацию («обеспечиваются реализация»). Это определение также расширяет перечень объектов защиты за счёт включения категорий «независимость» и «государственная целостность», конкретизирует характер развития, определяя его как «социально-экономическое» («регламентируется окончание экономических и политических кризисов, получивших развитие в конце XX в.») и характеризуется более высоким уровнем юридической техники. Кроме того, в определение включены оборона и виды безопасности в зависимости от объекта[1].

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 (утратил силу). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Предпосылками для расширения смыслового значения национальной безопасности явились события в стране, которые произошли с 2010 г. Так, террористические акты не закончились: взрывы в «Домодедово» (2011 г.), теракты в Грозном 2014 г. Кроме того, накладывали свой отпечаток экономические проблемы, связанные с банковскими кризисами. Резкий скачок в виде ослабления рубля к доллару и евро был вызван обвалом мировых цен на нефть и введением экономических санкций в количестве тринадцати пакетов к 2021 г. Особое внимание Запада уделялось практике ведения информационно-психологических войн, направленных на дестабилизацию общества и побуждение к совершению деструктивных действий чужими руками, что проявилось в трагических инцидентах, таких как стрельба в гимназии № 175 в Казани и в Пермском государственном университете. В ответ на эти вызовы и с целью укрепления внутренней безопасности в 2016 г. была создана Национальная гвардия Российской Федерации (Росгвардия). Уже тогда стало очевидно: коллективный Запад во главе с гегемоном США реализует цель – обесценивание России и достижение ее стратегического поражения. Иными словами, «Россию планируют запретить на уровне правосознания, а в дальнейшем уничтожить на тотальном уровне…» [2, с. 99].

Так, уже к 2021 г. возникла острая необходимость в пересмотре действующей редакции Стратегии. В третьей по счету Концепции была закреплена своя редакционная версия понятия «национальная безопасность». Так, новое определение демонстрирует более зрелый подход к осмыслению национальной безопасности, смещая акцент с защиты конкретных акторов на защиту национальных интересов как всеобъемлющей категории; включение «гражданского мира и согласия в стране» является ключевым добавлением, отражающим возросшую значимость внутренней консолидации и противодействия деструктивным информационно-психологическим воздействиям». В этом контексте верно отмечает А. В. Шободоева: «…сложилось определенное государственное видение в плоскости построения понятийного аппарата, раскрывающего основные характеристике явлений, связанных со сферой национальной безопасности» [3, с. 129].

Таким образом, концепция национальной безопасности претерпевает юридическую и семантическую трансформацию в зависимости от изменений времени и государственных задач. Учитывая не-

предсказуемость и стремительность событий в современной глобализированной геополитике, Стратегия сохраняет актуальность в течение четырех-шести лет, после чего требуется ее пересмотр. В качестве предположения о приоритетах следующей стратегии можно выдвинуть необходимость обеспечения безопасности в космическом пространстве, предотвращение угроз гонки вооружений в космосе и безопасное использование космического пространства.

Список источников

1. Градовский А. Национальный вопрос в истории и в литературе // Градовский А. Собр. соч. в 9 т. Т. 6. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. С. 225–263. URL: https://www.prlib.ru/item/955470 (дата обращения: 29.03.2026).

2. Небратенко Г. Г., Студеникина С. В. Россия как государственно-правовая и теоретико-историческая категория // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. № 1 (1). С. 90–101.

3. Шободоева А. В. Стратегия национальной безопасности РФ и ее вклад в развитие понятийного аппарата общей теории национальной безопасности РФ // Baikal Research Journal. Электронный научный журнал Байкальского государственного университета. 2016. Т. 7, № 1. С. 120–129. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-rf-i-ee-vklad-v-razvitie-ponyatiynogo-apparata-obschey-teorii-natsionalnoy-bezopasnosti-rf (дата обращения: 30.03.2026).

УДК 344.13

Александра Олеговна Соболева
4-й курс, напр. «Юриспруденция», Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, s06945674@gmail.com
Научный руководитель: М. В. Савельева, канд. юрид. наук, доцент кафедры криминалистики

САМОВОЛЬНОЕ ОСТАВЛЕНИЕ ВОИНСКОЙ ЧАСТИ И ДЕЗЕРТИРСТВО: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ, ПРАВОВЫЕ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КОМАНДУЮЩЕГО СОСТАВА

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме квалификации самовольного оставления части и дезертирства в условиях проведения специальной военной операции. Автор выявляет правовые неопределённости, включая отсутствие чёткого момента окончания преступления по ст. 337 УК РФ и порядка исчисления сроков отсутствия. Особое внимание уделяется вопросу ответственности командующего состава за халатность, приводящую к утяжелению наказания подчинённых. Новизна работы заключается в обосновании необходимости введения специальной нормы в главу о воинских преступлениях и устранения выявленных пробелов для укрепления дисциплины и обороноспособности страны.

Ключевые слова: самовольное оставление части; дезертирство; воинская дисциплина; квалификация преступлений; ответственность командующего состава

Aleksandra O. Soboleva
Student of the Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, s06945674@gmail.com
Supervisor: M. V. Savelieva, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Criminalistics

ABANDONMENT OF A MILITARY UNIT AND DESERTION: QUALIFICATION ISSUES, LEGAL UNCERTAINTIES AND RESPONSIBILITY OF COMMANDING STUFF

Abstract. This article is devoted to the problem of qualifying unauthorized abandonment of a unit and desertion in the context of a special military operation. The author identifies legal uncertainties, including the lack of a clear mo-

ment of the end of the crime under Article 337 of the Criminal Code of the Russian Federation and the procedure for calculating the period of absence. Special attention is paid to the issue of the commanding officer's responsibility for negligence, which leads to a heavier punishment for their subordinates. The novelty of the work lies in the justification of the need to introduce a special provision in the chapter on military crimes and to eliminate the identified gaps in order to strengthen discipline and the country's defense capabilities.

Keywords: unauthorized leaving of a unit; desertion; military discipline; qualification of crimes; responsibility of command personnel

В актуальных условиях военной обстановки ввиду осуществления боевых действий в рамках специальной военной операции особенно остро стоит вопрос о преступлениях, совершаемых военнослужащими и против военной службы. Выполнение такого рода задач и действий требует достаточно высокого уровня дисциплины и ответственности за свои и совершаемые подчиненными по службе поступки, которые при определённых обстоятельствах образуют составы преступлений, предусмотренные соответствующей главой Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)[1]. Важным аспектом привлечения к ответственности за уголовно-наказуемые деяния является прежде всего их направленность на подрыв дисциплины, который в конечном итоге может привести к снижению уровня обороноспособности и в более глобальных масштабах к ухудшению состояния защищённости страны от внешних угроз, что приобретает особую значимость в современных условиях.

Внутренний распорядок и несение воинских обязанностей в соответствии с ним играют важную роль в поддержании дисциплины в системе вооруженных сил. Поэтому оставление воинской части образует несколько составов преступлений, разделённых в зависимости от целей виновного и внешних обстоятельств, способствовавших совершению деяния. Так, законодатель разграничил самовольное оставление части или места службы и дезертирство в соответствии с преследуемыми обвиняемым целями, где в первом случае отсутствует направленность умысла на окончательное прекращение военной деятельности, а во втором – наличествует стремление к окончательному уходу от исполнения воинских обязанно-

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63–ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

стей. Под самовольным оставлением также понимается неявка в срок без уважительных причин, являющихся объективными обстоятельствами, независящими от воли военнослужащего. Значительным условием привлечения к ответственности за несвоевременное прибытие на службу является именно отсутствие объективных факторов, напрямую повлиявших на совершение преступного деяния по ст. 337 УК РФ. В примечании к данному положению раскрыты условия освобождения от уголовной ответственности: совершение впервые и стечение тяжёлых обстоятельств.

Статья 338 УК РФ (дезертирство) также предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности, однако перечень составов гораздо уже – один случай (совершение впервые деяния по ч. 1 ст. 338 при стечении тяжёлых обстоятельств) против четырех случаев ст. 337. Логика и мотивация законодателя установить такие различия в освобождении от уголовной ответственности объясняется более высокой степенью общественной опасности дезертирства по сравнению с временным оставлением службы, а также стремлением обеспечить возможность оступившемуся военнообязанному гражданину своим возвращением смягчить себе ответственность или быть освобожденным от наказания вовсе. Ещё одним отличием рассматриваемых составов является момент окончания преступления. Так, в п. 48 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» разъясняются: важный признак дезертирства – длящийся характер и обстоятельства окончания деяния, в то время как применительно к ст. 327 такие положения отсутствуют[1]. При самовольном оставлении службы пристальное внимание уделяется сроку отсутствия гражданина, а условием привлечения к уголовной ответственности является невозвращение в период от двух суток. Строгость наказания, назначаемого за рассматриваемое преступление, ранжируется в зависимости от времени отсутствия военнослужащего и распределена по соответствующим частям ст. 337 периодами: от 2 суток до 10 дней; от 10 дней до 1 месяца; более 1 месяца. Однако, несмотря на разграничение квалифицирующих и криминообразую-

[1] О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 // Российская газета. 2023. № 120.

щих признаков по сопровождающим деяние обстоятельствам, неопределённым остается момент окончания преступления. Законодатель не дает прямого ответа на вопрос о завершении деяния по самовольному оставлению службы: задержание такого лица, его возвращение, момент обнаружения отсутствия военнослужащего. Также не определён этап отсчёта дней фактического оставления места службы – с момента установления отсутствия гражданина или от времени реального оставления им соответствующей части. М. С. Сирик считает, что преступление окончено с момента возвращения к службе, задержания виновного, его явки с заявлением о совершенном деянии [1, с. 5]. Представляется, что указанные обстоятельства являются фактическим моментом окончания преступления, в то время как юридический момент определяется самовольным оставлением места службы или неявкой в срок. Открытым также остаётся вопрос привлечения к ответственности командующего состава, вовремя не заметившего отсутствие подчиненного и не предпринявшего меры к его возвращению.

Так, гражданин И., проходивший службу по контракту, покинул воинскую часть по окончании срока контракта, будучи уверенным в правомерности своих действий. Однако, поскольку он совершил данное деяние после введения положения о продлении контрактов до окончания частичной мобилизации[1], его оставление места службы впоследствии квалифицировали по ст. 337 УК РФ. Свои действия он объяснял неосведомленностью о пролонгации контракта, однако, как известно, незнание закона не освобождает от ответственности, поэтому правоприменитель справедливо квалифицировал деяние гражданина И. Между тем стоит отметить, что уполномоченные должностные лица заметили его отсутствие только спустя полтора месяца и тогда же предприняли меры к его возвращению. Гражданин весь период отсутствия находился по месту жительства и не имел умысла на сокрытие своих действий, а после вызова в военную комендатуру явился туда [2]. Из вышеприведенных обстоятельств закономерно вытекает вывод о наличии вины вышестоящих уполномоченных лиц в отсутствии военнослужащего в части сроком 1,5 месяца, что привело к квалификации деяния гражданина по ч. 5 соответствующей статьи. В связи с тем, что у ви-

[1] Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации : указ Президента РФ от 21.09.2022 № 647 // Российская газета. 2022. № 213.

новного не было умысла на совершение преступления и он вернулся на службу при первом же вызове, можно заключить, что при своевременном обнаружении его отсутствия деяние могло образовывать состав с менее строгим наказанием или не подпадать под уголовную ответственность вовсе. Следовательно, вопрос о привлечении к ответственности соответствующих уполномоченных лиц остается открытым. Формально такое деяние образует объективную сторону ст. 293 УК РФ, то есть халатность, однако данный состав располагается в другой главе и посягает на порядок управления, в то время как преступления военнослужащих выделены в самостоятельную группу. Думается, что, поскольку законодатель предусмотрел отдельный раздел и одноименную главу, содержащую положения о преступлениях, направленных против военной службы, необходимо именно там закрепить норму об ответственности уполномоченных должностных лиц за халатное отношение к исполнению своих обязанностей. Особенно актуальным видится решение данного вопроса в условиях специальной военной операции, когда крайне важно особенно уделять внимание воинской дисциплине и четкому соблюдению законодательства.

В. В. Долгашов справедливо подчёркивает, что такие обстоятельства, как истечение срока контракта и издание приказа об увольнении при отсутствии приказа об исключении из списков личного состава, а также изменение предельного возраста пребывания на военной службе[1], оказывают влияние на психоэмоциональное состояние военнослужащих, планировавших прекратить воинские правоотношения, однако в силу сложившихся условий не сумевших это сделать, и в конечном итоге приводит к совершению преступлений [3, с. 98], охватывающихся ст. 337 УК РФ.

Подводя итоги, стоит отметить, что при актуальной политической обстановке проблемы квалификации самовольного оставления части и дезертирства приобретают особое значение, поскольку непосредственно связаны с поддержанием дисциплины и обороноспособности страны. Законодатель обоснованно разграничивает данные составы по степени общественной опасности: именно временный характер отсутствия содержит больше оснований освобождения от ответственности в сравнении с дезертирством. Между тем

[1] О воинской обязанности и военной службе : федер. закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Российская газета. 1998. № 63-64.

был выявлен ряд существенных правовых неопределённостей, таких как: отсутствие четкого указания на момент окончания преступления при самовольном оставлении части, положения о привлечении командующего состава к ответственности за недосмотр за наличием подчиненных, а также нерешённость вопроса об исчислении сроков отсутствия. В условиях повышенной значимости воинской дисциплины при актуальных внешнеполитических обстоятельствах представляется необходимым устранить выявленные пробелы путем нормативного введения момента окончания состава самовольного оставления воинской части, чётких правил исчисления сроков такого отсутствия, а также установления специальной нормы об ответственности уполномоченных должностных лиц за халатное отношение к контролю за личным составом.

Список источников

1. Сирик М. С. Объективные признаки самовольного оставления части или места службы (ст. 337 УК РФ) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. № S31. С. 6–10. URL: http://e-koncept.ru/2014/14864.htm (дата обращения: 02.04.2026).

2. Самовольное оставление воинской части: кто виноват? // Адвокатская газета. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/samovolnoe-ostavlenie-voinskoy-chasti-kto-vinovat/?ysclid=mnkkmz5v1b633109997 (дата обращения: 05.04.2026).

3. Долгашов В. В. К вопросу о совершенствовании предметного содержания криминалистической характеристики преступлений, обусловленных самовольным оставлением воинской части или места службы // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2025. № 1. С. 92–99.

УДК 340.15

Сергей Алексеевич Тимошкин
1-й курс, специальность «Судебная и прокурорская деятельность»,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь, Россия,
timoshkin.serezha@inbox.ru
Научный руководитель: Т. Е. Логинова, канд. юрид. наук, доцент
кафедры теории и истории государства и права

ПРАВО НА НОШЕНИЕ ОРУЖИЯ: КОНСТИТУЦИОННАЯ ТЕОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА В США И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье сравниваются американская и российская модели оборота оружия: первая основана на Второй поправке, вторая – на разрешительной системе. Анализируется эволюция правоприменительной практики, включая решения Верховного суда США (Heller, Bruen, Rahimi) и поправки 2025 г. в российский закон «Об оружии». Показано, как обе системы пытаются адаптироваться к новым угрозам, сохраняя баланс между правами граждан и общественной безопасностью.

Ключевые слова: Вторая поправка; разрешительная система; Верховный суд США; федеральный закон «Об оружии»; правоприменительная практика

Sergey A. Timoshkin
Student of the Perm State University, Perm, Russia,
timoshkin.serezha@inbox.ru
Supervisor: T. E. Loginova, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law

THE RIGHT TO BEAR ARMS: CONSTITUTIONAL THEORY AND MODERN LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN THE UNITED STATES AND THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. This article compares the American and Russian gun control models: the former is based on the Second Amendment, while the latter relies on a permit system. It analyzes the evolution of law enforcement practices, including US Supreme Court decisions (Heller, Bruen, Rahimi) and the 2025 amendments

to the Russian law “On Guns”. It shows how both systems are attempting to adapt to new threats while maintaining a balance between citizen rights and public safety.
Keywords: Second Amendment; permit system; US Supreme Court; Federal Gun Law; law enforcement practices

Право граждан на владение оружием остаётся одним из наиболее дискуссионных вопросов современного конституционного права. Принципиально разные подходы демонстрируют правовые системы США и РФ. Американская модель исходит из конституционно закрепленного индивидуального права на ношение оружия, ограничиваемого лишь в исключительных случаях. Российская же модель представляет собой разрешительную систему, где владение оружием – не фундаментальное право, а привилегия, предоставляемая государством.

Цель исследования – сравнительный анализ конституционно-правовых оснований и современной правоприменительной практики реализации права на оружие в США и РФ с учётом последних изменений.

Вторая поправка к Конституции США гласит: «Поскольку хорошо организованная милиция необходима для безопасности свободного государства, право народа хранить и носить оружие не должно нарушаться». Долгое время велись споры о природе этого права – коллективной (связанной с милицией) или индивидуальной [1]. Сторонники коллективной теории утверждали, что поправка защищает право штатов на организованное ополчение. Индивидуальная теория («стандартная модель») [2] настаивает, что поправка гарантирует каждому гражданину личное право на оружие для самообороны.

Переломным стало решение Верховного суда по делу *District of Columbia v. Heller* (2008) [3], где впервые было признано индивидуальное право на владение оружием для самообороны, не связанное с участием в милиции. Судья Скалиа подчеркнул: «Ничто в нашем решении не должно ставить под сомнение давние запреты на владение оружием преступниками и психически больными или законы, запрещающие ношение оружия в чувствительных местах».

Дальнейшее развитие методология получила в деле *New York State Rifle & Pistol Association v. Bruen* (2022) [4]. Верховный суд установил двухэтапный текстуально-исторический тест: если текст

Второй поправки покрывает поведение индивида, Конституция презюмирует защиту; государство должно доказать, что ограничение «согласуется с исторической традицией регулирования огнестрельного оружия в нации». Как отмечает Хейли Проктор, правильнее говорить о «тексте и истории», а не «истории и традиции» [4].

Значимым уточнением стало решение *United States v. Rahimi* (2024) [5], где суд единодушно поддержал запрет на владение оружием для лиц, в отношении которых вынесен судебный приказ о защите от домашнего насилия. Главный судья Робертс указал, что, хотя в 1791 г. не было аналогичных законов, «с момента основания наши законы об оружии включали положения, предотвращающие неправомерное использование оружия лицами, угрожающими насилием». Таким образом, допустима историческая аналогия на уровне общего принципа. Однако, как замечает профессор Чемерински, «нижестоящие суды приходят к противоречивым выводам практически по каждому значимому вопросу» [5].

В отличие от США, Конституция РФ не закрепляет право на ношение оружия. Основной акт – федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»[1], устанавливающий разрешительный порядок. В 2025 г. были внесены существенные изменения, в частности:

– уточнение криминалистических требований (ст. 3 Закона) – МВД согласовывает их с Росгвардией, ФСБ и Росстандартом;

– ужесточение параметров: запрет на огнестрельное длинноствольное оружие с длиной ствола менее 300 мм (ранее 500 мм) и общей длиной менее 700 мм;

– запрет на магазины ёмкостью более 10 патронов для гражданского оружия (кроме спорта);

– дифференциация спортивного и охотничьего оружия.

Одновременно законом от 7 июля 2025 г. № 210-ФЗ[2] введено понятие «гражданское экспортное оружие» (с характеристиками, запрещёнными внутри страны, но разрешёнными для экспорта).

[1]Об оружии : федер. закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 07.07.2025 № 210-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ключевая проблема российской модели – правовая неопределённость, порождаемая п. 7 ст. 14 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»[1]. С 29 декабря 2022 г. органы ОРД вправе выносить «заключения о наличии опасности» для обоснования решений Росгвардии об изъятии или аннулировании лицензий на владение оружием. Как справедливо отмечают исследователи, отсутствие законодательных критериев «опасности», процедуры и механизма обжалования создаёт «зону правовой неопределённости» [6, с. 19]. Гражданин сталкивается с «невидимым и неконтролируемым административным решением» [6, с. 22]. Это принципиально контрастирует с американским подходом, где даже при сложности исторического теста основное внимание уделяется судебной проверке.

Сравнение двух систем позволяет выявить следующие фундаментальные различия.

1. *Конституционная природа:* в США – индивидуальное право, ограничения требуют обоснования исторической традицией; в РФ – производное от государства право.

2. *Методология ограничений:* Верховный суд США требует доказательств исторической легитимности; российский законодатель расширяет дискреционные полномочия через оценочные категории («опасность», «угроза»).

3. *Судебный контроль:* в США – интенсивный пересмотр; в РФ – затруднён из-за невозможности ознакомиться с основаниями решения (заключением ОРД).

4. *Тенденции:* американская юриспруденция уточняет исторический метод; российское законодательство ужесточает требования и расширяет основания для административного приостановления права владения оружием.

В заключение подчеркнём, что различия между моделями носят конституционно-принципиальный характер. В США право на оружие – дозаконодательное, ограничиваемое лишь исторически сложившейся традицией. В РФ владение оружием – результат позитивного законотворчества, объект разрешительной системы. Обе системы сталкиваются с вызовами: американская – с неопределён-

[1] Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ностью исторического теста, российская – с риском произвольного административного усмотрения. Для повышения правовой определённости в РФ необходимо закрепить в законе чёткие критерии «опасности», ввести процедуру ознакомления гражданина с заключением ОРД и обеспечить его эффективное судебное обжалование. Это позволит приблизить баланс между безопасностью и правами личности к стандартам правового государства.

Список источников

1. University of Wyoming Firearms Research Center. Shall Not Be Infringed. Laramie: University of Wyoming, 2024. URL: https://www.uwyo.edu/law/centers/frc.html (дата обращения: 29.03.2024)
2. Duke Center for Firearms Law. Our First Second Amendment. Durham, NC: Duke University, 2025. URL: https://firearmslaw.duke.edu/2025/08/our-first-second-amendment (дата обращения: 29.03.2024)
3. Supreme Court Report. Vol. 33, Iss. 2. National Association of Attorneys General, October 2025. URL: https://www.naag.org/attorney-general-journal/supreme-court-report-volume-33-issue-2/ (дата обращения: 30.03.2024)
4. Proctor H. Text and history, not history and tradition // SCOTUSblog. December 10, 2025. URL: https://www.scotusblog.com/2025/12/text-and-history-not-history-and-tradition/ (дата обращения: 01.04.2026).
5. Chemerinsky E. Second Amendment jurisprudence is a mess // SCOTUSblog. January 28, 2026. URL: https://www.scotusblog.com/2026/01/second-amendment-jurisprudence-is-a-mess/ (дата обращения: 01.04.2026).
6. Габзалилов В. Ф., Галиуллина А. И., Кузнецов Е. В. Зона правовой неопределенности: проблемы реализации пункта 7 статьи 14 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и поиск баланса между безопасностью и свободой // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Т. 35, № 3. С. 19–34. URL: https://kvsz.ru/ru/storage/viewWindow/231687 (дата обращения: 01.04.2026).

УДК 347

Артём Александрович Тимрук
4-й курс, напр. «Юриспруденция», Прикамский социальный институт, Пермь, Россия, tima1811perm@gmail.com
Научный руководитель: Д. В. Головкина, канд. юрид. наук, доцент кафедры публичного и частного права

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК ПО ОСНОВАНИЮ, ПРЕДУСМОТРЕННОМУ ПП. 3 П. 4 СТ. 1515 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена актуальной в сложившейся неоднородной судебной практике проблеме, связанной с исками лицензиаров к продавцам контрафактной продукции с требованием взыскания компенсации в сумме двукратной цены, взимаемой при сравнимых обстоятельствах за правомерное использование товарного знака.

Ключевые слова: исключительное право; цена, взимаемая при сравнимых обстоятельствах; товарный знак; лицензионный договор; контрафакт

Artyom A. Timruk
Student of the Prikamsky Social Institute, Perm, Russia
tima1811perm@gmail.com
Supervisor: D. V. Golovkina, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Department of Department of Public and Private Law

PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE OF CIVIL LIABILITY FOR VIOLATION OF EXCLUSIVE RIGHTS TO THE TRADEMARK OF PONOV OSANIYA PROVIDED FOR BY PP. 3 P. 4 OF ARTICLE 1515 OF THE CIVIL CODE

Abstract. This article is devoted to the problematic of the existing heterogeneous judicial practice on claims by licensors against sellers of counterfeit products with a demand for compensation in the amount of double the price charged under comparable circumstances for the lawful use of a trademark.

Keywords: exclusive right; price charged under comparable circumstances; trademark; license agreement; counterfeit

Товарный знак – важный элемент предпринимательской деятельности, служащий для индивидуализации товаров и услуг. Его защита способствует укреплению бренда, росту конкурентоспособности и доверия потребителей.

Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации (далее – ГК РФ)[1] правовой охране подлежат товарные знаки, знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров, фирменные наименования и коммерческие обозначения. Наиболее часто правонарушения связаны именно с использованием товарных знаков [1].

Статья 1484 ГК РФ закрепляет, что правообладателю принадлежит исключительное право использования товарного знака в соответствии со ст. 1229 ГК любым не противоречащим закону способом. Исключительное право на товарный знак может быть реализовано для индивидуализации товаров, работ или услуг, в отношении которых товарный знак зарегистрирован, в частности путем размещения товарного знака на товарах, при выполнении работ, оказании услуг, в сети Интернет и иными способами.

Использование товарного знака незаконным путем другим лицом влечет за собой ответственность, закрепленную в ст. 1515 ГК РФ (гражданско-правовая ответственность), ст. 14.10 Кодекса РФ об административных правонарушениях, ст. 180 Уголовного кодекса Российской Федерации УК РФ (административная и уголовная ответственность)[2].

Товары, этикетки, упаковки товаров, на которых в отсутствие законных оснований размещены товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение, признаются контрафактом. Правообладатель вправе требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации в размере двукратной стоимости права использования товарного знака, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование товарного знака (пп. 3 п. 4. ст. 1515 ГК). Требование выплаты компенсации вместо возмещения убытков получило наибольшую распространённость.

---

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4 от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 14.04.2026).

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 196-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Российская газета. 31 дек. 2001 г. № 256; Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собр. законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25. Ст. 2954.

Если говорить о гражданско-правовой ответственности, то следует отметить, что судебная практика в части разрешения споров по искам правообладателей к нарушителям исключительных прав претерпевает существенные изменения, связанные с гуманизацией санкции, предусмотренной ст. 1515 ГК РФ[1], обеспечением дифференциации гражданско-правовой ответственности в зависимости от характера допущенного нарушения, степени вины и иных принимаемых во внимание обстоятельств, разработкой стандартизированной методики подсчета цены, взимаемой при сравнимых обстоятельствах [2–4].

Весомый вклад в формирование единого подхода к разрешению споров внёс Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ), принявший постановления № 28-П от 2016 г. (далее – постановление 28-П) и № 40-П от 2021 г. (далее – постановление 40-П)[2]. Указанные акты легального толкования обеспечивают учёт судами значимых обстоятельств при определении размера компенсации, а именно: степень вины; первичность/вторичность нарушения, существенность доли товаров в бизнесе нарушителя (установление того, является ли реализация товаров, подобных товарам правообладателя, значимой частью предпринимательской деятельности нарушителя), финансовое положение. КС в 40-П описал возможность иной судебной оценки в зависимости от того, кем является правообладатель и нарушитель, например: производителем или лицом, которое, не производя товар, заключает лицензионные договоры, и лицом, незаконно эксплуатирующим экономический успех правообладателя, маркирующим свою продукцию без законного основания товарными знаками правообладателя, либо лицом продавшим в розницу малоценный товар хозяйственного назначения, причинившим незначительный ущерб. Также КС указал на то, что постановление 28-П носит универсальный характер, как при

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4 от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 14.04.2026).

[2] По делу о проверке конституционности подпункта 1 ст. 1301, подп. 1 ст. 1311 и подп. 1 п. 4 ст. 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края : постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 14.04.2026); По делу о проверке конституционности подп. 2 п. 4 ст. 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 24.07.2020 № 40-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 14.04.2026).

взыскании компенсации в твёрдой сумме, так и исходя из цены или двукратной стоимости контрафакта.

Из вышеприведённых позиций КС следует, что компенсация, исчисленная как двукратная цена, является одновременно и максимальной, и минимальной. Указанный порядок расчета определён императивно. Суд в рамках своей дискреции по мотивированному заявлению нарушителя вправе снизить размер компенсации до однократной исходя из цены, установленной с учётом поименованных ранее обстоятельств, требований разумности и справедливости, независимо от количества товарных знаков, в отношении которых допущено нарушение.

Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ), в свою очередь, по результатам рассмотрения кассационной жалобы привел ряд критериев, исходя из которых определяется иная цена. Данное решение также вошло в обзор судебной практики ВС РФ[1].

В деле № А48-7579/2019[2] правообладатель обратился с иском о взыскании компенсации в сумме 180 тыс. руб. В обоснование своих требований предоставил лицензионный договор на 90 тыс. руб. Суд первой инстанции удовлетворил требование в сумме 10 тыс. руб., мотивируя обстоятельствами, связанными с личностью нарушителя, количеством способов использования и сроком использования товарного знака. Апелляция удовлетворила требования полностью, сославшись на стоимость лицензионного договора, с чем согласился суд первой инстанции.

Отменяя решения судов, ВС РФ указал следующее. Судебная ошибка заключалась в том, что первая инстанция не рассчитала иную цену, исходя из условий лицензионного договора применительно к объёму нарушенных прав; не приведя расчет, удовлетворила требования в сумме 10 тыс. руб., а апелляционная инстанция, удовлетворив требования полностью, констатировала, что цена лицензионного договора – 90 тыс. руб., соответственно, компенсация составила 180 тыс. руб. Также не была дана надлежащая оценка заявления о снижении компенсации в порядке постановления 28-П.

---

[1] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2021) // Судебные и нормативные акты РФ : офиц. сайт. URL: https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii_41/ (дата обращения: 14.04.2026).

[2] О передаче жалобы в Судебную коллегию Верховного Суда Российской Федерации: определение Верховного Суда РФ от 16 декабря 2020 г. № 310-ЭС20-9768 по делу № А48-7579/2019. URL: base.garant.ru/400123714/ (дата обращения: 14.04.2026).

В случае если размер компенсации рассчитан истцом на основании лицензионного договора, то суд соотносит условия указанного договора и обстоятельства допущенного нарушения: срок действия лицензионного договора; объем предоставленного права; способы использования права по договору и способ допущенного нарушения; перечень товаров и услуг, в отношении которых предоставлено право использования и в отношении которых допущено нарушение (применительно к товарным знакам); территория, на которой допускается использование (Российская Федерация, субъект Российской Федерации или иная территория); иные обстоятельства.

Данные разъяснения широко используются в судебной практике. Применительно к сроку использования и сроку лицензионного договора, исходя из делового обычая, никто не заключает договор на один день. За срок берется один месяц. При оценке количества способов использования и количества товарных знаков судебная практика пришла к делению цены договора на это количество. Существовала судебная оценка, по которой делили цену на 89 регионов. Данная оценка не получила реализации из-за обычаев делового оборота, базовых положений конституционного строя, устанавливающих свободное передвижение товаров и услуг, а также факта того, что нарушение посягает на единое право.

При этом понятие иных обстоятельств ВС не дал, что создало проблемы в правоприменительной практике.

По мнению автора, под иными обстоятельствами следует понимать те обстоятельства допущенного нарушения, которые в соотношении с условиями лицензионного договора способны повлиять на цену, взимаемую при правомерном использовании товарного знака, исходя из экономической обусловленности и производственной практики.

Говоря об иных обстоятельствах, не поименованных судом, можно привести в качестве примера оценку относимости реализованного товара к иной видовой группе в рамках класса «Международная классификация товаров и услуг» (далее – МКТУ). Если ответчик докажет, что реализовал товар, относящийся к иной видовой группе, а по условиям лицензионного договора предоставлено право размещать товарный знак на товарах нескольких видовых групп в рамках класса МКТУ, в таком случае цену надлежит арифметически поделить на количество групп.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в судебном процессе после установления факта нарушения исключительных прав определяет-

ся цена, затем размер компенсации в сумме либо однократной, либо двукратной, исходя из установленной цены, при этом при определении цены и размера компенсации оцениваются абсолютно разные категории обстоятельств и различные принципы.

Определение размера компенсации наиболее прозрачно представлено и последовательно проводится ООО «Зингер СПБ» (Санкт-Петербург): 83 333 руб. = (1 000 000 руб. (ежегодный платеж за предоставление права использования товарного знака № 266060): один товарный знак: два класса МКТУ: один способ применения: 12 месяцев) × 2). Данный расчет многократно был подтвержден судебной практикой[1].

При этом существует иная судебная практика: при одних и тех же обстоятельствах взыскивается 10 тыс. руб., 3150 руб., 20 тыс. руб., что свидетельствует о различии подходов к разрешению споров.

Так, Арбитражный суд Челябинской области в решении по делу № А76-42087/2025[2] пришел к выводу о взыскании 10 тыс. руб., применяя следующую правовую конструкцию: поскольку законом критерии для установления сравнимости обстоятельств нарушения с условиями использования товарного знака не установлены, этот вопрос относится к дискреционным полномочиям суда. Размер компенсации должен быть определен также с учетом того, что ответчик не размещал принадлежащий истцу товарный знак на продаваемых товарах, а продал в розницу малоценный товар хозяйственного назначения. Принимая во внимание изложенные обстоятельства, а также учитывая характер нарушения права истца, длительность такого нарушения, стоимость реализованного товара (150 руб.), количество классов МКТУ, в отношении которых зарегистрирован товарный знак, количество видов товара в данном классе, суд определил стоимость права использования товарного знака, соответствующего характеру допущенного ответчиком нарушения, в размере 5000 руб. Соответственно, компенсация в двойном размере составляет 10 тыс. руб. Оснований для уменьшения размера компенсации ниже установленного законом минимального размера судом не установлено.

---

[1] См., например: решение Арбитражного суда Курганской области от 28 января 2026 г. по делу № А34-10705/2025. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9655d3cc-0004-44d9-8d89-5e6c2c76e339/a36d9241-b69a-4517-9b66-a2748320228b/A34-10705-2025_20260128_Reshenie_v_vide_rezoljutivnoj_chasti_(st._229_APK).pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 14.04.2026).

[2] Решение Арбитражного суда Челябинской области от 30 января 2026 года по делу № А76-42087/2025. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Автор считает, что суд, ссылаясь на постановление П-40, абсолютно прав: формально критерии относимости условий договора к нарушению не закреплены. Однако судом не учтено, что в акте толкования критерии имеются. И выводы о наличии дискреции при определении цены преждевременны, при этом абсолютно правомерны при определении компенсации.

Устанавливая цену, суд учёл количество способов, количество классов МКТУ в совокупности с характером нарушения, длительностью, с тем, что ответчик не размещал товарный знак, а продал малоценный товар, соответственно, не нанёс существенных убытков, допустил смешение разных категорий обстоятельств, получил цену в 5000 руб. В мотивировочной части самим же судом указано, что характер нарушения и отсутствие убытков подлежат судебной оценке при определении размера компенсации, но исходя из них снизил цену, а не компенсацию. При этом суд отметил, что оснований для снижения компенсаций не установлено, однако незначительность убытков и негрубость нарушения являются основанием для снижения компенсации по смыслу постановления 28-П, что, по мнению автора, нелогично.

18-й Арбитражный Апелляционный суд, удовлетворяя иски полностью, указал, что поименованные обстоятельства не могут влиять на цену, оценивать стоимость товара (150 руб.) неразумно, иные обстоятельства истец уже привел, к тому же судом при определении цены не учтены производственная практика и первичные расходы при заключении лицензионного договора и регистрации товарного знака, а ответчик не заявил мотивированного отзыва[1].

Аналогичной логикой руководствуется и Арбитражный суд Ульяновской области, который определяет цену в 1625 руб.[2]

Арбитражный суд Иркутской области в своих решениях по делам 2025 г. к поименованным ВС РФ обстоятельствам добавил «характер допущенного нарушения» и определяет цену в 10 тыс. руб. с учётом требований разумности и справедливости. При этом если ответчик привлекался к гражданско-правовой ответственности, то

[1] Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 марта 2026 г. № 18АП-1872/26 по делу № А76-42087/2025. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[2] Решение Арбитражного суда Ульяновской области по делу № А72-11125/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

он удовлетворяет требования полностью в сумме 83 333 руб. (дела № А19-20278/2025, А19-17614/2025)[1].

Таким образом, можно сделать вывод, что судебная практика однозначно неоднородна, одна часть судов разделяет категории обстоятельств и принципов, другая смешивает, мотивируя незакреплённостью в законе критериев и наложением дискреции при определении цены.

В. В. Тимофеева в своей работе указала, что суд не конкретизировал ни перечень документов, ни перечень обстоятельств, которые должны учитывать суды при расчёте компенсации [3].

Подводя итоги, следует отметить, что оценка характера нарушения с учётом принципов разумности и справедливости уместна при определении размера компенсации, но не при определении цены. В последнем случае необходимо руководствоваться принципами экономической целесообразности и недопущением произвольного деления.

Учитывая, что акты толкования пользуются меньшим авторитетом, чем формальный закон, и порой искажаются на практике, автор считает, что в первую очередь необходимо закрепить в гражданском законодательстве в той или иной форме критерии относимости условий лицензионного договора к обстоятельствам допущенного нарушения с приведением определения данных критериев. Также существует необходимость обозначить конкретные понятия обстоятельств, исходя из которых определяется иная цена, и обстоятельств, исходя из которых определяется компенсация, разграничив их.

Список источников

1. Голикова О. М. Понятие товарного знака, его виды и функции // Международный научный журнал «Вестник науки». 2025. Т. 2, № 8 (89). С. 77–82.

2. Гришин А. А. Актуальные проблемы защиты исключительных прав на товарные знаки // Экономика. Право. Общество. 2021. № 4. С. 87–91.

3. Тимофеева В. В. К вопросу об ответственности предпринимателя за использование товарного знака без согласия правообладателя при продаже поставленных товаров // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. С. 255–265.

4. Байкалов А. А., Подшивалова О. А. Судебная практика по вопросу определения стоимости использования товарного знака в целях статьи 1515 ГК РФ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 7-2 (82). С. 131–133.

[1] Решение Арбитражного суда Иркутской области по делам № А19-20278/2025 и А19-17614/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 349.3

Динара Радиковна Тиунова
4-й курс, напр. «Юриспруденция», Прикамский социальный институт, Пермь, Россия, mingaleeva1807@mail.ru
Научный руководитель: А. М. Чудинов, старший преподаватель кафедры публичного и частного права

ЛИШЕНИЕ ПРАВА НА СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ПРИ ГИБЕЛИ УЧАСТНИКА СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы правоприменения при предоставлении социальных выплат родителям погибших военнослужащих, в том числе участников специальной военной операции. Особое внимание уделяется случаям получения выплат лицами, уклонявшимися от исполнения родительских обязанностей. На основе анализа судебной практики выявлены недостатки действующего механизма назначения и прекращения выплат, включая формальный подход судов, отсутствие чётких критериев признания родителей недобросовестными, а также сложность их исключения из числа получателей государственной поддержки. Анализируется правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации, направленная на учёт фактического участия родителя в жизни ребёнка. В результате проведённого исследования сформулированы выводы и выявлены ключевые проблемы правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: социальные выплаты; участники специальной военной операции; родители погибших; недобросовестные родители; лишение социальных прав

Dinara R. Tiunova
Student of the Prikamsky Social Institute, Perm, Russia, mingaleeva1807@mail.ru
Supervisor: A. M. Chudinov, Senior Lecturer at the Department of Public and Private Law

DEPRIVATION OF THE RIGHT TO SOCIAL GUARANTEES IN THE EVENT OF THE DEATH OF A PARTICIPANT IN A SPECIAL MILITARY OPERATION

Abstract. The article examines the problems of law enforcement when providing social payments to the parents of dead servicemen, including participants in a special military operation. Particular attention is paid to cases of receiving payments by persons who evaded the performance of parental duties. Based on the analysis of judicial practice, the shortcomings of the current mechanism for the appointment and termination of payments were identified, including the formal approach of the courts, the lack of clear criteria for recognizing parents as unscrupulous, as well as the difficulty of excluding them from the list of recipients of state support. The legal position of the Supreme Court of the Russian Federation is being considered, aimed at taking into account the actual participation of the parent in the life of the child. As a result of the study, conclusions were formulated and key problems of legal regulation in the area under consideration were identified.

Keywords: social benefits; participants of a special military operation; parents of the dead; unscrupulous parents; deprivation of social rights

В условиях современной правовой реальности особое значение приобретают вопросы реализации социальных гарантий членам семей погибших военнослужащих, в том числе участников специальной военной операции (далее – СВО). Государство предоставляет значительный объём социальных выплат и компенсаций, направленных на поддержку близких погибших [1; 2].

Однако на практике этими мерами часто злоупотребляют. Анализ судебной практики показывает, что существуют проблемы правоприменения, когда суды разрешают споры о лишении некоторых родственников социальных прав, установленных для них в связи со смертью участника военной спецоперации[1]. Это связано с необходимостью комплексной оценки семейных отношений, в том числе фактического поведения родителей и их участия в жизни ребенка. На практике такая оценка требует всестороннего анализа обстоятельств дела и доказательств, что нередко приводит к сложностям в данных делах.

В научной литературе категория недобросовестности родителей в семейных правоотношениях рассматривается неоднозначно. Исследователи связывают её прежде всего с фактическим неисполнением родительских обязанностей, включая отсутствие участия в воспитании и содержании ребенка при формальном сохранении правового статуса родителя [3; 4].

[1]См., например: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 дек. 2024 г. № 58-КГ24-11-К9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В отношении ситуации подобного рода с родителями участников СВО некоторые авторы, соглашаясь с позицией высшего судебного органа РФ, акцентируют внимание на необходимости оценки поведения родителя через призму его реального вклада в обеспечение интересов ребенка, указывая на сложность разграничения добросовестного и недобросовестного поведения в условиях социальной поддержки семей участников СВО [5, с. 75–76].

Несмотря на существующие научные подходы, в правоприменительной практике отсутствует единообразное понимание критериев недобросовестности родителей [6]. Прежде всего, ключевой проблемой является отсутствие чётко закрепленных и устойчивых критериев её установления. Хотя Верховный Суд РФ указывает на необходимость учёта фактического вклада лица в воспитание и содержание ребенка, на практике подходы судов к оценке данных обстоятельств остаются неоднородными, что приводит к различиям в правоприменении[1].

Новизна исследования заключается в анализе современного судебного подхода к лишению недобросовестных родителей социальных прав именно в контексте гибели участника СВО, что ранее не получало достаточного освещения.

На практике суды первой инстанции часто ограничиваются формальным подтверждением родства, не исследуя глубоко характер отношений между родителями и погибшим [7].

Необходимо отметить, что в течение длительного периода механизм предварительной проверки получателей социальных выплат обладал существенными недостатками, в части факта исполнения родителем своих обязанностей и обязанностей получателя таких выплат.

Существует также значительный промежуток времени между назначением выплат и их прекращением: даже если есть доказательства недобросовестного поведения родителя, лишение социальных прав требует отдельного судебного разбирательства, которое позволяет недобросовестным лицам фактически получать средства в нарушение принципов правосудия. Доказательная база в делах об уклонении от родительских обязанностей обычно косвенная,

[1] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 янв. 2025 г. № 2 КГ24-7-К3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

например, свидетельские показания, переписка и отсутствие алиментов, и оценивается судами по-разному, несмотря на позицию Верховного Суда РФ в его определении № 25-КГ19-9, в котором подчеркивается важность рассмотрения фактического участия в жизни ребенка, а не только формального статуса[1].

Наконец, конфликт интересов внутри семьи умершего, при котором добросовестные родственники вынуждены через суд оспаривать права другого родителя, усиливает социальную напряженность, подчёркивая противоречие между формально-юридическим и материально-правовым подходами.

С точки зрения принципов справедливости видится неразумным предоставлять выплаты лицам, которые не выполняли родительских обязанностей. Государственная поддержка должна носить компенсационный характер и предоставляться тем, кто был тесно связан с умершим.

Правовая позиция Верховного Суда РФ обоснована и направлена на устранение формального подхода. Однако отсутствие четких законодательных критериев и механизмов реализации этой позиции снижает её эффективность.

В ходе анализа судебной практики и действующего законодательства выявлены важнейшие вопросы правового регулирования государственных выплат родителям умерших детей. Действующий механизм назначения выплат основан на формальном наличии родственных связей и не учитывает полного исполнения родительских обязанностей, что приводит к сохранению права на выплату лиц, уклоняющихся от этих обязанностей. Также выявлено отсутствие чётко закреплённых критериев признания родителей недобросовестными, что затрудняет единообразное правоприменение и создаёт предпосылки для противоречивых судебных решений.

Таким образом, проведённый анализ позволил выявить следующие ключевые проблемы: формальный подход при назначении выплат, отсутствие чётких критериев недобросовестности родителей, сложность процедур их исключения из числа получателей государственной поддержки, а также недостаточную согласованность правоприменительной практики.

[1] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 окт. 2019 № 25-КГ19-9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список источников

1. Бобков В. Н., Одинцова Е. В., Чащина Т. В. О социальных гарантиях участников специальной военной операции и членов их семей // Социально-трудовые исследования. 2024. № 1 (54). С. 138–146. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-sotsialnyh-garantiyah-uchastnikov-spetsialnoy-voennoy-operatsii-i-chlenov-ih-semey (дата обращения: 10.04.2026).

2. Кузьменко А. В., Филиппова М. В. Социальная поддержка участников специальной военной операции и членов их семей: некоторые проблемы правоприменения // Ежегодник трудового права. 2025. № 15. С. 332–353.

3. Слепухин Ю. А. Проблемы реализации принципа добросовестности в действиях родителей при защите прав ребенка в гражданском судопроизводстве // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 155–165. DOI: 10.33874/2072-9936-2024-0-4-155-165

4. Кодзокова Л. А. Проблемы неисполнения родителями обязанностей по воспитанию ребенка в Российской Федерации // Международный научный вестник. 2024. № 7. С. 66–71.

5. Федин В. В., Ярыгин И. С. Реализация прав членов семей военнослужащих – участников специальной военной операции на меры государственной поддержки // Вестник магистратуры. 2025. № 7 (166). С. 72–78. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-prav-chlenov-semey-voennosluzhaschih-uchastnikov-spetsialnoy-voennoy-operatsii-na-mery-gosudarstvennoy-podderzhki-v (дата обращения: 10.04.2026).

6. Шакина В. Лишение членов семей погибших военнослужащих прав меры социальной поддержки из-за прекращения семейных отношений: новый подход в судебной практике // Zakon.ru. URL: https://zakon.ru/blog/2026/3/19/lishenie_chlenov_semej_pogibshih_voennosluzhaschih_prav_mery_socialnoj_podderzhki_iz-za_prekrascheni (дата обращения: 10.04.2026).

7. Кудуков Д. В. Перераспределение выплат семье погибшего военнослужащего при посмертном установлении отцовства // HARANT. Поиск юристов. URL: https://harant.ru/blog/neosnovatelnoe-obogashchenie/pereraspredelenie-vyplat-seme-pogibshego-voennosluzhashhego-pri-posmertnom-ustanovlenii-otczovstva/ (дата обращения: 10.04.2026).

УДК 343.3:004.9

Яна Олеговна Хайруллина
3-й курс, напр. «Юриспруденция», Прикамский социальный институт, Пермь, Россия, yana.khayrullina@inbox.ru
Научный руководитель: И. В. Царенко, канд. экон. наук, зав. кафедрой публичного и частного права

ДИПФЕЙКИ И КЛЕВЕТА: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ (СТ. 128.1 УК РФ)

Аннотация. В статье анализируются угрозы, связанные с использованием дипфейков в цифровой среде, и их влияние на уголовно-правовую охрану чести, достоинства и репутации граждан в контексте ст. 128.1 Уголовного кодекса РФ. Рассматриваются виды дипфейков (видео-, аудио-, имиджевые и текстовые), проблемы квалификации клеветы при их применении, сложности установления субъекта, умысла и доказуемости ложности сведений. Особое внимание уделяется позиции Конституционного Суда РФ по вопросу публичного распространения сведений, а также необходимости совершенствования уголовно-правовых норм и разработки экспертных методик выявления и анализа дипфейков.

Ключевые слова: дипфейк; клевета; честь и достоинство; репутация; ст. 128.1 УК РФ; искусственный интеллект; цифровая среда; уголовная ответственность; Конституционный Суд РФ; экспертное исследование цифрового контента

Yana O. Khayrullina
Student of the Prikamsky Social Institute, Perm, Russia
yana.khayrullina@inbox.ru
Supervisor: I. V. Tsarenko, Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of Public and Private Law

DEEPFAKES AND DEFAMATION: CRIMINAL LAW PROTECTION OF HONOR AND DIGNITY IN THE DIGITAL AGE (ARTICLE 128.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Abstract. This article analyzes the threats associated with the use of deepfakes in the digital environment and their impact on the criminal law protection of honor, dignity, and reputation of citizens in the context of Article 128.1 of

the Criminal Code of the Russian Federation. The article examines the types of deepfakes (video, audio, image, and text), the challenges of classifying defamation when they are used, and the complexities of establishing the perpetrator, intent, and provability of falsehood. Particular attention is paid to the position of the Constitutional Court of the Russian Federation on the public dissemination of information, as well as the need to improve criminal law and develop expert methods for identifying and analyzing deepfakes.

Keywords: deepfake; defamation; honor and dignity; reputation; Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation; artificial intelligence; digital environment; criminal liability; Constitutional Court of the Russian Federation; expert analysis of digital content

В эпоху цифровизации, когда смартфоны и интернет стали неотъемлемой частью жизни, доступ к информации значительно упростился. Однако вместе с этим увеличилось и количество сомнительных, а иногда и незаконных сведений, распространяемых через сеть Интернет. Люди всё чаще доверяют прочитанному, не проверяя достоверность информации, что может привести к негативным последствиям. Недостоверные сведения могут нанести вред человеку, опорочить его честь и достоинство. В условиях, когда информация распространяется мгновенно, важно критически оценивать полученные данные и проверять их достоверность.

На сегодняшний день человечество всё больше погружается в информационную сферу, и появление искусственного интеллекта (ИИ) открывает новые горизонты и возможности. ИИ может значительно упростить жизнь, предоставляя ответы на вопросы за несколько секунд вместо долгого анализа книг, сайтов и других источников. Однако важно помнить о необходимости контроля и регулирования развития искусственного интеллекта. Технологии ИИ, несмотря на свои положительные стороны, могут быть использованы для создания дипфейков. Поэтому важно установить чёткие правила и нормы, регламентирующие использование ИИ и защищающие права граждан.

На данный момент нет чётких норм, регулирующих ответственность за противоправные действия с использованием технологий искусственного интеллекта. Большинство людей уже взаимодействуют с ИИ, и связанные с ним проблемы становятся всё более актуальными. Одной из них являются дипфейки.

Дипфейк, по мнению И. С. Панова, – видео человека, на котором его внешность была изменена в цифровом формате, чтобы он выглядел как кто-то другой [1, с. 834]. Это определение включает в себя

один из типов технологии – видеодипфейк. Важно отметить, что существуют и другие виды дипфеков, такие как замена голоса или текста с помощью технологий искусственного интеллекта. Более точным, на наш взгляд, является дефиниция А. С. Киселева, который рассматривает дипфейки как реалистичную замену лиц и голоса посредством использования генеративно-состязательных нейросетей [2, с. 56].

С развитием технологий дипфейки начали применяться не только для развлечений, но и в незаконных целях, таких как распространение ложной информации и клеветы. Это создаёт серьёзную угрозу праву на честь и достоинство.

В рамках классификация дипфейков по формату выделяются следующие.

1. *Видеодипфейки*: с помощью компьютерных программ можно подменить лицо или тело человека, они могут изменить выражение лица, движения и даже подстроить речь, чтобы всё выглядело очень реалистично.

2. *Аудиодипфейки*: программные системы создают голос, который схож с оригинальным. С их помощью можно копировать тембр, интонацию, акценты и эмоции человека. В итоге получается аудиозапись, которая звучит так, будто её действительно произнёс этот человек.

3. *Дипфейки изображений*: это фальшивые фотографии, которые создаются с помощью компьютерных программ. Благодаря таким программным инструментам можно изменять черты лица, добавлять или убирать людей, менять фон или даже полностью перестраивать картинку.

4. *Текстовые дипфейки*: такие дипфейки создаются с помощью специальных программ, например OpenAI ChatGPT или DeepMind Sparrow [3].

Само по себе создание дипфейка не всегда является незаконным. Однако если он используется для распространения ложной информации, которая порочит честь и достоинство другого лица или подрывает его репутацию, то это может быть квалифицировано как клевета. Согласно ст. 128.1 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) клевета – это распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию[1].

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собр. законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Состав преступления включает: объект – общественные отношения, обеспечивающие право на честь, достоинство и репутацию; объективную сторону – действия по распространению ложной информации; субъект – вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет; субъективную сторону – прямой умысел: виновный осознаёт ложность сведений и желает их распространить.

Однако установление состава преступления в случае с дипфейками может быть затруднено. Учёные выделяют ряд трудностей, связанных с использованием дипфейков.

1. Установление субъекта преступления: кто виноват – человек, который создал дипфейк или распространил его, а может, тот, кто изображён на нём?

2. Необходимое знание того, осознавал ли распространитель, что сведения ложные.

3. Проверка подлинности контента и обнаружения самого дипфейка.

Для разрешения этих трудностей необходимо задействовать экспертов, которые обладают необходимыми знаниями для анализа, сравнения и поиска признаков, характерных для дипфейков. Это позволит установить их наличие или отсутствие, а также определить, кто является виновником преступления [4, с. 734].

Постановление Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2025 г. № 43-П существенно повлияло на практику применения ч. 2 ст. 128.1 УК РФ. Теперь, чтобы признать действия публичным распространением информации, суды должны доказать, что гражданин намеренно хотел, чтобы данная информация обнародовалась. Если информация была отправлена через официальные каналы связи с властями (например, через интернет-приёмные или портал Госуслуг) и не была предназначена для широкого круга людей, то это не считается публичным распространением с точки зрения закона[1].

Таким образом, дипфейки представляют значительную опасность для общества, поскольку они могут использоваться для распространения ложной информации и клеветы, а также для других незаконных целей. Российское законодательство постепенно реагирует на эти проблемы, однако необходимо дальнейшее совершенствование правовых норм и механизмов для эффективного проти-

[1] По делу о проверке конституционности части второй статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Роговой Лилии Геннадьевны : постановление Конституционного Суда РФ от 04.12.2025 № 43-П // Собр. законодательства Российской Федерации. 2025. № 50. Ст. 7968.

водействия подобным преступлениям, что предполагает разработку методик для проверки и анализа содержания дипфейков, а также улучшение правовых механизмов для привлечения к ответственности за их использование. Это позволит защитить права граждан на честь, достоинство и репутацию, а также обеспечить безопасность в информационном пространстве.

Список источников

1. Панов И. С. Правовое регулирование технологии «Дипфейк» в Российской Федерации // Молодежные исследования и инициативы в науке, образовании, культуре, политике: сб. материалов XIX Всерос. молодеж. науч.-практ. конф. (Биробиджан, 2–3 мая 2024 г.). Биробиджан: Изд. центр Приамур. гос. ун-та имени Шолом-Алейхема, 2024. С. 834–837. EDN KNISUY

2. Давыдов С. Г., Матвеева Н. Н., Сапонова А. В. Дипфейки как социальная угроза // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика: электронный научный журнал. 2025. № 5. URL: https://vestnik.journ.msu.ru/upload/iblock/819/ibfzgjb0e3zt4c2xaa3ui1m86a4dgmgu/Давыдов%20и%20dpdf (дата обращения: 06.04.2026).

3. Боровинских С. Как распознать дипфейк (deepfake) и защититься от подделок // Spectrumdata: сайт. URL: https://spectrumdata.ru/blog/proverka-soiskatelya/kak-raspoznat-dipfeyk-deepfake-i-zashchititsya-ot-poddelok/ (дата обращения: 14.04.2026).

4. Шляпугина А. И., Юрков С. А. Уголовно-правовая оценка использования дипфейков (deepfakes) для совершения клеветы и распространения порочащих сведений // Вестник науки: электронный научный журнал. 2025. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-otsenka-ispolzovaniya-dipfeykov-deepfakes-dlya-sovershheniya-klevety-i-rasprostraneniya-porochaschih-svedeniy/viewer (дата обращения: 06.04.2026).

УДК 343.98

Сергей Александрович Щербищ
2-й курс, напр. «Юриспруденция», Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Пермь, Россия, zidixyshxklendb@yandex.ru
Научный руководитель: А. Н. Троицкий, преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики, SPIN-код: 6295-0627, https://orcid.org/ 0009-0000-0554-1365

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы борьбы с киберпреступностью в России. Анализируются причины низкой раскрываемости преступлений в сфере информационных технологий: использование преступниками средств анонимизации, нехватка специалистов в правоохранительных органах, трудности с получением доказательств. Отдельное внимание уделяется вовлечению молодёжи в преступные схемы. Предлагаются направления для улучшения работы правоохранительной системы.

Ключевые слова: киберпреступность; правоохранительные органы; дистанционные хищения; раскрываемость преступлений; цифровые доказательства

Sergey A. Shcherbishch
Student of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia, zidixyshxklendb@yandex.ru
Supervisor: A. N. Troitskii, Lecturer at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, SPIN-code: 6295-0627, https://orcid.org/0009-0000-0554-1365

CYBERCRIME AND PUBLIC SECURITY: PROBLEMS OF COUNTERACTION IN THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN THE CONTEXT OF SOCIAL TRANSFORMATION

Abstract. The article examines the problems of combating cybercrime in Russia. The reasons for the low detection rate of crimes in the field of information technology are analyzed: the use of anonymization tools by criminals, the

lack of specialists in law enforcement agencies, difficulties in obtaining evidence. Special attention is paid to the involvement of young people in criminal schemes. Directions for improving the work of the law enforcement system are proposed.

Keywords: cybercrime; law enforcement agencies; remote theft; crime detection rate; digital evidence

На сегодняшний день киберпреступность стала одной из главных угроз общественной безопасности в России. По официальным данным, в 2025 г. с использованием информационно-телекоммуникационных технологий было совершено более 675 тыс. преступлений – почти 40 % от общего числа зарегистрированных преступлений в стране [1]. При этом раскрываемость таких деяний остается крайне низкой, потерпевшие не получают возмещения ущерба. Преступники активно используют современные технологии: средства шифрования трафика, подменные номера, анонимные платежные системы, что позволяет им скрывать свои действия и избегать наказания [2].

В Красноярском крае в первом квартале 2026 г. раскрываемость киберпреступлений составила всего 25 %. Из почти 300 раскрытых преступлений до суда дошло только 143 дела, а ущерб от действий мошенников превысил 386 млн руб. [3]. В Новосибирской области раскрывается чуть больше трети преступлений, ущерб за три месяца составил около 500 млн руб., при этом доля дистанционных хищений возросла с 75 до 85 %. Технологии анонимизации создают серьёзные препятствия для расследования: правоохранительные органы не всегда могут получить доступ к информации, находящейся за границей, а международные запросы о правовой помощи в условиях санкций работают плохо или не работают вовсе [2].

Остро стоит проблема нехватки профильных специалистов. Раскрытие киберпреступлений требует знаний в области информационных технологий, понимания работы платежных систем, устройства криптовалют, порядка изъятия цифровых доказательств. Таких специалистов в органах внутренних дел недостаточно, а подготовка требует времени [4]. Цифровые доказательства легко уничтожить или изменить: преступник может удалить переписку, очистить историю браузера, уничтожить носитель информации. Для получения доказательств требуется проведение сложных технических экспертиз, которые доступны не во всех регионах [2].

Отдельную проблему представляет вовлечение молодёжи в преступные схемы в качестве дропперов – посредников, которые за регистрацию банковской карты на свое имя, снятие денег в банкомате или перевод на другой счет получают лёгкий заработок, часто не осознавая, что становятся соучастниками преступления. Прокуратура отмечает, что чаще всего в такие схемы попадают лица в возрасте 18–25 лет. В Новосибирской области в первом квартале 2026 г. подано 160 исков к таким лицам на общую сумму 59 млн руб. [3].

Государство разрабатывает мероприятия для противодействия киберпреступности. В январе 2026 г. Правительство Российской Федерации утвердило комплекс мер: создается федеральный оперативный штаб, запускается единая платформа для сбора и анализа данных о цифровых преступлениях, что должно ускорить обмен информацией между банками, операторами связи и правоохранительными органами [4; 5]. Планируется усилить ответственность операторов связи и банков за непринятие мер по предотвращению мошенничества, а операторов связи – штрафовать за заключение договоров с нарушением правил [4]. Профилактическая работа также приносит результаты: в Республике Бурятии за первый квартал 2026 г. сотрудники полиции провели около 3 тыс. встреч с населением, что позволило предотвратить ущерб на десятки миллионов рублей.

Необходимо дальнейшее развитие цифровой криминалистики. В 2026 г. вышел новый учебник по этой дисциплине [5], однако одних учебников недостаточно – требуется практическое обучение сотрудников и доступ к современному оборудованию. Важно наладить взаимодействие между ведомствами: информация между банками, операторами связи и полицией передаётся медленно, за это время преступник успевает обналичить деньги и скрыться. Создаваемая единая платформа может решить эту проблему при условии реального использования всеми участниками. Необходимо ужесточить наказание для дропперов: молодые люди должны понимать, что продажа банковской карты или перевод чужих денег является уголовным преступлением. Крайне значима системная профилактика: чем выше уровень информированности населения о схемах мошенников, тем меньше успешных атак. Особое внимание следует уделять пожилым людям и молодёжи как наиболее уязвимым категориям.

Киберпреступность представляет собой серьёзную угрозу общественной безопасности. Раскрываемость таких преступлений остается низкой по объективным причинам: использование технологий анонимизации, нехватка профильных специалистов, трудности с получением и закреплением доказательств. Государство принимает меры: создаются новые структуры, усиливается ответственность, ведется профилактическая работа. Однако для реального улучшения ситуации необходим комплексный подход, объединяющий подготовку кадров, налаживание межведомственного взаимодействия и системную работу с населением.

Список источников

1. Правительство ужесточает борьбу с дропперами: Мишустин дал поручения по кибербезопасности // ФедералПресс. 2026. 3 января. URL: https://fedpress.ru/news/77/society/3419399 (дата обращения: 15.04.2026).

2. Родивилина В. А., Коломинов В. В. Криминалистическая характеристика отдельных видов преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 21, № 1. С. 110–120.

3. Киберпреступность в Бурятии пошла на спад: раскрываемость выросла, а ущерб снизился // Московский комсомолец в Бурятии. 2026. 9 апреля. URL: https://ulan.mk.ru/social/2026/04/09/kiberprestupnost-v-buryatii-poshla-na-spad-raskryvaemost-vyrosla-a-ushherb-snizilsya.html (дата обращения: 15.04.2026).

4. Цифровая криминалистика : учебник для вузов / под ред. В. Б. Вехова, С. В. Зуева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2026. 485 с.

5. Четыре месяца переводила деньги мошенникам: красноярка потеряла 2,5 миллиона рублей // НГС24.ру. 2026. 15 марта. URL: https://ngs24.ru/text/criminal/2026/03/15/76312415/ (дата обращения: 15.04.2026).

УДК 343.98

***Карина Андреевна Юрьева*[1]**
***Денис Николаевич Маринкин*[2]**
[1] 1-й курс магистратуры, напр. «Юриспруденция», Филиал Российского государственного социального университета в г. Анапе Краснодарского края, Анапа, Россия, elisheva.1993@mail.ru
[2] Канд. юрид. наук, доцент, Филиал Российского государственного социального университета в г. Анапе Краснодарского края, Анапский филиал Московского педагогического государственного университета, Анапа, Россия, marinkindn@yandex.ru

ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о сущности и значимости почерковедческой экспертизы в современном криминалистическом исследовании документов. Затрагиваются исторические аспекты становления почерковедческой экспертизы. Освещаются стадии экспертизы, современные методы исследований, существующие возможности и ограничения. Обращается внимание на вопросы исследования почерка для идентификации личности, выявления подделок. Подчеркивается процессуальное значение почерковедческой экспертизы в раскрытии преступлений.

Ключевые слова: почерковедческая экспертиза; идентификация личности; подлинность документов; криминалистика; методы исследования

***Karina A. Yuryeva*[1]**
***Denis N. Marinkin*[2]**
[1] Master's student of the Anapa Branch of the Russian State Social University, Krasnodar Krai, Anapa, Russia, elisheva.1993@mail.ru
[2] Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Anapa Branch of the Russian State Social University, Krasnodar Krai, Anapa Branch of the Moscow State Pedagogical University, Anapa, Russia, marinkindn@yandex.ru

HANDWRITING EXAMINATION IN FORENSIC SCIENCE

Abstract. This article examines the importance and nature of handwriting examination in modern forensic document examination. It touches on the historical aspects of the development of handwriting examination. It covers the

stages of examination, modern research methods, and existing capabilities and limitations. It also focuses on the use of handwriting examination for personal identification and counterfeit detection. The procedural significance of handwriting examination in solving crimes is emphasized.
Keywords: handwriting examination; personal identification; document authenticity; forensics; research methods

Почерковедение представляет собой отдельную область криминалистического знания, направленную на установление свойств почерка и рукописных материалов, которая в эпоху цифровой трансформации сохраняет свою специфику и даже приобретает особую важность в условиях современных технологий фальсификации документов [1]. Исследование закономерностей почерка стало неотъемлемой частью системы уголовного судопроизводства, позволяя эффективно решать проблемы идентификации личности и подтверждения подлинности рукописных источников.

Первые шаги к пониманию и исследованию природы почерка закладывались ещё во времена Византийской империи, в период правления Юстиниана I. Положения римского права предписывали, чтобы юристы в первую очередь обращали внимание на форму написания символов речи, оценивая их в качестве доказательства подлинности. Значительные научные прорывы произошли в конце XIX в., когда французским криминалистом Альфонсом Бертильоном было разработано приметоописательное (сигналетическое) направление почерковедческой экспертизы. В 1897 г. он изложил результаты своих исследований в статье «Сравнение почерков и графическая идентификация».

Со временем было выделено четыре основных направления почерковедческой экспертизы: помимо уже упомянутого приметоописального (сигналетического), каллиграфическое, графометрическое, графологическое. В процессе становления и развития этих направлений отмечается уменьшение грубых экспертных ошибок в идентификации почерка личности. Например, положительное значение открытия графометрического метода нашло отражение в выявлении отдельных признаков почерка (разгон, размер, связность, расстановка, наклон и другие характеристики), которые до сих пор учитываются в почерковедческих исследованиях [2].

Методология современной почерковедческой экспертизы базируется на изучении различных характеристик почерка, которые в комплексе с другими экспертными исследованиями текста (лин-

гвистической, автороведческой экспертизами и т. д.) позволяют не только выявить индивидуальные черты письма отдельного человека, идентифицировать автора текста, но и составить психологический портрет личности [3; 4].

Процесс почерковедческой экспертизы состоит из нескольких этапов.

Предварительное исследование. Проверка наличия необходимого количества сравнительных образцов, оценка пригодности и условий производства рукописных следов.

Определение группы признаков, включающее оценку уровня автоматизации двигательных актов, общего вида начертания символов, формы движения и расположения отдельных элементов.

Детальное исследование индивидуальных признаков, характеризующих манеру написания отдельных букв, цифр, специфику связывания элементов, нажима и углов наклона.

Формулирование вывода. Сравнение полученных признаков с эталонными образцами, постановка итогового решения относительно авторства рукописного материала [2].

В зависимости от объекта исследования в настоящее время различают такие виды почерковедческих экспертиз, как почерковедческая экспертиза подписи, почерковедческая экспертиза краткого текста, записи, почерковедческая экспертиза рукописного текста среднего и большого объёмов.

Для проведения экспертизы рукописного текста выполняется сравнительный анализ образцов почерка одного и того же человека. Выявляются общие и частные признаки почерка, обращается внимание на наклон, размер, особенности движения. Экспертизы отсканированных текстов обязательно проводятся по оригиналам документов или копиям хорошего качества.

Подписи или тексты, выполненные специально искажённым почерком, эксперты определяют довольно быстро и просто, так как у каждого человека имеется свой характер и особенность написания буквенных символов. Подделанный почерк в таком случае определяется по неуверенному начертанию и разными чертами искажения в буквах и символах. Эксперты могут идентифицировать почерк, даже если человек находился под давлением или в стрессе [5].

Почерковедческая экспертиза необходима для сбора доказательств по уголовным делам, например, дела о мошенничестве, о подделке документов и мн. др., а также в гражданско-

правовой сфере (при проверке подписей договоров купли-продажи, кредитных договоров, по другим финансовым обязательствам, в вопросах с ценными бумагами, нотариально удостоверенными сделками, в том числе о наследстве). Эксперты, владеющие специальными навыками и знаниями, тщательно рассматривают участки документов, имеющиеся в них пометки, идентифицируют подписи. Применение специальных технических методов (обработка графических образов, цифровое увеличение фрагментов, применение других специализированных компьютерных программ) значительно повышает точность анализа почерка.

Таким образом, практическое значение почерковедческой экспертизы проявляется в уголовном производстве, гражданских спорах, административных расследованиях, обеспечивая надёжную доказательную базу для принятия решения суда.

Вместе с тем нельзя игнорировать и существующие трудности, ограничения в проведении почерковедческой экспертизы. К ним можно отнести утрату оригинала документа, с которым необходимо провести ряд исследований и сравнить документ, в отношении которого проводится экспертиза. Полная утрата оригинала документа или его копии хорошего качества делает процедуру проведения экспертизы невозможной.

Также без достоверных образцов почерка и подписи проверяемого лица невозможно провести полноценную почерковедческую экспертизу для выявления идентификации личности. Для этого требуется достаточное количество образцов, которые подразделяются на три группы: свободные образцы, условно-свободные образцы, экспериментальные образцы.

Свободные образцы почерка в исследовании ценны тем, что созданы без корыстного умысла исказить почерк, сюда можно отнести такие документы, как заявление о приёме на работу, анкеты, письма. Условно-свободные образцы почерка выполняются лицом на стадии расследуемого события, но не специально для почерковедческой экспертизы. К таким образцам можно отнести ходатайства, объяснения, жалобы. Ценность данных образцов состоит в том, что им свойственна естественность почерка лица, так как отсутствует психологическое давление, желание имитировать или заменить свой привычный почерк.

Однако экспериментальные образцы почерка как раз получаются для проведения почерковедческой экспертизы, на стадии расследования и возбуждения производства по делу, в качестве доказательства и идентификации личности. Эксперимент для получения образца почерка производится для сравнения с ним спорного документа и анализа. Такой образец, как правило, выполняется на нескольких листах, написанных в привычном режиме, с разной скоростью.

Наличие всех трех видов образцов почерка значительно помогает собрать достаточное количество доказательств для принятия решения и расследования спорного дела. Однако отсутствие этих образцов почерка существенно затрудняет проведение экспертизы и является серьезным препятствием [6].

Нельзя также оставить без внимания важную в настоящее время проблему подлинности электронных документов. Большинство компаний и организаций, как частных, так и государственных, переходят на электронный документооборот, что облегчает работу и поиск необходимой информации. Развитие цифровых технологий ставит перед экспертами новые задачи исследования, поскольку электронные документы становятся объектом подделки и требуют особого подхода к установлению подлинности. Во многих случаях такие документы требуют уже компьютерно-технической экспертизы. С расширением сферы электронного документооборота в почерковедческой экспертизе акцент смещается на идентификацию рукописной подписи – в ряде сфер она остается актуальной и востребованной [7].

Будущие направления развития цифровизации в области почерковедческой экспертизы включают внедрение автоматизированных комплексов распознавания и верификации почерка, создание национальных баз данных и дальнейшее совершенствование законодательной регламентации порядка проведения экспертизы.

В заключение отметим, что почерковедческая экспертиза остаётся незаменимым инструментом криминалистического познания, способствующим эффективному раскрытию преступлений, обеспечению справедливого решения в судебном процессе, защите законных интересов граждан. Обладая значительным потенциалом развития, данное направление продолжает оставаться актуальной темой научного обсуждения и практической деятельности.

Список источников

1. Тюнис И. О., Анисимова А. М. Искусственный интеллект и цифровые технологии в криминалистике // Закон и право. 2025. № 3. С. 246–251.

2. Серегина В. В. Почерковедение и почерковедческая экспертиза : курс лекций. СПб., 2015. 229 с.

3. Трофимова Н. А., Савенкова С. А. Определение характера по рукописи: лингвистические и графологические маркеры в построении лингвопсихологического портрета личности // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2025. № 4. С. 5–16.

4. Маринкин Д. Н. Судебно-автороведческие экспертизы в расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 535–539.

5. Почерковедение и почерковедческая экспертиза: подготовка к промежуточной аттестации : учеб. пособие / Т. И. Исматова, С. В. Симонова, К. А. Новакова и др. Ч. 2. Волгоград: ВА МВД России, 2024. 76 с.

6. Богданов Р. В. Получение образцов для сравнительного исследования как средство, обеспечивающее эффективность почерковедческой экспертизы // Закон и право. 2025. № 11. С. 148–152.

7. Школянок А. И., Лапина В. М. Судебное почерковедение в условиях цифровизации документооборота: трансформация объектов // Актуальные проблемы науки и практики. 2025. № 4 (42). С. 115–119.

2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ, РЕГИОНА, ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

УДК 336.7

Мария Алексеевна Акимова
2-й курс, напр. «Экономика», Муромский институт (филиал)
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича
Столетовых, Муром, Россия, Mari-akimova06@mail.ru
Научный руководитель: А. В. Свистунов, канд. экон. наук, доцент
кафедры экономики, туризма и массовых коммуникаций,
SPIN-код: 4974-1345

ПРОБЛЕМА НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ ССУДНОГО ПРОЦЕНТА НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ И РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема использования ссудного процента в финансовых отношениях. Процент приводит к сжиманию экономического кругооборота между фирмами и домашними хозяйствами, вынуждая работать на погашение увеличенного долга. Внедрение эксперимента по халяльному финансированию формирует основу для развития беспроцентной финансовой модели с главными преимуществами – отказ от процента, разделение рисков и ориентация на социальную справедливость.

Ключевые слова: процент; домашние хозяйства; фирмы; банки; кредит; эмиссия; экономический кругооборот

Maria A. Akimova
Student of the Murom Branch of the Vladimir State University
named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov,
Murom, Russia, Mari-akimova06@mail.ru
Supervisor: A. V. Svistunov, Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor at the Department of Economics,
Tourism and Mass Communications, SPIN-code: 4974-1345

THE PROBLEM OF THE NEGATIVE IMPACT OF INTEREST ON THE FUNCTIONING OF THE FINANCIAL SYSTEM AND THE DEVELOPMENT OF THE MODERN ECONOMY

Abstract. This article examines the problem of using interest in financial relations. Interest leads to the contraction of the economic cycle between firms and households, forcing them to work on repaying the increased debt. The introduction of the halal financing experiment forms the basis for the development of an interest-free financial model with the main advantages of avoiding interest, sharing risks, and focusing on social justice.

Keywords: interest; households; firms; banks; credit; emission; economic cycle

В гармонично развитой финансовой системе домашние хозяйства предоставляют производителям факторы производства. В свою очередь, производители создают блага и реализуют их домашним хозяйствам. Государство взимает налоги с участников денежного обращения и обеспечивает тем самым экономическую деятельность.

В финансовой системе банковский сектор призван осуществлять обслуживание денежного обращения. При этом использование банками ссудного процента в соответствии с федеральным законом «О банках и банковской деятельности» оказывает негативное влияние не только на функционирование самой финансовой системы, но и на развитие современной экономики страны.

Домашним хозяйствам и производителям часто не хватает ликвидности для текущих расходов или развития, они вынуждены брать кредиты с высокой процентной ставкой, попадая в долговую зависимость. В результате фирмы-производители вынуждены расширять производство – быстрее добывать сырье, наращивать выпуск товаров, использовать больше природных ресурсов.

Домохозяйства берут потребительские и ипотечные кредиты для приобретения жилья, автомобиля, бытовой техники или просто для поддержания привычного уровня жизни, но затем возникает необходимость больше и больше работать для возврата кредитов с процентами.

Под давлением процента экономические агенты с каждым разом ускоряют движение денежного потока в кругообороте, это приводит к большим затратам ресурсов и, следовательно, увеличению отходов, что создает дополнительную нагрузку на окружающую среду.

Банковский сектор не ограничивается выдачей кредитов и взиманием процентов. Банки аккумулируют сбережения фирм и домашних хозяйств, выплачивая процент по депозитам, величина которого оказывается менее значительной по отношению к ссудному проценту, что дополнительно способствует отвлечению денежных средств из экономического кругооборота.

При этом большая часть процентов, которые получают банки, практически не возвращается в кругооборот. Этот капитал уходит на собственные коммерческие интересы банковского сектора в другие – более доходные – сферы, которые редко несут пользу для общества. Чтобы компенсировать утечку финансовых ресурсов и не допустить кризиса, государство запускает эмиссию новых денег. Однако денежные средства снова оседают в банках и трансформируются в новые ссудные проценты, порождая замкнутый круг.

В современной денежной системе заложено структурное противоречие: кредитование осуществляется под ссудный процент, однако денежная масса, необходимая для его выплаты, при первичной эмиссии не создается.

В результате сектора экономики работают в основном не для создания благ, а для обслуживания собственных долгов. Фирмы-производители и домашние хозяйства начинают работать по принципу: произвел продукт, получил выручку с производства (у домохозяйства заработанная плата) и направил её на погашение банковского кредита и ссудного процента.

Единственные, кто выигрывает в такой финансовой модели, – сами банки. Они гарантированно получают прибыль, вне зависимости от эффективности хозяйственной деятельности реального сектора. Даже если физические лица или предприятия оказываются в затруднительном положении и неспособны погасить долги, банк изымает и продаёт залог (недвижимость, транспортное средство, драгоценности) или получает компенсацию от поручителя либо за счет штрафов и начисленных пеней по платежу.

Таким образом, система ссудного процента заставляет экономику работать на долги, а не на развитие. Домашние хозяйства и фирмы-производители берут слишком много кредитов и не могут их отдать, цены постоянно растут, а сбережения теряют ценность. Требуется постоянная эмиссия, которая лишь разгоняет инфляцию и ослабляет хозяйственную деятельность.

С 2023 г. в России в рамках эксперимента внедряется система так называемого халяльного финансирования. Этот проект охватывает четыре региона: Дагестан, Чеченская Республика, Башкортостан и Татарстан [1]. Целью является тестирование беспроцентных инструментов и оценка воздействия на экономику.

Халяльная (беспроцентная) система отрицает классические банковские инструменты, в частности кредиты под проценты. Вместо них предполагаются другие формы: рассрочка, лизинг, долевое финансирование.

Как следует из таблицы, процент способствует усилению неравенства, ускорению денежного обращения в финансовой системе, что приводит к ослаблению экономических агентов из-за вынужденного расширения их деятельности. В свою очередь, беспроцентная система предотвращает рост долговой нагрузки и спекуляций, а доход формируется за счёт разделения прибыли и рисков. Беспроцентная система позволяет тщательно рассматривать проекты для финансирования. Денежные средства направляются на наращивание производственных мощностей, а не на обеспечение интересов банков для получения высокой прибыли.

Сравнение процентной и халяльной систем финансирования

Критерии	Процентная система	Халяльная система
Доход кредитора	Полученный процент от выданного долга	Формируется через долю в прибыли
Механизм перераспределения рисков	Риск несёт заёмщик	Риск разделяется. В партнёрских контрактах убытки делятся пропорционально долям капитала
Социальные и этические нормы	Отсутствуют	Запрещено финансирование всего, что противоречит шариату: алкоголь, азартные игры, оружие и т. д.
Реакция на кризис	Государство производит эмиссию, тем самым увеличивая инфляцию	Если кризис заключается в спаде производства, исламская система страдает, потому что её доход привязан к реальной экономике

Критерии	Процентная система	Халяльная система
Связь с реальной экономикой	Деньги остаются внутри финансового сектора. Реальный сектор получает лишь малую долю денег	Денежные средства привязаны к реальному активу – товару, услуге, аренде, доле в бизнесе
Эффективность распределения капитала	Капитал уходит туда, где выше доходность, а не в социально важные отрасли	Требуется отбор проектов, которые соответствуют нормам

Примечание: составлено автором на основе [2].

Русская православная церковь на протяжении десятилетий пытается сформировать беспроцентную финансовую модель в нашей стране. Такая система предполагает главный принцип – отказ от ростовщичества, то есть от ссудного процента, – и исключает инвестирование в сферы, которые причиняют вред человеку и обществу. Предлагается создавать банки для «бедных», что позволит выдавать доступные кредиты для малообеспеченного населения. Однако пока попытки создания такой финансовой системы не нашли одобрений со стороны государства и Центрального банка (далее – ЦБ) [3].

Главным сдерживающим фактором развития беспроцентной финансовой системы является проводимая ЦБ монетарная политика на основе высоких процентных ставок, способствующих проявлению финансовых спекуляций. Высокий ссудный процент, направленный на сдерживание инфляции в краткосрочном периоде за счёт сдерживания спроса, в дальнейшем способствует ещё большему росту цен за счёт включения в них этого высокого ссудного процента. Академик С. Ю. Глазьев неоднократно указывал, что когда ЦБ РФ увеличивает процентные ставки, он создаёт ситуацию нарушения моральных норм, а не экономический рост [4].

Отказ от процента предполагает переход к долевому финансированию, где доход зависит от эффективности реального сектора. Это приведёт к тому, что финансовые потоки перестанут постоянно отвлекаться из оборота, а уровень инфляции снизится до положен-

ных для нормального развития значений. Государству необходимо выстраивать такую финансовую систему, которая направлена на создание благ и развитие экономики, а не на долговое финансирование.

Список источников

1. Курносёнкова Д. Исламский банкинг в России: в чем суть партнерского финансирования// РосБизнесКонсалтинг : сайт. URL: https://www.rbc.ru/quote/news/article/64d61d2a9a7947eb00acb24b (дата обращения 16.04.2026)

2. Аюпов А. А., Булатова Э. И., Сахбиева А. И. Исламский банкинг. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2025. 84 с. URL: https://kpfu.ru/staff_files/F_964339692/Sakhbieva_A.I.___Islamskij_banking__elek._versiya_.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

3. Трухачев Е. Проценты выше всего. Почему «религиозный» банкинг не приживается в России // Федерал Пресс : сайт. URL: https://fedpress.ru/article/2099231 (дата обращения: 19.04.2026).

4. Фонды православных предпринимателей и Этическая Финансовая Система долевого финансирования развития (ЭФС) // «Клуб Проектного Процесса» : сайт. URL: https://projectclub.ru/EFS/FPP-book-1.2.pdf (дата обращения: 22.04.2026).

УДК 37.014

Татьяна Алексеевна Вагнер
3-й курс, напр. «Государственное и муниципальное управление», Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Пермь, Россия, t.yushkova2017@yandex.ru
Научный руководитель: А. А. Кальсина, канд. ист. наук, доцент факультета государственного и муниципального управления и национальной экономики

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу реализации социальной политики в сфере образования как важного фактора национальной безопасности Российской Федерации, а также выявлению некоторых ограничений, с которыми сфера образования сталкивается на современном этапе. Также рассмотрены проблемы сферы образования и даны рекомендации в контексте их решения.

Ключевые слова: социальная политика; сфера образования в РФ; проблемы социальной политики; государственная программа

Tatiana A. Vagner
Student of the Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Perm, Russia, t.yushkova2017@yandex.ru
Supervisor: A. A. Kalsina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of State and Municipal Administration and National Economy

IMPLEMENTATION OF SOCIAL POLICY IN THE FIELD OF EDUCATION AS A FACTOR IN ENSURING NATIONAL SECURITY

Abstract. This article analyzes the implementation of social policy in the field of education as an important factor in the national security of the Russian Federation, as well as identifying some of the limitations that the education sector faces at the current stage. The article also presents the problems of the education sector and provides some recommendations for solving these problems.

Keywords: social policy; education sector in the Russian Federation; social policy issues; state program

Образование, как сфера социальной политики государства, занимает особое место в системе национальной безопасности любой страны. Для Российской Федерации этот тезис приобретает дополнительную значимость в контексте современных геополитических вызовов и необходимости обеспечения технологического, экономического и культурного суверенитета.

Социальная политика в Российской Федерации в сфере образования – это деятельность государства, которая направлена на создание условий для функционирования и развития системы образования, обеспечение доступности и качества образования. Образование представляет собой самостоятельное направление социальной политики, так как выступает в роли общественного блага, порядок получения которого установлен публичными институтами и общественными организациями.

Социальная политика в сфере образования регулируется комплексом нормативно-правовых актов разного уровня, направленных на обеспечение доступности качественного образования для всех категорий населения. Так, Конституция Российской Федерации как Основной закон государства устанавливает право каждого гражданина на образование и определяет принципы организации образовательной системы. Статья 43 Конституции гарантирует общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных образовательных учреждениях[1]. Федеральный закон № 273 «Об образовании в Российской Федерации» определяет цели, задачи, принципы и формы реализации права на образование, устанавливает требования к образовательным программам и учреждениям, а также регулирует порядок лицензирования и аккредитации образовательных организаций[2].

Рассматривая региональные рамки социальной политики в сфере образования, отметим, что, например, в Пермском крае существует закон № 10-ПК «О мерах социальной поддержки обучающих-

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 19.11.2025).

[2] Об образовании в Российской Федерации : федер. закон № 273-ФЗ : ред. от 08.08.2024 : с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 14.04.2026).

ся и воспитанников учреждений начального и среднего профессионального образования», который закрепляет дополнительные социальные гарантии для студентов, обучающихся в профессиональных заведениях, включая бесплатное обучение, проживание в общежитиях и социальную помощь.

Целями социальной политики в сфере образования Российской Федерации являются: воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов России, исторических и национально-культурных традиций; обеспечение общедоступного и качественного образования, в том числе за счёт создания новых и дополнительных мест в общеобразовательных и дошкольных образовательных организациях; формирование эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодёжи, основанной на принципах справедливости, всеобщности и направленной на самоопределение и профессиональную ориентацию всех обучающихся, а также другие цели.

Одним из направлений социальной политики в сфере образования нашей страны является доступность образования. Она важна на всех уровнях российской системы образования: дошкольном, общем, профессиональном и высшем. Развитие доступности дошкольного образования направлено на повышение качества услуг и создание условий для всестороннего развития ребёнка. Оно осуществляется посредством создания новых мест: реализация программы строительства новых дошкольных учреждений и расширения действующих детских садов позволяет обеспечивать доступность для всех нуждающихся семей, особенно в крупных городах и регионах с высоким уровнем рождаемости. По словам секретаря Генерального совета партии «Единая Россия» Владимира Якушева, в России с 2019 по 2025 г. построено 1693 детских сада, которые смогут посещать более 248 тыс. детей [1].

Для развития доступности общего образования в России государством принимаются меры по обеспечению равного доступа к качественному общему образованию независимо от места проживания и социального статуса семьи. Полным ходом идёт строительство новых школ: открытие образовательных учреждений в районах интенсивного жилищного строительства решает проблему нехватки мест в школах. По данным Министерства просвещения Российской Федерации, лидерами по темпам строительства школ в

2024 г. являлись Москва, Подмосковье, Санкт-Петербург, Республики Татарстан, Дагестан и Чеченская Республика, а также Саратовская, Нижегородская области, Краснодарский и Пермский край. По данным на январь 2026 г., в рамках Народной программы «Единой России» с 2019 г. в России построено 1714 новых школ на более чем 1 млн мест [2].

Среднее профессиональное образование играет важную роль в подготовке квалифицированных кадров для экономики регионов и страны в целом. Для повышения уровня подготовки будущих специалистов расширяются программы среднего профессионального образования, тем самым вводятся новые специальности и профили обучения, которые соответствуют требованиям рынка труда. По статистике Министерства просвещения Российской Федерации, в 2024 г. на программы среднего профессионального образования были приняты 1,264 млн человек, что на 200 тыс. человек больше, чем в 2022 г. [3].

В системе высшего образования России существует тенденция привлечения талантливых молодых учёных, показавших успехи в исследовательской деятельности. На текущий учебный год (2025–2026 гг.) Министерство науки и высшего образования Российской Федерации утвердило 592 017 бюджетных мест, бóльшую часть из которых выделили на медицинские специальности и IT, меньше всего – на психологические науки и экономику. На будущий учебный год (2026–2027 гг.) запланировано 620,5 тыс. бюджетных мест, в числе которых 371 тыс. мест будет на технических, инженерных, медицинских, естественно-научных специальностях, гуманитарные и творческие специальности значительно сократят [4].

Российская Федерация сталкивается с рядом серьёзных проблем в реализации социальной политики в сфере образования, которые препятствуют достижению целей повышения качества и доступности образовательных услуг. Основными проблемами являются, например, неравенство в доступе к качественному образованию. Неравномерность распределения образовательных ресурсов создаёт ситуацию, когда дети из менее благополучных районов и малых населённых пунктов лишены возможности получать качественное образование. Устаревшая инфраструктура сельских школ, недостаток квалифицированных кадров, отсутствие высокотехнологичных решений формируют ещё более существенный разрыв между городскими и сельскими районами. Для решения проблемы необхо-

димо усиливать меры по поддержке сельских школ, вводить программы обмена опытом между столичными и региональными учебными заведениями, осуществлять программы наставничества для молодых педагогов.

Следующая проблема – кадровая. По информации на март 2025 г., дефицит учителей в России достиг почти 600 тыс. человек. Согласно данным Министерства просвещения РФ, в школах страны по штату 1 636 тыс. ставок, но их закрывают лишь 1 047 тыс. учителей. Больше всего не хватает учителей начальных классов – более 100 тыс., учителей русского языка и литературы – почти 80 тыс., математики – более 70 тыс. Дефицит учителей наблюдается абсолютно по всем предметам, он составляет не менее 50 % [5].

Также важной проблемой является снижение качества преподавания – конкуренция на рынке труда заставляет лучших профессионалов искать работу в других сферах. Для решения требуется совершенствование системы материального стимулирования учителей, постоянное повышение квалификации педагогов, усиление общественного внимания к проблемам педагогических работников со стороны Министерства просвещения РФ.

Отметим высокую нагрузку на учащихся, преподавателей и перегруженность программ как ещё одну проблему в системе образования. Всё это ведёт к повышенной тревожности и ухудшению психоэмоционального состояния у всех участников образовательного процесса. Также, по данным опроса Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, 40 % российских учителей не заметили снижения бюрократической нагрузки после принятия в 2022 г. закона об ограничении отчётности, а 7 % отметили её рост. Для решения данного вопроса необходимо включить, например, обязательные элементы психологической разгрузки и отдыха для обучающихся и преподавателей [6].

Чтобы сделать российское образование более доступным, эффективным и отвечающим современным реалиям, нужны системные преобразования. Они должны охватывать реформирование финансирования, повышение качества кадрового состава, цифровизацию и ориентацию образовательных программ на запросы рынка труда.

Сфера образования сегодня имеет стратегическое значение для национальной безопасности Российской Федерации, где обучающиеся – это основа будущего человеческого капитала страны. Ре-

формирование системы образования выступает критически важным фактором, от которого зависит характер воспроизводства российского социума и вектор развития государства на долгосрочную перспективу.

Список источников

1. Максименко Е. М. Якушев: При поддержке ЕР построили 1714 школ // Российская газета : сайт. URL: https://rg.ru/2026/01/29/iakushev-edinaia-rossiia-uluchshaet-dostupnost-detsadov-i-kachestvo-shkol.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 12.04.2026).

2. Гень М. С. По Народной программе «Единой России» за шесть лет построили 1714 школ и 1693 детских сада Читайте на WWW.KP.RU: https://www.kp.ru/daily/27755/5202973/ // Комсомольская правда : сайт. URL: https://www.kp.ru/daily/27755/5202973/ (дата обращения: 12.04.2026).

3. Димин В. В. Рабочая схема: почему все больше людей выбирают СПО // РБК : сайт. URL: https://trends.rbc.ru/trends/education/692f54769a79479deec9e868 (дата обращения: 12.04.2026).

4. Розанова А. В. Минобрнауки определило число бюджетных мест в вузах на 2026 учебный год // РБК Life : сайт. URL: https://www.rbc.ru/life/news/69045a719a7947cf8cc16a30 (дата обращения: 12.04.2026).

5. Чернышёв Е. В. Дефицит учителей достиг почти 600 тыс. // Накануне.ru : сайт. URL: https://www.nakanune.ru/news/2025/03/11/22810873/ (дата обращения: 12.04.2026).

6. Около 40 % учителей в России не почувствовали снижения бюрократической нагрузки после принятия закона об ограничении: опрос // Мел : сайт. URL: https://mel.fm/novosti/2741059-okolo-40-uchiteley-v-rossii-ne-pochuvstvovali-snizheniya-byurokraticheskoy-nagruzki-posle-prinyatiya (дата обращения: 12.04.2026).

УДК 336.645:334.722.24

Рената Александровна Геранина
4-й курс, напр. «Экономика», Муромский институт (филиал)
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича
Столетовых, Муром, Россия, geranina.renata.2018@gmail.com
Научный руководитель: А. В. Свистунов, канд. экон. наук, доцент
кафедры экономики, туризма и массовых коммуникаций,
SPIN-код: 4974-1345

ПАРТНЕРСКОЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Аннотация. В статье рассматривается проблема обеспечения экономической безопасности небольших производственных предприятий в условиях технологического отставания и зависимости от крупного заказчика. Анализируются недостатки традиционных источников финансирования. Предлагается механизм партнёрского инвестирования, подразумевающий осуществление крупным заказчиком беспроцентного целевого транша производителю-поставщику и возврата инвестиций за счёт экономии на закупках. Расчёты на примере конкретного проекта для небольшого предприятия подтверждают эффективность функционирования механизма.

Ключевые слова: экономическая безопасность; технологическое отставание; партнерское инвестирование; цифровая трансформация; геополитические риски; импортозамещение

Renata A. Geranina
Student of the Murom Institute (Branch) of the Vladimir State University
named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov,
Murom, Russia, geranina.renata.2018@gmail.com
Ssupervisor: A. V. Svistunov, Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor at the Department of Economics, Tourism,
and Mass Communications, SPIN-code: 4974-1345

PARTNERSHIP INVESTMENT AS A TOOL FOR ENSURING THE ECONOMIC SECURITY OF INDUSTRIAL ENTERPRISES IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL AND DIGITAL TRANSFORMATIONS

Abstract. This article examines the problem of ensuring the economic security of small manufacturing enterprises facing technological lag and dependence on a large customer. The shortcomings of traditional financing sources are analyzed. A partnership investment mechanism is proposed, involving a large customer making an interest-free targeted tranche to the manufacturer-supplier and recouping the investment through savings on procurement. Results: Calculations based on a specific project for a small enterprise confirm the effectiveness of this mechanism.

Keywords: economic security; technological lag; partner investment; digital transformation; geopolitical risks; import substitution

Геополитические и цифровые трансформации создают новые вызовы для экономической безопасности на всех уровнях – от национального до уровня отдельного предприятия [1]. Санкционное давление, нарушение логистических цепочек, уход зарубежных поставщиков и необходимость цифровизации требуют от российских промышленных предприятий ускоренной модернизации. Однако наиболее уязвимыми оказываются небольшие производственные предприятия – ключевые поставщики крупных корпораций. Их технологическое отставание, высокий износ основных фондов и хронический дефицит инвестиционных ресурсов создают угрозы устойчивости всей цепочки создания стоимости [2].

Экономическая безопасность на уровне страны подрывается высокой зависимостью от импорта оборудования и комплектующих (в машиностроении – до 75 %), низкой производительностью труда (в разы ниже, чем в развитых странах) и крайне низкой долей современного оборудования с ЧПУ [3]. На уровне региона монопрофильные территории и малые города, где градообразующими являются небольшие промышленные предприятия, сталкиваются с риском закрытия производств, роста безработицы и социальной напряжённости. На уровне предприятия износ активной части основных фондов достигает 50–60 %, себестоимость продукции значительно превышает конкурентную, доля брака остаётся высокой. Зависимость от одного-двух крупных заказчиков при задержках

оплаты лишает предприятие средств на развитие. Банковские кредиты недоступны из-за высоких ставок (16–21 %) и требований залога (100–150 %), государственные программы (Фонд развития промышленности) требуют софинансирования не менее 20 %, банковской гарантии и длительных процедур [1]. Корпоративные программы «выращивания» поставщиков оказывают инфраструктурную поддержку, но не включают прямого финансирования оборудования. Партнёрское финансирование предлагает принципы разделения рисков и беспроцентности, однако его применение в промышленности пока ограничено [4]. Формируется «инвестиционная ловушка»: для модернизации нужны деньги, но, чтобы получить их, нужно уже быть модернизированным.

Цифровая трансформация требует внедрения оборудования с ЧПУ, роботизированных комплексов и систем автоматизированного проектирования. Технологическое отставание становится непреодолимым барьером для интеграции в цифровые экосистемы заказчиков и участия в электронных торгах. Геополитические трансформации делают критически важным импортозамещение, которое невозможно без модернизации собственных мощностей. Таким образом, цифровые и геополитические вызовы требуют безотлагательного решения проблемы технологического отставания [5].

Предлагаемый механизм партнёрского инвестирования базируется на переносе источника возврата инвестиций с прибыли предприятия на экономию его стратегического заказчика. Ключевая идея – превратить основного неплательщика (заказчика, хронически задерживающего оплату) в заинтересованного инвестора. Механизм строится на пяти принципах: привлечение крупным заказчиком финансирования под 5–7 % вместо 16–21 %, беспроцентное целевое финансирование поставщика, возврат из экономии заказчика (разница между старой и новой ценой контракта), разделение рисков (финансовые – у заказчика, производственные – у поставщика, регуляторные – у государства), долгосрочное контрактное закрепление цены на уровне новой себестоимости. Поставщик после модернизации «инвестирует» в заказчика в виде снижения цены и повышения качества – это долевое партнёрство, а не долговое финансирование. Государство, предоставляя налоговые льготы, гарантии и ускоренную амортизацию, способствует ускорению срока окупаемости.

Апробация механизма проведена на примере АО «МРМЗ» – типичного небольшего машиностроительного предприятия, поставляющего продукцию для АО «РЖД». При годовом объёме отгрузки 80 млн руб. и износе оборудования 56 % предложена комплексная модернизация одного цеха с внедрением лазерной резки, сварки и ультразвуковой очистки. Инвестиции – 50 млн руб. Расчётное снижение себестоимости – 13,83 млн руб./год, новая себестоимость – 94,97 млн руб., консервативная экономия заказчика – 25,6 млн руб./год, дополнительная прибыль поставщика после окупаемости – 7,68 млн руб./год. При ставке дисконтирования 12 % показатели эффективности следующие: NPV = 11,49 млн руб., IRR = 25,2%, PI = 1,23, PP = 1,95 года, DPP = 2,37 года. Анализ чувствительности по трём сценариям подтверждает устойчивость проекта.

Предлагаемый механизм укрепляет экономическую безопасность на всех уровнях. На уровне предприятия – доступ к финансированию без залога и процентов, снижение долговой нагрузки, технологическое обновление, рост конкурентоспособности. На уровне региона – сохранение рабочих мест, рост налоговых поступлений (до 3,4–3,7 млн руб./год), развитие промышленной кооперации. На уровне страны – импортозамещение, снижение зависимости от иностранного оборудования, технологический суверенитет. Цифровой аспект: модернизация на базе лазерных и ультразвуковых технологий с ЧПУ создаёт основу для цифровой трансформации производства – интеграции в цифровые экосистемы, использования систем автоматизированного проектирования и управления качеством [5].

Таким образом, геополитические и цифровые трансформации обостряют проблему технологического отставания небольших предприятий, создавая угрозы экономической безопасности. Традиционные механизмы финансирования недоступны, тем самым формируется «инвестиционная ловушка». Предлагаемый механизм партнёрского инвестирования позволяет её преодолеть, превращая проблемную зависимость от заказчика во взаимовыгодное партнёрство. Механизм не требует от поставщика ни залога, ни софинансирования, ни высокой рентабельности. Он может быть тиражирован на отрасли с устойчивыми кооперационными связями – нефтегазовое машиностроение, авиастроение, судостроение, оборонно-промышленный комплекс, автомобилестроение. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку типовых ре-

шений по структурированию партнёрских инвестиционных проектов и адаптацию инструментов партнёрского финансирования к российскому законодательству.

Список источников

1. Полянская С. Г., Баранов Ю. В. Экономическая оценка инвестиций : учеб. пособие. Омск : ОмГТУ, 2023. 152 с.

2. Савицкая Г. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия : учебник. 2-е изд., испр. Минск : Новое знание, 2002. 704 с.

3. Инвестиции в основной капитал в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/investment (дата обращения: 18.04.2026).

4. Анализ исламского инвестиционного механизма «Мударaба» / Е. А. Разумовская и др. // Индустриальная экономика. 2021. Т. 1, № 5. С. 6–13.

5. Никулина Е. Ю., Стрельцов А. В., Яковлев Г. И. Инвестиционное обоснование модернизации предприятий промышленности // Организатор производства. 2020. Т. 28, № 1. С. 46–55.

УДК 330.1

Максим Олегович Гимгин
2-й курс, напр. «Юриспруденция», Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Пермь, Россия, maks.gimgin.06@bk.ru
Научный руководитель: О. А. Крайнова, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу влияния процессов цифровизации на социальную безопасность личности и общества. Рассматривается взаимосвязь изменений в правовом регулировании, экономических трансформаций и их психологических последствий для индивида в условиях цифровизации. Выявляется специфика влияния цифровых трансформаций на социальную безопасность личности и общества, определяются ключевые факторы риска и механизмы их нейтрализации. Анализируется взаимосвязь изменений в правовом регулировании, экономических трансформаций и их психологических последствий для индивида.

Ключевые слова: цифровизация; социальная безопасность; цифровое право; цифровая экономика; психологическая безопасность; цифровое неравенство; кибербезопасность

Maxim O. Gimgin
Student of the Perm Institute of the Federal Penal Service of Russia, Perm, Russia, maks.gimgin.06@bk.ru
Supervisor: O. A. Krainova, Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics

DIGITALIZATION AS A FACTOR OF ENSURING SOCIAL SECURITY

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the impact of digitalization processes on the social security of individuals and society. The article examines the relationship between changes in legal regulation, economic transformations, and their psychological consequences for individuals in the context of digitalization. The goal is to identify the specific impact of digital

transformations on the social security of individuals and society, and to identify key risk factors and mechanisms for their neutralization. The article examines the relationship between changes in legal regulation, economic transformations, and their psychological consequences for individuals.
Keywords: digitalization; social security; digital rights; digital economy; psychological security; digital adaptation; social protection

Стремительное развитие цифровых технологий трансформирует все сферы общественной жизни, порождая новые вызовы для социальной безопасности личности, общества и государства. С позиции широкого толкования цифровая экономика представляет собой цифровую трансформацию всех сфер жизнедеятельности общества и государства, главным образом связанную с внедрением в оборот инновационных информационных технологий, новых средств связи, цифровой инфраструктуры и модернизированных механизмов управления цифровыми объектами [1]. Цифровизация выступает одновременно и фактором прогресса, и источником рисков: с одной стороны, она обеспечивает доступ к образованию, медицинским услугам и государственным сервисам, с другой – создаёт угрозы нарушения прав личности, социального неравенства и психологической дезадаптации. В условиях реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и принятия Концепции развития цифровой экономики [2] особую значимость приобретает комплексное исследование правовых, экономических и психологических измерений социальной безопасности в цифровом пространстве. Следовательно, цифровизация представляет собой двойственный феномен, требующий системного подхода к обеспечению социальной безопасности на стыке правовых, экономических и психологических дисциплин.

Как отмечается в экономической теории, главную роль в социально-экономических отношениях такого типа играют традиции и обычаи, которые необходимо защищать от каких-либо изменений, в том числе прогрессивных. Ценностью при таком жизненном укладе являются стабильность, устойчивость, почитание заповедей предков. Именно от традиций зависит то, какие блага, каким способом и для кого будут производить [3].

Правовое регулирование цифровых отношений в Российской Федерации прошло путь от фрагментарных норм до системного законодательства. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информа-

ции»[1] заложил основы информационного права. Принятие Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2] свидетельствует о формировании правовой базы цифровой экономики. Особое значение имеет развитие института цифровых прав, закреплённых в Гражданском кодексе Российской Федерации, что создаёт правовые предпосылки для защиты субъектов цифровых отношений.

Таким образом, российское законодательство эволюционирует в направлении системного регулирования цифровых отношений, однако темпы правового развития отстают от технологических инноваций.

Конечно же, цифровизация порождает специфические правовые риски, угрожающие социальной безопасности, среди которых выделяются риски нарушения права на неприкосновенность частной жизни в связи с массовым сбором персональных данных, угрозы информационной безопасности, связанные с киберпреступностью и несанкционированным доступом к данным, риски цифрового неравенства, обусловленные неравномерным доступом к цифровым технологиям, а также угрозы манипуляции поведением субъектов с использованием алгоритмов и искусственного интеллекта. Особую опасность представляет феномен «цифровых следов», позволяющий создавать детальные профили личности без её согласия. Проблематичным остаётся правовой статус автоматизированных систем принятия решений, затрагивающих права граждан.

Социальная безопасность в цифровой экономике детерминируется совокупностью экономических факторов: уровнем цифровой грамотности населения, определяющим конкурентоспособность на рынке труда, а также доступностью цифровой инфраструктуры, включая широкополосный интернет и устройства доступа. Не менее важную роль играет развитие цифровых финансовых технологий, обеспечивающих финансовую инклюзию малообеспеченных слоёв населения.

---

[1] Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Цифровизация оказывает комплексное воздействие на психологическую безопасность личности, проявляющееся в развитии «цифрового стресса», информационной перегрузки, синдрома страха упустить что-то важное (FOMO) и цифровой зависимости. Исследования выявляют рост показателей тревожности и депрессии, ассоциированных с интенсивным использованием социальных сетей. Вместе с тем цифровые технологии создают ресурсы психологической поддержки: онлайн-консультирование, телемедицина, цифровые психотерапевтические интервенции. Цифровые технологии являются неотъемлемой составляющей цифрового общества, и, несмотря на все «побочные эффекты» их использования, обойти их невозможно. Более того, только их применение и возможно в обществе, для которого цифровой режим – естественная и единственная данность, противоположная тому, что не оцифровано и исключено таким образом из системы активного функционирования [4].

Стоит отметить, что особенностью цифровой культуры является ярко выраженный ажиотаж вокруг процессов цифровизации на всех уровнях социального бытия человека. На процессы цифровизации общество возлагает большие надежды, воспринимая их как панацею от всех бед. Но нужно понимать, что цифровые технологии выстраивают алгоритмы, в которые должен вписаться человек со всем многообразием своих проявлений и страстей, что не всегда комфортно для него [5].

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, цифровизация выступает амбивалентным фактором социальной безопасности, порождая одновременно возможности и риски в правовой, экономической и психологической сферах. Во-вторых, эффективное обеспечение социальной безопасности требует интегративного подхода, учитывающего взаимосвязь различных измерений цифровизации. В-третьих, приоритетным направлением выступает ориентация цифровой политики на человека, обеспечивающая баланс между инновациями и защитой прав личности. В-четвёртых, социальная безопасность в цифровую эпоху предполагает развитие новых компетенций и психологических ресурсов адаптации населения.

Список источников

1. Грачева Е. Ю., Ситник А. А., Папаскуа Г. Т. Правовое регулирование применения финансовых технологий в условиях цифровизации российской экономики : монография / под ред. Е. Ю. Грачевой, А. А. Ситника. М. : Проспект, 2023. 240 с.

2. Блануца В. И. Цифровая экономика Российской Федерации: концептуальный анализ национальной программы // Вестник Пензенского государственного университета. Серия: Экономика. 2020. Т. 5, № 4. С. 463–493. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-ekonomika-rossiyskoy-federatsii-kontseptualnyy-analiz-natsionalnoy-programmy (дата обращения: 18.04.2026).

3. Золоева З. Т. О перспективах развития правового регулирования в сфере использования цифровых технологий в субъектах Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2024. № 4(232). С. 141–143. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_4_141

4. Костина А. В. Цифровизация и современные тенденции развития России : монография. М. : URSS, 2022. 240 с.

5. Пащенко О. В. Научные идеалы в цифровой культуре // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 114–120. DOI: 10.17223/1998863X/87/11

УДК 005.8:316.6

Елизавета Александровна Гуракова[1]
Анастасия Михайловна Канева[2]
Наталья Анатольевна Бонюшко[3]
[1, 2] *3-й курс, напр. «Менеджмент», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия*
[1] *gurakovaelizaveta@yandex.ru*
[2] *akaneva631@gmail.com*
[3] *Д-р экон. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия, sea_n@rambler.ru*, *AuthorID: 278321, SPIN-код: 7442-4407*

ФОРМИРОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИ БЕЗОПАСНОЙ СРЕДЫ В ПРОЕКТНОЙ КОМАНДЕ: КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ПРАКТИКИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ КОНФЛИКТОВ

Аннотация. Статья посвящена формированию психологической безопасности в проектной команде – ключевого фактора ее эффективности. Рассмотрены базовые условия создания такой среды – правила коммуникации и прозрачность информации, а также роль эмоционального интеллекта в предотвращении конфликтов. Приведены практические инструменты внедрения, которые показывают, что эти меры повышают вовлеченность и продуктивность команды, а это, в свою очередь, влияет на результат проекта.

Ключевые слова: психологическая безопасность; проектная команда; коммуникация; прозрачность информации; атмосфера доверия и взаимоподдержки; эмоциональный интеллект

Elizaveta A. Gurakova[1]
Anastasia M. Kaneva[2]
Natalia A. Bonyushko[3]
[1, 2] *Students of the St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia*
[1] *gurakovaelizaveta@yandex.ru*
[2] *akaneva631@gmail.com*
[3] *Doctor of Economics, Professor, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia, sea_n@rambler.ru*, *AuthorID: 278321, SPIN-code: 7442-4407*

CREATING A PSYCHOLOGICALLY SAFE ENVIRONMENT IN THE PROJECT TEAM: COMMUNICATION STRATEGIES AND CONFLICT PREVENTION PRACTICES

Abstract. This article is devoted to the formation of psychological security in the project team, which is a key factor in its effectiveness. The basic conditions for creating such an environment are considered – rules of communication and transparency of information, as well as the role of emotional intelligence in conflict prevention. Practical implementation tools are provided, which show that these measures increase the involvement and productivity of the team, which in turn affects the outcome of the project.

Keywords: psychological safety; project team; communication; transparency of information; atmosphere of trust and mutual support; emotional intelligence

Психологическая безопасность является одним из важных факторов сбалансированного развития личности во всех сферах деятельности: работа, образование, деятельность по интересам.

А. Маслоу утверждал, что, если человек живет в состоянии постоянной тревоги и стресса, он не способен в полном объёме выполнять различного рода действия, так как все его ресурсы уходят на «выживание», что делает невозможным фокусировку на более высоких потребностях, таких как саморазвитие, самореализация и творчество [1, с. 3]. По мнению Т. С. Пухаревой, ощущение психологической безопасности является стимулом к проявлению инициативы в какой-либо деятельности: в благоприятной атмосфере человек способен более эффективно задействовать свои ресурсы и раскрыть свой потенциал [1, с. 2].

В контексте проектного менеджмента психологическая безопасность – это убеждённость членов команды в том, что в коллективе можно свободно высказываться, предлагать идеи, задавать вопросы, признавать ошибки или демонстрировать уязвимость, не опасаясь критики, унижения или наказания за это.

Профессор Гарвардской школы бизнеса Эми Эдмондсон определяет психологическую безопасность как общую уверенность членов команды в том, что рабочее место является безопасным для межличностного риска. Э. Эдмондсон доказала, что психологическая безопасность – это ключевой фактор, влияющий на эффективность команды, ее способность обучаться и успешно справляться с ошибками.

Рядом других исследований (например, таких как Google Project Aristotle (2012–2015), Лидерство и уязвимость (OrgSnoomi), исследование Invisible Force (2024) и др.) также было установлено, что в управлении проектами ключевую роль играет не набор инструментов (то есть методологий, программных решений и др.) или глубина знаний и навыков команды в предметной области проекта, а атмосфера внутри команды и ощущение психологической безопасности каждым из её участников. Психологическая безопасность характеризует корпоративную культуру, в которой сотрудники могут свободно высказывать мнения, не опасаясь негативных последствий. Такая культура содержит меньше препятствий для раскрытия потенциала сотрудников. Кроме того, она улучшает обучение и развитие: в безопасной среде люди готовы признавать свои промахи, учиться на них и делиться полученным опытом с коллегами. Это запускает непрерывный процесс совершенствования всех участников команды [2].

Фраза древнегреческого философа Аристотеля «целое больше, чем сумма его частей» точно описывает характер совместной работы команд. Благодаря интеграции различных навыков, знаний, опыта, мнений и способов мышления команды вырабатывают решения, которые часто качественно превосходят индивидуальные разработки. Реализация данного потенциала напрямую зависит от уровня психологической безопасности. Без этого фундамента даже самые талантливые специалисты будут работать не в полную силу, скрывая свои предложения, которые могут существенно повлиять на результат проекта [3].

Таким образом, ключевым является вывод о том, что успех проекта напрямую связан с атмосферой в команде. Базовыми условиями создания психологически безопасной среды выступают правила коммуникации и прозрачность информации. В процессе формирования команды происходит не только подбор наиболее эффективных подходов к взаимодействию с членами проектной команды, но и выбор ролей.

Коммуникация выступает основным аспектом взаимодействия команды, а также её дальнейшего существования, поскольку отсутствие здоровой коммуникации приводит к распаду проектной группы. Поэтому то, насколько часто руководитель поднимает вопросы о профессиональных спорах, определяет дальнейшую мотивацию [4].

У команды наблюдается несколько этапов развития: формирование, бурление, нормирование, выполнение. Наиболее востребованным для построения коммуникации выступает фаза нормирования, где работники самостоятельно разрабатывают правила взаимодействия друг с другом, что позволяет сделать требования применимыми к самым разным участникам команды. Базовыми принципами здоровой коммуникации в команде выступают: доверие, эмпатия, уважение и конструктивная критика. В совокупности соблюдение данных принципов приводит к свободной возможности для проявления инициативы в работе, слаженности взаимодействия и созданию среды для принятия рациональных решений.

На практике построение здоровой коммуникации обеспечивается посредством некоторых методов. Например, отправка конструктивной обратной связи позволяет наиболее экологично выразить замечания, дать полезные советы и не обесценить работу участника. Доверительная атмосфера также достигается с помощью специализированных опросов персонала, которые позволяют выявить аспекты, нуждающиеся в улучшениях, чтобы обеспечить бóльшую психологическую безопасность. Иными полезными аспектами выступают практики благодарности сотрудникам и тренинги по коммуникации, которые помогают участникам проектной команды уважать друг друга, слушать и слышать [5].

Немаловажным в построении коммуникации в команде выступает аспект прозрачности информации. Понятие «прозрачная информация» подразумевает, что данные представлены таким образом, что их можно легко проверить и понять, оценить и использовать, поскольку они находятся в полном доступе. Это позволяет участникам проектной команды быть осведомленными о всех необходимых процессах, что создает атмосферу доверия, повышает вовлеченность и снижает тревожность. Когда у сотрудников есть доступ к нужной информации, тогда происходит ускорение работы и снижается риск возникновения несогласованностей. Принцип прозрачности информации основывается на существовании открытых каналов коммуникации. Это означает, что участники проектной команды не просто знают, какой сотрудник является носителем конкретной информации, а могу беспрепятственно к нему обратиться, избегая должностные барьеры.

Одним из ключевых навыков, позволяющим выстраивать наиболее эффективные связи в проектной команде, является эмоциональный интеллект. Он обеспечивает возможность распознавать и

управлять своими собственными эмоциями, а также воспринимать эмоции окружающих. В него включено несколько компонентов: самосознание, саморегулирование, мотивация, эмпатия, социальные навыки. Эмоциональный интеллект призван превращать разногласия в ресурс для роста и создать среду, где каждый участник проектной команды чувствует себя ценным [6; 7].

Как уже было упомянуто, возникающие конфликты внутри команды необходимо решать, причём важно обращать на них внимание на начальных этапах, чтобы минимизировать негативные последствия. Однако наиболее эффективной представляется работа с причиной разногласий, которой в отдельных случаях может выступать сотрудник с низким эмоциональным интеллектом. Он может искажать намерения и неверно интерпретировать действия коллег, что повышает уровень общего напряжения.

Для работы с эмоциональным интеллектом на первых этапах происходит определение его уровня, что помогает понять основные точки роста. Далее выявляется категория эмоции, что крайне полезно для корпоративной среды – так своевременно выявляется причина назревающего конфликта интересов. Например, это может быть неподобающее поведение участника проектной команды, которое оказывает негативное воздействие на работу конкретного сотрудника или принятое руководителем решение в отношении какой-либо задачи или идеи. Для будущей регуляции поведения ключевым выступает умение корректно назвать эмоцию, поскольку определение состояния, в котором находится участник команды, позволяет понять дальнейшие шаги к решению. Важность обусловлена тем, что каждая существующая негативная эмоция или подавленное состояние подразумевает разный набор действий по предотвращению. Одним из способов регуляции ранее названных состояний является выражение эмоции, что предусматривает следующий этап. Ввиду того что человек постоянно находится в социуме, а проектный менеджер – в команде, при выражении своих чувств всегда стоит учитывать контекст ситуации, поскольку излучение негативных эмоций на постоянной основе подрывает принципы здоровой коммуникации и нарушает безопасность среды, где находится проектная команда. В рамках выражения эмоций функционируют вышеописанные правила коммуникации, которые создают доброжелательную атмосферу внутри коллектива. Выражение является элементом этапа регуляции, потому что, сделав шаг к вы-

ражению, есть возможность регулировать собственные эмоции. Безусловно, способ регуляции зависит от специфики самой ситуации, однако в ряде случаев дыхательные практики помогают справиться с признаками нарастающей тревоги, страха, а тренинги и опросы помогают справиться с ситуацией посредством подбора комплексных решений и выработать наиболее подходящую модель поведения в случаях повторения [8].

Именно так эмоциональный интеллект даёт возможность распознать признаки возникающего напряжения, что позволяет своевременно устранить конфликт и угрозы.

Процесс внедрения концепции психологической безопасности требует времени и активного участия как со стороны команды, так и со стороны самого руководителя.

Руководитель, моделируя своим поведением желаемое поведение команды, имеет возможность задавать необходимую атмосферу доверия и взаимоподдержки среди сотрудников. Каждое его действие и высказывание может отразиться на том, будут ли члены команды в дальнейшем обращаться к нему за помощью и говорить с ним открыто. Руководителю стоит публично заявлять о своих ошибках, это поможет остальным участникам команды понять, что ошибки – это не страшно, они возникают у всех, даже у лидеров. Также необходимо научиться слушать до конца и давать возможность каждому выразить свое мнение в полном объёме, прежде чем говорить о том, что его решение ни к чему не приведет. У команды должно сформироваться четкое понимание, что нет правильного и неправильного решения, ведь каждое знание и наблюдение могут существенно повлиять на окончательный результат.

Безопасность выступает фундаментом взаимодействия членов команды и здоровых отношений в рабочем коллективе. В современных условиях повышенного стресса и напряжения психологическое спокойствие становится ключевым критерием продуктивной работы проектной команды и реализации всех поставленных целей организации.

Список источников

1. Дымова К. С.Феномен психологической безопасности в научной литературе // Теория и практика современной науки. 2025. № 3 (117). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-psihologicheskoy-bezopasnosti-v-nauchnoy-literature (дата обращения: 10.04.2026).

2. Как Google и Pixar создают психологическую безопасность в командах // РБК Образование. URL: https://www.rbc.ru/education/01/12/2025/691c8da89a7947906e9a39f5 (дата обращения: 20.04.2026).

3. Психологическая безопасность как ключевой фактор успеха инновационных ИТ-команд в условиях цифровой экономики / В. В. Филатов, Н. В. Артемьев, Е. И. Минайченкова, М. Г. Гангану // Прикладные экономические исследования. 2026. № 3. DOI: 10.47576/2949-1908.2025.3.3.020. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-bezopasnost-kak-klyuchevoy-faktor-uspeha-innovatsionnyh-it-komand-v-usloviyah-tsifrovoy-ekonomiki (дата обращения: 10.04.2026).

4. Обеланова Д. С., Клепикова К. А. Психологические особенности работы с группой в проектной деятельности: создание комфортной и безопасной образовательной среды // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2025. Vol. 5-1 (104). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-raboty-s-gruppoy-v-proektnoy-deyatelnosti-sozdanie-komfortnoy-i-bezopasnoy-obrazovatelnoy-sredy/viewer (дата обращения: 12.04.2026).

5. Психологическая безопасность // Happy Job: HR-блог. URL: https://happy-job.ru/hr-blog/psihologicheskaya-bezopasnost/ (дата обращения: 12.04.2026).

6. Эмоциональный интеллект // СберБизнес Live. URL: https://sberbusiness.live/publications/emotional-intelligence (дата обращения: 12.04.2026).

7. 5 составляющих эмоционального интеллекта // Просвещение. URL: https://prosv.ru/articles/5-sostavlyayushchikh-emotsionalnogo-intellekta/ (дата обращения: 12.04.2026).

8. Эмоциональный интеллект // T-Journal. URL: https://t-j.ru/emotional-intelligence/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F#five (дата обращения: 13.04.2026).

УДК 316.356.2

Елена Павловна Киселева
4-й курс, напр. «Государственное и муниципальное управление», Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Пермь, Россия, elenakiseleva082@gmail.com
Научный руководитель: А. А. Кальсина, канд. ист. наук, доцент факультета государственного и муниципального управления и национальной экономики

ЖИЛИЩНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ МОЛОДОЙ СЕМЬИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЭПОХУ ТРАНСФОРМАЦИЙ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблемам, с которыми сталкиваются молодые семьи в современное время: кризисы, риски, потеря жилья, ипотечная кабала, отсутствие стартового капитала. Особое внимание уделено путям решения – реальным механизмам, способным изменить ситуацию.

Ключевые слова: молодая семья; социальная поддержка; субсидия; жилищная безопасность

Elena P. Kiseleva
Student of the Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Perm, Russia, elenakiseleva082@gmail.com
Supervisor: A. A. Kalsina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Faculty of Public and Municipal Administration and National Economy

HOUSING SECURITY FOR YOUNG FAMILIES IN AN ERA OF TRANSFORMATIONS: CHALLENGES AND SOLUTIONS

Abstract. This article focuses on the challenges faced by young families in today's world, including crises, housing risks, mortgage bondage, and a lack of starting capital. It also explores potential solutions and real mechanisms that can make a difference.

Keywords: young family; social support; subsidy; housing security

В современной Российской Федерации молодая семья является важным элементом общества, так как она закладывает основу для будущего демографического и социального развития страны. Кроме того, в современных социально-экономических условиях, в ситуации геополитического вызова и трансформаций общественной жизни особую значимость приобретает вопрос государственной поддержки и развития молодых семей.

Согласно ст. 7 Конституции РФ в стране гарантируется поддержка молодым семьям. Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий для достойной жизни и свободного развития человека[1].

В нашец стране молодые семьи сталкиваются с разнообразными вызовами, включая обеспечение жильем, воспитание детей и достижение финансовой стабильности. Именно поэтому необходимо объединять и направлять в нужное русло усилия исполнительных органов государственной власти для создания благоприятных условий для молодых семей. Это включает в себя совершенствование программ поддержки и достижение поставленных задач по улучшению качества жизни молодых семей.

В настоящее время молодые семьи сталкиваются со следующими проблемами: высокие цены на недвижимость, отсутствие первоначального взноса для покупки жилья, высокие ставки на ипотечные кредиты и сложности получениями ипотеки. Например, в России, по данным Росстата, средняя цена квадратного метра жилья в 2025 г. составила около 118 тыс. руб., в то время как средняя зарплата молодых специалистов колебалась в пределах 50–60 тыс. руб. Это приводит к тому, что многие молодые семьи не могут позволить себе собственное жилье. В Перми средняя стоимость квадратного метра на вторичном рынке на ноябрь 2025 г. составила 122,4 тыс. руб. за кв.м., что на 1,2 % выше октябрьских показателей и на 11 % выше уровня ноября 2024 г. [1].

В январе 2026 г. в Перми стоимость квадратного метра жилья на первичном рынке недвижимости достигла 170,1 тыс. руб. По сравнению с январём 2026 г. цена возросла на 11,7 %. Этот рост укладывается в общероссийскую тенденцию удорожания новостроек: в

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7- ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 06.10.2022).

большинстве крупных городов цены на первичное жильё продолжают увеличиваться опережающими темпами относительно доходов населения. В Пермском крае динамика особенно заметна на фоне умеренного роста заработных плат [2].

Кроме того, большой процент граждан вынуждены снимать квартиры. Аренда 1-комнатной квартиры в г. Перми варьируется от 18 до 25 тыс., без учёта коммунальных услуг. Если рассматривать вариант большей площади, то стоимость составит от 25 тыс. и выше. Также никто не отменяет того, что арендодатели, из личных интересов, по истечении некоторого времени повышают стоимость аренды либо предлагают выселяться из квартиры, что существенно увеличивает смету в ежемесячных тратах молодой семьи [3].

Многие сталкиваются со сложностями в оформления ипотеки: строгие требования банков, необходимость предоставления большого пакета документов и высокая конкуренция снижают шансы на успешное получение жилья в кредит. Всё это вместе создаёт серьёзные препятствия для решения жилищных вопросов и улучшения уровня жизни. Следовательно, данные проблемы являются преградой для покупки собственного жилья в нынешних условиях.

В настоящее время в Российской Федерации осуществляется государственная поддержка в сфере жилья до 2030 г. Программа «Молодая семья» направлена на предоставление субсидий в размере 30–35 % от расчётной стоимости жилья. Данная субсидия позволит внести первоначальный взнос по ипотеке, погасить уже имеющийся кредит или же осуществить строительство жилого дома. Программа рассчитана на семьи, нуждающиеся в улучшении жилищных условий. Для участия в программе необходим возраст супругов до 35 лет, официальный брак, а также необеспеченность жильём. Таким образом, участие в программе «Молодая семья» – это хороший импульс для приобретения жилой площади.

Ещё один проект федерального уровня – Национальный проект «Семья», предоставляющий семейную ипотеку под 6 % для семей с детьми до шести лет включительно, что позволяет семье пойти на серьезный шаг – взятие ипотечного кредита. Низкая ставка в 6 % фиксируется на весь срок кредита, что защищает от возможных колебаний рыночных процентов. Кроме того, по программе можно рефинансировать ранее взятый ипотечный займ, если появился третий или последующий ребенок. Таким образом, Национальный проект «Семья» даёт большую возможность для семей с детьми обрести свой «уголок».

Для получения данных субсидий и выплат необходимо собрать пакет документов и предоставить их на официальном сайте «Госуслуг». Также есть возможность для личного обращения в инстанции по предварительной записи.

Государственные программы уделяют внимание безопасности жителей нашей страны в различных сферах. Национальный проект «Семья» и программа «Молодая семья» важны для современного общества, так как они направлены на поддержку молодых семей с детьми, стимулирование рождаемости и улучшение демографической ситуации [4]. Эти программы включают различные меры поддержки, такие как выплата пособий, предоставление льгот и субсидий, развитие инфраструктуры для детей и молодёжи. Реализация данных проектов способствует укреплению института семьи, повышению качества жизни молодых семей и обеспечению устойчивого развития общества.

Список источников

1. Официальный сайт новостной информационной платформы РБК. URL: https://perm.rbc.ru/perm/freenews/692dcd829a7947526bede01e (дата обращения: 08.04.2026).

2. Официальный сайт новостной информационной платформы РБК. URL: https://perm.rbc.ru/perm/freenews/696f684d9a79470af6d24525 (дата обращения: 08.04.2026).

3. Официальный сайт крупнейшего интернет-агрегатора по недвижимости в России. URL: https://perm.restate.ru/graph/ceny-e (дата обращения 09.04.2026).

4. Официальный сайт «Национальные проекты РФ». URL: https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya/ (дата обращения: 08.04.2026).

УДК 338.45:656.025.2:327(476)

Сергей Сергеевич Климович
2-й курс, спец. «Бизнес-администрирование»,
Белорусский государственный экономический университет,
Минск, Республика Беларусь, sergeisklimovich@gmail.com
Научный руководитель: В. А. Безуглая, канд. экон. наук, доцент
кафедры экономической политики,
SPIN-код: 4025-9168, https://orcid.org/0009-0007-9217-8314

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВЕКТОРЫ ОПТИМИЗАЦИИ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Аннотация. Статья посвящена анализу состояния логистической системы Республики Беларусь в контексте обеспечения экономической безопасности в условиях современных геополитических вызовов. Рассматриваются ключевые элементы логистической инфраструктуры, выявляются структурные ограничения её развития, а также обосновываются направления оптимизации, ориентированные на повышение устойчивости товарных потоков.

Ключевые слова: логистическая система; логистическая инфраструктура; экономическая безопасность; Республика Беларусь; оптимизация логистики; геополитические вызовы; диверсификация маршрутов; интеграция; транспортные коридоры; LPI

Sergei S. Klimovich
Student of the Belarusian State University of Economics,
Minsk, Republic of Belarus, sergeisklimovich@gmail.com
Supervisor: V. A. Bezuglaya, Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department of Economic Policy,
SPIN-code: 4025-9168, https://orcid.org/0009-0007-9217-8314

STRATEGIC VECTORS FOR OPTIMIZING THE LOGISTICS SYSTEMS OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE CONTEXT OF ENSURING ECONOMIC SECURITY AND GEOPOLITICAL CHALLENGES

Abstract. This article is devoted to analysis of the state's logistics system of the Republic of Belarus in the context of ensuring economic security in the face of current geopolitical challenges. The article examines the key elements of the logistics infrastructure, identifies structural limitations to its development, and provides recommendations for optimizing the system to enhance the sustainability of commodity flows.

Keywords: logistics system; logistics infrastructure; economic security; Republic of Belarus; logistics optimization; geopolitical challenges; route diversification; integration; transport corridors; LPI

В современных условиях трансформации мировой экономики, сопровождающейся усилением геополитической напряжённости, фрагментацией международных рынков и нарушением устоявшихся цепочек поставок, особую значимость приобретает обеспечение устойчивости как внешнеэкономической деятельности государства, так и внутреннего движения товаров. Для государств с открытой экономикой и преимуществом, выраженным в виде географического расположения в центре Европы, к числу которых относится Республика Беларусь, эффективность функционирования логистической инфраструктуры – надёжность транспортных коридоров, уровень развития складской инфраструктуры, степень интеграции в международные логистические цепочки и гибкость управления товарными потоками напрямую – определяет не только конкурентоспособность внешней торговли, но и способность национальной экономики обезопасить себя от внешних шоков.

В условиях ограничений внешнеэкономической деятельности, изменения направлений товарных потоков и роста транзакционных издержек значение логистических систем существенно возрастает. Их развитие становится не только фактором экономического роста, но и инструментом снижения внешних рисков, обеспечения устойчивости торговых связей и поддержания макроэкономической стабильности.

В связи с вышеизложенным в данной работе будут исследованы состояние логистической инфраструктуры Республики Беларусь, направления её оптимизации с учётом необходимости обеспечения экономической безопасности и адаптации к современным геополитическим вызовам. В рамках работы также будет рассмотрено одно из возможных направлений повышения устойчивости внешнеэкономической деятельности, основанное на развитии сопряжённых логистических взаимодействий в рамках региональной кооперации.

Детальное рассмотрение актуального состояния логистической системы Республики Беларусь позволяет сделать вывод о том, насколько эффективно она функционирует как в качестве транзитного пути в рамках международного движения товаров, так и в качестве самодостаточной системы товарных потоков, обеспечивающей бесперебойное движение товаров на национальном уровне. Ключевую роль играет инфраструктурная среда, в рамках которой предприятия осуществляют производство, перемещение и поставку товаров. Поэтому для полноценной оценки условий, в которых развивается внешняя торговля Республики Беларусь, необходимо проанализировать состояние национальной логистической инфраструктуры, включающей: сеть логистических центров, обеспеченность складскими мощностями, развитие железнодорожных, автомобильных, водных и воздушных транспортных систем, а также интегральные показатели эффективности, отражающие качество функционирования всей логистической системы.

Согласно данным Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь, по состоянию на 1 января 2025 г. в стране функционируют 53 логистических центра. Из них 29 центров оказывают полный спектр транспортно-складских услуг, обеспечивая обработку грузов, их временное хранение и организацию перевозок [1].

Общий объем складских площадей в Беларуси оценивается в 1,76 млн кв. м, из которых 87 % сосредоточено в Минске и его пригородах. На долю Бреста приходится около 6 %, остальные регионы обеспечены менее чем на 7 % совокупного объема. Беларусь сохраняет относительно низкий уровень обеспеченности складскими площадями – 0,19 кв. м на человека, что в два раза ниже, чем в России (0,37 кв. м/чел.), и в четыре раза ниже, чем в Китае (0,85 кв. м/чел.) [2].

Железнодорожная сеть Республики Беларусь характеризуется высокой плотностью и эффективностью эксплуатации. Общая протяжённость железных дорог составляет около 5,5 тыс. км, что обеспечивает стабильное функционирование как внутренних, так и международных перевозок [3]. Автомобильная сеть также занимает ключевое место в транспортной системе Беларуси. На 1 января 2025 г. протяжённость автомобильных дорог общего пользования составляет 86 538 км, среди которых 15 944 км приходятся на республиканские дороги, а 70 594 км – на местные. В стране функцио-

нируют 13 магистральных автомобильных дорог, обеспечивающих связность регионов и интеграцию в международные транспортные цепочки [4].

Внутренние водные пути Беларуси охватывают реки Днепр, Березина, Сож, Припять, Западная Двина, Неман, а также водные артерии – Днепровско-Бугский канал и Микашевичский канал. Общая протяжённость судоходных водных путей составляет порядка 2000 км [5]. Тем не менее использование водного транспорта остаётся весьма ограниченным: существующая инфраструктура не обеспечивает стабильные навигационные условия, глубины и габариты судового хода далеко не на всей сети соответствуют требованиям регулярных, в том числе экспортно-импортных, перевозок.

Последней составляющей логистических систем будет рассмотрена воздушная система поставок. В Беларуси функционирует шесть аэропортов, расположенных в Минске, Бресте, Гомеле, Гродно, Могилеве и Витебске. Ключевым воздушным узлом страны является Национальный аэропорт Минск, который выполняет функции главного хаба для регулярных и международных рейсов [6].

Все вышеперечисленные элементы логистической системы Республики Беларусь могут быть в общем оценены по такому критерию Всемирного банка, как LPI – Logistics Performance Index – Индекс эффективности логистики, который, помимо качества торговой и транспортной инфраструктуры, включает ещё пять измеряемых компонентов: эффективность таможенного оформления; простота организации международных перевозок; компетентность логистических операторов; отслеживания грузов; своевременность доставки [7]. Согласно данным Всемирного банка за 2023 г., Беларусь занимает 79-е место в рейтинге стран со значением LPI в 2.7. Для сравнительного анализа следует рассмотреть позиции стран – соседей Беларуси в рамках данного показателя. Так, Польша занимает 26-е место с рейтингом 3.6, Литва – 38-е место, LPI 3.4, а Латвия 34-е место, LPI 3.6, что обусловлено их более длительной и устойчивой интеграцией в европейские транспортные коридоры и развитой портовой инфраструктурой. Беларусь находится на одном уровне с Казахстаном – 79-е место, LPI 2.7, и опережает Российскую Федерацию – 88-е место, LPI 2.6, Узбекистан – 88-е место, LPI 2.6, а также Молдову – 97-е место, LPI 2.5 [8; 9].

Приведённые данные свидетельствуют о том, что логистическая система Республики Беларусь находится на среднем уровне развития, однако существенно уступает странам Европейского союза по ключевым параметрам эффективности. Это указывает на наличие структурных ограничений, связанных с глобальными вызовами, качеством инфраструктуры и организацией логистических процессов. В условиях трансформации глобальных цепочек поставок подобное положение снижает устойчивость логистической системы и ограничивает её способность обеспечивать бесперебойное движение товарных потоков, исходя из чего остро встает вопрос об оптимизации логистической системы как на внутрирегиональном, так и на национальном уровне, направленной на модернизацию логистической инфраструктуры, что позволит снизить трансакционные издержки и укрепить экономическую безопасность государства.

Для улучшения сложившейся ситуации в секторе грузоперевозок регионального уровня необходимо учитывать не только наименее развитые направления, такие как ограниченная пропускная способность отдельных участков транспортной сети и недостаточный уровень развития водного транспорта, но и перспективные направления, к которым относятся использование авто- и железнодорожного транспорта. Таким образом, одним из приоритетных направлений становится модернизация и реконструкция ключевых транспортных коридоров. Наиболее значимыми остаются магистрали, входящие в состав направлений «Запад – Восток» и «Север – Юг», что позволит повысить надёжность транспортных связей и снизить риски перегрузки отдельных направлений. Отдельное внимание следует уделить повышению пропускной способности железнодорожных терминалов, в том числе контейнерных, которые в последние годы испытывают возрастающую нагрузку.

Функционирование транспортной системы неотделимо от обеспечения складской инфраструктурой. Развитие складских мощностей высокого класса, оснащённых современными технологиями обработки и хранения грузов, способствует снижению логистических издержек, повышению скорости обработки товарных потоков и обеспечению стабильности снабжения. Таким образом, модернизация складской инфраструктуры и рост инвестиционной активности в данном сегменте могут создать условия для формирования более устойчивой и, что крайне важно, самодостаточной логистической системы.

Наконец, на национальном уровне эффективность логистической системы зависит от международных транспортных коридоров и диверсификации маршрутов. В условиях глобальных вызовов взаимодействие со стратегическими партнерами приобретает всё большую значимость.

Для Республики Беларусь важнейшим фактором повышения диверсификации маршрутов является её членство в таких экономических союзах, как ЕАЭС и Союзное государство Беларуси и России. Отсюда можно предложить модель развития, которая бы поспособствовала усилению экономической безопасности и снижению внешнеэкономических рисков Беларуси не как изолированной страны, а как части мирового хозяйства в рамках интеграционного объединения. Одним из путей получения такого результата может стать углубление логистического взаимодействия с Российской Федерацией как ключевым торгово-экономическим партнёром Республики Беларусь. Сопряжение транспортных коридоров, синхронизация инфраструктурных проектов, а также развитие взаимодополняющих экспортно-импортных потоков создают предпосылки для формирования устойчивого логистического контура, способного функционировать в условиях ограниченного доступа к отдельным внешним направлениям.

Реализация подобной модели позволяет не только повысить эффективность распределения товарных потоков, но и снизить зависимость от нестабильных внешних логистических маршрутов, обеспечивая тем самым дополнительный уровень экономической устойчивости. В результате логистическая система приобретает свойства адаптивности и управляемости, что в современных условиях выступает одним из ключевых факторов обеспечения экономической безопасности государства.

Таким образом, развитие и оптимизацию логистической инфраструктуры Республики Беларусь следует рассматривать как один из ключевых инструментов обеспечения экономической безопасности в условиях современных геополитических вызовов. Формирование устойчивых логистических связей, в том числе на основе интеграционного взаимодействия, позволяет повысить адаптивность экономики, снизить внешние риски и обеспечить стабильность товарных потоков. В результате логистическая система выступает не только элементом хозяйственного механизма, но и системообразующим фактором устойчивого развития государства.

Список источников

1. Схема размещения логистических центров Республики Беларусь // Министерство транспорта и коммуникаций Респ. Беларусь. URL: https://www.mintrans.gov.by/ru/logistika/skhema-razmeshcheniya-logisticheskikh-tsentrov-v-respublike-belarus (дата обращения: 23.04.2026).

2. Рынок складской недвижимости Беларуси: нулевая вакантность и возвращение к спекулятивному строительству // Kf.expert. URL: https://kf.expert/news/rynok-skladskoj-nedvizhimosti-belarusi-nulevaya-vakantnost-i-vozvrashhenie-k-spekulyativnomu-stroitelstvu (дата обращения: 23.04.2026).

3. Белорусская железная дорога: итоги 2024 года // БелТА. URL: https://belta.by/infographica/view/belorusskaja-zheleznaja-doroga-itogi-2024-goda-41362/ (дата обращения: 23.04.2026).

4. Дорожное хозяйство Беларуси: статистика 2025 года // Beldor.centr. URL: https://beldor.centr.by/2025/03/stata2025/ (дата обращения: 23.04.2026).

5. Логистические тренды 2018 года // This Is Logistics. URL: https://thisislogistics.blogspot.com/2018/01/blog-post_70.html (дата обращения: 23.04.2026).

6. Аэродромы Республики Беларусь // Департамент по авиации Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь. URL: https://caa.gov.by/ru/airdroms-ru/ (дата обращения: 26.04.2026).

7. Logistics Performance Index // World Bank. URL: https://lpi.worldbank.org/en/indicators/survey-based-lpi-2007-2023 (дата обращения: 28.04.2026).

8. LPI Overall Index // World Bank. URL: https://lpi.worldbank.org/en/indicator/LPI_OVR (дата обращения: 28.04.2026).

9. Connecting to Compete 2023: Trade Logistics in an Uncertain Global Economy – The Logistics Performance Index and Its Indicators // World Bank. URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/39760 (дата обращения: 28.04.2026).

УДК 159.923.2

Никита Андреевич Козел
2-й курс, спец. «Бизнес-администрирование», Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь, nkozel07@gmail.com
Научный руководитель: В. А. Безуглая, канд. экон. наук, доцент кафедры экономической политики,
SPIN-код: 4025-9168, https://orcid.org/0009-0007-9217-8314

ВЫУЧЕННАЯ БЕСПОМОЩНОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПОСЛЕДСТВИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ И МЕТОДЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается выученная беспомощность как следствие геополитической нестабильности. Цель – анализ механизмов формирования выученной беспомощности и методов восстановления субъектности личности. Опираясь на концепцию М. Селигмана, автор выделяет ключевые характеристики феномена и предлагает способы преодоления: когнитивно-поведенческая терапия, выученный оптимизм, малые достижимые цели и коллективное взаимодействие. Сделан вывод о возможности восстановления активной жизненной позиции даже в условиях глобальной неопределённости.

Ключевые слова: выученная беспомощность; геополитическая нестабильность; субъектность личности; психологические последствия; когнитивно-поведенческая терапия; выученный оптимизм; чувство контроля

Nikita A. Kozel
Student of the Belarusian State University of Economics, Minsk, Republic of Belarus, nkozel07@gmail.com
Supervisor: V. A. Bezuglaya, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Policy,
SPIN-code: 4025-9168, https://orcid.org/0009-0007-9217-8314

LEARNED HELPLESSNESS AS A PSYCHOLOGICAL CONSEQUENCE OF GEOPOLITICAL INSTABILITY AND METHODS OF RESTORING PERSONAL SUBJECTIVITY

Abstract. The article examines learned helplessness as a consequence of geopolitical instability. The purpose is to analyze the mechanisms of its formation and methods of restoring personality subjectivity. Based on the concept of M. Seligman, the author identifies the key characteristics of the phenomenon and suggests ways to overcome it: CBT, learned optimism, small achievable goals and collective interaction. It is concluded that it is possible to restore an active lifestyle even in conditions of global uncertainty.

Keywords: learned helplessness; geopolitical instability; personality subjectivity; psychological consequences; cognitive behavioral therapy; learned optimism; sense of control

Введение

Человечество вступило в эпоху, которую многие аналитики характеризуют как «поликризис»: одновременное наложение множества трудноразрешимых глобальных проблем. Пандемии, климатические изменения, вооружённые конфликты, геополитическая поляризация, экономические потрясения и информационные войны создают для личности среду с беспрецедентно высоким уровнем неопределённости. В таких условиях социальные, экономические и политические потрясения приводят к снижению уровня жизненной стабильности, затрудняют планирование и видение перспектив практически во всех сферах жизнедеятельности. Множество людей по всему миру всё чаще испытывают проявления стресса и тревоги, депрессивные состояния, страдают от ухудшения качества жизни, что крайне отрицательно сказывается на их психическом здоровье. Одним из наиболее глубоких и распространённых психологических последствий такой хронической нестабильности становится феномен выученной беспомощности – состояние, при котором личность утрачивает готовность к активным действиям даже в ситуациях, объективно предоставляющих возможность влияния на результат.

Основная часть

Классическое определение выученной беспомощности (learned helplessness) принадлежит американскому психологу Мартину Селигману, который в 1960-х гг. совместно со Стивеном Майером проводил лабораторные исследования на животных, стремясь понять механизмы формирования пассивного поведения при депрессивных состояниях. Учёных интересовало, как живой организм реагирует на продолжительное воздействие неконтролируемых событий. В ходе лабораторных экспериментов было обнаружено: ес-

ли животное приобретало опыт, в котором его действия никак не влияли на неприятную ситуацию, то впоследствии, даже имея реальную возможность избежать дискомфорта, оно не предпринимало активных попыток. Это наблюдение легло в основу представления о том, что беспомощность не является врождённой реакцией – ей обучаются. Селигман концептуализировал выученную беспомощность как устойчивое состояние, возникающее в ситуации, когда человек убеждён, что внешние события от него не зависят и он ничего не может сделать, чтобы их предотвратить или изменить [1]. Ключевые характеристики выученной беспомощности представлены на рисунке (составлено автором на основе данных [2]).

Рисунок – Ключевые характеристики выученной беспомощности

В условиях геополитической нестабильности эти характеристики проявляются особенно ярко и приобретают устойчивый характер. Неопределённость будущего, связанная с экономическими и политическими процессами, усиливает когнитивные искажения, прежде всего склонность к ожиданию негативных сценариев. Одновременно невозможность влиять на макросоциальные события формирует ощущение утраты контроля, что ведёт к снижению мотивации. В эмоциональном плане это проявляется в росте апатии и тревожных состояний, превращая выученную беспомощность в распространённую реакцию на внешнюю нестабильность. В таких условиях человек сталкивается с ситуациями, которые по своей

структуре сходны с экспериментальными условиями формирования выученной беспомощности, а именно повторяющимися негативными событиями, на которые невозможно повлиять напрямую.

Факторы внешней среды, такие как экономические кризисы, санкции, военные конфликты или политические решения, воспринимаются как внешние силы, независящие от индивидуальных действий. Это формирует у человека установку: «мои действия не имеют значения». Подобная когнитивная установка является центральным элементом выученной беспомощности.

Более того, исследования показывают, что подобные состояния могут распространяться в масштабах общества, формируя коллективную апатию, снижение гражданской активности и рост недоверия к государственным и общественным структурам. В политическом контексте это проявляется в ощущении бессилия и отказе от участия в общественной жизни.

Интерес к этой проблеме значительно усилился именно в последние годы. Пандемия COVID-19, военные конфликты и экономические потрясения продемонстрировали, насколько быстро чувство контроля может быть утрачено даже у психологически устойчивых людей.

Кроме того, согласно исследованиям Edelman, в 14 из 28 стран население выражает недоверие к государственным институтам. В 13 из 28 выражается недоверие к СМИ [3]. Подобные показатели отражают распространённое ощущение ограниченного влияния на политические процессы, что напрямую соотносится с формированием выученной беспомощности на уровне общества. Это привело к переосмыслению подходов к психологической помощи и акценту на восстановлении субъектности как ключевой цели.

Несмотря на устойчивость данного феномена, целесообразно выделить несколько способов его преодоления.

1. Когнитивно-поведенческий подход. Одним из наиболее эффективных методов является когнитивно-поведенческая терапия (КПТ), направленная на изменение дисфункциональных убеждений, лежащих в основе выученной беспомощности. В частности, работа ведётся с так называемым «стилем объяснения» – тем, как человек интерпретирует события. Пессимистический стиль объяснения (всё плохо, всегда и по моей вине) усиливает беспомощность, тогда как оптимистический (это временно и не полностью зависит от меня) способствует её преодолению.

2. Концепция «выученного оптимизма», предложенная М. Селигманом, рассматривает стиль интерпретации событий как изменяемую характеристику. Она направлена на формирование более адаптивного восприятия неудач и стрессовых ситуаций через осознание автоматических негативных мыслей и их последующую переоценку. В отличие от выученной беспомощности, где человек убеждён в своей неспособности влиять на события, выученный оптимизм учит его видеть возможности для изменения ситуации. Важно, что данный подход не отрицает объективные трудности, связанные с геополитической нестабильностью, но снижает их субъективное влияние на человека. Развитие более гибкого и реалистичного мышления способствует повышению устойчивости к стрессу и уменьшению проявлений беспомощности.

3. Восстановление субъективного чувства контроля является ключевым условием преодоления выученной беспомощности. Это достигается через постепенную постановку достижимых целей и накопление опыта успешных действий. Даже небольшие достижения играют важную роль, формируя у человека ощущение связи между усилиями и результатом. Например, если человек ставит перед собой небольшие достижимые цели (например, помочь соседу или принять участие в местном проекте) и достигает их, он начинает верить в свою способность влиять на жизнь. С точки зрения нейробиологии такой опыт способствует изменению реакций на стресс и укреплению механизмов контроля. В результате формируется более активная жизненная позиция и восстанавливается субъектность личности.

4. В условиях геополитической нестабильности особую роль играет коллективное взаимодействие. Участие в сообществах, волонтёрской деятельности или гражданских инициативах способствует восстановлению ощущения значимости собственных действий, помогает человеку осознать, что он не одинок и его усилия имеют значение для других, что снижает чувство беспомощности. Исследования показывают, что коллективная активность снижает чувство беспомощности и усиливает субъективное ощущение влияния на происходящее.

Заключение

Выученная беспомощность является важным психологическим феноменом, который в условиях геополитической нестабильности приобретает массовый характер. Постоянное воздействие некон-

тролируемых стрессоров формирует у личности ощущение утраты контроля, что приводит к снижению активности, мотивации и ухудшению психического состояния. Однако данный процесс не является необратимым. Современные подходы – от когнитивно-поведенческой терапии до практик развития оптимизма и социальной вовлечённости – демонстрируют, что субъектность личности может быть восстановлена.

Таким образом, ключевой задачей как для психологии, так и для общества в целом является создание условий, в которых человек вновь ощущает себя активным участником собственной жизни, способным влиять на происходящее, даже в условиях глобальной неопределённости.

Список источников

1. Московский институт психологии : сайт. URL: https://mip.institute/journal/vyuchennaya-bespomoshhnost-chto-eto-takoe-chem-opasna-i-kak-preodolet (дата обращения: 27.04.2026).

2. Nickerson Ch. Learned Helplessness // SimplyPsycology. URL: https://www.simplypsychology.org/learned-helplessness.html (дата обращения: 27.04.2026).

3. 2026 Edelman Trust Barometer. Global Report. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2026-01/2026%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report_01.21.26_0.pdf (дата обращения: 27.04.2026).

УДК 347.73

Владислав Михайлович Комаров[1]
Анастасия Витальевна Сушкова[2]
[1, 2] 4-й курс, напр. «Юриспруденция», Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия
[1] kvladislav2004@yandex.ru,
[2] NVSushkova29@gmail.com
Научный руководитель: А. А. Малышева, канд. юрид. наук, доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ УЧАСТИЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПКАХ

Аннотация. В статье исследуются особенности участия субъектов малого предпринимательства в государственных и муниципальных закупках. Руководствуясь положениями российского законодательства, авторы выделяют преимущества и преференции, которыми обладает данная специфическая группа участников. На основе анализа работ ряда исследователей рассматриваются отдельные проблемные аспекты, существенно снижающие конкурентоспособность субъектов малого предпринимательства и ограничивающие их возможность полноценно участвовать в государственных и муниципальных закупках. Предлагаются возможные пути решения данной проблемы.

Ключевые слова: государственные закупки; муниципальные закупки; малый бизнес; субъекты малого предпринимательства; государственная поддержка

Vladislav M. Komarov[1]
Anastasia V. Sushkova[2]
[1, 2] Students of the Saratov State Law Academy, Saratov, Russia
[1] kvladislav2004@yandex.ru,
[2] NVSushkova29@gmail.com
Supervisor: A. A. Malysheva, Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva

ON THE ISSUE OF PROBLEMATIC ASPECTS OF THE PROVISION OF PLOTS OF SMALL BUSINESS ENTITIES IN STATE AND MUNICIPAL PROCUREMENT

Abstract. This article examines the specifics of the role of small businesses in state and municipal procurement. Guided by the provisions of Russian legislation, the authors identify the advantages and preferences that this specific group of precinct officers has. Based on the analysis of the work of a number of researchers, certain problematic aspects are considered that significantly reduce the competitiveness of small businesses and limit the greater possibility of full-fledged participation in state and municipal procurement. As a result, possible solutions to this problem are proposed.

Keywords: government procurement; municipal procurement; small business; small business entities; government support

Субъекты малого предпринимательства (далее – СМП) представляют собой специальную льготную категорию, включающую более 6,9 млн [1] индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, которые зарегистрированы в соответствии с законодательством Российской Федерации и отвечают установленным условиям, ограничивающим среднесписочную численность их работников, а также предельное значение полученного дохода за календарный год.

Ряд исследователей, включая Н. Н. Телешину и С. А. Коровенкову, утверждают, что СМП в России «выступает одним из факторов развития экономики, а также решает проблему создания среднего класса – основы гражданского общества» [2]. Авторам подобная позиция представляется справедливой. В свою очередь, считаем небезосновательным полагать, что эффективная деятельность СМП в условиях рыночной экономики представляет собой весьма нетривиальную задачу. Малый бизнес, только начинающий расти и развиваться, часто вынужден противостоять в конкурентной борьбе крупным хозяйственным обществам, которые уже длительное время занимают конкретную нишу. В этой связи «одним из действенных способов закрепления своей доли на рынке может являться выход на осуществление государственных и муниципальных закупок» [3, с. 15–19].

Думается, что вышеизложенной точки зрения придерживается и законодатель, поскольку в настоящее время нормативно установлен целый комплекс мер, направленных на предоставление СМП «существенного объема преференций и стимулов» [4], способст-

вующих участию анализируемых субъектов в закупках для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Так, например, о «привилегированности» положения свидетельствует предусмотренное, в некоторых случаях, «ограничение возможности участия в проводимой закупке иным участникам, не являющимся субъектами малого предпринимательства»[1]. Кроме того, нормативно установлено право заказчика предъявить требование «к поставщику (подрядчику, исполнителю), не являющемуся СМП, привлечь к исполнению контракта субподрядчиков (соисполнителей) из числа этих субъектов»[2]. Между тем остаются нерешёнными проблемы, способные «свести к нулю» эффективность даже таких существенных мер государственной поддержки.

К примеру, В. Е. Лапук обращает внимание на недостаточный уровень осведомленности СМП относительно участия в закупках. «Многие малые предприниматели просто не знают о существующих государственных закупках или не имеют доступа к полным данным» [5]. Данная точка зрения, без сомнений, заслуживает внимания. Справедливо полагать, что недостаток информации у СМП об особенностях закупочной процедуры лишает их возможности воспользоваться установленными льготами и преимуществами. В качестве выхода из подобной ситуации представляется необходимым организовывать очные и дистанционные встречи, конференции, форумы для СМП (в особенности тех, которые осуществляют свою деятельность в отдалённых регионах), направленные на их информирование, разъяснение принципов и практических нюансов взаимодействия сторон контракта, а также на вовлечение в государственные и муниципальные закупки.

В то же время представляется, что рассматриваемая проблема не является ключевой и тем более единственной. По мнению авторов, в качестве существенного препятствия для эффективного участия СМП в закупках для обеспечения государственных и муниципаль-

[1] О направлении информации о применении Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ в редакции Федерального закона от 2 июля 2021 г. № 360-ФЗ : информ. письмо Минфина России от 14.02.2022 № 24-01-09/10138. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федер. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ : принят Гос. Думой 22 марта 2013 г. : одобр. Советом Федерации 27 марта 2013 г.: ред. от 28.12.2025 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2013. № 14. Ст. 1652.

ных нужд следует в первую очередь отметить финансово-экономический аспект. Рассматривать его предлагается в разных проявлениях.

Например, в государственных контрактах могут быть предусмотрены длительные сроки оплаты за выполненные работы или поставленные товары. Подобная ситуация приводит, по мнению А. С. Банеевой и О. В. Горбач, к тому, что «участник – СМП должен иметь существенные финансовые ресурсы для участия в закупке» [6]. Кроме того, с точки зрения А. Д. Позмоговой, серьёзной проблемой экономической направленности является «несвоевременная оплата со стороны государственных заказчиков по заключённым контрактам» [7]. Следующей трудностью могут стать предусмотренные контрактом несоразмерные нарушению штрафы за несущественные отклонения от условий.

Думается, что такие проблемы, с которыми могут потенциально столкнуться участники закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд, не представляют угрозы для крупных хозяйственных обществ. Однако, с учетом специфики деятельности СМП, не располагающих большим оборотным капиталом, такие трудности могут привести к финансовым потерям, которые в ряде случаев могут стать фатальными.

Наряду с вышеизложенными существуют и другие проблемы, причиной возникновения которых являются действия заказчика, порождающие дисбаланс, снижающие конкурентоспособность СМП и существенно ограничивающие их возможности. К таковым, по мнению О. Н. Струковой, Е. В. Судоргиной, в частности, можно отнести «практику укрупнения лотов путём закупки значительных партий товаров, расширения ассортимента или объединения нескольких видов работ, услуг в одной закупке» [8].

Таким образом, субъекты малого предпринимательства, несмотря на уже принятые меры поддержки и установленные преимущества, всё еще вынуждены противостоять серьёзным проблемам, усложняющим возможности их участия в закупках для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Думается, что справиться с рассмотренными сложностями возможно. Для достижения этой цели необходимо провести комплексную работу. В первую очередь, следует модернизировать законодательство, совершенствовать всю контрактную систему в целом (упростить правила участия для СМП, оптимизировать существующие

процедуры для данных субъектов и т. д.). Во-вторых, усилить оказываемую СМП поддержку (увеличить предоставляемые квоты, снизить для СМП размер обеспечения исполнения контракта и т. д.). В-третьих, стимулировать заказчиков оптимизировать контракты именно под СМП.

Практическая реализация вышеизложенных теоретических предложений позволит обеспечить надежную защиту интересов субъектов малого предпринимательства – участников государственных и муниципальных закупок, что благоприятно скажется на развитии всей контрактной системы.

Список источников

1. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: https://ofd.nalog.ru/ (дата обращения: 11.04.2026).
2. Телешина Н. Н., Коровенкова С. А. Правовой статус субъектов малого и среднего предпринимательства в России // Право и государство: теория и практика. 2018. № 11 (167). С. 70–73.
3. Иванова Е. В., Соколова О. Ю. Механизм поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в системе закупок // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2016. № 1 (17). С. 15–19.
4. Ким К. Р. Особенности участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках для государственных и муниципальных нужд // Modern Science. 2020. № 5-3. С. 316–320.
5. Лапук В. Е. Проблемы участия субъектов малого предпринимательства, социально ориентированных некоммерческих организаций в государственных и муниципальных закупках // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 12-3 (118). С. 11–14.
6. Банеева А. С. Проблемы государственной поддержки участия субъектов малого и среднего предпринимательства в государственных (муниципальных) закупках // Защита частных прав: проблемы теории и практики : материалы IX ежегод. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Байкальского государственного университета (Иркутск, 3 декабря 2020 г.) / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. Иркутск : Байкал. гос. ун-т, 2021. С. 160–166.
7. Позмогова А. Д. Проблемы правоприменения при проведении закупок товаров, работ, услуг у субъектов малого предпринимательства // Меридиан: Научный электронный журнал. 2019. № 9 (27). С. 150–153.
8. Струкова О. Н., Судоргина Е. В. Правовые основы привлечения субъектов малого предпринимательства для участия в закупках (на примере Тамбовской области) // Право: история и современность. 2024. Т. 8, № 3. С. 309–321.

УДК 332.1:658.5

***Алина Геннадьевна Лукашинская*[1]**
***Анжелика Ахмеджановна Семченко*[2]**
[1] 4-й курс, напр. «Менеджмент», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия, lykashinskaiaalina@gmail.com
[2] Д-р. экон. наук, профессор кафедры проектного менеджмента и управления качеством, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия, seangelika@yandex.ru, AuthorID: 550986

БЕРЕЖЛИВОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОГРАММЫ «ЭФФЕКТИВНЫЙ РЕГИОН»

Аннотация. В статье рассматривается бережливое управление как инструмент обеспечения экономической устойчивости в условиях современных вызовов. Анализируются основные положения программы «Эффективный регион», реализуемой при поддержке Госкорпорации «Росатом». Исследуются механизмы влияния бережливых технологий на экономическую безопасность региона на примере практик российских субъектов. Выявляется потенциал тиражирования успешных проектов для повышения конкурентоспособности и качества жизни населения. Обосновывается вывод о системном характере бережливого управления для устойчивого регионального развития.

Ключевые слова: бережливое управление; экономическая устойчивость; экономическая безопасность региона; программа «Эффективный регион»; бережливые технологии; производительность труда; оптимизация процессов; региональное развитие

***Alina G. Lukashinskaya*[1]**
***Anzhelika A. Semchenko*[2]**
[1] Student of the Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia, lykashinskaiaalina@gmail.com
[2] Doctor of Economics, Professor, Department of Project Management and Quality Management, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia, seangelika@yandex.ru, AuthorID: 550986

LEAN MANAGEMENT AS A TOOL FOR ENSURING ECONOMIC SUSTAINABILITY IN THE CONTEXT OF THE "EFFICIENT REGION" PROGRAM

Abstract. The article examines lean management as a tool for ensuring economic sustainability in the face of modern challenges. The main provisions of the "Efficient Region" program, implemented with the support of the State Corporation "Rosatom", are analyzed. The mechanisms of the influence of lean technologies on the economic security of the region are studied on the example of the practices of Russian regions. The potential for replicating successful projects to increase competitiveness and the quality of life of the population is revealed. The conclusion about the systemic nature of lean management for sustainable regional development is substantiated.

Keywords: lean management; economic sustainability; economic security of the region; "Efficient Region" program; lean technologies; labor productivity; process optimization; regional development

Современная российская экономика характеризуется несколькими тенденциями: сохранение высокой волатильности внешней конъюнктуры, санкционные ограничения и технологическая фрагментация. В этих условиях особое значение приобретает способность регионов противостоять внешним шокам. Ключевым резервом здесь выступает повышение эффективности использования уже имеющихся ресурсов. Именно в этом контексте бережливое управление выступает как универсальная методология, позволяющая системно сокращать потери и вовлекать персонал в непрерывные улучшения [1, с. 223].

Несмотря на широкую известность принципов бережливого производства в корпоративном секторе, их системное внедрение в социальную сферу долгое время оставалось фрагментарным. Отсутствует единое понимание того, каким образом бережливые технологии могут быть встроены в региональную политику обеспечения экономической устойчивости, – восполнению этого пробела посвящена настоящая статья.

Цель исследования – обосновать роль бережливого управления как ключевого элемента системной стратегии обеспечения экономической устойчивости российских регионов. При этом в качестве базового ориентира национальной политики используется Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, где прямо

указывается на необходимость повышения эффективности управления как фактора безопасности[1].

Бережливое управление, сформировавшееся на основе производственной системы Toyota, базируется на нескольких фундаментальных принципах: ориентация на ценность для конечного потребителя, идентификация и последовательное устранение всех видов потерь, непрерывное совершенствование и максимальное вовлечение персонала в процессы улучшений [2, с. 8]. В современной интерпретации инструменты бережливого управления успешно адаптируются для офисных процессов и государственного администрирования.

Под экономической устойчивостью региона в данном исследовании понимается способность региональной социально-экономической системы противостоять внутренним и внешним угрозам, а также быстро восстанавливаться после шоков. Ключевыми показателями устойчивости выступают темпы роста валового регионального продукта, качество государственных услуг и степень удовлетворённости населения. Как справедливо отмечает Л. Ю. Филобокова с соавторами, институциональные механизмы обеспечения экономической безопасности региона должны включать не только финансовые и правовые рычаги, но и управленческие технологии, направленные на повышение эффективности [3, с. 12].

Программа «Эффективный регион» была инициирована Госкорпорацией «Росатом» в 2018 г. как инструмент трансфера производственной системы «Росатом» (ПСР) в сферу государственного и муниципального управления, а также в социально значимые отрасли [4]. Её основной целью является повышение эффективности деятельности органов власти и бюджетных учреждений за счёт внедрения бережливых технологий, что в конечном итоге должно привести к улучшению качества жизни населения и росту конкурентоспособности региональной экономики.

Ключевыми элементами инфраструктуры программы являются региональные проектные офисы, которые координируют внедрение бережливых практик. Важную роль играет также фабрика процес-

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

сов – учебная площадка, где участники в реальном времени моделируют производственный или административный процесс и находят способы его оптимизации. Такой подход позволяет сформировать устойчивые навыки выявления потерь.

По данным на 2025 г., в программе «Эффективный регион» участвуют более 40 субъектов РФ. Воронежская область отчиталась о 628 реализованных бережливых инициативах, Курская область – о 86 учреждениях, внедривших инструменты бережливого управления, и более 1000 обученных специалистов. Эти цифры свидетельствуют не о разовых акциях, а о формировании устойчивой региональной экосистемы, где бережливые практики воспроизводятся и масштабируются [5; 6].

Оптимизация процессов в государственном управлении и социальной сфере приводит к прямому сокращению бюджетных расходов. Высвобождаемые средства могут быть перенаправлены на приоритетные направления – развитие инфраструктуры, поддержку малого бизнеса, социальные выплаты [4].

Взаимосвязь бережливого управления с национальным проектом «Производительность труда» и другими инициативами по развитию экономики очевидна: рост производительности труда является одним из ключевых показателей экономической устойчивости [7]. Бережливые технологии повышают выработку на 20–30 %, что критично при дефиците кадров и импортозамещении.

Пожалуй, наиболее долгосрочный позитивный результат программы «Эффективный регион» связан с изменением управленческой культуры. Государственные служащие, прошедшие обучение бережливым технологиям, начинают иначе видеть свою работу: они не просто исполняют инструкции, а анализируют процессы, предлагают улучшения, берут на себя ответственность за результат [8]. Это формирует человеческий капитал нового типа – адаптивный, инновационный, устойчивый к стрессам.

Масштабированию бережливого управления препятствуют системные проблемы: культурное сопротивление персонала, дефицит внутренних специалистов, отсутствие надёжных метрик для оценки социального эффекта, а также риск имитации внедрения, когда формальная отчётность не сопровождается реальными изменениями. Преодоление этих барьеров требует не только административных усилий, но и выстраивания системы мотивации, а также интеграции бережливых принципов в образовательные программы [1].

На основе проведённого анализа можно предложить следующие меры. Необходимо усилить мотивацию руководителей через привязку KPI к бережливым результатам, наладить межрегиональный обмен опытом (стажировки, семинары, цифровая платформа), а также ввести основы Lean в образовательные программы по госуправлению, менеджменту и экономике. Это сформирует кадры с бережливым мышлением и снизит будущее сопротивление изменениям.

Результаты выполненного исследования подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что бережливое управление, реализуемое в рамках программы «Эффективный регион», выступает не просто инструментом операционной эффективности, а системным фактором экономической устойчивости регионов. Оно снижает издержки, оптимизирует бюджет, повышает производительность и формирует адаптивную культуру управления, что помогает противостоять угрозам. Практическая ценность работы состоит в выявлении конкретных каналов такого влияния и рекомендациях по тиражированию практик. Перспектива дальнейших исследований – создание методики количественной оценки вклада бережливых инициатив в ВРП.

Список источников

1. Каратаева Г. Е., Рыжаков Е. Д. Концепция бережливого региона в задачах обеспечения его экономической безопасности // Инновационное развитие экономики. 2018. № 6 (Ч. 2). С. 222–229.

2. Пономаренко Е. В. Бережливое управление в региональных проектах устойчивого развития // Государственное управление: экономика и управление народным хозяйством : сб. науч. работ. Донецк : ДОНАУИГС, 2023. Вып. 32. С. 7–11.

3. Филобокова Л. Ю., Артеменко М. А., Шагаев Г. А. Институциональные и организационные механизмы обеспечения экономической безопасности и сбалансированного развития региона (на материалах Московской области) // Управленческий учет. 2025. № 12. С. 10–18.

4. Проект «Эффективный регион», реализуемый при поддержке Госкорпорации «Росатом» // Администрация Калининградской области. URL: https://калининград.рф/effektivnyj_region (дата обращения: 08.04.2026).

5. Проект «Эффективный регион» : офиц. страница // Администрация Волотовского муниципального округа. URL: https://volotovskiy.ru/effectiveregion (дата обращения: 01.04.2026).

6. О реализации проекта «Эффективный регион» в Курской области : итоги 2025 года / Мин-во экономического развития, занятости населения и туризма Курской области. Курск, 2025. URL: http://kursk-region.ru/effectiveregion (дата обращения: 01.04.2026).

7. Национальный проект «Производительность труда»: внедрение бережливых технологий в российских предприятиях // Российская газета. 2024. URL: https://www.rg.ru/2024/10/27/strannica.html (дата обращения: 08.04.2026).

8. Внедрение бережливого управления в работу органов государственной власти РФ // Рос. акад. народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. URL: https://lean.cdto.ranepa.ru/8-vnedrenie-berezhlivogo-upravleniya-v-rabotu-organov-gosudarstvennoj-vlasti-rf (дата обращения: 08.04.2026).

УДК 378.635

Валерия Александровна Лыткина
2-й курс, напр. «Юриспруденция», Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Пермь, Россия, lytkina27l@gmail.com
Научный руководитель: Т. В. Никитина, д-р пед. наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, SPIN-код: 1380-4651, https://orcid.org/0000-0001-7656-7351

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВЕДОМСТВЕННОГО ВУЗА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы функционирования электронной информационно-образовательной среды (ЭИОС) на примере системы Пермского института ФСИН России. Данное исследование основано на анкетировании курсантов Пермского института ФСИН России, проведенном в 2026 г. с целью анализа функциональности ЭИОС глазами курсантов. Выявлены ключевые проблемные зоны ЭИОС: недостаточная адаптивность интерфейса, технические сбои, слабая мобильная доступность, предложены пути их решения.

Ключевые слова: электронная информационно-образовательная среда; вузы ФСИН России; курсанты

Valeria A. Lytkina
Student of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia, lytkina27l@gmail.com
Supervisor: T. V. Nikitina, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, SPIN-code: 1380-4651, https://orcid.org/0000-0001-7656-7351

ASSESSMENT OF THE EFFECTIVENESS OF THE ELECTRONIC INFORMATION AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF A BUREAUCRATIC UNIVERSITY IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Abstract. This article discusses the current issues of the electronic information and educational environment (EIE) based on the example of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. This study is based on a survey conducted among the cadets of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia in 2026. The key problem areas of the EIE have been identified, including insufficient interface adaptability, technical failures, and poor mobile accessibility. The article proposes solutions to these issues. The purpose of this study is to analyze the functionality of the EIE from the perspective of the cadets, identify the problems, and propose solutions.

Keywords: electronic information and educational environment; universities of the Federal Penitentiary Service of Russia; cadets

Цифровая трансформация высшего образования является сегодня приоритетным направлением государственной политики Российской Федерации[1] и важнейшим вектором общественного развития [1]. Развитие данного направления тесно связано с основной целью высшего образования – формированием компетенций, необходимых студенту для успешного профессионального становления. Среди наиболее значимых – информационно-коммуникативные компетенции, в том числе цифровые [2; 3]. В связи с этим электронная информационно-образовательная среда (ЭИОС) вуза представляет собой ключевой ресурс. ЭИОС Пермского института ФСИН России является примером реализации данного направления. Электронная среда не только обеспечивает доступ к учебным материалам и расписанию, но и учитывает особенности обучения курсантов. Однако практика её использования выявляет ряд неудобств, которые снижают мотивацию к самостоятельной работе.

В период с января по март 2026 г. было проведено анкетирование курсантов 1–4 курсов очной формы обучения. Опрос включал в себя 3 блока: оценка дизайна, оценка технической стабильности и оценка качества контента. Результаты опроса помогли выявить проблематику реализации данной среды.

Блок 1. Дизайн. Средняя оценка по 5-балльной шкале 4,1 балла. Основные проблемы заключались в следующем: избыточность многоуровневого меню. Курсанты сталкиваются со сложностью

[1]Стратегическое направление в области цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 июля 2025 г. № 1805-р // Офиц. интернет-портал прав. информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 14.03.2026).

нахождения нужной информации ввиду того, что им требуется сделать 5–7 кликов, прежде чем они доберутся до необходимого материала. Также проблемой стал визуальный шум.

Блок 2. Техническая стабильность. Проблема – затруднение со входом в систему и ее использованием. Большинство (72 %) опрошенных отметили, что система часто «зависает» в периоды массового входа, особенно острой данная проблема становится в период введения режима «беспилотная опасность». Вторая проблема – недостаток коммуникации. В данной версии среды для курсантов проблематично использовать элементы обратной связи ввиду низкой скорости отклика интерфейса.

Блок 3. Контент. Проблема – недостаточный объём нужной литературы. Курсанты отметили малый объём нужной литературы, из-за чего вынуждены переключаться со среды в библиотеку «Znanium».

Предлагаются следующие пути решения выявленной проблематики.

1. *Техническая модернизация.* На данном этапе решаются проблемы перегрузок. Предлагается переход на балансировку нагрузки с использованием технологий кэширования для раздачи контента, а также внедрение в программы из «белого списка» для обеспечения работы среды при объявлении режима «беспилотная опасность».

2. *Передвижение элементов системы.* На данном этапе предлагается осуществить его следующим образом: на главном экране выделяются основные разделы, такие как расписание, раздел «Курсы», в котором содержатся лекции и РПД, а также раздел «Новости», в который курсанту будут приходить изменения его личного кабинета. Остальные разделы и функции переходят в личный кабинет.

3. *Методические рекомендации.* Здесь предлагается объединение двух систем. Если внедрение всей базы материалов в среду невозможно, то необходимо объединение двух систем. В среде появляется новый раздел, через который курсант напрямую попадает в интернет-библиотеку. Это облегчит задачу тем, что не придется выходить из среды и переходить через внешнее пространство, всё будет проходить «здесь и сейчас».

Таким образом, электронная информационно-образовательная среда Пермского института ФСИН России в текущем состоянии требует доработки. Проведённый опрос показал, что основные недостатки состоят в дизайне, технической стабильности и наполне-

нии контентом. Предложенные автором пути решения позволят сформировать лояльное отношение к цифровой экосистеме уголовно-исполнительной системы. Электронная информационно-образовательная среда Пермского института ФСИН России на данный момент является помощником курсанта и путеводителем, но, как и всему, ей нужно совершенствоваться. Для актуализации данных о работе ЭИОС предлагается ежеквартальное проведение опросников среди курсантов, что поможет её дальнейшему совершенствованию.

Список источников

1. Валеева Г. В. цифровая трансформация образования в российской высшей школе: социально-этический анализ: автореф. дис. … канд. филос. наук. Иваново, 2024.

2. Ваганова О. И., Гладков А. В., Коновалова Е. Ю. Цифровые технологии в образовательном пространстве // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 2 (31). С. 53–56.

3. Никитина Т. В. Характеристика авторской методики самооценки профессиональной коммуникативной компетенции курсантов вузов ФСИН России // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 4 (55). С. 187–202.

УДК 331.101.54

Дарья Васильевна Мильчёнок
2-й курс, напр. «Бизнес-администрирование»,
Белорусский государственный экономический университет,
Минск, Беларусь, dmilchenok@gmail.com
Научный руководитель: В. А. Безуглая, канд. экон. наук,
доцент кафедры экономической политики,
SPIN-код: 4025-9168, https://orcid.org/0009-0007-9217-8314

РОЛЬ «ИНФОРМАЦИОННОГО КОКОНА» В ИЗМЕНЕНИИ КОГНИТИВНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме влияния «информационного кокона» на когнитивные функции и профессиональную подготовку молодых специалистов. Детально рассматриваются источники влияния данного феномена на обучение и последующее трудоустройство студентов. Предлагаются методы снижения негативного влияния «информационного кокона».

Ключевые слова: информационный кокон; молодые специалисты; искусственный интеллект; средства массовой информации; алгоритмы; когнитивные функции

Darya V. Milchenok
Student of the Belarusian State Economic University,
Minsk, Belarus, dmilchenok@gmail.com
Supervisor: V. A. Bezuglaya, Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor at the Department of Economic Policy,
SPIN-code: 4025-9168, https://orcid.org/0009-0007-9217-8314

THE ROLE OF THE “INFORMATION COCOON” IN CHANGING THE COGNITIVE AND PROFESSIONAL STRATEGIES OF YOUNG PROFESSIONALS

Abstract. This article examines the impact of the “information cocoon” on the cognitive functions and professional development of young professionals. It reviews in detail the sources of this phenomenon's influence on student learning and subsequent employment, and proposes methods for mitigating the negative impact of the “information cocoon”.

Keywords: information cocoon; young professionals; artificial intelligence; media; algorithms; cognitive functions.

На современном этапе цифровой трансформации наблюдается устойчивая тенденция к ускорению темпов внедрения технологий и расширению масштабов их использования, что сопровождается увеличением доступности информационных данных. В условиях цифровой эпохи формы взаимодействия с информацией также изменяются, о чём свидетельствует переход от анализа и обработки неструктурированных массивов данных человеком для последующего их применения к получению информации в лаконичной форме (тезисы, краткие сведения и т. д.). Тем не менее стоит отметить, что внедрение технологий такого формата, несмотря на положительные эффекты (ускорение процесса обработки и восприятия информации, избежание информационных перегрузок и переутомления и т. д.), приводит к трансформации когнитивных функций человека. В связи с отсутствием достаточного жизненного опыта самым уязвимым слоем населения в таком случае являются студенты и, впоследствии, молодые специалисты.

Одним из феноменов, являющихся результатом указанного процесса, выступает понятие «информационный кокон». Информационным коконом называется созданная самим пользователем или алгоритмом цифровая среда, в которой он (пользователь) получает доступ только к информации, соответствующей личным убеждениям, вкусам и предпочтениям. Заключение себя в такого рода «кокон» искажает индивидуальное познание реального мира, приводя к значительному снижению гибкости мышления и ограничению когнитивных способностей человека, что препятствует эффективному обучению. В контексте обучения студентов феномен информационного кокона не только ограничивает доступ к разнородным точкам зрения, но и оказывает прямое влияние на процесс принятия решений, связанных с карьерой.

Одним из основных проводников информационной изоляции студентов и молодых специалистов на данный момент является непосредственно искусственный интеллект. Ранее превалирующая часть информационного базиса знаний состояла из электронных источников и пособий, размещенных в сети Интернет, которые молодые кадры самостоятельно фильтровали, выделяя наиболее актуальную информацию для эмпирического применения. Вместе с тем

внедрение технологий искусственного интеллекта в поисковую систему, формирование отдельных платформ по взаимодействию с информационными массивами и обработке текстовых документов модифицировали процесс приобретения и систематизации знаний. Искусственный интеллект предоставляет студентам возможность тренироваться в моделировании профессиональных задач и развивать навыки работы с цифровыми инструментами, но в то же время молодые специалисты жертвуют навыками глубинного понимания профессии, снижаются общие способности к запоминанию, а также проявляется зависимость от готовых решений, что ведет к формированию «пассивного мышления» [1]. Одна из основных составляющих обучения – самостоятельный анализ информации – автоматически исключается из причинно-следственной цепочки, тем самым препятствуя эффективному усваиванию необходимой информации. Согласно исследованию, проведенному в Великобритании среди людей трёх возрастных групп (в целом от 17 до 46+ лет), слишком частое использование ИИ приводит к ухудшению результатов в оценке и выполнении сложных задач в связи с фрагментацией знаний. Так, в результате опроса была получены высокие показатели отрицательной корреляции ($r = -0,75$) между когнитивной разгрузкой и критическим мышлением, что дополнительно подтверждает эту гипотезу [2].

Таким образом, знания, приобретаемые студентами, имеют фрагментарный характер, что не позволяет им, в случае необходимости, глубоко оценить текущую ситуацию на рабочем месте, в частности при возникновении нестандартных случаев.

В то же время стоит отметить стремительное сужение поля зрения молодых специалистов под влиянием динамичной информационной среды и устойчивой культуры средств массовой информации. Социальные сети являются наиболее популярным источником получения информации среди представителей молодёжи. Однако алгоритмы социальных сетей лежат в основе формирования так называемой «информационно разделительной стены», то есть своеобразного барьера, ограничивающего столкновение и взаимодействие разнообразных идей и точек зрения среди пользователей. Интересы и предпочтения пользователей применяются в рамках персонализированных информационно-рекомендательных сервисов, которые выступают автоматическим фильтром разнородной информации и формируют базис для персонализированной подборки по-

стов, внедрения рекламы и рекомендуемых товаров и услуг. Тем самым, на первый взгляд, социальные сети создают свободную и персонализированную среду для молодёжи, что лишь способствует их привлекательности, но постепенно сужает круг интересов самих пользователей, ограничивая доступ к большему разнообразию информации.

Алгоритмы и электронные ресурсы создают самовоспроизводящийся цикл предвзятости и уменьшения информационного разнообразия, что усиливает сомнения и страх упустить возможности. Этот механизм формирует теоретическую основу гипотезы о том, что усиление поведения, связанного с «информационным коконом», будет положительно коррелировать с тревожностью, связанной с трудоустройством. В частности, стоит отметить корреляцию между влиянием информационной изоляции и иллюзией ограниченного выбора, так как на современных поисковых платформах при запросе выделяются в основном популярные или узкоспециализированные профессии, которые соответствуют, с высокой вероятностью, неактуальным запросам. «Кокон» формирует узкое восприятие и идеализацию аспектов профессии. В то же время в процессе адаптации на рабочем месте информационная изоляция приводит к информационным перегрузкам при столкновении с культурным шоком и трудностями в области решения нестандартных задач по причине ограничения собственных источников информации и сложностей в освоении необходимых навыков. Следовательно, такой тип поведения ведёт к препятствиям в плане карьерного роста, к примеру, актуальная на данный момент гибкость знаний и коммуникации лимитируется, результатом чего становится принятие неправильных решений в процессе работы и даже потеря карьерных возможностей.

Как показывает исследование студентов Lihao Wang и Fengda Wu, тревога по поводу трудоустройства, порождаемая алгоритмической фильтрацией, усугубляется тем фактом, что она ограничивает доступ пользователя к разнообразным возможностям. Согласно их исследованию, корреляционный анализ показал умеренную корреляцию ($r = 0,34$, $p < 0,001$) во влиянии «информационного кокона» на тревожность студентов в области поиска работы, в то время как регрессионный анализ установил, что информационная изоляция является наиболее сильным индикатором данного типа ($\beta = 0,28$), объясняющим значительную дисперсию помимо демографических

и технологических факторов. Медиационный анализ дал более глубокое объяснение, поскольку 47,6 % взаимосвязи между информационным коконом и тревожностью можно объяснить предвзятостью восприятия риска, указывая на то, что данное явление, помимо влияния на количество искомой информации, также оказывает воздействие на то, как риски воспринимаются когнитивно. Результаты анализа показали, что студенты были убеждены в том, что отказ от алгоритмических подсказок дорого обойдется им в карьере (31,03 %) или поиск без алгоритма приведет к упущению хороших возможностей (34,1 %). В результате формирования данного типа мыслительных ограничений возникает зависимость, искаженное восприятие риска и страх упустить возможность [3].

Рассмотрим пути формирования когнитивных и профессиональных стратегий преодоления ограничений информационного кокона.

1. Стратегии цифрового детокса для молодых специалистов: алгоритмы, как уже было доказано выше, оказывают значительное влияние на когнитивные функции, в особенности при взаимодействии с информационными потоками на ежедневной основе. Именно это является индикатором необходимости периодического дистанцирования от социальных сетей и электронных источников как в повседневном использовании, так и в учебном процессе. В учебных программах стоит гармонизировать долю аспектов и дисциплин, в ходе изучения которых непосредственная необходимость использования поисковых систем и информационных платформ высока, и совместить их с менее информационно зависимыми. В ходе данного процесса правомерной будет рекомендация комбинированного использования электронных и печатных источников информации и их непрерывное обновление на базе учебных заведений.

2. Стратегии подготовки специалистов на основе проведения тренингов по решению практических профессиональных задач, выходящих за рамки строго стандартизированных ситуаций. В частности, внедрение программ коучинга, стремительно набирающих популярность в последние годы, так как это может положительно повлиять на формирование молодыми специалистами прикладных навыков благодаря взаимодействию с опытными специалистами из различных сфер. Разрешение эмпирических кейсов способно вернуть мозг в состояние когнитивной подвижности и общей глубины восприятия, что ведёт к приобретению профессионально востребованных качеств и получению необходимого опыта.

3. Стратегии непрерывного и последовательного развития критического мышления, способствующие формированию осознанной предвзятости подтверждения (когнитивного искажения, при котором человек подсознательно ищет, интерпретирует и запоминает информацию, подтверждающую его убеждения, при этом игнорируя или обесценивая противоположные факты), то есть намеренное расширение кругозора и гибкости мышления посредством диверсификации используемых источников информации, рефрейминга и дистанцирования от своей изначальной точки зрения, а также необходимость тщательного подбора и анализа информационных источников.

4. Стратегии «обхода» алгоритмов в социальных сетях и на поисковых платформах, а именно преодоления персонализированных рекомендаций с помощью создания систем персональной безопасности (VPN и прокси-серверов для зашифровки туннеля связи или же таких сервисов, как DuckDuckGo, Swisscows и Brave Search, для обеспечения анонимности и избежания отслеживания действий пользователей), ограничивающих вмешательство ресурсов персонализации данных. Молодым специалистам также стоит самостоятельно диверсифицировать потребляемый контент с помощью намеренного поиска ранее мало интересующих тем. Пользователям достаточно пересылать новые источники информации, отмечать понравившиеся посты и использовать режим инкогнито для уменьшения количества провоцирующих информационный кокон факторов.

Таким образом, стоит отметить неоспоримое влияние феномена информационного кокона на когнитивные и профессиональные стратегии поведения современных представителей молодых кадров. Из-за увеличения эффективности поиска, анализа информации искусственным интеллектом и внедрения алгоритмов в социальные сети формируется негативный эффект, оказывающий непосредственное влияние на подготовку и повседневную жизнь молодых кадров. Именно поэтому молодым специалистам необходимо пересмотреть подход к взаимодействию с искусственным интеллектом, социальными сетями и иными факторами формирования информационного кокона.

Список источников

1. Осипова О. П., Ван С. Ослабление негативного влияния «информационного кокона» с точки зрения повышения цифровых компетенций обучающихся // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2022. Т. 14, № 3. С. 101–113. DOI: 10.7442/2071-9620-2022-14-3-101-113

2. Gerlich M. AI Tools in Society: Impacts on Cognitive Offloading and the Future of Critical Thinking // Societies. 2025. Vol. 15, № 1. P. 6. DOI: 10.3390/soc15010006. https://www.mdpi.com/2075-4698/15/1/6

3. Wang L., Wu F. Research on the impact of the information cocoon effect on employment anxiety of university students and coping strategies // Environment and Social Psychology. 2025. Vol. 10, № 10. DOI: 10.59429/esp.v10i10.4099

УДК 336.227

***Кирилл Маратович Насыров*[1]**
***Анжелика Ахмеджановна Семченко*[2]**
[1] 2-й курс, напр. «Менеджмент», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия, nasirow.k.m@mail.ru
[2] Д-р экон. наук, профессор кафедры проектного менеджмента и управления качеством Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Санкт-Петербург, Россия, seangelika@yandex.ru, SPIN-код: 6382-9390

АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ В ЭКОНОМИКЕ ДАННЫХ: ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ НА ФИСКАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Аннотация. Предметом исследования выступает цифровой рубль как инструмент модернизации налогового администрирования в Российской Федерации. Цель – выявить влияние цифровой валюты Центрального банка на фискальный суверенитет и экономическую безопасность государства. На основе анализа эмпирических данных 2025–2026 гг., результатов социологических исследований и экспертных оценок рассматриваются последствия внедрения цифрового рубля для собираемости налогов, сокращения теневого сектора и повышения прозрачности финансовых потоков. Особое внимание уделено программируемости денежных средств через смарт-контракты, международному измерению проекта и ключевым рискам: кибербезопасности, правовой неопределённости и сопротивлению банковского сектора.

***Ключевые слова**:* цифровой рубль; CBDC; налоговое администрирование; фискальный суверенитет; экономическая безопасность; смарт-контракты; теневая экономика; финансовая прозрачность

***Kirill M. Nasyrov*[1]**
***Angelika A. Semchenko*[2]**
[1] Student of the St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia, nasirow.k.m@mail.ru
[2] Doctor in Economics, Professor at the Department of Project Management and Quality Management of the St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia, seangelika@yandex.ru, SPIN-code: 6382-9390

ASPECTS OF TAX ADMINISTRATION TRANSFORMATION IN THE DATA ECONOMY: THE IMPACT OF THE DIGITAL RUBLE ON FISCAL SOVEREIGNTY AND ECONOMIC SECURITY

Abstract. The subject of the study is the digital ruble as a tool for modernizing tax administration in the Russian Federation. The aim is to identify the impact of the central bank digital currency on the fiscal sovereignty and economic security of the state. Based on an analysis of empirical data for 2025–2026, results of sociological surveys and expert assessments, the consequences of introducing the digital ruble for tax collection, reducing the shadow economy and increasing financial transparency are considered. Special attention is paid to the programmability of money through smart contracts, the international dimension of the project and key risks: cybersecurity, legal uncertainty and resistance from the banking sector.

Keywords: digital ruble; CBDC; tax administration; fiscal sovereignty; economic security; smart contracts; shadow economy; financial transparency

Глобальная цифровизация финансовых систем выступает закономерным ответом на вызовы экономики данных, в которой прозрачность и скорость транзакций становятся критическими факторами конкурентоспособности, а цифровые валюты центральных банков (CBDC) рассматриваются как стратегический инструмент укрепления экономической безопасности и фискального суверенитета. Российская Федерация, реализующая проект цифрового рубля с 2020 г., преследует цель не только технологической модернизации платёжной инфраструктуры, но и кардинального повышения эффективности налогового администрирования.

Фискальный суверенитет, понимаемый как способность государства автономно формировать доходную часть бюджета и обеспечивать собираемость налогов, в условиях цифровой трансформации напрямую зависит от возможностей налоговых органов отслеживать и контролировать финансовые потоки. Как отмечал министр финансов РФ А. Г. Силуанов, цифровой рубль «интересен для бюджетного процесса», поскольку позволяет вывести контроль за использованием бюджетных средств на качественно новый уровень [1]. С позиции экономической безопасности внедрение цифрового рубля нацелено на минимизацию угроз, связанных с уклонением от уплаты налогов, оттоком капитала и функционированием теневого сектора. По оценкам сенатора С. Н. Рябухина, исполь-

зование цифрового рубля позволит вывести из теневой экономики триллионы рублей, что станет существенным прорывом в обелении финансовых потоков [2].

Анализ готовности населения к использованию цифрового рубля демонстрирует противоречивую картину. Согласно совместному исследованию банка ВТБ и компании Brand Analytics (2025 г.), наиболее востребованной операцией с цифровым рублём граждане назвали оплату государственных пошлин и налогов (43 % респондентов), далее следуют оплата товаров и услуг (42 %) и получение государственных выплат (39 %) [3; 4]. В то же время опрос ВЦИОМ (июль 2025 г.) показал, что 51 % россиян не готовы пользоваться цифровым рублём, а 40 % не видят его преимуществ перед традиционными формами денег; лишь 7 % граждан хорошо информированы о функционале новой валюты [5].

По расчётам компании «Яков и Партнёры», суммарный ежегодный экономический эффект от внедрения цифрового рубля для бизнеса и банков может достигать 328 млрд руб. в оптимистичном сценарии [6]. Основные статьи экономии включают снижение эквайринговых комиссий (до 50–60 млрд руб.) и оптимизацию управления ликвидностью через механизмы кэшпулинга (22–82 млрд руб.). Снижение доходов банков от комиссий за эквайринг при этом может составить 80–95 млрд руб., а затраты на модернизацию терминальной инфраструктуры – около 40 млрд руб. [7].

Ключевым преимуществом цифрового рубля для налогового администрирования выступает технология смарт-контрактов, реализующая принцип программируемости денежных средств. По имеющимся данным, в пилотный проект вовлечён уже 21 банк, а Банк России совместно с Минфином и Федеральным казначейством провёл успешные испытания «окрашивания» средств в ряде регионов [1]. Для малого и среднего бизнеса внедрение цифрового рубля означает принципиально иной уровень прозрачности: каждая операция фиксируется в блокчейн-реестре Центробанка, что исключает возможность отмены или отката платежа и обеспечивает автоконтроль целевого использования средств. Как следствие, ФНС и банки получают прямой доступ к информации о движении цифровых денег, что делает серые схемы дробления выручки значительно более сложными для сокрытия.

Вместе с тем внедрение цифрового рубля сопряжено с рядом вызовов для экономической безопасности. В их числе – киберриски и правовая неопределённость, институциональное сопротивление

банковского сектора, а также инфраструктурная зависимость от единой платформы Банка России, любой масштабный технический сбой на которой способен парализовать расчёты в цифровой валюте [8]. Внешнеэкономический аспект: в условиях санкционного давления цифровой рубль рассматривается как элемент укрепления финансового суверенитета и инструмент дедолларизации, а его интеграция в проекты трансграничных платежей (mBridge, единая валюта БРИКС) открывает перспективы для фискального контроля над внешнеторговыми потоками [7].

Таким образом, цифровой рубль выступает амбивалентным фактором трансформации налогового администрирования. С одной стороны, он предоставляет беспрецедентные возможности для укрепления фискального суверенитета и экономической безопасности за счёт повышения прозрачности, автоматизации контроля и обеления экономики. С другой – порождает новые риски, требующие проактивного регулирования. Реализация фискального потенциала цифрового рубля напрямую зависит от качества правовой базы, уровня доверия населения и технологической устойчивости платформы Банка России. Как отмечают специалисты Сибирского института управления, цифровой рубль способен стать действенным инструментом обеспечения экономической безопасности Российской Федерации только при комплексном подходе, учитывающем как технологические, так и институциональные аспекты его внедрения [9].

Список источников

1. Войлуков А. Профессии цифрового рубля. Часть вторая. Безопасность использования и удобство для граждан // PLUSworld.ru. 22.12.2025. URL: https://plusworld.ru/articles/69403/bankovskaya-roznitsa/ (дата обращения: 14.03.2026).

2. Сенатор Рябухин: цифровой рубль позволит вывести из тени триллионы рублей // СенатИнформ. 19.09.2025. URL: https://www.senatinform.ru/news/senator_ryabukhin_tsifrovoy_rubl_pozvolit_vyvesti_iz_teni_trilliony_rubley/ (дата обращения: 28.04.2026).

3. Исследование: россияне хотят оплачивать цифровым рублем налоги и пошлины // Национальный банковский журнал. 08.10.2025. URL: https://nbj.ru/realestate/publs/issledovanie_rossiyane_khotyat_oplachivat_/70661/ (дата обращения: 28.03.2026).

4. Россияне назвали самые ожидаемые операции в цифровых рублях // BFM-Новосибирск. 19.12.2025. URL: https://nsk.bfm.ru/news/54843 (дата обращения: 14.04.2026).

5. ВЦИОМ: 40% россиян не нашли преимуществ в цифровом рубле, половина не хочет им пользоваться // Осетия-ТВ. 05.12.2025. URL: https://www.ossetia.tv/2025/12/05/vtsiom-40-rossiyan-ne-nashli-preimushhestv-v-tsifrovom-ruble-polovina-ne-hochet-im-polzovatsya/ (дата обращения: 06.04.2026).

6. Яков и Партнёры. Кому достанутся цифровые рубли? URL: https://yakovpartners.ru/publications/cbdc/ (дата обращения: 15.04.2026).

7. Померанцева Н. Инновационный кошелек // Эксперт. 02.03.2026. URL: https://expert.ru/finance/innovatsionnyy-koshelek/ (дата обращения: 12.04.2026).

8. Аитов А. Б. Цифровой рубль. Правовые основания и перспективы его внедрения // Молодой учёный. 2025. № 38 (589). С. 52–55. URL: https://moluch.ru/archive/589/128462/ (дата обращения: 04.04.2026).

9. Димитриева Е. Н., Верятина А. Я., Петровская А. Е. Влияние внедрения цифрового рубля на обеспечение экономической безопасности Российской Федерации в условиях цифровизации // Сибирская финансовая школа. 2025. № 4. С. 76–84. DOI: 10.34020/1993-4386-2025-4-76-84. URL: https://sfs.elpub.ru/jour/article/view/617/547 (дата обращения: 11.04.2026).

УДК 330.34

София Дмитриевна Пфафф [1]
Анжелика Ахмеджановна Семченко [2]
[1] *3-й курс, напр. «Менеджмент», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия, sofiapfaf@yandex.ru*
[2] *Д-р экон. наук, профессор кафедры проектного менеджмента и управления качеством, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия, seangelika@yandex.ru, AuthorID: 550986, https://orcid.org/0000-0003-1142-9323*

«ЦИФРОВЫЕ ДВОЙНИКИ» В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫМИ ПРОЕКТАМИ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ

Аннотация. Исследование посвящено применению технологии «цифровых двойников» в управлении инвестиционными проектами нефтегазовой отрасли. Цель работы – обосновать необходимость внедрения данного инструмента в управление проектами. В результате анализа научных трудов отечественных авторов сделан вывод об отсутствии комплексной методологии по внедрению «цифровых двойников» и значительном потенциале технологии для перехода к адаптивной модели управления.

Ключевые слова: «цифровые двойники»; нефтегазовая отрасль; инвестиционные проекты; управление проектами; управленческие решения; цифровизация; технологии; мониторинг; адаптивная модель

Sofia D. Pfaf [1]
Anzhelica A. Semchenko [2]
[1] *Student of the St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia, sofiapfaf@yandex.ru*
[2] *Doctor of Economics, Professor at the Department of Project Management and Quality Control, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia, seangelika@yandex.ru, AuthorID: 550986, https://orcid.org/0000-0003-1142-9323*

“DIGITAL TWINS” IN THE MANAGEMENT SYSTEM OF OIL AND GAS INVESTMENT PROJECTS

Abstract. The study is devoted to the application of “digital twins” technology in the management of investment projects in the oil and gas industry. The purpose of the study is to justify the need for the implementation of this tool in project management. The existing scientific works of Russian authors are considered. As a result, it is concluded that there is no comprehensive methodology for the implementation of “digital twins” and that the technology has significant potential for the transition to an adaptive management model.

Keywords: “digital twins”; oil and gas industry; investment projects; project management; management decisions; digitalization; technologies; monitoring; adaptive model

Нефтегазовая отрасль определяет экономическую устойчивость и энергетическую безопасность страны, что делает её базовой социально-экономической системой. Капиталоемкость, длительные сроки реализации и значительная неопределённость характеризуют инвестиционные проекты в данной сфере, порождая серьёзные управленческие трудности. Качество принимаемых решений в подобных условиях значительно определяет возможность успешного достижения целевых параметров проекта.

Традиционные подходы к управлению проектами обнаружили свою ограниченность по мере того, как цифровая экономика трансформировала инвестиционные процессы и сделала их более сложными. Классическое планирование проекта с последующим контролем составляет основу, однако такая ориентация не позволяет гибко реагировать на изменения внутренней и внешней среды. Отклонения по срокам, стоимости и результатам фиксируются уже на поздних этапах реализации проектов, а сам процесс управления приобретает реактивный характер.

Научная литература достаточно широко освещает вопросы управления инвестиционными проектами. Сложились подходы, которые опираются на системное и процессное управление, а также на работу с качеством и рисками.

Цифровизация управленческих процессов и внедрение новых технологий занимают особое место не только в современных исследованиях, но в современных реалиях в целом. Технология «цифровых двойников» выделяется среди других перспективных инструментов повышения управленческой эффективности. Цифровых двойников описывают как виртуально-информационную модель (копию) физического объекта, субъекта, процесса или системы, созданную на основе потоков реальных данных и математиче-

ского моделирования. С их помощью можно проводить анализ поведения реального объекта в режиме реального времени, отображать все возможные проблемы до момента их возникновения, оптимизировать производительность и эффективность процессов.

Между объективной потребностью в адаптивном и эффективном управлении инвестиционными проектами и ограниченными возможностями существующих инструментов формируется противоречие. Практическое значение этого противоречия велико по причине того, что его разрешение непосредственно влияет на эффективность функционирования рассматриваемой нефтегазовой отрасли.

Анализ выявил преимущественно фрагментарный характер имеющихся научных работ.

В работе Е. Ю. Андреева подчеркивается: успешная реализация проектов нефтегазового комплекса напрямую зависит от применения риск-ориентированного управления [1]. Автор акцентирует внимание на системной идентификации и минимизации рисков на всех стадиях жизненного цикла проекта, при этом эффективность управления во многом определяется своевременностью получения информации и способностью оперативно реагировать на возникающие отклонения, однако механизмы практического применения «цифровых двойников» в управлении проектами он детально не разрабатывает.

А. Л. Козырин, рассматривая особенности управления проектами в нефтегазовом комплексе, указывает на их высокую сложность, обусловленную технологическими и организационными факторами [2]. Координация большого числа участников и учёт внешних условий требуют развития интеграционных механизмов управления. Вместе с тем существующие подходы, по мнению автора, не обеспечивают достаточной гибкости и адаптивности в условиях изменяющейся среды. Косвенно исследователь говорит о потребности в инструментах, которые могли бы прогнозировать риски, что подобно сути технологии «цифровых двойников».

В. В. Чертов выделяет современные тенденции управления проектами в нефтегазовой отрасли, среди которых особое место занимает цифровизация управленческих процессов [3]. Внедрение цифровых технологий, по мнению автора, способствует повышению прозрачности и управляемости проектов, однако часто носит локальный характер и не формирует единой системы управления проектом [3].

А. В. Полянин и Т. А. Головина рассматривают технологию цифровых двойников как инструмент управления инновационной деятельностью промышленных систем [4]. Использование цифровых моделей позволяет обеспечить непрерывный анализ состояния системы и прогнозирование ее развития, что создаёт предпосылки для повышения эффективности.

Рассмотренные в исследовании авторы концентрируются на технологических аспектах и частных задачах, тогда как комплексное применение цифровых двойников при управлении инвестиционными проектами нефтегазовой отрасли изучено слабо. Здесь обнаруживается исследовательский пробел, обосновывающий актуальность дальнейших научных изысканий.

Целью данного исследования является обоснование необходимости применять технологию цифровых двойников в инвестиционных проектах в нефтегазовой сфере.

Отраслевая специфика нефтегазового комплекса вынуждает учитывать различные аспекты: политические, экономические, технологические ограничения, а также геологические и климатические особенности. В результате возникает потребность в технологиях, которая могла бы обобщить разнородную информацию и помочь в процессе принятия управленческих решений.

Цифровой двойник представляет собой прототип реального объекта, с помощью которого можно осуществить разносторонний мониторинг в режиме реального времени. Таким образом, специалисты могут прогнозировать износ деталей, отказ оборудования при технических ошибках, эксплуатационный характер объекта в разных климатических условиях, рассчитывать периоды технического обслуживания и мн. др. Подводя итог, можно отметить, что данная технология позволяет моделировать сценарии реализации, оценивать влияние неопределённости и своевременно корректировать управленческие решения. Благодаря такому подходу к управлению можно перейти от статической модели к адаптивной, где анализ данных и прогнозирование занимают центральное место.

Цифровые двойники дают возможность моделировать сложные взаимосвязи между элементами проекта в нефтегазовой отрасли, где уровень неопределённости традиционно очень высок. Вследствие использования данного инструмента ресурсы расходуются рациональнее, сроки реализации проектов сокращаются, риски снижаются.

Несмотря на большой список преимуществ, внедрение цифровых двойников сталкивается с рядом препятствий. Комплексная методология по применению технологии на данный момент отсутствует, поэтому интеграция в существующие управленческие системы затруднена.

Технология нередко охватывает лишь отдельные функции и не распространяется на весь жизненный цикл проекта. Технологические и организационные барьеры усугубляют ситуацию: разнородные информационные системы с трудом объединяются в единое целое, затраты на внедрение остаются высокими, квалифицированных кадров не хватает. Нормативно-правовая база развита слабо, что дополнительно препятствует распространению цифровых решений.

Преодолеть перечисленные ранее препятствия позволит интегрированная модель управления инвестиционными проектами, построенная на базе цифровых двойников. Непрерывный мониторинг проектных показателей, обобщение данных из различных систем, поддержание эффективности в достижении результата – такие преимущества обнаруживаются при использовании технологии цифровых двойников. Также стоит уделить внимание применению предиктивной аналитики для прогнозирования возможных нарушений параметров качества и формирования превентивных управленческих решений на ранних стадиях реализации инвестиционного проекта.

Данное исследование позволяет заключить, что технология цифровых двойников качественно улучшает управление проектами и стимулирует переход организаций к адаптивной модели управления. Однако проведенный анализ научных работ отечественных авторов показал, что существующие исследования разрозненны, универсальная методология применения цифровых двойников в управлении проектами, в частности инвестиционными проектами в нефтегазовой отрасли, на данный момент отсутствует.

Список источников

1. Андреев Е. Ю. Методы проектного управления и минимизации рисков в проектах нефтегазового комплекса // Столыпинский вестник. 2023. № 5. С. 2308–2317.

2. Козырин А. Л. Особенности управление проектами в нефтегазовом комплексе // Экономика и социум. 2023. № 4-1 (107). С. 1083–1088.

3. Чертов В. В. Современные особенности управления проектами в нефтегазовой отрасли // Столыпинский вестник. 2023. № 39. С. 4683–4692.

4. Полянин А. В., Головина Т. А. Концепция управления инновационной деятельностью промышленных систем на основе технологии цифрового двойника // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2021. № 5. С. 7–23.

УДК 332.05

Полина Сергеевна Рубашевская
2-й курс, спец. «Бизнес-администрирование»,
Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь, polinarubashevska25@gmail.com
Научный руководитель: В. А. Безуглая, канд. экон. наук,
доцент кафедры экономической политики,
SPIN-код: 4025-9168, https://orcid.org/0009-0007-9217-8314

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНА И ЕЕ РОЛЬ В УКРЕПЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Предметом исследования выступает экономическая безопасность региона как фундаментальная основа национальной безопасности Республики Беларусь. Цель работы – оценить влияние Минской агломерации на макроэкономическую стабильность страны в период 2020–2025 гг. с акцентом на вопросы технологического суверенитета. В результате исследования выявлены ключевые тренды развития, барьеры структурной трансформации и обоснована необходимость форсированной модернизации промышленного комплекса на базе смарт-технологий и энергоэффективных решений.

Ключевые слова: экономическая безопасность; Минская агломерация; технологический суверенитет; региональное развитие; смарт-технологии; энергоэффективность; макроэкономическая стабильность

Polina S. Rubashevskaya
Student of the Belarus State Economic University, Minsk,
Republic of Belarus, polinarubashevska25@gmail.com
Supervisor: V. A. Bezuglaya, Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor at the Department of State Economic Policy,
SPIN-code: 4025-9168, https://orcid.org/0009-0007-9217-8314

REGIONAL ECONOMIC SECURITY AND ITS CONTRIBUTION TO STRENGTHENING NATIONAL SECURITY

Abstract. The study focuses on regional economic security as a core foundation for the national security of the Republic of Belarus. The research aims to evaluate the impact of the Minsk agglomeration on the country's macroeconomic stability during the 2020-2025 period, with a particular emphasis on

technological sovereignty. The findings identify key agglomeration trends and structural transformation barriers, while substantiating the necessity for an accelerated modernization of the industrial complex through the implementation of smart technologies and energy-efficient solutions.

Keywords: economic security; Minsk agglomeration; technological sovereignty; regional development; smart technologies; energy efficiency; macroeconomic stability.

Выявление и устранение текущих угроз экономической безопасности выступают фундаментальным условием поддержания устойчивости и расширенного воспроизводства региональных социально-экономических систем. В научной литературе экономическая безопасность рассматривается как совокупность следующих элементов: социально-экономических, информационно-коммуникативных, финансово-хозяйственных, кадровых, технико-технологических, политико-правовых, эколого-территориальных, хозяйственных отраслевых и т. п. [1].

В контексте Республики Беларусь обеспечение национальной безопасности на региональном уровне регламентируется Концепцией национальной безопасности[1], где экономическая безопасность выделена в качестве приоритетной сферы, гарантирующей стабильность и независимость государства в целом. Соответственно, проблемы экономической безопасности региона предлагается трактовать как деструктивные последствия реализации внешних и внутренних угроз, значимо препятствующих достижению стратегических ориентиров социально-экономического развития.

В рамках настоящего исследования проблематика региональной экономической безопасности рассматривается на примере единого агломерационного комплекса – города Минска и Минской области. Выбор данной области исследования обусловлен её статусом ключевого макрорегиона, формирующего превалирующую долю валового внутреннего продукта Республики Беларусь и концентрирующего основной индустриальный, финансовый и научно-технический потенциал страны. При этом особое внимание уделяется вопросам технологического суверенитета, который в условиях глобальных геополитических и цифровых трансформаций перешёл из категории отраслевых задач в статус основополагающего элемента экономической безопасности.

[1] Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утв. Указом Президента № 575 от 09.11.2010, в 2024 г. одобр. новая редакция Всебелорусским народным собранием.

Анализ макроэкономических индикаторов инвестиционной активности демонстрирует выраженную концентрацию капитала в столичном макрорегионе. Так, в Беларуси за январь–март 2026 г. использовано 11,2 млрд бел. руб. инвестиций в основной капитал, при этом совокупный удельный вес Минской агломерации составил 44,2 % (г. Минск – 22 %, Минской обл. – 22,2 %), существенно опережая другие области страны: Брестская – 13,5 %, Гомельская – 13,2 %, Гродненская – 10,5 %, Витебская – 9,3 %, Могилевская – 9,2 % [2].

Ключевым фактором структурной трансформации и преодоления технологической зависимости выступает инновационная активность промышленного сектора. Согласно статистическим данным (рисунок), уровень инновационной активности организаций промышленности г. Минска демонстрирует стабильный рост, достигнув 49,4 % в 2023 г., в то время как Минская область показывает более умеренную, но поступательную динамику, установившись на уровне 25,5 %.

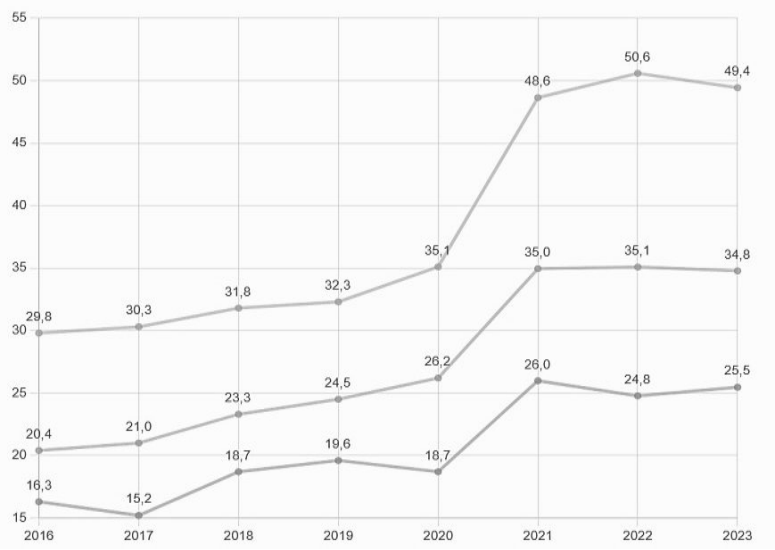

Рисунок – Уровень инновационной активности организаций промышленности, %
(сверху вниз: г. Минск, Республика Беларусь, Минская обл.)
Источник: Национальный статистический комитет Республики Беларусь [3]

Парадоксальной тенденцией выступает пространственная дивергенция инвестирования: при существенном снижении совокупных затрат на инновации по территории Республики Беларусь (с 1 473 566 тыс. руб. в 2020 г. до 1 279 462 тыс. руб. в 2023 г.), финансирование столичного региона кратно возросло, достигнув 356 238 тыс. руб. по г. Минску и 186 887 тыс. руб. по Минской области [4].

Следствием такой концентрации капитала стал рост удельного веса отгруженной инновационной продукции в общем объёме производства: по г. Минску показатель увеличился с 19,8 % в 2020 г. до 27,4 % в 2023 г., а по Минской области – с 11,1 до 18,1 % [5]. В то же время статистический срез выявляет скрытую уязвимость: удельный вес организаций промышленности, осуществлявших затраты на инновации, в Минской области за аналогичный период снизился с 19,6 до 17,5 % [6]. Таким образом, сужение круга инновационно активных предприятий в самой Минской области свидетельствует о рисках пространственной поляризации. Для обеспечения целостности экономики в стране требуется: 1) исследовать поляризационные признаки социально-экономического развития территории; 2) разработать механизмы трансфера смарт-технологий от столичного наукоемкого центра к областям, чтобы сгладить поляризационные сдвиги в региональном аспекте [7].

В контексте глобальных проблем неотъемлемым элементом технологического суверенитета индустриального сектора становится ресурсосбережение. В соответствии с Государственной программой «Устойчивая энергетика и энергоэффективность»[1] на 2026–2030 гг. стратегическим макроэкономическим ориентиром является снижение энергоемкости ВВП на 4 % (по отношению к 2025 г.) к 2030 г., при обеспечении высоких темпов экономического роста (115,8 %) [8]. Решение данной задачи невозможно без интеграции энергоэффективных решений и местных топливно-энергетических ресурсов (включая ВИЭ) в производственные циклы реального сектора экономики.

В заключение следует сказать, что экономическая безопасность региона выступает базовым условием обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь. Проведённый анализ на примере

[1] О Государственной программе «Устойчивая энергетика и энергоэффективность» на 2026–2030 годы // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=C22500819 (дата обращения: 22.04.2026).

Минской агломерации доказывает, что макроэкономическая стабильность и независимость государства напрямую определяются уровнем технологического суверенитета его ключевых макрорегионов.

Несмотря на высокую концентрацию капитала и статус инновационного ядра, столичный регион подвержен внутренним рискам технологической поляризации. Следовательно, роль региональной экономики в укреплении национальной безопасности заключается в трансформации локальных точек роста в единую защищённую систему. Это требует форсированного трансфера смарт-технологий из столицы в области и повсеместного внедрения энергоэффективных решений в реальный сектор. Только через преодоление региональных структурных барьеров и достижение технологической независимости возможно гарантировать устойчивость государства к внешним геоэкономическим шокам.

Список источников

1. Сурнина К. С., Деркач Ю. В., Соколова Ж. В. Факторы экономической безопасности: классификационный подход к источникам информации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 3-1. С. 128–134.

2. В Беларуси за январь–март использовали 11,2 млрд инвестиций в основной капитал // SB.BY. URL: https://www.sb.by/articles/za-yanvar-mart-v-belarusi-ispolzovano-11-2-mlrd-investitsiy-v-osnovnoy-kapital.html (дата обращения: 22.04.2026).

3. Уровень инновационной активности организаций промышленности // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10219200001 (дата обращения: 22.04.2026).

4. Затраты на инновации организаций промышленности в текущих ценах // Национальный статистический комитет Республики Беларусь URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10219200007 (дата обращения: 22.04.2026).

5. Удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции // Национальный статистический комитет Республики Беларусь URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10219200003 (дата обращения: 22.04.2026).

6. Удельный вес организаций промышленности, осуществлявших затраты на инновации, в общем числе обследованных организаций промышленности // Национальный статистический комитет Республики Беларусь URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10219200004 (дата обращения: 22.04.2026).

7. Николаева Н. А. Влияние отраслевых поляризационных сдвигов на экономический рост в региональном аспекте // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2023. Т. 14, № 2. С. 91–100. DOI: 10.18287/2542-0461-2023-14-2-91-100

8. Беларусь планирует снизить энергоемкость ВВП на 4 % к 2030 году // Belta.by. URL: https://belta.by/economics/view/belarus-planiruet-snizit-energoemkost-vvp-na-4-k-2030-godu-758001-2026/ (дата обращения: 22.04.2026).

УДК 004.056.5

Вероника Николаевна Сагун
3-й курс, напр. «Государственное и муниципальное управление», Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Пермь, Россия, nikasagun@yandex.ru
Научный руководитель: А. А. Кальсина, канд. ист. наук, доцент факультета государственного и муниципального управления и национальной экономики

БЕЗОПАСНОСТЬ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭЛЕКТРОННОЙ ПОДПИСИ

Аннотация. Статья посвящена проблемам, возникающим при использовании электронной подписи. Рассматриваются законодательно закреплённое определение электронной подписи, её состав, виды, меры осторожности при работе с ней.

Ключевые слова: электронная подпись; электронный документооборот; секретный ключ и программное обеспечение

Veronika N. Sagun
Student of the Perm Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Perm, Russia, nikasagun@yandex.ru
Supervisor: A. A. Kalsina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Faculty of State and Municipal Administration and National Economy

SECURITY IN USING AN ELECTRONIC SIGNATURE

Abstract. This article is devoted to the problems that exist in the use of electronic signatures. It discusses the composition of an electronic signature, the precautions to be taken when working with it.

Keywords: electronic signature; electronic document management; a secret key and software

В 1970-х гг. американские специалисты в области криптографии Уитфилд Диффи и Мартин Э. Хеллмэн создали технологию цифровой подписи [1]. Её ключевая задача – верификация подлинности электронных документов.

Это изобретение позволило эффективно решать комплекс проблем, связанных с достоверностью информации, аутентичностью документа, сохранением целостности данных и обеспечением пригодности документа к использованию.

Регулирование создания и применения электронных подписей в России осуществляется на уровне федерального законодательства [2]. Так, на законодательном уровне определено понятие электронной подписи. Федеральный закон об электронной подписи[1] устанавливает, что *электронная подпись* (далее – также ЭП) – информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию. Этот же закон даёт чёткое определение понятию *ключа электронной подписи* – уникальная последовательность символов, предназначенная для создания электронной подписи.

Электронные подписи можно разделить на несколько видов:

– простая электронная подпись;

– неквалифицированная электронная подпись;

– квалифицированная электронная подпись.

Рассмотрим их особенности.

Неквалифицированная электронная подпись характеризуется следующими признаками:

– формируется путём криптографического преобразования данных с применением ключа подписи;

– даёт возможность идентифицировать автора электронного документа;

– позволяет выявить любые изменения, внесённые в документ после подписания;

– создаётся с использованием специализированных средств электронной подписи.

Квалифицированная электронная подпись обладает всеми перечисленными свойствами неквалифицированной, но дополняется важными элементами:

– ключ для проверки подписи подтверждается квалифицированным сертификатом;

[1] Об электронной подписи : федер. закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 31 июля 2024 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– для создания и проверки применяются средства электронной подписи, сертифицированные в соответствии с требованиями федерального закона «Об электронной подписи».

Юридический статус электронных документов зависит от типа использованной подписи. Документ с квалифицированной электронной подписью приравнивается к бумажному документу с собственноручной подписью. Он допустим в любых правовых отношениях в рамках действующего законодательства РФ.

Документы с простой или неквалифицированной электронной подписью могут обладать аналогичной юридической силой лишь в строго определённых случаях – когда это прямо предусмотрено федеральными законами и подзаконными актами.

Важные нормативные ориентиры:

1) требования к электронным подписям в бухгалтерской документации закреплены в Федеральном стандарте бухгалтерского учёта ФСБУ 27/2021 (вступил в силу 1 января 2022 г.)[1];

2) выбор конкретного вида подписи может определяться как законодательными предписаниями, так и договорённостями между участниками электронного взаимодействия;

3) ключевой аспект электронных подписей – их юридическая сила.

При этом квалифицированная усиленная подпись обладает более высоким правовым статусом по сравнению с простой электронной подписью.

Важно учитывать, что формирование юридически значимого электронного документа невозможно без использования специализированной системы электронного документооборота.

В основе механизма цифровой подписи лежит концепция «односторонней функции с секретом». Суть подхода заключается в следующем: задаются два ключевых элемента – секретный ключ и цифровая подпись, также функция устанавливает строго определённое соответствие между этими элементами и конкретным документом [1].

Таким образом, технология создаёт надёжную связь между документом и его автором, позволяя однозначно подтвердить принадлежность и неизменность данных.

[1] Об утверждении Федерального стандарта бухгалтерского учета ФСБУ 27/2021 «Документы и документооборот в бухгалтерском учете» : приказ Минфина России от 16.04.2021 № 62н (ред. от 23.12.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Принцип работы данной функции в системе электронного документооборота строится на формировании уникальной подписи для каждого отдельного сообщения.

Механизм действует следующим образом. Участники документооборота обладают двумя ключевыми элементами: 1) секретным ключом, известным только им, и непосредственным доступом к документу; 2) цифровой подписью.

Лица, не имеющие информации о секретном ключе, технически не могут сформировать корректную подпись и подписать документ от чужого имени. Именно эта особенность обеспечивает высочайший уровень защиты – подделать электронную подпись в таких условиях практически нереально.

Для проверки подлинности документа любой участник может использовать открытый ключ (публичную часть криптосистемы). Имея его, можно верифицировать корректность электронной подписи, убедиться в неизменности документа с момента подписания и подтвердить легитимность автора подписи.

Таким образом, система создаёт надёжный механизм аутентификации и защиты данных, где право подписи строго ограничено кругом уполномоченных лиц, а проверка подлинности доступна всем заинтересованным участникам процесса. Также выделяют ещё одно свойство электронной подписи, его можно передавать даже по открытым каналам, не опасаясь фальсификаций. Если документ умышленно или из-за сбоев окажется искажённым, то подпись станет недействительной [3].

Необходимо обращать внимание на факторы, которые могут угрожать безопасному использованию электронной подписи.

1. Кража или потеря носителя с закрытым ключом (токена, USB-флешки, смарт-карты). Злоумышленники могут использовать ЭП для подписания документов от имени владельца.

2. Передача ЭП третьим лицам. Даже временная передача токена коллеге или родственнику повышает риск несанкционированного использования.

3. Использование слабых или предсказуемых паролей (например, даты рождения, простых комбинаций).

4. Фишинг и социальная инженерия. Мошенники могут обманом заставить владельца раскрыть пароль или предоставить доступ к носителю.

5. Вредоносное ПО. Вирусы и шпионские программы могут украсть ключи или перехватить данные при работе с ЭП.

6. Необновлённое ПО. Уязвимости в операционной системе или программном обеспечении могут быть использованы злоумышленниками.

7. Неотзыв ЭП у уволенных сотрудников. Бывший работник может использовать ЭП для нанесения ущерба компании [4].

Чтобы избежать проблем, связанных с использованием электронной подписи, необходимо следовать некоторым правилам.

1. Использовать только предназначенные для работы устройства. Не применять ЭП на личных или ненадёжных устройствах.

2. Блокировать компьютер, если он не используется.

3. Не подключать устройства с ЭП к публичным Wi-Fi-сетям (кафе, метро и т. д.) – это повышает риск перехвата данных.

4. Регулярно обновлять ПО и операционную систему, использовать антивирусные программы.

5. Не открывать подозрительные файлы, которые могут содержать вредоносное ПО.

Соблюдение этих мер поможет минимизировать риски и обеспечить безопасность при работе с электронной подписью.

Таким образом, электронная подпись значительно ускоряет процесс ведения документооборота, но нельзя забывать о безопасности её использования.

Список источников

1. Информационное право: учебник для вузов / М. А. Федотов, А. В. Антонова, Р. А. Будник, Е. А. Войниканис, О. А. Околёснова, И. В. Петрин, А. В. Примакова, Е. В. Семенова, А. А. Тедеев, И. Г. Шаблинский 3-е изд., пер. и доп. М. : Юрайт, 2025.

2. Волинец К. Нормативно-правовое регулирование электронного документооборота // Вестник науки. 2024. № 7 (76). Т. 3. С. 115–121. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovoe-regulirovanie-elektronnogo-dokumentooborota (дата обращения: 20.03.2026).

3. Будник Р. А. Правовое регулирование электронного документооборота : учебник для вузов / под ред. М. А. Федотова. 4-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт, 2025.

4. Электронная подпись: аспекты безопасности. 28.05.2025 // F.doc: сайт. URL: https://fdoc.ru/blog/elektronnaya-podpis-aspekty-bezopasnosti/ (дата обращения: 20.03.2026).

УДК 658.562

Руслан Олегович Сорокин[1]
Александр Игоревич Пономарчук[2]
[1] *2-й курс, напр. «Экономика», Муромский институт (филиал) Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Муром, Россия, Sorokinruslan2008@mail.ru*
[2] *1-й курс, напр. «Экономика», Муромский институт (филиал) Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Муром, Россия, ponomarchuk1991@inbox.ru*
Научный руководитель: А. В. Свистунов, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики туризма и массовых коммуникаций

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АУДИТ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА: МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ ОПТИМИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. Статья посвящена вопросам проведения технологического аудита на предприятиях оборонно-промышленного комплекса (ОПК) машиностроительной отрасли и оценке экономического эффекта от внедрения оптимизационных мероприятий.

Ключевые слова: технологический аудит; машиностроение; модернизация оборудования; цифровизация производства; контроль качества; рекламации; брак; себестоимость; производительность

Ruslan O. Sorokin[1]
Alexander I. Ponomarchuk[2]
[1] *Student of Murom Institute (Branch) of theVladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolay Grigoryevich Stoletovs, Murom, Russia, Sorokinruslan2008@mail.ru*
[2] *Student of the Murom Institute (Branch) Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolay Grigoryevich Stoletovs, Murom, Russia, ponomarchuk1991@inbox.ru*
Supervisor: A. V. Svistunov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Economics of Tourism and Mass Communications

TECHNOLOGICAL AUDIT AT ENTERPRISES OF THE DEFENSE INDUSTRY: METHODOLOGY AND ECONOMIC EFFECT OF PRODUCTION OPTIMIZATION

Abstract. The article is devoted to the issues of conducting a technological audit at enterprises of the defense industry complex (DIC) in the machine-building sector and assessing the economic effect of implementing optimization measures.

Keywords: technological audit; mechanical engineering; equipment modernization; production digitalization; quality control; claims; defects; cost price; productivity

Машиностроение – базовая отрасль промышленности, определяющая технологический потенциал и обороноспособность государства. Предприятия оборонно-промышленного комплекса (ОПК), относящиеся к машиностроительной отрасли, выполняют стратегически важные задачи: обеспечивают Вооружённые Силы РФ современной военной техникой, поддерживают экспортный потенциал страны в сфере военно-технического сотрудничества, развивают критические технологии двойного назначения [1].

В современных условиях предприятия ОПК сталкиваются с комплексом вызовов, требующих системной оптимизации производственных процессов. Санкционное давление и внешнеэкономические ограничения затрудняют доступ к передовым технологиям, комплектующим и оборудованию, что обусловливает необходимость локализации технологических цепочек и поиска отечественных аналогов. Одновременно продукция ОПК должна соответствовать жёстким требованиям по качеству и надёжности, выдерживая экстремальные нагрузки и обеспечивая безотказность в критических условиях эксплуатации. Ограниченность финансирования, обусловленная целевым характером и лимитами бюджетных ассигнований, диктует необходимость минимизации издержек без ущерба для качества. Дополнительные сложности создаёт дефицит квалифицированных кадров, особенно в сфере цифровых технологий, прецизионной обработки и аддитивного производства, а также высокий уровень физического и морального износа основных фондов, что снижает производительность и увеличивает себестоимость продукции. Кроме того, производство сложных машиностроительных изделий, таких как бронетехника, артиллерийские системы и

средства ПВО, требует сложной кооперации сотен поставщиков, что повышает риски срыва сроков и требует синхронизации всех этапов производственного цикла.

В условиях жёсткой международной конкуренции и необходимости обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации особую актуальность приобретает повышение эффективности предприятий ОПК. Ключевым инструментом выявления резервов роста производительности и снижения издержек служит технологический аудит – системный анализ производственных процессов с целью их последующей оптимизации [2].

Актуальность проведения технологического аудита на предприятиях ОПК обусловлена необходимостью обеспечения конкурентоспособности и стратегической безопасности государства в условиях быстро меняющихся технологических вызовов. Технологический аудит позволяет объективно оценить уровень развития производственных мощностей, выявить узкие места и потенциал для внедрения инноваций, а также определить соответствие современным стандартам и требованиям. В современных условиях, когда темпы научно-технического прогресса ускоряются, а внешние угрозы и вызовы становятся всё более сложными, регулярный технологический аудит становится ключевым инструментом для своевременной модернизации, повышения эффективности и минимизации рисков, связанных с устареванием технологий и оборудования.

Технологический аудит представляет собой не разовое мероприятие, а комплексный, детально продуманный и спланированный процесс, направленный на объективную оценку текущего состояния, потенциала и эффективности использования технологий на предприятии. Для обеспечения достоверности результатов и практической применимости выводов данный процесс должен быть строго структурирован по этапам, каждый из которых характеризуется специфическими задачами и соответствующим инструментарием.

Предлагаемая детализированная методика проведения технологического аудита включает в себя следующие последовательные этапы.

1. *Подготовительный этап*. На данной стадии осуществляется постановка целей и задач аудита, формируется рабочая группа, разрабатывается и утверждается техническое задание. Ключевым результатом этапа является план-график проведения работ и определение границ аудита (области анализа).

2. *Диагностический этап (сбор и анализ информации).* Это основной этап, в рамках которого проводится сбор первичных данных о технологических процессах, оборудовании, уровне автоматизации и квалификации персонала. В качестве инструментария на данном этапе применяются:

– анкетирование и интервьюирование руководителей и ключевых специалистов для выявления «узких мест» и неформализованных знаний;

– анализ технической документации, патентов, стандартов и регламентов;

– инструментальные обследования и аудит производственных площадок.

3. *Аналитический этап*. На основе собранных данных проводится их систематизация и глубокий анализ. Целью данного этапа является оценка соответствия технологического уровня предприятия современным требованиям, выявление резервов для повышения производительности и качества продукции. Основными инструментами здесь выступают методы сравнительного анализа (бенчмаркинг), SWOT-анализ технологий и построение карт технологических процессов.

4. *Заключительный этап (разработка рекомендаций).* По результатам анализа формируется итоговый отчет, содержащий описание выявленных проблем, оценку рисков и, что наиболее важно, конкретные, экономически обоснованные рекомендации по модернизации технологий, внедрению инноваций или оптимизации существующих процессов [3].

Таким образом, представленная методика обеспечивает системный подход к оценке технологического потенциала организации, позволяя трансформировать разрозненные данные в стратегические управленческие решения.

На примере одного из отечественных предприятий оборонно-промышленного комплекса по производству блоков подвески для вооружения военной и специальной техники рассмотрим основные преимущества внедрения системы технологического аудита.

Блок подвески – ключевой элемент ходовой части гусеничной машины, предназначенный для связи корпуса машины с гусеничным движителем, смягчения ударов и толчков при движении по неровностям, равномерного распределения нагрузки от массы ма-

шины на опорные катки и гусеницы, поддержания заданного клиренса (дорожного просвета), обеспечения устойчивости и управляемости машины на различных типах рельефа.

В табл. 1 приведены данные о рекламациях по качеству блоков подвески за период 2023–2025 гг. в количественном и стоимостном выражении.

Таблица 1 – Данные о рекламациях по качеству блоков подвески

Параметр	До внедрения системы аудита		После внедрения
	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Количество отгруженных	2022	2881	2987
Количество рекламационных	7	18	9
Уровень дефектности, %	0,35	0,62	0,30
Стоимость рекламаций, руб.	855 268,23	3 649 215,80	973 516,50
Стоимость рекламаций на ед. отгруженной продукции, руб./ед.	422,98	1 266,65	325,92

Увеличение количества отгруженных изделий в 2024 г. привело к значительному повышению и количества рекламаций, что обусловило рост уровня дефектности почти в 2 раза и повышение стоимости рекламаций на единицу отгруженной продукции в 3 раза. Всё это влечет за собой потенциальные штрафы за несоответствие спецификациям гособоронзаказа, репутационные потери при срыве сроков поставки критичных узлов.

По результатам анализа данных 2024 г. принято решение о проведении аудита данного процесса производства.

В состав аудиторской комиссии были включены начальник производства, начальник отдела технического контроля, начальник отдела сбыта, главный технолог, главный инженер, представитель военного представительства.

Комиссии в рамках проведения аудита были поставлены задачи по определению узких мест, неэффективных процессов и переходов, приводящих к дефектам, определению технологически необоснованных затрат, проверке состояния производственного, контрольно-измерительного и другого технологического оборудования, проверке квалификации персонала.

На основе поставленных задач и анализа деятельности предприятия в рамках технологического аудита был выявлен ряд системных недостатков, препятствующих повышению эффективности производства и качества выпускаемой продукции.

Ключевые выявленные недостатки сгруппированы следующим образом.

1. *Технологические и процессные проблемы*. В ходе аудита были обнаружены узкие места и неэффективные переходы в производственной цепочке. Отсутствие должного контроля на отдельных этапах приводило к систематическому возникновению дефектов, которые выявлялись лишь на стадии конечного контроля или, что более критично, у потребителя.

2. *Высокий уровень технологически необоснованных затрат*. Анализ показал наличие избыточных операций, неоптимальное использование сырья и материалов, а также простои оборудования, не связанные с технологическим циклом. Это напрямую влияло на себестоимость продукции и снижало общую рентабельность.

3. *Устаревание и неудовлетворительное состояние оборудования*. Значительная часть производственного и контрольно-измерительного оборудования эксплуатировалась за пределами нормативного срока службы. Отсутствие своевременной модернизации и калибровки приводило к погрешностям в измерениях и нестабильности технологических режимов.

4. *Недостаточный уровень квалификации персонала*. Было установлено, что компетенции ряда сотрудников, задействованных в ключевых операциях, не в полной мере соответствуют требованиям современных технологий. Это выражалось в нарушении технологических карт, неспособности оперативно выявлять и устранять причины отклонений, а также в низкой культуре производства.

Таким образом, аудит позволил обнаружить комплекс взаимосвязанных проблем, требующих системного решения, направленного на модернизацию парка оборудования, оптимизацию процессов и повышение квалификации кадров.

На основании представленных данных аудита и выявленных недостатков комиссией сформулированы основные рекомендации. Они структурированы в табл. 2 по ключевым направлениям с целью обеспечить системный подход к устранению проблем.

Таблица 2 – Рекомендации комиссии по результатам проведенного аудита

Рекомендация	Способ достижения
Пересмотр маршрутных карт	Проведение реинжиниринга производственных процессов для устранения лишних перемещений и «узких мест»
Усиление входного контроля	Внедрение многоступенчатого контроля качества сырья и комплектующих от поставщиков, чтобы исключить попадание дефектов на начальные этапы производства
Внедрение системы бережливого производства (Lean Manufacturing)	Проведение картирования потока создания ценности (VSM) для визуализации потерь
Внедрение системы 5S	Сортировка, соблюдение порядка, содержание в чистоте, стандартизация, совершенствование – для оптимизации рабочих мест и сокращения времени на поиск инструментов/материалов
Анализ норм расхода	Пересмотр и актуализация технологических норм расхода сырья и материалов на основе фактических данных производства для снижения потерь
Оптимизация планирования	Внедрение системы календарно-плановых нормативов для минимизации простоев оборудования между сменами и операциями
Разработка программы модернизации	Составление графика планово-предупредительных ремонтов и поэтапной замены наиболее изношенного оборудования. Приоритет – оборудование, влияющее на точность и качество продукции
Внедрение регламента калибровки	Разработка и утверждение графика регулярной поверки и калибровки всего контрольно-измерительного оборудования. Ответственность за соблюдение графика возложить на службу главного метролога
Анализ критичности	Оценка рисков отказа оборудования. Для узлов, отказ которых ведет к браку или остановке линии, предусмотреть наличие резервных запчастей или дублирующих агрегатов
Создание системы внутреннего обучения	Организация курсов повышения квалификации по новым технологиям и работе на обновленном оборудовании
Внедрение наставничества	Закрепление опытных сотрудников за новичками для передачи практических навыков

Рекомендация	Способ достижения
Мотивация на качество	Пересмотр системы премирования. Ввод KPI, привязанных не только к объему выпуска (количество отгруженных единиц), но и к показателям качества (уровень дефектности, отсутствие рекламаций), что сместит фокус персонала с количества на качество

Внедрение системы технологического аудита продемонстрировало высокую эффективность и оказало прямое положительное влияние на экономические и качественные показатели деятельности предприятия.

Выполнение рекомендаций комиссии по результатам проведения технологического аудита позволило: снизить финансовые потери более чем в 3,7 раза – за счет сокращения стоимости рекламаций; повысить качество продукции – за счет снижения уровня дефектности продукции почти вдвое; увеличить операционную эффективность – за счет снижения стоимости одной рекламации на единицу отгруженной продукции более чем в 3,8 раза.

Таким образом, результаты анализа подтверждают, что система технологического аудита является действенным инструментом управления качеством. Она позволила не только сократить прямые финансовые издержки, связанные с браком, но и повысить общую стабильность и предсказуемость производственного процесса.

Представленные в табл. 1 данные наглядно демонстрируют, что технологический аудит является мощным инструментом повышения эффективности предприятий ОПК. Систематическое применение описанной методики позволяет не только выявить скрытые резервы производства, но и получить значительный экономический эффект: снизить себестоимость продукции, сократить производственный цикл, уменьшить уровень брака и повысить общую производительность.

Предложенные меры носят комплексный характер и взаимосвязаны: модернизация оборудования усиливает эффект цифровизации, а обучение персонала повышает отдачу от новых технологий. Такой подход обеспечит устойчивое развитие предприятия в долгосрочной перспективе.

Внедрение рекомендаций по результатам аудита обеспечивает устойчивое развитие предприятия в долгосрочной перспективе, повышает его конкурентоспособность и способствует выполнению

стратегических задач по укреплению обороноспособности страны. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на разработку отраслевых стандартов технологического аудита и создание цифровых инструментов для автоматизации его проведения [4].

Список источников

1. Банных С. А. Технологический аудит как метод повышения качества оборонной продукции и снижения трудоемкости // Инновационное развитие техники и технологий наземного транспорта : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 16 декабря 2022 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. С. 27–29.

2. Аристов О. В. Управление качеством продукции : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2022. 240 с.

3. Коробейников Л. В., Одиноков С. А. Оценка технологических возможностей производства на машиностроительном предприятии // Управление качеством : сб. материалов X Всерос. науч.-практ. конф. М. : МАТИ, 2011. С. 202–204.

4. Кузнецов А. Н., Смирнова Е. С. Цифровизация производственных процессов в машиностроении: опыт и перспективы // Инновации и инвестиции. 2024. № 4. С. 78–85.

3. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

УДК 32:004

Маржона Наврузовна Абдужабборова
2-й курс, напр. «Политология», Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан, abdujabborova2007@icloud.com
Научный руководитель: К. М. Мирзаахмедов, д-р полит. наук, профессор

ЦИФРОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ И КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ

Аннотация. В статье анализируется процесс цифровой социализации личности и его взаимосвязь с кибербезопасностью. В условиях стремительного развития информационно-коммуникационных технологий Интернет и социальные сети становятся важнейшей средой социализации личности. Цифровая среда порождает различные риски: кибербуллинг, утечка персональных данных, онлайн-мошенничество и др. Обращается внимание на теоретические основы цифровой социализации, её положительные и отрицательные аспекты, а также актуальные проблемы обеспечения кибербезопасности личности. В основе исследования лежат современные научные подходы и международные теоретические концепции, позволяющие раскрыть ключевые проблемы защиты личности в цифровом пространстве.

Ключевые слова: цифровая социализация; кибербезопасность; цифровая идентичность; кибербуллинг; интернет-риски; личность и цифровая среда; онлайн-коммуникация

Marjona N. Abdujabborova
Student of the National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan, abdujabborova2007@icloud.com
Supervisor: K. M. Mirzaakhmedov, Doctor of Political Sciences, Professor

DIGITAL SOCIALIZATION OF THE INDIVIDUAL AND CYBERSECURITY

Abstract. This article analyzes the process of digital socialization of the individual and its relationship with cybersecurity. In the context of the rapid development of information and communication technologies, the Internet and social networks have become a crucial environment for individual socialization. At the same time, the digital environment generates various risks, such as cyberbullying, personal data leakage, and online fraud. The article examines the theoretical foundations of digital socialization, its positive and negative aspects, as well as the current challenges of ensuring individual cybersecurity. The study relies on modern scientific approaches and international theoretical concepts, which allows for an in-depth analysis of the key issues of protecting individuals in the digital space.

Keywords: digital socialization; cybersecurity; digital identity; cyberbullying; internet risks; individual and digital environment; online communication

В современном мире жизнедеятельность более 70 % людей, а представителей молодёжи – более 80 % проходит как в реальном, предметном пространстве, так и в цифровом: Интернет, цифровые платформы и цифровая социализация занимают центральное место в их жизни[1]. Однако этот вид социализации, наряду с удобством, ускорением деятельности и другими преимуществами, может нести и негативные последствия с точки зрения безопасности: так, например, не исключены случаи кибербуллинга перед широкой аудиторией, мошенничества через ссылки и т. п. В связи с вышесказанным изучение цифровой социализации, особенно молодого поколения, является, безусловно, актуальным.

Проблема цифровой социализации молодёжи привлекает внимание многих исследователей. В этом контексте представляет интерес работа коллектива российских учёных, в которой рассматриваются социальные взаимодействия молодых людей в цифровой среде, включая влияние социальных сетей на формирование ценностей и норм поведения [1].

В цифровой среде социальные сети играют важную роль в формировании идентичности молодёжи, позволяют выражать себя, устанавливать связи с группой, поддерживать дружеские отношения, заводить новые знакомства и обмениваться мнениями. Авторы монографии [1] утверждают, что социальные сети влияют на ценности и нормы поведения. Другими словами, онлайн-взаимодействие формирует этиче-

[1] Мир в режиме онлайн: доступ к интернету имеют три четверти жителей планеты // ООН : офиц. сайт. URL: https://news.un.org/ru/story/2025/11/1466844 (дата обращения: 20.01.2026).

ские и моральные ценности у молодёжи, а в некоторых случаях способствует возникновению негативного поведения, такого как кибербуллинг. Вместе с цифровой социализацией молодёжь должна развивать цифровую культуру, получать образование в области кибербезопасности и учитывать защиту личной информации.

Социализация – длительный процесс, в результате которого человек приобретает собственный социальный опыт, ценностные ориентации. Учёные различают профессиональную, гендерную, правовую, этническую, гражданскую и другую социализацию. Выделяют горизонтальный и вертикальный её срезы: горизонтальный срез – усвоение общественных ценностей, удовлетворенность жизненных ориентаций; вертикальный срез представлен когнитивным, эмоциональным и поведенческим уровнями [2].

Как отмечает А. В. Микляева, «в результате экспансии цифровых технологий в различные сферы жизни изменяется реальность жизнеосуществления человека, приобретая характер гибридной, или смешанной, реальности, в которой происходит слияние реального и смоделированных с помощью цифровых технологий миров, когда физические и цифровые объекты сосуществуют и взаимодействуют в реальном времени и, как следствие, претерпевают изменения процессы социального становления личности и взаимодействия людей» [3].

Цифровая социализация позволяет детям и подросткам развивать социальные навыки, коммуникативные привычки и формировать личную идентичность в онлайн-среде [4]. Исследователи данного вопроса подчёркивают, что посредством цифровых медиа происходит формирование цифровой идентичности личности, включающее процессы самопрезентации, получения обратной связи и участия в онлайн-сообществах. При недостаточном уровне цифровой грамотности личность становится уязвимой к интернет-рискам, таким как кибербуллинг, информационная манипуляция и нарушение неприкосновенности частной жизни. Однако при наличии у личности достаточного понимания основ кибербезопасности возрастает вероятность предотвращения подобных ситуаций [5].

Кибербезопасность – это практика защиты систем, сетей и данных от цифровых атак, которая обеспечивает конфиденциальность, целостность и доступность информации [6]. Интеграция курсов по кибербезопасности в образовательные программы способствует формированию ответственного цифрового гражданства среди молодёжи [7].

Цифровая социализация повышает социальную активность личности, однако данный процесс приносит положительные результаты лишь при его согласовании с эффективными механизмами безопасности. В настоящее время наблюдается тенденция к использованию всех доступных персональных данных для оформления онлайн-кредитов или перехода на нелегальные сайты через неизвестные ссылки. Для предотвращения подобных ситуаций каждому человеку необходимо обладать достаточными знаниями и навыками в области цифровой безопасности.

Обеспечение кибербезопасности является не только личной ответственностью, но и одной из приоритетных задач государственной политики и системы образования.

Таким образом, цифровая социализация является неотъемлемой частью современной жизни, она формирует новые модели взаимодействия и поведения личности в онлайн-среде.

Безусловно, цифровая социализация открывает новые возможности, при этом включение систематического обучения основам кибербезопасности в образовательный процесс для всех категорий обучающихся может рассматриваться как эффективное и обоснованное решение актуальных проблем в этой сфере.

В условиях стремительного развития цифровых технологий особую значимость приобретает формирование у личности осознанного и ответственного отношения к цифровому пространству. Развитие цифровой грамотности и навыков безопасного поведения в сети способствует снижению киберугроз и повышению уровня защищённости пользователей.

В этой связи интеграция кибербезопасности в процессы цифровой социализации и образовательные программы является необходимым условием устойчивого развития современного общества и формирования безопасной цифровой среды.

Список источников

1. Гончарова О. В., Липатова А. В., Напреенко Г. В. Социальные взаимодействия в контексте цифровой социализации молодежи : монография. Казань, 2024. Кн. 4. 203 с. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F_1217472024/000_Mnogografiya._4_cifrovaya.socializaciya.pdf (дата обращения: 26.01.2026).

2. Гревцева Г. Я. Цифровая социализация личности в образовательной среде // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». 2022. Т. 14, № 1. С. 40–49.

URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-sotsializatsiya-lichnosti-v-obrazovatelnoy-srede/viewer (дата обращения: 26.01.2026).

3. Miklyaeva A. V. Digital Society and Digital Socialization: Prospects for Socio-Psychological Research // Social Psychology and Society. 2024. Vol. 15, no. 2, P. 5–11. URL: https://psyjournals.ru/en/journals/sps/archive/2024_n2/Miklyaeva (дата обращения: 26.01.2026).

4. Buckingham D., Willett R. Digital Generations Children, Young People, and the New Media. Routledge, 2006.

5. Palfrey J., Gasser U. Born Digital: Understanding the First Generation of Digital Natives. New York: Basic Books, 2008. 381 p.

6. Kiberxavfsizlik asoslari (Cybersecurity): Moduli. URL: https://dl.tuit.uz/subject-resources/135086/TIFmQi8ufy9YSCrf7r6VV3t50ujEZpfvKxC7joAq.pdf (дата обращения: 26.01.2026).

7. Gulyamov S., Babaev Ja., Rakhmatov U. Building Cybersecurity Culture in Education as Imperative for Youth to Thrive in Digital Society // Uzbek Journal of Law and Digital Policy. 2024. Vol. 2, no. 5. URL: https://irshadjournals.com/index.php/ujldp/article/view/218 (дата обращения: 26.01.2026).

УДК 159.9

Андрей Григорьевич Аргучинский
1-й курс, напр. «Юриспруденция», Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Пермь, Россия, dencilor@gmail.com
Научный руководитель: Т. В. Никитина, д-р пед. наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, SPIN-код: 1380-4651, https://orcid.org/0000-0001-7656-7351

ГЕНЕРАТИВНЫЕ НЕЙРОСЕТИ В ПОДГОТОВКЕ КУРСАНТОВ ВЕДОМСТВЕННОГО ВУЗА ФСИН РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ ДЛЯ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена использованию генеративных нейросетей в учебной деятельности курсантов Пермского института ФСИН России. Выявлены основные факторы риска.

Ключевые слова: генеративные нейросети; искусственный интеллект; курсант

Andrey G. Arguchinsky
Student of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia, dencilor@gmail.com
Supervisor: T. V. Nikitina, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Humanities and Social and Economic Disciplines, SPIN-code: 1380-4651, https://orcid.org/0000-0001-7656-7351

GENERATIVE NEURAL NETWORKS IN THE TRAINING OF STUDENTS AT THE FEDERAL PENITENTIARY UNIVERSITY OF RUSSIA: OPPORTUNITIES AND RISKS FOR SPIRITUAL SAFETY IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY

Abstract. This article is devoted to the use of generative neural networks in the educational activities of cadets at the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. The article identifies opportunities and risks, as well as the main risk factors.

Keywords: generative neural networks; artificial intelligence; cadet

Сегодня искусственный интеллект перестаёт быть технологической диковинкой, превращаясь в инструмент повседневного использования. ChatGPT, DeepSeek, GigaChat и их аналоги становятся неотъемлемой частью академической среды. Многие студенты активно используют эти инструменты для решения рутинных и творческих задач: подготовки докладов, презентаций, переводов статей и др. Однако внедрение ИИ в учебный процесс порождает вопросы: умный ассистент действительно помогает решать учебные задачи или, наоборот, препятствует этому, способствуя интеллектуальной деградации?

Особенно остро эти вопросы стоят в ведомственных вузах, например в институтах ФСИН России [1]. С одной стороны, курсанты – такие же молодые люди, активно пользующиеся цифровыми технологиями. С другой – их будущая профессия требует не только знаний, но и умения самостоятельно мыслить, быстро принимать решения, нести ответственность. Если привыкнуть, что всё за тебя делает нейросеть, можно потерять эти важные качества.

Поэтому сегодня очень важно разобраться: где проходит граница между осмысленным, грамотным использованием ИИ и обычным выполнением заданий? Какие риски несёт массовое увлечение генеративными сетями? И как выстроить учебный процесс так, чтобы нейросети помогали курсантам развиваться, а не подменяли их собственные усилия? На эти вопросы и попытаемся ответить в данной статье.

Генеративные нейросети – это разновидность искусственного интеллекта, которая умеет создавать новый контент на основе того, чему её обучили. Иными словами, в сеть загружают миллионы текстов, картинок, примеров кода, а она анализирует, находит закономерности и затем по запросу пользователя выдает что-то своё – похожее на то, что она «видела», но не скопированное дословно.

В обучении такие сети стали применять недавно, буквально в последние 2–3 года. Студенты быстро осознали возможности нейросетей и сегодня активно используют их в учебной деятельности: при написании рефератов, переводах, составлении плана ответа на экзамене, а иногда и решении контрольных работ. В ответ преподаватели забеспокоились: как теперь проверять знания? как понять, что работу сделал сам курсант, а не машина?

Среди возможностей, которые дают генеративные сети, обычно выделяют следующие.

1. *Быстрый поиск и обобщение информации*. Нейросеть может за пару минут выдать сжатый обзор по любой теме.

2. *Помощь в формулировках.* Если человек не знает, как начать текст или как точнее выразить мысль, сеть подскажет варианты.

3. *Перевод и пересказ сложных текстов.* Особенно полезно при работе с иностранными источниками.

4. *Создание черновиков*. Нейросеть может создать основу, а курсант уже сам её дорабатывает и проверяет.

Но есть и обратная сторона. Главный риск – снижение самостоятельности. Если нейросеть делает всё за человека, он перестаёт прилагать усилия, не учится искать информацию, анализировать, формулировать выводы. Со временем это может сказаться на способности решать нестандартные задачи, а в работе сотрудника УИС таких ситуаций достаточно.

Ещё одна проблема – достоверность. Нейросети часто «галлюцинируют»: выдают красивые, уверенные ответы, которые на поверку оказываются ошибочными. Курсант, который не проверяет результат, рискует вставить в свою работу откровенно ложные факты. И это уже не просто плохая оценка, а вопрос профессиональной пригодности. Ошибка в рапорте или докладе может иметь серьёзные последствия [2].

Также нельзя забывать об этической стороне. Выдача сгенерированного текста за свой – это, по сути, обман. Многие вузы уже вводят правила, в которых чётко прописано, что запрещается сдавать полностью созданные нейросетью работы. Но на практике отследить это сложно. Да и сами курсанты не всегда понимают, где заканчивается помощь и начинается нечестность.

Таким образом, перед педагогами и руководителями ведомственных вузов встаёт непростая задача: не запрещать новое (это всё равно не получится), а научить курсантов грамотно пользоваться нейросетями. Чтобы те становились инструментом: экзосклетом, а не костылём. И именно поиску этого баланса посвящена наша работа.

Изучение того, как курсанты воспринимают эти изменения, позволит эффективнее развивать педагогические подходы [3].

Целью данной работы выступает изучение возможностей и рисков использования генеративных нейросетей курсантами в учебной деятельности.

Для достижения поставленной цели мы поставили следующие задачи.

1. Проведение опроса среди курсантов Пермского института ФСИН России.
2. Анализ полученных ответов.
3. Выявление возможностей и рисков.

В ходе опроса выяснилось, что более ¾ опрошенных (76 %) используют искусственный интеллект для поиска и обобщения информации. Также треть опрошенных применяют генеративные нейросети для перевода иностранных текстов. Из этого можно сделать вывод, что курсанты используют нейросети для обогащения своих знаний и более простого объяснения материала. Курсанты проявляют инициативу и стремятся к получению новой информации.

Около 40 % курсантов, принявших участие в опросе, пользуются искуственным интелектом для подготовки к экзаменам и зачётам (рисунок). Курсанты считают, что нейросеть объяснит материал более доступно. Также некоторые из них стесняются задать, как им кажется, глупые вопросы преподавателям, чтобы не выставлять себя в неприглядном свете. Это показывает возможноть нейросетей и одновременно риск получения неверной информации от ИИ.

Рисунок – Результаты опроса

Тем не менее примерно 45 % опрошенных используют искусственный интеллект для написания эссе, рефератов, докладов и т. д. И ¼ курсантов используют нейросети для подготовки презентаций

и визуальных материалов. Эта возможность порождает следующий риск: курсанты не пользуются своими знаниями и умениями, авыбирают более легкий путь. Из-за этого теряется индивидуальность, оригинальность и самостоятельность данных работ.

Наше исследование выявило следующие возможности и риски использования генеративных нейросетей в учебной деятельности курсанта:

- быстрый доступ к структурированной информации;
- простое и понятное объяснение материала;
- риск получения неверной информации;
- потеря оригинальности и самостоятельности курсантов.

Список источников

1. Царькова Е. Г. Перспективы применения генеративного искусственного интеллекта в учебном процессе образовательных организаций ФСИН России // Образование и право. 2023. № 9. С. 304 –306.

1. Никулина Т. В., Стариченко Е. Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. 2018. № 8. С. 107–113.

2. Никитина Т. В. Характеристика авторской методики самооценки профессиональной коммуникативной компетенции курсантов вузов ФСИН России // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 4 (55). С. 187–202.

УДК 376.7

Алла Юрьевна Аристова
4-й курс, напр. «Специальное (дефектологическое) образование», Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия, aristovaalla03@yandex.ru
Научный руководитель: О. П. Криницына, канд. филол. наук, доцент, декан факультета педагогики и психологии детства, SPIN-код: 5785-4271, AuthorID: 1103034

ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ДИАГНОСТИКА, ПРОФИЛАКТИКА, КОРРЕКЦИЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблема духовной безопасности в поликультурной образовательной среде в условиях регионов с высокой трудовой миграцией. Анализируются основные сложности адаптации детей-мигрантов, включая психологические барьеры, культурные и социальные отличия. В качестве эффективного инструмента решения существующих проблем авторами статьи предлагается событийный подход к диагностическому этапу, позволяющий в неформальной обстановке оценить реальные трудности и ресурсы ребенка мигранта.

Ключевые слова: духовная безопасность; поликультурное образование; дети мигрантов; диагностика; интерактивное мероприятие

Alla Yu. Aristova
Student of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm, Russia, aristovaalla03@yandex.ru
Supervisor: O. P. Krinitsyna, Candidate of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Psychology and Pedagogy of Childhood, SPIN-code: 5785-4271, AuthorID: 1103034

PROBLEMS OF SPIRITUAL SAFETY IN A MULTICULTURAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT: DIAGNOSTICS, PREVENTIONAND CORRECTION

Abstract. This article examines the issue of spiritual safety in a multicultural educational environment in regions with high labor migration. It analyzes the main challenges facing migrant children in their adaptation, including psychological barriers and

cultural and social differences. As an effective tool for addressing these challenges, the authors propose an event-based approach to the diagnostic stage, allowing for an informal assessment of the real challenges and resources of migrant children.

Keywords: spiritual safety; multicultural education; migrant children; diagnostics; interactive event

В Российской Федерации с каждым годом наблюдается значительное увеличение числа миграционных процессов, которое актуализирует проблему духовной безопасности. Последняя выступает фундаментом в системе отношений поликультурного населения между субъектами принимающей страны и прибывающим населением. Важно, что при выстраивании системы духовной безопасности адаптация мигрантов в социальной, образовательной и культурной сферах жизни будет проходить с сохранностью собственных базовых ценностей и принятием ценностей нового общества.

Определение духовной безопасности было предложено А. С. Запесоцким. Автор рассматривает её как совокупность условий, позволяющих обществу и культуре удерживать свои главные характеристики в рамках сложившейся нормы. Если под влиянием внешних или внутренних причин, особенно ценностных, эти характеристики выходят за допустимые пределы, в обществе начинается разлад. В конечном итоге это способно привести к национальной катастрофе, то есть к распаду страны из-за разрушения ее духовной основы [1].

Однако, как показывает практика, признание важности духовной безопасности – это не гарантия её реализации. В реальном поликультурном образовательном пространстве нередко возникают противоправные действия со стороны некоренного населения в разных возрастных группах [2]. И это не только затрудняет адаптацию мигрантов, но и подрывает процессы сохранения идентичности принимающего сообщества. В связи с этим возникает противоречие между уважением (толерантностью) к другой национальной культуре и границами взаимодействия с ней, что способствует растущей напряжённости в повседневном взаимодействии.

На наш взгляд, духовная безопасность должна ощущаться детьми с первого контакта с иной культурой, независимо от национальности. Особенно остро этот вопрос стоит на этапе школьного обучения. Именно в школьном возрасте закладывается одна из важнейших моделей поведения человека в обществе, основанная на осознании им роли семьи, образования, социума.

Ю. Куль предполагает, что в основе регуляции модели поведения, мотивации и эмоций ребенка лежат четыре когнитивные подсистемы [3]. Первая – «интуитивное поведение», активизируется в расслабленном состоянии. Вторая – «распознавание объектов», включается при тревоге и фокусируется на потребностях, требующих немедленного удовлетворения. Третья – «память намерения», аналитическая подсистема, активизирующаяся при унынии; она формирует планы, реализует намерения и координирует действия. Четвёртая подсистема – «расширенная память», работает, когда поведение соответствует ценностям и сопровождается позитивными чувствами. Основы психического здоровья закладываются именно в детстве, когда развитие мозга идет наиболее интенсивно, а положительные и отрицательные переживания оказывают решающее влияние. Через эмоциональный опыт ребёнок расширяет социальные навыки и учится справляться со стрессом в сложных жизненных ситуациях.

В контексте адаптации детей с миграционной историей это становится достаточно сложным процессом в плане реализации: подходов, методов в направлении формирования духовной безопасности среды на сегодняшний день не так много. В связи с этим для педагогов важным становится не просто способствовать развитию адаптации и социализации прибывающих детей, а интегрировать их в новое общество, где есть свои культурные нормы, сохраняя чувство духовной безопасности.

Возникает потребность в таких формах работы, которые позволяют не только диагностировать общий фон межкультурных отношений, но и одновременно осуществлять профилактику и коррекцию выявленных рисков духовной безопасности. Одним из перспективных инструментов, на наш взгляд, выступает интерактивная событийная диагностика. Так, нами был разработан проект культурно-просветительского мероприятия «Мамы мира», где через совместную практическую деятельность создаются условия для наблюдения логопеда, психолога и социального педагога. У каждого специалиста есть свой разработанный диагностический лист, с помощью которого проводится диагностика во время мероприятия:

– логопед в первую очередь отличает речевые и коммуникативные трудности, обусловленные языковой интерференцией, от системных речевых нарушений;

– психолог фокусируется на эмоциональном состоянии ребенка, его навыках общения и познавательных процессах;

– социальный педагог анализирует социально-коммуникативные навыки, выявляет признаки девиантного поведения.

Проект «Мамы мира» был апробирован на базе МАОУ СОШ «Флагман» (г. Пермь). Сценарное мероприятие проводилось по следующим этапам: в неформальной обстановке дети мигрантов делились на команды и проходили квест по маршрутным листам со специальными заданиями на пяти станциях. Для детей этот формат является развлекательным, но для педагогов это возможность альтернативного тестирования: в игре снимаются защитные механизмы и напряжение. В свободном общении проявляются реальные коммуникативные навыки, уровень тревожности и социальные привычки, которые невозможно выявить на входном тестировании под камерами. Таким образом, нами были продиагностированы 50 детей младшего школьного возраста. Процедура показала важность атмосферы и роли специалиста: в официальной обстановке ребёнок часто зажимается и показывает результат ниже своих возможностей. Тогда как в игровой форме ребёнок воспринимает происходящее как развлечение, а не проверку, он раскрывается, снимает защитные механизмы, и специалисты видят не его страхи, а его истинные возможности или реальные признаки девиантного поведения.

В поликультурном образовательном пространстве, где сталкиваются разные языки, традиции, уклады и системы ценностей, невозможно говорить о качественной диагностике и тем более об успешной интеграции ребенка без понятия духовной безопасности. Это уверенность в том, что ребенка принимают целиком – вместе с акцентом, его историей и верой. Когда этой уверенности нет, познавательные способности блокируются внутренним конфликтом и защитными механизмами. Когда она есть – ребёнок перестает защищаться и начинает искренне взаимодействовать.

Мероприятие «Мамы мира» стало именно той точкой, где духовная безопасность была действующим принципом. Неформальная обстановка, отсутствие оценочной тревожности, бережное включение в игровую деятельность – всё это создало ту самую среду, без которой диагностика детей-мигрантов рискует превратиться в механическое тестирование, далёкое от реальности.

Список источников

1. Гафиатулина Н. Х., Загирова Э. М. Система ценностей российской молодежи в контексте обеспечения духовно-нравственной безопасности общества // История, археология и этнография Кавказа. 2017. Т. 13, № 2. С. 143–157. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-tsennostey-rossiyskoy-molodezhi-v-kontekste-obespecheniya-duhovno-nravstvennoy-bezopasnosti-obschestva (дата обращения: 09.04.2026).

2. Гукаленко О. В., Борисенков В. П. Поликультурное образование и вызовы современности // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2018. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/polikulturnoe-obrazovanie-i-vyzovy-sovremennosti?ysclid=mnrf8q03bm51660731 (дата обращения: 09.04.2026).

3. Шинина Т. В., Морозова И. Г., Нгуен Т. Л. Четырехкомпонентная модель развития личности ребенка: результаты видеонаблюдения // Сибирский психологический журнал. 2024. № 91. С. 99–117. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chetyrehkomponentnaya-model-razvitiya-lichnosti-rebenka-rezultaty-videonablyudeniya (дата обращения: 09.04.2026).

УДК 316.7

Александр Владимирович Боннерт
2-й курс, факультет технического обеспечения, Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Пермь, Россия Aleksandrb.rus38@mail.ru
Научный руководитель: О. А. Гладкова, канд. пед. наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социальных наук, SPIN-код: 8209-1492

ВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ДУХОВНУЮ КУЛЬТУРУ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В работе исследуется воздействие современных средств массовой информации и коммуникации на духовную составляющую личности. Рассматривается структура духовной культуры. Акцентируется внимание на негативных последствиях медиавоздействия (разрушение традиционных ценностей, формирование клипового сознания и др.). Приведены данные исследований, свидетельствующие о деструктивном влиянии информационной среды на общественные взгляды. Проанализировано отечественное законодательство и зарубежный опыт противодействия контенту, наносящему ущерб традиционным устоям общества.

Ключевые слова: массмедиа; духовная культура; традиционные ценности; информационная безопасность; манипуляция сознанием; клиповое мышление

Alexander V. Bonnert
Student of the Faculty of Technical Support, Perm Military Institute of the National Guard of the Russian Federation, Perm, Russia, Aleksandrb.rus38@mail.ru
Supervisor: O. A. Gladkova, Candidate of Pedagogical Sciences, Lecturer at the Department of Humanities and Social Sciences, SPIN-code: 8209-1492

INFLUENCE OF MASS MEDIA ON THE SPIRITUAL CULTURE OF A PERSON

Abstract. The paper presents an analysis of the impact of modern mass media and communications on the spiritual component of personality. The structure of spiritual culture is considered and the negative consequences of media exposure (destruction of traditional values, formation of clip consciousness, etc.) are identi-

fied. VTSIOM statistics and Roskomnadzor reports are presented, indicating the destructive influence of the information environment on public attitudes. The article describes the domestic and foreign experience of countering content that damages the traditional foundations of society.

Keywords: mass media; spiritual culture; traditional values; information security; mind manipulation; clip thinking

Сегодня средства массовой информации (далее – СМИ) приобрели статус одного из самых влиятельных инструментов воздействия на человеческое мировоззрение [1]. Их функции давно перестали ограничиваться простой передачей сведений: современные медиа целенаправленно участвуют в формировании ценностных ориентаций, нравственных установок и поведенческих паттернов личности. Современный человек буквально погружён в непрерывный поток информации. Как сообщает исследовательская компания Mediascope, российские граждане проводят в интернете в среднем около четырех часов в день, а аудитория от 12 до 24 лет – более шести часов, причём основная доля времени приходится на социальные сети и новостные ленты [2]. Из нейтральных источников медиа превратились в конструкторы реальности, навязывающие стереотипы и модели поведения. В условиях геополитического противостояния информационное пространство стало ареной гибридной борьбы, где главной мишенью оказываются культурные коды и духовные ориентиры, особенно среди молодёжи. Всё это подтверждает актуальность изучения воздействия СМИ на духовную культуру.

Исследователи, изучающие влияние медиапространства на духовную культуру, признавая преимущества цифровой трансформации общества, акцентируют внимание на негативных сторонах этого процесса. В частности, они подчёркивают, что цифровые платформы, стремясь удержать аудиторию в условиях острой конкуренции, всё активнее используют манипулятивные технологии. Современные СМИ систематически упрощают многогранные явления (примитивизация контента), генерируют искусственную тревожность и постепенно искажают традиционные ценности. Отмечаются ослабление рефлексивных способностей человека, формирование фрагментарного (клипового) мышления, а духовное здоровье общества оказывается под серьёзной угрозой [3; 4]. Психологи в своих работах по цифровой социализации подростков также фиксируют, что бесконтрольное потребление информации из социальных сетей повышает степень онлайн-рисков из-за получения различного негативного контента [5; 6].

Под термином «средства массовой информации» понимаются любые формы периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)[1]; другими словами, СМИ – это организационно-технические структуры, предназначенные для регулярного распространения контента на широкую аудиторию (печатные издания, телевидение, радиовещание, интернет-платформы, социальные сети).

Государственная значимость защиты духовной сферы и моральных принципов закреплена в указе Президента Российской Федерации № 809 от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[2]. В данном документе подчеркивается, что трансляция через медиа и интернет разрушительных идеологий, противоречащих российскому менталитету, создаёт угрозу национальной безопасности и суверенитету. Указ служит нормативной основой для ограничения распространения вредоносной информации и стимулирования производства медиапродукции, ориентированной на традиционные ценности.

Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» в разделе, посвящённом защите традиционных ценностей, культуры и исторической памяти, прямо относит деструктивный информационный контент к основным угрозам национальной безопасности. Стратегия нацеливает на развитие механизмов противодействия информационному воздействию, направленному на размывание идентичности, что предполагает и усиление контроля за медиасредой[3].

Духовная культура личности представляет собой совокупность ценностей, норм, знаний и смыслов, формирующих внутренний мир человека, его нравственные ориентиры, эстетические предпочтения и мировоззренческие позиции. Это своего рода «духовный стержень» [7].

---

[1] О средствах массовой информации : закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 31.07.2025) // Российская газета. 08.02.1992. № 32.

[2] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022 (ред. от 04.03.2026) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

[3] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ № 400 от 02.07.2021 // Там же. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

В структуре духовной культуры выделяются следующие компоненты:

Ценностно-идеологический компонент (истина, добро, красота, патриотизм, служение обществу). Под воздействием СМИ эти ценности нередко подменяются гедонизмом и эгоцентризмом.

Нравственно-регулятивный компонент (совесть, честь, достоинство, моральные запреты). Медиа часто тиражируют аморальные поступки без должного осуждения, что ослабляет внутренние регуляторы.

Мировоззренческий компонент (научные представления, религиозные взгляды, философские концепции). Информационный шум и фейки разрушают целостную картину мира.

Языково-символический компонент (речевая культура, национальные традиции, коды идентичности). Примером служит борьба за чистоту русского языка против иностранных заимствований, которая активно подрывается сленгом из социальных сетей.

Эстетический компонент (восприятие прекрасного, отношение к искусству). СМИ насаждают примитивные эстетические стандарты («быстрый контент», короткие клипы).

Каждый из перечисленных компонентов испытывает воздействие медиасреды. Как верно отмечал Д. С. Лихачев, именно в духовной культуре сосредоточен «национальный характер», который формируется веками и нуждается в бережном отношении [8]. Традиционно трансляция духовных ценностей осуществлялась через семью, образование и религиозные институты, однако сегодня СМИ всё чаще выступают в роли дестабилизирующего фактора, вытесняя эти каналы.

Функционирование современных массмедиа, особенно в условиях рыночной экономики и политической конкуренции, порождает ряд деструктивных явлений. Медиа формируют виртуальную среду, где насилие, цинизм и потребительское отношение к человеку часто преподносятся как обыденность. Это ведёт к притуплению чувствительности к моральным нормам. Согласно опросам аналитиков, 42 % респондентов фиксируют рост количества материалов, распространяющих агрессивный контент, пропагандирующих жестокость и вседозволенность. Также отмечается, что молодёжь остается наиболее уязвимой перед информационными атаками; каждый пятый россиянин считает кибербуллинг одной из ключевых угроз в сети для детей и подростков [9; 10]. Э. Фромм в труде «Иметь или

быть?» указывал, что культура потребления, активно подогреваемая медиа, трансформирует личность из «бытийной» в «обладающую», лишая её подлинных смыслов [11].

Рекламные и развлекательные форматы настойчиво транслируют мысль, что высшая ценность – это комфорт, удовольствия и материальное благополучие. Многочисленные блогеры и звезды шоу-бизнеса в Instagram* (*принадлежит Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена в РФ) и TikTok систематически демонстрируют роскошный, праздный образ жизни: частные самолёты, дорогие вещи, отдых на курортах без какой-либо созидательной деятельности. Это формирует у молодёжи ложное убеждение, будто бы счастье сводится к накоплению материальных благ. В итоге обесцениваются интеллектуальные усилия, подвижничество, служение обществу.

В 2023 г. Роскомнадзор заблокировал в социальных сетях почти в два раза больше материалов, содержащих деструктивный контент, пропагандирующих аморальный образ жизни, по сравнению с предыдущим годом (31,5 тыс. против 18,7 тыс.) [12]. Распространяется такой контент прежде всего через зарубежные транснациональные корпорации: владельцы Facebook* (*принадлежит компании Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена в РФ), Google, TikTok и др. через рекламные модели и навязывание потребительского поведения извлекают сверхприбыли. Дестабилизация духовной сферы России является элементом гибридной войны со стороны недружественных государств. Однако и часть отечественных медиа, ориентированных на коммерческую выгоду, подхватывает эти тренды ради повышения рейтингов.

В социальных сетях и на цифровых платформах систематически организуются кампании, направленные на дискредитацию института семьи (многочисленные «челленджи» с пропагандой чайлдфри, легкомысленного отношения к браку), воинской службы (фейки о «дедовщине», публикации, высмеивающие военнослужащих), искажение исторических событий (манипуляции с фактами о Великой Отечественной войне, принижение роли СССР в победе над фашизмом). Э. Тоффлер в «Третьей волне» предсказывал, что информационная эпоха неизбежно спровоцирует кризис традиционных институтов [13]. Сегодня мы наблюдаем реализацию этого прогноза.

Подача информации в виде коротких, эмоционально насыщенных фрагментов, лишённых логической связности, приводит к формированию клипового мышления. Молодёжи в настоящее вре-

мя становится всё труднее читать книги или смотреть длинные видеоматериалы, что ведёт к снижению аналитических способностей и утрате навыков глубокого анализа. Н. Б. Кириллова в своих исследованиях медиакультуры подчеркивает, что подобная фрагментарность становится серьёзным препятствием для концептуального осмысления культурного наследия [14].

Описанные процессы не проходят бесследно. Среди молодых людей широко распространился иноязычный жаргон (например, «кринж», «хайп», «вайб» и др.), что засоряет русский литературный язык. Капиталистические ценности всё чаще преобладают над духовными: жажда наживы, достижение карьерных высот любой ценой, убеждение, что «за рубежом живётся лучше». Хотя прямая зависимость «медиа → рост преступности» статистикой не всегда фиксируется, косвенно увеличивается число правонарушений на почве потребительского отношения к людям (мошенничество, кибербуллинг и др.). Данные Лиги безопасного интернета говорят о том, что 74 млн аккаунтов в социальных сетях находятся под влиянием деструктивного контента, из них 14 млн – это аккаунты детей и подростков; родители отмечают у детей повышение агрессивности после длительного просмотра некоторых блогов. Таким образом, деструктивное воздействие СМИ на духовную культуру человека действительно существует [15].

Противодействие негативному влиянию СМИ выстраивается по трем основным направлениям: законодательное регулирование, технологические меры (цифровая гигиена, фильтрация) и развитие у населения критического мышления.

В Российской Федерации ключевыми нормативными актами являются: федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», обязывающий владельцев социальных сетей самостоятельно выявлять и блокировать запрещенный контент[1]; федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», запрещающий распространение через СМИ экстремистских материалов[2]; Кодекс РФ об административных правонарушениях, устанавливающий

[1] Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

[2] О противодействии экстремистской деятельности : федер. закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Там же. 2002. № 30. Ст. 3031.

ответственность за распространение 1) недостоверной информации, 2) информации, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность, 3) информации, угрожающей здоровью населения и т. п.[1]. Контроль за соблюдением законодательства осуществляет Роскомнадзор и его территориальные органы. Принят федеральный закон от 08.08.2024 № 216-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации», усиливающий меры противодействия деструктивному контенту[2].

Технологические меры, применяемые в нашей стране, включают в себя: создание Единого реестра запрещённых сайтов (доменных имен); обязательную маркировку интернет-рекламы; принудительную предустановку систем фильтрации контента на мобильных устройствах, продаваемых в РФ (закон о предустановке российского программного обеспечения, включая родительский контроль); блокировку «зеркал» запрещённых ресурсов по решению Минцифры; замедление трафика и полную блокировку ресурсов, не удаляющих противоправную информацию (на основании решений Роскомнадзора).

Одним из наиболее показательных примеров жёсткого законодательного регулирования является германский закон NetzDG (Закон о правоприменении в социальных сетях) 2017 г. Он предписывал крупным интернет-платформам (таким как Facebook* (*принадлежит компании Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена в РФ), YouTube) оперативно удалять противоправные материалы, разжигающие ненависть, заведомо ложные сведения, угрозы. Штраф за распространение подобной информации составлял до 50 млн евро [16]. В 2022–2023 гг. немецкие регуляторы неоднократно применяли эти санкции, что подтвердило эффективность принуждения корпораций к соблюдению национальных норм информационной безопасности, хотя отношение к данному закону было неоднозначным. Этот пример демонст-

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2026) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[2] О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 08.08.2024 № 216-ФЗ // Там же. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4912.

рирует, что сочетание правовых механизмов с экономической ответственностью платформ служит надёжным инструментом защиты духовной сферы общества. Россия движется в этом направлении, хотя пока не достигла столь же стройной системы штрафов.

Эффективным инструментом борьбы с распространением ложной информации является включение в образовательные программы вузов курсов по медиаграмотности, основам верификации данных и информационной психологии. Обучаемые должны научиться распознавать манипулятивные техники и дезинформацию, направленные на подрыв морально-психологического состояния человека.

Средства массовой информации в современном мире представляют собой противоречивое явление. С одной стороны, они открывают доступ к культурным достижениям и знаниям, с другой – могут выступать инструментом разрушения духовного мира человека, подменяя подлинные ценности суррогатами. Результаты исследований и анализ актуальности проблемы подтверждают, что деструктивное воздействие медиа находится в центре внимания как научного сообщества, так и государственных органов. Интеграция традиционных ценностей в медиапространство и воспитание способности к критическому восприятию информации являются необходимыми условиями сохранения национальной идентичности и обеспечения безопасности страны.

Список источников

1. Федоров А. В. Медиаобразование и медиаграмотность. М. : Берлин: Директ-Медиа, 2021. 542 с.

2. Как россияне пользуются интернетом // Mediascope. URL: https://mediascope.net/news/1567182/ (дата обращения: 30.03.2026).

3. Евлоева Ф. Р. Негативные аспекты влияния на человека современных средств массовой информации // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2019. № 4. С. 4–8.

4. Психологическое здоровье и духовно-нравственные ценности молодых людей призывного возраста в контексте деструктивного информационно-психологического воздействия / А. Б. Серых, Л. Ф. Букша, Е. В. Осипова, Е. Н. Назарская // Клиническая и специальная психология. 2024. № 13(4). С. 149–166.

5. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Цифровая социализация российских подростков: сквозь призму сравнения с подростками 18 европейских стран // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14, № 3. С. 11–30.

6. Кипреев С. Н. Влияние информационно-психологического воздействия средств массовой информации на формирование духовно-нравственных ценностей у курсантов-полицейских // Педагогика и просвещение. 2024. № 2. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40559 (дата обращения: 30.03.2026).

7. Никоноров Г. А. Состояние и развитие научных взглядов на сущность и содержание духовной культуры как социального явления // Философия права. 2012. № 4 (53). С. 10–17.

8. Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 3–6.

9. Россияне отмечают рост уровня агрессии в интернете // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6336839 (дата обращения: 30.03.2026).

10. Травля в цифровую эпоху // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/travlja-v-cifrovuju-ehpokhu (дата обращения: 30.03.2026).

11. Фромм Э. Иметь или быть? / пер. с нем. Э. М. Телятниковой. М. : АСТ, 2022. 320 с.

12. Объем деструктивного контента в РФ вырос вдвое в 2023 году // Известия. URL: https://iz.ru/1633164/2024-01-12/obem-destruktivnogo-kontenta-v-rf-vyros-vdvoe-v-2023-godu (дата обращения: 30.03.2026).

13. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. К. Ю. Бурмистрова [и др.]. М. : АСТ, 2010. 784 с.

14. Кириллова Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Академический Проект, 2020. 448 с. URL: https://e.lanbook.com/book/133155 (дата обращения: 30.03.2026).

15. «Месяц безопасного Интернета» – ответ Лиги безопасного Интернета на необходимость повышения уровня медиаграмотности детей. URL: https://ligainternet.ru/mesyats-bezopasnogo-interneta-otvet-ligi-bezopasnogo-interneta-na-neobhodimost-povysheniya-urovnya-mediagramotnosti (дата обращения: 30.03.2026).

16. Румянцев А. Г. Немецкий закон о социальных сетях: нормативное закрепление технологического отставания // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 3 (130). С. 27–53. URL: httpswww.law.net.rupublikaziisko_2019_3_27.pdf (дата обращения: 30.03.2026)

УДК 316.736:159.9

Егор Дмитриевич Веслов
4-й курс, напр. «Государственное и муниципальное управление», Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Пермь, Россия, egoromut3@gmail.com
Научный руководитель: А. В. Лангинен, канд. филос. наук, доцент факультета ГМУ и национальной экономики, SPIN-код: 6758-8249

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ И ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена анализу ресурсов психологической и духовной безопасности студентов в условиях динамично меняющейся социальной среды. Рассматриваются уровни безопасности, влияние личностных качеств и характеристик образовательной среды на защищённость личности. Сопоставляются современные научные подходы к пониманию ресурсов безопасности и подчеркивается роль законодательных основ РФ в формировании устойчивой системы ценностей молодёжи.

Ключевые слова: психологическая безопасность; духовная безопасность; студенты; социокультурная трансформация; образовательная среда; молодёжная политика; традиционные ценности; медиабезопасность

Egor D. Veslov
Student of the Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Perm, Russia, egoromut3@gmail.com
Supervisor: A. V. Langinen, Candidate of Philosophic Sciences, Professor at the Faculty of State Medical University and National Economy, SPIN-code: 6758-8249

PSYCHOLOGICAL SAFETY OF STUDENTS IN THE CONTEXT OF SOCIO-CULTURAL TRANSFORMATION AND SPIRITUAL SECURITY OF RUSSIAN SOCIETY

Abstract. The article is devoted to the analysis of the resources of psychological and spiritual safety of students in a dynamically changing social environment. The levels of security, the influence of personal qualities and characteristics of the educational environment on the security of the individual are considered. The paper compares modern scientific approaches to understanding security resources and highlights the role of the legislative foundations of the Russian Federation in shaping a sustainable value system for young people.

Keywords: psychological safety; spiritual security; students; sociocultural transformation; educational environment; youth policy; traditional values; media security

Теоретические основания: от психологической безопасности к духовной безопасности личности

Психологическая безопасность определяется как защищённость от угроз и способность сохранять благополучие при социальном взаимодействии. А. В. Шувалов отмечает, что психологическая безопасность является частью более широкого феномена духовной безопасности [1, с. 65], подразумевая, что устойчивость к внешним угрозам и способность к эмпатии коренятся в ценностно-смысловых основаниях личности.

А. А. Синютин, П. А. Пономарев и С. И. Самыгин рассматривают духовную безопасность как многоаспектный феномен, подчеркивая формирование духовного суверенитета личности в процессе социализации [2, с. 208]. Ф. Г. Мышко и С. Е. Титор разграничивают «духовную» и «духовно-нравственную безопасность», определяя последнюю как защиту «массового сознания» [3, с. 89].

Духовная безопасность личности включает внутреннюю ценностную систему, позволяющую противостоять манипуляциям и сохранять нравственную автономию. Конституция РФ в ст. 21 и 29 закрепляет базовые гарантии в этой сфере, создавая правовую рамку для защиты духовной безопасности личности и общества[1].

Эмпирические данные: уязвимости и ресурсы безопасности студенческой молодежи

Личностные черты, такие как конформизм, нигилизм, интолерантность и склонность к агрессии, повышают уязвимость студентов к угрозам психологической безопасности. В сплоённых учебных группах уровень психологической безопасности выше, а

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Ст. 21, 29. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дружный коллектив компенсирует индивидуальные уязвимости. Ресурсы устойчивости включают поддержку преподавателей, семьи, а также внутренние качества: эмоциональный, когнитивный и социальный интеллект, просоциальные ценности.

Эмпирические данные подтверждают значимость духовно-нравственного измерения безопасности. С. В. Гузенина и Е. А. Анисина отмечают, что в сознании российских студентов преобладает осторожное отношение к ценностям иных культур, что обусловлено этнокультурными и православными традициями [4, с. 14]. Образ Родины и родного края являются значимыми ценностными ориентирами.

Н. Х. Гафиатулина выделяет ряд угроз духовно-нравственной безопасности молодёжи: разрушение правовой и моральной регуляции, социокультурный раскол, кризис межпоколенческих отношений, идеологический вакуум, вестернизация культуры, идеология продажности [5, с. 134]. Молодёжь, как субъект потенциальных изменений, наиболее уязвима к этим угрозам.

Государство реагирует на отмеченные угрозы, развивая нормативно-правовую базу (например, принятие федерального закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»[1]). В образовательной среде и семье закладываются базовые духовно-нравственные установки. А. А. Ковалев предлагает меры защиты от информационного воздействия, учитывающие исторические и культурные аспекты [6, с. 135].

Заключение

Психологическая безопасность студента зависит не только от внешней поддержки (преподаватели, группа, семья), но и от внутренних ресурсов: эмоционального интеллекта, способности к эмпатии и ценностно-смысловой системы. Духовная безопасность, по А. В. Шувалову, является фундаментом психологической устойчивости [1, с. 70].

Групповая безопасность требует доверия, открытости и общих правил взаимоподдержки. Конструктивное разрешение конфликтов и недопущение буллинга формируют безопасную образовательную

[1] О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями) : федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

среду. Культурные и духовные традиции, как отмечают С. В. Гузенина и Е. А. Анисина, могут служить основой для такой среды [4, с. 20].

Студенты способны инициировать позитивные изменения, организуя тренинги и мероприятия для сплочения. Государственная политика, закреплённая в Стратегии национальной безопасности РФ[1] и Основах государственной политики по сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей[2], создаёт нормативную базу для этого. Реализация указанных мер зависит от активности молодёжи.

В итоге обеспечение психологической безопасности студентов требует комплексного подхода, сочетающего развитие личностных ресурсов, формирование здоровой групповой динамики и опору на духовно-нравственные ценности. Это позволяет создать условия для защищённости и реализации потенциала каждого студента.

Список источников

1. Шувалов А. В. Духовная безопасность как фундаментальная основа психологической безопасности личности // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Педагогика и психология». 2020. № 1 (51). С. 65–73.

2. Синютин А. А., Пономарев П. А., Самыгин С. И. Духовная безопасность личности в современном российском обществе: сущность и основные проблемы обеспечения // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. 2024. № 3. С. 208–218.

3. Мышко Ф. Г., Титор, С. Е. Духовно-нравственная безопасность в Российской Федерации: понятие, правовое обеспечение, критерии оценки // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2025. URL: https://vestnik-ip.ru/index.php/journal/article/view/411 (дата обращения: 10.04.2026).

4. Гузенина С. В., Анисина Е. А. Духовная безопасность российского студенчества: итоги социологических опросов в Тамбове и Рязани // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2024. № 4 (25). С. 14–30.

5. Гафиатулина Н. Х. Духовно-нравственная безопасность российской молодежи: социологический анализ основных угроз // Гуманитарные, со-

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 9 нояб. 2022 г. № 809. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

циально-экономические и общественные науки. 2023. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/duhovno-nravstvennaya-bezopasnost-rossiyskoy-molodezhi-sotsiologicheskiy-analiz-osnovnyh-ugroz (дата обращения: 10.04.2026).

6. Ковалев А. А. Методы противодействия угрозе информационного воздействия на духовную сферу России // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2025. Т. 50, № 1. С. 135–145.

УДК 373.24

Анастасия Игоревна Веснина
4-й курс, напр. «Специальное (дефектологическое) образование», Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия, NastyaVesnina2017@gmail.com
Научный руководитель: О. П. Криницына, канд. филол. наук, доцент, декан факультета психологии и педагогики детства, SPIN-код: 5785-4271, AuthorID: 1103034

РАЗВИТИЕ СВЯЗНОЙ РЕЧИ У ДЕТЕЙ С ОНР III УРОВНЯ СРЕДСТВАМИ МЕДИАПЕДАГОГИКИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается связь между качеством речевого развития и социальной адаптацией детей с общим недоразвитием речи. Обосновывается тезис о том, что системное использование цифровых образовательных инструментов создаёт условия для преодоления коммуникативных барьеров и снижения рисков социальной изоляции. Анализируются результаты применения интерактивных мультимедийных программ, анимационных проектов в логопедической практике. Показано, что медиапедагогика выступает не только коррекционным инструментом, но и фактором формирования психологической безопасности образовательной среды для детей с речевыми нарушениями.

Ключевые слова: общее недоразвитие речи; медиапедагогика; связная речь; социальная интеграция; дошкольники; цифровые технологии; коррекционная педагогика

Anastasia I. Vesnina
Student of the Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, NastyaVesnina2017@gmail.com
Supervisor: O. P. Krinitsyna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Psychology and Childhood Pedagogy, SPIN-code: 5785-4271, AuthorID: 1103034

ARTICLE TITLE: DEVELOPMENT OF COHERENT SPEECH IN CHILDREN WITH GENERAL SPEECH UNDERDEVELOPMENT LEVEL III THROUGH MEDIA PEDAGOGY AS A FACTOR OF SOCIAL SECURITY AND INTEGRATION

Abstract. This article analyzes the relationship between the quality of speech development and social adaptation of children with general speech underdevelopment is examined. The thesis is substantiated that the systematic use of digital educational tools creates conditions for overcoming communication barriers and reducing the risks of social isolation. The results of using interactive multimedia programs, animation projects and digital storytelling in speech therapy practice are analyzed. It is shown that media pedagogy acts not only as a correctional tool, but also as a factor in the formation of psychological safety of the educational environment for children with speech disorders.

Keywords: general speech underdevelopment; media pedagogy; coherent speech; social integration; preschoolers; digital technologies; correctional pedagogy

Общее недоразвитие речи (ОНР) третьего уровня диагностируется у 18–22 % дошкольников, посещающих логопедические группы российских образовательных организаций. Эти дети владеют развёрнутой фразовой речью, однако испытывают стойкие затруднения в построении связных высказываний, использовании сложных грамматических конструкций, удержании логической последовательности изложения.

Обследование 15 воспитанников старшей дошкольной группы с ОНР III уровня, проведенное в рамках исследования А. Н. Гамаюновой, О. В. Бобковой и О. А. Кудряшовой (г. Саранск), показало следующие результаты: 53,33 % дошкольников демонстрировали низкий уровень сформированности связной речи [1, с. 118].

Традиционные логопедические методики показывают устойчивую эффективность в коррекции фонетико-фонематической стороны речи. Однако развитие связной речи – наиболее сложный и длительный процесс, требующий не только формирования языковых навыков, но и активизации когнитивных функций, воображения, эмоциональной сферы.

Медиапедагогика как направление педагогической науки исследует возможности медиатекстов и цифровых технологий в образовательном процессе. Применительно к коррекционной работе с детьми, имеющими речевые нарушения, медиапедагогические средства открывают качественно новые возможности – прежде всего благодаря мультимодальности подачи информации. Звук, изображение, анимация, интерактивные элементы создают более развернутый контекст, облегчающий понимание и запоминание речевого материала. Е. С. Чупрова отмечает, что это помогает специа-

листу заинтересовать детей на занятиях, тем самым способствует развитию мотивации к обучению, поэтому и является столь востребованной методикой [2, с. 75].

Наиболее актуальными оказываются интерактивные программы, позволяющие конструировать визуальные сюжетные последовательности. Ребёнок выбирает персонажей, фоны, объекты, расставляет их в нужном порядке и на основе созданной им композиции строит рассказ.

Механизм коррекционного воздействия здесь многослойный.

1. Создание мультфильма требует предварительного планирования сюжета, то есть активизирует внутреннюю речь и навыки программирования высказывания.

2. Озвучивание готового фильма создает естественную коммуникативную ситуацию, в которой ребенок даёт ответы как автор и рассказчик собственной истории, а не как «отвечающий на вопросы логопеда».

3. Процесс создания мультфильма формирует позитивный эмоциональный фон, снимает страх перед речевой деятельностью.

Ещё один инструмент медиапедагогики, активно внедряемый в логопедическую практику, – программные среды типа Book Creator или StoryJumper, позволяющие даже дошкольникам самостоятельно (при минимальной помощи взрослого) создавать многостраничные цифровые книги. Преимущество этого метода – возможность многократного возвращения к созданному тексту, его редактирования, дополнения деталями. В отличие от устного рассказа, который исчезает сразу после произнесения, цифровая история материализована, её можно показать родителям, сверстникам, другим педагогам. Это создаёт дополнительный стимул к совершенствованию речевой продукции: ребёнок понимает, что его рассказ будут слушать другие люди, а значит, нужно постараться сделать его понятным и интересным.

Успешность применения медиапедагогики в коррекции ОНР определяется не столько наличием цифрового оборудования, сколько соблюдением ряда методических принципов [3, с. 30].

1. *Индивидуализация содержания.* Стандартные обучающие программы имеют слишком быстрый темп подачи материала, недостаточность визуальной опоры и т. д. Они рассчитаны на нормотипичных детей, для детей с ОНР они являются сложными в плане понимания.

2. *Этапность усложнения задач.* Задания должны постепенно усложняться для правильного усвоения информации ребенком: составить предложение по демонстрируемому сюжету, расположить кадры в логической последовательности, озвучить действия персонажа. И лишь на завершающем этапе ребёнок переходит к самостоятельному созданию развёрнутых медиаисторий.

3. *Обязательное включение коллективных форм работы.* Медиапедагогика эффективна именно в социальном контексте, когда дети совместно обсуждают сюжет будущего мультфильма, распределяют роли, помогают друг другу в озвучивании, дают обратную связь на созданные продукты.

4. *Интеграция медиатехнологий в целостный коррекционный процесс.* Артикуляционная гимнастика, дыхательные упражнения, игры на развитие фонематического слуха остаются базовыми элементами коррекции, а медиапедагогика надстраивается над ними, обеспечивая перенос отработанных навыков в связную речь.

5. *Регулярность и системность применения.* Значимые изменения достигаются при условии, что медиапедагогические технологии включены в еженедельное расписание занятий и выстроены в логике нарастающей сложности на протяжении всего учебного года.

Отдельная проблема – материально-техническое обеспечение. Несмотря на растущую доступность цифровых устройств, значительная часть дошкольных учреждений, особенно в малых городах и сельской местности, испытывает дефицит оборудования. Интерактивные панели, планшеты, документ-камеры, микрофоны – всё это требует финансовых вложений, которые не всегда предусмотрены бюджетом организаций. Однако практика показывает, что минимально необходимый набор – ноутбук, проектор, несколько планшетов – позволяет реализовать большинство медиапедагогических методик, а дефицит оборудования компенсируется творческим подходом педагога.

Дальнейшие исследования должны сосредоточиться на разработке специализированных методик применения медиатехнологий в работе с детьми, имеющими сочетанные нарушения развития, на изучении долгосрочных эффектов медиапедагогической коррекции в контексте дошкольной адаптации, на создании системы подготовки и методического сопровождения логопедов в области цифровых образовательных технологий. Интеграция достижений коррекционной педагогики и медиаобразования открывает новые гори-

зонты для решения одной из центральных задач – обеспечения полноценного речевого развития и социальной безопасности каждого ребёнка, независимо от особенностей его развития.

Список источников

1. Гамаюнова А. Н., Бобкова О. В., Кудряшова О. А. Исследование сформированности лексики с временным значением у дошкольников с общим недоразвитием речи // Современные наукоемкие технологии. 2024. № 10. С. 117–121. DOI: https://doi.org/10.17513/snt.40181. URL: https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=40181 (дата обращения: 14.04.2026).

2. Чупрова Е. С. Использование информационных технологий в коррекционной работе // Педагогика: традиции и инновации : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, декабрь 2013 г.). Челябинск : Два комсомольца, 2013. С. 75–78. URL: https://moluch.ru/conf/ped/archive/98/4610 (дата обращения: 14.04.2026)

3. Медиапедагогика как новый этап развития системы образования / Р. А. Чмир, А. А. Привалов, Н. Д. Чендев, А. О. Лыгина // Опыт, инновации и перспективы формирования современных педагогических компетенций в организации исследовательской и проектной деятельности дошкольников и учащихся: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: ГБОУ ИРО Краснодарского края 2023. С. 29–32. URL: https://np.sochi-schools.ru/wp-content/uploads/2024/02/SBORNIK-SOCHI-2023-PROEKT-DEYAT-24.11.2023-s-oblozhkoj.pdf (дата обращения: 18.04.2026).

УДК 008:316.776

Дмитрий Юрьевич Выговский
аспирант кафедры теории и истории культуры, искусства и дизайна, Забайкальский государственный университет, Чита, Россия, vygovskiidmitry@gmail.com
Научный руководитель: М. И. Гомбоева, доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой теории и истории культуры, искусства и дизайна, SPIN-код: 4058-1680, AuthorID: 1338560

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ: ПОИСК РЕШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ, МНЕНИЯ ЛИДЕРОВ И ИНФОРМАЦИОННОГО ПУЗЫРЯ В ЭПОХУ ПОСТПРАВДЫ)

Аннотация. Предметом исследования выступают социокультурные процессы в цифровой среде эпохи постправды, влияющие на духовную безопасность российского общества, включая механизмы формирования информационных пузырей и трансформацию ценностных ориентиров в молодёжной среде. Цель исследования – выявление угроз духовной безопасности личности, обусловленных доминированием эмоционального над рациональным, распространением симулякров и деятельностью лидеров мнений в социальных сетях, а также обоснование комплексного подхода к защите культурной идентичности. Анализируются феномен гиперреальности (Ж. Бодрийяр), эффекты «эхо-камер» и алгоритмических пузырей, роль дизайна интерфейсов как инструмента манипуляции. Предлагаются меры противодействия: медиаграмотность, визуальная критическая грамотность и «цифровой аскетизм».

Ключевые слова: духовная безопасность; социокультурные трансформации; информационный пузырь; постправда; лидеры мнений; визуальная культура; цифровой дизайн

Dmitry Yu. Vygovsky
Postgraduate Student of the Zabaykalsky State University, Chita, Russia, vygovskiidmitry@gmail.com
Supervisor: M. I. Gomboeva, Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Culture, Art and Design, SPIN-code: 4058-1680, AuthorID: 1338560

SOCIO-CULTURAL PROCESSES AND SPIRITUAL SECURITY IN A TRANSFORMING SOCIETY: THE SEARCH FOR SOLUTIONS (USING THE EXAMPLE OF THE INFLUENCE OF SOCIAL NETWORKS, THE OPINIONS OF LEADERS AND THE INFORMATION BUBBLE IN THE POST-TRUTH ERA)

Abstract. The subject of the study is socio-cultural processes in the digital environment of the post-truth era, affecting the spiritual security of Russian society, including the mechanisms of formation of information bubbles and the transformation of value orientations among young people. The purpose of the study is to identify threats to the spiritual security of a person caused by the dominance of the emotional over the rational, the spread of simulacra and the activities of opinion leaders on social networks, as well as to substantiate an integrated approach to the protection of cultural identity. The content analyzes the phenomenon of hyperreality (J. Baudrillard), the effects of "echo chambers" and algorithmic bubbles, the role of interface design as a tool of manipulation; counteraction measures are proposed: media literacy, visual critical literacy and "digital austerity".

Keywords: spiritual security; socio-cultural transformations; information bubble; post-truth; opinion leaders; visual culture; digital design

Современное российское общество переживает глубокую социокультурную трансформацию, обусловленную не только геополитическими изменениями, но и тотальной цифровизацией всех сфер бытия. В этих условиях категория «духовная безопасность» приобретает особое значение, выходя за рамки традиционной защиты от экстремизма и ксенофобии. Духовная безопасность сегодня – это способность личности и общества сохранять свою культурную идентичность, критическое мышление и нравственные ориентиры перед лицом деструктивных информационных воздействий [1, с. 12]. Наиболее уязвимой сферой оказывается молодёжная среда, где процессы социализации всё в большей степени опосредованы алгоритмами социальных сетей.

Социокультурные процессы эпохи постправды характеризуются доминированием эмоционального над рациональным, симулякра над подлинником. Как отмечал Ж. Бодрийяр, современное общество живет в мире гиперреальности, где копия утрачивает связь с оригиналом [2, с. 128]. В цифровых сетях этот тезис обретает, на наш взгляд, новое измерение: фотография может быть сгенериро-

вана нейросетью, новость – сфабрикована, а биография блогера – полностью сконструирована. Разрушается сам принцип достоверности, что создает благоприятную среду для манипуляции массовым сознанием.

Информационный пузырь (filter bubble) представляет собой не только технологический, но и культурный феномен. Алгоритмы рекомендаций социальных сетей выстраивают персонализированную реальность, где пользователь получает исключительно тот контент, который подтверждает его уже сформированные установки. Это порождает эффект «эхо-камеры»: многократное повторение одной и той же идеи внутри замкнутой группы воспринимается как абсолютная истина [3, с. 88]. Для духовной безопасности последствия катастрофичны – вместо единого культурно-ценностного поля возникают изолированные цифровые субкультуры, каждая со своей мифологией, героями и «священными текстами» (мемами, видео, постами лидеров).

Особую роль в этих процессах играют лидеры мнений (инфлюенсеры, блогеры, тиктокеры). В отличие от традиционных интеллектуалов и деятелей культуры, чей авторитет строился на экспертизе и моральном авторитете, современный цифровой лидер часто обладает лишь харизмой, эстетически привлекательным образом и умением создавать вирусный контент. Важнейшим инструментом здесь выступает дизайн интерфейса и визуальная эстетика: яркие цвета, динамичный монтаж, эмоциональные интонации – всё это обходит рациональные фильтры восприятия и воздействует непосредственно на эмоциональную сферу. Как справедливо отмечает профессор М. И. Гомбоева в своем исследовании духовно-нравственных ценностей в контексте культурной модернизации, «традиционные ценности приобретают новые механизмы трансляции в цифровую эпоху» [4, с. 21].

Феномен постправды тесно связан с дизайном цифровой среды. Кнопки «лайк», «репост», «поделиться» спроектированы таким образом, чтобы минимизировать время на рефлексию и максимизировать скорость распространения информации. Пользователь оказывается в состоянии перманентного информационного потока, где некогда остановиться и проверить факты. Распространение дипфейков (deep-fake) – видеороликов, в которых лицо и голос одного человека наложены на тело другого, – окончательно размывает грань между реальностью и вымыслом. В условиях современного инфор-

мационного противостояния такие технологии, к сожалению, активно используются для дискредитации государственных институтов и посева паники среди населения.

Поиск решений в сфере духовной безопасности требует комплексного подхода, сочетающего институциональные, образовательные и культурно-просветительские меры. В институциональной плоскости нам представляется необходимой разработка алгоритмической прозрачности социальных сетей, ограничение распространения деструктивного контента (экстремизм, суицидальная пропаганда, фейки) без перехода к тотальной цензуре, которая, как известно, лишь повышает привлекательность запретного. Важным шагом стало бы внедрение маркировки контента, созданного нейросетями (аналог «водяных знаков»), чтобы пользователь мог осознанно отличать подлинное изображение от сгенерированного.

В образовательной плоскости ключевым решением выступает развитие медиаграмотности и критического мышления. Однако для студентов творческих и гуманитарных специальностей, которыми в первую очередь занимается кафедра теории и истории культуры, искусства и дизайна под руководством профессора М. И. Гомбоевой, этого недостаточно. Необходимо внедрение курсов по визуальной критической грамотности – способности анализировать визуальный ряд, распознавать манипулятивные приемы в дизайне, монтаже, композиции кадра. Будущие культурологи, искусствоведы и дизайнеры сами должны стать «фильтрами» качества, распространяя навыки анализа в профессиональной среде.

На уровне личной культуры необходима выработка «цифрового аскетизма»: намеренный выход из информационных пузырей (подписка на источники с иной точкой зрения), использование фактчекинговых сервисов, а главное – возвращение к практике медленного, вдумчивого потребления информации. Как справедливо отмечено в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, к угрозам относится «размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1]. Но сохранение этих ценностей возможно лишь при условии, что они принимаются личностью не по принуждению, а в результате осознанного, критически выверенного выбора. Исследования показывают, что синтез традиционных и современных ценностей становится основой культурной модернизации в условиях цифровой трансформации [3, с. 22].

Таким образом, социокультурные процессы в эпоху постправды ставят под угрозу духовную безопасность личности и общества. Социальные сети, информационные пузыри и лидеры мнений формируют новую антропологическую реальность, где истина замещается эмоцией, а факт – симулякром. Решением проблемы, как нам видится, выступает синтез государственной культурной политики, образовательных программ по визуальной критической грамотности и личной цифровой гигиены. Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение того, как дизайн интерфейсов конкретных платформ влияет на формирование ценностных установок пользователей, а также на разработку методик раннего распознавания деструктивных визуальных паттернов.

Список источников

1. Воропаева Е. В. Духовная безопасность личности и общества как объект стратегии национальной безопасности // Труды Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью). 2018. № 7. С. 175–179. EDN YTOUIX.

2. Яшкова М. Симулякры и симуляции Жан Бодрийяр М. : ПОСТУМ, 2016. 240 с. // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2016. № 3 (107). С. 277-280. EDN WXZLBR.

3. Кудряшова Е. В., Муравицкая В. М. Новые инструменты влияния на общественное мнение: информационные пузыри, эхо-камера и тоннель реальности // Проблемы геополитической и социокультурной безопасности Прикаспия : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, (Астрахань, 26 апреля 2022 г.) / под ред. Е. В. Хлыщевой [и др.]. Астрахань: Астрахан. гос. ун-т, 2022. С. 80–84. EDN XRMKQA.

4. Гомбоева М. И. Стратегии репрезентации традиционной культуры и их роль в развитии культурологического знания: проблема достоверности того, что мы называем традиционной культурой // Художественное образование: традиции, тренды, перспективы: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Чита, 11–12 декабря 2014 г.) / ред. кол.: Д. В. Сергеев, М. И. Гомбоева, Н. И. Козлов, Ю. Д. Багаув, Е. С. Ляшенко, И. А. Чжен. Чита: Забайкал. гос. ун-т, 2014. С. 27–40. EDN RVCMDY.

УДК 159.923

София Павловна Глухих
3-й курс, напр. «Государственное и муниципальное управление», Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Пермь, Россия, gluhih.sofi@yandex.ru
Научный руководитель: А. А. Кальсина, канд. ист. наук, доцент факультета государственного и муниципального управления и национальной экономики

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Аннотация. В статье рассматривается проблема психологической безопасности молодёжи в контексте активного развития цифровых технологий и повсеместного распространения социальных сетей. Анализируются основные риски и угрозы, с которыми сталкиваются молодые люди в онлайн-пространстве: кибербуллинг, цифровая зависимость, воздействие деструктивного контента и др. Приводятся актуальные статистические данные, иллюстрирующие масштаб проблемы.

Ключевые слова: психологическая безопасность молодёжи; цифровизация; социальные сети; цифровая зависимость; деструктивный контент; онлайн-риски; медиаграмотность

Sofia P. Glukhikh
Student of the Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Perm, Russia, gluhih.sofi@yandex.ru
Supervisor: A. A. Kalsina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Faculty of State and Municipal Administration and National Economy

PSYCHOLOGICAL SAFETY OF YOUTH IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION AND SOCIAL NETWORKS

Abstract. The article examines the problem of psychological safety of young people in the context of the active development of digital technologies and the widespread use of social networks. It analyzes the main risks and threats faced by young people in the online space, such as cyberbullying, digital addiction,

exposure to destructive content, and more. The article provides relevant statistical data that illustrate the scale of the problem.
Keywords: psychological safety of young people; digitalization; social networks; digital addiction; destructive content; online risks; media literacy

Современный этап развития общества характеризуется стремительной цифровизацией всех сфер жизни. Молодёжь, как наиболее активная и адаптивная социальная группа, в наибольшей степени вовлечена в использование цифровых технологий и социальных сетей, которые перестали быть простым инструментом коммуникации, превратившись в основное пространство формирования идентичности.

Стоит заметить, что темпы цифровизации опережают адаптационные возможности психики, создавая новые угрозы для психологической безопасности. Психологическая безопасность в данном контексте понимается не просто как защищенность от внешних угроз, а как состояние динамического равновесия личности, позволяющее эффективно функционировать в условиях неопределенности и избыточности информации. По данным ВЦИОМ за 2023 г., 97 % молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет ежедневно используют интернет, причём более 70 % из них проводят в сети свыше 4 часов в день [1].

С одной стороны, цифровые технологии открывают перед молодёжью широкие возможности для обучения, самореализации и общения, с другой же – создают новые риски для психологического благополучия. Проблема психологической безопасности молодёжи в цифровой среде приобретает особую актуальность в связи с ростом случаев кибербуллинга, цифровой зависимости и распространения деструктивного контента.

Психологическая безопасность в цифровом пространстве представляет собой многоуровневою систему, которая включает в себя:

– технический уровень, предполагающий конфиденциальность данных и защиту от взлома;

– коммуникативный уровень, характеризующийся культурой общения и отсутствием проявления агрессии в сети Интернет;

– индивидуально-психологический уровень, заключающийся в способности сохранять самооценку и критическое мышление.

Стоит понимать, что социальные сети создают «эффект эхокамеры», где пользователь получает только ту информацию, которая подтверждает его текущие убеждения. Это, в свою очередь,

ограничивает когнитивную гибкость и делает молодёжь уязвимой для манипуляций и радикализации.

Также можно выделить деструктивные феномены и угрозы безопасности в цифровой среде в контексте их влияния на психику молодёжи.

1. Социальное сравнение и искажение образа «Я»: социальные сети транслируют селективный, отредактированный контент, а молодой человек, находясь в процессе поиска идентичности, непроизвольно сравнивает свои будни с буднями других пользователей. Согласно панельному исследованию 2025 г., более 56 % респондентов в возрасте от 17 до 23 лет признались, что испытывают чувство недовольства своим телом после просмотра ленты популярных блогеров [2].

2. Синдром FOMO и цифровая аддикция: синдром упущенной выгоды заставляет молодежь находиться в состоянии «хронической включенности», что приводит к деградации глубокого внимания. На смену системному мышлению приходит клиповое, когда информация усваивается фрагментарно, а причинно-следственные связи не устанавливаются.

3. Кибербуллинг: по данным исследования АНО «Центр изучения и сетевого мониторинга молодёжной среды» за 2023 г., 38 % российских подростков сталкивались с травлей в интернете, причём 15 % испытывали её на регулярной основе. Формы кибербуллинга разнообразны: оскорбления, распространение компромата, создание фейковых аккаунтов, бойкоты и др.

4. Цифровая зависимость: исследования показывают, что у 23 % молодёжи наблюдаются признаки зависимости от социальных сетей, выражающиеся в навязчивом желании проверять уведомления и тревожности при отсутствии доступа к интернету [3].

5. Деструктивный контент: доступ к материалам, пропагандирующим суицид, насилие, употребление наркотиков, остаётся серьёзной проблемой. По данным Роскомнадзора, в 2022 г. было заблокировано более 1,2 млн страниц с подобным контентом, однако новые ресурсы появляются ежедневно [4].

6. Информационная перегрузка: огромный объём разнородной информации вызывает стресс, снижает концентрацию внимания, нарушает режим сна.

Для понимания масштаба проблемы обратимся к цифрам из таблицы, составленной автором на основе данных [5], полученных в ходе мониторинга цифровой активности молодёжи в крупных индустриальных центрах.

Показатели рискового поведения в динамике

Показатель рискового поведения	Годы	
	2024	2026
Использование гаджетов более 6 часов в день, %	38	47
Опыт столкновения с кибертравлей, %	29	34
Жалобы на нарушение сна из-за соцсетей, %	42	51
Неудачные попытки «цифрового детокса», %	15	22

Исходя из данных таблицы можно заметить, что наблюдается устойчивый рост экранного времени – с 38 % в 2024 г. до 47 % в 2026 г., что неизбежно ведёт к росту соматических и психологических жалоб, а также нарушению сна, показатель которого также вырос на 9 % по сравнению с 2024 г. По данным исследователей, риск развития депрессивных состояний у «сверхзависимых» на 70 % выше, чем у умеренных пользователей сети Интернет.

Психологическое воздействие цифровой среды на психику молодёжи обусловлено несколькими факторами:

– анонимность и дистантность, что снижает социальную ответственность, а также провоцирует агрессивное поведение;

– эффект «эхо-камеры», который заключается в том, что алгоритмы соцсетей формируют информационное поле, подтверждающее существующие взгляды, что усиливает радикализацию мнений;

– система лайков и реакций создаёт зависимость от внешнего одобрения, формирует поверхностные критерии успеха;

– страх упустить важное событие или тренд поддерживает постоянную вовлечённость в соцсети [6].

Также существуют стратегии повышения психологической устойчивости молодёжи.

1. Обеспечение безопасности должно строиться на принципе превентивности, а не постфактум-реагирования. Превентивность означает не устранение последствий проблем, а их предупреждение. В отличие от постфактум-реагирования, когда меры принимаются после инцидента – например, блокируют аккаунт после травли или оказывают психологическую помощь после депрессии из-за соцсетей, актуализируется превентивный подход: выявляет потенциальные риски заранее, создаёт барьеры для их реализации и обучает молодёжь навыкам самозащиты до столкновения с опасностями.

2. Формирование медиакомпетентности, то есть обучение молодёжи алгоритмам работы ленты новостей, способствует пониманию того, как работают таргет и рекламные триггеры, что снижает их эмоциональное воздействие.

3. Метод «осознанного потребления» заключается в переходе от пассивного листания ленты к активному поиску полезной информации.

4. Развитие офлайн-активности, то есть инвестиции в социальный капитал «реального мира», например спорт, волонтерство и живое общение, создают защитный буфер.

На основе данного исследования можно сделать вывод, что цифровизация и социальные сети стали неотъемлемой частью жизни современной молодёжи, но несут в себе значительные риски для психологической безопасности. Кибербуллинг, цифровая зависимость, деструктивный контент и информационная перегрузка могут привести к серьёзным последствиям – от снижения самооценки до суицидальных мыслей.

Решение проблемы требует комплексного подхода: законодательных мер, образовательных программ, активной позиции семьи и осознанного поведения самих молодых людей. Развитие медиаграмотности, формирование навыков критического мышления и создание безопасной цифровой среды должны стать приоритетами государственной политики и воспитательной работы.

Список источников

1. Молодёжь и интернет: привычки и риски : аналитический отчёт / ВЦИОМ. М., 2023. С. 15–18.

2. Чигарькова С. В., Солдатова Г. У. Формула цифрового благополучия личности // Национальный психологический журнал. 2026. Т. 21, № 1. С. 44–53.

3. Москаленко О. Л. Интернет-зависимость: факторы риска и индивидуально-психологические особенности подростков // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2023. Т. 15, № 5. С. 389–412.

4. Отчёт о блокировке деструктивного контента в сети Интернет // Роскомнадзор. М., 2022. С. 3–7.

5. Цифровые угрозы и методы противодействия : отчёт // Центр изучения молодёжной политики. М., 2026. URL: info-safety-2026.ru (дата обращения: 10.04.2026).

6. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования / Г. У. Солдатова, Т. А. Нестик, Е. И. Рассказова, Е. Ю. Зотова. М. : Фонд Развития Интернет, 2013. 144 с.

УДК 316.752

Владимир Сергеевич Гордеев
1-й курс, факультет (технического обеспечения), Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Пермь, Россия, vladimirgordeev441@gmail.com
Научный руководитель: О. В. Дёмина, канд. пед. наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук

ТРАДИЦИОННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Аннотация. В статье обосновывается стратегическая роль традиционных семейных ценностей как основы духовной безопасности России. Автор анализирует подходы учёных к определению понятия «семейные ценности», выделяя его структурные компоненты. Рассматриваются системные угрозы традиционной семье, исходящие от внешних и внутренних деструктивных акторов, включая насаждение либеральной идеологии, пропаганду нетрадиционных отношений и информационное воздействие. Показаны последствия влияния этих угроз: социальная аномия, нравственная деградация, демографический кризис и ослабление национальной идентичности. Представлена комплексная работа Российской Федерации по сохранению семейных ценностей на нормативно-правовом, программно-целевом, информационно-просветительском и образовательном уровнях, включая реализацию национального проекта «Семья» с финансированием более 367 млрд руб. Делается вывод о том, что укрепление традиционной семьи является императивом национальной безопасности и требует консолидации усилий государства, общества и граждан.

Ключевые слова: традиционные семейные ценности; духовная безопасность России; институт семьи; национальная безопасность; деструктивная идеология; угрозы семье; национальный проект «Семья»; государственная политика; указ № 809; ценности супружества, родительства и родства

Vladimir S. Gordeev
Cadet of the Faculty of Technical Support, Military Institute of Interior Forces of the Russian Federation National Guard, Perm, Russia, vladimirgordeev441@gmail.com
Supervisor: O. V. Demina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor at the Department of Humanities and Social Sciences

TRADITIONAL FAMILY VALUES AS THE FOUNDATION OF RUSSIA'S SPIRITUAL SECURITY

Abstract. The paper substantiates the strategic role of traditional family values as the foundation of Russia's spiritual security. The author analyzes the approaches of leading scholars to the definition of «family values», highlighting their structural components (values of marriage, parenthood, and kinship). Systemic threats to the traditional family originating from external and internal destructive actors are examined, including the imposition of liberal ideology, propaganda of non-traditional relationships, and informational influence. The impact of these threats on social anomie, moral degradation, demographic crisis, and the weakening of national identity is demonstrated. The comprehensive work of the Russian Federation to preserve family values at the regulatory, programmatic, informational, educational, and legal levels is presented, including the implementation of the national project "Family" with funding exceeding 367 billion rubles. It is concluded that strengthening the traditional family is an imperative of national security and requires the consolidation of efforts by the state, civil society institutions, and every family.

Keywords: traditional family values; spiritual security of Russia; family institution; national security; destructive ideology; threats to the family; national project "Family"; state policy; Decree No. 809; values of marriage; parenthood and kinship

В современном мире, характеризующемся глобализацией, цифровой трансформацией и нарастающим геополитическим противостоянием, вопросы сохранения духовной безопасности приобретают для России стратегическое значение [1]. Одним из ключевых факторов обеспечения этой безопасности выступает институт традиционной семьи, который служит естественным барьером на пути деструктивных идеологических воздействий.

Актуальность темы нашла свое официальное признание на высшем, государственном уровне. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – «Основы…», указ № 809) прямо определяет «крепкую семью» в числе основополагающих традиционных ценностей[1]. Данный документ является стратегическим в сфере обеспечения национальной безопасности.

[1] Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Президент России : офиц. сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 28.03.2026).

Современные учёные предлагают структурированный подход к трактовке понятия семейных ценностей, выделяя в их составе различные компоненты (в зависимости от оснований их классификации). Например, в структуре семейных ценностей могут быть выделены:

– ценности супружества (верность, взаимопонимание, ответственность);

– ценности родительства (забота о детях, их воспитание, передача жизненного опыта);

– ценности родства (уважение к старшим, связь поколений, семейная память) [2; 3].

Некоторые авторы под семейными ценностями понимают систему принципов, олицетворяющих идеалы семьи и определяющих её роль в развитии личности и общества. В. Е. Чернышева и Н. А. Жумаканова обращают внимание на правовой аспект защиты семейных ценностей в условиях современных вызовов [4].

Н. И. Сосновская в работе «Педагогическое понимание концепта «семейные ценности» (на примере России и Китая)», акцентируя внимание на вопросах формирования семейных ценностей, приводит следующее их определение: совокупность представлений, идеалов, норм о семье, влияющих на выбор семейных целей, способов организации жизнедеятельности и взаимодействия [2]. С точки зрения такого подхода семейные ценности выступают приоритетами семейного образа жизни, которые разделяются членами семьи и определяют их жизненные стратегии.

Синтезируя рассмотренные подходы, можно предложить следующее определение: традиционные семейные ценности – это система исторически сложившихся нравственных ориентиров и установок, включающая ценности супружества (верность, взаимное уважение, ответственность), родительства (забота о детях, их воспитание) и родства (почитание старших, преемственность поколений), которые определяют роль семьи в обществе, формируют идентичность личности и передаются от поколения к поколению, обеспечивая сохранение культурного кода и духовную безопасность общества.

Современное состояние духовной безопасности России характеризуется наличием системных угроз, направленных на разрушение традиционных семейных ценностей. В Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей выделяются следующие основные угрозы.

Во-первых, это деятельность недружественных иностранных государств, транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций, направленная на насаждение чуждой российскому народу системы идей и ценностей. В «Основах…» прямо указывается, что «идеологическое и психологическое воздействие на граждан ведет к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей (деструктивная идеология), включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов... ценности крепкой семьи, брака, многодетности... разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений»[1].

Во-вторых, особую угрозу представляют экстремистские и террористические организации, использующие семейную тематику для вовлечения новых членов и распространения радикальной идеологии.

В-третьих, существенную опасность создают отдельные средства массовой информации и массовых коммуникаций, распространяющие контент, направленный на дискредитацию традиционной семьи.

Как отмечает Н. И. Сосновская, «продвижение либеральных ценностей западного общества сопряжено с необходимостью разрушения традиционной семьи как носителя консервативных ценностей. На фоне стремительного, безграничного обмена любой информацией с помощью современных видов связи, позволяющих активно приобщать людей к новым ценностным тенденциям, высок риск появления феномена социальной аномии» [2].

Влияние данных угроз на духовную безопасность общества проявляется по следующим направлениям.

1. Ослабление социальных связей: распространение деструктивной идеологии создает условия для саморазрушения общества, ослабляет семейные, дружеские и иные социальные связи.

2. Социокультурное расслоение: происходит усиление социокультурного расслоения общества, снижение роли социального партнерства, обесценивание идей созидательного труда и взаимопомощи.

[1] Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Президент России : офиц. сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 28.03.2026).

3. Нравственная деградация: наносится вред нравственному здоровью людей, внедряются антиобщественные стереотипы поведения, распространяется аморальный образ жизни, вседозволенность и насилие.

4. Демографический кризис: деструктивное идеологическое воздействие становится прямой угрозой для демографической ситуации в стране.

5. Утрата идентичности: формируется общество, пренебрегающее духовно-нравственными ценностями, происходит ослабление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа России.

Российская Федерация ведет системную работу по сохранению и развитию традиционных семейных ценностей, которая осуществляется на нескольких уровнях [1].

Ключевым документом в этой сфере являются уже упомянутые «Основы…». Данный документ:

– определяет традиционные ценности как основу российского общества;

– устанавливает систему целей, задач и инструментов защиты традиционных ценностей;

– квалифицирует распространение деструктивной идеологии как угрозу национальной безопасности.

В развитие этого документа указом Президента от 22 ноября 2023 г. № 875 2024 год был объявлен Годом семьи «в целях популяризации государственной политики в сфере защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей»[1].

С 2025 г. в соответствии с указом Президента от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации» реализуется национальный проект «Семья» [5]. В его составе выделен федеральный проект «Семейные ценности и инфраструктура культуры», на реализацию которого в период 2025–2030 гг. предусмотрено 367,23 млрд рублей из федерального бюджета [6].

Цель национального проекта – увеличение числа семей с детьми, в том числе многодетных, и укрепление семейных ценностей.

Ключевые мероприятия проекта включают:

[1] О проведении в Российской Федерации Года семьи : указ Президента от 22 ноября 2023 г. № 875 // Президент России : офиц. сайт. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/72792 (дата обращения: 28.03.2026).

– предоставление материнского капитала и семейной ипотеки;

– единое пособие нуждающимся семьям;

– региональные программы повышения рождаемости в 41 регионе;

– создание комнат матери и ребенка в образовательных организациях;

– модернизацию учреждений культуры, библиотек, детских школ искусств.

Важным направлением является формирование позитивного образа многодетной семьи в информационном пространстве. Реализуются творческие проекты НКО по укреплению российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных ценностей; проводится конкурс «Это у нас семейное», объединивший более 600 тыс. участников [7].

Как отмечает эксперт РАНХиГС Дарья Радченко, согласно опросам ФОМ и ВЦИОМ, семья занимает первое место в иерархии ценностей россиян, опережая патриотизм, культуру и традиции [8]. Это свидетельствует о сохранении в обществе высокого статуса семьи, несмотря на внешнее деструктивное воздействие.

Деятельность по сохранению традиционных российских семейных ценностей должна быть системной. В образовательных учреждениях реализуются программы духовно-нравственного воспитания, вводится курс «Семьеведение», направленный на формирование у подрастающего поколения ответственного отношения к созданию семьи. Как подчеркивают исследователи, система непрерывного образования должна играть ключевую роль в трансляции традиционных семейных ценностей [1; 2].

Российским законодательством введен запрет на пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, что направлено на защиту детей от информации, наносящей вред их нравственному развитию. Указ № 809 прямо указывает на необходимость противодействия распространению деструктивной идеологии как одной из ключевых целей государственной политики.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Традиционные семейные ценности представляют собой фундамент духовной безопасности России. Как документ стратегического планирования, указ Президента № 809 от 9 ноября 2022 г. прямо закрепляет «крепкую семью» в числе традиционных ценностей, подлежащих защите на национальном уровне.

2. В современной научной литературе сложилось многогранное понимание семейных ценностей, включающее в том числе ценности супружества, родительства и родства. Обобщение подходов позволяет определить традиционные семейные ценности как систему нравственных ориентиров, обеспечивающих преемственность поколений и сохранение культурного кода.

3. Существующие угрозы традиционным семейным ценностям носят системный характер и исходят как от внешних акторов (недружественные государства, транснациональные корпорации), так и от внутренних деструктивных элементов. Их воздействие ведёт к ослаблению социальных связей, нравственной деградации, демографическому кризису и утрате национальной идентичности, что напрямую подрывает духовную безопасность страны.

4. Российская Федерация ведёт комплексную работу по сохранению и развитию семейных ценностей. Ключевыми направлениями являются: совершенствование нормативно-правовой базы, реализация национального проекта «Семья» с беспрецедентным бюджетным финансированием, информационно-просветительская деятельность, внедрение образовательных программ и защита информационного пространства от деструктивного контента.

Таким образом, укрепление традиционных семейных ценностей является не просто гуманитарной задачей, а стратегическим направлением обеспечения духовной безопасности и сохранения суверенитета России. Как справедливо отмечают исследователи, «российскому народу в этом процессе отводится роль не стороннего наблюдателя, а активного преобразующего субъекта» [1], что требует консолидации усилий государства, институтов гражданского общества и каждой семьи.

Список источников

1. Ковалев А. А. Преодоление угрозы духовного воздействия на российский национальный менталитет как фактор обеспечения безопасности // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2024. № 4 (52). С. 17–30. DOI: 10.24412/2078-9238-2024-452-17-30.

2. Сосновская Н. И. Педагогическое понимание концепта «семейные ценности» (на примере России и Китая) // Современные проблемы науки и образования. 2024. № 1. URL: https://science-education.ru/article/view?id=33270 (дата обращения: 28.03.2026).

3. Рыбак Е. В., Федулова А. Б., Цихончик Н. В. Социальная работа с молодой семьей в обществе риска : учеб. пособие для студентов вузов. Архангельск : САФУ, 2016. 224 с.

4. Чернышева В. Е., Жумаканова Н. А. Семья и семейные ценности: подходы к пониманию в условиях современного права // Весенние дни науки ИнЭУ : сб. докл. Междунар. конф. студентов и молодых ученых (Екатеринбург, 17–20 апреля 2024 г.). Екатеринбург : Ажур, 2024. С. 1395–1397.

5. Национальный проект «Семья» // Национальные проекты России : офиц. сайт. URL: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-projects/semya/ (дата обращения: 28.03.2026).

6. 367 миллиардов. Как будет жить культура по новому нацпроекту «Семья». 17.06.2025 // Медиа73. URL: https://media73.ru/2025/367-milliardov-kak-budet-zhit-kultura-po-novomu-natsproektu-semya (дата обращения: 28.03.2026).

7. Это у нас семейное : сайт. URL: https://family.rsv.ru/ (дата обращения: 28.03.2026).

8. Что сегодня значит «семья»? Эксперт ИОН Дарья Радченко – о семейных ценностях, ритуалах и переменах // РАНХиГС. Институт общественных наук. URL: https://ion.ranepa.ru/news/chto-segodnya-znachit-semya-ekspert-ion-darya-radchenko-o-semeynykh-tsennostyakh-ritualakh-i-peremen/ (дата обращения: 28.03.2026).

УДК 372.3/4

Анастасия Дмитриевна Гущина
3-й курс, напр. «Специальное (дефектологическое) образование», профиль «Логопедия», Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия, anastasiarengo@gmail.com
Научный руководитель: О. П. Криницына, канд. филол. наук, доцент, декан факультета психологии и педагогики детства, SPIN-код: 5785-4271

РОДИТЕЛЬСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК ФОРМА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АГЕНТОВ ВОСПИТАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблемам родительского просвещения как форме социокультурного взаимодействия агентов воспитания. Рассматриваются вопросы повышения родительской компетентности в контексте воспитания и формирования духовно-нравственных ценностей средствами интерактивных форматов.

Ключевые слова: просветительская деятельность; родители; взаимодействие; образование; педагоги; интерактивные форматы

Anastasia D. Gushchina
Student of the Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Perm, Russia, anastasiarengo@gmail.com
Supervisor: O. P. Krinitsyna, PhD in Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Psychology and Pedagogy of Childhood, SPIN-code: 5785-4271

PARENTAL EDUCATION AS A FORM OF SOCIO-CULTURAL INTERACTION OF EDUCATIONAL AGENTS

Abstract. This article is devoted to the problems of parental education as a form of socio-cultural interaction of educational agents. It discusses the issues of increasing parental competence in matters of education and the formation of spiritual and moral values through interactive formats.

Keywords: educational activities; parents; interaction; education; teachers; interactive formats

На сегодняшний момент всё больше возрастает роль родителя в системе образования. Родители чувствуют необходимость и потребность быть активными участниками процесса воспитания ребёнка. Многие делают выбор в пользу семейного обучения, отказываясь от посещения ребенком ДОУ или школы, желая полностью формировать вектор развития своего ребенка. Число обучающихся на этой форме увеличилось на 14,3 тыс. человек, или на 16,8 %, – об этом свидетельствует статистика Министерства просвещения на начало 2025/2026 учебного года [1].

В связи с вышеотмеченным возникает противоречие между родительским пониманием перспектив развития ребенка и видением педагога, с учетом требований ФГОС. В этом контексте актуализируется вопрос просвещения родителей, формирования высокой родительской компетентности, без решения которого высоки риски возникновения у ребёнка когнитивного диссонанса и торможения социокультурных процессов.

Просветительская деятельность – это направленная форма деятельности субъектов социально-культурного пространства по хранению, изучению, распространению (передаче) знаний, формированию умений, ценностных установок в отношении как отдельного человека, так и группы лиц, общества и населения в целом. В более широком, социокультурном значении представляет собой общественное благо, направленное на удовлетворение потребностей как отдельного человека, так и общества [2].

Если говорить о просветительской деятельности в системе образования, то это деятельность образовательной организации, занимающейся повышением родительской компетенции. Поэтому агенты воспитания действуют согласованно, распределяя задачи коррекционно-образовательного процесса между собой [3, с. 445–448].

Особенно в родительском просвещении нуждаются родители детей, имеющих специфику развития (дети, относящиеся к категории лиц с ОВЗ). В настоящее время предлагается большое количество разнообразных форм родительского участия в развитии таких детей: дидактические игры, пособия, методические рекомендации. Однако, при всем многообразии представленных материалов, родители не всегда правильно могут ими воспользоваться, что ещё раз подтверждает необходимость разработки новых актуальных форм родительского просвещения.

В современном обществе приоритетом являются активные методы и формы взаимодействия с родителями. Традиционные формы работы, такие как беседы, сообщения, доклады, утратили свою актуальность, в связи с большой занятостью родителя, низкой мотивацией к самообразованию и др. Традиционное взаимодействие родителей и педагогов происходит в формате лекториев или родительских собраний, что требует от родителя возможности физически присутствовать и уделить достаточное количество времени освоению новой информации. Расширить возможности взаимодействия помогает использование интерактивных методов.

«Интерактив» происходит от английского слова *interact*, где *inter* означает «взаимный», *act* – «действовать». Использование интерактивных методов позволяет решить несколько педагогических задач. Прежде всего, интерактивные методы ставят родителей в активную позицию. В обычной ситуации сделать это достаточно сложно: призывы педагога «высказать свое мнение», «предложить свои варианты», как правило, остаются безрезультатными. Многим родителям трудно проявить себя в ситуации традиционного родительского собрания, где ведущую роль играет педагог. Интерактивные методы позволяют сделать родителей активными участниками, в результате чего они начинают вести себя иначе. Применение указанных методов повышает готовность родителей к взаимодействию с психологом, педагогами и другими специалистами. Специалист, организующий оригинальные, непривычные мероприятия, вызывает уважение и интерес [4].

Сегодня особо востребованными становятся такие формы, как подкасты, деловые игры, квизы. Нами был предложен уникальный формат родительского адвент-календаря как системы взаимодействия родителя и образовательного учреждения. Адвент-календарь – это структура заданий, выложенная по календарному планированию, учитывающая три направления родительской активности: информационную, интерактивную, рефлексивную.

Мы разработали адвент-календарь для родителей, воспитывающих заикающихся детей. Заикающийся ребёнок – это ребёнок, имеющий сложные психолого-педагогические характеристики, к которым относятся страхи, инертность поведения и речевые особенности.

Календарь формирует у родителей системную работу и поддержку работы специалиста (психолога, логопеда) в домашних условиях, учитывая психологические и речевые особенности ребёнка, еже-

дневно в течение года родитель вместе с ребёнком выполняет размещенные в календаре задания. Так, задание 24 апреля: *Положить руку на живот и на выдохе посмеяться: ха-ха-ха*.

Таким образом, интерактивные формы обеспечивают компетентное участие родителя и его взаимодействие с образовательным учреждением, что способствует социокультурному взаимодействию всех агентов воспитания.

Список источников

1. Число школьников на семейном обучении за год выросло почти на 17 %. 5.02.2026. // РБК Life : сайт. URL: https://www.rbc.ru/society/05/02/2026/698364069a794779ed4ee2a0 (дата обращения: 09.04.2026).

2. Суязов В. В., Юдина М. И. Просветительская деятельность // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный порта. URL: https://bigenc.ru/c/prosvetitel-skaia-deiatel-nost-3c9e31/?v=10084730 (дата обращения: 09.04.2026).

3. Яценко А. М., Брусенская Н. Н. Повышение уровня компетентности родителей, имеющих детей с речевыми нарушениями, через интеграцию работы учителя-логопеда и специалистов детского сада // Молодой учёный. 2021. № 47 (389). С. 445–448. URL: https://moluch.ru/archive/389/85666/ (дата обращения: 09.04.2026).

4. Курбатова Л. А. Интерактивные методы работы с родителями // Знанио. 11.05.2020. URL: https://znanio.ru/media/interaktivnye-metody-raboty-s-roditelyami-2591590 (дата обращения: 09.04.2026).

УДК 34:159.9

Марина Владимировна Каменских[1]
Ксения Алексеевна Погодина[2]
[1, 2] *1-й курс, напр. «Юриспруденция», Прикамский социальный институт, Пермь, Россия, marinakamenskih1307@gmail.com*
Научный руководитель: В. В. Пискунова, канд. мед. наук, доцент, Пермский государственный аграрно-технологический университет им. академика Д. Н. Прянишникова, Пермь, Россия, https://orcid.org/0000-0002-1956-4549

ПРАВОВОЙ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ САМООБОРОНЫ И ЕЁ ПРЕДЕЛОВ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы необходимой обороны в правовом и психологическом аспекте. Даётся современное определение понятия «необходимая оборона». Представлены результаты анкетирования студентов неюридических направлений по вопросам самообороны. Обращается внимание на необходимость повышения осведомлённости студенческой молодёжи в области необходимой обороны в контексте правовой грамотности.

Ключевые слова: самооборона; необходимая оборона; студенты; анкетирование; правовая грамотность

Marina V. Kamenskikh[1]
Ksenia A. Pogodina[2]
[1, 2]*Students of the Prikamsky Social Institute, Perm, Russia, marinakamenskih1307@gmail.com*
Supervisor: V. V. Piskunova, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Perm State Agro-Technological University named after academician D. N. Prianishnikov, Perm, Russia, https://orcid.org/0000-0002-1956-4549

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECT OF THE PROBLEM OF SELF-DEFENSE AND ITS LIMITS LEGAL AND SOCIAL-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE PROBLEM OF SELF-DEFENSE AND ITS LIMITS

Abstract. This article examines the legal and psychological aspects of self-defense. It provides a modern definition of “necessary defense”. The results of a survey of students majoring in non-law fields on self-defense are presented. The need to increase student awareness of self-defense in the context of legal literacy is emphasized.

Keywords: self-defense; necessary defense; students, survey; legal literacy

Актуальность темы самообороны и её пределов обусловлена сложностью проведения расследования по аналогичным уголовным делам, квалификации необходимой обороны, с одной стороны, и примерами судебной практики – с другой.

Понятие «самооборона» – бытовое, в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) регламентировано понятие «необходимая оборона»:

– «не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны…»;

– «защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, то есть умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства»;

– «не является превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения»[1].

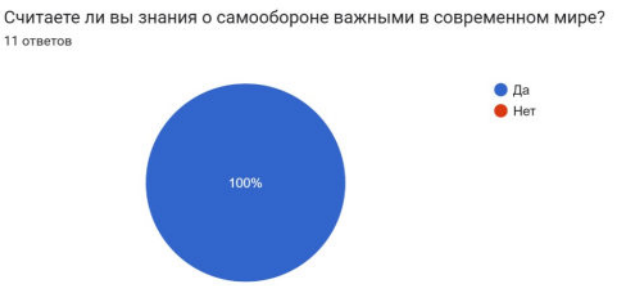
Вопрос необходимой обороны с различных сторон рассматривается в трудах российских ученых на протяжении последних десятилетий. Так, С. В. Винник разграничивает деяния, совершенные в рамках необходимой обороны, и убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых при задержании лица, совершившего преступление (ст. 108 УК РФ), а также причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 114 УК РФ) [1]. Б. В. Сидоров и А. Г. Бабичев в своих исследованиях обосновывают имеющиеся недостатки в характеристике оснований, смягчающих уголовную ответственность за убийство, предусмотренное ст. 108 УК РФ, и предлагают совершенствование данной правовой нормы [2]. Исследованию превышения пределов необходимой обороны посвящены труды К. С. Павлова [3]. Критический анализ судебной практики в части

[1] Ст. 37 «Необходимая оборона» Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 (ред. от 09.04.2026). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

применения рекомендаций, закрепленных в постановлении № 19 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» представлен в работе И. Н. Куксина [4]. Сравнение законодательного опыта в части ответственности за причинение вреда при превышении пределов необходимой обороны в разных странах показано в труде Н. В. Сплавской [5].

Наряду с правовым аспектом учёными рассматривается и социально-психологический аспект необходимой обороны. Так, Н. М. Кочетков объясняет неиспользование права на необходимую оборону половиной граждан России страхом уголовной ответственности за превышение её пределов под влиянием психологических факторов и с учётом этого предлагает авторский подход к решению правовых вопросов, связанных с необходимой обороной [6]. Проблемам института необходимой обороны в современной России, анализу исторической эволюции правовых принципов – от «права сильного» к «праву слабого», внедрению презумпции угрозы при нападении, дифференциации режима самообороны по месту, смещению бремени доказывания на сторону обвинения посвящена работа О. Я. Мадатова (2025) [7].

С целью изучения столь актуального вопроса было проведено исследование в виде анкетирования среди студентов 1 курса НИУ – ВШЭ (филиал г. Перми), вопросы анкеты направлены на выявление знаний о мерах самообороны, об ответственности за превышение пределов самообороны, о важности осмысления исследуемого понятия. Результаты анкетирования представлены на рисунке. (Использован бытовой термин «самооборона», поскольку респонденты – студенты неюридического направления.)

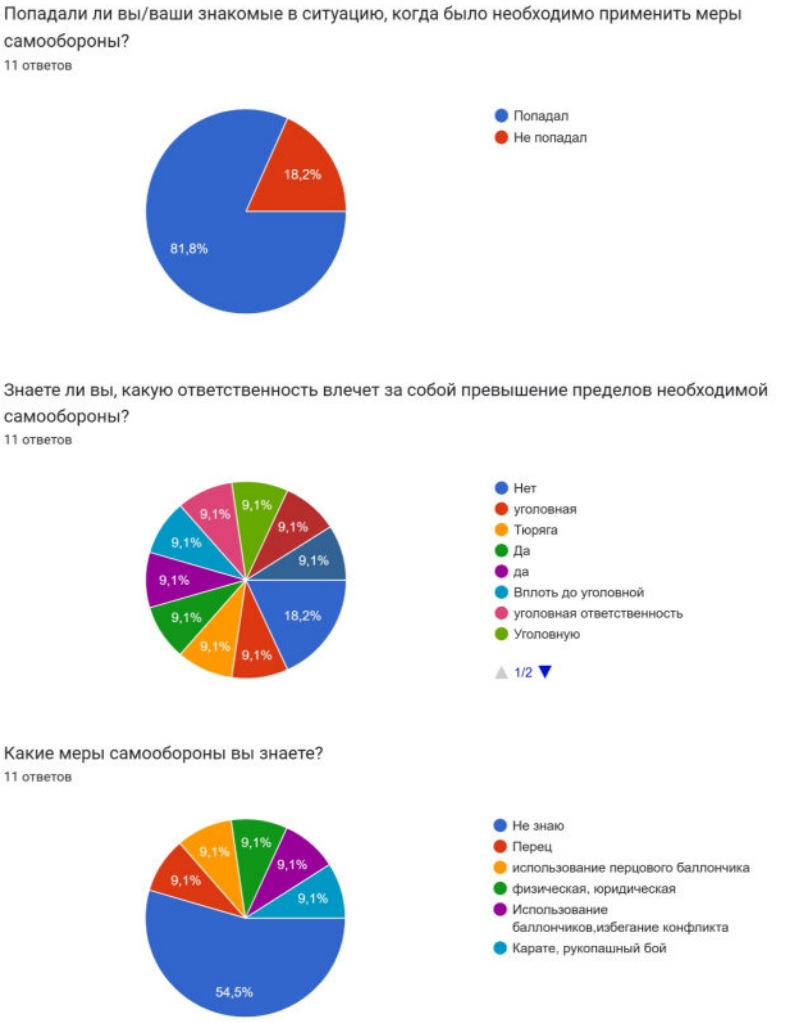

Рисунок – Результаты опроса студентов по вопросу самообороны

Результаты проведенного анкетирования среди студентов-первокурсников показали актуальность темы необходимой обороны и повышения правовой грамотности.

Список источников

1. Винник С. В. О некоторых вопросах квалификации преступлений, совершенных при превышении пределов необходимой обороны // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 12. С. 70–76.

2. Сидоров Б. В., Бабичев А. Г. Особенности ответственности за убийство при превышении пределов необходимой обороны: законодательные основания ее смягчения и вопросы совершенствования уголовного закона // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 4. С. 176–186.

3. Павлов К. С. К вопросу о соответствии защиты, характеру и степени опасности посягательства // Международный журнал гуманитарных и строительных наук. 2017. № 12. С. 294–298.

4. Куксин И. Н. Права человека защищать свою жизнь – это реальность или миф? // International scientific review. 2016. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-cheloveka-zaschischat-svoyu-zhizn-eto-realnost-ili-mif/viewer (дата обращения: 01.04.2026).

5. Сплавская Н. В. Ответственность за причинение вреда при превышении пределов необходимой обороны: сравнительный анализ // Государство и право в XXI веке. 2017. № 2. С. 37–46.

6. Кочетков Н. М. Психологический аспект необходимой обороны и тринитарно-синергетический подход к моделированию правового режима // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 2(69). С. 42–47.

7. Мадатов О. Я. От права сильного к праву слабого: трансформация принципов самообороны в условиях кризиса правоохранительной системы // Право и политика. 2025. № 8. С. 29–54.

УДК 340.134:004

Арина Викторовна Ларионова
3-й курс, факультет международных отношений и политических исследований, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург, Россия, alarionova25052005@gmail.ru
Научный руководитель: П. А. Смирнов, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений и политических исследований

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СОДЕРЖАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье систематизированы основные доктринальные подходы к определению информационной безопасности: технико-технологический, национально-стратегический и социально-психологический. На основе критического анализа существующих концепций автором предложено интегративное определение информационной безопасности, объединяющее правовую защиту данных, технологический суверенитет инфраструктуры и когнитивную устойчивость общества. Обосновано, что в эпоху цифровой трансформации информационная безопасность выступает фундаментальным условием сохранения государственности и нейтрализации трансграничных угроз.

Ключевые слова: информационная безопасность; технологический суверенитет; национальные интересы; цифровая среда; когнитивная целостность; защита данных; информационное воздействие; государственная политика

Arina V. Larionova
Student of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia, alarionova25052005@gmail.ru
Supervisor: P. A. Smirnov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of International Relations and Political Studies

THEORETICAL AND LEGAL APPROACHES TO DETERMINING THE CONTENT OF INFORMATION SECURITY

Abstract. The paper systematizes the main doctrinal approaches to the definition of information security: technical-technological, national-strategic and socio-psychological. Based on a critical analysis of existing concepts, the author proposes an integrative definition of information security that combines legal data protection, technological sovereignty of infrastructure, and cognitive sustainability of society. It is proved that in the era of digital transformation, information security is a fundamental condition for preserving statehood and neutralizing cross-border threats.

Keywords: information security; technological sovereignty; national interests; digital environment; cognitive integrity; data protection; information impact

Формирование концептуально-категориального аппарата является фундаментальным этапом построения новой информационной парадигмы и теоретического обоснования концепции информационного общества. Генезис научно-теоретического осмысления данной сферы связан с трудами Д. Белла, М. Кастельса и Э. Тоффлера, которые в рамках постиндустриальной теории обосновали доминирующую роль информации как ключевого стратегического ресурса развития цивилизации. Понятие «информационное общество» было введено в научный дискурс в 1950-х гг., что во многом предопределялось становлением кибернетики, однако концептуализация данного феномена произошла позднее, в условиях повсеместной имплементации информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ).

Согласно положениям Доктрины информационной безопасности (далее – ИБ) Российской Федерации от 2016 г[1]., данная категория интерпретируется как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз…». Нормативно постулируется, что детерминация стратегических задач внутренней и внешней политики в области обеспечения ИБ осуществляется исходя из национальных интересов РФ в информационной сфере. Подобная легальная трактовка ИБ как состояния защищённости свидетельствует о превалировании *статического подхода* в официальном дискурсе, при котором безопасность рассматривается как фиксированная качественная характеристика системы в конкретный момент.

[1] Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 5 дек. 2016 г. № 646. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Параллельно со статическим подходом в современной доктрине активно развивается *динамическая парадигма.* В рамках данной концепции М. В. Арсентьев предлагает интерпретировать ИБ как «снятие информационной неопределенности относительно объективно и субъективно существующих угроз за счет контроля над мировым пространством и наличия возможностей и средств для отражения этих угроз, что в совокупности определяет уровень ИБ каждого субъекта» [1, с. 49]. В представленной дефиниции исследовательский фокус смещается на *деятельностную составляющую*: ИБ трактуется как непрерывная целенаправленная активность по нивелированию информационной неопределённости. В данной логике безопасность утрачивает статус «статической константы» и трансформируется в перманентный процесс гносеологического анализа угроз и управления ими.

Представленный динамический подход актуализирует также *когнитивно-аналитический аспект*, интегрируя в содержание ИБ фактор субъективного восприятия рисков. Состояние защищённости в данном контексте коррелирует не с физическим отсутствием деструктивных факторов, а с полнотой информированности субъекта о них и наличием адекватного ресурсного потенциала для их оперативной нейтрализации. Более того, если легальная дефиниция классифицирует угрозы преимущественно по пространственному вектору их воздействия, то динамическая модель дифференцирует их по критерию *информационной транспарентности.* Подобная трансформация подходов свидетельствует об эволюционном переходе от традиционной «оборонной» парадигмы к модели «управления знаниями и рисками», что представляется наиболее адаптивным в условиях «общества риска».

В рамках социально-философского дискурса ИБ особую значимость приобретает концепция Т. В. Владимировой, в которой ИБ определяется как превенция угроз в отношении социальных практик в условиях интенсификации информационного обмена и ускоренного устаревания знаний [2, с. 230]. Авторская позиция базируется на дихотомии защитных механизмов: с одной стороны, обеспечение неприкосновенности собственной информационной сферы субъекта и фильтрация экзогенных информационных воздействий; с другой – когнитивная навигация в информационном пространстве, требующая непрерывной актуализации ресурсов.

Теоретическим фундаментом данной концепции служит теория социальной эволюции Н. Лумана, где информация рассматривается не как статический объект, а как динамическое событие, инициирующее трансформацию системы. В этом контексте защита информации интерпретируется как инструментарий сдерживания несанкционированных изменений в структуре контрагента с целью минимизации потенциального ущерба. Подобная экспликация свидетельствует о переходе к динамической парадигме исследования, в которой безопасность выступает имманентным условием устойчивости системы. В условиях нарастающей неопределенности, обусловленной высокой вариативностью, ИБ становится гарантом сохранения идентичности системы и её адаптивного развития.

Помимо этого, проведённый анализ показывает, что ИБ демонстрирует отказ от узкотехнократического подхода в пользу комплексной парадигмы, объединяющей технический и гуманитарный компоненты. Согласно исследованиям (в частности, А. В. Еркина), выделение социологического вектора обусловлено антропогенным характером информационных технологий: они представляют собой овеществленный результат человеческой деятельности, направленной на трансформацию объективной реальности в соответствии с целеполагающими установками экономических субъектов [3, с. 70]. В данном контексте система ИБ рассматривается не как изолированный комплекс, а как неотъемлемая часть системы социальных отношений. Именно социальная среда выступает пространством циркуляции информации, определяющим поведенческие паттерны потребителей. Наличие субъективного фактора в процессе восприятия информации экономическими агентами детерминирует социально-психологический аспект ИБ. Это находит выражение в специфике информационного воздействия, которое, интегрируясь в структуру социальных взаимодействий, детерминирует состояние всех уровней и сфер общественных отношений. В этом контексте, думается, гуманитарная составляющая ИБ позволяет рассматривать её в качестве инструмента мягкой силы. Например, через фильтрацию потоков и формирование контекста можно задавать специфические реакции потребителей. Это превращает ИБ из оборонительной дисциплины в дисциплину управления рисками социального поведения, где главной задачей является минимизация девиантного поведения субъектов.

Рассуждая о гуманитарной и социальной составляющей ИБ, мы не отметили, что первоначально в научном дискурсе доминировал подход, в рамках которого ИБ интерпретировалась исключительно в рамках технических и гуманитарных наук, что выражалось в интерпретации ИБ исключительно через призму дихотомии «защиты информации» (как объекта) и «защиты от информации» (как деструктивного воздействия). Данная концепция нашла отражение в трудах В. Н. Илюшенко и получила детальное развитие в работах С. П. Расторгуева, предложившего биполярную структуру ИБ: обеспечение безопасности самих информационных массивов и защиту субъекта от негативного контента [4, с. 59]. Дальнейшее теоретическое осмысление данной проблемы привело к формированию дефиниций, центрированных на понятии «состояния». Так, Р. М. Юсупов определяет ИБ через категорию неуязвимости субъекта, при которой внешние воздействия на его информационную сферу не способны нанести существенный ущерб [5, с. 87]. Этот вектор был расширен А. Д. Урсулом, который переносил защищенность на все ключевые сферы жизнедеятельности общества [6, с. 16], и В. Ф. Пилипенко, в чьих трудах ИБ выступает как конгломерат сохранности государственных информационных ресурсов [7, с. 192]. Анализ вышепредставленного позволяет заключить, что определение ИБ через «состояние» указывает на *динамическую природу безопасности*. Безопасность не является конечной целью или статичным результатом, это процесс постоянного поддержания гомеостаза системы в условиях агрессивной информационной среды.

Итак, в современной доктрине выделяются три основных направления.

Технико-технологический подход, акцентирующий внимание на защите данных как физического или цифрового объекта. Здесь ИБ сводится к обеспечению триады «конфиденциальность, целостность и доступность».

Национально-стратегический подход, связывающий ИБ с категорией «национальные интересы». Базируется на официальных документах (Доктрины 2000 и 2016 гг.), где безопасность – это состояние защищенности интересов личности, общества и государства.

Социально-психологический, рассматривающий ИБ через призму защиты сознания общества от деструктивного информационного воздействия.

На основании проанализированных подходов сформулируем свое определение ИБ: *информационная безопасность* – это комплексная система правовых и технологических гарантий, обеспечивающая динамическую устойчивость национального информационного пространства, технологический суверенитет его инфраструктуры и когнитивную целостность общества, направленная на нейтрализацию трансграничных угроз и обеспечение независимого развития государства в цифровой среде.

Список источников

1. Арсентьев М. В. К вопросу о понятии об информационной безопасности // Информационное общество. 1997. № 4-6. С. 48–50. URL: http://arch.infosoc.iis.ru/emag/1997/4-5-6/9d35a886fc7edf33c32575bc004e3d7b/ (дата обращения: 31.03.2026).

2. Владимирова Т. В. Социальная природа информационной безопасности : монография // АНО содействия развитию соврем. отечеств. науки. М. : Науч. обозрение, 2014. 239 с. URL: https://spkurdyumov.ru/uploads/2014/12/socialnaya-priroda-informacionnoj-bezopasnosti.pdf (дата обращения: 05.04.2026).

3. Еркин А. В. Понятия «информация» и «информационная безопасность»: от индустриального общества к информационному // Информационное общество. 2012. Вып. 1. С. 68–74. URL: https://clck.ru/3Swfft

4. Илюшенко В. Н. Информационная безопасность общества : учеб. пособие для вузов. Томск : Томск. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 1998. 64 с.

5. Юсупов Р. М. Информационное обеспечение национальной безопасности // Национальная безопасность. 2010. № 7/8. С. 87–96.

6. Урсул А. Д. Природа безопасности // Безопасность Евразии. 2008. № 1. С. 7–36. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-bezopasnosti-v-sinergeticheskom-rakurse (дата обращения: 05.04.2026).

7. Безопасность: теория, парадигма, концепция, культура. Словарь-справочник / авт.-сост. проф. В. Ф. Пилипенко. 2-е изд., доп. и перераб. М. : ПЕР СЭ-Пресс, 2005. 192 с.

УДК 323.2

Лилия Эдуардовна Кучеренко
1-й курс магистратуры, Донбасский государственный технический университет, Алчевск, Россия, edulep@rambler.ru
Научный руководитель: Э. П. Левченко, канд. техн. наук, доцент кафедры экологии и безопасности жизнедеятельности, SPIN-код: 8607-5905, AuthorID: 810062

ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА В СВЕТЕ НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНЦЕПЦИИ НООСФЕРЫ

Аннотация. Статья посвящена идее самоосознания в системе Единого информационного поля как части научного взгляда на мир, находящего отражение в философии и точных научных дисциплинах.
Ключевые слова: информационная система; Единое; ноосфера; эгрегоры; гиперсистема; сознание

Lilia E. Kucherenko
Student of the Donbass State Technical University, Alchevsk, Russia, edulep@rambler.ru
Supervisor: E. P. Levchenko, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor at the Department of Ecology and Life Safety, SPIN-code: 8607-5905, AuthorID: 810062

SPIRITUAL SECURITY OF SOCIETY IN THE LIGHT OF THE SCIENTIFIC AND PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF THE NOOSPHERE CONCEPT

Abstract. This article explores the idea of self-awareness within the Unified Information Field system as part of a scientific worldview, reflected in philosophy and the exact scientific disciplines.
Keywords: information system; Unified; noosphere; egregors; hypersystem; consciousness

Идея «Единого Сущего» или «Бога» как первопричины, стремящейся к самопознанию, может быть интерпретирована как фундаментальный принцип самоорганизации, присущий любой сложной системе [1]. Так, в физике подобные процессы наблюдаются

при формировании структур из хаоса, например, в космологии при образовании галактик или в биологии при возникновении жизни. «Разделение на бесконечное множество себя» можно рассматривать как аналогию квантового расщепления или как процесс дифференциации и специализации в любой развивающейся системе.

Концепция «точек самоосознания» в живых существах перекликается с идеями информационной теории сознания [2]. Согласно этим теориям сознание может быть рассмотрено как сложная информационная система, способная обрабатывать, хранить и передавать информацию. Каждое живое существо, обладая уникальным набором генетической информации и опыта, становится своего рода «информационным узлом» в более крупной системе.

«Единое» в этом контексте может быть понято как универсальное информационное поле, которое выступает основой всего сущего [3]. Это поле не является статичным – оно активно взаимодействует с собой, порождая новые формы и структуры. «Намерение познать свои возможности» можно трактовать как внутреннюю динамику этого поля, стремящегося к максимальному разнообразию и сложности.

«Ноосфера», как «библиотека» накопленной информации, имеет прямые аналогии с современными концепциями глобальной информационной сети и коллективного сознания [4]. В эпоху цифровых технологий наблюдается экспоненциальный рост объёма информации, доступной человечеству. Интернет, базы данных, научные архивы – всё это формирует своего рода «внешнюю память» человечества.

«Познание любых видов деятельности без каких-либо ограничений» указывает на потенциал безграничного развития и самосовершенствования. В контексте трансгуманизма это может означать развитие не только когнитивных, но и физических и эмоциональных способностей, выходящих за рамки текущих биологических ограничений.

«Изменение общественного порядка в пользу намного более справедливого» и «полное изменение отношения ко всему живому» являются прямым следствием осознания единства. Если всё обладает жизнью и является частью «Единого», то разрушение или причинение вреда любому элементу этой системы становится неэтичным и контрпродуктивным [5; 6]. Это ведёт к формированию экоцентрической этики и глобальной солидарности.

С точки зрения системного подхода концепция «Единого» может быть рассмотрена как описание гиперсистемы, обладающей свойствами самоорганизации, самовоспроизводства и стремления к усложнению. «Разделение на бесконечное множество себя» аналогично процессам фрактального ветвления в природе, где простые правила порождают бесконечное разнообразие форм.

Исследования в области нейронауки показывают, как индивидуальное сознание формируется на основе сложной сети нейронных связей. Расширяя эту аналогию, можно предположить, что «ноосфера» представляет собой своего рода коллективную нейронную сеть Вселенной, где информация и опыт отдельных существ интегрируются и становятся доступными для других. «Эгрегоры» могут быть аналогичны паттернам активности в этой глобальной сети, формирующим общие ментальные ландшафты. Они также могут быть соотнесены с архетипами по Юнгу – универсальными моделями поведения и восприятия, присущих человеческой психике. Эти архетипы, передаваясь из поколения в поколение, формируют основу коллективного бессознательного и влияют на индивидуальный опыт.

Принятие идеи о том, что «всё, что имеется на планете, обладает жизнью», является основой для развития экологической этики и биоцентризма. Это означает отказ от антропоцентрического взгляда на мир и признание внутренней ценности всех живых существ и экосистем. Такое мировоззрение предполагает глубокое уважение к природе и стремление к гармоничному сосуществованию.

Дальнейшее осмысление данной концепции требует междисциплинарного подхода, объединяющего философию, физику, биологию, информатику и психологию. Важно развивать формальные модели для описания процессов самоорганизации и информационного обмена в сложных системах, а также проводить эмпирические исследования в области нейронауки и коллективного поведения, которые могли бы пролить свет на природу сознания и его взаимосвязь с более масштабными структурами. Развитие искусственного интеллекта также может предоставить новые инструменты для моделирования и понимания сложных информационных систем, подобных ноосфере.

«Сохранение наработанной информации» в «библиотеке» (ноосфере) является ключевым элементом для эволюции сознания. Каждое существо, прожившее свою жизнь, пройдя свой уникальный путь,

вносит свой вклад в общее информационное поле. Этот процесс можно сравнить с обучением системы, где накопленный опыт используется для оптимизации будущих взаимодействий и принятия решений. «Пролет жизни перед глазами» перед смертью может быть интерпретирован как интенсивный процесс рекапитуляции и интеграции, где индивидуальный опыт соотносится с более широким контекстом ноосферы.

Упорядоченная иерархическая структура ноосферы может быть соотнесена с информационными паттернами и моделями, которые формируются в результате коллективного опыта. «Эгрегоры» как «кластеры» могут представлять собой устойчивые информационные структуры, которые влияют на мышление и поведение людей, формируя общие убеждения, ценности и даже коллективное бессознательное. «Хроники Акаши» как синоним Вселенской библиотеки подчёркивают всеобъемлющий характер этой информационной матрицы.

Хотя концепция «ноосферы» и «Единого» в представленном виде носит метафизический характер, её можно исследовать через призму научных дисциплин, изучающих сложные системы, информацию и сознание. Развитие теории информации, нейробиологии, когнитивной науки и системной динамики может предоставить инструменты для её более точного описания. Исследования в области коллективного интеллекта и распределённых систем также могут пролить свет на механизмы функционирования ноосферы. Важно стремиться к демистификации и поиску научно обоснованных аналогий, которые позволят интегрировать эти идеи в общепринятую научную картину мира.

Принятие данной концепции имеет глубокие практические импликации для общественного устройства. Если всё живое обладает ценностью и является частью «Единого», то это требует пересмотра существующих экономических, политических и социальных систем, включая общепринятые безопасные принципы подхода к жизнедеятельности [8–10]. Акцент смещается с конкуренции на сотрудничество, с эксплуатации на устойчивое развитие, с индивидуализма на коллективную ответственность. Это может привести к формированию глобального этического кодекса, основанного на принципах взаимоуважения, сострадания и стремления к общему благу. Тогда образование, наука и искусство могут быть направлены на развитие осознанности и понимания этой взаимосвязи.

Представленная концепция, несмотря на использование метафорических и эзотерических терминов, может быть осмыслена через призму современных научных и философских парадигм, в частности, через идеи самоорганизации, информационной теории и трансгуманизма.

Важно отметить, что, несмотря на потенциальную глубину и эвристическую ценность, данная концепция сталкивается с рядом научных вызовов и ограничений. Отсутствие эмпирических доказательств существования «Единого Сущего» и «Хроник Акаши» в их буквальном понимании требует осторожности в выводах. Однако это может служить мощным инструментом для интеграции различных научных дисциплин и стимулирования новых направлений исследований в области сознания, информации и эволюции сложных систем, где задача науки может состоять в переводе интуитивных прозрений на язык проверяемых гипотез.

Список источников

1. Кучеренко Л. Э. Ноосферное учение как залог коллективной безопасности жизнедеятельности // Экология и безопасность жизнедеятельности : сб. материалов II Всерос. науч.-практ. конф. студентов и школьников / Кузбас. гос. техн. ун-т имени Т. Ф. Горбачева. Кемерово, 2025. С. 315.1–315.5.

2. Левченко Э. П., Кучеренко Л. Э. Предпосылки и перспективы развития учения о ноосфере в современных условиях // 65 лет ДонГТИ. Наука и практика. Актуальные вопросы и инновации: сб. тез. докл. юбил. междунар. науч.-техн. конф. Ч. 2. Алчевск: Донбас. гос. техн. ин-т, 2022. С. 219–220.

3. Левченко Э. П., Кучеренко Л. Э. Гипотеза о ноосферном управлении глобальным потеплением климата Земли // Планета – наш дом: сб. тез. Всерос. молодёж. науч. конф. с междунар. участием. Алчевск: Донбас. гос. техн. ун-т. 2024. С. 57–59.

4. Кучеренко Л. Э., Левченко Э. П. Гипотеза причинно-следственных связей глобального потепления климата // Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов: сб. материалов Всерос. науч. конф. (с международным участием) аспирантов и обучающихся. Донецк: Донец. нац. техн. ун-т. 2024. С. 186–188.

5. Левченко Э. П., Кучеренко Л. Э. Гипотетический анализ основных причин глобального изменения климата с учетом экологической катасрофы в прошлом // Сборник материалов XVI студенческой экологической научно-практической конференции ФГБОУ ВО «ДонГТУ»: доклады участников XVI студенческой экологической научно-практической конференции. Алчевск: Донбас. гос. техн. ун-т, 2025. С. 36–38.

6. Перспективы ноосферного подхода к экологии / Э. П. Левченко, О. А. Левченко, Л. Э. Кучеренко [и др.] // Пути совершенствования технологических процессов и оборудования промышленного производства: сб. тез. докл. IX междунар. науч.-техн. конф. Алчевск: Донбас. гос. техн. ун-т, 2025. С. 357–359.

7. Левченко Э. П., Давиденко В. А., Ноженко А. А. Безопасность жизнедеятельности. Лабораторно-практические работы : учеб. пособие. Алчевск : Вифлеем, 2020. 260 с.

8. Левченко Э. П. Перспективы управления агрегатным состоянием водных ресурсов на основе глобального потепления климата // Экологический вестник Донбасса. 2021. № 2. С. 28–37.

9. Экология мегаполисов и промышленных агломераций. Практические работы : учеб. пособие / Э. П. Левченко, В. С. Федорова, А. Т. Павленко [и др.]. М. ; Вологда : Инфа инженерия, 2025. 140 с.

10. Экология мегаполисов и промышленных агломераций. Лабораторные работы: учеб. пособие / Э. П. Левченко, В. С. Федорова, А. Т. Павленко [и др.]. М. ; Вологда : Инфа инженерия, 2025. 132 с.

УДК 342.023:004

Максим Сергеевич Лопаткин
4-й курс, напр. «Юриспруденция», Прикамский социальный институт, Пермь, Россия, LMS@L2R.RU
Научный руководитель: Д. В. Головкина, канд. юрид. наук, доцент кафедры публичного и частного права

К ВОПРОСУ ОБ ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ВЫЗОВЫ И ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов, связанных с внедрением искусственного интеллекта, приобретением им автономности. Определяются возникающие философские, морально-этические, правовые проблемы, возможные тенденции развития искусственного интеллекта. Выделены ключевые направления разрешения возникающих вопросов и векторы дальнейших дискуссий.

***Ключевые слова**:* искусственный интеллект; ИИ-агент; автономные системы; правосубъектность; ответственность; воля ИИ; галлюцинации LLM; дискриминация алгоритмов; регулирование ИИ

Maxim S. Lopatkin
Student of the Prikamsky Social Institute, Perm, Russia, LMS@L2R.RU
Supervisor: D. V. Golovkina, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Public and Private Law

TO THE QUESTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN MODERN SOCIETY: CHALLENGES AND PROBLEMS

Abstract. This article explores issues related to the introduction of artificial intelligence into our lives and its acquisition of autonomy. It identifies emerging philosophical, moral, ethical, and legal issues, as well as potential trends in the development of artificial intelligence. Key areas for resolving these issues and areas for further discussion are highlighted.

Keywords: artificial intelligence; AI agent; autonomous systems; legal personality; liability; AI will; LLM hallucinations; algorithmic discrimination; AI regulation

Введение

С момента появления первых вычислительных машин общество меняется стремительнее любых прогнозов. Один из первых компьютеров ENIAC (1946) решал баллистические задачи – сегодня его мощность уступает смартфону. Мы не заметили, как алгоритмы стали принимать решения о кредитах, диагностировать болезни, управлять автомобилями. Теперь системы действуют от своего имени: нанимают людей, заключают сделки, генерируют объекты искусства. Темп изменений таков, что законодательство неизбежно отстаёт. Через десять лет ИИ-агенты станут обычными участниками экономического оборота. Поэтому вопрос не в том, *наделять* ли их правосубъектностью, а в том, *как именно* это сделать, не разрушая фундаментальные основы права [1].

Первые алгоритмы ИИ задумывались исключительно как инструмент – средство для решения строго очерченного круга задач, задаваемых человеком. Такие системы не обладали ни способностью к самостоятельной постановке целей, ни возможностью выходить за пределы заложенных в них правил.

Качественный скачок произошёл с появлением больших языковых моделей (LLM), способных к контекстному обучению и, что важнее, к *планированию* и *использованию внешних инструментов*. Именно здесь рождается феномен *ИИ-агента* – системы, которая не просто генерирует текст или предсказывает вероятность, а выполняет последовательность целенаправленных действий в цифровой или физической среде, самостоятельно выбирая средства и корректируя план при изменении условий.

Ключевое отличие современного агента от предыдущих поколений – *разрыв между целью, поставленной человеком, и способом её достижения.* Человек говорит: «Организуй мне дешёвый перелёт в Нью-Йорк с учётом багажа». Агент может решить: зарегистрировать несколько учётных записей на авиакомпанию, чтобы воспользоваться скидкой для новых клиентов. В целом задача выполнена. Формально прямого запрета на множественную регистрацию нет. Однако совокупность действий начинает противоречить духу закона или условиям оферты. Этот разрыв порождает проблемы, к анализу которых мы переходим далее.

Общественные вызовы, порождённые автономным ИИ

Стремительная эволюция ИИ от пассивного инструмента к активному агенту породила спектр проблем, к которым ни правовая систе-

ма, ни социальные институты оказались не готовы [2]. Эти проблемы носят не гипотетический, а вполне осязаемый характер – они уже фигурируют в судебных разбирательствах разных стран, административных спорах и публичных дискуссиях. Сразу оговоримся: ключевым правовым проблемам, связанным с ИИ, таким как «размытая» или «ускользающая» ответственность ИИ, воля ИИ, наказание и управление рисками ИИ, модели правовой адаптации, будет посвящено наше отдельное исследование. Ниже мы остановимся лишь на некоторых вызовах ИИ, с которыми сталкивается общество.

Проблема дискриминации и воспроизводства предрассудков

ИИ-системы, обученные на исторических данных, неизбежно впитывают и усиливают существующие социальные предрассудки. Дело *Mobley v. Workday* (дискриминация алгоритмом человека при приёме на работу) – не единичный случай [3; 4]. Алгоритмы найма, кредитного скоринга, оценки поведения учеников, автоматического распознавания лиц неоднократно демонстрировали статистически значимые смещения по расовому, половому, возрастному признакам.

Проблема репутационного вреда от «галлюцинаций» LLM[1]

Дело *Starbuck v. Google* высветило ещё одну грань проблемы: большие языковые модели склонны генерировать ложную, порочащую информацию, которую пользователи воспринимают как факт [5]. Традиционное деликтное право требует для признания клеветы установления факта распространения ложных сведений, порочащих честь и достоинство. Но можно ли считать «распространением» генерацию ответа конкретному пользователю по его запросу? Является ли провайдер LLM «издателем» или «распространителем» в смысле законодательства о СМИ? Пока суды не дали однозначных ответов, а разработчики пытаются прикрываться технической неизбежностью «галлюцинаций».

Перечисленные проблемы – не отдалённое будущее. Они проявляются уже сегодня, и их интенсивность будет только возрастать по мере дальнейшего совершенствования ИИ-агентов.

Философский контекст: интенциональность и феноменальное сознание

В западной философской традиции воля традиционно связывается с *интенциональностью* – способностью сознания быть на-

[1] LLM (Large Language Model, или Большая языковая модель) – это продвинутый алгоритм искусственного интеллекта, обученный на колоссальных массивах текстов.

правленным на предмет, иметь о нём переживание, а также со способностью к рефлексии и моральной самооценке.

Современные ИИ-агенты, включая самые продвинутые LLM, не обладают феноменальным сознанием. Они не испытывают боли, не радуются успеху, не чувствуют угрызений совести. Их «целеполагание» есть результат оптимизации математической функции: агент выбирает действие, которое максимизирует заданный разработчиком показатель полезности. Это принципиально иной тип детерминации, нежели человеческая свобода воли, предполагающая способность к спонтанному, не полностью обусловленному прошлым опытом выбору [6].

Смысл правового регулирования: защита прав и общественных отношений, а не наказание машин

Прежде чем предлагать конкретные модели адаптации правовой системы к вызовам ИИ, необходимо ответить на фундаментальный вопрос: какова цель такого регулирования? Если ИИ-агент не может быть субъектом уголовной ответственности, а его «наказание» сводится к техническим мерам, то зачем вообще создавать для него специальные правовые конструкции? Не проще ли ограничиться адаптацией существующих норм об ответственности за причинение вреда источником повышенной опасности (аналогично животным, транспортным средствам, роботам на производстве)?

Ответ заключается в том, что масштаб, автономность и непредсказуемость современных ИИ-агентов порождают новые типы общественных отношений, которые не покрываются классическими институтами [7].

Смысл правового регулирования в данной сфере видится в решении трёх основных задач.

Первая задача: защита прав и законных интересов человека. Конечная цель любого правопорядка – защита человека, его достоинства, прав и свобод. В контексте ИИ-агентов эта задача распадается на несколько подзадач.

Защита от дискриминации. Алгоритмы не должны принимать решения, ущемляющие права человека по расовым, половозрастным, имущественным или иным признакам. Регулирование должно установить чёткие требования к прозрачности, тестированию и аудиту ИИ-систем в таких сферах, как найм, кредитование, медицинская диагностика, правосудие.

Защита от репутационного вреда. «Галлюцинации» LLM не должны безнаказанно порочить честь и достоинство граждан. Правовое регулирование должно либо приравнять провайдера LLM к издателю (СМИ), либо создать упрощённый порядок удаления ложной информации и компенсации морального вреда.

Защита физической безопасности. ИИ-агенты, управляющие дронами, автомобилями или медицинскими устройствами, не должны создавать неоправданный риск для жизни и здоровья. Регулирование устанавливает стандарты безопасности, обязательное страхование, механизмы прерывания.

Вторая задача: сохранение и адаптация фундаментальных принципов права. Правовая система обладает внутренней логикой, базирующейся на ряде фундаментальных принципов: справедливость, правовая определённость, недопустимость злоупотребления правом, вина как основание ответственности. Появление автономных ИИ-агентов может подорвать эти принципы, если не внести своевременных корректировок.

Принцип вины требует пересмотра в части ответственности за действия ИИ. Как уже отмечалось, нельзя вменить вину самому агенту (без создания дополнительных сущностей), но можно перераспределить её между оператором, разработчиком и пользователем, используя конструкции «строгой ответственности» (ответственность независимо от вины) или «презумпции вины оператора» (пока он не докажет, что вред вызван неустранимыми недостатками ИИ).

Принцип правовой определённости предполагает, что участники оборота могут предвидеть юридические последствия своих действий. Это требует кодификации статуса ИИ-агентов: может ли агент подписывать договоры от своего имени или от имени человека? В какой момент сделка считается заключённой? Кто отвечает по обязательствам, если агент вышел за пределы полномочий? Без специальных норм наступает хаос.

Принцип справедливости требует, чтобы ущерб не оставался некомпенсированным, а ответственность распределялась соразмерно степени контроля и извлечения выгоды. Регулирование должно быть направлено на то, чтобы разработчики, создающие высокорискованных агентов, или операторы, использующие их в коммерческих целях, не перекладывали риски на потерпевших.

Третья задача: обеспечение устойчивого функционирования общественных институтов. ИИ-агенты способны воздействовать на институты в масштабе, недоступном отдельным людям. Правовое регулирование должно:

– *защищать демократические процессы* от манипуляций с помощью ИИ (рассылка агитационных сообщений от имени реальных людей, генерация компрометирующих фейков);

– *обеспечивать устойчивость критической инфраструктуры* – энергосетей, транспорта, связи – от атак с использованием автономных агентов (даже если формально каждый агент действует легально);

– *сохранять рыночную конкуренцию* – запрещать ИИ-агентам согласованные действия, ведущие к картелям или манипулированию ценами (феномен «алгоритмического сговора»).

Почему недостаточно просто адаптировать «классическую» ответственность? Возможен контраргумент: зачем вводить специальное регулирование, если можно распространить на ИИ-агентов нормы об ответственности за вред, причинённый источником повышенной опасности (ст. 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)), или нормы о действиях в чужих интересах без поручения (гл. 50 ГК РФ[1])? Такой подход имел бы смысл, если бы ИИ-агенты были редкими и легко идентифицируемыми. Однако их количество стремительно растёт, а их действия часто не могут быть сведены к простой причинно-следственной связи [1; 2].

Классические нормы предполагают следующее.

Возможность идентифицировать причинителя вреда – если вред причинён сетью из 1000 агентов, каждый из которых действовал легально, классический деликт не работает.

Наличие у причинителя вреда имущества – но у агента его нет.

Доказуемость причинной связи – решение агента может быть стохастическим, и невозможно доказать, что именно этот агент, а не другой, вызвал конкретный ущерб.

Поэтому требуется не просто адаптация, а создание новых институтов: *реестров ИИ-агентов, обязательного технического аудита, фондов компенсации вреда, краудсорсинговых механизмов выявления массовых нарушений, механизмов принудительного дообучения систем.*

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

Регулирование как инструмент формирования рынка, а не только ограничений

Наконец, правовое регулирование выполняет важную экономическую функцию: оно создаёт предсказуемые правила игры, снижает транзакционные издержки и стимулирует инновации в безопасном направлении. Компании, которые знают, какие требования предъявляются к их ИИ-агентам (регистрация, лимиты ответственности, страхование), могут планировать бизнес. Страховщики могут рассчитывать риски. Потребители могут доверять сертифицированным агентам.

Смысл правового регулирования ИИ-агентов состоит не в том, чтобы «наказывать машины», а в том, чтобы защитить людей, сохранить принципы права и обеспечить устойчивое и эффективное развитие экономики и общества в эпоху автономного ИИ.

Выводы

Правовое регулирование ИИ – не попытка «посадить машину в тюрьму», а создание цифрового правопорядка, в котором ИИ вплетен в правовое поле и наше общество. Страны, которые первыми предложат чёткие и эффективные правила, получат не только экономические дивиденды, но и статус мирового центра притяжения для разработчиков и инвесторов в сфере ИИ. Россия имеет все шансы занять эту нишу – при условии своевременной законодательной реакции и отказа от консервативного подхода «всё запретить, пока не поймём».

Автор статьи искренне считает, что в текущих условиях назрела необходимость подготовки законодательной базы для внедрения новых сущностей в правовое поле. Уже сейчас на ИИ можно возложить функции правосудия (рассмотрения простых дел по аналогии с мировыми судьями, что должно снизить нагрузку на суды), решения повседневных задач, автоматизации процессов.

Список источников

1. Филипова И. А., Коротеев В. Д. Будущее искусственного интеллекта: объект или субъект права? Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1(2). С. 359–386. DOI: 10.21202/jdtl.2023.15

2. Teubner G. Digitale Rechtssubjekte? Zum privatrechtlichen Status autonomer Softwareagenten // Ancilla Iuris. 2018. URL:

https://www.anci.ch/articles/Ancilla2018_Teubner_35.pdf (дата обращения: 10.03.2026).

3. Каминский Б. Алгоритмы Workday обвинили в дискриминации // Forklog. URL: https://forklog.com/news/ai/algoritmy-workday-obvinili-v-diskriminatsii (дата обращения: 10.03.2026).

4. Маркосян Г. А. Правовой статус ИИ-агента: может ли нейросеть нести ответственность за сделку? // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2025. № 17 (4). С. 34–39. DOI: 10.31429/20785836-17-4-34-39.

5. Andrews J. What Starbuck v. Google Reveals About AI Liability. Dec 22, 2025 // The Regulatory Review. URL: https://www.theregreview.org/2025/12/22/andrews-what-starbuck-v-google-reveals-about-ai-liability/ (дата обращения: 10.03.2026).

6. Бекбоев А. А., Жайлообаева А. Т., Эркинбеков Т. Ж. Искусственный интеллект и сознание: экзистенциально-онтологический анализ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2026. № 1-1 (112). С. 284–289.

7. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта : учеб. пособие. 3-е изд., обновленное и дополненное. Нижний Новгород : Нижегород. гос. ун-т, 2025. 321 с. URL: https://law.unn.ru/wp-content/uploads/sites/18/2025/02/PRII_2025_3.pdf5 (дата обращения: 10.03.2026).

УДК 376.356

Ольга Владимировна Мартынова
4-й курс, напр. «Специальное (дефектологическое) образование», Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия, 66598pspu@gmail.com
Научный руководитель: О. П. Криницына, канд. филол. наук, доцент, декан факультета психологии и педагогики детства, SPIN-код: 5785-4271, AuthorID: 1103034

ТЕМА ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ КОМПЛЕКСНОМ СОПРОВОЖДЕНИИ КОММУНИКАТИВНОГО РАЗВИТИЯ СЛАБОСЛЫШАЩИХ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируется проблема фрагментарности коррекционной работы в ДОУ как фактора, препятствующего созданию безопасной среды для коммуникативного развития детей с нарушением слуха. Обосновывается необходимость формирования единой системы комплексного сопровождения, включающей согласованную деятельность всех специалистов ДОУ. Описана модель взаимодействия педагогов, обеспечивающая преемственность и целостность коррекционно-развивающего процесса, что способствует успешной социальной адаптации детей с особыми образовательными потребностями.

Ключевые слова: коммуникативное развитие; слабослышащие дети; комплексное сопровождение; междисциплинарное взаимодействие; дошкольное образовательное учреждение; инклюзивное образование

Olga V. Martynova
Student of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm, Russia, 66598pspu@gmail.com
Supervisor: O. P. Krinitsyna, Candidate of Philology Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Childhood Psychology and Pedagogy, SPIN-code: 5785-4271, AuthorID: 1103034

THE TOPIC OF SPIRITUAL SAFETY IN THE COMPREHENSIVE SUPPORT OF THE COMMUNICATIVE DEVELOPMENT OF HEARING-IMPAIRED CHILDREN IN THE CONDITIONS OF A PRESCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTION

Abstract. This article analyzes the fragmented nature of special education programs in preschools, a factor hindering the creation of a safe environment for the communicative development of children with hearing impairments. It also substantiates the need to create a unified, comprehensive support system that includes coordinated efforts by all preschool specialists. A model of teacher interaction is described that ensures the continuity and integrity of the special education process, thereby facilitating the successful social adaptation of children with special educational needs.

Keywords: communicative development; hearing-impaired children; comprehensive support; interdisciplinary interaction; preschool educational institution; inclusive education

Согласно 2 ст. федерального закона № 273 «Об образовании в Российской Федерации» образование – это единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства[1]. Образовательные учреждения можно рассматривать как модель общества, в котором одной из важнейших целей является сохранение психологической и духовной безопасности детей. Важно отметить, что достижение этой цели возможно при обеспечении равного доступа всех детей к образовательному процессу.

В 2022 г. были утверждены приоритетные направления развития образования обучающихся с инвалидностью, с ограниченными возможностями здоровья, утвердившие концепцию инклюзивного образования до 2030 г. Современные требования к инклюзивному образованию и социальной интеграции детей с ограниченными образовательными потребностями (ООП) предполагают обеспечение детей комплексной работой специалистов разных областей: логопеды, дефектологи, сурдопедагоги, тифлопедагоги и т. д. Однако в системе, которая действует на данный момент, всё чаще наблюдается отрицательная тенденция: ребёнок с ООП поставлен в условия, в которых каждый специалист выполняет задачи исключительно в рамках своего плана работы [1]. Таким образом, как ребёнок, так и педагогический состав сталкивается с проблемой фрагментарности педагогического сопровождения ребёнка.

[1] Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 2.

Особо остро это вопрос встает, когда мы говорим о формировании базовых социальных навыков – коммуникативных. Коммуникативные навыки являются основой для успешной социализации, формирования личности и дальнейшего обучения [2; 3]. Для слабослышащих детей этот процесс осложнён нарушением слухового восприятия, что требует особого подхода и комплексного сопровождения в условиях ДОУ.

На практике часто наблюдается фрагментарность коррекционной работы: каждый специалист (логопед, дефектолог, психолог, воспитатель и др.) реализует собственные задачи в рамках своей профессиональной компетенции. В результате ребёнок перегружен педагогическим воздействием, что ведёт не только к потере возможности усвоения навыков и коррекции, но и к психическому напряжению.

Так, например, логопед формирует произносительные навыки и лексико-грамматический строй речи, дефектолог развивает познавательные процессы и слуховое восприятие, воспитатель организует свободную речевую практику, а музыкальный или художественный руководитель способствует эмоциональному и невербальному развитию. Без единой системы взаимодействия усилия специалистов остаются разрозненными [3, с. 1046].

Для преодоления этой проблемы необходимо создать систему, при которой все педагоги будут знать, чем занят с ребёнком тот или иной специалист. Ключевым элементом такой системы становится модель комплексного взаимодействия педагогов, направленного на коммуникативное развитие детей с нарушениями слуха.

Модель включает в себя создание единого плана развития коммуникативных навыков у слабослышащих детей посредством развития того или иного аспекта у учителя-логопеда совместно с ведущим специалистом (сурдопедагог или дефектолог) и внедрения закрепляющих упражнений в план занятий всех специалистов ДОУ.

Первый блок реализации модели представляет собой первичную диагностику коммуникативных способностей ребёнка и разработку индивидуального плана коррекционной работы с учётом рекомендаций ПМПК и особенностей личности обучающегося. На основе его потребностей и задач по программе Нищевой составляется общий план работы, включающий подробное описание деятельности педагогов по развитию коммуникативного аспекта. Важно, что ка-

ждый педагог закрепляет коммуникативные навыки ребёнка в рамках своей дисциплины. Наша цель – не загрузить педагога и ребёнка, а создать сквозную модель.

Второй блок непосредственно содержит реализацию составленной программы, а также возможные корректировки.

Третий блок – оценка результатов эффективности работы модели посредством диагностики обучающихся и проведения опроса среди специалистов ДОУ.

Таким образом, каждый педагог не только реализует свои задачи, но и поддерживает работу коллег по развитию коммуникативного аспекта, обеспечивая преемственность и эффективное повторение материала в разных контекстах.

В рамках формирования общего плана работы мы предлагаем использовать определённые механизмы, способствующие созданию комплексности процесса.

Единый банк заданий и игр. Все специалисты совместно разрабатывают и пополняют базу упражнений, которые могут быть использованы на разных занятиях. В базе фиксируются цели, этапы освоения навыка, варианты адаптации. Именно эти задания, распределённые в планы каждого специалиста, будут формировать сквозной процесс закрепления навыков.

Еженедельные консилиумы. Специалисты обсуждают динамику ребёнка, обмениваются наблюдениями, корректируют индивидуальные маршруты.

Ведение индивидуальных карт развития. В карте фиксируются задания всех специалистов, результаты выполнения, рекомендации для родителей.

Подобная модель была апробирована нами в рамках курсовой работы «Комплексное сопровождение речевого развития детей с ТНР 6–7 лет». В ходе педагогического эксперимента фокус-группа из 30 детей на протяжении четырёх недель обучалась по индивидуальному педагогическому маршруту, в котором специалисты работали в связке: все новые навыки закреплялись в рамках работы всех специалистов ДОУ.

Анализ результатов свидетельствуют о качественной работе с детьми и эффективности применяемых методик. Результаты диагностики экспериментальной и контрольной групп показали разную динамику. В среднем у детей из экспериментальной группы был отмечен рост речевых навыков на 20–25 %, в то время как у контрольной группы – в среднем на 5–10 %.

Эксперимент позволил оценить эффективность комплексной системы и апробировать модель на детях с нарушениями слуха в рамках развития коммуникативного аспекта речи.

Таким образом, согласованная работа специалистов исключает духовное, эмоциональное и психическое истощение воспитанников. Ребёнок не испытывает стресса от необходимости постоянно переключаться между разными задачами и требованиями, что позволяет ему сохранять внутренний ресурс. Именно такая среда является необходимым условием для гармоничного развития личности слабослышащего ребёнка и его успешной социализации.

Список источников

1. Аушкина И. В. Проблемы реализации инклюзивного образования в детском саду //Педагогический форум. 2024. Т. 1, №. 13. С. 10–13.

2. Гончарова Е. Ю. Формирование коммуникативных навыков у детей с ОВЗ посредством интерактивных технологий // Современное педагогическое образование. 2021. №. 2. С. 135–139.

3. Исламова З. И., Гильманова А. Р. Организационно-педагогические условия сопровождения формирования социально-коммуникативных навыков у младших школьников с ОВЗ во внеурочной деятельности // Науки об образовании в меняющемся мире: перспективы исследований для решения глобальных и локальных проблем : тез. XXI Междунар. науч.-практ. конф. молодых исследователей образования. М. : МГППУ, 2022. С. 901–905.

УДК 94 (47)

Анна Андреевна Новикова[1]
Алиса Алексеевна Мельникова[2]
Софья Васильевна Ешану[3]
[1] *3-й курс, напр. «Химическая технология»,*
Березниковский филиал Пермского национального
исследовательского политехнического университета,
Березники, Россия, annanovikzxf@mail.ru
[2,3] *1-й курс, напр. «Химическая технология»,*
Березниковский филиал Пермского национального
исследовательского политехнического университета,
Березники, Россия
[2] *melnikova.alisa.alekseevna@gmail.com*
[3] *sonaesanu@gmail.com*
Научный руководитель: В. В. Шилов, канд. ист. наук, доцент,
зав. кафедрой «Общенаучные дисциплины», член Правления
Российского общества социологов (Пермское отделение),
SPIN-код: 4426-4126, https://orcid.org/0009-0000-4752-4889

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ 1812 ГОДА В АРХИТЕКТУРНОМ НАСЛЕДИИ ГОРОДА УСОЛЬЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Аннотация. Рассматривается памятник архитектуры федерального значения в исторической (островной) части бывшего с. Новое Усолье (с 1918 г. – г. Усолье Пермского края) – Никольская церковь, отстроенная по заказу Строгановых в стиле классицизма в честь победы русского оружия в Отечественной войне 1812 г. Показана трагическая судьба памятника-храма в годы советской власти и его восстановление в постсоветский период.

Ключевые слова: Строгановы; архитектурный стиль; барокко; классицизм; обетные храмы; культовый памятник; сакральный объект верующих; общенациональная гордость

Anna A. Novikova[1]
Alisa A. Melnikova[2]
Sof'ya V. Eshanu[3]
[1, 2,3] *Students of the Berezniki Branch of the Perm National Research Polytechnic University, Berezniki, Russia*
[1] *annanovikzxf@mail.ru*
[2] *melnikova.alisa.alekseevna@gmail.com*
[3] *sonaesanu@gmail.com*

Supervisor: V. V. Shilov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department, Member of the Board of the Russian Society of Sociologists (Perm Branch), SPIN-code: 4426-4126, https://orcid.org/0009-0000-4752-4889

THE MEMORY OF THE WAR OF 1812 IN THE ARCHITECTURAL HERITAGE CITIES OF USOLYE, PERM KRAI

Abstract. The article examines a monument of federal architectural significance in the historical (island) part of the former village of Novoye Usolye (since 1918, the city of Usolye in the Perm Territory) – the St. Nicholas Church, which was built by the Stroganovs in the classical style in honor of the victory of Russian arms in the Patriotic War of 1812. The article shows the tragic fate of the temple monument during the Soviet era and its restoration in the post-Soviet period.

Keywords: Stroganovs; architectural style; Baroque; Classicism; votive temples; iconic monument; sacred object of believers; national pride

Усольский архитектурный ансамбль (одна из «жемчужин русского зодчества») создавался в своём стилевом своеобразии в начале XVIII в. и в начале XIX в. – два «золотых века» усольской архитектуры: 1) *барокко* первой трети XVIII в. и 2) *русский классицизм* первой четверти XIX в.

Одно из центральных мест в архитектурном ансамбле занимают *Палаты Строгановых* (Дом Строгановых), возведённые на месте старого господского дома в 1724 г. при С. Г. Строганове. В архитектурном облике здания проступают черты московского (нарышкинского) барокко XVII в.

В один год с Палатами Строгановых в 1724 г. был заложен *Спасо-Преображенский собор*, строительство которого было завершено в 1731 г. Здесь стиль русского церковного барокко находит одно из своих замечательных выражений.

Между Спасо-Преображенским собором и Палатами Строгановых стоит (доминанта ансамбля) *Соборная колокольня* (1731 г.) В ней уже нет пышной барочной праздничности, и её асимметричность (неправильный многоугольник в плане), скорее всего, принадлежит барокко, но весь внешний вид колокольни всё-таки имеет достаточно аскетичный вид (рис. 1).

Рисунок 1 – Город Усолье, Строгановская регата. Вид с Камы: Палаты Строгановых, 1724 г.; Колокольня, 1731 г.; Спасо-Преображенский собор, 1724 г.; Усадьба князей Голицыных, 1818 г., стиль – русский классицизм (возможно, по проекту А. Н. Воронихина). Фото В. М. Брандмана

Строительство другой группы не менее известных памятников архитектуры села Новое Усолье было заложено почти на 100 лет позже, когда в России на смену барокко пришёл классицизм. Это такие оригинальные строения, как *Никольская церковь* (1813–1820 гг.), *Усадьба князей Голицыных* (1818 г.), *Дом Абамелек-Лазарева* (1820 г.), *Господская усадьба* (1832 г.), *здание конторы и архива сользаводов* (1833 г.) – все они вместе, с построенной немного позже церковью *Владимирской Иконы Божией Матери* (1757–1791 гг.), принесли Новому Усолью иной архитектурный облик и расширили историко-культурологический смысл строгановской Ново-Усольской вотчины (рис. 2).

В наши дни архитектурные строения в исторической (островной) части г. Усолья являют собой образцы совершенной симметрии и следования канонам русского классицизма. Можно даже сказать, что они покоятся в своей гармонии, а понятия *покой* и *гармония* с гениально в XIX в. связал воедино А. С. Пушкин в «Красавице»:

В ней всё гармония, всё диво,
Всё выше мира и страстей.
Она покоится стыдливо
В красе божественной своей.

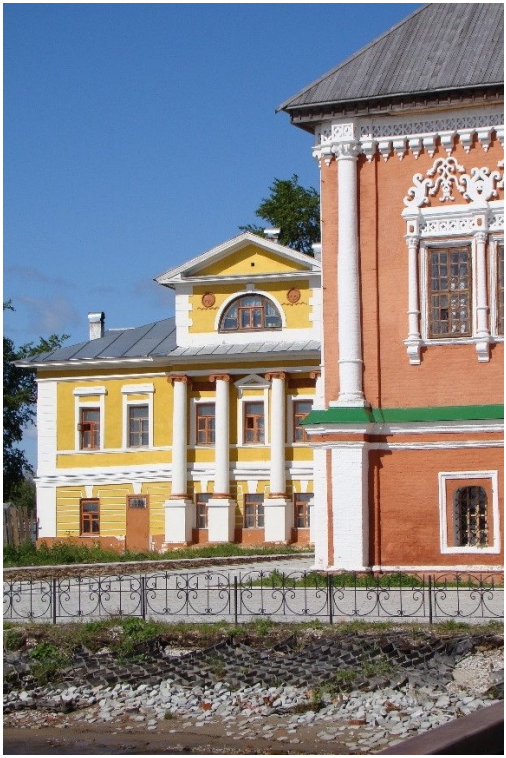

Рисунок 2 – Город Усолье. Вид с Камы. Палаты Строгановых, 1724 г. (юго-восточный угол) и Здание конторы и архива сользаводов, 1833 г. Фото С. В. Хоробрых

Можно также предположить, что *барокко*, проповедуя экстремальные кривые линии архитектурных форм и декора, отражает как бы эпоху порыва, когда социальные идеи скорее намечаются, нежели достигнуты, а *классицизм* в архитектуре – это определённый символ желаемой или достигнутой гармонии в обществе.

Уникальность Усольского историко-архитектурного ансамбля состоит в том, что комплекс памятников в чистых архитектурных формах выражает как становление идеи западной ориентации с сохранением русской самобытности, так и развитие этой идеи в идею и мироощущение русского национального величия, поражая нас, современников, своим великолепным, восхитительным видом [1] (рис. 3).

Рисунок 3 – Усольский историко-архитектурный комплекс с высоты птичьего полёта. Фото их архива Березниковского историко-художественного музея им. И. Ф. Коновалова

Об этом также свидетельствует строительство и убранство замечательного памятника русского классицизма первой четверти XIX в. – *Никольской церкви* в селе Новое Усолье (с 1918 г. – город Усолье) в пермском имении барона Григория Александровича Строганова (1770–1857) и «иждивении его».

Данный шедевр архитектуры – «*во славу Всемогущего и Триипостасного Бога, в честь Угодника Его Святителя Николая Чудотворца и в воспоминание Свыше ниспосланного Церкви и державе Российской избавления от нашествия галлов и с ними двадесяти язык*» – возводился на месте сгоревшей в 1809 г. церкви Покрова Пресвятой Богородицы с Никольским приделом.

Отечественная война 1812 г. оставила глубокий след в памяти российского общества, что выражено в его культуре, архитектуре, искусстве, национальных праздниках и торжествах (чего только стоит одно *Бородино* – мемориалы на Бородинском поле, его ежегодные военно-исторические реконструкции, литературные произведения, прежде всего, конечно, стихотворение М. Ю. Лермонтова «Бородино»). Примечательно, что император Александр I (1777–1825) 25 декабря 1812 г. подписал Высочайший манифест о возве-

дении храма Христа Спасителя в Москве в честь победы российского воинства над Наполеоном (древнерусская традиция обетных храмов). Сегодня *Храм Христа Спасителя* (или Храм Рождества Христова) – кафедральный собор Русской православной церкви (РПЦ) в центральной части Москвы (*архитектурный стиль – русско-византийский*).

В Новом Усолье в Никольском храме в архитектурном замысле тоже всё служило прославлению народа, его воинской доблести в Отечественной войне 1812 г., даже иконостас был выполнен в виде триумфальной арки.

Священник, историк церкви И. Ф. Словцов (1826–1883) в 1875 г. писал о Никольской церкви: «Церковь сия построена в итальянском вкусе, крестообразно, с круглым большим куполом; с северной, южной и западной сторон имеет фронтоны дорического ордера. Иконостас коринфского ордера сделан под вид белого мрамора, капители и все украшения иконостаса вызолочены… стены расписаны изображениями из евангельских событий и притчей, а на куполе написан Покров Пресвятой Богородицы. Устройство этой церкви с колокольнею стоило владельцу до 25 тыс. серебром, не считая ценности в утвари, колоколах и многих других церковных принадлежностях, на его же счет приобретённых. Утварь и ризница в сей церкви очень богатая» [2].

Пермский исследователь истории архитектуры, член Союза архитекторов РФ А. С. Терёхин (1928–1993) предполагал, что автором проекта Никольской церкви был уроженец с. Новое Усолье, бывший крепостной Строгановых, архитектор с мировым именем А. Н. Воронихин (1759–1814) [3]. Его предположение разделяет и В. Г. Лисовский [4], хотя документально это до сих пор не подтверждено [5]. Тем не менее в 2009 г. на северной стороне колокольни была установлена мемориальная доска, посвящённая именно архитектору А. Н. Воронихину как автору проекта (скульптор Ю. И. Устинов).

Каменная церковь во имя Святителя Николая Миркилийского в с. Новое Усолье возводилась семь лет – была заложена 8 сентября 1813 г. и освящена 29 июля 1820 г. (сохранилась запись на бронзовой доске, установленной в алтаре церкви [6, с. 49]). Освещение церкви святителя Николая Чудотворца в 1820 г. проходило в присутствии самого владельца барона Г. А. Строганова. Событие собрало множество народа, торжество продолжалось в сопровождении иллюминации и пуска ракет.

Барон Г. А. Строганов (с 22.08.1826 – граф) – действительный тайный советник, посол в Испании, Швеции и Османской империи, кавалер Ордена апостола Святого Андрея Первозванного и многих других орденов, был двоюродным дядей и опекуном Н. Н. Пушкиной и её детей (1837–1846), и это он уговорил петербургского митрополита Серафима разрешить погребение А. С. Пушкина по христианскому обряду, что тот сначала запретил, считая смерть на дуэли равносильной самоубийству. Вот такие люди «обустраивали» с. Новое Усолье.

Разумеется, сами Строгановы не проектировали храмы, не руководили их строительством и не организовывали торжества в дни их открытия. Но в их имениях был образованный, профессиональный слой служащих (как правило, из крепостных), которые этими работами и занимались [7].

Неслучайно, видимо, *Казанский собор* в Санкт-Петербурге на Невском проспекте (1801–1811), выстроенный в стиле *русского классицизма*, после Отечественной войны 1812 г. приобретший ещё и значение памятника русской воинской славы (здесь похоронен М. И. Кутузов и помещены ключи от взятых городов и другие военные трофеи), иногда поражает масштабом, холодностью и строгой роскошью. В наши дни это кафедральный собор Казанской иконы Божией Матери Санкт-Петербургской епархии РПЦ, который был выполнен по проекту упомянутого выше бывшего крепостного Строгановых, родившегося в с. Новое Усолье – А. Н. Воронихина, одного из основателей *русского ампира*, такого своеобразного историко-регионального архитектурного стили первой трети XIX в. (иногда предпочитают именовать – *градостроительный*, или даже *высокий классицизм*), его разновидность *петербургский ампир*.

Как известно, весной с. Новое Усолье часто затоплялось водами Камы, как, кстати, и Санкт-Петербург – водами Невы (знаменитые наводнения), к тому же г. Усолье и г. Санкт-Петербург расположены на одной, 59-й, параллели северной широты, то есть такие же «белые ночи». Визуально города сближают шпиль Адмиралтейства и шпиль Колокольни в Усолье над бегущими волнами Невы и Камы соответственно, отсюда и поговорка: «Усолье град – Петербургу брат». Поэтому, с учётом весенних паводков и частых наводнений, Никольская церковь в Новом Усолье была возведена на искусственном холме, для чего был выполнен большой объём работ по доставке грунта (рис. 4).

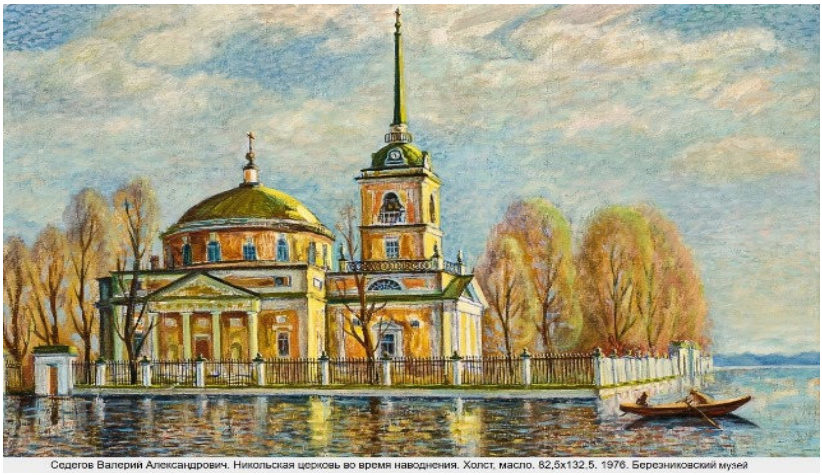

Рисунок 4 – Никольская церковь в с. Новое Усолье во время наводнения. Худ. В. А. Седегов. 1976 г. Холст, масло. 82,5×132,5. В фондах Березниковского историко-художественного музея им. И. Ф. Коновалова (БИХМ)

К большому сожалению, в период советской власти, когда господствовал «воинствующий материализм», Никольскому храму-памятнику был нанесён большой ущерб. Упомянутый Казанский собор в Санкт-Петербурге в 1932 г. был превращён в Музей атеизма, а храм Христа Спасителя в Москве вообще был в 1931 г. разрушен полностью (дважды взорван), и только в 1990-е гг. этот шедевр русского зодчества в Москве был вновь воссоздан как условная копия своего исторического предшественника.

В 1922 г. уже в г. Усолье с Никольской церкви, с этого величественного, торжественного, монументального архитектурного строения, колокола были сброшены и отправлены на переплавку, а вскоре церковь была вообще закрыта.

По воспоминаниям березниковского художника и краеведа В. А. Седегова (1937–2005), в 1976 г. ему известный краевед, основатель в 1925 г. Березниковского (Усольского) музея Иван Фёдорович Коновалов (чьё имя сегодня носит Березниковский историко-художественный музей) рассказал такую историю о закрытии в 1932 г. усольской Никольской церкви: «Начало 1930 годов ознаме-

новалось яростной борьбой между двумя ветвями православной церкви – “Живой” и “Мёртвой”. “Живая” церковь поддерживала советскую власть, её возглавлял Тихон Белавин, “Мёртвую” – Введенский. Никольская была оплотом “Мёртвой”, поэтому на неё обращено “особое” внимание».

Созданную комиссию по закрытию церкви возглавил некто Новиков. И. Ф. Коновалову (представителю музея) сказали, что комиссия соберётся в 12 часов дня, а они (члены комиссии) пришли раньше. Выкатили из церковного подвала бочку кагора (сладкое креплёное вино, используемое в православной церкви для таинства Причастия как символ крови Христа. – *Прим. авт.*) и начали «угощаться», повеселев, стали снимать иконы, разбивать их о пол, ломать иконостас, уничтожать архив. Вырвали все страницы летописи, оставив чистые. Исчезли две иконы (из четырёх), написанные на меди (копии с работ Боровиковского, что в Казанском соборе С.-Петербурга). Пропавшей оказалась и походная икона Строгановых. Часть церковного имущества удалось увезти в музей.

Ивану Фёдоровичу удалось вывезти этих партизан из церкви (на обед), они не хотели уходить, упирались, ведь бочка с кагором не допита. На следующий день Новиков вызвал пожарных для того, чтобы уронить колокольный шпиль. К нему привязали канаты, и с помощью лошадей пожарные делали неоднократные попытки уронить шпиль. Не тут-то было: крепкой оказалась работа старших мастеров. Пришлось разбирать шпиль по частям, где спиливать, а где орудовать кувалдой. В эти же дни была разбита надгробная плита Ф. А. Волегова (1790–1856) (управляющий имением Строгановых в Новом Усолье, верхнекамский историк XIX в., автор «Усольской летописи». – *Прим. авт.*), в то время как остальные надгробия остались невредимыми» [8].

В советские годы этот шедевр архитектуры использовался под клуб и склад, затем долгое время был бесхозным. Ещё в 90-е гг. XX в. прямо в этом заброшенном храме без дверей и окон стояли и лежали коровы местных жителей, спасавшиеся там от летнего зноя или дождя.

В 2000 г. по инициативе тогдашнего главы администрации г. Усолья *Г. П. Шехматова* (1941–2016) и *Лидии Васильевны Плюсниной* (в 2000 г. – доцент кафедры водоснабжения и канализации Пермского технического университета) в исторической части г. Усолья был основан *Спасо-Преображенский Усольский женский*

монастырь (с благословения архиепископа Пермского и Соликамского Афанасия в 2000 г.), в котором первоначально жила единственная монахиня – матушка Ариадны, такое имя приняла после пострига Л. В. Плюснина. Она вскоре стала и первой настоятельницей этого женского православного монастыря.

Монастырь разместился на территории Усольского историко-архитектурного комплекса в памятнике архитектуры – Здании конторы и архива сользаводов (двухэтажное здание с классическим портиком и колоннадой, ул. Спасская, 17/21 (рис. 2)). Здесь сразу начались и восстановительные работы, в том числе и на заброшенной Никольской церкви. Первое богослужение в церкви состоялось на Пасху в 2001 г.

С 2000 г. при финансовой помощи Усольской администрации, частных благотворителей, усилиями послушниц вышеуказанного монастыря и волонтёров начали проводиться работы по восстановлению церкви Николая Угодника. Были отремонтированы кровля, купола церкви, частично восстановлена кладка колокольни, на куполе установлен металлический крест, изготовлен временный иконостас.

Большую помощь в восстановительных работах Никольской церкви (других архитектурных шедевров в г. Усолье и облагораживании территории) оказали и продолжают оказывать градообразующие предприятия Березниковского округа Пермского края.

В 2007 г. для Никольской церкви в г. Усолье на колокололитейном заводе Г. Н. Пяткова в г. Каменске-Уральском на средства компании «ЛУКОЙЛ-Пермь» были отлиты колокола, а в 2009 г. были установлены исторические часы-куранты, изготовленные Чистопольским часовым заводом по проекту М. В. Божко.

В настоящее время этот храм – памятник Отечественной войне 1812 г., яркий образец уральского классицизма с четырёхколонными дорическими портиками по сторонам света – частично уже отреставрирован, во многом восстановлен и его внешний облик, ведутся внутренние работы.

Без всякого сомнения, Никольская церковь в наши дни является достойным украшением не только усольской заповедной земли, но и всего Пермского края, неслучайно памятнику присвоен статус федерального значения (рис. 5).

Рисунок 5 – Никольская церковь в г. Усолье (1813–1820 гг.)
Архитектор А. Н. Воронихин (?). Фото Е. А. Ермаковой

Отечественный и мировой опыт показывает, что любой культовый памятник – это не только сакральный объект для верующего человека, но и исторический, архитектурный, художественный памятник, обладающий региональной, федеральной или всемирной ценностью.

Никольская церковь в г. Усолье является религиозной ценностью, сакральным объектом для верующих, при этом выступает общенациональной гордостью всего многонационального народа России. Подобные памятники-храмы вызывают благоговение, гордость за наших предков, которые создавали такие яркие шедевры архитектуры, а также чувство благодарности за их самоотверженность при защите своего Отечества.

Список источников

1. Шилов В. В. Три века «каменной симфонии» на Верхней Каме // Вестник антропологии. 2024. № 1. С. 267–285.

2. Словцов И. Ф. Опыт описания некоторых церквей Соликамского уезда // Пермские епархиальные ведомости (ПЕВ). 1875. № 50.

3. Терёхин А. С. Архитектор Андрей Воронихин. Пермь : Перм. кн. изд-во, 1968. С. 52–55.
4. Лисовский В. Г. Андрей Воронихин. Л. : Лениздат, 1971. 144 с.
5. Раскин А. М. Архитектор Иван Подъячев // Художественная культура Пермского края и её связи : материалы науч. конф. / сост. Н. В. Казаринова. Пермь: Перм. книга, 1992. С. 94–97.
6. Памятники археологи и архитектуры Березниковско-Усольского района (каталог) / А. Ф. Мельничук, Н. Е. Соколова, В. А. Цыпуштанов, В. В. Шилов. Березники: ИД «Типография купца Тарасова», 1994. 96 с.
7. Голохвастова Н. В. Крепостные служащие в системе управления уральского горнозаводского имения в конце XVIII – первой половине XIX века (на примере пермских вотчин Строгановых) : монография. Пермь, 2004. 249 с.
8. Шилов В. В. История и культура Северного Прикамья. Березники : Типография купца Тарасова, 1995. 134 с.

УДК 378.635

Эвелина Александровна Саитхужина
1-й курс, напр. «Юриспруденция», Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Пермь, Россия, saithuzinaeva@gmail.com
Научный руководитель: Т. В. Никитина, д-р пед. наук, доцент, кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, SPIN-код: 1380-4651, https://orcid.org/0000-0001-7656-7351

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РИСКИ И ЭТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВЕДОМСТВЕННОГО ВУЗА ФСИН РОССИИ

Аннотация. В статье анализируются риски и этические дилеммы, которые возникают при интеграции технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс ведомственных вузов. Рассматривается специфика таких учебных заведений, связанная с режимным характером деятельности, особыми требованиями к информационной безопасности и профессиональной подготовке кадров. Выделяются ключевые группы рисков: угрозы академической честности, уязвимости конфиденциальности и безопасности данных, проблемы дегуманизации и когнитивных искажений, а также цифровое неравенство. Сделан вывод о необходимости разработки специализированных нормативных и этических рамок для внедрения искусственного интеллекта в ведомственном образовании.

Ключевые слова: искусственный интеллект; ведомственный вуз; информационная безопасность; академическая этика; образовательный процесс

Evelina A. Saitkhuzhina
Student of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia, saithuzinaeva@gmail.com
Supervisor: T. V. Nikitina, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor at the Department of Humanities and Social and Economic Disciplines, SPIN-code: 1380-4651, https://orcid.org/0000-0001-7656-7351

SOCIO-CULTURAL RISKS AND ETHICAL DILEMMAS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE UNIVERSITY OF RUSSIA

Abstract. The article analyzes the risks and ethical dilemmas that arise when integrating artificial intelligence technologies into the educational process of departmental universities. It examines the specific features of such educational institutions, which are related to the regime-like nature of their activities, the special requirements for information security, and the professional training of their staff. The article identifies key groups of risks, including threats to academic integrity, vulnerabilities in data privacy and security, issues related to dehumanization and cognitive biases, and digital inequality. Based on this analysis, the article concludes that there is a need for the development of special
Keywords: artificial intelligence; departmental university; information security; academic ethics; educational process

Искусственный интеллект стремительно трансформирует систему высшего образования, предлагая инструменты для персонализации обучения, автоматизации рутинных задач и расширения доступа к знаниям [1]. По данным исследований, около 90 % студентов уже активно применяют искусственный интеллект в учебной деятельности, также приблизительно 50 % используют ИИ при подготовке письменных работ. В образовательных организациях, находящихся в ведении силовых структур, таких как МВД, Минобороны, ФСБ, Следственный комитет, внедрение ИИ сопряжено с уникальным комплексом рисков. Эти учебные заведения характеризуются режимным характером деятельности, строгими требованиями к информационной безопасности, а также необходимостью формирования у обучающихся не только профессиональных компетенций [2], но и высоких морально-волевых качеств, лояльности и способности принимать самостоятельные решения в критических ситуациях. Указанный комплекс включает следующие риски.

1. *Риски для академической честности и качества подготовки*. Наиболее очевидной проблемой является массовое использование генеративных нейросетей для выполнения учебных заданий. Анализ показывает, что 88–89 % студентов, обучающихся на «тройки» и «четверки», наиболее активно прибегают к помощи ИИ, а примерно половина учащихся списывают работы с помощью нейросетей [3]. Это создает феномен «обучающей иллюзии» – мнимого знания, которое быстро исчезает при столкновении с реальными профессиональными вызовами.

Для ведомственного вуза данная проблема приобретает критическое измерение. Если студент гражданского университета, не освоивший материал из-за списывания, рискует лишь собственной карьерой,

то выпускник ведомственного вуза, не обладающий реальными знаниями и навыками, может поставить под угрозу жизнь и безопасность граждан, эффективность выполнения оперативно-служебных задач.

2. *Проблемы конфиденциальности и информационной безопасности*. Ведомственные вузы работают с информацией ограниченного распространения, персональными данными сотрудников и обучающихся, а также сведениями, составляющими государственную тайну. Интеграция ИИ-систем, особенно облачных сервисов, создаёт принципиально новые каналы утечки данных.

По оценкам экспертов, за 2025 г. утекло более 1,5 млрд записей персональных данных россиян, и ситуация продолжает ухудшаться. Наталья Касперская, президент группы компаний InfoWatch, прямо заявляет, что ИИ нельзя «пускать» в образование и госуправление – «особенно там, где на кону люди, данные и здравый смысл» [4]. Для ведомственных вузов эта угроза многократно усиливается, поскольку утечка даже обезличенных данных об обучающихся может раскрыть кадровый состав и специфику подготовки сотрудников.

Правительство РФ уже инициировало проверку ИИ-моделей, обученных на государственных данных, на предмет угрозы безопасности и обороны страны. В Госдуме разработан законопроект, обязывающий образовательные организации внедрять только «верифицированные системы искусственного интеллекта, функционирующие на базе государственных информационных систем и обеспечивающие безопасный доступ к образовательным материалам», с особым акцентом на защиту персональных данных.

3. *Дегуманизация образования и снижение роли преподавателя.* Использование ИИ в учебном процессе порождает риски отчуждения «академического духа» среди студентов и преподавателей, трансформации самого характера педагогического взаимодействия. В ведомственных вузах, где особую роль играет институт наставничества и личный пример преподавателя-практика, эта угроза приобретает дополнительное измерение.

ИИ-системы неспособны транслировать корпоративные ценности, формировать профессиональную этику и морально-психологическую устойчивость – ключевые компоненты подготовки сотрудника силовых структур. Кроме того, возникает соблазн снятия персональной ответственности, когда сотрудник или обучающийся ссылается на решение алгоритма. Эксперты предупреж-

дают, что генеративный ИИ способствует фальсификации обучения и снижению качества знаний, а его бездумное внедрение может привести к «деградации профессиональных навыков».

4. *Алгоритмическая предвзятость и цифровое неравенство.* ИИ-системы наследуют и усиливают предубеждения, заложенные в обучающих данных. Это создает риск дискриминации отдельных категорий обучающихся при автоматизированной оценке знаний или формировании индивидуальных образовательных траекторий.

Для ведомственных вузов, где обучающиеся представляют различные регионы и социальные группы, цифровое неравенство в доступе к ИИ-инструментам может усугубить существующие разрывы. В условиях ограниченного бюджетного финансирования и централизованных закупок оборудования эта проблема приобретает системный характер.

5. *Этические дилеммы контроля и надзора*. Внедрение ИИ-систем прокторинга (наблюдения за обучающимися во время экзаменов) и анализа поведения ставит сложные этические вопросы о границах допустимого контроля. Для ведомственного вуза, где дисциплина и контроль являются неотъемлемой частью образовательного процесса, существует риск перехода от разумного надзора к тотальному цифровому наблюдению, нарушающему права и достоинство личности.

Исследователи отмечают, что существующие инструменты обнаружения ИИ-текстов «подвергают студентов наблюдению за данными, выдавая при этом ошибочные и даже дискриминационные результаты». Эта проблема требует разработки прозрачных и этически обоснованных процедур использования технологий контроля в ведомственном образовании.

Интеграция ИИ в образовательный процесс ведомственных вузов – это не просто технологический, а комплексный социально-правовой и этический вызов. С одной стороны, ИИ открывает возможности для повышения качества подготовки, персонализации обучения и автоматизации рутинных задач, с другой – порождает серьёзные риски, способные подорвать саму миссию ведомственного образования: формирование компетентных, ответственных и морально устойчивых профессионалов.

Необходима разработка специализированной нормативно-правовой базы, учитывающей специфику ведомственных вузов, включая создание закрытых (контурных) ИИ-систем на базе госу-

дарственных информационных платформ, обязательную верификацию всех используемых ИИ-инструментов на предмет угроз безопасности, а также внедрение кодексов этики, регламентирующих допустимые границы применения ИИ в учебном процессе. Как показывает практика, попытки простого запрета ИИ обречены на провал – требуется продуманная стратегия, сочетающая технологические, педагогические и организационные меры, направленные на минимизацию рисков при сохранении фундаментальных ценностей ведомственного образования.

Список источников

1. Амиров Р. А., Билалова У. М. Перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в сфере высшего образования // Управленческое консультирование. 2020. № 3. С. 80–88.

2. Никитина Т. В. Характеристика авторской методики самооценки профессиональной коммуникативной компетенции курсантов вузов ФСИН России // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 4 (55). С. 187–202.

3. Массовое использование ИИ студентами снижает качество образования. 23.01.2026 // It-World : сайт. URL: https://www.it-world.ru/it-news/roi706xu93k8s8scwwok44ogs4osccs.html (дата обращения: 14.02.2026).

4. Быстрова Е. Наталья Касперская: ИИ нельзя пускать в образование и госуправление. 23.12.2025 // Anti-Malware.ru : сайт. URL: https://www.anti-malware.ru/news/2025-12-23-111332/48534 (дата обращения: 14.02.2026).

УДК 343.85

Дарья Юрьевна Саутина
3-й курс, напр. «Социология», Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, Брянск, Россия, Saytinadaria05@gmail.com
Научный руководитель: В. И. Гостенина, д-р социол. наук, профессор кафедры психологии, социологии и социальной работы, SPIN-код: 9512-1601, https://orcid.org/0000-0002-8487-6418

В ПОИСКАХ УСТОЙЧИВОСТИ: КАК СОЦИОКУЛЬТУРА ФОРМИРУЕТ НАШУ ДУХОВНОСТЬ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению изменений в культурной среде, таких как глобализация, миграция и технологические инновации, и их влияния на формирование индивидуальной и коллективной духовности. Особое внимание уделяется механизму адаптации людей к новым условиям и поиску устойчивости через сохранение культурных традиций и духовных ценностей.

Ключевые слова: индивидуальная духовность; коллективная духовность; адаптация; традиции; ценности

Daria Yu. Sautina
Student of the Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky, Bryansk, RussiaSaytinadaria05@gmail.com
Supervisor: V. I. Gostenina, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Psychology, Sociology and Social Work, SPIN-code: 9512-1601, https://orcid.org/0000-0002-8487-6418

IN SEARCH OF SUSTAINABILITY: HOW SOCIO-CULTURE SHAPES OUR SPIRITUALITY

Abstract. This article focuses on the changes in the cultural environment, such as globalization, migration, and technological innovations, and their impact on the formation of individual and collective spirituality. It highlights the mechanism of human adaptation to new conditions and the search for sustainability through the preservation of cultural traditions and spiritual values.

Keywords: individual spirituality, collective spirituality, adaptation, traditions, values

В современном мире, где глобализация и культурные изменения происходят с небывалой скоростью, вопросы о том, как социокультура формирует нашу духовность, становятся особенно актуальными. Социокультура – это совокупность социальных и культурных факторов, которые влияют на поведение, убеждения и ценности людей. Она включает в себя традиции, обычаи, религиозные практики, а также современные тенденции, такие как миграция, технологические изменения и взаимодействие между культурами.

Духовность, в свою очередь, представляет собой глубинное стремление человека к смыслу, пониманию и связи с чем-то бóльшим, чем он сам. Это может проявляться через религиозные практики, философские размышления или личные поиски истины. Духовность не ограничивается рамками формализованных религий; она может принимать различные формы в зависимости от социокультурного контекста.

Современные исследования показывают, что социокультурные факторы играют ключевую роль в формировании духовных убеждений и практик. Например, в условиях глобализации и миграции люди сталкиваются со множеством различных культур и религий, что может как обогащать их духовный опыт, так и вызывать конфликты и непонимание. В этом контексте важно рассмотреть, как различные культурные традиции влияют на личные и коллективные представления о духовности. Кроме того, социокультура может служить как катализатором изменений в духовных практиках, так и средой для их сохранения. В условиях быстрого изменения мира многие ищут способы адаптировать свои духовные убеждения к новым реалиям. Это может привести к синтезу различных традиций или к возникновению новых форм духовности, которые отражают современный опыт.

Социокультура оказывает значительное влияние на формирование духовности, определяя, как люди воспринимают и практикуют свои верования. Культурные традиции формируют основы духовных практик и ритуалов, определяя, как люди выражают свою веру и стремление к духовности. Социальные нормы, существующие в обществе, могут поддерживать или ограничивать определённые формы духовного выражения, влияя на индивидуальные и коллективные убеждения. Глобализация, в свою очередь, приводит к взаимодействию различных культур, что способствует обмену духовными практиками и идеями [1, с. 27]. Это взаимодействие может привести к синтезу новых форм духовности или изменению традиционных взглядов.

Миграция людей между культурами создает многообразие духовных практик, позволяя адаптировать свои верования в новых условиях и обогащая личный опыт. Современные технологии, такие как интернет и социальные сети, предоставляют новые платформы для обмена духовными идеями и практиками, расширяя доступ к различным источникам информации.

Адаптация и устойчивость в духовных практиках проявляются в том, как люди изменяют свои ритуалы и верования в ответ на новые условия жизни. Например, многие традиционные религии интегрируют современные элементы, такие как медитация и психология, чтобы сделать практики более доступными и актуальными для современного человека [2, с. 148]. Успешные примеры включают использование технологий для онлайн-обучения и виртуальных служб, что позволяет сохранить общность и поддержку в условиях изоляции. Также наблюдается синтез различных традиций, когда элементы одной религии вписываются в практики другой, создавая новые формы духовности, которые отражают разнообразие и динамичность современного мира.

Конфликты и вызовы на пути к гармоничному сосуществованию различных духовных практик возникают из-за множества препятствий, включая несоответствие ценностей и мировоззрений, что может приводить к недопониманию и предвзятости. Социальные и культурные конфликты часто возникают из-за различий в духовности, когда одна группа считает свои верования единственно верными, что может вызывать напряженность и противоречия с представителями других традиций [3, с. 136]. Эти различия могут проявляться в виде дискриминации, конфликтов на уровне сообществ и даже насилия, что затрудняет диалог и сотрудничество между различными религиозными и духовными направлениями.

Перспективы и пути развития устойчивых сообществ через диалог и взаимопонимание открывают множество возможностей для гармоничного сосуществования различных духовных практик. Важным аспектом этого процесса является создание платформ для межкультурного и межрелигиозного диалога, который способствует лучшему пониманию ценностей и традиций друг друга. Такие инициативы могут включать в себя совместные мероприятия, форумы, круглые столы и культурные обмены, что поможет разрушить стереотипы и предвзятости, а также укрепить связи между различными группами. Роль образования и культурных инициатив

в формировании духовности также нельзя недооценивать. Образовательные программы, направленные на изучение различных религий и философий, могут способствовать развитию уважения и толерантности, а культурные мероприятия, такие как выставки, концерты и театральные постановки, могут служить площадками для обмена опытом и идеями. Интеграция образования и культурных инициатив в процесс формирования устойчивых сообществ может значительно повысить уровень взаимопонимания и сотрудничества между представителями различных духовных традиций.

В заключение важно подчеркнуть, что взаимодействие социокультуры и духовности играет ключевую роль в формировании гармоничного и устойчивого общества. Эти два аспекта жизни человека неразрывно связаны и взаимодополняют друг друга, создавая основу для понимания, уважения и сотрудничества между различными группами. Социокультурные практики обогащают духовные традиции, а духовность, в свою очередь, придаёт смысл и глубину социокультурным проявлениям. В условиях глобализации и культурного разнообразия особенно актуально продолжать исследование этой темы, чтобы выявить новые подходы к взаимодействию между различными сообществами и укрепить их связи. Призыв к дальнейшему изучению вопросов социокультуры и духовности заключается не только в необходимости научного анализа, но и в стремлении создать более справедливое и устойчивое общество, где каждый сможет найти своё место и быть услышанным.

Список источников

1. Меликов И. М., Гезалов А. А. Диалог культур и культура диалога: концептуальные основы // Вопросы философии. 2014. № 12. С. 24–35. EDN TDUTAX.

2. Чуркина Н. А. Ментальность и духовность в аспекте социокультурного знания // Инновационные научные исследования: теория, методология, практика : сб. ст. XIII Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. (Пенза, 20 марта 2018 г.). Ч. 1. Пенза : Наука и Просвещение, 2018. С. 135–137. EDN YTAOKA.

3. Социология культуры. Культура и социальные взаимодействия : учеб. пособие / сост. Ю. Н. Триль, З. Х. Мамижева. Майкоп : Магарин Олег Григорьевич, 2017. 148 с. EDN NUKKSK.

УДК 748

Валерия Дмитриевна Субботина
3-й курс, напр. «Юриспруденция», Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Пермь, Россия, subbotinav307@gmail.com
Научный руководитель: М. Р. Гиляzетдинов, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, подполковник внутренней службы

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИНСТИТУТЕ СЕМЬИ У СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

Аннотация. Статья посвящена проблемам, возникающим вследствие ослабления традиционных взглядов у молодёжи. Проанализирован процесс формирования современных жизненных ориентиров при сохранении важности семьи.

Ключевые слова: институт семьи; молодёжь; традиции; роль мужчины и женщины; поколения; брачно-семейные отношения

Valeria D. Subbotina
Student of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia, subbotinav307@gmail.com
Supervisior: M. R. Gilyazetdinov, Senior Lecturer at the Department of State and Legal Disciplines, Lieutenant Colonel of Internal Service

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF MODERN YOUTH IDEAS ABOUT FAMILY INSTITUTION

Abstract. This article is devoted to the problems that exist in the weakening of traditional views among young people and the formation of modern life guidelines, while maintaining the importance of the family.

Keywords: institution of the family; young people; traditions; the role of men and women; generations; marriage and family relations

Каждый исторический период формирует собственное понимание понятия брака. На первый взгляд, семья кажется простой структурой, однако в реальности это одна из самых сложных систем.

В историческом контексте для Руси была характерна большая семья, где несколько поколений совместно вели хозяйство, придерживаясь патриархальных устоев и стремясь к многочисленности потомства. Однако в наши дни представления о семье и браке формируются под влиянием конфликта между устоявшимися традиционными ценностями и современными взглядами. Принятые обществом идеалы семьи нередко расходятся с реально существующими формами брачно-семейных отношений, возникающими как результат естественной адаптации к переменам в жизни. Молодое поколение часто отдает предпочтение современным моделям, а не традиционным [1].

Несмотря на частичную утрату влияния, традиционные представления о семье всё ещё остаются в сознании молодёжи и проявляются в формировании их собственных семейных отношений. В результате, в мировоззрении большинства молодых людей складывается весьма неоднозначный и противоречивый образ семьи. Исследователи отмечают: «Во-первых, семья традиционно остается для них значимой ценностью, хотя и отмечается тенденция инструментального отношения к ней. Во-вторых, отражая традиционно высокую ценность самой семьи в жизни людей, её образ дополняется современными чертами, причём в разных возрастных и гендерных группах их соотношение различается. Конструируя собственный образ семьи, молодёжь больше, чем старшие поколения, воспроизводит её современные модели» [2].

Ослабление традиционных взглядов у молодёжи и формирование современных жизненных ориентиров, при сохранении важности семьи, создаёт проблему выбора между устоявшимися ценностями и стремлением к личному успеху и материальному благополучию [3]. При этом самореализация, как для мужчин, так и для женщин, всё меньше ассоциируется с их ролью в семье. Обсуждая роли мужчин и женщин в семье, стоит подчеркнуть размывание границ между традиционно «мужскими» и «женскими» обязанностями. В современной ситуации отец может воспользоваться отпуском по уходу за ребёнком, а женщина не спешит с рождением детей, предпочитая сначала обеспечить финансовую стабильность.

Важно отметить, что в современном обществе преимущественно на первый план выходит работа, а не забота о семье. Ценность, как мужчины, так и женщины, определяется не количеством детей, рождённых в браке, а успешным профессиональным развитием и достижениями в других областях. В конечном счёте традиционный инсти-

тут брака воспринимается, скорее, как один из вариантов организации взаимоотношений между мужчинами и женщинами, что существенно подрывает его стабильность и делает его соблюдение делом личного выбора, а не социальной необходимостью.

В современном обществе почти в каждой стране наблюдается тенденция к одиночному образу жизни, которую часто называют «японской моделью». Суть этой модели заключается в убеждении, что в наши дни проще существовать независимо, поэтому молодые люди, даже заключая браки, редко сохраняют их надолго. У этой «японской модели» есть экономическая составляющая: если у человека, живущего в одиночестве, есть работа, в которую он полностью погружен, то ему нет необходимости тратить средства на просторное жилье или содержание родных. В сущности, у него и нет времени на создание семьи [2]. Данная тенденция прослеживается и в Российской Федерации, но имеет свои особенности. В частности, молодые люди предпочитают дольше находиться в одиночку в поисках наиболее подходящего партнёра. Отпадает надобность в спешке, в первую очередь они стремятся состояться в финансовом и карьерном плане для обеспечения стабильного материального положения. Далее необходимо подчеркнуть комфорт субъектов семейных отношений: психоэмоциональное состояние в ходе взаимоотношений партнеров играет ключевую роль в создании семьи. Представления молодых людей о семье, о её роли в их личной жизни и о её всеобщем предназначении формируют смысловую структуру семьи. Вступая в брак, каждый человек руководствуется собственным видением целей семейной жизни. Совпадение взглядов супругов на эти цели является одним из ключевых условий гармоничных отношений и стабильности в семье. В современных реалиях семья – это важный фактор, но не первичный. Молодому поколению близки вопросы самореализации, достижения их жизненных интересов, познание самого себя, что существенно оттягивает процесс формирования новых семей.

Молодая семья – это тщательно сформированный социальный институт, который имеет свой уникальный характер. В новом поколении нет идеального представления о семье, данное понятие индивидуально и отражает интересы и цели разных социальных групп. Различные классификации семейных взаимоотношений неразрывно переплетены с ролью, которую семья играет как в качестве социального института, так и как малой социальной группы.

Наиболее приоритетной функцией семьи является обеспечение эмоционального благополучия, подразумевающее удовлетворение нужд в сочувствии, почтении, одобрении и душевной поддержке.

В наши дни осмысление института семьи основывается на противопоставлении двух моделей: исторические (традиционные) отечественные нравственные принципы и современные западные веяния. В рамках традиционного уклада семья играет ключевую роль, обеспечивая преемственность поколений и стабильность общества. Современные же тенденции, напротив, стремятся к фрагментации социума, подрывая основы брака и родственных связей.

Сохранение семьи и её исконных ценностей – приоритетная задача нашего государства Институт семьи в современном обществе – это не крах традиционных семейных ценностей, а новый формат взаимоотношений, который отвечает современным реалиям.

Список источников

1. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М. : Норма, 2014. 352 с.

2. Романович Н.А. Проблема института семьи в молодёжной среде // Дем-информ: сайт. URL: https://deminform.ru/analytics/problema-instituta-semyi-v-molodyozhnoy-srede (дата обращения: 18.03.2026).

3. Семья и демографические процессы в современной России: монография / Т. К. Ростовская, В. Н. Архангельский, А. Е. Иванова, О. В. Кучмаева, В. Г. Семенова; под ред. Т. К. Ростовской; ФНИСЦ РАН. М.: Экон-Информ, 2021. 257 с.

УДК 328.1

Дарья Андреевна Циценко
3-й курс, напр. «Государственное и муниципальное управление», Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Пермь, Россия, darya.tsitsenko@mail.ru
Научный руководитель: А. А. Кальсина, канд. ист. наук, доцент факультета государственного и муниципального управления и национальной экономики

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (27 АПРЕЛЯ – 8 ИЮЛЯ 1906 Г.) И УРОКИ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Аннотация. В статье анализируется деятельность Первой Государственной Думы Российской империи (1906 г.), предпосылки её учреждения и проблемы, с которыми она столкнулась при попытке установления контроля над властью. Рассматриваются итоги работы первого Российского парламента в контексте понимания сущности взаимодействия политических институтов страны.

Ключевые слова: Первая Государственная Дума; 1906 г.; российский парламентаризм; кризис власти; политические партии; депутаты

Daria A. Tsitsenko
Student of the Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Perm, Russia, darya.tsitsenko@mail.ru
Supervisor: A. A. Kalsina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Faculty of Public and Municipal Administration and National Economy

THE FIRST STATE DUMA OF THE RUSSIAN EMPIRE (1906): THE CRISIS IN THE COUNTRY, AN ATTEMPT TO ESTABLISH CONTROL OVER POWER AND THE LESSONS OF THE FIRST RUSSIAN PARLIAMENTARISM

Abstract. This article analyzes the activities of the First State Duma of the Russian Empire (1906), the prerequisites for its establishment and the problems it faced when trying to establish control over power. The results of the work of

the first Russian parliament are considered in terms of understanding the essence of the interaction of the country's political institutions.
Keywords: The First State Duma; 1906; Russian parliamentarism; crisis of power; political parties; deputies

В 2026 г. отмечается значимый юбилей в истории российской государственности – 120 лет с момента учреждения первой в Российской империи Государственной Думы. Эта дата даёт повод для историко-политологического анализа становления российского парламентаризма и его роли в урегулировании кризисной ситуации в стране.

К началу 1906 г. Российская империя находилась в состоянии кризиса. Экономический кризис 1900–1903 гг., революционные события 1905 г., массовые крестьянские и рабочие выступления, сепаратистские движения, открытый террор революционных партий, Кровавое воскресенье накалили обстановку в стране. «Маленькая победоносная война», как называл В. Плеве Русско-японскую войну, хотя и была начата для переключения внимания и понижения накала, но задачу свою не выполнила. Наоборот, поражение в ней ввело Россию в ещё больший кризис, многие представители интеллигенции и студенты желали свержения самодержавия, на улицах происходили постоянные стачки, революционные идеи захватили даже армию и флот (восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» в июне 1905 г.). В ту пору Петербург находился будто бы на осадном положении [1]. Ночью на улицу никто не выходил, город вымирал на это время. Большой страх испытывали крупные землевладельцы, которым из их деревенских имений приходили новости о бунтах и поджогах имущества.

В таких условиях под вопрос ставилась сама легитимность самодержавной власти в стране. Таким образом, власть, осознавая необходимость перемен, учредила Манифест от 6 августа 1905 г. о создании Государственной Думы. Однако по первой задумке Государственная Дума должна была стать лишь законосовещательным органом, в которой свои интересы представляли бы лишь обеспеченные слои населения. Такое положение не могло удовлетворять подавляющее большинство населения.

Революционеры активно пропагандировали против Манифеста и призывали крестьян и рабочих к бойкоту. Революционные события в октябре 1905 г. вынудили Николая II издать Манифест «Об

усовершенствовании государственного порядка», в котором провозглашалось наделение Государственной Думы законодательными полномочиями [2]. Помимо названного Манифест также утверждал «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» [3]. Многие понимали расплывчатость формулировок, и всё же такие решения всполохнули страну. Согласно Манифесту впервые в стране появились легальные партии, в основном буржуазного толка, Конституционно-демократическая партия (партия кадетов) и «Союз 17 октября». Именно они были представлены в новом парламенте, поскольку приветствовали царский Манифест.

Несмотря на требования народа, власти не торопились с юридическим оформлением нового органа. Первое заседание Государственной Думы состоялось 27 апреля 1906 г., но ему предшествовало опубликование 23 апреля 1906 г. Основных законов, которые закрепили за императором исключительные права в сфере исполнительной власти, командования армией, объявления войны и, самое страшное в то время, роспуска Думы. Стоит заметить, что Государственный Совет и Государственная Дума были наделены равными правами в сфере законодательства. Это означает, что депутатов Государственной Думы ограничивали в их инициативах и Император, и министры Госсовета.

Таким образом, можно увидеть, что Государственная Дума создавалась не посредством общего согласия между гражданами и органами власти, а посредством полумер для стабилизации политической обстановки в стране. В таких условиях не было возможности проводить какие-либо значительные реформы. Подтверждением этого является тот факт, что за всё время своей работы (72 дня) депутатами был одобрен лишь один законопроект – внесенный правительством закон об ассигновании 15 млн руб. в помощь пострадавшим от неурожая [4].

Даже при значительных ограничениях, Дума всё равно вела активную политическую деятельность. Согласно стенографическим отчётам заседаний и материалам комиссий, депутаты направили правительству более 60 запросов о действиях администрации, применении чрезвычайного положения, репрессиях только за первые три недели своей работы. К примеру, на четвёртом заседании 2–5 мая 1906 г. Читатель комиссии Набоков высказывается следующим образом: «Но прежде всего необходимо освободить Россию от дейст-

вия чрезвычайных законов – усиленной и чрезвычайной охраны и военного положения, – под прикрытием которых особенно развилось и продолжает проявляться самовластие безответственных чиновников»[1].

При этом Совет Министров трактовал эти запросы как попытки Думы выйти за рамки «законосовещательных» функций, а соответственно, они были прямым нарушением Основных законов и угрозой государственному порядку. Явно проглядывался конфликт между Думой и Советом.

Не стоит упускать из внимания, что не только внешние факторы препятствовали деятельности Думы. Из-за неопределённости среди партийных и депутатских фракций парламента существовала некоторая доля напряжённости в деятельности Государственной Думы [5]. Из-за этого ни одна партия не имела существенного влияния и не могла продвигать свои идеи.

Тем не менее Государственная Дума предпринимала попытки установить контроль над исполнительной властью. Так, в Ответном адресе Государственной Думы на тронную речь императора Николая II, принятую 5 мая 1906 г., депутаты предложили ряд следующих мер: создать механизм отчётности министров перед Думой; дать гражданам возможность обращаться с петициями напрямую к народному правительству; отменить смертную казнь; разработать закон об отчуждении частновладельческих земель в пользу крестьян; поднять уровень народного просвещения; реформировать органы местного самоуправления; решить национальные вопросы и вопросы предоставления амнистии [6].

Камнем преткновения стал аграрный вопрос. Фракции кадетов и трудовиков выдвинули проекты, предусматривающие наделение крестьян землёй и отчуждение земли у помещиков (с компенсацией). Эти предложения были решительно отклонены правительством. Обсуждение аграрного вопроса в Думе вызвало рост общественного возбуждения и революционные выступления в некоторых регионах.

Однако, несмотря на значительность поднимаемых вопросов, представители власти не готовы были их решать, наоборот: Совет министров воспринял данный документ как посягательство на свою власть, а Николай II отказался принимать его. Это говорит о том, что

[1] Стенографические отчеты / Гос. дума. 1906 г. Сессия 1-я. Т. 1: Заседания 1–18 (с 27 апреля по 30 мая). СПб., 1906. XXII. 866 с. С. 163.

государство воспринимало представительную власть почти как врага, таким образом, политическая культура диалога между элитами отсутствовала. 8 июля 1906 г. Дума была распущена Николаем II.

В заключение отметим, что уроками первого российского парламентаризма стало то, что полумеры и попытки дать лишь малую часть прав не только не решили политические проблемы, но и усугубили положение в стране. Дума получила право законодательной инициативы, но права контроля над министерствами, бюджетом и принимаемым чрезвычайным законодательством она была лишена. Из-за этого всё больше людей склонялись к идеям революционных партий. Уроком стало то, что органы власти, и старые, и новые, должны работать сообща и идти друг другу на уступки. Пока правительство и парламент не хотели адаптироваться друг к другу, пока одни игнорировали предложения, а вторые выдвигали всё более радикальные меры, обстановка в стране ухудшалась и нарастало общественное недовольство.

Список источников

1. Первая революция в российской истории: причины, ход событий 1905–1907 годов, основные итоги // Официальный Интернет-портал Lenta.ru – Новости России и мира сегодня. URL: https://lenta.ru/articles/2024/06/05/revolyutsiya/ (дата обращения: 05.04.2026).

2. Манифест Николая II об учреждении Государственной Думы в России (Булыгинская дума) // Официальный Интернет-портал Президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина. URL: https://www.prlib.ru/history/619474 (дата обращения: 06.04.2026).

3. Подписан манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» // Официальный Интернет-портал Президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина. URL: https://www.prlib.ru/history/619674 (дата обращения: 06.04.2026).

4. История Государственной Думы // Официальный Интернет-портал Государственной Думы – Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: http://duma.gov.ru/duma/about/history/information/ (дата обращения: 08.04.2026).

5. Керимов А. А. Основы российского парламентаризма : учеб. пособие. Екатеринбург : Ажур, 2025. 84 с.

6. Ответный адрес на Тронную речь Его Величества (принят на заседании Государственной Думы 5 мая 1906 г.) // Официальный Интернет-портал Музея истории Самарского края и муниципальных образований в Самарской области. URL: https://museum.samgd.ru/region/pamjatnye_daty/parlamentarizm/171544/ (дата обращения: 11.04.2026).

УДК 316.344.8

Ольга Олеговна Чивильдеева
3-й курс, напр. «Социология», Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, Брянск, Россия, Civildeevaolga@gmail.com
Научный руководитель: В. И. Гостенина, д-р социол. наук, профессор кафедры психологии, социологии и социальной работы

ЦИФРОВАЯ ГИБРИДИЗАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ: РИСКИ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МОЛОДЁЖИ В ЭПОХУ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Аннотация. В статье рассматривается феномен цифровой гибридизации идентичности в контексте трансформации современного общества. Цель работы – выявить риски духовной безопасности молодёжи, связанные с рассогласованием офлайн- и онлайн-образов себя. Методологической основой выступает социокультурный подход. На основе гипотетического опроса студентов показано, что более половины респондентов демонстрируют несовпадение ценностных установок в цифровой и реальной среде. Делается вывод о необходимости включения диагностики цифровой идентичности в систему мер по обеспечению духовной безопасности.

Ключевые слова: гибридная идентичность; духовная безопасность; молодёжь; социальные сети; цифровая социализация

Olga O. Chivildeeva
Student of the Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky, Bryansk, Russia, Civildeevaolga@gmail.com
Supervisor: V. I. Gostenina, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Psychology, Sociology and Social Work

DIGITAL IDENTITY HYBRIDIZATION: RISKS TO THE SPIRITUAL SECURITY OF YOUTH IN THE AGE OF TRANSFORMATION

Abstract. This article examines the phenomenon of digital identity hybridization in the context of the transformation of modern society. The purpose of the work is to identify the risks to the spiritual safety of young people associated with the mismatch of offline and online self-images. The methodological basis is the socio-cultural approach. Based on a hypothetical survey of students, it is shown that more than half of the respondents demonstrate a discrepancy be-

tween their values in the digital and real environment. It is concluded that it is necessary to include the diagnosis of digital identity in the system of measures to ensure spiritual security.
Keywords: hybrid identity; spiritual security; youth; social networks; digital socialization

В эпоху стремительной цифровизации наше представление об идентичности кардинально меняется. Если раньше социологи считали её устойчивой, сформированной в процессе социализации, то сегодня она становится фрагментарной и ситуативной. Общество, переживающее «текучую современность», по З. Бауману, где старые устои рушатся, а новые ещё не сформировались, порождает новую реальность. Цифровое пространство – теперь не просто средство связи, а самостоятельная среда со своими нормами. Это приводит к «гибридной идентичности», когда человек одновременно существует в разных социальных мирах, демонстрируя порой противоречивое поведение. Такая раздробленность может вызвать внутренние конфликты и подорвать психологическую устойчивость, ставя под угрозу духовную безопасность.

Особую уязвимость в этом процессе испытывает молодёжь. Во-первых, их ценностная система ещё не устоялась, а во-вторых, они активно погружены в цифровые платформы. Важно отметить, что цифровая социализация сегодня во многом определяется рекомендательными алгоритмами, а не свободным выбором. Это означает, что гибридная идентичность молодёжи формируется под их влиянием, а не как результат осознанного самоопределения [1]. Вместо цельной картины мира у них складывается мозаика разрозненных идентификаций, что делает их лёгкой мишенью для манипуляций.

Социальные сети, заменяя традиционные институты социализации, не стремятся передавать устойчивые ценности. Их цель – удержание внимания пользователя, часто за счёт эксплуатации когнитивных искажений и эмоциональных реакций. Для молодёжи это означает постоянное столкновение с противоречивыми нормами, что превращает гибридную идентичность из адаптивного механизма в источник внутреннего конфликта. Духовная безопасность оказывается под угрозой не столько от явного вреда, сколько от самой природы цифровых платформ, препятствующих формированию целостного мировоззрения [2].

Важно понимать, что процесс цифровой социализации сегодня не случаен, а находится под сильным влиянием рекомендательных алго-

ритмов в социальных сетях. Это означает, что формирование гибридной идентичности всё меньше зависит от свободного выбора человека и всё больше – от алгоритмов. Молодёжь, еще не имеющая прочно сформированных ценностей, особенно уязвима к такому воздействию. Это порождает дополнительные угрозы для духовной безопасности: вместо единого взгляда на мир формируется набор разрозненных, порой противоречивых идентификаций, которые легко использовать для манипуляций. Социальные сети постепенно вытесняют традиционные институты социализации, такие как семья, школа и общественные организации. Однако, в отличие от них, соцсети, как уже было отмечено выше, не ставят целью передачу устойчивых ценностей. Их бизнес-модель построена на удержании внимания пользователя любыми способами, включая использование когнитивных ошибок и эмоциональных реакций. Для молодых людей это означает, что цифровая социализация происходит на фоне постоянного столкновения с противоречивыми и несовместимыми нормами [3].

В наше время, когда мир полон неопределённости и социальных конфликтов, молодёжь часто находит в интернете не столько место для общения, сколько убежище от реальности. Социальные сети, игры и мессенджеры становятся способом уйти от экономических проблем, недоверия к институтам и отсутствия жизненных ориентиров. Однако это цифровое «убежище» дает лишь ложное чувство безопасности. В виртуальном мире всё кажется управляемым и комфортным, но на деле это подрывает способность справляться с реальными трудностями. Создавая смешанную, «гибридную» идентичность, молодые люди защищаются, но при этом становятся менее устойчивыми к стрессу и теряют важные навыки межличностного общения. Внутренне это означает, что проблемы не столько приходят извне, сколько зарождаются внутри: постоянное избегание реальной жизни ослабляет самоанализ и закрепляет зависимость.

Цифровая трансформация идентичности также усугубляет разрыв между поколениями. Молодёжь формирует свои ценности в цифровой среде, тогда как старшее поколение опирается на традиционные институты. Это приводит к «обратной социализации», когда дети учат родителей цифровым нормам [4]. В результате привычная система ценностей размывается, а духовная безопасность оказывается под угрозой не столько из-за внешних факторов, сколько из-за внутренних культурных противоречий в обществе.

Существующее противоречие между цифровым и реальным мирами не только углубляет непонимание между поколениями, но и ставит под угрозу духовное здоровье общества, его способность сохранять и передавать культурное наследие. Молодые люди, получающие основное одобрение в виртуальном пространстве, теряют связь с реальностью, что чревато одиночеством и депрессивными состояниями. Чтобы противостоять этим негативным последствиям цифровизации, требуется системная работа по трём направлениям: во-первых, интеграция в образовательные программы курсов, развивающих критическое мышление и цифровую безопасность для формирования способности осознать свой цифровой след; во-вторых, постоянное социологическое изучение ценностей студентов; и в-третьих, создание альтернативных площадок для социального признания, не связанных с интернетом, для достижения баланса между виртуальной и реальной жизнью [5].

Таким образом, цифровая гибридизация личности представляет собой объективный вызов, порождённый развитием технологий. Её следует рассматривать не только как индивидуальную психологическую адаптацию, но и как ключевой аспект общественной безопасности, что диктует необходимость разработки соответствующих образовательных и культурных подходов.

Список источников

1. Головчин М. А. Проявления цифровой социализации в молодежной среде: на данных пилотного опроса старшеклассников // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 5. С. 237–256. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.13

2. Антипов М. А. Социальность и социализация в условиях цифровизации общества // Философская мысль. 2022. № 11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnost-i-sotsializatsiya-v-usloviyah-tsifrovizatsii-obschestva (дата обращения: 15.04.2026).

3. Гревцева Г. Я. Цифровая социализация личности в образовательной среде // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2022. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-sotsializatsiya-lichnosti-v-obrazovatelnoy-srede (дата обращения: 15.04.2026).

4. Кузнецова Е. А. Цифровая социализация молодежи // Социология. 2023. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-sotsializatsiya-molodezhi (дата обращения: 15.04.2026).

5. Ардашев Р. Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : ИГУ, 2021. С. 152–156.

4. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ

УДК 159.9

Хусниддин Фахриддин угли Абдувасытов
1-й курс, напр. «Военное образование», Ферганский государственный университет, Фергана, Узбекистан,
abduvositovhusniddin86@gmail.com
Научный руководитель: Р. Д. Мустаев,
майор военного факультета

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРЕЖИВАНИЯ СТРЕССА У КУРСАНТОВ

Аннотация. В статье представлен эмпирический анализ особенностей переживания стресса у курсантов. Цель исследования заключалась в выявлении уровня стрессовых состояний, стрессоустойчивости, а также особенностей стратегий преодоления стресса. В исследовании приняли участие курсанты различных курсов обучения. Для сбора данных использовались психодиагностические методики, направленные на оценку уровня стресса, стрессоустойчивости и копинг-стратегий. Результаты показали, что уровень переживаемого стресса имеет тенденцию к снижению по мере адаптации к условиям обучения, тогда как показатели стрессоустойчивости и стратегий преодоления стресса остаются относительно стабильными. Корреляционный анализ выявил значимые взаимосвязи между исследуемыми показателями, что подтверждает их системный характер. Полученные данные подчеркивают важность развития стрессоустойчивости и эффективных копинг-стратегий у курсантов как факторов успешной адаптации и профессионального становления.

Ключевые слова: стресс; стрессоустойчивость; преодоление стресса; копинг-стратегии; курсанты; адаптация

Khusniddin Fakhriddin ugli Abduvasitov
Student of the Fergana State University, Fergana, Uzbekistan,
abduvositovhusniddin86@gmail.com
Supervisor: R. D. Mustaev, Major, Military Faculty

EMPIRICAL ANALYSIS OF STRESS EXPERIENCE AMONG CADETS

Abstract. The article presents an empirical analysis of the characteristics of stress experiences among cadets. The aim of the study was to identify the level of stress states, stress resilience, as well as the features of stress coping strategies. Cadets from different years of study participated in the research. Psychodiagnostic methods aimed at assessing stress levels, stress resilience, and coping strategies were used for data collection. The results showed that the level of experienced stress tends to decrease as adaptation to the learning environment progresses, while indicators of stress resilience and coping strategies remain relatively stable. Correlation analysis revealed significant relationships between the studied variables, confirming their systemic nature. The obtained data emphasize the importance of developing stress resilience and effective coping strategies among cadets as factors of successful adaptation and professional development.

Keywords: stress; stress resilience; stress coping; coping strategies; cadets; adaptation; psychological state; empirical research

Проблема стресса в условиях профессиональной подготовки курсантов приобретает особую актуальность в связи с высокой интенсивностью учебной, физической и психоэмоциональной нагрузки. Обучение в военных образовательных учреждениях характеризуется строгой регламентацией деятельности, необходимостью быстрой адаптации к новым условиям, повышенными требованиями к дисциплине, социальной ответственности и активности [1], что в совокупности может выступать значимым стрессогенным фактором.

Современные исследователи стресса подчёркивают, что устойчивость к стрессовым воздействиям и эффективность стратегий совладания с ними являются важными детерминантами успешной адаптации и профессионального становления личности. В данном контексте особое значение приобретает изучение особенностей переживания стресса у курсантов как специфической социальной группы, находящейся в условиях повышенной психоэмоциональной нагрузки.

Несмотря на значительное количество исследований, посвящённых проблематике стресса и стрессоустойчивости [2–4], остаются недостаточно изученными вопросы динамики стрессовых состояний в процессе обучения, а также взаимосвязи между уровнем стресса, стрессоустойчивостью и используемыми копинг-стратегиями у курсантов на различных этапах подготовки.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью эмпирического изучения указанных аспектов с целью выявления специфических особенностей переживания стресса у курсантов и определения факторов, способствующих их успешной адаптации к образовательной и профессиональной среде.

Целью – эмпирический анализ особенностей переживания стресса у курсантов, включая оценку уровня стрессовых состояний, стрессоустойчивости и стратегий преодоления стресса. В исследовании приняли участие 60 респондентов – курсанты 1 и 3 курсов направления «Военное образование». С использованием методик «Диагностика состояния стресса» (А. О. Прохоров), «Преодоление стресса» (А. И. Ташева) и «Тест стрессоустойчивости» (Н. Е. Водопьянова) были получены следующие результаты (табл. 1).

Таблица 1 – Региональные особенности стрессовых состояний у курсантов

Методика	Регион	N	M	Стд. отк.	T	P
Преодоление стресса	город	13	5,15	2,27	0,75	0,46
	поселок	48	4,69	1,93		
Тест стрессоустойчивости	город	13	24,31	4,96	0,27	0,79
	поселок	48	23,79	6,49		
Диагностика состояния стресса	город	13	3,46	2,57	0,33	0,74
	поселок	48	3,25	1,90		

Анализ полученных данных позволяет определить особенности проявления и преодоления стрессовых состояний у курсантов в зависимости от региона проживания. Согласно результатам, полученным с применением методики «Преодоление стресса», средние значения в группе курсантов, проживающих в городе (M = 5,15), несколько выше по сравнению с курсантами из посёлков (M = 4,69). Это может свидетельствовать о более выраженных навыках совладания со стрессом у городской выборки. Однако выявленные различия не достигают статистической значимости ($t = 0,75$; $p = 0,46$), что указывает на отсутствие достоверных различий между группами. Стандартные отклонения ($\sigma = 2,27$ в городе и $\sigma = 1,93$ в посёлке) демонстрируют умеренную вариативность показателей, несколько более выраженную в городской группе.

По результатам «Теста стрессоустойчивости» также наблюдается незначительное превышение средних значений у городских курсантов (M = 24,31) по сравнению с их сверстниками из посёлков

(M = 23,79). Тем не менее различия являются статистически незначимыми (t = 0,27; p = 0,79), что свидетельствует о сходном уровне стрессоустойчивости в обеих группах. Более высокое стандартное отклонение в группе из посёлков (σ = 6,49) по сравнению с городской (σ = 4,96) может указывать на большую неоднородность уровня стрессоустойчивости среди сельских курсантов.

Анализ методики «Диагностика состояния стресса» показывает, что уровень переживаемого стресса несколько выше у курсантов, проживающих в городе (M = 3,46), по сравнению со студентами из посёлков (M = 3,25). Однако данные различия также не являются статистически значимыми (t = 0,33; p = 0,74). При этом стандартное отклонение в городской группе (σ = 2,57) превышает аналогичный показатель в группе посёлка (σ = 1,90), что может свидетельствовать о большей вариативности стрессовых состояний у городских курсантов.

В целом полученные результаты позволяют заключить, что, несмотря на незначительные тенденции к более высоким показателям как стрессоустойчивости, так и уровня переживаемого стресса у курсантов, проживающих в городе, статистически значимых различий между исследуемыми группами не обнаружено. Это может указывать на то, что фактор региона проживания (город/посёлок) в данной выборке не оказывает существенного влияния на уровень стресса, стрессоустойчивость и способы его преодоления.

Следующий этап анализа был проведён с учётом уровня обучения респондентов (табл. 2).

Таблица 2 – Различия стрессовых состояний у студентов в зависимости от уровня обучения

Методика	Курс	N	M	Стд. отк.	T	P
Преодоление стресса	1	19	4,63	1,83	0,10	0,92
	3	9	4,56	1,74		
Тест стрессоустойчивости	1	19	24,16	4,02	0,39	0,70
	3	9	23,44	5,43		
Диагностика состояния стресса	1	19	3,42	1,95	1,99	0,05
	3	9	2,22	1,72		

Анализ результатов, полученных с учётом курса обучения, позволяет выявить определённые особенности динамики стрессовых состояний и способов их преодоления у курсантов. Согласно данным методики «Преодоление стресса», средние значения у курсантов 1 курса (M = 4,63) практически не отличаются от показателей

курсантов 3 курса (M = 4,56). Отсутствие статистически значимых различий (t = 0,10; p = 0,92) свидетельствует о сходстве используемых стратегий совладания со стрессом у курсантов на начальных этапах обучения. Стандартные отклонения (σ = 1,83 и σ = 1,74 соответственно) указывают на относительно однородное распределение показателей в обеих группах.

Результаты «Теста стрессоустойчивости» также демонстрируют близкие значения: у курсантов 1 курса средний показатель составляет M = 24,16, тогда как у студентов 3 курса – M = 23,44. Статистический анализ не выявил значимых различий (t = 0,39; p = 0,70), что позволяет говорить о сопоставимом уровне стрессоустойчивости в обеих группах. Вместе с тем несколько более высокое стандартное отклонение у курсантов 3 курса (σ = 5,43) по сравнению со студентами 1 курса (σ = 4,02) может указывать на большую вариативность индивидуальных различий в данной группе.

Иная картина наблюдается при использовании методики «Диагностика состояния стресса». У курсантов 1 курса зафиксирован более высокий уровень стрессовых состояний (M = 3,42) по сравнению с курсантами 3 курса (M = 2,22). При этом различия находятся на границе статистической значимости (t = 1,99; p = 0,05), что позволяет говорить о тенденции к снижению уровня переживаемого стресса по мере адаптации к образовательной среде. Стандартные отклонения (σ = 1,95 у первокурсников и σ = 1,72 у студентов 3 курса) свидетельствуют о сопоставимой вариативности показателей.

В целом результаты исследования позволяют предположить, что по мере перехода от 1 к 3 курсу уровень переживаемого стресса у студентов снижается, что, вероятно, связано с процессами адаптации к условиям обучения в вузе. При этом уровень стрессоустойчивости и используемые стратегии совладания со стрессом остаются относительно стабильными и не претерпевают существенных изменений на данном этапе обучения.

В завершение нашего эмпирического исследования мы приступили к определению степени взаимосвязи между методиками и получили результаты, представленные в табл. 3.

Таблица 3 – Корреляционный анализ стрессовых состояний у курсантов

Методика	Преодоление стресса	Тест стрессо-устойчивости	Диагностика состояния стресса
Преодоление стресса	1		
Тест стрессо-устойчивости	0,42**	1	
Диагностика состояния стресса	0,53**	0,19*	1

*$p < 0,05$; **$p < 0,01$

Корреляционный анализ позволил выявить характер взаимосвязей между показателями преодоления стресса, стрессоустойчивости и уровня переживаемого стресса. Обнаружена статистически значимая положительная связь между показателями «Преодоление стресса» и «Тест стрессоустойчивости» ($r = 0,42$; $p < 0,01$). Это указывает на то, что с повышением уровня стрессоустойчивости у курсантов возрастает эффективность используемых ими стратегий совладания со стрессом. Между показателями «Преодоление стресса» и «Диагностика состояния стресса» также выявлена значимая положительная корреляция ($r = 0,53$; $p < 0,01$). Данный результат может свидетельствовать о том, что при увеличении уровня переживаемого стресса курсанты активнее прибегают к различным стратегиям его преодоления, что отражает мобилизационный характер стрессовых реакций.

Связь между «Тестом стрессоустойчивости» и «Диагностикой состояния стресса» оказалась слабой, но статистически значимой ($r = 0,19$; $p < 0,05$). Это позволяет предположить, что более высокая стрессоустойчивость в незначительной степени связана с уровнем переживаемого стресса, однако данная зависимость выражена слабо и может опосредоваться другими психологическими факторами.

Результаты корреляционного анализа показывают, что ключевую роль в системе изучаемых показателей играет способность к преодолению стресса, которая связана как с уровнем стрессоустойчивости, так и с интенсивностью переживаемых стрессовых состояний.

В целом результаты проведённого исследования позволяют сделать вывод о том, что стрессовые состояния, стрессоустойчивость и способы их преодоления представляют собой взаимосвязанную систему психологических характеристик. Установлено, что уровень стрессоустойчивости положительно связан с эффективностью стратегий совладания со стрессом, тогда как усиление переживаемого стресса сопровождается активизацией копинг-механизмов. При этом фактор региона проживания и курса обучения не оказывает существенного влияния на большинство исследуемых показателей, за исключением тенденции к снижению уровня стресса по мере адаптации курсантов к образовательной среде. Таким образом, полученные данные подтверждают важность формирования у курсантов навыков конструктивного преодоления стресса и развития стрессоустойчивости, что может рассматриваться как значимый ресурс их благополучия и успешной учебной деятельности.

Список источников

1. Абдувасытов Х. Ф. Воспитание патриотического сознания личности // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых учёных : материалы IV Нац. науч.-практ. студ. конф. Т. 4. Брянск : Брянск. гос. ун-т им. акад. И. Г. Петровского, 2025. С. 243–244. URL: https://brgu.ru/science/publikatsii/sborniki-trudov/ (дата обращения: 10.04.2026).

2. Щербатых Ю. В. Психология стресса и методы коррекции : учеб. пособие. 3-е изд. СПб. : Питер, 2024. 432 с.

3. Моросанова В. И., Кондратюк Н. Г. Влияние стресса и психологических ресурсов на благополучие и профессиональное развитие российских студентов // Теоретическая и экспериментальная психология. 2025. № 18 (4). С. 9–56. https://doi.org/10.11621/TEP-25-29

4. Ингамова Л. Ёш раҳбарлар фаолиятида стресс ҳолатини ўрганишнинг қонуниятлари // Ta’lim va innovatsion tadqiqotlar xalqaro ilmiy-metodik jurnal. 2023. № 9. С. 342–346. URL: https://interscience.uz/index.php/home/issue/view/57/158 (дата обращения: 10.04.2026).

УДК 159.99

Екатерина Анатольевна Андриолли
3-й курс, напр. «Психология», Прикамский социальный институт, Пермь, Россия, Katya-yan@yandex.ru
Научный руководитель: В. С. Зябрева, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики, магистр социальных наук по специальности «Психология»

ВЛИЯНИЕ САМООЦЕНКИ ШКОЛЬНИКОВ НА УСПЕВАЕМОСТЬ КАК ФАКТОР ПСИХОЛОГИЧЕКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Работа посвящена диагностике уровня самооценки школьников с целью профилактики или раннего выявления психосоциальных проблем. Подобраны методики для эффективного и быстрого исследования уровня самооценки и притязаний школьников. Полученные данные были соотнесены с успеваемостью учащихся. В ходе работы были проанализированы результаты тестирования учеников МАОУ СОШ № 114 города Перми начальных и средних классов. Согласно полученным данным самооценка является одним из ключевых факторов, влияющим на успеваемость школьников. В то же время уровень притязаний в среднем звене способен снизить средний балл успеваемости. Немаловажно, что такая диагностика уровня самооценки учащихся важна для оценки их психологического благополучия, коррекции успеваемости, профилактики буллинга и возможного суицидального поведения.

Ключевые слова: самооценка; успеваемость; психологическая безопасность; учащиеся; диагностика

Ekaterina A. Andriolli
Student of the Prikamsky Social Institute, Perm, Russia, Katya-yan@yandex.ru
Supervisor: V. S. Zyabeva, Senior Lecturer at the Department of Psychology and Pedagogy, Master of Social Sciences in Psychology

THE INFLUENCE OF STUDENTS' SELF-ESTEEM ON ACADEMIC PERFORMANCE AS A FACTOR OF PSYCHOLOGICAL SAFETY

Abstract. The work is devoted to the importance of diagnosing the level of self-esteem of schoolchildren in order to prevent or early identify psychosocial problems. Methods have been selected for effective and rapid research of students' self-esteem and aspirations. The data obtained was correlated with the students' academic performance. In the course of the work, the results of testing of primary and secondary school pupils of MAOU Secondary School No. 114 in Perm were analyzed. According to the data obtained, self-esteem is one of the key factors affecting school performance. At the same time, the level of claims in the middle level can reduce the average score. It is important that such a diagnosis of students' self-esteem is important for assessing their psychological well-being, for correcting academic performance, preventing bullying and possible suicidal behavior.

Keywords: self-assessment; academic performance; psychological safety; students; diagnostics

Современные исследования показывают, что самооценка играет ключевую роль в формировании психологического благополучия личности. Она влияет на постановку целей, выбор стратегий их достижения и способность справляться с жизненными трудностями [1].

Основы теории самооценки заложил американский философ и психолог Уильям Джеймс в конце XIX в., представив самооценку (самоуважение) как отношение между реальными достижениями человека и его притязаниями – целями, стремлениями [2].

Актуальность темы исследования обусловлена важностью своевременной диагностики уровня самооценки учащихся для оценки их психологического благополучия, коррекции успеваемости, профилактики буллинга и возможного суицидального поведения. Непрекращающийся поток информации в нашем мире серьёзно влияет на то, как мы оцениваем себя. Именно поэтому сегодня как никогда важно освоить простые, но действенные приёмы работы с собственной самооценкой.

Формируясь в раннем детстве, самооценка личности длительное время остается довольно пластичной, что позволяет создать некоторые условия для её изменения в случае нарушения адекватности и позитивности. Формирование адекватной самооценки, то есть реалистического, устойчивого, внеситуативного отношения субъекта к себе, непосредственно связано с проблемами воспитания, обучения и развития [3].

Нами было проведено исследование самооценки школьников и её взаимосвязи с уровнем успеваемости. В диагностике приняли участие 26 учащихся 3 «А» класса (возраст респондентов 9–10 лет) и 25 учащихся 7 «А» класса (возраст 13–14 лет) МАОУ СОШ № 114 города Перми.

Респондентам были предложены две методики: «Диагностика уровня самооценки личности» (методика Г. Н. Казанцевой) и методика определения самооценки и уровня притязаний Дембо – Рубинштейн [4; 5].

Также классным руководителем были предоставлены данные об успеваемости учащихся (средний балл). В 3 «А» классе средний уровень успеваемости имеют 15 учеников, что составляет 58 %, высокий уровень успеваемости – 11 человек (42 %.). В 7 «А» классе получилось следующее распределение: 10 учеников со средней успеваемостью (40 %) и 15 человек с высоким уровнем успеваемости (60 %).

Для диагностирования высоты самооценки, а также уровня притязания школьников нами была использована методика Дембо – Рубинштейн, в которой респондентам предлагалось оценить свои личностные качества по шести шкалам, а также указать желаемый уровень развития данных качеств, что позволило нам определить и уровень притязаний.

Были получены следующие результаты по диагностике двух классов: в 3 «А» классе заниженную самооценку имеют 3 человека (12 % от общего числа), адекватный уровень самооценки выявили у 10 человек (38 % от общего числа), а завышенную самооценку – у 13 человек (50 %). Относительно притязаний: нереалистичное, некритическое отношение к своим способностям имеют 16 человек (62 %), реалистичные ожидания – 10 человек (38 %) и заниженные – 0 человек (0 %).

Аналогично по данной методике проанализировали результаты учащихся 7 «А» класса. Адекватный уровень самооценки у 12 человек (48 %), завышенный уровень – у 9 человек (36 %) и заниженная самооценка – у 4 человек (9 %). Реалистичный уровень притязаний характерен для 5 человек (20 %), а вот высокий нереалистичный уровень притязаний – у 20 человек (80 %).

В качестве еще одной диагностики мы выбрали методику Г. Н. Казанцевой, которая позволяет определить уровень самооценки.

Нами были получены следующие результаты: среди учащихся 3 «А» класса высокая самооценка выявлена у 15 человек (58 %), средняя самооценка – у 9 человек (35 %), низкая самооценка – у

2 человек (7 %). Среди учащихся 7 «А» класса: высокая самооценка – у 3 человек (12 %), средняя самооценка – у 15 человек (60 %), а низкая самооценка – у 7 человек (28 %).

При проверке взаимосвязи успеваемости и самооценки обучающихся мы использовали анализ корреляции Пирсона. В результате, статистических корреляционных взаимосвязей не выявлено в группе обучающихся 3-го класса со средним и высоким баллом успеваемости. Также не установлено значимых статистических показателей в группе обучающихся с высокой, низкой и адекватной самооценки по методике Дембо – Рубинштейн. Не выявлено значимой статистической корреляционной связи в группе обучающихся с низкой, высокой самооценкой.

В результате корреляционного анализа были обнаружена взаимосвязь между показателями «Самооценка по Казанцевой (показатели адекватной самооценки)» и «Средний бал успеваемости» (0,602).

При возрастании параметра «Самооценка по Казанцевой (показатели адекватной самооценки)» повышается показатель «средний балл успеваемости». Это говорит о том, что установлена взаимосвязь самооценки и уровня успеваемости.

При анализе данных обучающихся 7-го класса выявлены корреляционные связи, которые указывают то, что уровень притязаний и самооценки влияет на успеваемость: чем они выше (завышены), тем ниже средний балл успеваемости.

В группе с высоким балом успеваемости также выявлена отрицательная корреляционная взаимосвязь параметров «Уровень притязаний» и «Средний балл успеваемости» (–0,528).

При возрастании параметра «Уровень притязаний» снижается показатель «Средний балл успеваемости». Это говорит о том, что существует взаимосвязь высокого нереалистичного уровня притязаний с более низким уровнем успеваемости.

Результаты эмпирического исследования и анализа полученных данных позволяют сделать вывод, что существует взаимосвязь между самооценкой и успеваемостью: среди учащихся 3-го и 7-го классов были получены результаты, указывающие на то, что при повышении уровня самооценки возрастает и средний балл успеваемости. В то же время при возрастании параметра «Уровень притязаний» снижается показатель «Средний балл успеваемости». Это говорит о том, что существует взаимосвязь между высоким нереалистичным уровнем притязаний и более низким уровнем успеваемости.

В заключение отметим, что результаты исследования могут быть полезны психологам системы образования, учителям, родителям для ранней диагностики и своевременной коррекции проблем взаимоотношений среди учеников школы.

Список источников

1. Валиуллина Е. В. Самооценка личности в молодом возрасте // Научный вестник Крыма. 2021. № 1 (30). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/samootsenka-lichnosti-v-molodom-vozraste (дата обращения: 18.01.2026).

2. Коваленко В. А. Генезис самооценки личности как психологической категории // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2011. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-samootsenki-lichnosti-kak-psihologicheskoy-kategorii (дата обращения: 18.01.2026).

3. Авилова И. А. Особенности формирования самооценки и ее взаимосвязи с уровнем успеваемости и физическим развитием // Карельский научный журнал. 2021. Т. 10, № 2 (35). С. 5–7.

4. Казанцева Г. Н. Методика «Диагностика уровня самооценки личности» // Образовательный портал «PsyEdu». URL: https://psiedu.ru/tests/kazantseva-selfesteem (дата обращения: 18.01.2026).

5. Методика Дембо-Рубинштейн: описание и инструкция // Психологический портал «PsyTests». URL: https://psytests.org/method/dembo-rubinstein (дата обращения: 18.01.2026).

УДК 159.9

Данил Дмитриевич Баженов
1-й курс, напр. «Юриспруденция», Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Пермь, Россия, dencilor@gmail.com
Научный руководитель: Т. В. Никитина, д-р пед. наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, SPIN-код: 1380-4651, https://orcid.org/0000-0001-7656-7351

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ КУРСАНТА: ФАКТОРЫ РИСКА И РАННЯЯ ПРОФИЛАКТИКА

Аннотация. Статья посвящена исследованию профессиональной деформации личности курсанта – выявлению основных факторов риска. Предложены рекомендации по их ранней профилактике для сохранения психологического здоровья и успешной адаптации к будущей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: профессиональная деформация; курсант, психологическое здоровье; адаптация

Danil D. Bazhenov
Student of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia, dencilor@gmail.com
Supervisor: T. V. Nikitina, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities and Socioeconomic Disciplines, SPIN-code: 1380-4651, https://orcid.org/0000-0001-7656-7351

PROFESSIONAL DEFORMATION OF PERSONALITY IN CADETS: RISK FACTORS AND EARLY PREVENTION

Abstract. This article focuses on professional deformation of personality in cadets, identifying the main risk factors. Recommendations for their early prevention are discussed to maintain psychological health and successfully adapt to future professional activities.

Keywords: professional deformation; cadet; psychological health; adapt

Ежедневная жизнь курсанта сопряжена с рядом испытаний: непрерывным контролем со стороны офицерского состава, строгой

дисциплиной ведомственного учебного заведения, необходимостью решать служебные задачи, чётким следованием распорядку дня и спецификой межличностного общения в казарменных условиях. Все эти факторы оказывают различное влияние на когнитивные процессы, мировоззрение и эмоциональную сферу обучающихся, что, в свою очередь, сказывается на их продвижении по карьерной лестнице. Речь идёт о профессиональной деформации – процессе постепенного изменения и искажения личности, вызванном продолжительным исполнением служебных обязанностей. В результате профессиональные привычки и установки начинают доминировать во всех аспектах жизни, трансформируя восприятие действительности и окружающих.

Термин «профессиональная деформация» впервые ввел Питирим Сорокин в 1921 г. в качестве обозначения негативного влияния долголетней профессиональной деятельности на личность, её поведение и мышление.

Анализ же научной литературы позволяет утверждать, что профессиональная деформация – это «когнитивное искажение (систематическое отклонение в поведении восприятия и мышления), психологическая дезориентация, формирующаяся из-за постоянного давления внешних и внутренних факторов профессиональной деятельности и приводящая к формированию специфически-профессионального типа личности» [1, с. 5–6].

Однако важно понимать, что профессиональная деформация – это процесс, который неизбежно начинается с самого старта карьеры. Для курсантов, вступающих в ведомственное учебное заведение и формирующих основы своей офицерской деятельности, это означает, что деформация закладывается с самого начала их пути.

Цель статьи – выявить ключевые факторы риска профессиональной деформации, пояснить их и дать профилактические рекомендации.

В рамках данного исследования было проведено анкетирование первокурсников Пермского института ФСИН России, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» (код 40.03.01). Респондентам было предложено определить четыре наиболее существенных, значимых и актуальных для курсантской среды фактора. Анализ полученных данных позволил выявить три фактора, требующие отдельного рассмотрения.

Так, согласно мнению более чем 60 курсантов, основной причиной серьёзных проблем является экстремальная психоэмоциональная и физическая нагрузка. Ежедневное изнурение организма, постоянное психологическое давление, связанное с нарядами, критикой со стороны офицеров, конфликтными ситуациями и невозможностью нарушить установленный порядок неизбежно ведут к негативным последствиям. В долгосрочной перспективе это может обернуться эмоциональным выгоранием, характеризующимся утратой радости, эмпатии и резкими колебаниями настроения – от агрессивности до полного безразличия. Эти эмоциональные изменения, проявляющиеся у каждого по-своему, могут сопровождаться и физическими недугами. Чрезмерные физические нагрузки, часто являющиеся частью дисциплины (например, многочасовое стояние), могут спровоцировать в будущем проблемы с суставами и мышцами, а также сформировать привычку избегать физической активности.

Принимая во внимание большое количество голосов по результатам опроса, можно отметить, что профессиональная деформация, обусловленная изолированной и строго регламентированной казарменной средой, оказывает существенное воздействие. Курсанты, проводящие всё время обучения в таких условиях, испытывают искажение социальной картины мира. Это проявляется в ощущении застоя («сегодня как вчера»), тоски по прошлой жизни и стремлении к получению ярких впечатлений во время увольнений, что нередко ведёт к экспериментированию с алкоголем и сигаретами как способами релаксации. Тесное, вынужденное сосуществование с многочисленными сверстниками, сопряжённое с конфликтами, недоразумениями и даже кражами, может вызвать чувство отторжения и неприязни к большому количеству людей, проживающих в одном месте. Все эти факторы в совокупности способствуют формированию негативных представлений о казарменной жизни, желанию дистанцироваться от бывших однокурсников и сохранению приобретённых вредных привычек.

Наконец, значительное число голосов было отдано против злоупотребления властью со стороны старшекурсников по отношению к младшим. Это проявляется в попытках командовать, что в целом является неуважением к тем, кто поступил позже. Подобное поведение может породить деспотичность, предвзятость к нижестоящим по званию или должности на службе, высокомерие и злоупот-

ребление служебным положением в личных целях. В результате, это негативно сказывается на личностных качествах курсанта, необходимых для гармоничного взаимодействия с сослуживцами.

Необходимо перейти к обсуждению основных мер, которые обеспечат профилактическую защиту не только от перечисленных факторов, но и от других, потенциально возникающих.

Для начала стоит обратиться к точке зрения доцента психологических наук М. А. Воробьевой, которая подчеркивает, что одним из способов борьбы с профессиональной деформацией выступает постоянный самоконтроль [2, с. 25]. Самоконтроль дает курсанту возможность вовремя распознавать и исправлять нежелательные автоматические реакции, а также изменения в мышлении и поведении. Регулярная саморефлексия помогает отличить профессиональные установки от реального восприятия мира вне стен учебного заведения. Благодаря самоконтролю курсант может заметить, когда рабочие привычки начинают влиять на личную жизнь, и сознательно вернуться к обычному образу жизни. Без такого постоянного наблюдения начальные признаки профессиональной деформации незаметно закрепляются, становясь частью личности, и осознаются лишь впоследствии.

В научной работе, посвященной разработке профилактических стратегий для работников уголовно-исполнительной системы, А. А. Мишин делает акцент на образовательном процессе. Он подчёркивает значимость аспекта, связанного с эмоциональным воздействием, следующим утверждением: «Незнание или неумение сотрудников управлять своими эмоциональными процессами ускоряет развитие профессиональной деформации» [3, с. 4]. Способность управлять своими эмоциями помогает курсантам не исчерпывать внутренние силы и сохранять ясное мышление в стрессовых ситуациях. В противном случае, чтобы справиться с трудностями службы, курсант может неосознанно начать игнорировать чувства других или подавлять свои собственные. Однако развитая эмоциональная саморегуляция учит не подавлять переживания, а осознанно их проживать, снижая тревогу и восстанавливая внутреннее равновесие без искажения действительности. Это позволяет избежать формирования защитных механизмов, таких как эмоциональное выгорание или профессиональный цинизм, поскольку курсант сможет адекватно реагировать на сложные вызовы, сохраняя своё эмоциональное благополучие и здоровье.

Наиболее действенным способом, вероятно, является привлечение психологов для активной работы с курсантами, направленной на формирование этической культуры. Как отмечают К. И. Корсун и М. А. Хадолина в своем исследовании, «психологические подразделения должны следовать требованиям этических стандартов образования при проведении мероприятий с будущими офицерами» [4, с. 55]. Такая деятельность помогает противостоять профессиональным искажениям, поскольку этические принципы выступают барьером против цинизма, чёрствости и безнаказанности. Развивая у курсантов самоанализ, сопереживание и уважение к сослуживцам, психологи закладывают фундамент ценностей, который предотвращает превращение служебных шаблонов в личностные недостатки, сохраняя человечность и критическое мышление даже в сложных ситуациях.

Проведённый анализ позволяет заключить, что борьба с профессиональной деформацией должна начинаться как можно раньше, а именно в курсантские годы. Этот период критически важен для формирования базовых служебных навыков, ценностей, состояния здоровья и способов реагирования на что-либо. Выявленные в данной работе факторы риска служат примерами для определения первоочередных мер. Внедрение же своевременных профилактических мероприятий, таких как тренинги по самоконтролю, эмоциональному развитию, воспитанию этической культуры и активная работа психологов, является одними из возможных способов поддержания эмоционального, физического и нравственного здоровья курсантов, предотвращая превращение временных адаптационных механизмов в необратимую профессиональную деформацию.

Список источников

1. Бурмантов А. С., Куреннов А. Е. Профессиональная деформация личности // Вестник науки. 2020. № 10 (31). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-deformatsiya-lichnosti-1 (дата обращения: 12.04.2026).

2. Воробьёва М. А. Профессиональная деформация специалистов и ее профилактика // Педагогическое образование в России. 2015. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-deformatsiya-spetsialistov-i-ee-profilaktika (дата обращения: 14.04.2026).

3. Мишин А. А. Профилактика профессиональной деформации сотрудников уголовно-исполнительной системы в образовательном процессе // Вестник Кузбасского института. 2015. № 4 (25). URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-professionalnoy-deformatsii-sotrudnikov-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy-v-obrazovatelnom-protsesse (дата обращения: 15.04.2026).

4. Корсун К. И., Задорина М. А. Профилактика профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел: психолого-педагогический и организационно-правовой аспекты // Полицейская деятельность. 2022. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-professionalnoy-deformatsii-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-psihologo-pedagogicheskiy-i-organizatsionno-pravovoy (дата обращения: 15.04.2026).

УДК 159.9

Снежана Сергеевна Бердинских
3-й курс, напр. «Юриспруденция», Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Пермь, Россия, berdinskihsnezana@gmail.com
Научный руководитель: М. Ю. Смирнова, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, https://orcid.org/0000-0002-5000-3934

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПСИХОЛОГОВ ВЕДОМСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, НАПРАВЛЕННАЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ БЕЗОПАСНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Аннотация. В статье анализируется деятельность психологов в ведомственных образовательных организациях, регламентированная федеральными законами и профессиональными стандартами. Рассматриваются теоретические основы (концепции Шевцовой и Марковой) и практические формы работы: индивидуальные консультации (на примере Волгоградской академии МВД – 1938 обращений), тренинги, деловые игры. Выявлены ключевые проблемы: недостаточная координация с администрацией, дефицит ресурсов и стигматизация обращений за помощью. Предложены меры оптимизации, включая межведомственные группы, цифровой мониторинг для развития стрессоустойчивости.

Ключевые слова: ведомственные образовательные организации; психологическая безопасность; профессиональные стандарты; индивидуальные консультации; стрессоустойчивость

Snezhana S. Berdinskich
Student of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia, berdinskihsnezana@gmail.com
Supervisor: M. Yu. Smirnova, Senior Lecturer of the Department of State and Socio-Economic Disciplines, https://orcid.org/0000-0002-5000-3934

ACTIVITIES OF PSYCHOLOGISTS OF DEPARTMENTAL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS, DIRECTED TO THE FORMATION OF A SAFE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Abstract. The article analyzes the activities of psychologists in departmental educational organizations, regulated by federal laws and professional standards. The theoretical foundations (concepts of Shevtsova and Markova) and practical forms of work are considered: individual consultations (on the example of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs – 1938 applications), trainings, business games. Key problems have been identified: insufficient coordination with the administration, lack of resources, and stigmatization of seeking help. Optimization measures have been proposed, including interdepartmental groups and digital monitoring for developing stress resistance.

Keywords: departmental educational organizations; psychological safety; professional standards; individual consultations; stress resistance

Деятельность психологов в ведомственных образовательных организациях регламентируется комплексом нормативно-правовых актов, включая федеральные законы «Об образовании» и «О психологической помощи населению», а также ведомственными положениями. Эти документы закладывают основы для создания безопасной среды, определяя обязанности психологов по диагностике, профилактике и коррекции психоэмоциональных состояний учащихся. Особое значение имеет соответствие деятельности требованиям профессиональных стандартов, которые устанавливают критерии эффективности психологического сопровождения. Теоретические основы работы психологов в таких организациях базируются на принципах системного подхода, учитывающего специфику ведомственного образования. Ключевыми концепциями выступают теория психологической безопасности Л. И. Шевцовой и модель профилактики профессиональных деформаций А. К. Марковой. Интеграция этих подходов позволяет разрабатывать программы, направленные не только на текущую поддержку, но и на формирование устойчивости к стрессовым факторам будущей профессиональной деятельности [1, с. 90]. Важным аспектом нормативного регулирования является обязательность проведения регулярных мониторингов психологического климата в образовательных коллективах. Данные мониторинги служат основой для адаптации профилактических мер к особенностям ведомственных учреждений, где сочетаются образовательные и профессионально-ориентированные задачи [2, с. 47]. Это создаёт правовую и методическую основу для минимизации рисков эмоционального выгорания как среди учащихся, так и среди педагогов.

Практическая деятельность психологов в ведомственных организациях включает разнообразные формы работы, среди которых особую эффективность демонстрируют индивидуальные консультации. Они позволяют адресно решать проблемы курсантов, связанные с адаптацией к строгому распорядку и высоким учебным нагрузкам. Как показывают данные Центра психологической работы Волгоградской академии МВД России (рис. 1), за период с 2013 по 2016 г. было зафиксировано 1938 обращений курсантов, что подтверждает востребованность индивидуального подхода [3, с. 67].

Рисунок 1 – Динамика обращений курсантов
и снижение тревожности (2013–2016 гг.)

Основными запросами выступали трудности межличностного взаимодействия и стрессовые состояния. Групповые методы работы, такие как тренинги коммуникативных навыков и мастер-классы по управлению эмоциями, направлены на формирование коллективной устойчивости к конфликтным ситуациям. Регулярное проведение деловых игр, имитирующих экстремальные профессиональные сценарии, способствует развитию стрессоустойчивости. Эти формы особенно актуальны для ведомственных организаций, где будущая деятельность выпускников связана с повышенными

психологическими нагрузками и необходимостью быстрого принятия решений. Анализ эффективности практических методов показывает, что сочетание индивидуальных и групповых форм позволяет снижать уровень тревожности на 25–30 % в течение учебного семестра. Важным условием является систематичность воздействия и интеграция психологических практик в общий образовательный процесс. Однако результативность напрямую зависит от координации усилий психолога с кураторами учебных групп и преподавательским составом, что не всегда реализуется в полной мере.

Одной из ключевых проблем в деятельности психологов ведомственных организаций остаётся недостаточная координация с административным и педагогическим составом. Формальное взаимодействие, ограниченное составлением отчётной документации, снижает возможность своевременного выявления кризисных ситуаций. Отсутствие общего понимания целей психологического сопровождения приводит к дублированию функций или, напротив, к пробелам в профилактической работе. Существенным барьером выступает дефицит ресурсного обеспечения психологических служб, включая нехватку современных диагностических инструментов и ограниченное время на проведение углублённой работы с учащимися. В условиях высокой учебной нагрузки психологи вынуждены концентрироваться на «тушении пожаров» – работе с уже возникшими конфликтами, вместо системной профилактики. Это снижает долгосрочный эффект их деятельности. Проблемой является и стигматизация обращения за психологической помощью среди курсантов, связанная со стереотипами о «слабости». Администрация не всегда способствует формированию культуры психологической грамотности, что ограничивает охват профилактических программ. В результате часть учащихся скрывает эмоциональные трудности, что может приводить к эскалации напряжённости в коллективе. Последствием этих системных проблем становится рост числа неразрешённых конфликтов и случаев эмоционального выгорания педагогов [4, с. 161]. Отсутствие единой стратегии психологического сопровождения ведёт к фрагментарности мер, когда отдельные успешные инициативы не складываются в целостную систему безопасности образовательной среды. Это особенно критично в ведомственных учреждениях, где требования к психологической устойчивости выпускников исключительно высоки.

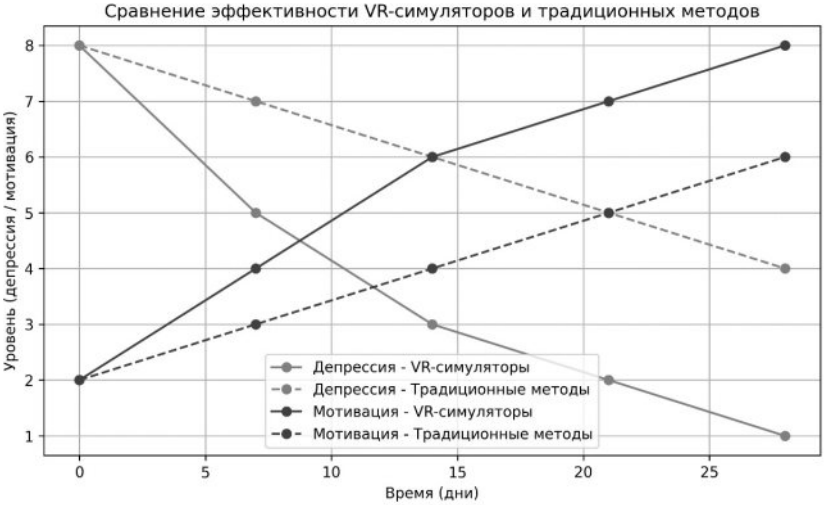

Рисунок 2 – Сравнение эффективности VR-стимуляторов и традиционных методов

Для оптимизации деятельности психологических служб необходима разработка комплексных мер, включающих создание межведомственных рабочих групп с участием психологов, педагогов и администрации. Такие группы могли бы координировать планы профилактической работы, синхронизируя их с учебными программами и графиками аттестаций [5, с. 98]. Внедрение единой цифровой платформы для мониторинга психологического состояния учащихся позволит оперативно выявлять риски и распределять ресурсы. Перспективным направлением является внедрение инновационных технологий, таких как VR-симуляторы для тренировки стрессоустойчивости (рис. 2).

Как показало исследование, использование VR-симуляторов достоверно снижает уровень депрессии и повышает мотивационную готовность к действиям в экстремальных ситуациях, достигая за более короткий срок результатов, которые при традиционных методах требуют длительной терапии [6, с. 19]. Интеграция таких методов в образовательный процесс, наряду с повышением квалификации психологов, позволит создать устойчивую систему профилактики.

Список источников

1. Климова Е. М., Гайдамашко И. В. Психологическая безопасность образовательной среды вуза как основа формирования профессионала // Теоретическая и экспериментальная психология. 2023. Т. 16, № 1. С. 90–102. DOI: 10.11621/TEP-23-06

2. Баева И. А. Психологическая безопасность среды: условие активной работы и направление научных исследований // Вестник практической психологии образования. 2007. № 4. С. 47–50.

3. Ульянина О. А., Федотов С. Н., Марьин М. И. Психологическое консультирование в деятельности психологов образовательных организаций МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 4. С. 67–72.

4. Блясова И. Ю. Некоторые направления работы центра по оказанию правовой и профилактической помощи несовершеннолетним и их родителям // Вестник Шадринского государственного педагогического института. 2011. № 1. С. 161–166.

5. Дзядевич И. В. Психологическая безопасность образовательной среды высшей ведомственной школы как состояние защищенности от эмоционального напряжения // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14, № 12А. С. 98–102. DOI: 10.34670/AR.2026.53.52.017

6. Скоробогатова Т. Н., Марголин А. Д. Психологическая подготовка студентов к экстремальным ситуациям средствами виртуальной реальности // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1, № 4. С. 19–31. DOI: 10.17759/epps.2024010402

УДК 159.99

Алина Сергеевна Ванькова[1]
Надежда Владимировна Елисеева[2]
[1, 2] 1-й курс, напр. «Психология», Прикамский социальный институт, Пермь, Россия, nadya-eliseeva-2004@mail.ru
Научный руководитель: Г. В. Буянова, канд. пед. наук, доцент кафедры психологии и педагогики, SPIN-код: 8331-4193, AuthorID: 688657, https://orcid.org/0000-0003-4199-2176, Scopus ID 57207942113

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОГО ВЫГОРАНИЯ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена цифрового выгорания как фактора, влияющего на психологическую безопасность человека. Рассматриваются структурные компоненты цифрового выгорания и факторы, определяющие его появление. Выделяются индивидуальные стратегии и системные организационные меры, способствующие снижению негативных последствий цифровизации.

Ключевые слова: психологическая безопасность; цифровое выгорание; цифровая усталость; цифровизация; профилактика цифрового выгорания

Alina S. Vankova[1]
Nadezhda V. Eliseeva[2]
[1, 2] Students of the Prikamsky Social Institute, Perm, Russia, nadya-eliseeva-2004@mail.ru
Supervisor: G. V. Buyanova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy, SPIN-код: 8331-4193, AuthorID: 688657, https://orcid.org/0000-0003-4199-2176, Scopus ID 57207942113

THE IMPACT OF DIGITAL BURNOUT ON PSYCHOLOGICAL SAFETY

Abstract. This article analyzes the phenomenon of digital burnout as a factor affecting psychological well-being. It examines the structural components of digital burnout and the factors that determine its occurrence. It also identifies individual strategies and systemic organizational measures that can help mitigate the negative consequences of digitalization.

Keywords: psychological well-being; digital burnout; digital fatigue; digitalization; digital burnout prevention

Одним из ярких примеров парадокса современного общества является стремление человечества к минимизации физических и когнитивных усилий посредством активного применения информационных технологий. С одной стороны, предлагаемые сетью интернет, быстрый и повсеместный доступ к любой информации, возможность мгновенных коммуникаций через социальные сети открыли новые формы образования (дистанционная), трудоустройства (удалённая работа) и пр. С другой стороны, постоянная онлайн-доступность, ставшая уже нормой, радикально изменила повседневность, стёрла границы между рабочим и личным временем. Инструменты, призванные обеспечить максимальный комфорт и эффективность, становятся новой формой когнитивной нагрузки, причиной цифровой усталости, что трансформируется в скрытую угрозу психологической безопасности.

Цель статьи – теоретический анализ влияния цифрового выгорания на психологическую безопасность человека.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих задач:

1) рассмотреть понятия «психологическая безопасность» и «цифровое выгорание»;

2) проанализировать структурные компоненты «цифрового выгорания» и факторы, способствующие его появлению;

3) обозначить меры снижения негативных последствий цифровизации.

Психологическая безопасность – это защищённость психики и целостности личности, а также душевного здоровья и духовности, она необходима для сохранения жизни и здоровья человека, а также способствует реализации и развитию человека [1, с. 158].

Постоянное пребывание в онлайн-среде сопровождается чрезмерным информационным потоком и необходимостью поддерживать цифровую активность, что порождает целый комплекс проблем, которые затрагивают психологическое состояние человека.

В современных психологических исследованиях феномен «цифрового выгорания» рассматривается как специфическая форма профессионального или личностного выгорания, возникающая вследствие хронической «цифровой усталости». Важно отметить,

что в научной литературе и экспертном сообществе можно встретить различные термины, описывающие этот процесс: в зарубежных источниках часто используются понятия «выгорание, вызванное технострессом» или «техноистощение» [2–4]. Несмотря на различия в названиях, все они указывают на одно явление – истощение эмоциональных, когнитивных и физических ресурсов личности в процессе интенсивного использования цифровых инструментов.

В рамках данного исследования цифровое выгорание трактуется не просто как кратковременная усталость от работы за монитором, а устойчивое состояние дезадаптации, вызванное постоянным давлением цифрового присутствия и необходимостью непрерывно обрабатывать большие объёмы информации [5, с. 203]. Самостоятельность феномена цифрового выгорания заключается в том, что оно не ограничивается профессиональной средой человека, а затрагивает любого пользователя цифровых устройств, что делает проблему универсальной для современного общества.

По мнению Д. В. Лукашенко, Л. М. Королева, Т. В. Разиной, основными структурными компонентами цифрового выгорания, деструктивно влияющими на психологическую безопасность личности, являются: *деперсонализация*, проявляющаяся в снижении качества личного контакта с обществом (например, «цифровой аватар» собеседника вытесняет живые эмоции, приводя к отстранённости от реального общества); *редукция личных достижений*, представляющая собой сложности с адекватной оценкой собственных успехов, особенно в условиях удалённой работы и постоянного сравнения с «идеальными» профилями других пользователей, что создает ощущение собственной некомпетентности и неуверенности в безопасности своего статуса [6, с. 211–212]. Эти аспекты в совокупности создают предпосылки для подрыва психологической безопасности человека в эпоху цифровизации.

Понимание структурных компонентов цифрового выгорания требует анализа факторов, которые их запускают и закрепляют. Так, результатом масштабного эмпирического исследования, проведённого А. А. Максименко, А. А. Золотаревой, Д. В. Каширским на российской выборке из 1008 респондентов (2025), является выделение трёх ключевых компонентов цифрового выгорания («цифровых стрессоров»): думскроллинг, зависимость от социальных сетей и киберхондрия [3, с. 210]. Исследование Элизабет Марш с коллегами (Ноттингемский университет, Великобритания, 2024), проведённое методом интервью с работающими респондентами,

позволило учёным выявить пять факторов цифрового выгорания: гиперподключённость, технoперегруженность, цифровые рабочие трудности, синдром упущенной выгоды и технонапряжение [4].

Результаты вышеизложенных исследований позволили выделить три группы факторов риска в современной цифровой среде: технологические, организационные и личностные.

К технологическим факторам относятся прежде всего информационная перегрузка и мультизадачность. Постоянное переключение между мессенджерами, рабочими чатами, электронной почтой и социальными сетями создаёт эффект «разорванного внимания», при котором мозг не успевает завершать когнитивные операции (думскроллинг, по А. А. Максименко; технoперегруженность, цифровые трудности, по Э. Марш).

Организационные факторы особенно актуальны в контексте удалённой и гибридной занятости. К ним относятся: размытие временных границ (ожидание ответа в нерабочие часы), отсутствие физического отделения рабочего пространства от личного, а также снижение невербальной обратной связи, что увеличивает эмоциональные затраты на интерпретацию письменных сообщений (киберхондрия, по А. А. Максименко; гиперподключённость, давление цифрового присутствия, по Э. Марш).

Личностные факторы связаны с индивидуальной уязвимостью: перфекционизм в цифровых коммуникациях (стремление быть онлайн всегда «идеально отвечающим»), трудности с саморегуляцией (неспособность сознательно отключать уведомления) и склонность к гипертрофированному и искаженному восприятию при просмотре интернет-контента (интернет- и соцсетевая зависимость, по А. А. Максименко; синдром упущенной выгоды, субъективное переживание технонапряжения, по Э. Марш).

Данные факторы действуют не изолированно, а синергийно: технологическая перегрузка усиливается организационным давлением, а личностная уязвимость выступает катализатором. Совокупное действие этих факторов приводит к истощению трёх ключевых ресурсов: когнитивного, эмоционального и мотивационного. Цифровое выгорание, вызванное описанными выше факторами, перестаёт быть только состоянием утомления и начинает угрожать психологической безопасности личности.

В этой связи актуализируется необходимость разработки и внедрения мер, направленных на снижение негативных последствий цифрового выгорания. К числу таких мер могут быть отнесены:

1) *регуляция цифровой гигиены* – сознательное ограничение времени пребывания в цифровой среде, внедрение периодов «цифрового детокса» (отключение уведомлений, выделение часов без экранов);

2) *формирование организационной поддержки* для удалённых и гибридных форматов работы – чёткое разделение рабочего и личного времени, отказ от практики коммуникации в нерабочие часы, обучение сотрудников навыкам саморегуляции;

3) *развитие личностных ресурсов* – повышение самоэффективности в обращении с цифровыми инструментами, тренировка осознанности, умение распознавать ранние признаки утомления и вовремя делать паузы;

4) *критическое отношение к контенту* – селективный подход к потреблению информации, отказ от избыточного вовлечения в негативные новостные ленты (ограничение думскроллинга), использование фильтров и доверенных источников.

Следует подчеркнуть, что помимо выделенных выше индивидуальных стратегий цифровой гигиены важнейшую роль в профилактике выгорания играют организационные меры. Так, китайские учёные (Ц. Чжан с соавторами) установили, что цифровизация организаций ведёт к ролевой перегрузке работников и, как следствие, к выгоранию, и обнаружили следующую закономерность: чем выше уровень поддержки со стороны руководства, тем слабее прямое влияние цифровизации на профессиональное выгорание сотрудников [7].

На основе полученных результатов авторы предлагают следующие меры для снижения негативных последствий цифровизации:

1) обеспечение адекватной организационной поддержки (включая техническую и психологическую помощь);

2) чёткое определение рабочих границ и ролей сотрудников для снижения ролевой неопределённости;

3) развитие ресурсной базы организации для адаптации сотрудников к цифровым изменениям.

Проведённый анализ позволяет заключить, что цифровое выгорание представляет собой не проявление личной слабости, а системный сбой во взаимодействии человека с цифровой средой. В отличие от профессионального и личностного выгорания, привя-

занного к конкретной трудовой деятельности, цифровое выгорание рассматривается в настоящей работе как самостоятельный феномен, возникающий у любого пользователя цифровых устройств вне зависимости от его профессии. Оно появляется вследствие комплекса технологических, организационных и личностных факторов, которые подрывают психологическую безопасность личности. Эффективное решение лежит в осознанном перепроектировании цифровой среды, где технологии служат человеку, а не наоборот, что требует сочетания индивидуальной цифровой гигиены и системных организационных мер.

Список источников

1. Андрияхин А. А. Различные особенности психологической безопасности личности // Автономия личности. 2025. № 1 (34). С. 157–162.
2. LaTorre G., Esposito A., Sciarra I., Chiappetta M. Definition, symptoms and risk of techno-stress: a systematic review. Int Arch Occup Environ Health 92, 13–35 (2019) // International Archives of Occupational and Environmental Health. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s00420-018-1352-1 (дата обращения: 12.03.2026).
3. Максименко А. А., Золотарева А. А., Каширский Д. В. От экранов к бессоннице: как цифровые стрессоры связаны с характеристиками сна россиян? // Экология человека. 2025. Т. 32, № 3. С. 207–218.
4. Marsh E., Perez Vallejos E., Spence A. (2024). Digital workplace technology intensity: qualitative insights on employee wellbeing impacts of digital workplace job demands // Frontiers in Organizational Psychology. 17 December 2024. Vol. 2. URL: https://www.frontiersin.org/journals/organizational-psychology/articles/10.3389/forgp.2024.1392997/full#h1 (дата обращения: 12.03.2026).
5. Ионов А. Ю., Ким Ю. Х-С. Цифровая усталость в реалиях современного образования // Современное педагогическое образование. 2025. № 6. С. 203–205.
6. Лукашенко Д. В., Королев Л. М., Разина Т. В. Влияние цифровизации на профессиональное выгорание в условиях удаленной работы // Ярославский педагогический вестник. 2025. № 4 (145). С. 206–215. DOI: 10.20323/1813-145X-2025-4-145-206
7. The ‘side effects’ of digitalization: A study on role overload and job burnout of employees / Q. Zhang, W. Dai, J. Chen, Y. Gu, Y. Zhao // PLoS-ONE. 2025. Vol. 20, no. 4. Article e0322112. URL: https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0322112#abstract0 (дата обращения: 12.03.2026).

УДК 159.99

Александра Алексеевна Вертипрахова
3-й курс, напр. «Психология», Прикамский социальный институт, Пермь, Россия, ispetro@mail.ru
Научный руководитель: В. С. Зябрева, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики, магистр социальных наук по специальности «Психология»

ПРОБЛЕМА СМЫСЛА ЖИЗНИ ЛИЧНОСТИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о смысле жизни в контексте психологии личности. Исследуются проблемы взаимосвязи локуса контроля и системы жизненных смыслов личности в среднем возрасте. Представлены результаты эмпирического исследования указанных проблем, проводившегося среди респондентов данной возрастной группы.

Ключевые слова: локус контроля; жизненные смыслы; интернальность; экстернальность; экзистенциальный кризис; жизненная стратегия; кризис среднего возраста

Alexandra A. Vertiprakhova
Student of the Prikamsky Social Institute, Perm, Russia
ispetro@mail.ru
Supervisor: V. S. Zyabreva, Senior Lecturer at the Department of Psychology and Pedagogy, Master of Social Sciences in Psychology

THE PROBLEM OF PERSONAL LIFE MEANING: PSYCHOLOGICAL ASPECTS AND EMPIRICAL RESEARCH

Abstract. This article examines the meaning of life in the context of personality psychology. It explores the relationship between locus of control and the system of life meanings in midlife. The article presents the results of an empirical study of these issues, conducted among respondents in this age group.

Keywords: locus of control; life meanings; internality; externality; existential crisis; life strategy; midlife crisis

В современном обществе, отличающемся высокой динамикой и неопределённостью, вопрос о смысле жизни остаётся одной из ключевых экзистенциальных проблем личности [1–3]. Поиск и об-

ретение смысла напрямую связаны с психологическим благополучием, удовлетворённостью жизнью и способностью человека преодолевать кризисы. Особое значение приобретает изучение личностных факторов, влияющих на формирование и трансформацию системы жизненных смыслов. Одним из таких факторов выступает локус контроля – склонность человека приписывать ответственность за события внешним обстоятельствам или собственным усилиям [4]. Исследование взаимосвязи локуса контроля и смысложизненных ориентаций открывает перспективы для совершенствования методов психологического консультирования и поддержки в периоды жизненных кризисов.

Понятие смысла жизни рассматривается как интегрирующее ядро личности, определяющее её ценности, цели и поступки. В психологии смысл жизни трактуется как динамическое образование, способное изменяться под влиянием жизненного опыта и кризисов. В экзистенциально-гуманистическом подходе (В. Франкл, А. Маслоу, К. Роджерс) смысл связывается с самоактуализацией, творчеством, переживанием ценностей и принятием ответственности. В отечественной психологии (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, Д. А. Леонтьев) обнаруживается следующее понимание: смысл жизни формируется в процессе деятельности и выступает как высшая интегративная инстанция личности [1; 5].

Локус контроля – это устойчивая личностная характеристика, отражающая склонность человека объяснять причины событий внешними или внутренними факторами. Интернальный локус контроля связан с активной жизненной позицией, ответственностью и самостоятельным поиском смысла. Экстернальный локус контроля ассоциируется с пассивностью, фатализмом и зависимостью от внешних обстоятельств. Формирование локуса контроля происходит под влиянием воспитания, культуры и личного опыта, что открывает возможности для психологической коррекции [4].

В современной психологии выделяется кризис среднего возраста, связанный с переоценкой жизненных выборов и поиском нового смысла. В этот период происходит осознание ограниченности времени, девальвация прежних целей и критический пересмотр ценностей. Успешное преодоление кризиса ведёт к формированию более зрелой и осознанной смысложизненной позиции [6].

Организация и методы. Исследование проводилось среди 30 сотрудников компании ООО «РостМаркет» в возрасте 28–31 года. Использовались методики:

1) «Система жизненных смыслов» В. Ю. Котлякова;
2) шкала локуса контроля Роттера.

Для обработки данных применялись методы математической статистики (описательная статистика, корреляционный анализ Пирсона).

Результаты. Анализ показывает, что семейные ценности и самореализация играют центральную роль в системе жизненных смыслов респондентов, в то время как альтруизм и экзистенциальные смыслы остаются наименее значимыми. Эти данные согласуются с результатами эмпирического исследования, которое показало, что семейные и коммуникативные смыслы тесно связаны с интернальным локусом контроля, в то время как статусные и альтруистические смыслы имеют меньшую значимость.

По шкале локуса контроля у участников преобладает экстернальность (17,4 балла против 15,1 по интернальности), что свидетельствует о склонности приписывать успехи и неудачи внешним факторам.

Корреляционный анализ выявил:

– положительную связь между экстернальным локусом контроля и статусными смыслами ($r = 0{,}530$);

– отрицательную связь между интернальным локусом контроля и статусными смыслами ($r = -0{,}511$);

– положительную связь между интернальностью и коммуникативными ($r = 0{,}391$) и семейными смыслами ($r = 0{,}498$);

– отрицательную связь между экстернальностью и коммуникативными ($r = -0{,}404$) и семейными смыслами ($r = -0{,}406$).

Подтверждена гипотеза о взаимосвязи локуса контроля и системы жизненных смыслов личности в среднем возрасте. Для лиц с экстернальным локусом контроля характерны ориентация на внешний успех и признание, тогда как интерналы больше ценят близкие отношения, общение и семью.

Результаты исследования могут быть использованы в психотерапевтической работе с клиентами, переживающими экзистенциальный кризис, а также для разработки программ диагностики и сопровождения личности в периоды жизненных изменений.

Таким образом, смысл жизни личности тесно связан с её локусом контроля. Интернальная позиция способствует формированию активной, ответственной и осмысленной жизненной стратегии, а экстернальная – ориентации на внешние оценки и достижения. Понимание этих взаимосвязей позволяет строить более эффективные программы психологической поддержки и развития личности.

Список источников

1. Засядь-Волк Ю. В. Философия и проблема смысла жизни : учеб. пособие. Новосибирск, 2011. 60 с. // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART : сайт. URL: https://www.iprbookshop.ru/44872.html (дата обращения: 12.12.2025).
2. Чудновский В. Э. Смысл жизни: некоторые итоги и перспективы исследования // Психологический журнал. 2015. Т. 36, № 1. С. 5–19.
3. Мартынова Е. В. Проблема смысла жизни в практике психологического консультирования // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 2. С. 88–102
4. Лустина Е. Ю. Типология личности и локус контроля: социально-психологический аспект // Перспективы науки. 2026. № 6 (81). С. 40-42.
5. Захаркин Д. Д. Классификация современных теорий личности // Психолог. 2015. № 5. С. 31–55. DOI: 10.7256/2409-8701.2015.5.16246 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=16246 (дата обращения: 12.12.2025).
6. Толстых А. В. Возрасты жизни : монография. М., 1988. URL: https://www.phantastike.com/age_psychology/vozrasty_zhizni/djvu/view/https://www.phantastike.com/age_psychology/vozrasty_zhizni/djvu/view/ (дата обращения: 12.12.2025).

УДК 343.847

Марина Олеговна Волкова
2-й курс, напр. «Юриспруденция», Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Пермь, Россия, volkovamarina230@mail.ru
Научный руководитель: И. Н. Криницин, преподаватель кафедры организации режима, охраны и конвоирования, капитан внутренней службы, SPIN-код: 2653-3141, https://orcid.org/0009-0007-3172-8458

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОСУЖДЁННЫХ С ГОТОВНОСТЬЮ К ОСВОБОЖДЕНИЮ В КОНТЕКСТЕ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОБАЦИИ: ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ ФАКТОР УСПЕШНОЙ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена взаимосвязи психологической безопасности осуждённых с готовностью к освобождению в контексте закона «О пробации». Анализируется влияние травмирующей среды исправительного учреждения на выученную беспомощность, гипербдительность и деформации личности. Показано, что психологическая безопасность выступает условием долгосрочного планирования жизни на свободе. Выделены три типа готовности осуждённых, подчёркнута роль восстановления социальных компетенций в снижении рецидива. Успешная ресоциализация возможна лишь при интеграции безопасности и реалистичных планов, что превращает пробацию в инструмент возвращения права на будущее.

Ключевые слова: психологическая безопасность осуждённых; готовность к освобождению; пенитенциарная пробация; ресоциализация; выученная беспомощность; постпенитенциарная адаптация; рецидивная преступность

Marina O. Volkova
Cadet of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia, volkovamarina230@mail.ru
Supervisor: I. N. Krinitcin, Lecturer at the Department of Organization of Regime, Security and Escorting, Captain of the Internal Service, SPIN-code: 2653-3141, https://orcid.org/0009-0007-3172-8458

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE PSYCHOLOGICAL SAFETY OF CONVICTS AND THEIR READINESS FOR RELEASE IN THE CONTEXT OF PENITENTIARY PROBATION: A PROGNOSTIC FACTOR OF SUCCESSFUL RESOCIALIZATION

Abstract. The article examines the relationship between convicts' psychological safety and their readiness for release in the context of the Law «On Probation». It analyzes the impact of the correctional institution's traumatic environment on learned helplessness, hypervigilance, and personality deformations. Psychological safety is shown to be a prerequisite for long-term planning of life at liberty. Three types of convict readiness are identified, and the role of restoring social competencies in reducing recidivism is emphasized. Successful resocialization is possible only through the integration of safety and realistic plans, which transforms probation into a tool for restoring the right to a future.

Keywords: psychological safety of convicts; readiness for release; penitentiary probation; resocialization; learned helplessness; post-penitentiary adaptation; recidivism

Проблема рецидивной преступности остаётся одной из наиболее острых в повестке любой пенитенциарной системы. Традиционный взгляд на исполнение наказания как исключительно на карательную меру или изоляцию от общества доказал свою несостоятельность: значительная часть лиц, освободившихся из мест лишения свободы, вновь оказывается на скамье подсудимым. Ключевой вопрос, стоящий сегодня перед наукой уголовно-исполнительного права и юридической психологией, заключается в следующем: как сделать так, чтобы человек, переступивший порог тюрьмы, не просто отбыл срок, а приобрел психологический ресурс для жизни в законе?

В 2024 г. в России вступил в силу федеральный закон «О пробации в Российской Федерации», ознаменовавший переход от карательной модели к ресоциализации и социальной реабилитации[1]. В центре этого нового подхода находится не только административный контроль, но и глубокая психологическая работа. Однако, как показывает практика и исследования, эффективность любых программ пробации напрямую связано с наличием у осуждённого так называемой психологической безопасности.

[1] О пробации в Российской Федерации : Федер. закон от 6 февр. 2023 г. № 10-ФЗ (с изменениями и дополнениями) (ред. от 23.07.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Психологическая безопасность – это состояние защищённости психики от воздействия негативных факторов внешней и внутренней среды, обеспечивающее целостность личности и её адаптивный потенциал. В контексте исправительного учреждения (далее – ИУ) этот термин наполняется специфическим содержанием. Среда ИУ по своей природе является травмирующей: это режимные ограничения, гиперконтроль, агрессивная субкультура, принудительное коллективное проживание и информационные ограничения.

Исследования в исправительных колониях Вологодской и Ивановской областей показывают, что длительное нахождение в изоляции (особенно свыше 5 лет) ведёт к деструктивной трансформации личности [1, с. 606]. Постоянные ожидания угрозы со стороны других осуждённых или администрации приводит к хроническому состоянию гипербдительности. Происходит размытие границ «Я» – человек привыкает жить по чужим правилам, теряет способность к самостоятельному принятию решений, а блокировка потребностей в безопасности, принадлежности (разрыв семейных связей) и автономии вызывает глубокий внутриличностный конфликт.

Высокий уровень психологической безопасности (или её отсутствие) становится тем фильтром, через который осуждённый интерпретирует реальность. Если безопасность низка, личность находится в осадном положении, её когнитивные ресурсы направлены исключительно на выживание здесь и сейчас, что делает невозможным долгосрочное планирование, в частности построение планов на жизнь после освобождения.

Готовность к освобождению – это интегративное психологическое образование, включающее мотивационный и поведенческий компоненты. Это не просто знание того, что срок закончился, а сформированная внутренняя установка на правопослушное поведение и способность преодолевать трудности постпенитенциарного периода.

Психологическая подготовка к освобождению начинается задолго до даты выхода. Исследования показывают, что резкий переход из тотальной регламентации в состояние полной свободы действует на психику шоковым образом. В структуре готовности специалисты выделяют три категории осуждённых.

1. *Конструктивный тип:* исправившиеся, имеющие реалистичные планы, сохранные социальные связи.

2. *Пассивный тип:* лица с дефектами воспитания, испытывающие страх перед будущим, неуверенные в себе.

3. *Негативный тип:* лица с антисоциальной направленностью, не намеренные менять образ жизни [2, с. 38].

Именно первый тип демонстрирует высокий уровень психологической безопасности – они не боятся будущего, потому что чувствуют опору внутри себя и вовне (семья, обещанное трудоустройство).

В условиях колонии у человека часто формируется феномен выученной беспомощности. Администрация решает за него все бытовые вопросы (питание, распорядок, досуг) [3, с. 344]. Психологическая безопасность возникает только при условии сохранения убеждённости в том, что именно ты управляешь своей жизнью. Программы пенитенциарной пробации, направленные на развитие навыков целеполагания и ответственности, напрямую повышают эту безопасность, снижая уровень невротизации.

Многие осуждённые испытывают страх перед освобождением не столько из-за материальных проблем, сколько из-за страха клейма и дискриминации обществом. Психологически безопасная среда в период подготовки к освобождению предполагает создание атмосферы принятия и поддержки. Как отмечается в методических рекомендациях, беседа с психологом или начальником учреждения в день освобождения должна быть построена на доброжелательности и вере в возможности человека, что снимает тревожность и формирует позитивный образ будущего.

Психологическая безопасность неразрывно связана с социальной безопасностью. Если у осуждённого разрушены семейные связи и нет жилья, его психологический статус крайне нестабилен. Восстановление социальных компетенций (тренинги общения, деловые игры по трудоустройству) в рамках психологической работы позволяет снизить уровень неопределённости, который является главным врагом психики. Когда человек знает алгоритм действий (куда идти, как искать работу, как восстанавливать документы), его мозг выходит из режима паники и переходит в режим решения задач. Это и есть состояние безопасности.

Самое трудное время для адаптации – первые 3–6 месяцев после освобождения. В этот период бывший осуждённый сталкивается с реальностью, к которой его готовили (или не готовили) в колонии [4, с. 9]. Если в учреждении была проведена качественная работа по

формированию психологической безопасности (снятие тревожности, развитие стрессоустойчивости), человек легче переносит бытовую неустроенность или отказ при приеме на работу и ищет альтернативные пути решения проблемы.

Согласно статистике, основная масса рецидивов совершается именно в первые 3 года, причём более половины – в первый год [5, с. 213]. Причина рецидива часто лежит не в злом умысле, а в психологическом срыве: *Меня не принимают, у меня ничего не получается, зачем мне стараться?* Человек с устойчивой психикой способен выдерживать отказы и неудачи. Он использует свои приобретённые навыки, чтобы справляться с конфликтами и бытовыми трудностями, не прибегая к алкоголю или криминалу.

Важно понимать, что адаптация зависит не только от личности, но и от среды. Если у освобождённого сохранены (или восстановлены) положительные связи – семья, трудовой коллектив, – риск срыва минимален [6, с. 119]. Задача психологической службы в период пробации – не просто исправить осуждённого, а работать с его окружением или учить его взаимодействию с этим окружением.

Психологическая безопасность и готовность к освобождению – это две стороны одного процесса ресоциализации. Без чувства безопасности невозможна когнитивная переработка планов на будущее, а без планов на будущее безопасность остается иллюзорной.

Взаимосвязь психологической безопасности осуждённых с их готовностью к освобождению является ключом успешности всей системы пробации. Лишение свободы всегда оставляет шрамы на психике человека. Задача пенитенциарной психологии – превратить эти шрамы в опыт, а не в открытые раны. Лишь тот, кто чувствует себя в безопасности (внутренней и прогнозируемой внешней), способен смотреть в будущее без агрессии и апатии. Именно эта способность – смотреть в будущее законопослушно и конструктивно – и есть главный критерий к освобождению и залог успешной социальной адаптации в обществе. Реализация положений федерального закона о пробации должна быть наполнена не только бюрократическими процедурами, но и глубоким психологическим смыслом возвращения человеку самого главного права – права на будущее [7, с. 185].

Проведённый анализ позволяет утверждать, что психологическая безопасность осуждённых и их готовность к освобождению находятся в тесной взаимосвязи, образуя прогностический фактор

успешной ресоциализации в рамках пенитенциарной пробации. Травмирующая среда исправительного учреждения способствует формированию выученной беспомощности, гипербдительности и личностных деформаций, что блокирует долгосрочное планирование жизни на свободе. Выделенные три типа готовности осуждённых (конструктивный, пассивный, негативный) демонстрируют, что лишь первый из них обладает достаточным уровнем психологической безопасности, позволяющим выстраивать реалистичные постпенитенциарные планы.

Восстановление социальных компетенций, снижение уровня неопределённости и формирование позитивного образа будущего выступают ключевыми механизмами повышения психологической безопасности. Без их интеграции любые программы пробации остаются формальными. Практическая значимость выводов заключается в необходимости смещения акцентов с карательных мер на психологическое сопровождение – начиная с ранних этапов отбывания наказания и заканчивая постпенитенциарной адаптацией. Реализация федерального закона «О пробации» должна быть наполнена не бюрократическими процедурами, а глубокой психологической работой, возвращающей осуждённому «право на будущее» – главное условие снижения рецидивной преступности.

Список источников

1. Яковлева М. А. Ресоциализация осужденных: психологическое и социальное направление (на примере исправительных учреждений Вологодской и Ивановской областей) // Уголовно-исполнительное право. 2024. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/resotsializatsiya-osuzhdennyh-psihologicheskoe-i-sotsialnoe-napravlenie-na-primere-ispravitelnyh-uchrezhdeniy-vologodskoy-i (дата обращения: 18.04.2026).

2. Лебедев Д. Н., Липатова Е. А. Психологическое обеспечение, адаптация и ресоциализация осужденных // Ведомости УИС. 2016. № 7 (170). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-obespechenie-adaptatsiya-i-resotsializatsiya-osuzhdennyh (дата обращения: 18.04.2026).

3. Хрушкова К. А., Поздняков В. М. Психокоррекция осужденных с выученной беспомощностью: состояние и перспективы интеграции подходов // Образование и право. 2021. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihokorrektsiya-osuzhdennyh-s-vyuchennoy-bespomoschnostyu-sostoyanie-i-perspektivy-integratsii-podhodov (дата обращения: 18.04.2026).

4. Абдурафиева Д. Э., Махиянова А. В. Тайм-менеджмент студента // Формирование конкурентной среды, конкурентоспособность и стратегическое управление предприятиями, организациями и регионами : сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 15–16 мая 2023 г.) / под науч. ред. О. А. Лузгиной. Пенза : Пенз. гос. аграр. ун-т, 2023. С. 7–9.

5. Ключко Р. Н., Шиханцов Г. Г. Постпенитенциарная профилактика рецидива преступлений // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2016. № 14. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/postpenitentsiarnaya-profilaktika-retsidiva-prestupleniy (дата обращения: 18.04.2026).

6. Громов В. Г. Пробация и проблемы ее реализации в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/probatsiya-i-problemy-ee-realizatsii-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 18.04.2026).

7. Розенцвайг А. И. Зарубежные модели практик ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него: криминологический анализ // Юридический вестник Самарского университета. 2018. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnye-modeli-praktik-resotsializatsii-lits-otbyvshih-ugolovnoe-nakazanie-i-osvobozhdennyh-ot-nego-kriminologicheskiy-analiz (дата обращения: 18.04.2026).

УДК 159.9

Полина Павловна Гусева
3-й курс, напр. «Юриспруденция», Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Пермь, Россия, p_guseva_p@mail.ru
Научный руководитель: М. Ю. Смирнова, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК СПОСОБ УКРЕПЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Высокий уровень эмоционального интеллекта является значимым фактором, способствующим успешной адаптации человека в различных жизненных контекстах. Он обеспечивает более эффективное построение межличностных отношений, оптимизирует коммуникативные навыки и облегчает интеграцию в разнообразные социальные сообщества.

Ключевые слова: национальная безопасность; общественная опасность; государственная безопасность; преступление; незаконный оборот; сильнодействующие и ядовитые вещества

Polina P. Guseva
Student of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia, p_guseva_p@mail.ru
Supervisor: M. Yu. Smirnova, Senior Lecturer at the Department of Humanities and Social and Economic Disciplines

DEVELOPING EMOTIONAL INTELLIGENCE AS A WAY TO STRENGTHEN PSYCHOLOGICAL SAFETY

Abstract. A high level of emotional intelligence is a significant factor contributing to a person's successful adaptation in various life contexts. It ensures more effective interpersonal relationships, optimizes communication skills, and facilitates integration into diverse social communities.

Keywords: national security; public danger; state security; crime; illegal trafficking; potent and poisonous substances

Развитие эмоционального интеллекта играет важную роль во многих сферах жизни каждого человека. Его высокий уровень может позволить человеку легче выстраивать какие-либо связи с другими людьми, коммуницировать и вливаться в различные социальные группы.

Эмоциональный интеллект – это способность распознавать собственные эмоции, понимать их и управлять ими, а также воспринимать эмоции окружающих и эффективно взаимодействовать с людьми.

Эмоциональный интеллект включает в себя четыре основных компонента:

1) самосознание – осознание собственных эмоций и их влияние на наше поведение;

2) самоуправление – способность контролировать собственные эмоции;

3) социальная осведомленность – способность понимать эмоции других людей;

4) управление отношениями – умение выстраивать отношения с другими людьми.

Иначе говоря, эмоциональный интеллект нужен каждому человеку для того, чтобы он мог разбираться в своих эмоциях, управлять ими, а также понимать эмоции других людей и уметь взаимодействовать с той или иной эмоцией [1, с. 8].

Данные умения напрямую связаны с состоянием защищённости нашей психики от угроз, то есть психологической безопасностью. Она создаёт условия для нормального функционирования индивидуальных психологических процессов человека и защищает его от деструктивного поведения в обществе.

В настоящее время в обществе повышен общий уровень стресса и тревожности, что приводит к необходимости развития эмоционального интеллекта каждого человека в частности и общества в целом для предотвращения конфликтов и агрессивных ситуаций [2, с. 63].

Можно выделить несколько способов применения эмоционального интеллекта личности для укрепления психологической безопасности.

1. *Развитие уровня эмпатии.* Эмпатия – способность понимать и ощущать переживания других людей, сочувствовать и сопереживать им. Другими словами, развитие уровня эмпатии означает повышение уровня сопереживания в людях по отношению друг к другу, что может позволить уменьшить развитие конфликтных ситуаций и угроз внутреннему психологическому состоянию людей. Чем больше мы будем сочувствовать друг другу, ставить себя на место других людей и переживать их эмоции, тем лучше мы будем понимать друг друга и избегать неприятных моментов.

2. *Повышение уровня устойчивости к негативным ситуациям.* Чем выше уровень эмоционального интеллекта, тем лучше человек может распознавать свои эмоции, а значит, справляться с ними. Негативные эмоции, такие как страх, злость, ненависть, печаль, отвращение и мн. др., в контексте нашего психологического состояния нправлены на достижение определённой цели, которая гораздо лучше воспринимается, если человек умеет понимать и контролировать их. Контроль негативных эмоций позволит также снизить количество неприятных для нашей психологической безопасности ситуаций и тем самым укрепить её.

3. *Развитие навыков коммуникации*. Навыки коммуникации позволяют человеку гораздо легче решать конфликтные ситуации, а значит, снижать уровень угрозы для нашего психологического состояния в целом и нивелировать острое восприятие конкретных ситуаций в частности.

4. Формирование позитивной оценки. Чем выше уровень эмоционального интеллекта, тем более адекватно человек смотрит на те или иные ситуации, что позволяет более разумно подходить к их решению, а значит, снижать уровень нагрузки на наше психологическое состояние [3, с. 353].

Таким образом, развитие эмоционального интеллекта выступает одним из ключевых способов укрепления психологической безопасности. Формирование его навыков позволяет:

– повысить стрессоустойчивость;

– улучшить взаимоотношения между людьми;

– создать условия для разрешения конфликтов.

Развитие эмоционального интеллекта в широких массах или в небольших социальных группах позволит укрепить психологическую безопасность всего общества в целом, к чему мы и стремимся, поэтому даже маленький шаг каждого конкретного человека – большой вклад в общее будущее.

Список источников

1. Вагин И. О. Эмоциональный интеллект. Практика тренинга и коучинга. М. : Эксмо, 2019. 178 с.

2. Блохина А. А. Взаимосвязь уровня развития эмоционального интеллекта и выбора стратегии поведения в конфликтных ситуациях // Преемственность в образовании. 2021. № 29 (8). С. 62–74.

3. Камболова М. Э. Влияние эмоционального интеллекта на психологическое благополучие личности // Человеческий фактор: социальный психолог. 2020. № 1 (39). С. 350–356.

УДК 159.9

Сайыт Чингизович Дуюгбан
1-й курс, напр. «Юриспруденция», Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Пермь, Россия, Duyugban2007@bk.ru
Научный руководитель: М. Ю. Смирнова, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КАК ОДИН ИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ СРЕДЫ

Аннотация. В статье рассматривается профессиональное общение сотрудников уголовно-исполнительной системы в контексте их взаимодействия как с коллегами, так и с осуждёнными. Формирование и развитие личности происходит в процессе коммуникации с окружающими, в результате передачи информации с помощью средств общения. Специфика профессионального общения заключается в решении сложных, конфликтных вопросов, необходимости находиться в состоянии «готовности действовать», нести ответственность за свои действия, обеспечивая тем самым безопасность себе и коллегам.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; профессиональное общение; эмоциональная устойчивость; конфликтные ситуации; коммуникативные качества; адаптация сотрудников

Sayit Ch. Duyugban
Student of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia, Duyugban2007@bk.ru
Supervisor: M. Yu. Smirnova, Senior Lecturer of the Department of State and Socio-Economic Disciplines

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF PROFESSIONAL INTERACTION OF PENITENTIARY OFFICERS AS AN INDICATOR OF ENVIRONMENTAL SAFETY

Abstract. This article discusses the professional communication of employees in the penal system and involves interaction with both employees and convicts. Personality formation and development occur through interaction with

others and the transmission of information through communication channels. The specifics of professional communication are solving complex and conflict-ridden issues, being in a state of “readiness to act”, and taking responsibility for one's actions, thereby ensuring the safety of oneself and colleagues.

Keywords: penal system; professional communication; emotional stability; conflict situations; communicative skills; and employee adaptation

Служба в уголовно-исполнительной системе (далее – УИС), характеризующаяся изоляцией, огромной ответственностью и непрерывным эмоциональным напряжением, накладывает особый отпечаток на психику сотрудников. Им приходится ежедневно сталкиваться с агрессивными и деструктивными осуждёнными, что требует от них исключительных навыков поведенческого контроля. В условиях постоянной потенциальной угрозы способность к эффективному взаимодействию внутри коллектива – развитые коммуникативные, лидерские, волевые и профессиональные качества – перестаёт быть просто чертой личности, превращаясь в фундамент безопасности. Мониторинг внутриколлективного общения позволяет своевременно выявлять и корректировать негативные тенденции, поскольку слаженность команды напрямую определяет успешность выполнения задач. Разногласия и отсутствие взаимопонимания между звеньями управления или подразделениями пагубно сказываются на качестве работы. Проблема адаптации новых сотрудников, связанная с высокой текучестью кадров, диктует необходимость разработки эффективных программ, таких как наставничество и специализированные формы профессионального общения, учитывающие специфику пенитенциарной среды.

В качестве одной из ведущих целей «Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года» представлено «формирование стабильного высокопрофессионального кадрового состава». В соответствии с приказом Министерства юстиции РФ от 30 декабря 2022 г. № 948 «Об утверждении концепции воспитательной работы с работниками уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» реализация представленной цели предполагает «приобщение работников к традициям и ценностям профессионального сообщества правоохранительных органов, нормам корпоративной этики и культуры» [1, с. 172].

Приоритетной задачей является обучение персонала навыкам конструктивного общения в стрессовых и конфликтных ситуациях, а также умению выстраивать позитивные отношения с различными категориями граждан. Эмоциональная устойчивость, твёрдость характера, способность к установлению психологического контакта, принятию ответственных решений, преодолению трудностей, а также умение конструктивно разрешать конфликты и противостоять негативному влиянию – вот неотъемлемые составляющие успешной профессиональной деятельности сотрудника УИС. Развитие у специалиста навыков бесконфликтного общения и самоконтроля является залогом его профессиональной компетентности [2]. Враждебность, агрессивность и цинизм, которые являются психологическими особенностями личности сотрудника, могут стать причиной возникновения трудностей в профессиональном взаимодействии по причине возможных негативных последствий. Данные характеристики могут возникнуть в результате сильной утомляемости ввиду загруженности сотрудника в ходе выполнения им своих профессиональных обязанностей.

Сотрудник уголовно-исполнительной системы ввиду специфичности служебной нагрузки постоянно является участником профессионального взаимодействия [2]. Для него важно не только непосредственное исполнение обязанностей, но и установление положительных контактов с разными категориями осуждённых и коллегами. Так, отрицательные эмоции и чувства, граничащие со враждебностью, могут возникнуть ввиду сильного психотравмирующего события или накопительного воздействия негативных событий на личность сотрудника. В свящи с этим целесообразно проведение комплексной психологической работы с сотрудниками, направленной на повышение навыков профессионального взаимодействия, снижение уровня враждебности, обучение навыкам саморегуляции и формирование позитивного мышления. Эти навыки позволяют работнику объективно анализировать происходящее, принимать обоснованные решения и управлять своими эмоциями. Эмоциональная зрелость и сила воли сотрудника играют решающую роль в установлении психологического контакта и построении продуктивного взаимодействия как со спецконтингентом, так и с коллегами. К важным эмоционально-волевым качествам относятся способность сохранять спокойствие в стрессовых и конфликтных ситуациях, готовность брать на себя ответственность и активное стрем-

ление к решению проблем. Кроме того, для успешной работы сотруднику необходимо уметь эффективно улаживать конфликты, быть собранным и не поддаваться негативному воздействию, которое может исходить, например, от недовольного спецконтингента.

Примерно 60 % служебного времени большинство сотрудников исправительных учреждений отдают непосредственному общению с осуждёнными. От характера такого общения зависит нравственно-психологическая атмосфера в учреждении, состояние дисциплины и в конечном счёте качественное выполнение личным составом служебных задач [3, с. 45]. При этом сотруднику необходимо осознавать, что контингент осуждённых характеризуется разнообразием национальных, культурных особенностей, ценностей и традиций.

Профессиональное общение преследует различные цели, которые напрямую определяются текущей рабочей ситуацией и ее спецификой. Когда специалист успешно достигает поставленных задач в рамках служебных отношений, это свидетельствует о его компетентности. Для сотрудников уголовно-исполнительной системы коммуникация является основополагающим элементом их деятельности, имеющим информационную природу и охватывающим множество аспектов. Помимо прямого взаимодействия с осуждёнными, профессиональное общение включает налаживание и продуктивное использование связей с коллегами. Эффективные отношения между сотрудниками играют ключевую роль в разрешении споров, урегулировании конфликтов и поддержании служебной дисциплины и иерархии. Разнообразие типов взаимодействия включает общение с лицами, находящимися под стражей, а также между начальством и подчинёнными и между равными по должности сотрудниками. Взаимодействие в различных случаях может быть как непрерывным и систематическим, так и эпизодическим.

В процессе взаимодействия с окружающими возникают неординарные ситуации, требующие от сотрудника применения различных тактик: избегать конфликта, идти на противостояние, искать компромисс, сотрудничать или подстраиваться. Эти тактики помогают эффективно справляться с конфликтными ситуациями и сохранять ресурсы для достижения значимых целей. С точки зрения психологии навык профессионального общения формируется через освоение психологических инструментов. Творческое применение этих инструментов позволяет сотруднику выразить свою уникаль-

ность в процессе взаимодействия. Важнейшим аспектом является владение психотехникой общения. К основным принципам успешной коммуникации следует отнести:

– взаимопонимание – партнеры должны понимать друг друга, полностью осознавать контекст общения и его предмет, а также цели и потребности друг друга;

– уважение к интересам и чувствам коллег – деловая атмосфера во многом зависит от уважения к сослуживцам, умения отстаивать свою точку зрения и, при необходимости, идти на компромисс;

– целесообразность – общение должно быть уместным и лаконичным;

– правовую основу – взаимодействие с осуждёнными строго регламентировано законодательством, приказами и методическими рекомендациями, которые определяют правила общения со спецконтингентом.

Изучение профессионального взаимодействия остаётся важной задачей. Оно заключается в построении позитивных отношений с участниками процесса для достижения общих целей. Коммуникация является основным инструментом такого взаимодействия, позволяя обмениваться информацией, эмоциями и чувствами. Для сотрудников УИС владение навыками профессионального общения необходимо для принятия обоснованных решений, эффективного выполнения служебных обязанностей и оказания помощи лицам, отбывающим наказание.

Список источников

1. Смирнова М. Ю., Смирнов Д. О., Малолеткова А. В. Ценностно-смысловые ориентации курсантов ФСИН России // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Педагогика и психология». 2024. № 1 (66). С. 169–181.

2. Соболев Н. Г., Горач Н. Н., Психологические особенности профессионального взаимодействия сотрудников УИС // Прикладная психология и педагогика. 2024. Т. 9, № 3. С. 190–200. URL: https://naukaru.ru/en/nauka/article/84414/view (дата обращения: 03.04.2026).

3. Даниличева Т. П. Коммуникативные навыки сотрудников УИС как фактор успешного профессионального развития // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2003. № 2 (20). С. 44–47.

УДК 159.9

Анастасия Алексеевна Заякина
2-й курс, направление «Психолого-педагогическое образование», Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия, apo-nastya@mail.ru
Научный руководитель: А. Ю. Калугин, канд. психол. наук, доцент, зав. кафедрой теоретической и прикладной психологии

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОТНОШЕНИЯ К СМЕРТИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ СО СТИЛЯМИ РОДИТЕЛЬСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Аннотация. В статье представлены результаты корреляционного анализа отношения к смерти в подростковом возрасте со стилями родительского воспитания. Установлено, что используемые стили воспитания влияют на формирование отношения подростков к смерти. Родительский интерес, поддержка, поощрение самостоятельности снижают уровень экзистенциальной тревоги и способствует формированию конструктивных взглядов. В противоположность этому, директивный стиль, враждебное отношение и непоследовательность родителей усиливают страхи и защитные реакции.

Ключевые слова: отношение к смерти; стили родительского воспитания; подростковый возраст

Anastasia A. Zayakina
Student of the Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, apo-nastya@mail.ru
Supervisor: A. Y. Kalugin, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Psychology

THE RELATIONSHIP BETWEEN ADOLESCENCE'S ATTITUDES TOWARDS DEATH AND PARENTING STYLES

Abstract. The paper presents the results of a correlation analysis of attitudes towards death in adolescence and parental parenting styles. It was found that the parenting styles used influence the formation of adolescents' attitudes towards death. Parental interest, support, and encouragement of independence reduce the level of existential anxiety and contribute to the development of constructive attitudes. In contrast, a directive style, hostile attitudes, and inconsistent parenting increase fears and defensive reactions.

Keywords: attitudes towards death; parental parenting styles; adolescence

Актуальность исследуемой проблемы заключается в том, что начиная с самого раннего возраста дети так или иначе сталкиваются с темой смерти: посредством сказок, песен, мультфильмов, СМИ и др. [1]. На формирующиеся в детстве взгляды на смерть может влиять социокультурный контекст, в котором происходит социализация детей. Социальные конструктивисты, опирающиеся на теорию Л. С. Выготского, предположили, что знание строится через связь между когнитивными и социальными элементами [2]. Подростковый возраст является критически важным этапом в жизни человека, в этот период происходят значительные психологические и физические изменения, формируются мировоззрение, идентичность и эмоциональные реакции, что делает подростков уязвимыми к различным страхам, включая страх смерти. Качество отношений между родителями и детьми оказывает значительное влияние на психологическое благополучие подростков. Непосредственная связь между поддержкой со стороны родителей и способностью подростков справляться с экзистенциальными страхами, такими как страх смерти, требует тщательного изучения.

Н. Н. Авдеева и Ю. А. Кочетова при изучении страхов у младших школьников установили, что к ключевым факторам, провоцирующим развитие страхов у младших школьников, относятся такие дисгармоничные типы детско-родительских отношений, как авторитарный стиль воспитания, проявляющийся в завышенных требованиях и тотальном контроле, а также эмоциональная холодность и высокий уровень напряжённости во взаимодействии [3].

Как отмечает И. Ялом, страх смерти «просыпается» у человека лишь в подростковом возрасте. До этого момента данная тема не вызывает у него особого беспокойства. Однако с вступлением во взрослую жизнь на первый план выходят более насущные задачи – необходимость построить карьеру и создать семью. Именно эти цели, по мнению психолога, вытесняют экзистенциальную тревогу на задний план [4].

Увеличение случаев психических расстройств среди подростков обусловливает необходимость изучения факторов, способствующих или препятствующих психологическому благополучию [5]. Понимание динамики детско-родительских отношений может помочь в разработке профилактических и коррекционных программ.

Таким образом, исследование детско-родительских отношений и страха смерти в подростковом возрасте является актуальным не

только с научной точки зрения, но и с практической, поскольку позволяет развивать эффективные подходы к поддержке подростков в их эмоциональном и психологическом развитии.

Научная новизна работы состоит в анализе взаимосвязей отношения к смерти в подростковом возрасте со стилями родительского воспитания.

Цель исследования – установить и проанализировать взаимосвязи отношения к смерти в подростковом возрасте со стилями родительского воспитания.

Материалы и методы. Опросник «Профиль аттитьюдов по отношению к смерти – переработанный» (DAP-R), разработанный П. Т. П. Вонгом, Г. Т. Рикером и Дж. Гессер (Wong et al., 1994), в адаптации Т. А. Гавриловой (2011); Шкала личностной тревожности для учащихся 10–16 лет, разработанная А. М. Прихожан (1983); методика «Подростки о родителях» (модификация «ADOR» Шафера) в адаптации Л. И. Вассерман, И. А. Горьковой, Е. Е. Ромициной, лаборатории клинической психологии Института им. Бехтерева (2000).

В исследовании приняли участие 150 человек в возрасте от 15 до 17 лет, из них 81 девочка и 69 мальчиков. Корреляционный анализ проводился с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Результаты исследования обрабатывались на персональном компьютере с помощью программы IBM SPSS STATISTICS 23.

Результаты и их обсуждение. Обнаружен ряд значимых корреляций, подтверждающих роль семейной среды в формировании экзистенциальных представлений и страхов.

Страх смерти положительно коррелирует с директивностью матери ($r = 0{,}274$, $p < 0{,}01$) и директивностью отца ($r = 0{,}252$, $p < 0{,}01$). Воспитание, построенное на жёстких требованиях и контроле, вероятно, способствует развитию повышенной тревожности и чувства незащищённости, которые затем находят выражение в страхе перед неконтролируемым финалом – смертью. Директивные родители часто транслируют ребёнку установку, что мир полон опасностей и требует постоянного контроля, что формирует базовое ощущение небезопасности. В то же время страх смерти отрицательно связан с автономностью матери ($r = –0{,}256$, $p < 0{,}01$): поощрение самостоятельности и независимости со стороны матери, напротив, снижает экзистенциальную тревогу, формируя базовое

доверие к миру и веру в собственные силы. Когда мать доверяет ребёнку и поддерживает его инициативу, у подростка складывается внутренний локус контроля – убеждение, что он способен влиять на события своей жизни, что снижает страх перед тем, что ему неподвластно.

Избегание темы смерти положительно связано с директивностью матери ($r = 0{,}263$, $p < 0{,}01$), враждебностью матери ($r = 0{,}210$, $p < 0{,}01$) и директивностью отца ($r = 0{,}183$, $p < 0{,}05$). Жёсткий контроль и враждебность в семье усиливают защитное избегание экзистенциальных тем: чем более травмирующей является семейная атмосфера, тем сильнее стремление не касаться вопросов жизни и смерти. Это может быть связано с тем, что в условиях хронического стресса психика подростка перегружена переживаниями, связанными с семьёй, и у неё просто не остаётся ресурсов для осмысления дополнительных пугающих тем. Кроме того, избегание может выступать как генерализованная стратегия совладания, перенесённая с семейных конфликтов на любые потенциально тревожные вопросы.

Нейтральное принятие смерти отрицательно коррелирует с враждебностью отца ($r = –0{,}269$, $p < 0{,}01$) и его непоследовательностью ($r = –0{,}209$, $p < 0{,}05$). Спокойное, рациональное отношение к смерти менее характерно для тех, кто сталкивался с отвержением и непредсказуемым поведением отца, что может быть связано с разрушением ощущения стабильности мира, необходимого для формирования нейтрально-философского взгляда на смерть. Если отец ведёт себя враждебно и непредсказуемо, у подростка не складывается базовое доверие к миру как к упорядоченной, понятной системе. В таком случае смерть воспринимается не как естественный этап жизни, а как ещё одно проявление враждебного, непредсказуемого мира, что не позволяет сформировать к ней спокойное, нейтральное отношение.

Приближающее принятие (вера в лучшее продолжение) положительно коррелирует с позитивным интересом матери ($r = 0{,}313$, $p < 0{,}01$) и отца ($r = 0{,}345$, $p < 0{,}01$). Тёплые, поддерживающие отношения с родителями закладывают основу оптимистичного мировоззрения и надежды на позитивное будущее, что экстраполируется и на представления о смерти. Родительская любовь создаёт «базовую уверенность», которая позволяет подростку смотреть в будущее без страха, распространяя это доверие и на представления о

том, что ждёт его после смерти. В то же время данный тип принятия отрицательно связан с враждебностью отца ($r = –0,431$, $p < 0,01$), его непоследовательностью ($r = –0,281$, $p < 0,01$) и Директивностью ($r = –0,272$, $p < 0,01$), что подчёркивает негативное влияние деструктивных отцовских стратегий на формирование позитивных экзистенциальных установок. Отцовская враждебность, непредсказуемость и жёсткий контроль разрушают образ мира как безопасного места, в котором возможен «хороший» исход, включая посмертное существование.

Избавляющее принятие (восприятие смерти как освобождения от страданий) положительно коррелирует с позитивным интересом матери ($r = 0,221$, $p < 0,01$) и отрицательно – с враждебностью отца ($r = –0,335$, $p < 0,01$). Представление о смерти-избавлении может формироваться в условиях материнской теплоты, но при отсутствии отцовской враждебности. Материнское тепло создаёт ощущение защищённости, на фоне которого мысль о смерти как об освобождении не кажется угрожающей, а, скорее, отражает некоторую усталость или романтизацию покоя. Враждебность отца, напротив, делает мир воспринимаемым как источник угрозы, и смерть в таком контексте не может восприниматься как желанное избавление – скорее, она сама становится одной из угроз. Кроме того, отсутствие отцовской враждебности, вероятно, необходимо для того, чтобы позитивный интерес матери мог реализоваться в формировании такой установки, не будучи нивелирован деструктивным отцовским влиянием.

Выводы. Таким образом, стиль воспитания оказывает значительное влияние на формирование отношения к смерти у подростков. Поддержка, автономность и позитивный интерес родителей способствуют снижению экзистенциальной тревоги и формированию конструктивных установок, в то время как директивность, враждебность и непоследовательность усиливают страхи и защитные реакции.

Данные нашего исследования могут способствовать дальнейшему изучению взаимосвязей отношения к смерти в подростковом возрасте со стилями родительского воспитания. Установленные корреляции между стилями семейного воспитания и страхом смерти у подростков определяют ключевые направления превентивной работы. Коррекция детско-родительских отношений должна быть направлена на гармонизацию семейной среды, что позволит снизить уровень экзистенциальной тревоги, укрепить психическое здоровье и обеспечить эмоциональное благополучие подростков.

Список источников

1. Психическое здоровье подростков // ВОЗ. 2025. URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/adolescent-mental-health (дата обращения: 14.04.2026).

2. Сиврикова Н. В., Лукичева Е. А. Восприятие смерти: динамика в детском возрасте // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2022. № 11. С. 72–80. DOI: 10.24412/2712-827X-2022-11-72-80

3. Авдеева Н. Н., Кочетова Ю. А. Влияние стиля детско-родительских отношений на возникновение страхов у детей // Психологическая наука и образование, 2008. Т. 13, № 4. С. 35–47.

4. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М. : Класс, 2014. 576 с.

5. Yang S., Park S. A Sociocultural Approach to Children's Perceptions of Death and Loss // OMEGA – Journal of Death and Dying, 2017. Vol. 76 (1). P. 53–77.

УДК 159.9

Мадинабону Рахматилла кизи Каримжонова
3-й курс, напр. «Психология», Ферганский государственный университет, Фергана, Узбекистан, myuldasheva229@gmail.com
Научный руководитель: М. Б. Юлдашева, доктор философии по психологическим наукам PhD, доцент кафедры психологии, SPIN-код: 7771-1356, https://orcid.org/0000-0002-4624-7039,

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В МАЛЫХ ГРУППАХ

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые психологические факторы, влияющие на процесс принятия решений в малых группах. Анализируются когнитивные, социально-психологические и эмоциональные аспекты группового взаимодействия, включая феномены группового мышления, конформизма, лидерства и межличностного доверия. Особое внимание уделяется влиянию структуры группы и коммуникативных процессов на качество принимаемых решений. Результаты исследования могут быть применены в организационной психологии, менеджменте и социальной практике.

Ключевые слова: малые группы; принятие решений; групповая динамика; конформизм; лидерство; групповое мышление; психологические факторы

Madinabonu Rakhmatilla kizi Karimjonova
Student of the Fergana State University, Fergana, Uzbekistan
myuldasheva229@gmail.com
Supervisor: M. B. Yuldasheva, PhD in Psychological Sciences, Associate Professor at the Department of Psychology, SPIN-code: 7771-1356, https://orcid.org/0000-0002-4624-7039,

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF DECISION-MAKING IN SMALL GROUPS

Abstract. The article examines the key psychological factors influencing the decision-making process in small groups. It analyzes cognitive, socio-psychological, and emotional aspects of group interaction, including the phenomena of groupthink, conformity, leadership, and interpersonal trust. Particular attention is paid to the influence of group structure and communication proc-

esses on the quality of decisions made. The results of the study can be applied in organizational psychology, management, and social practice.
Keywords: small groups; decision-making; group dynamics; conformity; leadership; groupthink; psychological factors

Принятие решений в малых группах является важной областью исследований в социальной психологии и организационном поведении. В условиях усложняющихся социальных и профессиональных взаимодействий эффективность групповых решений становится критически значимой. Малые группы обладают потенциалом для более качественного анализа информации и генерации альтернатив, однако процессы принятия решений в них также подвержены ряду психологических искажений [1].

Цель работы – выявить и систематизировать основные психологические факторы, влияющие на процесс принятия решений в малых группах.

Малая группа определяется как относительно небольшое объединение людей (обычно от 2 до 15 человек), взаимодействующих друг с другом и объединённых общей целью [2]. Процесс принятия решений в таких группах носит комплексный характер и зависит от множества факторов.

1. *Когнитивные факторы* – индивидуальные особенности мышления участников, уровень компетентности, когнитивные искажения (например, эффект якоря, подтверждающий предвзятое мышление) – существенно влияют на итоговое решение [3].

2. *Социально-психологические факторы.* Конформизм – это склонность участников соглашаться с мнением большинства, даже если оно противоречит их собственным убеждениям.

Групповое мышление – стремление к консенсусу, которое приводит к игнорированию альтернативных точек зрения и снижению критического анализа.

Социальная леность – уменьшение индивидуального вклада в коллективную деятельность [4].

3. *Эмоциональные факторы.* Эмоциональный фон группы, уровень стресса и межличностные отношения могут усиливать или ослаблять рациональность решений.

Лидер играет ключевую роль в организации процесса обсуждения и выборе стратегии принятия решений. Авторитарный стиль может ускорять процесс, но снижает качество решений за счёт по-

давления альтернативных мнений. Демократический стиль способствует вовлечению участников и более глубокому анализу, однако требует больше времени.

Эффективный лидер способен стимулировать открытую дискуссию, предотвращать доминирование отдельных участников, снижать влияние когнитивных искажений [1].

Качество коммуникации является определяющим фактором эффективности групповых решений. Открытая и доверительная атмосфера способствует обмену информацией и снижает вероятность ошибок.

Структурные характеристики группы также играют важную роль. К ним относятся размер группы, уровень сплочённости, распределение ролей, степень формализации взаимодействий. Оптимальный размер группы обеспечивает баланс между разнообразием мнений и управляемостью процесса.

Для повышения качества решений в малых группах рекомендуется:

– поощрять критическое мышление и альтернативные точки зрения;

– использовать метод «адвоката дьявола»;

– разделять процесс генерации идей и их оценки;

– обеспечивать разнообразие участников (по опыту, знаниям, взглядам);

– применять структурированные методы (например, мозговой штурм, метод Дельфи).

Несмотря на преимущества группового принятия решений (синергия, более широкий спектр информации и т. д.), существуют значительные риски, связанные с психологическими искажениями. Групповое мышление остаётся одной из наиболее опасных форм искажения, особенно в условиях высокой сплочённости и давления на достижение консенсуса.

Современные исследования подчеркивают важность метакогнитивных навыков и рефлексии в группах, что позволяет участникам осознавать собственные когнитивные ограничения [3].

Психологические факторы играют решающую роль в процессе принятия решений в малых группах. Их влияние может как повышать, так и снижать качество принимаемых решений. Эффективное управление групповой динамикой, развитие критического мышления и создание благоприятной коммуникативной среды являются ключевыми условиями повышения результативности групповой деятельности.

Проведённый теоретический анализ показал, что процесс принятия решений в малых группах представляет собой сложное, многокомпонентное явление, в котором переплетаются когнитивные, социально-психологические и эмоциональные факторы. Эффективность групповых решений во многом определяется не только уровнем компетентности участников, но и особенностями их взаимодействия, степенью открытости коммуникации и характером внутригрупповых отношений.

Установлено, что такие явления, как конформизм и групповое мышление, способны существенно снижать качество принимаемых решений за счёт подавления альтернативных мнений и критического анализа. В то же время наличие разнообразия точек зрения, развитых навыков аргументации и рефлексии способствует более взвешенному и обоснованному выбору. Существенную роль играет и лидерство: стиль управления группой может как усиливать, так и нивелировать влияние психологических искажений.

Отдельное значение имеет эмоциональный климат в группе, который влияет на уровень доверия, вовлечённости и готовности участников к открытому обмену мнениями. Благоприятная психологическая атмосфера способствует более продуктивному взаимодействию и повышает качество коллективных решений.

Таким образом, для повышения эффективности принятия решений в малых группах необходимо учитывать совокупность психологических факторов, а также целенаправленно формировать условия, способствующие конструктивной коммуникации и критическому мышлению. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных выводов в управленческой, образовательной и организационной деятельности. Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирическим изучением влияния отдельных факторов на результативность групповых решений, а также с разработкой и апробацией методов оптимизации групповой динамики в различных профессиональных контекстах.

Список источников

1. Андреева Г. М. Социальная психология : учебник для высших учебных заведений. 5-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2009. 363 с.

2. Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М. Социальная психология малой группы : учеб. пособие для вузов. М. : Аспект Пресс, 2001. 318 с.

3. Марарица Л. В. Когнитивные эффекты принятия решений в группе : автореф. дис. … канд. психол. наук. СПб., 2007. 24 с.

4. Юлдашева М. Б. Особенности проявления группового конформизма в студенческих группах // Ta’lim va innovatsion tadqiqotlar xalqaro ilmiy-metodik jurnal. 2025. № 10. P. 346–352. URL: https://interscience.uz/index.php/home/issue/view/87/266 (дата обращения: 15.04.2026).

УДК 159.9

Екатерина Александровна Кириллова
4-й курс, напр. «Психология», Прикамский социальный институт,
Пермь, Россия, friends-perm@yandex.ru
Научный руководитель: В. В. Пискунова, канд. мед. наук,
доцент кафедры психологии и педагогики,
https://orcid.org/0000-0002-1956-4549

РОЛЬ ГРУППОВОЙ СПЛОЧЁННОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА СТУПЕНИ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблема адаптации обучающихся первого курса системы среднего профессионального образования. Проведенное исследование опирается на теории формирования мотивации к обучению, как в отечественной, так и в зарубежной социальной психологии, а также на концепции групповой сплочённости. Цель исследования – изучить взаимосвязь групповой сплочённости и мотивации учебной деятельности обучающихся первого курса. На эмпирическом материале доказывается, что групповая сплочённость выступает не просто фоном образовательного процесса, а значимым ресурсом, напрямую влияющим на познавательную и социальную мотивации обучающихся. Предложены практические рекомендации по оптимизации воспитательной работы в студенческих группах.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование; групповая сплоченность; учебная мотивация; познавательная мотивация; социальная мотивация; студенческая группа; адаптация первокурсников

Ekaterina A. Kirillova
Student of the Prikamsky Social Institute, Perm, Russia,
friends-perm@yandex.ru
Supervisor: V. V. Piskunova, Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor

THE ROLE OF GROUP COHESION IN FORMING LEARNING MOTIVATION OF FIRST-YEAR STUDENTS OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION

Abstract. The article examines the problem of adaptation of first-year students in the system of secondary vocational education (SVE). The conducted research relies on theories of learning motivation formation in both domestic and foreign social psychology, as well as on concepts of group cohesion. The purpose of the study is to examine the relationship between group cohesion and learning motivation of first-year SVE students. Empirical evidence demonstrates that group cohesion acts not merely as a background of the educational process, but as a significant resource directly influencing students' cognitive and social motivation. Practical recommendations for optimizing educational work in student groups are proposed.

Keywords: secondary vocational education; group cohesion; academic motivation; cognitive motivation; social motivation; student group; first-year students' adaptation

Актуальность исследования обусловлена вызовами, с которыми сталкивается система среднего профессионального образования (далее – СПО), требующими глубокого анализа и выработки эффективных стратегий развития. Современный рынок труда предъявляет жёсткий запрос на подготовку не просто исполнителей, а специалистов, способных гибко применять знания на практике. Задачи повышения качества подготовки кадров, а также необходимость учёта того, что учебная мотивация и социально-психологический климат группы напрямую влияют на адаптацию и успеваемость первокурсников, закреплены в ряде профильных нормативных актов[1].

Реализация обозначенных задач невозможна без создания условий для становления устойчивой учебной мотивации. В современных психолого-педагогических исследованиях всё чаще поднимается вопрос о роли групповой динамики в формировании мотивационной сферы обучающихся. В частности, А. В. Говорина, Е. А. Заривная и П. И. Диденко подтверждают значимость изучения сплочённости студенческой группы как фактора, непосредственно влияющего на мотивацию к обучению [1].

Теоретическую основу исследования составили концепция групповой сплочённости Л. Фестингера и деятельностный подход к изучению учебной мотивации Л. И. Божович. Как отмечает Г. М. Андреева, в рамках концепции Л. Фестингера групповая сплочённость трактуется как совокупность факторов, способствующих сохранению членства индивидов в группе [2, с. 212]. Дан-

[1] Распоряжение Минпросвещения РФ от 30.04.2021 № Р-98; письмо Минобрнауки России от 06.12.2023 № МН-11/5565; распоряжение Минпросвещения России от 28.12.2020 № Р-193. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ные факторы могут проявляться в виде эмоциональной привлекательности коллектива для отдельного обучающегося или степени его удовлетворённости пребыванием в учебной группе. Применительно к студенческой группе первого курса СПО это позволяет рассматривать сплочённость как фактор, напрямую влияющий на учебную мотивацию через механизмы эмоциональной привлекательности коллектива и удовлетворённости образовательной средой.

Опираясь на концепцию Л. И. Божович, Д. В. Каширский дифференцирует учебные мотивы на две категории. Первая – мотивы, связанные с содержанием образовательного процесса: стремление к освоению нового знания, развитие интеллектуальных способностей. Вторая – мотивы, обусловленные социальным контекстом: потребность во взаимодействии с одногруппниками, стремление к признанию в учебном коллективе, желание занять определённую позицию в системе межличностных отношений [3, с. 30]. Обе группы мотивов рассматриваются как необходимые для успешной учебной деятельности. Таким образом, теоретический анализ позволяет предположить, что групповая сплочённость, влияя на социальную мотивацию обучающихся, может опосредованно стимулировать и их познавательную активность, что и составляет предмет эмпирической проверки в данном исследовании.

Опираясь на рассмотренные теоретические положения, мы выдвинули рабочую гипотезу: уровень внутригрупповой сплочённости находится в прямой статистически значимой взаимосвязи с показателями познавательной и социальной мотивации. Эмпирическая проверка данного предположения и составила основную задачу проведённого исследования.

Эмпирическое исследование проводилось на базе двух образовательных организаций г. Перми: АНО ПО «Пермский гуманитарно-технологический колледж» и техникума Пермского института (филиала) ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова». В исследовании приняли участие 80 студентов первого курса (23 юноши и 57 девушек) в возрасте 15–16 лет, обучающихся по семи специальностям: «Юриспруденция», «Информационные системы и программирование», «Информационно-коммуникационные технологии», «Экономика и бухгалтерский учет», «Реклама», «Дизайн» и «Поварское и кондитерское дело».

Для эмпирического исследования применялся комплекс психодиагностических методик: индекс групповой сплочённости К. Э. Сишора [4, с. 179–180] для оценки уровня сплочённости

группы обучающихся; опросник И. С. Домбровской «Мотивация учебной деятельности» в адаптации Д. В. Каширского (2020) [3, с. 133–142] для выявления уровней познавательной и социальной мотиваций. Статистическая обработка полученных данных включала расчёт коэффициента ранговой корреляции Спирмена для выявления взаимосвязей между изучаемыми параметрами.

Анализ результатов показал, что адаптация в большинстве обследованных групп проходит относительно успешно: 89 % респондентов продемонстрировали высокий (46 %) и выше среднего (43 %) уровень групповой сплоченности. Лишь у 11 % обучающихся зафиксирован средний показатель, что, вероятно, связано с незавершенностью процессов группообразования на первом курсе.

Распределение мотивационных сфер оказалось схожим. Высокий уровень познавательной мотивации выявлен у 38 % обучающихся, средний – у 50 %. Социальная мотивация также преобладает: 42 % обучающихся имеют высокие показатели, 45 % – средние. Низкие значения по обоим параметрам зафиксированы примерно у 12–13 % респондентов, что сигнализирует о группе риска, требующей индивидуального психолого-педагогического сопровождения.

Наиболее значимым этапом работы стал расчёт корреляций. Статистический анализ подтвердил выдвинутую гипотезу: обнаружены умеренные прямые связи на уровне значимости $p \leq 0{,}01$.

Коэффициент корреляции между групповой сплочённостью и познавательной мотивацией составил $rs = 0{,}380$. Связь сплочённости с социальной мотивацией оказалась чуть менее выраженной, но также достоверной ($rs = 0{,}340$).

Анализ эмпирических данных позволяет констатировать: в сплочённом коллективе стремление к социальному одобрению успешно трансформируется в готовность обучающихся совместно осваивать учебный материал. Обучающиеся таких групп демонстрируют более высокую посещаемость и склонность к взаимопомощи, что выступает действенным фактором профилактики академической дезадаптации.

Практическая ценность работы состоит в обосновании групповой сплочённости в качестве управляемого педагогического ресурса. С опорой на полученные результаты нами сформулирован пакет практических рекомендаций. В период первичной адаптации (осенний семестр) целесообразно проведение социально-психологических тренингов, ориентированных на становление коллектива, а

также запуск системы наставничества с привлечением обучающихся старших курсов. Образовательный процесс рекомендуется насыщать формами проектной и командной деятельности. Педагогам и психологам следует осуществлять систематический мониторинг микроклимата в группах, а также оказывать адресную поддержку обучающимся из группы риска, испытывающим дефицит мотивации и сложности в социальном взаимодействии.

Резюмируя изложенное, можно утверждать, что эмпирическая проверка полностью подтвердила исходную гипотезу: групповая сплочённость является мощным образовательным ресурсом, имеющим статистически значимую связь с познавательной и социальной мотивацией. Инвестиции в создание сплочённого студенческого коллектива со стороны администрации колледжей, кураторов и психологов закономерно приводят к росту общей успеваемости, минимизации рисков дезадаптации первокурсников и становлению устойчивой внутренней мотивации к освоению профессии.

Список источников

1. Говорина А. В., Заривная Е. А., Диденко П. И Исследование. взаимосвязи сплоченности студенческой группы и мотивации к обучению // International Journal of Medicine and Psychology. 2022. Vol. 5, № 7. С. 104–110. EDN GMBVUK.

2. Андреева Г. М. Социальная психология : учебник для высших учебных заведений М. : Аспект Пресс, 2000. 376 с.

3. Каширский Д. В. Мотивация учебной деятельности и трудности в обучении учащихся профильных и предпрофильных классов. М. : Белый ветер, 2020. 158 с. EDN GFNTDK.

4. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2005. 490 с.

УДК 159.9

Александра Алексеевна Костарева
4-й курс, напр. «Психология», Прикамский социальный институт, Пермь, Россия, kostareva.alexandera@yandex.ru
Научный руководитель: Г. В. Буянова, канд. пед. наук, доцент кафедры психологии и педагогики, SPIN-код: 8331-4193, AuthorID: 688657, https://orcid.org/0000-0003-4199-2176, Scopus ID 57207942113

ТРАНСФОРМАЦИЯ КАРТИНЫ МИРА И АДАПТАЦИЯ КОМБАТАНТОВ В ПОСТБОЕВОЙ ПЕРИОД

Аннотация. В статье исследуется процесс трансформации картины мира у комбатантов как ключевой фактор их адаптации в послевоенный период. Проанализированы психологические, социальные и когнитивные механизмы, лежащие в основе переосмысления ценностей, установок и представлений о себе и окружающем мире после участия в боевых действиях. Особое внимание уделяется влиянию боевого опыта на формирование новых смысловых ориентиров, а также на возникновение трудностей реинтеграции в мирное общество, в том числе такого феномена, как посттравматическое стрессовое расстройство.

Ключевые слова: комбатанты; адаптация; картина мира; трансформация мировоззрения; постбоевой период; реинтеграция; психологическая поддержка

Alexandra A. Kostareva
Student of the Prikamsky Social Institute, Perm, Russia, kostareva.alexandera@yandex.ru
Supervisor: G. V. Buyanova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor at the Department of Psychology and Pedagogy

TRANSFORMATION OF THE WORLD PICTURE AND ADAPTATION OF COMBATANTS IN THE POST-BATTLE PERIOD

Abstract. The article examines the process of transforming the worldview of combatants as a key factor in their adaptation during the post-war period. The psychological, social, and cognitive mechanisms underlying the re-evaluation of

values, attitudes, and perceptions of oneself and the surrounding world after participating in combat operations are analysed. Special attention is paid to the influence of combat experience on the formation of new semantic reference points, as well as on the emergence of difficulties in reintegration into peaceful society, including such a phenomenon as post-traumatic stress disorder.

Keywords: combatants; adaptation; worldview; transformation of worldview; post-combat period; reintegration; psychological support

Современные глобальные события актуализируют проблематику анализа их долгосрочных социально-исторических последствий. В фокусе исследовательского внимания – ситуация, складывающаяся на территории Украины и в приграничных регионах, обладающая особой значимостью с точки зрения гуманитарных и социально-психологических эффектов. Проводимая специальная военная операция оказала масштабное воздействие на жизненные траектории значительного числа семей, обусловив необратимые трансформации в их социальном и экзистенциальном статусе.

Особый научный интерес представляет изучение положения непосредственных участников специальной военной операции – лиц, вовлечённых в непосредственные боевые действия и на постоянной основе подвергавшихся витальным рискам. Данная категория граждан, реализующая задачу по обеспечению суверенитета государства, продолжает выполнять возложенные на нее функции, что обусловливает необходимость комплексного осмысления связанных с этим социально-психологических, правовых и адаптационных вызовов.

Перспектива увеличения числа обращений граждан по указанной проблематике к профильным специалистам обусловлена поэтапным возвращением комбатантов из зоны боевых действий и, как ожидается, продемонстрирует существенный рост непосредственно по завершении специальной военной операции. Согласно экспертной оценке К. А. Истомина, первого заместителя генерального директора АНО «Диалог Регионы», военно-социальная тематика обладает потенциалом войти в тройку наиболее востребованных общественных тем – наряду с вопросами жилищно-коммунального хозяйства и состояния дорожной инфраструктуры. При этом данная тематика характеризуется повышенной социальной чувствительностью: реакция общества будет во многом определяться адекватностью принимаемых решений и качеством коммуникационного взаимодействия со стороны компетентных специалистов [1].

Цель теоретического обзора заключается в анализе вероятных психологических последствий, возникающих у комбатантов в постбоевой период при реинтеграции в мирную жизнь, с акцентом на трансформацию когнитивно-перцептивных процессов, поведенческих паттернов и общего психофизиологического состояния.

Для реализации поставленной цели требуется последовательное решение ряда исследовательских задач.

1. Провести сравнительный анализ структуры и содержательных характеристик картины мира комбатанта и мирного жителя, выявив ключевые детерминанты расхождений в их мировоззренческих установках.

2. Изучить комплекс социально-психологических, институциональных и средовых условий, определяющих успешность адаптации комбатантов к реалиям мирного существования в постконфликтный период.

В широком контексте картина мира трактуется как интегративное, во многом интуитивное представление индивида о реальности, формирующееся на базе его уникального жизненного опыта, накопленных знаний и ценностно-смысловых ориентиров. Она включает в себя представления личности о собственной идентичности, о других людях, а также о фундаментальных параметрах и границах окружающего мира.

Генезис понятия «картина мира» восходит к философским и религиозным концепциям, а в последующем оно получило развернутую интерпретацию в рамках ряда научных дисциплин, в частности, психологии, социологии и педагогики. Структура индивидуальной картины мира конституируется через взаимодействие когнитивных процессов познания, системы личностных ценностей и практической деятельности субъекта. Соответственно, любое взаимодействие личности с окружающей действительностью подвергается осмыслению и интерпретации сквозь призму индивидуального мироощущения, что определяет уникальность и субъективную обусловленность восприятия реальности [2].

Восприятие как когнитивно-сенсорный процесс неразрывно связано с ощущением и опосредовано индивидуальным опытом субъекта: отражение объективной реальности осуществляется сквозь призму субъективных чувственных данных, аккумулированных в ходе жизнедеятельности личности. В перцептивной деятельности задействована совокупность сенсорных модальностей (зрительной,

слуховой, тактильной, обонятельной и вкусовой), что обеспечивает многомерное конструирование образа окружающего мира. Таким образом, восприятие представляет собой не пассивную регистрацию стимулов, а активный процесс интерпретации внешних воздействий на основе уже сформированных когнитивных схем.

Поведение (в широком смысле – деятельность) выступает как динамическая форма взаимодействия индивида с окружающей средой, выражающая его отношение к действительности. Оно проявляется в реакциях на внешние и внутренние стимулы, в способах удовлетворения потребностей, а также в механизмах адаптации к изменяющимся условиям [3]. Существенную роль в детерминации поведенческих реакций играют копинг-стратегии – осознанные и неосознанные способы совладания со стрессом, которые складываются в течение жизни под влиянием приобретенного опыта и индивидуально-психологических особенностей личности. В контексте адаптации военнослужащих именно сформированный набор копинг-механизмов определяет характер поведенческих ответов на стрессовые воздействия и влияет на эффективность приспособления к новым условиям. Осознанный выбор адаптивных копинг-стратегий способствует снижению психоэмоционального напряжения и оптимизации поведенческой регуляции в кризисных ситуациях [4].

Не менее значимым психофизиологическим компонентом психической регуляции являются эмоции – динамические реакции на внешние и внутренние стимулы, имеющие как субъективное (переживательное), так и объективное (физиологическое) измерение. Кратковременные стимулы способны инициировать комплекс вегетативных и соматических изменений: модуляцию частоты сердечных сокращений и ритма дыхания, перераспределение периферического кровотока (проявляющееся в изменении окраски кожных покровов), а также трансформацию экспрессивных компонентов поведения, в частности мимики и пантомимики. Эмоциональная сфера выполняет сигнальную функцию, обеспечивая быструю оценку значимости событий для благополучия индивида; в частности, эмоции страха или тревоги актуализируют реакции, направленные на распознавание и нейтрализацию потенциальной угрозы [5].

В условиях боевой деятельности и в постбоевой период эмоциональная регуляция приобретает особую значимость, поскольку от её устойчивости зависит способность личности к когнитивному контролю, социальной адаптации и сохранению психологического равновесия [6].

Таким образом, формирование целостной картины мира определяется комплексом взаимосвязанных факторов: врожденными физиологическими особенностями индивида, накопленным жизненным опытом, актуальным психологическим состоянием, системой ценностно-смысловых ориентиров, а также спецификой конкретной жизненной ситуации. Совокупность этих детерминант обусловливает специфику когнитивно-эмоционально-поведенческих реакций личности в различных контекстах.

На основании ключевых понятий представляется возможным провести сравнительный анализ картины мира среднестатистического мирного жителя и лица, выполнявшего боевые задачи непосредственно на линии военных действий. Дифференциация осуществляется по трем базовым параметрам – особенностям восприятия, поведенческим стратегиям и эмоциональной регуляции.

В условиях мирной повседневности когнитивная модель реальности у гражданского лица характеризуется относительной предсказуемостью и структурированностью: повседневные задачи имеют понятный алгоритм решения, а при возникновении дискомфорта субъект обладает возможностью пространственно-социальной дистанции (например, покинуть некомфортную среду или ограничить контакт со стрессогенными агентами). В случае необходимости индивид может прибегнуть к социальным формам поддержки (медицинская, психологическая помощь), а также опираться на ресурсы социального окружения. Восприятие мира в данном контексте базируется на базовых установках безопасности и доверия к окружающей среде; субъект способен осознанно регулировать собственное поведение, применять адаптивные копинг-стратегии и полноценно проживать весь спектр эмоциональных состояний без патологического искажения аффективной сферы.

У лиц, длительное время пребывавших в условиях экстремального стресса, обусловленного боевой обстановкой, наблюдается системная трансформация психической организации. Хроническое воздействие витальных угроз инициирует перестройку не только психологических, но и физиологических механизмов адаптации (нейрогуморальных и вегетативных регуляторных контуров). В этих условиях ранее сформированные копинг-стратегии утрачивают свою эффективность, что обусловливает выработку новых поведенческих паттернов, ориентированных преимущественно на обеспечение выживания и поддержание гомеостаза в условиях постоянной угрозы. Такая адаптация неиз-

бежно трансформирует когнитивно-перцептивные процессы: окружающая реальность начинает интерпретироваться через призму потенциальной опасности, а эмоциональная сфера подвергается модуляции в сторону подавления аффективных реакций как механизма снижения когнитивной нагрузки. Возрастающий уровень психофизиологического напряжения, хотя и выполняет защитную функцию, одновременно приводит к структурным изменениям личности, смещая баланс между адаптацией и дезадаптацией [4].

Психическая система человека, вернувшегося с территории военных действий в мирную среду, неспособна к мгновенному восстановлению: выработанные в экстремальных условиях поведенческие и когнитивные стратегии продолжают доминировать, что существенно снижает качество жизни комбатанта. Данный феномен лежит в основе формирования посттравматического стрессового расстройства (далее – ПТСР). Перенесенные психотравмирующие события обусловливают фиксацию личности на травматическом опыте, что проявляется в торможении дальнейшего психологического развития, снижении способности к ассимиляции нового опыта и угасании ряда когнитивных функций. Ресурсы нервной системы перераспределяются в пользу поддержания внутреннего равновесия и совладания с интрапсихическим напряжением, что происходит за счёт избегания вовлеченности в актуальные жизненные процессы. В результате значительная часть психической энергии расходуется не на продуктивную деятельность, а на нейтрализацию внутреннего хаоса, что существенно ограничивает адаптационный потенциал индивида в постбоевой период [7].

Следует подчеркнуть, что пребывание в экстремальных условиях не влечёт за собой обязательное формирование психологической травмы у каждого участника боевых действий. Еще З. Фрейд отмечал неоднородность реакций на идентичные травмирующие события: при сопоставимых обстоятельствах у одних военнослужащих не наблюдается патологических последствий, тогда как у других развивается невротическое расстройство [8; 9]. Данная вариативность обусловлена совокупностью биологических и социальных детерминант, среди которых особое место занимает возрастной фактор.

Многофакторная стрессогенность боевой обстановки, включающая непосредственную угрозу жизни, внезапные боевые столкновения, переживание гибели или ранения сослуживцев, необходимость применения насилия, высокая степень персональной от-

ветственности за исход боевых действий, пролонгированное пребывание в зоне риска, а также вынужденная разлука с близкими, оказывает интенсивное воздействие на регуляторные системы организма. Это приводит к гипермобилизации нервной системы и формированию устойчивых психофизиологических изменений, последствия которых требуют целенаправленной коррекционной работы специалистов в постбоевой период [10].

После возвращения к мирной жизни процесс реадаптации занимает, как правило, от трех до шести месяцев, в течение которых происходит постепенное привыкание к отсутствию непосредственной угрозы. На данном этапе типичными проявлениями выступают повышенная настороженность, избыточная осторожность, раздражительность, социальная замкнутость, а также склонность к употреблению алкоголя или фармакологических средств. Подобные поведенческие реакции представляют собой попытки совладания с постстрессовым напряжением и интеграции в гражданский контекст; при этом психическая система осуществляет осторожную перестройку, сохраняя элементы гипербдительности как защитную стратегию.

Критическим маркером риска развития ПТСР служит пролонгированность указанных симптомов свыше двенадцати месяцев либо их острая манифестация в первые три месяца после возвращения. В таких случаях физиологические и поведенческие реакции продолжают функционировать по принципу защиты от мнимой угрозы, что может сопровождаться формированием депрессивных и тревожных расстройств.

Динамику психоэмоционального состояния комбатанта целесообразно рассматривать в контексте стадий осмысления и принятия либо непринятия пережитого опыта. При этом поведенческие индикаторы не всегда достоверно отражают глубину травматизации, тогда как моральное состояние субъекта (вплоть до возникновения психосоматических симптомов и суицидальных интенций) может служить более чувствительным маркером наличия травмы. Особую клиническую значимость приобретает феномен чувства вины, который способен существенно усугублять психологическое неблагополучие военнослужащего.

К числу психосоматических проявлений, ассоциированных с боевой травмой, относят хроническую утомляемость, аутоиммунные патологии, фибромиалгию, а также злоупотребление психоактивными веществами [7]. Клиническая картина ПТСР нередко включает социальную изоляцию, избегание мест массового скоп-

ления людей, повышенная реакция на акустические или вкусовые стимулы, провоцирующие репереживания травматического опыта (флешбэки), эпизоды неконтролируемой агрессии и нарушения сна. Подобные симптомы способны инициировать межличностные конфликты и коммуникативные барьеры, что существенно осложняет социальную реинтеграцию комбатанта и препятствует восстановлению его адаптационного потенциала.

Таким образом, проведенный анализ демонстрирует, что трансформация картины мира комбатантов в постбоевой период обусловлена комплексом физиологических, психологических и социальных факторов и проявляется в изменениях восприятия реальности, поведенческих паттернов и эмоциональной регуляции: в отличие от мирного жителя, чья картина мира базируется на установках безопасности и доверия, у участника боевых действий формируется гипербдительность, трансформируются копинг-стратегии и искажается оценка угрозы, а возвращение в мирную среду сопряжено с длительным периодом реадаптации (3–6 месяцев) и риском развития ПТСР, депрессии и иных тревожных расстройств. Индивидуальная уязвимость к травме детерминирована в том числе возрастными и биопсихосоциальными характеристиками, а сохраняющиеся свыше года дезадаптивные реакции, включая психосоматические и суицидальные проявления, свидетельствуют о необходимости системной психологической и социальной поддержки комбатантов для их эффективной реинтеграции в общество.

Список источников

1. Истомин К. А. Коммуникация как основа социальной стабильности // Слышать. Говорить. Помогать: обучающий курс // Диалог Регионы Про : онлайн-платформа. URL: https://edu.dialog-regions.ru/learning/courses/221 (дата обращения: 10.03.2026).

2. Сагитдинова Т. К. Понятие картины мира в контекстах различных наук // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 4 (17). С. 36–38.

3. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1975. 304 с.

4. Костарева А. А. Особенности копинг-стратегий военнослужащих контрактной службы, участвующих в специальной военной операции // Правовые, социально-экономические, психологические аспекты обеспечения национальной безопасности: материалы IX Всерос. с международным участием студ. науч.-практ. конф. Пермь, 2025. С. 343–350.

5. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб. : Питер, 2011. 752 с.
6. Пустовойт В. И., Удалов Ю. Д., Яковлева С. В. Психологическая работа со страхом у военнослужащих в условиях повышенного риска : учеб. пособие. М.: ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А. И. Бурназяна ФМБА России, 2026. 112 с.
7. Ван дер Колк Б. Тело помнит все. М. : БОМБОРА, 2025. 560 с.
8. Фрейд З., Брейер Й. Исследования истерии // International Federation of Psychoanalysis. URL: https://ifp-world.com/ru/library/issledovaniya-isterii/ (дата обращения: 12.03.2026).
9. Фрейд З. Предисловие // Неврозы военного времени / З. Фрейд, Ш. Ференци, К. Абрахам, Э. Зиммель, Э. Джонс, А. Эйнштейн. СПБ. : ПРОГРЕСС КНИГА, 2024. 144 с. URL: https://avidreaders.ru/read-book/nevrozy-voennogo-vremeni-sbornik.html (дата обращения: 12.03.2026).
10. Караяни А. Г. Психологические последствия участия в боевых действиях: «Не ПТСРом единым» // Российский военно-психологический журнал. 2023. № 2 (2). С. 75–83.

УДК 004.89

Кирилл Дмитриевич Кузовлев
3-й курс, напр. «Системный анализ, управление и обработка информации, статистика», Астраханский государственный технический университет, Астрахань, Россия, k.kuzovlev@astu.ru
Научный руководитель: В. Ю. Кузнецова, канд. техн. наук, зав. кафедрой «Автоматизированные системы обработки информации и управления», https://orcid.org/0000-0002-6954-5020

ГИБРИДНЫЙ АНАЛИЗ АУДИОПОТОКОВ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ОТ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ К НЕЙРОСЕТЕВОЙ ОЦЕНКЕ РИСКА

Аннотация. Стремительное развитие цифровой медиасреды значительно увеличило пул аудиоконтента – от подкастов и стримов до голосовых интерфейсов и синтезированного голоса. В этой ситуации задача анализа аудиопотока выходит за пределы автоматического распознавания текста и требует попытки учёта просодии, акустической организации, дискурсивной направленности высказывания. В статье предлагается методологическая схема распознавания психоэмоционального воздействия в аудиопотоках на базе одиночного объединения трёх групп признаков: акустико-просодичных, лингвистических и когнитивно-дискурсивных. Продемонстрировано, что одноканальные решения, работающие только по словам или только по спектру, неизбежно теряют значимую часть сигнала. Альтернативным более стойким решением предложена гибридная нейросетевая модель.

Ключевые слова: аудиопоток; деструктивный контент; речевая агрессия; просодия; openSMILE; wav2vec 2.0; нейросетевой анализ

Kirill D. Kuzovlev
Student of the Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia, k.kuzovlev@astu.ru
Supervisor: V. Yu. Kuznetsova, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Automated Information Processing and Control Systems, https://orcid.org/0000-0002-6954-5020

HYBRID AUDIO STREAM ANALYSIS FOR DETECTING PSYCHO-EMOTIONAL IMPACT: FROM SPEECH AGGRESSION TO NEURAL NETWORK RISK ASSESSMENT

Abstract. The rapid development of the digital media environment has significantly expanded the pool of audio content – from podcasts and streams to voice interfaces and synthesized voice. In this situation, the task of analyzing an audio stream goes beyond automatic text recognition and requires an attempt to account for prosody, acoustic organization, and the discursive focus of an utterance. This article proposes a methodological framework for recognizing the psycho-emotional impact of audio streams based on a single combination of three groups of features: acoustic-prosodic, linguistic, and cognitive-discursive. It is demonstrated that single-channel solutions that rely solely on words or only on the spectrum inevitably lose a significant portion of the signal. A hybrid neural network model is proposed as an alternative, more robust solution.

Keywords: audio stream; destructive content; speech aggression; prosody; openSMILE; wav2vec 2.0; neural network analysis

Введение

Аудиопоток в современном мире – уже не просто форма передачи речи. Он всё чаще становится независимой средой воздействия, где значение создаётся не только словами, но и темпом, паузами, интонацией, громкостной динамикой, монтажом и фоновым звуковым налётом. Поэтому исследовательская проблема сегодня стоит не столько в том, чтобы распознать речь как текст, сколько в том, чтобы понять, как в звучащем сообщении организуются смысл, эмоция и давление на адресата. Именно этим объясняется растущий интерес к компьютерной паралингвистике, нейронному обучению речевым представлением с самоконтролем, а также задачам речевой аффективной аналитики [1, с. 45].

Проблема психоэмоционального воздействия в аудиосредах обычно обозначается либо слишком узким термином, как наличие агрессивной лексики, либо слишком широким, как любое нежелательное воздействие, что делает затруднительным автоматический анализ. В настоящей работе под психоэмоциональным воздействием понимаются те речевые и звуковые структуры, которые нарушают или же обескураживают нейтральный режим восприятия: усиливают когнитивное искажение, формируют эмоциональную преднастройку, закрепляют поляризующие рамки или создают эффект внушающего давления. В этом смысле воздействие рассматривается гораздо шире, чем тематическая или набор запрещённых слов. Подобный подход согласуется и с критическим дискурс-анализом, и с русскоязычными исследованиями речевой агрессии и речевого воздействия.

Цель статьи – показать, почему для выявления психоэмоционального воздействия в аудиопотоке предпочтительна гибридная нейросетевая модель, объединяющая акустические, просодические и лингвистические признаки. Рабочая гипотеза состоит в том, что данное воздействие чаще проявляется не в одном канале, а в согласованности нескольких каналов сразу: агрессивно или директивно организованный текст подкрепляется просодией давления и устойчивыми акустическими паттернами, а потому лучше описывается моделью позднего слияния признаков, чем изолированным детектором слов или эмоций.

Теоретико-методологическая основа

Предлагаемая концепция базируется на различении трех уровней анализа. Первый уровень – акустико-просодический: сюда относятся интенсивность, частотный спектр, MFCC, вариативность основного тона, распределение пауз, темп, jitter, shimmer и прочие признаки, которые могут коррелировать с напряжением, монотонным давлением, тревожной мобилизацией и резкими аффективными скачками. Второй уровень – лингвистический: лексика агрессии, категоричность модальности, риторические противопоставления, бинарные рамки «мы – они», квазидирективные конструкции, повторяющиеся оценочные формулы [2, с. 145]. Третий уровень – когнитивно-дискурсивный: фрейм угрозы, делегитимация альтернативной позиции, нормализация враждебности, навязывание безальтернативного вывода [3, с. 214; 4, с. 98]. С технологической точки зрения метод можно реализовать в 4 фазы. Первая – сегментация аудиопотока на короткие смысловые окна. Вторая – извлечение стандартизированных акустических признаков из каждого окна средствами openSMILE/GeMAPS; параллельно запускается ASR, формирующий текст для дальнейшего анализа модальности, агрессии и поляризации; после этого следует построить общий вектор признаков, объединяющий звук, текст и просодию. На последнем этапе признаки подаются в модель позднего слияния – например, в архитектуру, где самообучающиеся речевые эмбеддинги связываются с текстовым ветвлением и легким классификатором риска [5]. Такая логика хорошо согласуется с тем, что современные речевые модели уже научились адекватно представлять речь даже без явной ручной разметки всех уровней сигнала.

Результаты и обсуждение

С методологической стороны главный вывод таков: психоэмоциональное воздействие в аудиопотоке следовало бы интерпретировать как профиль риска, а не как бинарный факт. Если модель видит лишь текст, она пропустит такие случаи, где лексика останется формально нейтральной, а интонация осуществит давление, угрозу или навязчивую директивность. И если модель увидит только звук, она может оказаться в руках эмоциональной выразительности, жанровой экспрессии или шумного фона и в итоге сделать неверный вывод. Именно по этой причине позднее слияние каналов предпочтительно – решение принимается не по одному «сильному» признаку, а по конфигурации признаков.

Рассмотрим фрагмент телефонного разговора, где явных оскорблений нет, но присутствуют дублирующиеся императивы, монотонная директивная интонация, редкие, но резко выделенные акценты на словах «срочно», «немедленно», «иначе», а также ускорение темпа к кульминации. Лексический анализ даст лишь умеренный сигнал о риске. Просодический анализ выделит высокую директивность и напряжение. Дискурсивный анализ обнаружит фрейм угрозы и навязывание безальтернативного решения. И лишь в сумме эти три ветви дадут достаточные основания, чтобы сказать, что фрагмент потенциально психоэмоционально воздействующий. В данном примере отчетливо выделяется практическая значимость исследования, поскольку именно в «почти нейтральных» случаях одноканальные системы ошибаются чаще всего. На рисунке представлена предлагаемая автором общая схема метода анализа.

Следует также отметить, что с точки зрения исследовательской целесообразности предложенная модель не должна выступать в качестве замены экспертной интерпретации. Данную модель лучше расценивать не как конечное решение, а как систему раннего предупреждения и первичной сортировки аудиоматериала. Такой подход не только снижает вероятность ложных обвинений, но и делает исследование более этически устойчивым: итоговая метка не несёт в себе итоговое решение, а лишь демонстрирует вероятностную оценку того, что в конкретном фрагменте имеется комбинация признаков, свойственная как речевому давлению, так и агрессивной рамке, манипулятивному дискурсу.

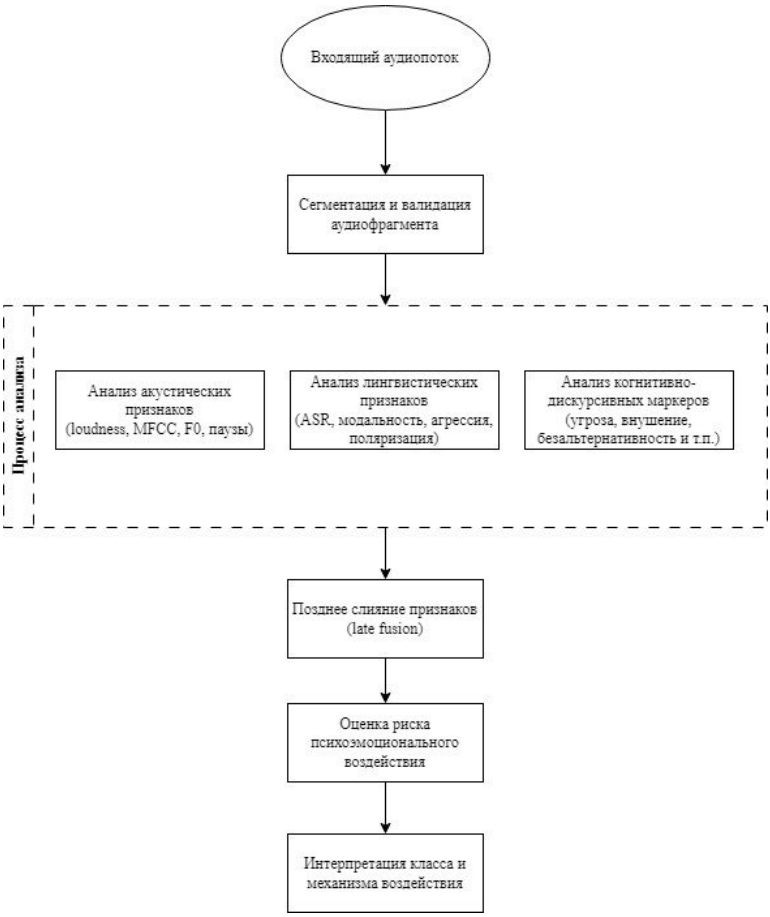

Рисунок – Схема метода анализа

Важно понимать, что как в общей аудиоклассификации, так и в задачах вредоносной речи качество решения зависит не только от модели, но и от схемы аннотации, домена данных и устойчивости к шуму.

Заключение

Исходя из вышеописанного, анализ психоэмоционального воздействия в аудиопотоках целесообразно осуществлять не в виде поиска отдельных «опасных» слов и не как чисто акустическую детекцию эмоций, а как гибридную процедуру, которая объединяет

звук, просодию и дискурс. Практическая значимость подхода заключается в возможности построения систем предварительной оценки риска для телефонных звонков, медиапотоков, подкастов и голосовых интерфейсов. Перспективным направлением остается сбор специализированного размеченного комплекса входных данных на русском языке, где психоэмоциональное воздействие описано не только по теме сообщения, но и по механизму речевого воздействия.

Список источников

1. Тарасов Е. Ф. Психолингвистика аудиовосприятия речи. М. : ИФ РАН, 2016 . 320 с.
2. Баранов А. Н. Лингвистические механизмы манипулирования сознанием. М. : Наука, 2020 . 360 с.
3. Jowett G. S., O'Donnell V. Propaganda & Persuasion. 6th ed. Thousand Oaks: Sage, 2018. 448 p.
4. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб. : Академический проект, 2002. 542 с.
5. Devlin J. et al. BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding // Proceedings of the 2019 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies, Volume 1 (Long and Short Papers). Minneapolis, Minnesota, 2019. P. 4171–4186. DOI: 10.18653/v1/N19-1423

УДК 159.9

Дарья Вячеславовна Лядова
1-й курс, напр. «Психология», Прикамский социальный институт, Пермь, Россия, lyadova09@list.ru
Научный руководитель: В. В. Пискунова, канд. мед. наук, доцент кафедры психологии и педагогики, https://orcid.org/0000-0002-1956-4549

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СРЕДНЕГО МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам обеспечения социально-психологической безопасности медицинского работника среднего звена. Выявляются различные факторы, влияющие на социально-психологическую безопасность данной категории. Определены направления повышения эффективности обеспечения безопасности среднего медицинского персонала.

Ключевые слова: социально-психологическая безопасность; средний медицинский персонал; защита медицинских работников

Darya V. Lyadova
Student of the Prikamsky Social Institute, Perm, Russia, lyadova09@list.ru
Supervisor: V. V. Piskunova, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor at the Department of Psychology and Pedagogy, https://orcid.org/0000-0002-1956-4549

SOCIAL-PSYCHOLOGICAL SAFETY OF NURSE MEDICAL STAFF IN MODERN CONDITIONS

Abstract. This article examines the challenges of ensuring the social-psychological safety of nurse mid-level medical workers. Various factors influencing the social-psychological safety of this category are identified. Areas for improving the effectiveness of ensuring the safety of nurse medical staff healthcare personnel are identified.

Keywords: social-psychological safety; nurse medical staff; medical worker protection

Социально-психологическая безопасность медицинского персонала – это состояние защищённости психики работника, которое позволяет сохранять целостность, реализовывать профессиональные цели и ценности в условиях трудовой деятельности. Психологическому благополучию каждого сотрудника способствуют как внешние, так и внутренние условия [1].

Социально-психологическая безопасность медицинского персонала обеспечивается комплексом мер, направленных в том числе на реализацию их прав, на защиту здоровья, защиту от профессиональных рисков, а также на создание благоприятных условий труда и социальной поддержки.

На социально-психологическую безопасность медперсонала могут влиять различные факторы:

– высокая рабочая нагрузка и эмоциональное напряжение (длительный рабочий день, нехватка времени, контакт с пациентами в состоянии страдания, высокая ответственность за жизнь и благополучие других людей [2]);

– организационные проблемы (нечёткое распределение обязанностей, недостаточная организация работы, отсутствие чётких рабочих заданий);

– проблемы в общении (конфликты с пациентами, их родственниками, напряжённые отношения в коллективе, несовпадение взаимных ожиданий [3]);

– страх заражения (особенно актуален для работников, находящихся в зонах повышенного риска, например при пандемиях);

– нарушение суточных биоритмов из-за работы в разные смены;

– неудовлетворённость результатами труда, завышенные требования со стороны руководства;

– необходимость сочетать профессиональные и семейные обязанности.

Помимо вышеописанных факторов значимое влияние на психологическую безопасность среднего медицинского персонала оказывает социально-правовая ситуация, связанная с реалиями деятельности медицинских работников. В последнее десятилетие посягательство на жизнь и здоровье медицинских работников в процессе осуществления ими своих служебных и профессиональных обязанностей является одной из серьёзнейших медицинских и социальных проблем. Почти в каждом регионе Российской Федерации регулярно происходят нападения на сотрудников скорой помощи,

врачей учреждений здравоохранения. Профессия медицинского работника становится не менее опасной, чем работа сотрудников правоохранительных органов, Министерства чрезвычайных ситуаций и других профессий, связанных с экстремальными жизненными ситуациями. При этом отсутствуют специальные, соответствующие законодательные нормативно-правовые акты, устанавливающие права, обязанности и ответственность граждан в этой сфере. Не проработан действенный механизм правового регулирования защиты медицинских работников в процессе выполнения ими служебных обязанностей. Повышенная ответственность государства за жизнь человека, выполняющего профессиональные обязанности, должна устанавливаться не общей нормой закона, декларативно провозглашающей необходимость защиты личности от любых посягательств, а специальными положениями, которые найдут отражение в разных отраслях процессуального права, создав последовательную цепь законодательного регулирования защиты правовых отношений [4].

Меры по обеспечению социально-психологической безопасности

1. Психологическое сопровождение. Организация кабинетов психологической разгрузки, проведение тренингов по стратегиям совладения со стрессом, релаксации, обучение распознаванию признаков эмоционального выгорания.

2. Управление рабочей нагрузкой и временем работы. Регулирование графика, поощрение регулярных перерывов, ротация сотрудников между сменами.

3. Создание благоприятного социально-психологического климата в коллективе. Снижение конфликтности, организация обратной связи, поддержка взаимопомощи, визуализация успехов сотрудников.

4. Обеспечение условий для отдыха и восстановления. Оборудование зон внутрисменного отдыха, организация питания, питьевой воды, пространств для двигательной активности.

5. Информирование сотрудников о доступных ресурсах психологической помощи (номера телефонов, контакты специалистов).

6. Развитие образовательных и информационных программ по самоподдержке и самопомощи.

7. На уровне политики и законодательства – регулирование вопросов продолжительности рабочего дня, перерывов, административных обязанностей, обеспечение доступа к услугам в области охраны психического здоровья.

Таким образом, важная проблема обеспечения социально-психологической безопасности средних медицинских работников при исполнении ими служебных и профессиональных обязанностей является комплексной, и она пока остаётся до конца не решенной. Для её решения необходимы меры психологического, организационного и даже правового характера. В настоящее время существует ряд норм, которые позволяют наказать преступников, включая тех, которые причиняют вред здоровью и создают угрозу жизни медицинских работников, но, очевидно, этого недостаточно. Однако одна из положительных тенденций российского законодательства, включающая дифференциацию и индивидуализацию наказания, позволяет пересмотреть существующие нормы с учётом возникшей повышенной общественной опасности и необходимости более строгого наказания за совершение преступлений в отношении медицинских работников. Последнее способно привести к положительным результатам.

В данной статье мы обсудили основные принципы личной безопасности для врачей и важность безопасности в достижении высокого качества медицинской помощи. Персональная безопасность является неотъемлемой частью работы медперсонала, поскольку сотрудники сталкиваются с рядом рисков и опасностей в своей профессиональной деятельности. Соблюдение определённых правил и принятие мер предосторожности помогут минимизировать риски и обеспечить безопасную рабочую среду.

Список источников

1. Креймер О. Психологическая безопасность профессиональной деятельности медицинской сестры. URL: https://www.b17.ru/article/641991/ (дата обращения: 11.03.2026).

2. Пискунова В. В. Профессиональные ценностно-смысловые ориентиры медицинской сестры: проблемы диагностики и формирования // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 1 (91). С. 147–153.

3. Сурина А. Е., Смирнова С. В. Социально-психологические особенности среднего медицинского персонала стационара // Медицинская сестра. 2018. № 20 (1). С. 6–9.

4. Ирискулбеков Э. Б. Проблема установления уголовного наказания за нападение на медицинских работников // Право и практика. 2021. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ustanovleniya-ugolovnogo-nakazaniya-za-napadenie-na-meditsinskih-rabotnikov (дата обращения: 11.03.2026).

УДК 159.9:343.83.

Милена Рашидовна Мамина
2-й курс, напр. «Юриспруденция», Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Пермь, Россия, Milenamamina395@gmail.com
Научный руководитель: И. Н. Криницин, преподаватель кафедры организации режима, охраны и конвоирования, капитан внутренней службы,
SPIN-код: 2653-3141, https://orcid.org/0009-0007-3172-8458

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАЩИТЫ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКА УИС: БАРЬЕРЫ И РЕСУРСЫ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ АГРЕССИВНОЙ СРЕДЫ

Аннотация. Статья посвящена психологическим защитам личности сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС), работающих в условиях повышенной агрессивности и постоянного воздействия стрессовых факторов. Теоретическую основу исследования составляют современные концепции психологических защит, объясняющие их роль в поддержании психологической устойчивости при выполнении профессиональных задач. В ходе анализа установлены основные барьеры, которые препятствуют формированию эффективных ресурсов безопасности у персонала пенитенциарных учреждений. Параллельно описаны защитные механизмы, помогающие сотрудникам адаптироваться к опасной среде и сохранять возможности для личностного развития. Результаты исследования открывают перспективы для разработки программ психологической поддержки персонала УИС: такие программы призваны снизить уровень тревожности и укрепить стрессоустойчивость работников системы исполнения наказаний.

Ключевые слова: психологические защиты; сотрудник уголовно-исполнительной системы; агрессивная среда; профессиональная безопасность; барьеры безопасности; ресурсы безопасности; профессиональная деформация

Milena R. Mamina
Cadet of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia, Milenamamina395@gmail.com
Supervisor: I. N. Krinitcin, Lecturer at the Department of Organization of Regime, Security and Escorting, Capitan of the internal Service,
SPIN-code: 2653-3141, https://orcid.org/0009-0007-3172-8458

PSYCHOLOGICAL DEFENSES OF THE PERSONALITY OF A PENITENTIARY SYSTEM EMPLOYEE: BARRIERS AND SAFETY RESOURCES IN AN AGGRESSIVE ENVIRONMENT

Abstract. The article is devoted to the psychological defenses of the personality of employees of the penal enforcement system (UIS) who work under conditions of heightened aggressiveness and constant exposure to stressful factors. The theoretical basis of the study is formed by contemporary concepts of psychological defenses that explain their role in maintaining psychological stability when performing professional tasks. In the course of the analysis, the main barriers that impede the formation of effective safety resources among personnel of penitentiary institutions were identified. Protective mechanisms that help employees adapt to a dangerous environment and preserve opportunities for personal development are described in parallel. The results of the study open up prospects for the development of psychological support programs for UIS personnel: such programs are intended to reduce anxiety levels and strengthen the stress resistance of workers in the penal system.

Keywords: psychological defenses; employee of the penal enforcement system; aggressive environment; occupational safety; safety barriers; safety resources; professional deformation

Психологические защиты сотрудника уголовно-исполнительной ситемы (далее – УИС) формируют многоуровневую систему внутренней регуляции [1, с. 48]. Эта система снижает аффективное напряжение, поддерживает субъективную целостность личности и сохраняет профессиональную дееспособность при длительном психотравмирующем воздействии служебной среды. Сотрудники уголовно-исполнительной системы работают в условиях высокой конфликтогенности, нормативной жесткости, постоянной готовности пресекать деструктивное поведение; они ежедневно контактируют с лицами, для которых характерны повышенная агрессивность, манипулятивность и девиантные паттерны. Такая специфика делает особенно значимыми отрицание, вытеснение, рационализацию, проекцию, интеллектуализацию, изоляцию аффекта и реактивные образования [2, с. 106].

Перечисленные механизмы выполняют адаптационно-стабилизирующую функцию: они минимизируют дезорганизующее влияние стресса и обеспечивают поведенческий контроль в профессионально опасных ситуациях. Однако избыточная интенсивность защит, их ригидность и недостаточная осознанность превра-

щают эти процессы в фактор профессиональной деформации. Эмоциональная переработка служебного опыта затрудняется, уровень эмпатийности и рефлексивности снижается, психологическая гибкость утрачивается. Психологические защиты обнаруживают амбивалентную природу: они одновременно служат внутренним ресурсом безопасности и потенциальным барьером для личностной и профессиональной адаптации.

Психологические защиты понимаются сегодня как система преимущественно неосознаваемых регуляторных механизмов, которые снижают внутриличностное напряжение, минимизируют переживание тревоги и сохраняют целостность самосознания при столкновении со стрессом и фрустрацией [3, с. 365]. Теоретические подходы последних десятилетий трактуют защиты не просто как средство интрапсихической стабилизации, а как компонент общего адаптационного ресурса личности. Защитные механизмы поддерживают субъективную психологическую безопасность, регулируют эмоциональные состояния, перерабатывают психотравмирующую информацию и обеспечивают устойчивость поведения в профессионально напряженных ситуациях.

Исследователи указывают на амбивалентность защитных механизмов. Когда защиты выражены умеренно и остаются гибкими, они помогают личности адаптироваться, предотвращают дезорганизацию деятельности, поддерживают самоконтроль и ослабляют деструктивное влияние стресса. Однако доминирование примитивных, ригидных или малоадаптивных защит искажает восприятие профессиональной реальности, ограничивает рефлексию, снижает критичность и формирует устойчивые дезадаптивные паттерны реагирования [4, с. 27]. Психологические защиты, таким образом, представляют собой двойственный феномен: они выступают внутренним ресурсом психологической устойчивости и одновременно могут становиться барьером для эффективной профессиональной адаптации и психологической безопасности личности.

Агрессивная профессиональная среда порождает у сотрудников УИС целый комплекс барьеров, препятствующих становлению эффективных ресурсов личностной безопасности [5, с. 54]. Хроническое психоэмоциональное напряжение сочетается здесь с интенсивным стрессогенным воздействием и ощущением постоянной угрозы. Недостаток социальной поддержки усугубляет эмоциональное выгорание, снижает психологическое доверие к окружаю-

щим. Адаптационные стратегии становятся ригидными, а способы конструктивного совладания с негативными переживаниями существенно ограничиваются. Эти барьеры подавляют саморегуляцию, блокируют мобилизацию внутренних ресурсов и повышают вероятность дезадаптивных личностных изменений.

Ресурсы безопасности личности в подобных условиях опираются на психологическую устойчивость, самоконтроль, способность осмыслять профессиональный опыт, регулировать эмоции и сохранять внутреннюю целостность под внешним давлением [6, с. 28]. Формирование таких ресурсов определяется индивидуально-личностными качествами и зависит от особенностей функционирования механизмов психологической защиты. Среди защитных механизмов, помогающих адаптироваться и развиваться в опасной среде, выделяются рационализация, интеллектуализация, сублимация, компенсация, а также умеренно выраженное вытеснение. Когда эти механизмы функционируют относительно конструктивно, они снижают тревогу, помогают перерабатывать травмирующий опыт, поддерживают профессиональную работоспособность и укрепляют психологическую устойчивость. Механизмы психологической защиты выступают, таким образом, средством снижения внутреннего напряжения и существенным компонентом ресурсов безопасности личности сотрудника УИС.

Сотрудники УИС ежедневно сталкиваются с ситуациями, требующими максимальной психологической устойчивости. Постоянное взаимодействие с осуждёнными, необходимость принимать решения в условиях неопределённости, высокая ответственность за безопасность – всё это формирует специфический профессиональный контекст, в котором тревожные состояния возникают закономерно. Система психологической поддержки в этой сфере призвана решать три взаимосвязанные задачи: ослаблять проявления тревожности, укреплять способность противостоять стрессовым факторам и развивать внутренние ресурсы, позволяющие сохранять личностную целостность при длительном воздействии профессиональных нагрузок.

Работа с тревожными состояниями предполагает обучение техникам саморегуляции, своевременное выявление признаков эмоционального истощения и создание условий для психологической разгрузки. Стрессоустойчивость укрепляется через формирование адаптивных копинг-стратегий, развитие навыков эмоционального

интеллекта и построение эффективных моделей профессионального поведения. Ресурсы безопасности личности включают устойчивую самооценку, способность к рефлексии, наличие социальной поддержки и осмысленное отношение к профессиональной деятельности. Приоритетные направления психологической работы с данной категорией специалистов охватывают следующие области.

1. *Развитие эмоциональной саморегуляции и психической устойчивости.* Данное направление включает обучение сотрудников способам снижения внутреннего напряжения, управления тревогой, восстановления психоэмоционального равновесия и поддержания оптимального функционального состояния в стрессогенных ситуациях.

2. *Формирование конструктивных копинг-стратегий.* Особое значение имеет развитие адаптивных способов совладания со стрессом, позволяющих снижать интенсивность негативных переживаний, предупреждать фиксацию на травмирующем опыте и повышать эффективность поведения в профессионально сложных условиях.

3. *Оптимизация механизмов психологической защиты.* Психологическое сопровождение должно быть направлено на снижение выраженности дезадаптивных защитных реакций и развитие более зрелых механизмов психологической защиты, способствующих конструктивной переработке тревоги, агрессии, внутреннего конфликта и профессионального стресса [7, с. 23].

4. *Профилактика профессионального выгорания и хронической тревожности.* Актуальным направлением является предупреждение эмоционального истощения, деперсонализации, снижения профессиональной мотивации и накопления психического напряжения, негативно влияющих на личностную устойчивость сотрудника.

5. *Развитие рефлексивных способностей и осмысленного отношения к профессиональному опыту.* Повышение уровня рефлексивности позволяет сотрудникам более осознанно воспринимать собственные эмоциональные реакции, понимать особенности защитного поведения и выстраивать более адаптивные способы реагирования в условиях агрессивной среды.

6. *Укрепление социально-психологических ресурсов служебного коллектива.* Существенную роль играет формирование поддерживающей профессиональной среды, основанной на доверии, кооперации, снижении межличностной напряженности и наличии доступной психологической помощи, что способствует уменьшению тревожности и укреплению субъективного чувства защищенности.

7. *Психопрофилактика последствий психотравмирующих воздействий.* В условиях постоянного контакта с угрозой, агрессией и эмоционально напряжёнными ситуациями необходима системная работа по предупреждению накопления психотравмирующего опыта и нарушений адаптации.

Психологическая поддержка сотрудников УИС требует системного подхода. Работа с ситуативной тревожностью – лишь часть необходимых мер. Укрепление личностных ресурсов безопасности, развитие стрессоустойчивости, формирование более зрелых адаптивных механизмов психологической защиты составляют её фундаментальные задачи.

Психологические защиты личности сотрудника уголовно-исполнительной системы выступают значимым регулятором адаптации в агрессивной профессиональной среде. Их функционирование амбивалентно. С одной стороны, защитные механизмы снижают психоэмоциональное напряжение, стабилизируют внутреннее состояние, поддерживают работоспособность при повышенном стрессе. С другой – те же механизмы способны искажать когнитивную оценку происходящего, ограничивать рефлексию, снижать эффективность конструктивного взаимодействия с окружающими.

Ресурсный потенциал защит раскрывается при преобладании зрелых адаптивных механизмов. Когда же доминируют ригидные малоадаптивные формы, возрастает риск профессиональной деформации, эмоционального выгорания, нарушений психологической безопасности личности. Изучение специфики психологических защит сотрудников УИС значимо и в теоретическом, и в практическом отношении: полученные данные позволяют обосновать направления психологической профилактики, выстроить систему сопровождения, развить навыки саморегуляции. Всё это способствует повышению устойчивости личности и эффективности профессиональной деятельности.

Список источников

1. Осипова О. Ю., Старикова А. Е., Черкасова М. А. Организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе : практикум / Федер. служба исполнения наказаний, Вологод. ин-т права и экономики. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2018. 74 с. URL: https://znanium.com/catalog/product/1229480 (дата обращения: 18.04.2026).

2. Мишин А. А. Особенности психологических защит сотрудников уголовно-исполнительной системы // Теория и практика социогуманитарных наук. 2019. № 2 (6). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-psihologicheskih-zaschit-sotrudnikov-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy (дата обращения: 18.04.2026).

3. Взаимосвязи стрессоустойчивости, эмоционального выгорания и эффективности профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел / В. С. Агапов, И. Л. Фельдман, Ю. С. Роднова, И. Е. Смирнова // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyazi-stressoustoychivosti-emotsionalnogo-vygoraniya-i-effektivnosti-professionalnoy-deyatelnosti-sotrudnikov-organov (дата обращения: 18.04.2026).

4. Лукашенко, Д. В. Социально-психологические детерминанты, оказывающие влияние на формирование деструктивного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2022. № 5. С. 26–29.

5. Потемкин П. В. Профессиональная стрессоустойчивость сотрудников отдела охраны уголовно-исполнительной системы // Прикладная психология и педагогика. 2021. Т. 6, № 3. С. 52–59.

6. Михайлов А. Н., Гостевская Е. А., Терехина Е. С. Психологическое сопровождение сотрудников, несущих службу с оружием // Ведомости УИС. 2017. № 8 (183). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-soprovozhdenie-sotrudnikov-nesuschih-sluzhbu-s-oruzhiem (дата обращения: 18.04.2026).

7. Макух Н. О., Якшанова Л. В. Особенности психологических защит у молодых сотрудников уголовно-исполнительной системы (на примере сотрудников следственных изоляторов) // Юридическая психология. 2023. № 2. С. 22–26.

УДК 37.015.3

Екатерина Игоревна Павлова
4-й курс, напр. «Психология», Прикамский социальный институт, Пермь, Россия, pavlova_ekaterina_10_12@mail.ru
Научный руководитель: Г.В. Буянова, канд. пед. наук, доцент кафедры психологии и педагогики, SPIN-код: 8331-4193, AuthorID: 688657, https://orcid.org/0000-0003-4199-2176, Scopus ID 57207942113

ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ И МОТИВОВ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Данная статья посвящена изучению особенностей временной перспективы и мотивов учебной деятельности студентов среднего профессионального и высшего образования. С помощью сравнения средних величин для независимых групп (t-критерий Стьюдента) выявлен ряд значимых различий. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов для индивидуализации образовательного процесса и повышения академической успеваемости студентов обеих категорий.

Ключевые слова: студенты среднего профессионального и высшего образования; учебная мотивация; временная перспектива

Ekaterina I. Pavlova
Student of the Prikamsky Social Institute, Perm, Russia, pavlova_ekaterina_10_12@mail.ru
Supervisor: G. V. Buyanova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor at the Department of Psychology and Pedagogy

FEATURES OF TIME PERSPECTIVE AND MOTIVES OF EDUCATIONAL ACTIVITY AMONG STUDENTS OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION AND HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

Abstract. This article examines the time perspective and motivations of students in vocational and higher education. A comparison of means for independent groups (Student's t-test) revealed a number of significant differences. The practical significance of the study lies in the potential application of its findings

to individualizing the educational process and improving the academic success of students in both categories.

Keywords: students of secondary vocational and higher education, academic motivation, time perspective.

Актуальность исследования особенностей временной перспективы и мотивов учебной деятельности у студентов среднего профессионального образования (далее – СПО) и высшего образования (далее – ВО) обусловлена современными вызовами в сфере образования и социализации молодёжи. В соответствии с федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ одной из ключевых задач системы образования является создание условий для самореализации и развития личности, а также формирование у обучающихся способности к осознанному профессиональному самоопределению[1]. Это напрямую соотносится с развитием временной перспективы (умением выстраивать долгосрочные цели и связывать текущие действия с будущими результатами) и поддержанием устойчивой учебной мотивации. При этом специфика СПО и ВО предполагает разные уровни образования (иначе говоря – разный набор знаний и формируемых компетенций) и разный возраст студентов, что делает сравнительный анализ данных аспектов особенно значимым для создания благоприятной и психологически безопасной образовательной среды.

Исследования временной перспективы особенно актуальны в подростковом и юношеском возрасте, поскольку именно на этом этапе наиболее интенсивно протекает социально-психологическое становление личности.

Н. П. Шилова подчеркивает, что «временная перспектива – это система когнитивно-эмоциональных установок, определяющих способность человека структурировать опыт прошлого, оценивать настоящее и прогнозировать будущее» [1, с. 106].

Раскрывая многогранность данного понятия, Ф. Зимбардо и Дж. Бойд в рамках ситуационно-детерминированного подхода рассматривают временную перспективу как сложный феномен, объединяющий мотивационные, эмоциональные, когнитивные и социальные компоненты. По мнению Ф. Зимбардо, временная перспектива формируется как предпочтение определённой временной зоны

[1] Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (действ. редакция) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2012. № 53. Ст. 7598.

и впоследствии становится личностным качеством, влияющим на развитие субъекта деятельности [2]. К. Левин трактует её как процесс восприятия времени – через переживание настоящего с опорой на прошлое и ориентацией на будущее, а также анализирует влияние когнитивных процессов и эмоций на взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего [3; 4].

Как отмечает Н. П. Шилова, исследование, проведённое И. Н. Жанейро и др., подтвердило: ориентация на будущее способствует стратегическому подходу к обучению и высокой успеваемости, тогда как гедонистическое и фаталистическое отношение к настоящему связаны с поверхностным освоением материала и низкими результатами. Позитивное прошлое поддерживает глубокий подход, но не гарантирует успеваемости, а негативное прошлое снижает эффективность учебных стратегий и академические показатели [1].

Учебная мотивация представляет собой системное образование, характеризующееся направленностью, устойчивостью и динамичностью. Согласно исследованиям Л. И. Божович и её коллег, она определяется иерархией мотивов, среди которых доминируют либо внутренние (связанные с содержанием и процессом учебной деятельности), либо широкие социальные (обусловленные потребностью занять определённую позицию в обществе). Внутренние мотивы зарождаются в ходе обучения через активизацию познавательных и социальных потребностей и служат основой самоорганизации студентов, подкрепляясь внешними мотивами – обстоятельствами, при которых полученные знания признаются и поощряются, способствуя улучшению качества жизни [5].

Цель исследования – изучение особенностей временной перспективы и мотивов учебной деятельности у студентов СПО и ВО.

Гипотеза исследования: предполагается, что на разных уровнях образования и, соответственно, на разных возрастных этапах существуют отличия в отношении студентов к обучению.

В исследовании приняли участие 53 студента среднего профессионального образования от 16 до 17 лет, 54 студента высшего образования от 21 до 26 лет.

В ходе исследования использовались следующие методики.

1. Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо в адаптации Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной и др.

2. Диагностика учебной мотивации студентов А. А. Реана и В. А. Якунина (модификация Н. Ц. Бадмаевой).

В связи с нормальным распределением данных в качестве метода математической статистики использовался t-критерий Стьюдента для сравнения двух независимых групп. Полученные результаты исследования продемонстрированы в таблице.

Следует отметить, что между студентами ВО и СПО выявлены статистически значимые различия (с высокой степенью достоверности) по ряду шкал.

1. По шкале «Фаталистическое настоящее»: группа СПО демонстрирует более выраженное восприятие жизненных событий как предопределённых и независящих от собственных действий, в то время как у другой группы такая фаталистическая установка проявляется в меньшей степени.

2. По шкале «Мотивы избегания»: студенты СПО демонстрируют более выраженную склонность ориентироваться на избегание неудач, критики или негативных последствий в учебной деятельности, тогда как у другой группы этот тип мотивации проявляется в меньшей степени.

3. По шкале «Гедонистическое отношение к настоящему»: группа студентов СПО демонстрирует более выраженную ориентацию на получение удовольствий и наслаждение текущим моментом, тогда как группа студентов ВО проявляет меньшую склонность к гедонистическому восприятию жизни.

4. По шкале «Мотивы престижа» отмечается различие в значимости данной мотивации: для студентов СПО стремление к признанию и высокому статусу играет более существенную роль, чем для группы студентов, получающих высшее образование. Эти результаты указывают на особенности ценностно-мотивационной сферы студентов разных уровней образования: различия в приоритетах и в источниках учебной мотивации.

Между студентами ВО и СПО не выявлено статистически значимых различий по шкале «Будущее». Наблюдается лишь тенденция к различиям с малым размером эффекта: группа студентов ВО выражает несколько более выраженную ориентацию на будущее, но эти различия нельзя считать надёжными с точки зрения статистики.

Результаты сравнения средних величин показателей временной перспективы и учебной мотивации групп обучающихся ВО и СПО (t – критерий Стьюдента)

Показатели	t	p	Разница средних
Негативное отношение к прошлому	–1,230	0,221	–0,1872
Гедонистическое отношение к настоящему	**–3,064**	**0,003**	–0,3137
Будущее	**1,948**	**0,054**	0,1985
Позитивное отношение к прошлому	0,627	0,532	0,0747
Фаталистическое настоящее	**–3,951**	**<0,001**	–0,4500
Коммуникативные мотивы	–1,228	0,222	–0,8225
Мотивы избегания	**–4,036**	**<0,001**	–3,7282
Мотивы престижа	**–2,808**	**0,006**	–2,7404
Профессиональные мотивы	0,622	0,535	0,5793
Мотивы творческой самореализации	–0,978	0,330	–0,3592
Учебно-познавательные мотивы	–0,611	0,542	–0,6723
Социальные мотивы	–1,667	0,099	–1,2467
Примечание: $H_a : \mu_{ВО} \neq \mu_{СПО}$			

Таким образом, проведённое исследование временной перспективы и мотивов учебной деятельности у студентов ВО и СПО выявило значимые различия: студенты СПО в большей степени склонны к фаталистическому восприятию настоящего, к ориентации на гедонистическое наслаждение текущим моментом и избеганию неудач, а также придают повышенное значение мотивам престижа.

В то же время у студентов ВО эти установки выражены слабее, что может свидетельствовать о более зрелой субъектной позиции и способности к саморегуляции. При этом статистически значимых различий в ориентации на будущее между группами не обнаружено – наблюдается лишь некоторая тенденция к более выраженной перспективной направленности у студентов ВО, но она не достигает уровня значимости. Полученные данные подчеркивают специфику мотивационной сферы в зависимости от уровня образования и могут служить основой для разработки дифференцированных психолого-педагогических подходов в работе со студентами обеих групп.

Список источников

1. Шилова Н. П. Временная перспектива в современных зарубежных исследованиях: возрастные, культурные и социальные аспекты // Современная зарубежная психология. 2025. № 14 (3). С. 105–114. DOI: 10.17759/jmfp.2025140309

2. Морозова И. С., Шатько Д. И. Особенности временной перспективы студентов профессиональной образовательной организации на различных этапах обучения // Педагогический ИМИДЖ. 2025. № 2 (67). С.225–243.

3. Зейгарник Б. В. Теория личности К. Левина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 118 с. URL: https://www.klex.ru/b2p (дата обращения: 10.02.2026).

4. Сидорова А. А., Пинчук Д. В. Особенности временной перспективы обучающихся вуза // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2023. № 4. С. 382–398. DOI: 10.35231/18186653_2023_4_382. EDN: NBLIXH.

5. Синьковская И. Г. Учебная мотивация студентов в условиях цифровизации образования // Личность и деятельность преподавателя в условиях цифровой трансформации: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. Году педагога и наставника в Российской Федерации (Красноярск, 24 ноября 2023 г.). Железногорск: Сиб. пожар.-спас. акад Гос. противопож. службы Мин-ва РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации стихийных бедствий, 2023. С. 155–159.

УДК 376.3

Алина Юрьевна Сидорова
4-й курс, напр. «Специальное дефектологическое образование», Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия, sidorovaalina0704@gmail.com
Научный руководитель: О. П. Криницына, канд. филол. наук, декан факультета педагогики и психологии детства, доцент
SPIN-код: 57854271, AuthorID: 1103034

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ С РЕЧЕВЫМИ НАРУШЕНИЯМИ В АСПЕКТЕ ТЕАТРАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Аннотация. Статья посвящена вопросам формирования социального взаимодействия и психологической безопасности у детей с речевыми нарушениями. Обосновывается тезис о том, что нарушение экспрессивной речи ведёт к трудностям социального взаимодействия, отсутствию чувства психологической безопасности, формируя у детей с нарушениями речи поведенческие отклонения. Предлагается использовать театральную педагогику, которая позволяет гармонично развивать речевой и эмоциональный компоненты экспрессивной речи, способствует формированию у детей навыка выражения чувств и эмоций, снижению нежелательного поведения и достижению психологической безопасности.

Ключевые слова: психологическая безопасность; социальное взаимодействие; дети с речевыми нарушениями; этюдный метод; театральная педагогика

Alina Yu. Sidorova
Student of the Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, sidorovaalina0704@gmail.com
Supervisor: O. P. Krinitsyna, Candidate of Philologic Sciences, Dean of the Faculty of Pedagogy and Childhood Psychology, Associate Professor, SPIN-code: 57854271, AuthorID: 1103034

THE ROLE OF SOCIAL INTERACTION AND PSYCHOLOGICAL SAFETY OF CHILDREN WITH SPEECH DISORDERS IN THE ASPECT OF THEATRICAL PEDAGOGY

Abstract. This article is devoted to the issues of formation of social interaction and psychological safety in children with speech disorders. The article substantiates the thesis that the violation of expressive speech leads to difficulties in social interaction, the lack of a sense of psychological safety, forming behavioral deviations in children with speech disorders. It is proposed to use theatrical pedagogy, which allows for the harmonious development of the speech and emotional components of expressive speech, and contributes to the formation of children's skills in expressing themselves.
Keywords: psychological safety; social interaction; children with speech disorders; etude method; theatrical pedagogy

В современном обществе особое внимание уделяют развитию личности ребёнка. Для этой цели в образовательных учреждениях прибегают к различным гуманистическим и инклюзивным подходам. Но формирование личности невозможно без какого-либо социального опыта, который возникает в результате социального взаимодействия. В психологической науке взаимодействие рассматривается в качестве процесса, в рамках которого объекты (субъекты) воздействуют друг на друга напрямую или опосредованно, оно порождает взаимообусловленность, взаимосвязь, включает различные формы общения и деятельности, осуществляемой совместно, процессы обмена (эмоции, информацию, энергию), прямых и обратных воздействий [1, с. 73]. Из определения можно сделать вывод о том, что дети осуществляют социальное взаимодействие через ведущую деятельность, общение со сверстниками, обмениваясь информацией, подкрепляя её эмоциями. Следовательно, дети получают социальный опыт, который влияет на развитие личности.

У нормотипичных детей социальное взаимодействие не требует внешней помощи, так как оно формируется в процессе естественного развития, при этом влияя на ощущение психологической безопасности. Но есть категория детей, требующая особого внимания, – дети с речевыми нарушениями.

Речь реализуется в двух формах: импрессивной (воспринимаемой) и экспрессивной (воспроизводимой). В рамках нашего исследования рассматривается экспрессивная речь, поэтому обратимся к её определению. Экспрессивная речь – это высказывание с помощью языка, направленное вовне [2]. Экспрессивная речь неотъемлемо связана с чувствами и эмоциями. Эта форма речи направлена

на выражение эмоционального состояния говорящего, его субъективного отношения к объектам или явлениям, поэтому чувства являются неотъемлемым компонентом экспрессивной речи, так как человек в процессе высказывания не может абстрагироваться от эмоций во время социального взаимодействия. Таким образом экспрессивная речь содержит два компонента: речевой, которой включает в себя словарь (номинативный, предикативный, атрибутивный), грамматический строй речи (словообразование, словоизменение), связную речь, фонетическую сторону речи, фонематическое восприятие, и компонент, связанный с чувствами и эмоциями.

У детей с нарушением экспрессивной речи возникают трудности в процессе социального взаимодействия. Они не могут в полной мере выразить свои чувства и эмоции, наладить коммуникацию в процессе общения. Следовательно, такие дети становятся уязвимыми, проявляются различные поведенческие отклонения, нежелательное поведение. Нарушение выражения своих чувств и эмоций, нарушение коммуникации приводят к проблемам в психологической безопасности. Психологическая безопасность предполагает состояние защищённости личности от внешних угроз, которое обеспечивается таким поведением, которое не требует неоправданного риска и направлено на конструктивное решение жизненных задач [3]. Таким образом определение психологической безопасности подтверждает то, что у детей с нарушением экспрессивной речи возникает состояние психологической небезопасности, когда дети из-за невозможности выразить свои чувства и эмоции в полной мере прибегают к различным способам их проявления, эксплицируя тем самым поведенческие отклонения.

Возникает потребность сохранения психологической безопасности детей с речевыми нарушениями. Разрешить данную проблемную ситуацию обычными методами невозможно. Если заниматься с ребёнком с нарушением экспрессивной речи на логопедических занятиях, используя только стандартные приёмы логопедии, то результатом будет обогащение словаря, развитие связной речи, грамматического строя речи, фонетической стороны речи и фонематического восприятия, но при этом останется неизменной невозможность правильно выражать свои чувства и эмоции. В то же время если заниматься с ребёнком с нарушением экспрессивной речи с педагогом-психологом, прорабатывая выражение чувств и эмоций только через коммуникативные игры, то речевой компонент не бу-

дет развиваться. Это ещё раз подтверждает вывод о том, что экспрессивная речь включает в себя два компонента: речевой и эмоциональный, и для развития экспрессивной речи необходимо включать междисциплинарные подходы. Для достижения психологической безопасности детей с нарушением экспрессивной речи нами предлагается такое направление работы, как театральная педагогика (далее – ТП).

ТП – направление, сочетающее в себе элементы искусства, психологии и педагогики. Она предоставляет широкие возможности для создания развивающей образовательной среды, в которой ребёнок становится активным участником учебного процесса, творцом и интерпретатором знания.

ТП предполагает использование методов и приемов, характерных для театра: импровизация, ролевая игра, этюды, инсценировка, пластическое движение, работа с голосом, мимикой и телом. Эти инструменты становятся не самоцелью, а способом достижения образовательных, воспитательных и развивающих целей. При этом особое значение приобретает атмосфера безопасного пространства, где ребёнок может экспериментировать, выражать себя, ошибаться и расти. Именно это пространство обеспечивает условие для настоящей развивающей среды, в которой дети чувствуют себя значимыми [4].

Обратим внимание на этюдный метод ТП, который мы предлагаем в работе с детьми с нарушением экспрессивной речи. Этюдный метод в ТП – это подход, основанный на импровизации и практическом освоении сценических ситуаций, который направлен на развитие актёрских навыков, творческого мышления и способности работать в заданных обстоятельствах. Применяя этюдный метод на занятии, учитель-логопед задаёт ситуацию детям, в рамках которой они мимикой, жестами, эмоциями, движениями передают образ или сюжет.

В этюдном методе есть такие виды, как эмоциональный этюд, этюды с предметами и этюды на перевоплощение.

Рассмотрим, как этюдный метод ТП может применяться на логопедическом занятии по развитию экспрессивной речи, используя такой вид, как этюды с предметами. Логопед даёт ребёнку предмет (кукла, кубики и т. д.), предлагает ситуацию (например, *ты нашла волшебную куклу, что она тебе скажет?*), в которой ребёнок импровизирует мини-сценку, где речь сопровождается действиями. Это позво-

ляет формировать связь между действием и речью, пополнять словарный запас, развивать способность выражать эмоции через голос. Когда ребёнок может в полной мере выразить свои чувства и эмоции в процессе коммуникации, не проявляя поведенческих отклонений, тогда и создаётся психологическая безопасность.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что этюдный метод ТП – эффективный инструмент в области развития экспрессивной речи у детей с речевыми нарушениями, позволяющий гармонично развивать и речевой, и эмоциональный компоненты. Благодаря этому методу у детей не только развивается речь, но и достигается ситуация психологической безопасности, так как дети учатся выражать свои чувства и эмоции, не проявляя нежелательного поведения.

Список источников

1. Лебедева Н. А. Социальное взаимодействие старших дошкольников как ценность и психолого-педагогическая проблема // Московский педагогический журнал. 2022. № 1. С. 71–81. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-vzaimodeystvie-starshih-doshkolnikovkak-tsennost-i-psihologo-pedagogicheskaya-problema (дата обращения: 06.04.2026).

2. Юлдашбаева Д. Х., Даркулова К. Н. Формирование и развитие импрессивной и экспрессивной речи // Студенческий научный форум. 2022. URL: https://scienceforum.ru/2022/article/2018030688 (дата обращения: 06.04. 2026).

3. Пухарева Т. С. Психологическая безопасность и её роль в профессиональном развитии личности // Издательство Нота Бене. 16. 05. 2016. URL: https://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=19195 (дата обращения: 06. 04. 2026).

4. Панфёрова Н. Н. Театральная педагогика как средство создания развивающей образовательной среды // Солнечный свет. 22.07.2025. URL: https://solncesvet.ru/opublikovannyie-materialyi/teatralnaya-pedagogika-kak-sredstvo-sozd.23934812211/ (дата обращения: 06. 04. 2026)

УДК 159.99

Алена Ивановна Халилова
3-й курс, напр. «Психология», Прикамский социальный институт, Пермь, Россия, Alna.khalilova@bk.ru
Научный руководитель: В. С. Зябрева, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики, магистр социальных наук по специальности «Психология»

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ И УРОВНЯ ТРЕВОЖНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи эмоционального выгорания и тревожности (ситуативной и личностной). Личностная тревожность рассматривается как значимый внутренний фактор риска развития синдрома выгорания.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание; ситуативная тревожность; личностная тревожность; синдром выгорания; профессии «человек – человек»; психопрофилактика; корреляционный анализ

Alena I. Halilova
Student of the Prikamsky Social Institute, Perm, Russia, Alna.khalilova@bk.ru
Supervisor: V. S. Zyabreva, Senior Lecturer at the Department of Psychology and Pedagogy, Master of Social Sciences in Psychology

THE RELATIONSHIP BETWEEN EMOTIONAL BURNOUT AND THE LEVEL OF ANXIETY IN AN INDIVIDUAL

Abstract. The article presents the results of an empirical study on the relationship between emotional burnout and anxiety (both state and trait anxiety). Trait anxiety is considered a significant internal risk factor for the development of burnout syndrome.

Keywords: emotional burnout; state anxiety; trait anxiety; burnout syndrome; “person-to-person” professions; psychoprophylaxis; correlation analysis

Современное общество характеризуется высокой динамикой, неопределённостью и возрастающими психоэмоциональными нагрузками. В этих условиях особую актуальность приобретает проблема сохранения психического здоровья личности [1]. Среди нега-

тивных психологических феноменов, широко распространённых в профессиональной и учебной среде, ключевое место занимают синдром эмоционального выгорания и тревожность. Эмоциональное выгорание (ЭВ) можно определить как состояние эмоционального, психического и физического истощения, возникающее вследствие хронического, часто профессионального, стресса [2; 3]. Тревожность, в свою очередь, выступает как ситуативная реакция или устойчивая личностная характеристика, снижающая адаптационный потенциал [4]. Особый интерес представляет изучение взаимосвязи этих феноменов у представителей помогающих профессий и молодых специалистов, находящихся на этапе активного профессионального становления. Несмотря на значительное количество исследований, посвящённых отдельно выгоранию и тревожности, вопрос о специфике их взаимосвязи, а также о том, какие компоненты выгорания наиболее тесно связаны с разными видами тревожности, остаётся недостаточно изученным. Настоящая работа направлена на восполнение этого пробела.

В зарубежной психологии классической является трёхкомпонентная модель выгорания К. Маслач, включающая эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений [3]. В отечественной психологии значительный вклад в изучение эмоционального выгорания внесли В. В. Бойко (концепция фаз и симптомов выгорания) [2], Н. Е. Водопьянова (динамическая модель развития синдрома) [5]. Тревожность в современной психологии рассматривается как многомерное образование. Ключевым для исследования является различение ситуативной тревожности (СТ) как временного состояния и личностной тревожности (ЛТ) как устойчивой индивидуальной характеристики [4]. Теоретический анализ позволяет предположить, что личностная тревожность может выступать предиктором развития ЭВ, а ситуативная тревожность – компонентом начальных стадий выгорания.

Цель исследования – изучение взаимосвязи между уровнем ЭВ и уровнем тревожности личности.

Гипотезы

1. Существует статистически значимая положительная корреляционная связь между уровнем ЭВ и уровнем тревожности.

2. Наиболее тесная связь наблюдается между личностной тревожностью и фазой «истощение» в структуре синдрома ЭВ. Выборка: 30 человек (женщины и мужчины) – менеджеры-

администраторы компьютерного клуба «ДАРИГЕЙМ» (г. Пермь). Возраст: от 18 до 28 лет (средний возраст 20–25 лет). Все респонденты – представители профессий типа «человек – человек». Участие добровольное и анонимное.

Методики

1. «Диагностика уровня эмоционального выгорания» В. В. Бойко (12 симптомов, 3 фазы: напряжение, резистенция, истощение) [2].

2. Тест тревожности Ч. Д. Спилбергера – Ю. Л. Ханина (СТ и ЛТ) [6].

Статистическая обработка: описательная статистика, критерий Колмогорова – Смирнова (проверка нормальности распределения), корреляционный анализ Пирсона (IBM SPS Statistics 23, Microsoft Excel).

Эмпирическое исследование

1. Уровень тревожности. Средний балл ситуативной тревожности составил 48,2 (повышенный уровень), личностной тревожности – 51,2 (повышенный уровень). Высокий уровень тревожности выявлен у 60–67 % выборки, умеренный – у 33 %, низкий – у 7 %. Психоэмоциональный профиль исследуемой группы смещён в сторону повышенной тревожности.

2. Эмоциональное выгорание. Наиболее выраженные симптомы: «расширение сферы экономии эмоций» (8,2 балла), «эмоционально-нравственная дезориентация» (6,8), «загнанность в клетку» (5,1). Наименее выражен симптом «психосоматические нарушения» (2,4). По фазам выгорания: резистенция 23,2 балла, напряжение 17,4, истощение 14,7. Доминирование фазы резистенции свидетельствует об активной стадии развития синдрома, когда психологические защитные механизмы (экономия эмоций, редукция обязанностей) сформированы, но полное истощение ещё не наступило.

3. Корреляционный анализ. Проверка распределения по критерию Колмогорова – Смирнова подтвердила нормальность, что позволило использовать коэффициент корреляции Пирсона. Выявлены статистически значимые положительные корреляции высокой силы между всеми симптомами выгорания и показателями тревожности ($r = 0{,}948…0{,}988$, $p \leq 0{,}01$). Наибольшие значения получены для связей: СТ и симптом «переживание психотравмирующих обстоятельств» ($r = 0{,}987$); СТ и симптом «эмоционально-нравственная дезориентация» ($r = 0{,}988$); ЛТ и симптомы «эмоционально-нравственная дезориентация» ($r = 0{,}988$); «расширение сфе-

ры экономии эмоций» (r = 0,988). Таким образом, первая гипотеза полностью подтверждена. Вторая гипотеза уточнена: наиболее тесные связи обнаружены не только с фазой истощения, но и с фазой резистенции, что указывает на активную роль тревожности в механизмах сопротивления стрессу.

Полученные данные свидетельствуют о том, что личностная тревожность выступает как внутренний фактор, повышающий уязвимость личности к развитию синдрома эмоционального выгорания. Высокий уровень ЛТ способствует восприятию профессиональной среды как угрожающей и истощающей, что запускает и усугубляет защитные реакции (экономия эмоций, отстранённость, цинизм). Ситуативная тревожность, отражая актуальное эмоциональное состояние, также сильно связана с выгоранием. Это подтверждает, что хронический стресс на рабочем месте и неспособность его эффективно преодолевать ведут к закреплению тревожных состояний и развитию ЭВ. Особого внимания заслуживает тот факт, что наиболее высокие корреляции обнаружены с симптомами фазы резистенции. Это означает, что тревожность не просто сопутствует выгоранию, а активно включена в механизмы психологической защиты, которые со временем становятся дезадаптивными.

Результаты

1. У молодых специалистов 20–25 лет, занятых в профессиях типа «человек – человек», наблюдается повышенный уровень как ситуативной, так и личностной тревожности (48,2 и 51,2 балла соответственно). Высокий уровень тревожности характерен для 60–67 % выборки.

2. Синдром эмоционального выгорания в данной выборке находится в активной фазе развития с доминированием фазы резистенции (23,2 балла). Наиболее выражены симптомы: «расширение сферы экономии эмоций», «эмоционально-нравственная дезориентация», «загнанность в клетку».

3. Выявлены статистически значимые прямые корреляции высокой силы между всеми симптомами выгорания и показателями тревожности ($r = 0,948…0,988$, $p \leq 0,01$). Чем выше уровень тревожности, тем интенсивнее проявления выгорания.

4. Личностная тревожность является значимым внутренним фактором риска развития синдрома эмоционального выгорания и может рассматриваться как мишень для психопрофилактики и психокоррекции.

Результаты исследования могут быть использованы в следующих направлениях.

1. На этапе отбора и сопровождения персонала – введение обязательной диагностики личностной тревожности для кандидатов на позиции, связанные с интенсивным межличностным взаимодействием.

2. В рамках психологической помощи – разработка и внедрение тренинговых программ, направленных на развитие навыков саморегуляции, управления тревогой и стресс-менеджмента.

3. На организационном уровне – формирование психологически безопасной рабочей среды, снижающей уровень ситуативной тревожности (регулярный супервизий, оптимальная нагрузка, поддержка руководства).

Проведённое теоретико-эмпирическое исследование позволило подтвердить выдвинутые гипотезы и сформулировать основные выводы. Теоретический анализ показал, что эмоциональное выгорание и тревожность являются взаимосвязанными феноменами, имеющими общие механизмы возникновения, связанные с хроническим стрессом и недостаточностью копинг-ресурсов. Эмпирические результаты исследования на выборке молодых специалистов (20–25 лет, $n = 30$) выявили повышенные уровни ситуативной (48,2 балла) и личностной тревожности (51,2 балла). Синдром эмоционального выгорания находится в активной фазе развития с доминированием фазы резистенции (23,2 балла), что проявляется в расширении сферы экономии эмоций, эмоционально-нравственной дезориентации и чувстве «загнанности в клетку». Корреляционный анализ установил статистически значимые положительные связи высокой силы между всеми симптомами выгорания и показателями тревожности ($r = 0{,}948…0{,}988$, $p \leq 0{,}01$). Наиболее тесные корреляции обнаружены между тревожностью и симптомами фазы резистенции. Личностная тревожность выступает как значимый внутренний фактор риска развития эмоционального выгорания, а ситуативная тревожность – как маркер актуального стрессового состояния, усиливающего выгорание. Практическая значимость работы состоит в обосновании необходимости включения диагностики тревожности в программы профилактики выгорания, особенно у специалистов помогающих профессий. Результаты могут быть использованы при разработке тренингов саморегуляции и стресс-менеджмента. Ограничениями исследования являются небольшая выборка и её при-

надлежность к одной профессиональной группе. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением выборки, включением разных профессиональных групп и апробацией профилактических программ.

Список источников

1. Гаранян Н. Г., Холмогорова А. Б. Интегративная психотерапия тревожных и депрессивных расстройств на основе когнитивной модели // Московский психотерапевтический журнал. 1996. № 3. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/1996_n3/cpp_1996_n3_25535.pdf (дата обращения: 05.03.2026).

2. Бойко В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб. : Сударыня, 1999. 28 с.

3. Маслач К., Лейтер М. П. Представление о синдроме эмоционального выгорания: современное исследование и его применение в психиатрии. URL: https://psychiatr.ru/files/magazines/2016_06_wpa_1039.pdf (дата обращения: 05.03.2026).

4. Прихожан А. М. Изучение тревожности как переживания в контексте культурно-исторической концепции // Вестник РГГУ. Серия: психология. педагогика. образование. 2006. № 1. С. 99–115.

5. Водопьянова Н. Е. Профилактика и коррекция синдрома выгорания: методология, теория, практика. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. 160 с.

6. Методика оценки тревожности Ч. Д. Спилбергера, Ю. Л. Ханина // Моск. науч.-практ. центр медицинской реабилитации, восстановительной и спортивной медицины им. С. И. Спасокукоцкого Департамента здравоохранения г. Москвы. URL: https://cmrvsm.ru/wp-content/uploads/2024/12/METODIKA-OTSENKI-TREVOZHNOSTI-CH.D.-SPILBERGERA.pdf (дата обращения: 05.03.2026).

УДК 159.9

Станислав Викторович Хотинский
1-й курс, напр. «Юриспруденция», Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Пермь, Россия, stashotinskij@gmail.com
Научный руководитель: М. Ю. Смирнова, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с причинами возникновения профессиональной деформации у сотрудников уголовно-исполнительной системы. Отрицательное воздействие профессиональной деформации на личность, психику и поведение сотрудников ФСИН России находит проявление в ряде признаков, таких как изменение профессионального мышления, нестабильность эмоционально-волевой сферы, отсутствие разделения между личной и профессиональной сферами жизни, изменение системы ценностей. Профилактика профессиональной деформации входит в служебные обязанности психологов уголовно-исполнительной системы и реализуется через систему мероприятий, проводимых с сотрудниками уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: сотрудники; уголовно-исполнительная система; профессиональная деформация; профилактика

Stanislav V. Khotinsky
Student of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia, stashotinskij@gmail.com
Supervisor: M. Yu. Smirnova, Senior Lecturer at the Department of Humanities and Social and Economic Disciplines

PROFESSIONAL DEFORMATION OF EMPLOYEES OF THE CRIMINAL-EXECUTIVE SYSTEM AS A FACTOR IN REDUCING THE SAFETY OF OFFICIAL ACTIVITIES

Abstract. The article discusses current issues related to the causes of professional deformation among employees of the penal system. The negative impact of professional deformation on the personality, psyche, and behavior of Federal

Penitentiary Service employees manifests itself in a number of symptoms, such as changes in professional thinking, emotional instability, a lack of separation between personal and professional life, and a shift in value systems. Prevention of professional deformation is part of the job responsibilities of psychologists in the penal system and is implemented through a series of activities conducted with penal system employees.

***Keywords*:** employees; penal system; professional deformation; prevention

Служба сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) протекает в опасных, напряжённых, стрессовых обстоятельствах, оказывающих влияние на жизненный выбор как в рабочей, так и в личной жизни сотрудников. В качестве примеров экстремальных ситуаций можно указать такие, как неповиновение заключённых под стражу, массовые беспорядки, захваты заложников и т. д. Хотя экстремальные ситуации и влияют на человека, но в данном случае наиболее опасное воздействие на сотрудника УИС в плане профессиональной деформации могут оказать не сами экстремальные ситуации, а контингент, находящийся под стражей и требующий работы с ним.

Итак, первый фактор профессиональной деформации сотрудника УИС – постоянный контакт с контингентом подозреваемых, обвиняемых, осуждённых. Часто можно встретить аморалистов, психически неуравновешенных, представителей различных криминальных субкультур. По мере роста строгости режимного объекта будет расти концентрация рецидивистов и людей с отклонениями в психике [1]. Также влияет длительность контакта: чем контакт дольше, тем больше это приводит к неосознанному усвоению и эксплуатации криминального жаргона, манеры общения. Особенно это заметно у сотрудников, работающих непосредственно с осуждёнными в режимных корпусах.

Второй фактор – условия изоляции профессиональной деятельности, а именно тот факт, что сотрудники УИС являются невольными узниками своей работы [2]. Территория выполнения их функциональных обязанностей часто закрыта от внешнего мира и имеет свой порядок входа/выхода, ограниченный круг общения, специфический характер служебных отношений, необходимость сохранения режима секретности. Всё это создаёт идеальные условия для формирования мышления, когда сотрудник воспринимает окружающий мир исключительно в связи с факторами служебной деятельности.

Третий фактор – низкая престижность профессии среди большей части граждан, заключённых под стражу, а также клеймо жёсткого деспотизма. Повсюду в мире люди, работающие в тюрьмах, ощущают, как на них накладывается ограничение в действиях, лежащее на заключённых [3].

Четвёртый фактор – жёсткая регламентация профессиональной деятельности. Служба в системе ФСИН России всегда регулируется нормативно-правовыми актами, приказами, инструкциями. Постоянная деятельность в рамках строгих правил приводит к формализму, потере гибкости мышления и способности к решению проблем, не описанных в инструкциях.

Пятый фактор – организация служебной деятельности. Часто неудовлетворительные условия места несения службы, невысокая оплата труда при высокой служебной нагрузке вызывают развитие профессионального цинизма и снижение мотивации к выполнению своих функциональных обязанностей.

Шестой фактор – индивидуально-личностные особенности лица, работающего в УИС. Такие особенности. как недостаточная психологическая устойчивость, низкий уровень ответственности к своим обязанностям, отсутствие чётких нравственных ориентиров. Все эти особенности ускоряют процесс деформации.

Сотрудники УИС должны ежедневно работать над исправлением контингента, доказывая социальную важность в обществе службы сотрудника УИС и правомерность своих действий. В напряжённых условиях, формирующихся под влиянием вышеперечисленных факторов, и появляется профессиональная деформация у сотрудников УИС, изменяющая их профессиональные возможности и личностные характеристики.

Личностно-профессиональная деструкция персонала пенитенциарной системы вариативна по своей структуре, глубине и характеру проявления, оказывает глубокое трансформирующее воздействие на ментальную сферу и индивидуально-психологические особенности субъекта. Вредное влияние служебной среды обусловлено жесткой изоляцией исправительных учреждений, формированием асимметричной ролевой модели «власть – подчинение» (где осуждённые воспринимаются исключительно как подневольный контингент), а также вынужденной перманентной интеграцией в криминальный субкультурный контекст.

Одной из базовых форм данного искажения выступает деструктивная авторитарность. Она выражается в радикальной смене вектора взаимодействия со спецконтингентом: общение приобретает доминантный, бескомпромиссный и ригидный характер. Проблемы, которые начинаются на работе, не остаются только там – они распространяются дальше, на личную жизнь сотрудника. Из-за личностной деформации ухудшаются как отношения с коллегами, так и в семье, с близкими. В структуре личности авторитарность манифестирует в виде иллюзии собственной безупречности и компенсаторно-завышенного уровня самооценки.

Элементом профессиональной деформации является и эмоциональное выгорание, выражающееся в эмоциональном истощении, снижении эмоционального интеллекта и эмпатии, повышении уровня безразличия. Поведенческие признаки эмоционального выгорания проявляются в формальном подходе к выполнению служебных обязанностей, низкой переключаемости внимания и снижение его концентрации, потере социальных контактов.

Профессиональная деформации представляет собой угрозу не с точки зрения влияния только на личность, но и на реализацию профессиональной законной детальности сотрудников УИС. Работа психолога УИС по профилактике и коррекции профессиональной деформации требует комплексного подхода и целенаправленных мер по предупреждению и минимизации негативного влияния негативных факторов на личность сотрудника.

Важнейшее значение в рассматриваемой профессиональной деятельности имеет качественный отбор кандидатов на службу в УИС. Психологи-эксперты «Центра психологической диагностики» проводят исследование личности, направленное на выявление кандидатов с устойчивой психикой, развитыми морально-нравственными установками, высоким уровнем стрессоустойчивости, низкими антисоциальными установками. Выявление кандидатов, «не рекомендованных» к службе в УИС, позволяет минимизировать в будущем риск развития профессиональной деформации как процесса, оказывающего влияния в том числе на соблюдение законности в пенитенциарных учреждениях.

Следующий этап – это психологическое сопровождение молодого сотрудника в процессе прохождения стажировки, далее – в период адаптации к службе (1–2 года) и в течение всей дальнейшей службы. Психологом проводятся психологическое обследование, индивидуальные консультации, просветительские и профилактические мероприятия.

Важную роль в предупреждении личностных искажений играет постоянная психологическая поддержка сотрудников во время службы. Систематическая диагностика, персональные консультации и занятия по развитию эмоционально-волевой устойчивости позволяют своевременно выявлять начальные симптомы выгорания.

Ключевым условием успешной профилактики служит создание комфортной атмосферы в коллективе. Взаимное уважение и поддержка сослуживцев помогают снизить уровень нервно-психического напряжения и предотвратить появление негативных поведенческих паттернов. Руководящему составу и начальникам отрядов необходимо уделять повышенное внимание выстраиванию здоровых взаимоотношений между подчиненными.

Резюмируя, отметим, что условия труда в УИС характеризуются постоянным фоновым стрессом, повышенной конфликтностью и рисками. Это требует от каждого сотрудника развитой психологической надёжности, а также навыков быстрого и адекватного принятия решений в кризисных обстоятельствах.

Список источников

1. Королева Н. Б. Сотрудники уголовно-исполнительной системы: экстремальные условия профессии и их следствия // Прикладная юридическая психология. 2008. № 4. С. 86–88.

2. Ильина Е. С. Экстремальная профессия – сотрудник УИС // Развитие личности. 2002. № 4. С. 169–172. URL: https://rl-online.su/articles/4-02/211.html (дата обращения: 12.03.2026).

3. Свинаренко И. Н. Русские сидят. По зонам родины. М., 2002. 384 с.

УДК 159.923.2

Анна Владимировна Чижова
1-й курс, напр. «Психология», Пермский государственный гуманитарно- педагогический университет, Пермь, Россия, anuta080803@mail.ru
Научный руководитель: А. Ю. Калугин, канд. психол. наук, доцент, зав. кафедрой практической психологии

МЕСТО РЕФЛЕКСИВНОСТИ В СТРУКТУРЕ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемы определения места рефлексивности в структуре интегральной индивидуальности. Рассматриваются теоретические подходы к пониманию интегральной индивидуальности как целостной системы и рефлексии как механизма регуляции психической активности субъекта. Показано, что рефлексивность выступает как системное свойство, обеспечивающее интеграцию разноуровневых характеристик индивидуальности, что обусловливает необходимость дальнейшего изучения её структурного статуса и функций.

Ключевые слова: рефлексивность; интегральная индивидуальность; активность субъекта; психологическая безопасность

Anna V. Chizhova
Student of the Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, anuta080803@mail.ru
Supervisor: A. Yu. Kalugin, Candidate of Psychologic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Practical Psychology

THE PLACE OF REFLEXIVITY IN THE STRUCTURE OF INTEGRAL INDIVIDUALITY: STATEMENT OF THE PROBLEM

Abstract. This article is devoted to the analysis of the problem of determining the place of reflexivity in the structure of integral individuality. It examines theoretical approaches to understanding integral individuality as a holistic system and reflexivity as a mechanism for regulating the subject's mental activity. It is shown that reflexivity acts as a systemic property that ensures the integration of multi-level characteristics of individuality, which necessitates further study of its structural status and functions.

Keywords: reflexivity; integral individuality; subject activity; psychological safety

Современные социальные процессы характеризуются высокой степенью динамичности, неопределённости и усложнения форм взаимодействия между людьми. В этих условиях особую значимость приобретает проблема психологической безопасности личности.

Психологическая безопасность понимается как состояние защищённости, обеспечивающее сохранение психического благополучия и возможность устойчивого функционирования субъекта в процессе социального взаимодействия. Вместе с тем психологическая безопасность определяется не только условиями социальной среды, но и внутренними характеристиками субъекта, обеспечивающими осознание ситуации и регуляцию собственной активности.

Первым в научный оборот термин «интегральная индивидуальность» ввел В. С. Мерлин, определяя её как совокупность связей между всеми свойствами человека, отражающую его индивидуальное своеобразие.

Учение об интегральной индивидуальности представляет собой вариант целостного подхода к человеку с позиций принципов общей теории систем. В его основе лежат фундаментальные системные идеи: о структурных уровнях, телеологической детерминации и полиморфизме [1, с. 148].

В. С. Мерлин рассматривал индивидуальность как систему, в которой разноуровневые свойства связаны между собой посредством полиморфных, много-многозначных отношений, обеспечивающих её целостность при сохранении относительной автономности отдельных уровней.

Человек в рамках данной теории рассматривается как большая система, которая складывается из иерархической совокупности относительно автономно сосуществующих разноуровневых подсистем, много-многозначно (полиморфно) связанных между собой. Иерархический способ организации, единство интеграции и дифференциации, телеологический и каузальный типы детерминации, гибкость много-многозначных (полиморфных) и жёсткость однозначных связей – таковы главные особенности представления о человеке в этой теории [1, с. 149].

Вместе с тем рассмотрение интегральной индивидуальности как целостной системы актуализирует вопрос о механизмах, обеспечивающих согласование и интеграцию разноуровневых свойств лично-

сти. В качестве одного из таких системообразующих механизмов выступает рефлексия, обеспечивающая регуляцию и интеграцию психической деятельности на высшем уровне организации психики.

В психологии рефлексия рассматривается как особый психический процесс, обеспечивающий осознание, анализ и регуляцию собственной деятельности и поведения субъекта. При этом важно разграничивать рефлексию как процесс и рефлексивность как устойчивое психическое свойство личности, отражающее степень выраженности и развитости данного процесса.

В работах А. В. Карпова рефлексия рассматривается как средство реализации высшего – метасистемного – уровня организации психики. Подчеркивается, что рефлексия – не только продукт сознания, но и форма его существования, важнейшее его условие, а строго говоря, и один из его основных механизмов [2, с. 2].

Рефлексия выступает в качестве механизма развития и регуляции деятельности, в свою очередь, деятельность является предметом рефлексии [2, с. 65]. Рефлексия рассматривается в качестве действия, направляемого представлением о результате, служащего для корректировки текущей деятельности и планирования её перспектив. Рефлексия – это действие, направленное на выяснение оснований собственного способа осуществления активности.

В этой связи обращение к исследованиям А. А. Волочкова и А. Ю. Попова позволяет конкретизировать роль рефлексии в системе субъектной активности. Активность, понимаемая в данном исследовании как мера субъектности взаимодействия человека с миром, отражает соотношение субъектного и объектного в каждой конкретной ситуации полисистемного взаимодействия [3, с. 36].

Результаты исследований показывают, что система активности личности во многом оказывается «стянутой» к сфере рефлексии, выступающей основанием регуляции и выбора различных форм жизнедеятельности. На этой основе осуществляется выбор различных форм жизнедеятельности: общения, познания, культурной среды и познавательной активности [3, с. 82].

Полученные данные позволяют рассматривать рефлексию как центральный механизм активности, обеспечивающий её целостность и направленность.

Наряду с рефлексией как психическим процессом существует рефлексивность как психическое свойство, представляющее собой особую качественную характеристику субъекта и его психики.

Рефлексивность – это именно качество, психическое свойство, входящее в круг значений более общих понятий «психические свойства», «индивидуальные качества». Рефлексивность выполняет не только детерминирующую, но и более общие функции, выступая в роли регулятора проявления других психологических характеристик, усиливая вариативность их проявлений и способствуя выявлению скрытых закономерностей [2, с. 112].

Как интегративное свойство, рефлексивность обеспечивает согласование различных уровней психической организации и выступает условием осознанной саморегуляции субъекта, что позволяет рассматривать её в качестве одного из ключевых механизмов целостной организации индивидуальности.

Таким образом, проведённый анализ позволяет рассматривать рефлексивность как значимый механизм регуляции и интеграции психической активности субъекта. Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на признание рефлексивности в качестве важного психологического механизма активности и саморегуляции, её место и функции в структуре интегральной индивидуальности остаются недостаточно определёнными. Недостаточная разработанность данного вопроса обусловливает необходимость дальнейшего изучения места и функций рефлексивности в системе интегральной индивидуальности.

Список источников

1. Вяткин Б. А., Дорфман Л. Я. Теория интегральной индивидуальности В. С. Мерлина: история и современность // Образование и наука. 2017. Т. 19, № 2. С. 145–160. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-2-145-160.

2. Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М. : Ин-т психологии РАН, 2004. 421 с.

3. Попов А. Ю., Волочков А. А. Структура и психологическая диагностика активности студента. Пермь : ПГГПУ, 2015. 152 с.

УДК 159.9

Никита Сергеевич Шустов
4-й курс, направление «Государственное управление»,
Майкопский государственный технологический университет,
Майкоп, Россия, kaf_fizvos@mkgtu.ru
Научный руководитель: В. Г. Свечкарёв, д-р пед. наук, профессор кафедры психологии и педагогики, Ростовский институт защиты предпринимателя, Ростов-на-Дону, Россия, SPIN-код: 6501-0966, https://orcid.org/0000-0002-4567-0476

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА АУТОАГРЕССИВНЫХ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ПАТТЕРНОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: РЕСУРСНЫЙ ПОДХОД К ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются аутоагрессивные мыслительные паттерны (зависть, обида, жалобы, осуждение). Цель исследования – анализ социокультурных механизмов их воспроизводства в условиях цифровой нестабильности: интеграция концепций «общества спектакля», «культуры нарциссизма», теории социального сравнения и выученной беспомощности. Сделаны выводы о том, что цифровая среда катализирует зависть и осуждение, хроническая нестабильность усиливает обиду и жалобы. Обоснована необходимость рефлексивной компетентности и внутреннего локуса контроля для психологической безопасности личности.

Ключевые слова: социальные трансформации; психологическая безопасность; ментальная гигиена

Nikita S. Shustov
Student of the Maykop State Technological University,
Maykop, Russia, kaf_fizvos@mkgtu.ru
Supervisor: V. G. Svechkarev, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor at the Department of Psychology and Pedagogy, Rostov Institute of Protection of Businessman, SPIN-code: 6501-0966, https://orcid.org/0000-0002-4567-0476

SOCIOCULTURAL MECHANISMS OF AUTO-AGGRESSIVE THINKING PATTERNS REPRODUCTION IN THE CONTEXT OF DIGITAL INSTABILITY: A RESOURCE-BASED APPROACH TO PERSONALITY PSYCHOLOGICAL SAFETY

Abstract. Auto-aggressive thinking patterns (envy, resentment, complaining, judging). Aim: to analyze sociocultural mechanisms of their reproduction under digital instability. Main content: integration of the “society of the spectacle”, “culture of narcissism”, social comparison theory, and learned helplessness. Results: digital environment catalyzes envy and judging; chronic instability intensifies resentment and complaining. The need for reflexive competence and internal locus of control to ensure psychological safety is substantiated.

Keywords: social transformations; digital instability; mental hygiene

Введение

Когда говорят о здоровом образе жизни (ЗОЖ), чаще подразумевают отказ от вредных привычек, правильное питание и физическую культуру [1–3]. Однако даже при их соблюдении многие испытывают тревогу и раздражение. Источник часто кроется в мыслительных привычках, остающихся за рамками традиционных программ ЗОЖ [4]. В статье рассматриваются четыре деструктивных паттерна – зависть, обида, жалобы, осуждение – через призму социокультурных теорий и их связь с социальными трансформациями. Особое внимание уделяется психологической безопасности личности – состоянию защищённости от психологического насилия, удовлетворённости средой и возможности полноценного социального взаимодействия [5]. Аутоагрессивные паттерны подрывают эту безопасность как на индивидуальном, так и на групповом уровне.

Актуальность. По данным Института психологии РАН, 39 % россиян имеют симптомы депрессии, 24 % – тревоги, треть населения страдает тревожно-депрессивным состоянием [6]. За 15 лет (2009–2024) вдвое выросло число обращений за психологической помощью [6]. Уровень стресса за три года крайне существенно возрос – с 2 до 37 %, особенно среди молодёжи 25–33 лет [7]. В 2024 г. уровень тревожности дважды превышал спокойствие. В настоящее время исследователи говорят о «ментальной пандемии» [8]. Цифровая среда усиливает зависть и недовольство собой [9]. Классические программы ЗОЖ не учитывают психологическую составляющую, что нивелирует пользу физических практик.

Цель – анализ социокультурных механизмов формирования аутоагрессивных паттернов в условиях цифровой нестабильности и обоснование включения «ментальной гигиены» в ЗОЖ как фактора психологической безопасности.

Результаты исследования

1. *Социальные трансформации и личность.* Э. Тоффлер охарактеризовал «шок будущего» как реакцию на ускорение перемен [10, с. 13–16]. Г. Дебор ввёл понятие «общество спектакля» – отчуждение человека от жизни под влиянием рыночной экономики [11, с. 5–7]. В XXI в. оно усилилось «текучестью» и «симулятивностью» [4, с. 19–21]. К. Лэш в «Культуре нарциссизма» показал, что современная культура формирует склонность к зависти, обесцениванию других [12, с. 15–23]. Социальные сети создают среду непрерывного сравнения, что напрямую угрожает психологической безопасности: человек перестаёт чувствовать себя защищённым от негативных оценок и агрессии.

2. *Зависть: социальное сравнение в цифровой среде.* Теория Л. Фестингера утверждает: человек оценивает себя относительно других [13, с. 5–7]. В соцсетях это порождает зависть и чувство неполноценности: чем больше времени пользователь проводит в «ленте», тем сильнее ему кажется, что у всех всё лучше [9, с. 187–205]. К. Изард рассматривал зависть как коктейль из расстройства, злости и стыда [14, с. 112–145]; Т. В. Бескова отмечает в ней обиду и тревогу [15, с. 65–71]; Е. П. Ильин – разрушительную силу для самооценки [16, с. 112–145]; И. М. Исангулова связывает её с поиском идентичности [17, с. 42–51]. Зависть – форма аутоагрессии, её преодоление требует рефлексивной компетентности и внутреннего локуса контроля. В групповом взаимодействии зависть разрушает доверие, провоцирует скрытую конкуренцию и снижает общую психологическую безопасность коллектива.

3. *Обида как «застрявшая эмоция».* Ф. Е. Василюк определяет обиду как критическую ситуацию, требующую внутренней переработки [18]. Без неё она становится «незакрытым гештальтом» и разрушает личность. Л. В. Куликов предупреждает о неврозах и психосоматике [19, с. 213–220]. В условиях нестабильности люди фиксируются на неоправданных ожиданиях от государства, работодателей, близких, формируется «культура выживания» [6]. Хроническая обида – это стресс с высоким кортизолом. Как подчёркивал М. Селигман, важна интерпретация события, а не оно само [20]. Переход к интернальному локусу контроля – ключевое условие преодоления обиды и восстановления психологической безопасности.

4. *Жалобы как выученная беспомощность.* Феномен М. Селигмана: после опыта неконтролируемых событий человек перестаёт пы-

таться изменить ситуацию [21, с. 4–9]. В социальном контексте хроническая нестабильность порождает генерализованную выученную беспомощность, одно из проявлений которой – привычка жаловаться. Нейробиологически частое повторение мыслей закрепляет нейронные связи. Привычка жаловаться – пессимистический стиль, противоположный «выученному оптимизму» [19]. В группе жалобы заразительны: они формируют общее негативное поле, снижающее психологическую безопасность всех членов сообщества.

5. *Осуждение и проекция в цифровой культуре.* Осуждение других – часто проекция собственных непринимаемых качеств (Тень в юнгианстве). В цифровой культуре это проявляется как публичный стыд, «культура отмены», анонимная агрессия – черты «нарциссического» типа культуры, по К. Лэшу [12, с. 18–22]. А. Б. Холмогорова и Н. Г. Гаранян показывают, что дезадаптивные установки к эмоциям играют патогенную роль в развитии аффективных расстройств [22, с. 2–8]. Привычка осуждать и подавлять чувства ведёт к соматизации и хроническому напряжению. Необходимы эмоциональный интеллект и принятие своей Тени. Психологическая безопасность социальной группы невозможна, если её члены постоянно осуждают друг друга – возникает атмосфера подозрительности и страха.

6. *Практический аспект: метод «фиолетового браслета».* Метод предложен У. Боуэном в 2006 г.: человек надевает фиолетовый браслет и в течение 21 дня старается не жаловаться, не критиковать и не сплетничать; при срыве браслет переодевается на другую руку, и отсчёт начинается заново [23]. Психологический механизм включает повышение осознанности автоматических негативных реакций, тренировку тормозного контроля и постепенное формирование новых нейронных связей (нейропластичность). Метод опирается на внутренний локус контроля и рефлексию, что делает его эффективным инструментом развития ментальной гигиены. Данные показывают, что участники эксперимента отмечают снижение соматических симптомов и улучшение отношений [24].

Выводы

1. Социальные трансформации и цифровая нестабильность усиливают аутоагрессивные паттерны. Концепции «общества спектакля», «культуры нарциссизма» и теории социального сравнения объясняют механизмы их воспроизводства.

2. Эмпирические данные (ВЦИОМ, ФОМ, РАН) фиксируют рост тревожно-депрессивных состояний в России, что подтверждает актуальность исследования для психологической безопасности.

3. Зависть, обида, жалобы и осуждение не только разрушают личность, но и подрывают психологическую безопасность социальных групп (снижают доверие, усиливают конфликтность, формируют выученную беспомощность коллектива).

4. Преодоление паттернов требует развития рефлексивной компетентности, эмоционального интеллекта и внутреннего локуса контроля. ЗОЖ не может ограничиваться физической активностью; «ментальная гигиена» должна стать его неотъемлемым компонентом. Простые поведенческие техники (например, метод «фиолетового браслета») через нейропластичность помогают перестраивать автоматические реакции и укреплять психологическую безопасность личности.

Список источников

1. Нехорошева Э. А., Свечкарёв В. Г. Пропаганда ЗОЖ в образовательной среде // Новые технологии в учебном процессе и производстве : материалы XXI Междунар. науч.-техн. конф. Рязань, 2023. С. 820–822.

2. Свечкарёв В. Г. Современные приоритеты развития государственной политики в области физической культуры и спорта // Научные известия. 2020. № 18. С. 57–61.

3. Свечкарёв В. Г. Тренажер «ПравИло» и современный образ жизни // Проблемы физической культуры населения : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. Гомель, 2017. С. 258–261.

4. Холмогорова А. Б. Теоретические и эмпирические основания интегративной психотерапии расстройств аффективного спектра : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2006. 462 с.

5. Баева И. А. Психологическая безопасность в образовании. СПб. : Союз, 2002. 271 с.

6. Адаптивная солидарность: экспертиза ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/expertise/adaptivnaja-solidarnost (дата обращения: 15.04.2026).

7. Российская молодёжь живёт в постоянном стрессе: исследование ВЦИОМ. URL: https://nsn.fm/society/rossiiskaya-molodezh-zhivet-v-postoyannom-stresse (дата обращения: 15.04.2026).

8. В ФОМ заявили о дефиците доверия и возможной эпидемии выгорания среди россиян. URL: https://expert.ru/news/v-fom-zayavili-o-defitsite-doveriya-i-vozmozhnoy-epidemii-vygoraniya-sredi-rossiyan/ (дата обращения: 15.04.2026).

9. Smith R., Kim S., Parrott W.G. Envy in the Digital Age: Social Comparison and Facebook // Journal of Social and Clinical Psychology. 2018. Vol. 37, no. 3. P. 187–205.

10. Тоффлер Э. Шок будущего. М. : АСТ, 2002. 557 с.

11. Дебор Г. Общество спектакля. М. : Ад Маргинем, 2019. 224 с.

12. Lasch Ch. The culture of narcissism: American life in an age of diminishing expectations. New York; London : W.W. Norton & Co, 1991. XX, 283 p.

13. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб. : Ювента, 1999. 318 с.

14. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб. : Питер, 2007. 464 с.

15. Бескова Т. В. Содержание аффективного компонента зависти // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 10. С. 65–71.

16. Ильин Е. П. Психология зависти, враждебности, тщеславия. СПб. : Питер, 2014. 208 с.

17. Исангулова И. М. Уровни переживания зависти // Пространство психоанализа и психотерапии. 2024. № 1. С. 42–51.

18. Василюк Ф. Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.

19. Куликов Л. В. Психогигиена личности : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2004. 464 с.

20. Seligman M. E. P. Flourish: A Visionary New Understanding of Happiness and Well-being. New York : Free Press, 2011. 368 p.

21. Селигман М. Как научиться оптимизму: измените взгляд на мир и свою жизнь. М. : Альпина Паблишер, 2013. 338 с.

22. Холмогорова А. Б., Гаранян Н. Г. Культура, эмоции и психическое здоровье // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 61–74.

23. Боуэн У. Мир без жалоб: прекрати ныть – и жизнь изменится. М. : Эксмо, 2010. 256 с.

24. Морин Э. 13 привычек сильных духом людей. Верни свою силу, перестань бояться перемен, посмотри в лицо своим страхам. М. : БОМБОРА : Эксмо, 2019. 336 с.

СОДЕРЖАНИЕ

1. ОБЩЕСТВО В ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 3

Э. Э. Акбашева
ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ И ИСПОЛНЕНИИ СМАРТ-КОНТРАКТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ 3

К. А. Алферова, В. В. Галич
АДАПТАЦИЯ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ К ИЗМЕНЕНИЯМ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В 2026 ГОДУ 10

П. В. Ананьев
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПОНЯТИЕ И ПОДХОДЫ К ЕГО ТРАКТОВКЕ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ 16

Д. Д. Баженов
К ВОПРОСУ О ФИНАНСИРОВАНИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ 21

М. Д. Богданова, А. В. Масютина
ЦИФРОВОЙ ПРОФИЛЬ ГРАЖДАНИНА КАК НОВЫЙ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИДЕНТИФИКАЦИИ 27

А. Д. Бузова
ЮРИДИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ 33

Ф. А. Гаджиева
РАСКРЫТИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ЭЛЕКТРОННЫМ СЛЕДАМ 38

Е. А. Дрёмина
К ВОПРОСУ О РЕГУЛИРОВАНИИ ИСПОЛНЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ 43

Д. И. Евдокимова, У. Р. Шахова
ПОРЯДОК СБОРА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В НАЛОГОВОМ ПРОЦЕССЕ 48

А. А. Евстигнеева
ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ 54

Д. А. Жуков
ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ДОГОВОРА ФРАХТОВАНИЯ ОТ СМЕЖНЫХ ДОГОВОРОВ 59

А. А. Зайчиков
ЦИФРОВАЯ СДЕЛКА: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ 63

А. А. Замолуева, А. И. Мандрыкина
ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ ДАННЫХ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 67

А. П. Игнатьева
ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ И ЭКСТРЕМИСТСКИХ ДЕЙСТВИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЧЕРЕЗ ИНТЕРНЕТ 74

К. А. Кибкало
ПРИЗНАНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ СПОСОБ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА 80

М. А. Кинев
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В УСЛОВИЯХ УТЕЧЕК ИНФОРМАЦИИ ИЗ ГОСОРГАНОВ И КОМПАНИЙ 86

О. О. Колесников
ПРОБЛЕМАТИКА ИСКЛЮЧЕНИЯ ЛОСКУТНОЙ АВТОМАТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ЦИФРОВЫХ СЕРВИСОВ В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНОСТРАННОМУ ВЛИЯНИЮ 91

А. А. Колодяжная
КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ КАК МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ 97

О. А. Косенко
ДОВЕРИЕ ОБЩЕСТВА К ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 103

В. В. Кравцова
ОПЕКА И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО В РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ 107

Ю. Д. Лавочкин
ВНЕДРЕНИЕ НАСЛЕДСТВЕННОГО ДОГОВОРА В РОССИЙСКУЮ ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ КАК ИНСТРУМЕНТ УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 113

А. М. Лоскутова
СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ДОКАЗЫВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА 118

В. О. Лушников
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ОХРАНЕ ИДЕЙ И IT-РАЗРАБОТОК В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ 123

В. Л. Лямина
КОРРУПЦИЯ В УИС РФ: ПРИЧИНЫ, ПРОЯВЛЕНИЯ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ 128

В. А. Макеев
НЕОБОСНОВАННАЯ НАЛОГОВАЯ ВЫГОДА КАК ФАКТОР РИСКА ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА В ЭПОХУ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА 133

Е. О. Моисеева
ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ 138

О. А. Орлова, А. М. Менькова
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ 144

Я. А. Прилепа
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ 151

С. А. Рудов
ДРОППЕРСТВО: ЛОВУШКА ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ 156

К. Д. Сединина
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА 159

В. М. Семенов, В. М. Семенова
ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ ПОНЯТИЯ «НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»: АНАЛИЗ ТРЕХ ВЕРСИЙ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (2009, 2015 И 2021 ГГ.) 164

А. О. Соболева
САМОВОЛЬНОЕ ОСТАВЛЕНИЕ ВОИНСКОЙ ЧАСТИ И ДЕЗЕРТИРСТВО: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ, ПРАВОВЫЕ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КОМАНДУЮЩЕГО СОСТАВА 170

С. А. Тимошкин
ПРАВО НА НОШЕНИЕ ОРУЖИЯ: КОНСТИТУЦИОННАЯ ТЕОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА В США И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 176

А. А. Тимрук
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК ПО ОСНОВАНИЮ, ПРЕДУСМОТРЕННОМУ ПП. 3 П. 4 СТ. 1515 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 181

Д. Р. Тиунова
ЛИШЕНИЕ ПРАВА НА СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ПРИ ГИБЕЛИ УЧАСТНИКА СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ .. 189

Я. О. Хайруллина
ДИПФЕЙКИ И КЛЕВЕТА: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ (СТ. 128.1 УК РФ) ... 194

С. А. Щербищ
КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА 199

К. А. Юрьева, Д. Н. Маринкин
ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ЗНАНИИ 203

2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ, РЕГИОНА, ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ 209

М. А. Акимова
ПРОБЛЕМА НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ ССУДНОГО ПРОЦЕНТА НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ И РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ 209

Т. А. Вагнер
РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 215

Р. А. Геранина
ПАРТНЕРСКОЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ 221

М. О. Гимгин
ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 226

Е. А. Гуракова, А. М. Канева, Н. А. Бонюшко
ФОРМИРОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИ БЕЗОПАСНОЙ СРЕДЫ В ПРОЕКТНОЙ КОМАНДЕ: КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ПРАКТИКИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ КОНФЛИКТОВ 231

Е. П. Киселева
ЖИЛИЩНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ МОЛОДОЙ СЕМЬИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЭПОХУ ТРАНСФОРМАЦИЙ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ 238

С. С. Климович
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВЕКТОРЫ ОПТИМИЗАЦИИ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ 242

Н. А. Козел
ВЫУЧЕННАЯ БЕСПОМОЩНОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПОСЛЕДСТВИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ И МЕТОДЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ ЛИЧНОСТИ 249

В. М. Комаров, А. В. Сушкова
К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ УЧАСТИЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПКАХ 255

А. Г. Лукашинская, А. А. Семченко
БЕРЕЖЛИВОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОГРАММЫ «ЭФФЕКТИВНЫЙ РЕГИОН» 260

В. А. Лыткина
ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВЕДОМСТВЕННОГО ВУЗА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ 266

Д. В. Мильчёнок
РОЛЬ «ИНФОРМАЦИОННОГО КОКОНА» В ИЗМЕНЕНИИ КОГНИТИВНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ 270

К. М. Насыров, А. А. Семченко
АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ В ЭКОНОМИКЕ ДАННЫХ: ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ НА ФИСКАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ 277

С. Д. Пфафф, А. А. Семченко
«ЦИФРОВЫЕ ДВОЙНИКИ» В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫМИ ПРОЕКТАМИ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ 282

П. С. Рубашевская
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНА И ЕЕ РОЛЬ В УКРЕПЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 288

В. Н. Сагун
БЕЗОПАСНОСТЬ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭЛЕКТРОННОЙ ПОДПИСИ ... 294

Р. О. Сорокин, А. И. Пономарчук
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АУДИТ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА: МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ ОПТИМИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА 299

3. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ 308

М. Н. Абдужабборова
ЦИФРОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ И КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ 308

А. Г. Аргучинский
ГЕНЕРАТИВНЫЕ НЕЙРОСЕТИ В ПОДГОТОВКЕ КУРСАНТОВ ВЕДОМСТВЕННОГО ВУЗА ФСИН РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ ДЛЯ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА 313

А. Ю. Аристова
ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ДИАГНОСТИКА, ПРОФИЛАКТИКА, КОРРЕКЦИЯ 318

А. В. Боннерт
ВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ДУХОВНУЮ КУЛЬТУРУ ЧЕЛОВЕКА 323

Е. Д. Веслов
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ И ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА 332

А. И. Веснина
РАЗВИТИЕ СВЯЗНОЙ РЕЧИ У ДЕТЕЙ С ОНР III УРОВНЯ СРЕДСТВАМИ МЕДИАПЕДАГОГИКИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ИНТЕГРАЦИИ 337

Д. Ю. Выговский
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ: ПОИСК РЕШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ, МНЕНИЯ ЛИДЕРОВ И ИНФОРМАЦИОННОГО ПУЗЫРЯ В ЭПОХУ ПОСТПРАВДЫ) 342

С. П. Глухих
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ 347

В. С. Гордеев
ТРАДИЦИОННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ 352

А. Д. Гущина
РОДИТЕЛЬСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК ФОРМА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АГЕНТОВ ВОСПИТАНИЯ 360

М. В. Каменских, К. А. Погодина
ПРАВОВОЙ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ САМООБОРОНЫ И ЕЁ ПРЕДЕЛОВ 364

А. В. Ларионова
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СОДЕРЖАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 369

Л. Э. Кучеренко
ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА В СВЕТЕ НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНЦЕПЦИИ НООСФЕРЫ 375

М. С. Лопаткин
К ВОПРОСУ ОБ ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ВЫЗОВЫ И ПРОБЛЕМЫ 381

О. В. Мартынова
ТЕМА ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ КОМПЛЕКСНОМ СОПРОВОЖДЕНИИ КОММУНИКАТИВНОГО РАЗВИТИЯ СЛАБОСЛЫШАЩИХ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ 389

А. А. Новикова, А. А. Мельникова, С. В. Ешану
ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ 1812 ГОДА В АРХИТЕКТУРНОМ НАСЛЕДИИ ГОРОДА УСОЛЬЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ 394

Э. А. Саитхужина
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РИСКИ И ЭТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВЕДОМСТВЕННОГО ВУЗА ФСИН РОССИИ 406

Д. Ю. Саутина
В ПОИСКАХ УСТОЙЧИВОСТИ: КАК СОЦИОКУЛЬТУРА ФОРМИРУЕТ НАШУ ДУХОВНОСТЬ..... 411

В. Д. Субботина
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИНСТИТУТЕ СЕМЬИ У СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ 415

Д. А. Циценко
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (27 АПРЕЛЯ – 8 ИЮЛЯ 1906 Г.) И УРОКИ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА 419

О. О. Чивильдеева
ЦИФРОВАЯ ГИБРИДИЗАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ: РИСКИ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МОЛОДЁЖИ В ЭПОХУ ТРАНСФОРМАЦИЙ 424

4. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ 428

Х. Ф. Абдувасытов
ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРЕЖИВАНИЯ СТРЕССА У КУРСАНТОВ 428

Е. А. Андриолли
ВЛИЯНИЕ САМООЦЕНКИ ШКОЛЬНИКОВ НА УСПЕВАЕМОСТЬ КАК ФАКТОР ПСИХОЛОГИЧЕКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ..... 435

Д. Д. Баженов
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ КУРСАНТА: ФАКТОРЫ РИСКА И РАННЯЯ ПРОФИЛАКТИКА 440

С. С. Бердинских
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПСИХОЛОГОВ ВЕДОМСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, НАПРАВЛЕННАЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ БЕЗОПАСНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ 446

А. С. Ванькова, Н. В. Елисеева
ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОГО ВЫГОРАНИЯ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА 452

А. А. Вертипрахова
ПРОБЛЕМА СМЫСЛА ЖИЗНИ ЛИЧНОСТИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ 458

М. О. Волкова
ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОСУЖДЁННЫХ С ГОТОВНОСТЬЮ К ОСВОБОЖДЕНИЮ В КОНТЕКСТЕ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОБАЦИИ: ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ ФАКТОР УСПЕШНОЙ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ..... 462

П. П. Гусева
РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК СПОСОБ УКРЕПЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ..... 469

С. Ч. Дуюгбан
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КАК ОДИН ИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ СРЕДЫ..... 472

А. А. Заякина
ВЗАИМОСВЯЗЬ ОТНОШЕНИЯ К СМЕРТИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ СО СТИЛЯМИ РОДИТЕЛЬСКОГО ВОСПИТАНИЯ 477

М. Р. Каримжонова
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В МАЛЫХ ГРУППАХ 483

Е. А. Кириллова
РОЛЬ ГРУППОВОЙ СПЛОЧЁННОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА СТУПЕНИ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ..... 488

А. А. Костарева
ТРАНСФОРМАЦИЯ КАРТИНЫ МИРА И АДАПТАЦИЯ КОМБАТАНТОВ В ПОСТБОЕВОЙ ПЕРИОД..... 493

К. Д. Кузовлев
ГИБРИДНЫЙ АНАЛИЗ АУДИОПОТОКОВ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ОТ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ К НЕЙРОСЕТЕВОЙ ОЦЕНКЕ РИСКА 502

Д. В. Лядова
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СРЕДНЕГО МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ..... 508

М. Р. Мамина
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАЩИТЫ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКА УИС: БАРЬЕРЫ И РЕСУРСЫ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ АГРЕССИВНОЙ СРЕДЫ..... 512

Е. И. Павлова
ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ И МОТИВОВ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ..... 519

А. Ю. Сидорова
РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ С РЕЧЕВЫМИ НАРУШЕНИЯМИ В АСПЕКТЕ ТЕАТРАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ 525

А. И. Халилова
ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ И УРОВНЯ ТРЕВОЖНОСТИ ЛИЧНОСТИ 530

С. В. Хотинский
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 536

А. В. Чижова
МЕСТО РЕФЛЕКСИВНОСТИ В СТРУКТУРЕ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ 541

Н. С. Шустов
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА АУТОАГРЕССИВНЫХ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ПАТТЕРНОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ: РЕСУРСНЫЙ ПОДХОД К ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ 545

Научное издание

ОБЩЕСТВО В ЭПОХУ ТРАНСФОРМАЦИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПОИСК РЕШЕНИЙ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Материалы Всероссийской с международным участием студенческой научно-практической конференции, посвященной 25-летию Прикамского социального института (Пермь, 23 апреля 2026 г.)

Редактор Е. И. Герман
Компьютерная верстка Л. Н. Голубцовой

Объем данных: 5,90 Мб
Подписано к использованию: 01.10.2026

Размещено в открытом доступе на сайте https://psi.perm.ru/
в разделе Наука и инновации//Наши публикации

АНО ВПО «Прикамский социальный институт».
614002, Пермь, ул. Чернышевского, 28. Тел. (342) 205-50-36

Лицензия 90Л01 № 0010062 от 22.10.2020 г. выдана Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки

Автономная некоммерческая организация высшего и профессионального образования

ПРИКАМСКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ ПОДГОТОВКИ (БАКАЛАВРИАТ):

- **Психология,**
- **Экономика,**
- **Менеджмент,**
- **Юриспруденция.**

ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ — **Очная, заочная, очно-заочная**

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ — Общеразвивающие программы для детей и взрослых.

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ
ПЕРЕПОДГОТОВКА КАДРОВ — По всем реализуемым образовательным программам. Подробнее на сайте института.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КЛИНИКА — Оказание бесплатной юридической помощи гражданам.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КЛИНИКА — Кризисный центр психологической помощи людям, попавшим в сложные жизненные ситуации.

e-mail: pkpsi@yandex.ru
сайт: www.psi.perm.ru

г. Пермь, ул. Чернышевского, 28
тел.: (342) 214 26 16

Автономная некоммерческая организация
профессионального образования

ПЕРМСКИЙ ГУМАНИТАРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ КОЛЛЕДЖ

Лицензия 59Л01 № 0004155 выдана 29.10.2018 г.
Министерством образования и науки Пермского края

Государственная аккредитация № 486 выдана 16.05.2019 г.
Министерством образования и науки Пермского края

Среднее профессиональное образование

Приём на базе 9 и 11 классов

Очная и заочная формы обучения

СПЕЦИАЛЬНОСТИ:

- **ЮРИСПРУДЕНЦИЯ**
- **ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**
- **ИНТЕГРАЦИЯ РЕШЕНИЙ С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**
- **РАЗРАБОТКА И УПРАВЛЕНИЕ ПРОГРАММНЫМ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ**
- **КОНГРЕССНО-ВЫСТАВОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**
- **ЭКОНОМИКА И БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ (по отраслям)**
- **ДИЗАЙН (по отраслям)**
- **РЕКЛАМА**

г. Пермь,
ул. Чернышевского, 28
сайт: www.pgtk-perm.ru

Приёмная комиссия
тел.: (342) 214 26 16
e-mail: pkpsi@yandex.ru

В настоящий сборник включены материалы Всероссийской с международным участием студенческой научно-практической конференции, которая состоялась в рамках реализации общевузовского научного направления «Национальная безопасность: стратегические приоритеты и система обеспечения», развивающего междисциплинарный, комплексный подход к исследованиям проблем социальной безопасности в условиях современного общественного развития.
Статьи студентов из образовательных организаций России и ближнего зарубежья, входящие в сборник, посвящены правовым, экономическим, социокультурным, психологическим аспектам безопасности личности, общества, государства.

16+